

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2017. 44(2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Соучредитель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.06.2017 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 49.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Герои Первой Мировой войны, в центре Император Николай II
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография периода Первой мировой войны

BYLYE GODY (FORETIME). 2017. 44(2)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – Sochi State University, Russian Federation
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava,
Nove Mesto, 831 04

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.06.2017
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 49.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
The heroes of the First World War, at the centre Emperor Nicholas II
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo of the period of the First World War

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning Korzinin A.L., Shtykov N.V.	330
Rivetednarrowly-Plate helmet from the Collection of the Central State Museum of Kazakhstan Bobrov L.A., Salnikov A.V.	342
Events of 1688–1689 in England: Revolution, Coup d'etat or Conquest? Sidorenko L.V.	358
The Aristocratic Societies in the Caucasus in the XVIII–XIX centuries and Serfdom (on the Materials of the Collection of Laws of the Georgian King Vakhtang VI) Adinyaev S.I., Mineeva E.K., Kurbanov R.A.	370
Artisans in the Social-Class Structure of the Cities of the North Caucasus Tuaeva B.V., Kanukova Z.V., Usova Y.V., Plieva Z.T.	378
The Right and the Theory of the Empire in the Thought of European Enlightenment of the Second Half of the XVIII century Demicheva T.M., Baryshnikov V.N., Borisenko V.N.	387
Russian Exports to the Great Britain in 1760–1825: Who Benefited More? Park Ji-bae	396
Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries Kuliev F.M.	409
Religious Culture in the Caucasus: Pagan Temples and Traditions Bulgarova B.A., Vazeroва A.G., Ochirov O.R.	420
The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.	428
The Features of Raiding Tactics of Circassians in the period of the Caucasian War (1801–1864) Diesperova N.A., Zulfugarzade T.E., Kucherkov I.A.	438
The Evolution of Social Organization in Abkhazia and Samurzakano in 1810–1870 Byshkov P.A., Novitskaya L.Y., Artemova S.F.	445
The Officials of the Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions as Researchers of the State-Church Relationships in Russia Teryukova E.A.	451
Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department) Yermenbayeva G.K., Balgabayeva G.Z., Isenov O.I., Nauryzbayeva E.K.	460
Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868) Galimov Y.A., Ksenzhiк G.N., Atygayev N.A., Tuleshova U.Z.	468
Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries Olga P. Tsys'	478

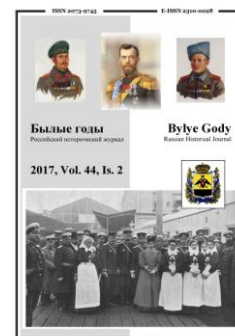
The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power) Rumyantsev P.P.	487
Major State Fairs in the Middle Volga in the Second Half of the XIX Century Korneeva J.V.	495
Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S.	505
Formation of the System of Public Administration of Youth Policy in the Sphere of University Education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries Merkulov P.A., Malik E.N., Filonov V.I.	513
On the Question of the Terms «Muhajirun» and «Muhajirism» Dudarev S.L.	525
Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XX th century): Realization of Social Expectations Kattsina T.A.	533
Governors and Cities of Siberia: to Assessment of a Conflictness of Interaction (1870–1917) Kamynin V.D., Khramtsov A.B.	542
The role of Muslims in Migration Processes in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.	551
Sports and Patriotic Education of Students of the Middle and Lower Schools of Siberia in the late XIX – early XX centuries Tolmacheva S.V., Ustinova O.V., Zubareva J.V.	560
The Migration of Germans to Kazakhstan in the end of XIX –beginning XX century Apendiyev T.A., Zhandybaeva S.S., Tulebaev T.A., Abykenova K.E.	568
The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk) Dvoretzkaya A.P., Gonina N.V., Gaydin S.T.	576
The Influence of Labor Market on the Formation of Socio-economic Structure of the Province of Tobolsk in the late XIX century Konev Y.M., Pilipenko L.M.	586
Civil and Legal Activities of the Lawyer A. Turlybayev in Siberia at the beginning of the 20 th century Baidaly R.Z., Kabuldinov Z.E., Aitmuhambetov A.A., Nauryzbaeva E.K.	597
The Financial Situation of Students at the Beginning of the Twentieth century: in Light of the Siberian Press Rodina V.N., Filippova I.A., Sulkarnaeva G.A.	608
The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems Lysenko Y.A.	616
Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917) Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G., Gergilev D.N., Malutina L.F.	625

Measures to Combat Hunger and Crop Failure of 1911–1912 in the Ufa Province Kantimirova R.I., Pavlova O.S., Yavnova I.I.	635
Votkinsk’s Shipbuilding During the First World War. Reconstruction and Analysis of the Structure of Military Orders Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S.	644
The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings Leontyeva E.Yu., Leontyev A.N., Bogdanova I.N.	653
The Role of Communities in Solving Social and Economic Problems of Students in Siberia (on Materials of the Tomsk Student Press of the early twentieth century) Cherepanova V.N., Putilina J.V., Pivovarova I.V.	663
Press as a Destabilizing Factor in Russian Society in Autumn of 1917 Korobkov Y.D., Buryak E.M., Koldomasov I.O.	672
The Social and Psychological Profile of the Russian Proletariat and Its Role in the Revolutionary Movement Mironov B.N.	680

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 44, Is. 2, pp. 330-341, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.2.330
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 94 (47)

The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning

Alexander L. Korzinin ^{a, *}, Nikolay V. Shtykov ^a

^a St. Petersburg state university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a research of the structure of the Boyarskaya duma and court ranks in Vasily III's reigning (1505–1533). Authors discuss with the opinions of A.A. Zimin, G. Alef, A.M. Kleimola, N.Sh. Kollmann about the appointments to the Duma and offer own reconstruction of nobleman carriers and the chronology of court appointments, based on more attentive reading of already known documents and on attraction of the new, earlier not being used records. It was restored not only members of the Boyarskaya duma and court administration, but also the stages of grants by the highest ranks in the context of domestic and foreign policy of the government of Vasily III.

The authors have specified the dates of ranks grants. It is restored the fullest staff of palace administration, according to the hierarchy order accepted at that time. For the first time the certificate on A.A. Kvashnin's dvorechestvo is revealed. The authentic and exact data of the highest appointments from the Sheremetevsky and the Belyaevsky lists of the end of the 17th century are challenged.

Keywords: Boyarskaya duma, Vasily III, political history, Court ranks, Sovereign court.

1. Введение

Боярская дума представляла собой верхушку Государева двора, высшего административного, военного и придворного объединения служилых людей «по отечеству», будучи высшим законосовещательным органом власти. Анализ персонального состава думных и дворцовых чинов, изменений в эволюции Боярской думы в период великого княжения Василия Ивановича (1505–1533 гг.), позволит лучше понять внутривластные перемены в Русском государстве первой трети XVI в. Предпринятое исследование даст возможность уточнить с учетом новых данных источников состав Боярской думы и дворцовых чинов, сравнить его с составом Думы и служащими дворцовой системы управления периода боярского правления 1533–1547 гг., начала царствования Ивана Грозного, для выявления закономерностей развития этого важнейшего политического института.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу исследования составили документы, отложившиеся в результате деятельности центральных государственных учреждений: разрядные книги различных редакций (Государевы разряды и Частная редакция), посольские книги по взаимоотношениям России с Литовским государством, Крымом, Ливонским Орденом, родословные книги Летописной и Румянцевской редакций, поручные записи по опальным вельможам. В официальных документах

* Corresponding author

E-mail addresses: a.korzinin@spbu.ru (A.L. Korzinin), n.shtykov@spbu.ru (N.V. Shtykov)

данные о думных и дворцовых назначениях носят более достоверный характер, чем указания в нарративных источниках, актовом материале, которые требуют максимально тщательной проверки. Для реализации цели работы использованы методы просопографии, исторической реконструкции событий и явлений, генеалогических разысканий, а также системный метод применительно к анализу Боярской думы как особого государственного органа власти.

3. Обсуждение

Высшие думные чины Государева двора, состав бояр и окольничих Василия III находились в центре изучения в дореволюционной историографии. Для их реконструкции привлекался в основном Шереметевский список думных чинов конца XVII в., содержащий в себе массу ошибок и неточностей (Древняя Российская вивлиофика, 1891: 1-131; Карамзин, 1821: Примечания. 4-5, 9; Сергеевич, 2007: 460-462; Лихачев, 2007: 128, 178). Наиболее достоверная реконструкция состава Боярской думы и дворцовых чинов 1505–1533 гг. с привлечением разнообразной тщательно отобранной документальной базы принадлежит перу советского историка А.А. Зимина (Зимин, 1958a: 48-53; Зимин, 1958b: 186-192). Однако некоторые наблюдения А.А. Зимина о думных назначениях в княжение Василия III подверглись критике и были конкретизированы в публикациях английского исследователя Г. Алефа (Alef, 1980: 77-109). А.М. Клеймола предложила собственную реконструкцию думных чинов, основанную преимущественно на работах А.А. Зимина и Г. Алефа (Kleimola, 1985: 232-257). Американская славистка Н.Ш. Коллманн в монографии о московской политической системе в 1345–1547 гг. изучила состав думных назначений в первой трети XVI в., дала характеристику наиболее влиятельным представителям аристократических родов (Kollmann, 1987: 200-241). Несмотря на выход в свет монографии А.А. Зимина, посвященной формированию боярской аристократии в конце XV–первой трети XVI в. (Зимин, 1988), ряд спорных сюжетов о думных и дворцовых назначениях в ней так и не был устранен. К настоящему моменту не утихают дискуссии о принадлежности к Боярской думе и дворцовым чинам некоторых представителей знати, не обоснованы этапы пожалований боярскими и окольничьими титулами, что побуждает вновь обратиться к данной теме.

4. Результаты

В реконструкции состава Боярской думы и дворцовых чинов 1505–1533 гг. бесспорны достижения А.А. Зимина, Г. Алефа, А.М. Клеймолы, Н.Ш. Коллманн, но среди историков нет единства мнений в вопросах думных и дворцовых назначений.

Исследователи сходятся во мнении, что боярами, доставшимися Василию III от отца, являлись князь Д.В. Щеня, Яков Захарыч, князь П.В. Нагой Оболенский и В.Д. Холмский (Зимин, 1988: 288). Первым из вельмож, получившим боярский титул в апреле 1506 г., стал Г.Ф. Давыдов, ранее носивший звание окольничего (Разрядная книга 1475-1598 гг., 1966: 16). Упоминание Давыдова боярином в январе–марте 1503 г. на переговорах с венгерским послом в Москве, вопреки мнению Г. Алефа, имело парадное значение и не отражало реальную картину (боярином Давыдов стал позже) (Сборник РИО, 1882: 350, 376; Alef, 1980: 101).

Родственник Давыдова И.А. Челяднин с ноября 1508 г. вплоть до пленения литовцами в битве под Оршей в сентябре 1514 г. носил титул конюшего боярина (Сборник РИО, 1882: 491; Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44, 46, 47, 51; ПСРЛ, 2001: 386; Масленникова, 1955: 190-193). А.А. Зимин считал, что Челяднин обладал званием конюшего, но не боярина. «Но в узком смысле слова боярином он не стал и в разрядах никогда им не называется», – подчеркивал Зимин (Зимин, 1988: 173). В действительности потомок Ратши совмещал в своих руках оба титула. В феврале 1514 г. в Государевых разрядах Челяднин был отмечен в чине боярина (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 53). Боярином он упомянут в посольской книге о взаимоотношениях России с Литвой под 1508 г. и в Софийской II летописи в 1511 г., в июне 1514 г. (Сборник РИО, 1882: 486; ПСРЛ, 2001: 394, 399, 402). Показательно, что возвышение И. А. Челяднина в ноябре 1508 г. по времени совпало с опалой князя В.Д. Холмского и его удалением из Боярской думы (Зимин, 1972: 92).

Князь Александр Владимирович Ростовский был пожалован боярством в сентябре 1509 г. (Масленникова, 1955: 191; Зимин, 1988: 80). Упоминание князя Ростовского боярином осенью 1505 г. в литовской посольской книге не означало реального получения им высшего думного звания, как считает Г. Алеф (Сборник РИО, 1882: 480; Alef, 1980: 101), поскольку в разрядах в октябре 1505 г., сентябре 1507 г. и сентябре 1508 г. Александр Владимирович боярином не указан (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 37, 38, 42).

Споры идут о времени пожалования боярством князя В.В. Немого Шуйского. А.А. Зимин относит его к июню 1512 г. (Русская историческая библиотека, 1894: 12; Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 49; Зимин, 1988: 70). Г. Алеф допускает, что Шуйский получил высшее звание уже весной 1509 г. (Alef, 1980: 101). Первое свидетельство о боярстве князя В. В. Шуйского встречается во время переговоров с большими литовскими послами весной 1509 г. (Сборник РИО, 1882: 488-489; Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг., 1997: 109). Но это известие, к сожалению, не поддается проверке с помощью других исторических источников. В кабальных книгах зафиксированы факты пребывания князем Шуйским на посту наместника в Новгороде в декабре 1510 г., марте 1511 г., апреле 1514 г. без звания боярина

(Архив СПб ИИРАН. Кол. 115. № 1092. Л. 6; РГАДА. Ф. 1144. Кн. 1. Л. 2 об.; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в., 1964: 445; Копанев, 1966: 158; Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1855: 31). Но особенностью этого вида документации было частое опущение думного титула у представителей местной администрации. Что касается данных посольских книг, то в них боярский титул нередко «сказывался» или приписывался именованному лицу только на время ведения переговоров и потому противоречивая информация дипломатической документации нуждается в перекрестной проверке другими источниками, синхронными или близкими по времени. Поэтому предположение Г. Алефа пока остаётся только гипотезой.

По мнению А.А. Зимина и Г. Алефа, князь И.В. Шуйский стал боярином в июле 1532 г., хотя первые сведения о думном чине князя Шуйского в разрядах встречаются в октябре 1531 г. (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 79; Зимин, 1958а: 52; Alef, 1980: 105). На самом деле, представитель Суздальских князей вошел в Боярскую думу уже в декабре 1528 г. К этому времени была приурочена поездка великого князя и его супруги княжны Елены Ивановны в Кирилло-Белозерский монастырь: «А бояре с ним были князь Дмитрий Федорович Бельской, да князь Иван Васильевич Шуйской, да князь Иван Васильевич Оболенской, а дворецкой Ондрей Олександрович Квашнин» (Архив СПб ИИРАН. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 853). Предположение о боярстве князя И.В. Шуйского в 1520 г., выдвинутое Г. Алефом со ссылкой на посольскую книгу с Литвой, спорно. В августе 1520 г. в листе, отправленном литовскими панами рады московскому государю, упоминался князь И.В. Шуйский, «боярин и воевода наместник Смоленский» (Сборник РИО, 1882: 574). Обозначение князя Шуйского боярином и воеводой с литовской стороны носило неофициальный характер и его не следует ставить в один ряд, как это делает Н.Ш. Коллманн, с обозначением некоторых лиц в официальных реляциях к великому князю с званием «боярин и наместник Смоленска», которое указывало на думный чин (Сборник РИО, 1882: 786, 801; Сборник РИО, 1887b: 1; Kollmann, 1987: 229, 232, 235). К тому князь И.В. Шуйский после 1520 г. в посольской книге больше не упоминался с боярским титулом (Сборник РИО, 1882: 664, 681).

А.А. Зимин в поздней монографии относил Ю.К. Сабурова к окольным, а в ранней публикации – к боярам (Зимин, 1958а: 49; Зимин, 1988: 193, 288). В официальном Государевом разряде Сабуров в сентябре 1509 г. указан среди бояр, но не окольных (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44) и, значит, имел высший титул. Известно, что в 1505 г. – феврале 1506 г. Ю.К. Сабуров был судьей высшей инстанции, ему была доложена правая грамота на земли в Костромском уезде. В акте он не обозначен с думным чином, поскольку в то время занимал еще боярскую должность и не попал в Боярскую думу (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в., 1964: 68–71).

Первое упоминание С.И. Воронцова боярином следует отнести к июню 1511 г., а не к 1505 г., как считает Г. Алеф (Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975: 87; Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 207, 268; Alef, 1980: 101). Невероятно, чтобы в Государевом разряде в июне 1505 г. имя боярина С.И. Воронцова оказалось внесено после князя И.И. Горбатого, не имевшего думного чина. В сентябре 1505 г., а также в 1506 г. Воронцов не был отмечен боярином (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 35–37).

Г. Алеф считает боярином князя Ф.В. Телепня Оболенского, ссылаясь на его участие в переговорах с литовскими послами в 1507 г. (Сборник РИО, 1882: 483; Alef, 1980: 101). Но в Разрядах в сентябре 1507 г., весной 1508 г. Телепень фигурирует без высшего титула и среди лиц, не имевших думных чинов (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 39). Из этого можно заключить, что князя Оболенского пожаловали боярством лишь на время переговоров (Зимин, 1988: 50).

Князь М.Д. Щенятев вошел в Думу в мае 1514 г. (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 53). А.А. Зимин считал, что князь Щенятев стал боярином в августе 1513 г., но в Государевом разряде он не указан боярином под этим годом, а в Частной редакции под 1513 г. на командных должностях в войске помимо князя Щенятева в боярах оказались ошибочно записаны лица, на самом деле не имевшие думного звания (князя М.Л. Глинский, А.И. Булгаков-Куракин), поэтому достоверным считаем факт пожалования боярством Щенятева весной 1514 г. (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 52–53; Разрядная книга 1475–1605 гг., 1977: 135).

Дискуссионным представляется отнесение А.А. Зиминим, а за ним Г. Алефом и А. Клеймолы к боярам В.А. Челяднина в 1513 г. (Зимин, 1958а: 50; Alef, 1980: 102; Kleimola, 1985: 255). Н.Ш. Коллманн возражает А.А. Зимину и не считает Василия Челяднина боярином по причине его молодости (Kollmann, 1987: 203). В издании древнейших разрядных книг П.Н. Милюкова, на которое Зимин ссылался для подкрепления своей точки зрения, в 1513 г. Челяднин указан дворецким, но не боярином (Милюков 1901: 52).

А.А. Зимин считал, что служилый князь Д.Ф. Бельский попал в Боярскую думу в декабре 1528 г., когда он среди бояр сопровождал Василия III в Кирилло-Белозерский монастырь (Архив СПб ИИРАН. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 853; Зимин, 1988: 126). На самом деле князь Бельский фигурирует боярином уже в поручной записи в феврале 1527 г., на что первым обратил внимание Г. Алеф (Русский дипломатический, 2004: 9; Alef, 1980: 104).

В ранней публикации А.А. Зимин считал боярином с 1533 г. князя М.Л. Глинского, но в конце жизни исследователь изменил свое мнение и уже не считал Глинского боярином (Зимин, 1958а: 52;

Зимин, 1988: 143). Первоначальное мнение Зимина не критично восприняли Г. Алеф и А. Клеймола, но не поддержала Н.Ш. Коллманн (Alef, 1980: 105; Kleimola, 1985: 254; Kollmann, 1987: 207). И правда, князь Михаил Глинский нигде в официальных делопроизводственных источниках не указан боярином и о нем великий князь так отозвался в речи боярам в ноябре 1533 г.: «Михайло Львович Глинский человек к нам приезжий, и вы бы того не молвили, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга» (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 14, 39, 40, 41, 49, 52, 53, 75; ПСРЛ, 1978: 21).

Наконец, еще одним боярином, выпавшим из реконструкции А. А. Зимина, имя которого было восстановлено Г. Алефом и Н.Ш. Коллманн, являлся князь Ю.Д. Пронский из рода рязанских князей. Он получил боярское звание к июлю 1529 г. (Сборник РИО, 1882: 786, 801, 813, 823; ПСРЛ, 2000: 77-78; Alef, 1980: 104).

Рассмотрим спорные сюжеты, касающиеся назначений в окольные чины. Из советников Ивана III в Думу его сына перешли окольные чины П.М. Плещеев, С.Б. Брюхо Морозов, Г.А. Мамон, И.В. Шадр Вельяминов, П.Ф. Давыдов, Г.Ф. Давыдов (Зимин, 1988: 288). В апреле 1508 г. С.Б. Брюхо Морозов фигурировал на докладе великому князю по делу о землях в Пошехонье после бояр князя В.Д. Холмского и Якова Захарьича (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в., 1964: 460). Исполнение функций судьи высшей инстанции Морозовым отнюдь не означало присвоение ему высшего титула.

Спорным представляется отнесение А.А. Зиминим к окольным чинам в 1510–1514 гг. И.Г. Большого Мамона. Его окольность данными источниками не подтверждается (Сборник РИО, 1887а: 489; ПСРЛ, 2001: 405-406; Зимин, 1988: 255, 289).

Князь П.В. Великий Шестунов, ранее до марта 1506 г. служивший дворецким, впервые был упомянут окольным чиним в сентябре 1509 г. (Смирнов, 1884: 10; Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44). В крымских посольских книгах в мае 1514 г. Шестунов оказался записан после бояр князя М.И. Булгакова и Г.Ф. Давыдова, но вопреки мнению Г. Алефа, боярином Шестунов не был (Сборник РИО, 1895: 96; Alef, 1980: 102).

Невозможно согласиться с С.Б. Веселовским, А.А. Зиминим, Г. Алефом в том, что И.К. Сабуров не только исполнял обязанности дворецкого в Новгороде, но и был пожалован в окольные чины (Веселовский, 1969: 191; Зимин, 1958а: 51; Alef, 1980: 106). Нередко лица, занимавшие посты новгородских дворецких, в документах записывались как «окольные чины и дворецкие» с целью усиления их служебного статуса на Северо-Западе (НИОР РГБ. Ф. 304.П. № 15. Л. 62; Русская историческая библиотека, 1894: 12-13).

Коснемся чинов дворцовой администрации. Как уже отмечалось выше, И.А. Челяднин с ноября 1508 г. до сентября 1514 г. одновременно являлся конюшим и боярином. После того как Челяднин попал в литовский плен в печально известной битве под Оршей в сентябре 1514 г. чин великокняжеского конюшего никто не замещал. В мае 1522 г. в свите государя в Коломне находился «у коня у великого князя Ивашка Кайсаров с товарищи». Служебно-местническое положение Кайсарова не было высоким и напоминало позицию великокняжеского стряпчего. Новгородским конюшим в мае 1514 г. был З.К. Беззубцев из рода Андрея Кобылы (Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 54, 69).

Состав дворецких 1505–1533 гг. в целом был восстановлен А.А. Зиминим, но несмотря на это нуждается в уточнении. Первые сведения о дворецких Василия III (если не считать дворецкого Ивана III князя П.В. Шестунова, перешедшего во двор его сына) относятся к В.А. Челяднину в феврале 1507 г. (Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975: 36, 119; Зимин, 1958b: 186) и А.М. Морозову, сыну дворецкого М.Я. Русалки Морозова. Имя Морозова фигурирует в апреле 1508 г. в составе докладного судебного списка, выданного 16 февраля 1509 г. архимандриту Печерского Вознесенского монастыря в Нижегородском уезде (Максин, Пудалов, 1998: 111-119; Чеченков, 2004: 118).

К августу 1510 г. относится первое сведение о получении М.Ю. Захарьиным титула тверского дворецкого (Кучкин, 1960: 222; Сборник РИО, 1882: 492). Это был особый знак доверия со стороны государя, который княжил в Твери еще при своем отце в конце XV–начале XVI в. В декабре 1519 г. Захарьин, возможно, находился на посту большого дворецкого (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг., 1998: 35; Зимин, 1988: 186). В ранней работе А.А. Зимин писал, что в феврале 1520 г. М.Ю. Захарьин стал окольным чиним, а в марте 1525 г. уже боярином, но потом исследователь изменил свою точку зрения и относил боярство Захарьина к 1528 г. (Зимин, 1958а: 51; Зимин, 1988: 187). В феврале 1520 г. М.Ю. Захарьин находился среди членов боярской комиссии, расследовавшей кражу ржи у корельского попа С. Павлова. Михаил Юрьевич был записан после бояр и окольных чиним, но перед печатником И.И. Третьяковым, и, вероятно, в тот момент являлся дворецким (Лихачев, 2007: 176-177). Среди бояр, бывших у великого князя Василия на суде в марте 1525 г., последним после князей Д.Ф. Бельского, В.В. Шуйского оказался зафиксирован М.Ю. Захарьин, который не был боярином, но только исполнял функции судьи высшей инстанции (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков, 1951: 22). М.Ю. Захарьин и И.Ю. Шигона Поджогин упоминались как «бояре» в 1523/1524 г. в следственном деле по доносу о намерении муромских детей боярских бежать в Литву (Зимин, 1960: 148, 150). В конце XV–первой половине XVI в. термин «бояре» имел различные значения и не всегда означал принадлежность к Боярской

думе. Боярами часто называли близких великому князю царедворцев, выполнявших ответственные задания, осуществлявших судебные функции, как это было в случае с дворецким М.Ю. Захарьиным и И.Ю. Шигоней Поджогиним в 1523/1524 г. Поджогин в сентябре 1517 г. в дипломатических документах отмечен как сын боярский, «которой у государя в думе живет» (*Сборник РИО, 1887а: 40*). Можно согласиться с А. А. Зиминим в том, что Шигону вряд ли следует считать первым носителем чина думных дворян. В то время он еще не был пожалован званием дворецкого (получил его в марте 1532 г.), но уже попал в число фаворитов государя (*Зимин, 1972: 409; Сборник РИО, 1882: 850*).

По мнению А.А. Зимина, И.А. Меньшой Овца Жулебин занимал пост новгородского дворецкого в 1512–1517 гг. Ученый опирался на Список новгородских дворецких, дьяков и воевод с 1515/1516 по 1703 гг., помещенный в одну из рукописей из собрания Троице-Сергиева монастыря (*НИОР РГБ. Ф. 304.П. № 15. Л. 62-67 об.*). В списке новгородских дворецких Жулебин зафиксирован как «окольничий и дворецкий» в 7024 и 7025 гг. (*НИОР РГБ. Ф. 304.П. № 15. Л. 62*). На наш взгляд, не стоит доверять информации документа, о источниках и происхождении которого мы не располагаем достоверными сведениями. Можно определенно говорить о пребывании И.А. Жулебина на должности дворецкого в Новгороде в июне 1512 г. (*Русская историческая библиотека, 1894: 12-13*).

В реконструкции А.А. Зимина И.К. Сабуров отмечен как новгородский дворецкий в 1517–1519 гг. В рукописном списке новгородских дворецких Сабуров обозначен «окольничим и дворецким» в 7026 и 7027 гг. (*НИОР РГБ. Ф. 304.П. № 15. Л. 62*). Точные данные о дворечестве Ивана Константиновича относятся к 1522–1525 гг. (*Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, 1843: 162; Русская историческая библиотека, 1894: 27, 43*).

В списке дворецких А.А. Зимина отсутствует А.А. Квашнин из рода Родиона Нестеровича. Квашнин указан дворецким в декабре 1528 г. в свите государя в Кирилло-Белозерском монастыре (*Архив СПб ИИРАН. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 853*). Запись о поездке Василия III в монастырь 17 декабря 1528 г. дошла до нас в составе Хронографа Григория Амартола, дополненного русскими известиями с 898 до 1488 г. и приписками за 1528–1532 гг. Рукопись, судя по почерку (полууставу с элементами скорописи) относится к концу XV в. Поздние приписки по времени очень близки к описываемым событиям первой трети XVI в. В кодексе прямо поверх записи о дворецком А.А. Квашнине была сделана другая плохо читаемая помета. Но, несмотря на позднюю редактуру, фамилию Квашнина легко можно разобрать. Квашнин записан автором основного текста, его имя неотделимо от других лиц из свиты государя. А.А. Квашнин в январе 1526 г. уже служил при великокняжеском дворе и находился среди приглашенных (стлал постель) на свадьбе великого князя и Елены Глинской в Москве. К сентябрю 1549 г. он стал окольничим (*Разрядная книга 1475–1605 гг., 1977: 194, 368, 369*). Дворецкий Квашнин породнился с ясельничим В. И. Беззубым Ларионовым и женился на его дочери Марии (*Веселовский, 1969, 272*).

К сомнительным дворецким Василия III следует отнести князя Ф.В. Большого Лопату Оболенского, М.В. Тучкова, А. Жедринского, князя С.Д. Серебряного (*Зимин, 1958b: 203; Зимин, 1988: 54; Лисейцев и др., 2015: 38-39, 101*). Сведения Беляевской росписи конца XVII в. о дворечестве князя Лопаты Оболенского и М.В. Тучкова не поддаются проверке. Алферий Жедринский в мае 1519 г. в грамоте был указан как «дворской Новагорода Нижнего» (*Федотов-Чеховский, 1960: 211*). Вопреки мнению А.А. Зимина, дворские не занимались управлением дворцового хозяйства и А. Жедринский никак не мог занимать должность нижегородского дворецкого (*Чеченков, 2004: 82-84, 106*).

Упомянутый в ноябре 1522 г. как «дворецкий Нижнего Новгорода» А.Н. Бутурлин официально не занимал этот пост, впрочем, как и князь Д.Ф. Палецкий в 1537 г. (*Сборник РИО, 1882: 643; Сборник РИО, 1887b: 109; Зимин, 1988: 43, 171*). Обозначение «дворецкий Нижнего Новгорода» в посольских книгах не шло дальше парадного титула. Определенные сведения о дворцовом подчинении Нижнего Новгорода и соответствующей должности нижегородского дворецкого сохранились не ранее 1540-х–начала 1550-х гг. (*Чеченков, 2004: 119*).

У А.А. Зимина князь С.Д. Серебряный отмечен дворецким в ноябре 1523 г. и в июле 1528 г. (*Зимин, 1988: 54*). Это явная ошибка, так как князь Серебряный в 1528 г. имел чин боярина, но не дворецкого (*Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975: 50, 222, 306*).

А.Г. Заболоцкий в мае 1512 г. был отправлен «во дворецких» к князю А.И. Старицкому. А.А. Зимин писал, что он был не великокняжеским, а дворецким старицкого князя, с чем следует согласиться (*Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 46; Зимин, 1988: 228, 247*).

Должность казначея занимали выходцы из Крыма. В 1505–1509 гг. казначеем был Д.В. Овца Ховрин (ранее в той же должности он служил Ивану III) (*Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44*). Затем казначеями стали Ю.Д. Малый Траханиот (в сентябре 1509 г., вскоре сменивший Ховрина) и П.И. Головин (в декабре 1512 г., Головин приходился племянником Д.В. Ховрину) (*Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44; ПСРЛ, 2004: 227; Дунаев, 1916: 34*). Печатниками (хранителями великокняжеской печати и помощниками казначеев) являлись Ю.Д. Малый Траханиот (с 1504 г. до сентября 1509 г.) (*Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950: 363; Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 16, 44*), М.И. Ангелов (с сентября 1509 г.) и И.И. Третьяков (с февраля 1520 г.) (*Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44; Сборник РИО, 1882: 489; Лихачев, 2007: 176; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950: 415*).

Впервые в княжение Василия Ивановича до нас дошли сведения об оружничих, заведующих великокняжеским арсеналом. Первым оружничим в сентябре 1509 г. был назначен А.М. Салтыков из рода Морозовых которого сменил Н.И. Карпов (в июне 1513 г.) ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44, 48, 51](#); [ПСРЛ, 2001: 406](#); [Сборник РИО, 1882: 718](#)). Первые сведения о постельничих относятся к сентябрю 1509 г., когда в этом чине фигурировали А. Картмазов и И.Д. Бобров. В мае 1522 г. постельничим стал К.А. Бурунов ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44, 69](#); [Редкие источники по истории России, 1977: 70](#)). Два других постельничих Я. И. Мансуров и Ф.М. Кучецкий (с декабря 1512 г.) впоследствии «доросли» до стряпчих ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44, 69](#)). Сокольничим до 1510 г. оставался сокольничий Ивана III М.С. Кляпик Еропкин ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44](#); [Сборник РИО, 1882: 491](#)). В ясельничих ходили И.И. Суков и Ф.С. Хлопов (с сентября 1509 г.), В.И. Беззубый Ларионов (с сентября 1525 г.). Чины ловчих достались М.И. Нагому и Д.Г. Проестеву (с сентября 1509 г.), М.В. Дятлову (с декабря 1512 г.) ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 44, 49, 68](#); [Дьяконов, 1897: 4](#)). Впоследствии ловчими стали сын М.И. Нагого Ф.М. Нагой (в октябре 1533 г.) и брат М.В. Дятлова Б.В. Дятлов (в октябре 1533 г.) ([ПСРЛ, 2000: 410](#)).

Относительно остальных не дворцовых чинов двора известно следующее. При Василии III на страницах документов появились барашки (или шатерничие). Сведения о них относятся к декабрю 1512 г., ко времени первого похода на Смоленск. Чин барашей был присвоен Александру и Борису Хомяковым. Еще одним шатерничим (по другим данным, постельничим) в конце жизни Василия Ивановича в декабре 1533 г. был Р.И. Семенов ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 49](#); [ПСРЛ, 2000: 419](#); [ПСРЛ, 2004, 231](#)).

От первой трети XVI в. до нас дошла информация о рындах (рындам в середине XVI в. стал соответствовать чин стольников). В мае 1522 г. «по вестям» о готовящемся новом нападении крымского хана Мухаммед-Гирея на Русь в Коломну на р. Оку с войском выступил государь, которого сопровождала внушительная свита из бояр, окольничих, воевод, рынд, поддатней, ясельничих, постельничих и пр. ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 68-69](#); [Зимин, 1972: 249](#)). В рындах можно обнаружить детей и родственников видных бояр и окольничих: князя Ю.М. Булгакова (сына боярина князя М.И. Булгакова), И.Ю. и М.А. Сабуровых (старшего сына боярина Ю.К. Сабурова и среднего сына окольничего А.В. Сабурова), В.И. Хабарова (сына окольничего И.В. Хабара), Ф.С. Воронцова (родного брата боярина М.С. Воронцова), а также князя И.Ф. Татя Хрипунова ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 68](#)).

В первой трети XVI в. формируется новый чин стряпчих (от слова «стряпать» – выполнять всякого рода поручения, оказывать помощь в делах). Служебно-генеалогический ранг стряпчих постепенно рос. Если в июне 1513 г., мае 1522 г. должности стряпчих занимали малоизвестные Ю.И. и В.И. Щетинины (стряпчие у доспеха), В.И. Беззубый Ларионов (стряпчий у коней) ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 51, 68](#)), то в конце правления Василия Ивановича в декабре 1533 г. среди стряпчих находились Я.И. Мансуров, Ф.М. Кучецкий (ранее оба ведали великокняжеской постелью) и, наконец, близкие государю И.И. Челяднин и шурина князь Ю.В. Глинский ([ПСРЛ, 2004: 226, 229, 230](#)). Возможно, чин стряпчего имел Ф.В. Меньшой Кокошкин, о котором в Летописной редакции родословных книг конца 1530–1540-х гг. есть информация: «У великого князя у Василия с ключом и с платьем стряпал» ([Редкие источники по истории России, 1977: 71](#)). В январе 1526 г. на свадьбе великого князя и Елены Глинской Кокошкин находился «у воды» ([Разрядная книга 1475–1605 гг., 1977: 194](#)).

Сведения о поддатнях (предтечах чина жильцов) относятся к маю 1522 г. ([Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966: 68](#)). Среди поддатней находим малоизвестных и неродовитых лиц: М.Б. Гнездовского, П.С. и В.С. Ступишиных, В.И. Сергеева, Д.Ю. Шепякова, В.И. Зачесломского.

Сохранившиеся сведения о кравчих (крайчих) наименее достоверны. Стряпчие зафиксированы только поздними источниками конца XVII в. – Беляевской росписью ([Зимин, 1958b: 203](#)) и Шереметевским списком думных чинов, и поэтому нуждаются в проверке. В Шереметевском списке кравчими обозначены И.Ю. Сабуров (в 1513/1514 г.–1523/1524 г.), князя Ю.М. Булгаков (в 1524/1525 г.–1529/1530 г.) и И.И. Кубенский (в 1524/1525 г.–1529/1530 г.) ([Древняя Российская вивлиофика, 1891: 17, 22, 24, 25](#)). Из всех стряпчих есть косвенное упоминание об исполнении обязанностей кравчего лишь князем Кубенским в 1535 г. ([Зимин, 1958b: 189](#)). И.Ю. Сабуров и князь Ю.М. Булгаков упоминались среди рынд в мае 1522 г., Булгаков в декабре 1528 г. ездил в Кирилло-Белозерский монастырь с государем «в окольничих» ([Архив СПб ИИРАН. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 853](#)). Трудно говорить определенно о чине кравчего и о его носителях в княжение Василия Ивановича.

Реконструкция состава Боярской думы и дворцовых чинов в 1505–1533 гг.¹

Бояре

князь Д.В. Щеня (1475–1515 гг.), Яков Захарыч (1479–1511 гг.), князь П.В. Нагой Оболенский (1498–сентябрь 1509 гг.), князь В.Д. Холмский (1504–ноябрь 1508 гг.), Г.Ф. Давыдов (апрель 1506 г.–1521 гг.), И.А. Челяднин (ноябрь 1508 г.–сентябрь 1514 г. боярин и конюший), князь А.В. Ростовский

¹В скобках после каждой фамилии указано время пожалования чина и оставления должности.

(сентябрь 1509 г.–1521 гг.), князь М.И. Булгаков (сентябрь 1509 г.–сентябрь 1514 г.), Ю.К. Сабуров (сентябрь 1509 г.), С.И. Воронцов (июнь 1511 г.–1521 г.), князь В.В. Шуйский (июнь 1512 г.–октябрь 1538 г.), князь И.М. Репня Оболенский (ноябрь 1512 г.–1513 г.), князь Б.И. Горбатый (май 1513 г.–1537 г.), князь М.Д. Щенятев (май 1514 г.–август 1531 г.), князь Д.В. Ростовский (март–июнь 1517 г.), князь И.В. Немой Телепнев-Оболенский (январь 1526 г.–февраль 1530 г.), князь С.Д. Щепин Серебряный (январь 1526 г.–1535 г.), князь Д.Ф. Бельский (февраль 1527 г.–январь 1551 г.), П.Я. Захарьин (февраль 1527 г.–июнь 1533 г.), И.Г. Поплевин Морозов (август 1527 г.–сентябрь 1554 г.), князь И.И. Щетина Оболенский (сентябрь 1527 г.–1532 г.), М.Ю. Захарьин (июнь 1528 г.–1539 г.), И.В. Хабар (июль 1528 г.–январь 1533 г.), князь И.В. Шуйский (декабрь 1528 г.–май 1542 г.), князь М.В. Горбатый (март 1529 г.–март 1535 г.), князь Ю.Д. Пронский (июль 1529 г.–декабрь 1533 г.), М.С. Воронцов (июль 1531 г.–апрель 1536 г.), А.В. Сабуров (октябрь 1531 г.), В.Г. Морозов (октябрь 1531 г.–1544 г.), М.В. Тучков (январь 1533 г.–1550 г.), князь А.А. Хохолков-Ростовский (декабрь 1533 г.–1536 г.).

Окольничие

П.М. Плещеев (1487–1517 гг.), С.Б. Брюхо Морозов (1498–1508 гг.), Г.А. Мамон (1498–сентябрь 1509 гг.), И.В. Шадра Вельяминов (1498–сентябрь 1509 г.), П.Ф. Давыдов (1501–сентябрь 1509 гг.), Г.Ф. Давыдов (1498–апрель 1506 гг.), К.Г. Заболоцкий (декабрь 1506 г.–1512 г.), И. Г. Поплевин Морозов (сентябрь 1507 г.–август 1528 г.), князь В.И. Ноздроватый (сентябрь 1509 г.), князь В.В. Ромодановский (сентябрь 1509 г.), И.В. Хабар (сентябрь 1509 г.–июль 1528 г.), И.А. Большой Жулебин (сентябрь 1509 г.–1520 г.), А.В. Сабуров (сентябрь 1509 г.–октябрь 1531 г.), князь П.В. Великий Шестунов (сентябрь 1509 г.–1516 г.), М.К. Беззубцев (сентябрь 1509 г.), М.В. Тучков (декабрь 1511 г.–октябрь 1533 г.), П.Я. Захарьин (май 1512 г.–февраль 1527 г.), князь К.Ф. Ушатый (май 1512 г.–1517 г.), В.Я. Захарьин (лето 1516 г.–1526 г.),

В.Г. Морозов (ноябрь 1522 г. – октябрь 1531 г.), И.В. Ляцков (декабрь 1526 г.– август 1534 г.), Я.Г. Морозов (август 1529 г.–июль 1534 г.), князь И.Ф. Палецкий (март 1532 г.–1533 г.).

Конюшие

И.А. Челяднин (ноябрь 1508 г.–сентябрь 1514 г.), З.К. Беззубцев (май 1514 г. новгородский конюший).

Дворецкие

князь П.В. Великий Шестунов (1489/1490 г.–март 1506 г.), В.А. Челяднин (февраль 1507 г.–декабрь 1515 г.), М.Ю. Захарьин (август 1510 г.–июнь 1528 г. тверской дворецкий; декабрь 1519 г, возможно, дворецкий Большого дворца), И.А. Меньшой Овца Жулебин (июнь 1512 г. новгородский дворецкий), И.К. Сабуров (1522–1525 гг. новгородский дворецкий), князь И.И. Кубенский (февраль 1524 г.–лето 1541 г.), князь И.Ф. Палецкий (март 1525 г. рязанский дворецкий), И.С. Морозов (декабрь 1526 г. новгородский дворецкий), А. А. Квашнин (декабрь 1528 г.), И.Ю. Шигона Поджогин (март 1532 г.–март 1539 г. тверской дворецкий; октябрь 1533 г. тверской и волоцкий дворецкий).

Казначей

Д.В. Овца Ховрин (1491–сентябрь 1509 гг.), Ю.Д. Малый Траханиот (сентябрь 1509 г.–май 1522 г.), П.И. Головин (декабрь 1512 г.–октябрь 1533 г.).

Печатники

Ю.Д. Малый Траханиот (1504–сентябрь 1509 гг.), М.И. Ангелов (сентябрь 1509 г.), И.И. Третьяков (февраль 1520 г.–июль 1538 г.).

Оружничие

А.М. Салтыков (сентябрь 1509 г.–декабрь 1512 г.), Н.И. Карпов (июнь 1513 г.–октябрь 1526 г.).

Постельничие

А. Картмазов (сентябрь 1509 г.), И.Д. Бобров (сентябрь 1509 г.), Я.И. Мансуров (декабрь 1512 г.), Ф.М. Кучецкий (декабрь 1512 г., май 1522 г.), К.А. Бурунов (май 1522 г.).

Сокольничие

М. С. Кляпик Еропкин (1503–1510 гг.).

Ясельничие

И.И. Суков (сентябрь 1509 г., сентябрь 1525 г.), Ф.С. Хлопов (сентябрь 1509 г., май 1522 г.), В.И. Беззубый Ларионов (сентябрь 1525 г.).

Ловчие

М.И. Нагой (сентябрь 1509 г.–декабрь 1512 г.), Д.Г. Проестев (сентябрь 1509 г.), М. В. Дятлов (декабрь 1512 г.), Б.В. Дятлов (октябрь 1533 г.), Ф.М. Нагой (октябрь 1533 г.).

Бараша (шатерничие)

Александр и Борис Хомяковы (декабрь 1512 г.), Р.И. Семенов (декабрь 1533 г.).

Рынды

князь Ю.М. Булгаков, И.Ю. и М.А. Сабуровы, Ф.С. Воронцов, князь И.Ф. Тать Хрипунов, В.И. Хабаров (май 1522 г.).

Стряпчие

Ф.В. Меньшой Кокошкин (стряпчий «с ключом и с платьем»), Ю.И. и В.И. Щетинины, стряпчие у доспеха (июнь 1513 г., май 1522 г.), В.И. Беззубый Ларионов, стряпчий у коней (май 1522 г.),

Я.И. Мансуров (декабрь 1533 г.), Ф.М. Кучецкий (декабрь 1533 г.), И.И. Челяднин (декабрь 1533 г.), князь Ю. В. Глинский (декабрь 1533 г.).

Поддатни

М.Б. Гнездовский, П.С. и В.С. Ступишины, В.И. Сергеев, Д.Ю. Шеляков, В.И. Зачесломский (май 1522 г.).

5. Заключение

Если пожалования думными чинами рассматривать во взаимосвязи с происходившими в стране социально-политическими изменениями, в контексте внутренней политики Василия III, то можно обнаружить любопытные закономерности, ранее не отмеченные в историографии. Наиболее ранние назначения в бояре пришлось на 1506–1508 гг. В апреле 1506 г. высшим чином был пожалован окольный Г.Ф. Давыдов, который в рекордно короткие сроки (всего за 8 лет!) поднялся из окольных в бояре. Средний срок пребывания в чине окольного в княжение Василия III составлял 20 лет. Следовательно, Г.Ф. Давыдов, по-видимому, вызвал к себе особое расположение государя. Несомненным фаворитом великого князя с ноября 1508 г. стал родственник Давыдова И.А. Челяднин (тоже из рода Ратши), получивший титул конюшего боярина (первого боярина в Думе) и носивший его вплоть до сентября 1514 г. Другим фаворитом Василия III оказался В.А. Челяднин, большой дворецкий в феврале 1507 г.– декабре 1515 г. С августа–сентября 1510 г. началось возвышение М. Ю. Захарьина (из рода Андрея Кобылы), а с сентября 1517 г. – И.Ю. Шигоны Поджогина (потомок Редечи).

В первые годы княжения Василия Ивановича звания окольных получили К.Г. Заболоцкий (в декабре 1506 г.) и И.Г. Поплевин Морозов (в сентябре 1507 г.). Первый приходился родным братом окольного Ивана III П.Г. Лобана Заболоцкого, а второй старшим сыном боярина Г.В. Поплевы Морозова. Пожалования окольными чинами этих лиц, вероятно, были связаны с заслугами их родичей.

Первый крупный этап раздачи думных чинов падает на сентябрь 1509 г., время подготовки и проведения важной военной акции, нацеленной на присоединение Пскова к Москве. Чинами бояр было пожаловано трое человек, окольными титулами семь лиц. Многие из новых думцев Василия III (князя П.В. Шестунов и А.В. Ростовский, И.А. Челяднин, И.В. Хабар, И.А. Жулебин и др.) приняли непосредственное участие в походе на Псков в январе 1510 г. и в ответственных переговорах с поверженными псковичами.

Второй период пожалований был связан с борьбой за Смоленск и охватывал 1511–1514 гг. В преддверии первого Смоленского похода, состоявшегося в ноябре 1512 г., думными титулами было наделено трое бояр и трое окольных.

После 1514 г. заметен значительный разрыв в думских назначениях вплоть до 1526 г., свадьбы Василия III и княгини Е.В. Глинской (состоялась 21 января 1526 г.). Из бояр в Думу был включен лишь князь Д.В. Ростовский (в 1517 г.), из окольных – В.Я. Захарьин (в 1516 г.) и В.Г. Морозов (в 1522 г.). В условиях династического кризиса (отсутствия наследника престола) государь воздерживался от новых пожалований в Боярскую думу, быть может, опасаясь выступления бояр на стороне своих конкурентов – братьев Юрия и Андрея. Осенью 1523 г. во время обсуждения Василием III с Боярской думой вопроса о разводе с бездетной Соломонией Сабуровой число советников великого князя не превышало трех бояр и семерых окольных. Можно допустить, что Дума, состав которой долго не обновлялся, оказалась полностью лояльной к государю и поддержала его намерение развестись с супругой (ПСРЛ, 2003: 103).

На радость по случаю свадьбы с Еленой Глинской, в связи с ожиданием рождения наследника в 1526–1527 гг. в бояре было назначено сразу шесть лиц, в окольные – лишь И.В. Ляцков, поскольку число окольных и без того было значительным. После 1526 г. новые назначения в окольные стали редкостью, но зато наблюдалась стабильность в боярских пожалованиях (в 1528 г. назначено трое бояр, в 1529 г. – двое, в 1531 г. – трое, в 1533 г. – двое бояр).

Как уже отмечали А.А. Зимин, Г. Алеф и А. Клеймола, в отличие от Ивана III его сын Василий III вынужден был значительно увеличить в Думе и отчасти в дворцовом аппарате количество мест для княжеской знати, активно служившей московским государям со второй половины XV в. Примерно с 1509 г. Дума становится всё более аристократичной. Представители старомосковской знати были вынуждены долгое время находиться в окольных прежде чем в зрелом возрасте их допускали к желанным боярским титулам. Правительство поддерживало определенный баланс при назначениях в высший совет при монархе. Выходцы из нетитулованных родов Сабуровых, Воронцовых, Морозовых, Кобылиных должны были уравнивать титулованную аристократию в лице князей Оболенских, Суздальских, Ростовских и Гедиминовичей. Но этот принцип не всегда соблюдался. Превосходство титулованной знати над старомосковскими боярскими родами проявилось в составе Боярской думы в последний год жизни государя. В декабре 1533 г. в Совет входили бояре князя В.В. и И.В. Шуйские, М.В. и Б.И. Горбатые, Д.Ф. Бельский, А.А. Ростовский, Ю.Д. Пронский, и старомосковская знать бояре В.Г. и И.Г. Морозовы, М.В. Тучков, М.Ю. Захарьин, М.С. Воронцов, окольные Я.Г. Морозов и И.В. Ляцкий.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-06-00134а «Правящая элита Русского государства последней четверти XV–первой половины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование».

Литература

- Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975** – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в., 1964** – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. / Сост. И.А. Голубцов. Т. 3. М., 1964.
- Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг., 1998** – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков, 1951** – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подг. к печати Л.В. Черепнин, А.А. Зимин. Ч. 1. М., 1951.
- Alef, 1980** – *Alef G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Moscow in the late fifteenth and early sixteenth centuries* // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Bd. 27. Berlin, 1980. pp. 77-109.
- Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1855** – Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. Первая половина. М., 1855.
- Архив СПб ИИРАН** – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук.
- Веселовский, 1969** – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг., 1997** – Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. // *Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.* Т. II. М.; Варшава, 1997.
- Древняя Российская вивлиофика, 1891** – *Древняя Российская вивлиофика*. Ч. 20. М., 1891.
- Дунаев, 1916** – *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950** – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Дьяконов, 1892** – *Дьяконов А.М.* Акты, относящиеся до истории тяглова населения. Вып. 2. Юрьев, 1897.
- Кучкин, 1960** – *Кучкин В.А.* Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. // *Исторический архив*. 1960. № 1. С. 220-224.
- Зимин, 1960** – *Зимин А.А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // *Исторический архив*. 1960. № 3. С. 143-150.
- Зимин, 1972** – *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- Зимин, 1958a** – *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // *Археографический ежегодник за 1957. М., 1958*. С. 41-81.
- Зимин, 1958b** – *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // *Исторические записки*. Т. 63. М., 1958b. С. 180-205.
- Зимин, 1988** – *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Карамзин, 1821** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821.
- Копанев, 1966** – *Копанев А.И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. // *Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги библиотеки Академии наук СССР*. Л., 1966. С. 143-186.
- Kleimola, 1985** – *Kleimola A.M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // *Essays in honor of A. A. Zimin*. Ohio, 1985.
- Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, 1843** – *Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского (с 1573 по 1580 год)*. М., 1843.
- Kollmann, 1987** – *Kollmann N.S.* Kinship and Politics in medieval Russia: The Making of Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford, 1987.
- Лисейцев и др., 2015** – *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI – XVII вв. Словарь-справочник. М., 2015.
- Лихачев, 2007** – *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. М.; СПб., 2007.
- Максин, Пудалов, 1998** – *Максин В.А., Пудалов Б.М.* Докладной судный список 1509 года // *Русский дипломатрий*. Вып. 4. М., 1998. С. 111-119.
- Масленникова, 1955** – *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

- [Милюков, 1901](#) – *Милюков П.Н.* Древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
- [НИОР РГБ](#) – Научно-исследовательский архив рукописей Российской государственной библиотеки.
- [ПСРЛ, 2003](#) – Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М., 2003.
- [ПСРЛ, 2001](#) – Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001.
- [ПСРЛ, 2000](#) – Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
- [ПСРЛ, 1978](#) – Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978.
- [ПСРЛ, 2004](#) – Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004.
- [Послания Иосифа Волоцкого, 1959](#) – Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
- [Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966](#) – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- [Разрядная книга 1475–1605 гг., 1977](#) – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1-2. М., 1977.
- [РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов.
- [Редкие источники по истории России, 1977](#) – Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977.
- [Русская историческая библиотека, 1894](#) – Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894.
- [Русский дипломатарий, 2004](#) – Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
- [Сборник РИО, 1882](#) – Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
- [Сборник РИО, 1887a](#) – Сборник Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887a.
- [Сборник РИО, 1887b](#) – Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887b.
- [Сборник РИО, 1895](#) – Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.
- [Сергеевич, 2007](#) – Сергеевич В.И. Древности Русского права. 4-е изд. Т. 1. Кн. 2. М., 2007.
- [Смирнов, 1854](#) – *Смирнов С.К.* Покровский Хотьков Девичий монастырь. М., 1854.
- [Федотов-Чеховский, 1860](#) – Федотов-Чеховский А.А. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. Киев, 1860.
- [Чеченков, 2004](#) – *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XIV–третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

References

- [Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 gg., 1975](#) – Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 gg. [Acts of the Russian state of 1505-1526] / Sost. S.B. Veselovskij. M., 1975. [in Russian]
- [Akty social'no-ehkonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV–nachala XVI v., 1964](#) – Akty social'no-ehkonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV–nachala XVI v. [Acts of social and economic history of Northeast Russia of the end of the XIV beginning of the 16th century] / Sost. I.A. Golubcov. T. 3. M., 1964. [in Russian]
- [Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya 1506–1608 gg., 1998](#) – Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya 1506–1608 gg. [the Suzdal Spaso-Evfimyev's Acts of the monastery of 1506-1608] / Sost. S.N. Kisterev, L.A. Timoshina. M., 1998. [in Russian]
- [Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozyajstva XIV–XVI vekov, 1951](#) – Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozyajstva XIV–XVI vekov [Acts of feudal land tenure and economy of the 14-16th centuries] / Podg. k pechati L.V. Cherepnin, A.A. Zimin. Ch. 1. M., 1951. [in Russian]
- [Alef, 1980](#) – *Alef G.* (1980). Aristocratic Politics and Royal Policy in Moscow in the late fifteenth and early sixteenth centuries // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 27. Berlin. [in English]
- [Arhiv istoriko-yuridicheskikh svedenij, odnosyashchihsya do Rossii, 1855](#) – Arhiv istoriko-yuridicheskikh svedenij, odnosyashchihsya do Rossii. [Archive of the historical and legal data relating to Russia]. Kn. 2. Pervaya polovina. M., 1855. [in Russian]
- [Arhiv SPb IIRAN](#) – Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj Akademii nauk. [Archive of the St. Petersburg institute of history of the Russian Academy of Sciences]. [in Russian]
- [Veselovskij, 1969](#) – *Veselovskij S.B.* (1969). Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemleladel'cev. [Researches about the history of land owners]. Moskva. [in Russian]
- [Vypiska iz posol'skih knig o snosheniyah Rossijskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim za 1487–1572 gg., 1997](#) – Vypiska iz posol'skih knig o snosheniyah Rossijskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim za 1487–1572 gg. [Extract from ambassadorial books about the intercourses of the Russian state with Polish-Lithuanian for 1487-1572] // Pamyatniki istorii Vostochnoj Evropy. Istochniki XV–XVII vv. T. II. M.; Varshava, 1997. [in Russian]
- [Drevnyaya Rossijskaya vivliofika, 1891](#) – Drevnyaya Rossijskaya vivliofika. [Ancient Russian vivliofika]. Ch. 20. M., 1891. pp. 1-131. [in Russian]
- [Dunaev, 1916](#) – *Dunaev B.I.* (1916). Prepodobnyj Maksim Grek i grecheskaya ideya na Rusi v XVI veke. [The Reverend Maxim the Greek and the Greek idea in Russia in the 16th century]. Moskva. [in Russian]
- [Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv., 1950](#) – Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual testaments of grand and udelnye dukes of the 14-16th centuries]. M.; L., 1950. [in Russian]

- D'yakonov, 1892** – *D'yakonov A.M.* (1897). Akty, otnosyashchiesya do istorii tyaglova naseleniya. [The Acts relating to history of a taxable population]. Vyp. 2. Yur'ev. [in Russian]
- Kuchkin, 1960** – *Kuchkin V.A.* (1960). Zhalovannaya gramota Tverskomu Afanas'evskomu monastyryu 1555 g. [Appointed diploma to the Tver Afanasyevsky monastery of 1555] // Istoricheskij arhiv. № 1. pp. 220–224. [in Russian]
- Zimin, 1960** – *Zimin A.A.* (1960). Iz istorii central'nogo i mestnogo upravleniya v pervoj polovine XVI v. [From history of the central and local management in the first half of the 16th century] // Istoricheskij arhiv. № 3. pp. 143–150. [in Russian]
- Zimin, 1972** – *Zimin A.A.* (1972). Rossiya na poroge Novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoj treti XVI v.). [Russia on a threshold of Modern times (Sketches of political history of Russia of the first third of the 16th century)]. Moskva. [in Russian]
- Zimin, 1958a** – *Zimin A.A.* (1958). Sostav Boyarskoj dumy v XV–XVI vv. [The structure of Boyarskaya дума in the 15–16th centuries] // Arheograficheskij ezhegodnik za 1957. M., 1958a. pp. 41–81. [in Russian]
- Zimin, 1958b** – *Zimin A.A.* (1958). O sostave dvorcovyh uchrezhdenij Russkogo gosudarstva konca XV–XVI v. [About structure of Court institutions of the Russian state of the end of the 15th and 16th century] // Istoricheskie zapiski. T. 63. M., 1958b. pp. 180–205. [in Russian]
- Zimin, 1988** – *Zimin A.A.* (1988). Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVI v. [Formation of the aristocracy in Russia in the second half of XV – the first third of the 16th century]. Moskva. [in Russian]
- Karamzin, 1821** – *Karamzin N.M.* (1821). Istoriya gosudarstva Rossijskogo. [The history of the Russian state]. T. 9. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Kopanev, 1966** – *Kopanev A.I.* (1966). Materialy po istorii krest'yanstva konca XVI i pervoj poloviny XVII v. [Materials on stories of the peasantry of the end of the XVI and first half of the 17th century] // Materialy i soobshcheniya po fondam otдела rukopisnoj i redkoj knigi biblioteki Akademii nauk SSSR. L., 1966. pp. 143–186. [in Russian]
- Kleimola, 1985** – *Kleimola A.M.* (1985). Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in honor of A. A. Zimin. Ohio. [in English]
- Kniga Posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, 1843** – Kniga Posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo (s 1573 po 1580 god). [Ambassadorial Metrics of Grand Duchy of Lithuania (from 1573 to 1580)]. M., 1843. [in Russian]
- Kollmann, 1987** – *Kollmann N.S.* (1987). Kinship and Politics in medieval Russia: The Making of Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford. [in English]
- Lisejcev i dr., 2015** – *Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M.* (2015). Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI – XVII vv. Slovar'-spravochnik. [Orders of the Moscow state of the XVI-XVII centuries. Dictionary reference]. Moskva. [in Russian]
- Lihachev, 2007** – *Lihachev N.P.* (2007). Razryadnye d'yaki XVI veka. [The razryadnye clerks of the 16th century]. Moskva, 2007. [in Russian]
- Maksin, Pudalov, 1998** – *Maksin V.A., Pudalov B.M.* (1998). Dokladnoj sudnyj spisok 1509 goda [Report judgment list of 1509] // Russkij diplomatarij. Vyp. 4. Moskva. pp. 111–119. [in Russian]
- Maslennikova, 1955** – *Maslennikova N.N.* (1955). Prisoedinenie Pskova k Russkomu centralizovannomu gosudarstvu. [Association of Pskov to the Russian centralized state]. Leningrad. [in Russian]
- Milyukov, 1901** – *Milyukov P.N.* (1901). Drevnejshaya Razryadnaya kniga oficial'noj redakcii (po 1565 g.). [The most ancient Razryadnaya kniga of official edition (for 1565)]. Moskva. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skij arhiv rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki. [Research and development archive of manuscripts of the Russian state library].
- PSRL, 2003** – Polnoe sobranie russkih letopisej. [Complete collection of the Russian chronicles]. T. 5. Vyp. 1. M., 2003. [in Russian]
- PSRL, 2001** – Polnoe sobranie russkih letopisej. [Complete collection of the Russian chronicles]. T. 6. Vyp. 2. M., 2001. [in Russian]
- PSRL, 2000** – Polnoe sobranie russkih letopisej. [Complete collection of the Russian chronicles]. T. 13. M., 2000. [in Russian]
- PSRL, 1978** – Polnoe sobranie russkih letopisej. [Complete collection of the Russian chronicles]. T. 34. M., 1978. [in Russian]
- PSRL, 2004** – Polnoe sobranie russkih letopisej. [Complete collection of the Russian chronicles]. T. 43. M., 2004. [in Russian]
- Poslaniya Iosifa Volockogo, 1959** – Poslaniya Iosifa Volockogo [Joseph Volotsky's Messages] / Podg. teksta A. A. Zimina i YA. S. Lur'e. M.; L., 1959. [in Russian]
- Razryadnaya kniga 1475–1598 gg., 1966** – Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [The book of military appointments 1475–1598]. M., 1966. [in Russian]
- Razryadnaya kniga 1475–1605 gg., 1977** – Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [The book of military appointments 1475–1605]. T. 1. Ch. 1–2. M., 1977. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. [Russian state archive of ancient acts]. [in Russian]

- [Redkie istochniki po istorii Rossii, 1977](#) – Redkie istochniki po istorii Rossii. [Rare sources on stories of Russia]. Vyp. 2. M., 1977. [in Russian]
- [Russkaya istoricheskaya biblioteka, 1894](#) – Russkaya istoricheskaya biblioteka. [The Russian historical library]. T. 15. SPb., 1894. [in Russian]
- [Russkij diplomatarij, 2004](#) – Russkij diplomatarij. [Russian diplomatarj]. Vyp. 10. M., 2004. [in Russian]
- [Sbornik RIO, 1882](#) – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. [Collection of the Russian historical society]. T. 35. SPb., 1882. [in Russian]
- [Sbornik RIO, 1887a](#) – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. [Collection of the Russian historical society]. T. 53. SPb., 1887a. [in Russian]
- [Sbornik RIO, 1887b](#) – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. [Collection of the Russian historical society]. T. 59. SPb., 1887b. [in Russian]
- [Sbornik RIO, 1895](#) – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. [Collection of the Russian historical society]. T. 95. SPb., 1895. [in Russian]
- [Sergeevich, 2007](#) – Sergeevich V.I. (2007). Drevnosti Russkogo prava. [Antiquities of the Russian right]. 4-e izd. T. 1. Kn. 2. Moskva. [in Russian]
- [Smirnov, 1854](#) – *Smirnov S.K.* (1854). Pokrovskij Hot'kov Devichij monastyr'. M. [in Russian]
- [Fedotov-Chekhovskij, 1860](#) – *Fedotov-Chekhovskij A.A.* (1860). Akty, odnosyashchiesya do grazhdanskoj raspravy Drevnej Rossii. [The Acts relating before civil punishment of Ancient Russia]. T. 1. Kiev. [in Russian]
- [Chechenkov, 2004](#) – *Chechenkov P.V.* (2004). Nizhegorodskij kraj v konce XIV–tret'ej chetverti XVI v.: vnutrennee ustrojstvo i sistema upravleniya. [The Nizhny Novgorod edge at the end of the XIV third quarter of the 16th century: internal device and management system]. Nizhnij Novgorod, 2004. [in Russian]

УДК 94 (47)

Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III

Александр Леонидович Корзинин ^{a,*}, Николай Валерьевич Штыков ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирован состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III (1505–1533 гг.). Авторы дискутируют с мнениями о думных назначениях А.А. Зимина, Г. Алефа, А.М. Клеймолы и Н.Ш. Коллманн и предлагают собственную реконструкцию носителей думных и дворцовых чинов, основанную на более тщательном прочтении уже известных документов и на привлечении новых архивных данных. Обоснованы этапы пожалований высшими чинами, которые рассмотрены в контексте внутренней и внешней политики правительства Василия III. Уточнены даты пожалований думными и дворцовыми чинами. Восстановлен наиболее полный персональный состав дворцовой администрации согласно принятому в то время порядку иерархии. Впервые обнаружено свидетельство о дворечестве А.А. Квашнина. Поставлены под сомнение достоверность и точность сведений о высших назначениях при Василии III Шереметевского списка думных чинов и Беляевской росписи конца XVII в.

Ключевые слова: Боярская дума, Василий III, политическая история, дворцовая система управления, Государев двор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.korzinin@spbu.ru (А.Л. Корзинин), n.shtykov@spbu.ru (Н.В. Штыков)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 342-357, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.342
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

Rivetednarrowly-Plate helmet from the Collection of the Central State Museum of Kazakhstan

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Alexey V. Salnikov ^b

^a Institute of archeology and Ethnography of SB RAS Ave, Novosibirsk, Russian Federation

^b Armavir socio-psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article considers the richly decorated iron helmet (KP 25849/1), stored in the collections of the Central State Museum of Kazakhstan (CGMRC, Almaty, Republic of Kazakhstan). The helmet comes from the territory of southern Kazakhstan. This item is the protective arms was initially attributed Kazakhstani scientists as the helmet of Kazakh warriors of the XVIII-XIX centuries.

Design of the crown, the helmet of CGMRC can be referred to the Department of riveted narrow plate, and the dome shape to the type of conal (Fig. 1-5). Overall height – 30,0 cm, diameter 22.5 cm Crown of the helmet riveted from 32 narrow iron plates with cut-outs on the right edge. The plate is provided with a rib and rim of a copper alloy. In the surface of the plates holes, in which are inserted rivets connecting the plates to each other and also shade, a finial, and wrap the back piece of the helmet (Fig. 6, 1). Visor, povertie and wrap the helmet is made of copper alloy and decorated with dense floral and geometric ornament (of. "KOs Mullis", "Gulou"). In addition, the vertical "shield" visor and povertie inlaid with coral, turquoise and chalcedony (Fig. 1-4; 6, 2-5). Crowned helmet four-sided edge in the form of peaks (Fig. 6, 5). Neck protection presented the plate back piece, which is carrying the ringed grid (Fig. 1-5).

Based on the analysis of the structure and the system of registration established that the helmet continued to be used for a long time and have repeatedly undergone repair and reconstruction. It is most likely that the crown was forged west-Mongols (Oirat/Jungar) gunsmiths of the XVII-XVIII th – century. Visor, Hoop and povertie was made Junggar, Kazakh or Central Asian masters.

The closest analogues of the helmet from CGMRC to originate from the territory of Tibet and West of Mongolia. Currently, they are stored in the Metropolitan Museum of art (200.146, 2001.53, New York, USA) and private collections. All five series helmets have similar construction. Their crown is assembled from a narrow iron plates with the rib in the center and a copper side on the left edge. In addition, part of a series of hats are covered with Buddhist symbols. Jungar version of the origin of these helmets, largely explains the geography of the finds of helmets of the series. During the period under review, Mongolia, Tibet and South-Eastern Kazakhstan have been the object of military expansion of the Oirats (Dzungars). Part of these territories more than a century was part created by them of Jungar state (1635–1758).

Probably, originally, the helmet was fitted with a traditional tube for a plume, and plate-shaped like a quilted or padded Aventail, which was subsequently replaced by half the forefront of the Iranian sample plate and the back piece respectively. The later addition is ringed chainmail mesh of reduced rings.

Helmet KP 25849/1 from the collection CGMRC has high scientific, historical and cultural value. The quality of workmanship and level of decoration it can be attributed to a number of the best samples narrow plate hats of nomads of Eurasia in the middle Ages and early modern times. At the same time, there is no reason to consider him a "typical kind of helmets Kazakh batyrs of XVIII century", as previously thought. The origin of this original and richly decorated pommel connected with the activities of gunsmiths

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

working under Oirat-Mongolian military cultural traditions. At the same time, Kazakh, Uzbek, Tajik or Uighur craftsmen could participate in the decoration of the canopies, hoop and pommel. Helmet has been used for a long historical period, been subjected to alteration and, apparently, it repeatedly changed its owners. Among the latter, molybdenum and noble Kazakh soldiers, to which the helmet might get in the course of trade as a diplomatic gift or a war trophy.

Keywords. Central Asia, Kazakhstan, Dzungaria, Kazakhs and Dzungars, Oirat, armour, helmet.

1. Введение

Актуальным направлением современных военно-исторических и оружейведческих исследований является изучение предметов вооружения происходящих из частных казахских, монгольских и кыргызских коллекций. Некоторые из данных предметов вооружения воспринимались их владельцами, как ценные семейные/родовые реликвии, и передавались от отца к сыну (или другому законному наследнику) на протяжении жизни нескольких поколений. Благодаря подчеркнuto бережному отношению, шлемы, панцири, сабли и другие предметы защитного и наступательного вооружения рассматриваемой серии дошли до нашего времени в практически неповрежденном виде, что позволяет провести их детальный и всесторонний научный анализ.

В одном из залов Центрального Государственного Музея Республики Казахстан (ЦГМРК, г. Алматы, Республика Казахстан) вот уже несколько лет экспонируется богато оформленный железный шлем (КП 25849/1), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейведов и военных историков (рис. 1).

Согласно данным сотрудников ЦГМРК, шлем происходит с территории Южного (по другой версии, Юго-Восточного) Казахстана. Наголовье было передано в дар музею известным казахстанским коллекционером, государственным и общественным деятелем И.Н. Тасмагамбетовым.

Собственно научное изучение шлема КП 25849/1 из ЦГМРК началось в конце первого десятилетия XXI в. В 2007 г. краткое описание наголовья было выполнено казахстанским исследователем К.С. Ахметжаном (Ахметжан, 2007: 152, 153, 156 рис. 6).

Он, в частности отметил «схожесть этого шлема с древними не только в способе изготовления, но и в наличии назатыльника, набранного в один ряд из тонких пластин...» (Ахметжан, 2007: 156). По мнению ученого «...главное преимущество этого типа шлема было в том, что набирая из многих пластин чешуйчатым набором, можно было увеличить прочность шлема, сохраняя экономичность материала и легкость веса шлема» (Ахметжан, 2007: 156). К.С. Ахметжан также подчеркнул, что козырек «типичен для тюрко-монгольских шлемов» и отнес КП 25849/1 к числу «казахских боевых наголовий XVIII–XIX вв.» (Ахметжан, 2007: 152, 156).

На основании анализа конструкции и системы оформления было установлено, что шлем использовался длительное время и неоднократно подвергался переделке. Тулья шлема была изготовлена ойратскими (джунгарскими), монгольскими или тибетскими оружейниками, а козырек и подвешивание – ойратскими или казахскими мастерами. Пиковидное острие и назатыльник с бармицей представляют собой более поздние добавления, вероятно, выполненные по требованию нового владельца шлема (предположительно, знатного казахского воина). Образцом для инициаторов переделки выступили переднеазиатские наголовья типа «кула-худ». Клепаные узко-пластинчатые шлемы представляли собой технологический компромисс между шлемами с ремненным и клепаным соединением. От первых они унаследовали форму пластин тульи, от вторых принцип их соединения между собой. Шлемы данного типа были сложны в производстве, но отличались ярким внешним видом и высокими боевыми характеристиками. В период позднего Средневековья пластины таких шлемов снабжались ребрами жесткости и латунными накладками по внешнему краю. Основным центром производства подобных шлемов была территория Западной Монголии (Ойратия/Джунгария). Самые ранние экземпляры относятся к XV в. Самые поздние к XVIII в. (Бобров, 2015а: 211, 217 рис. 3, 7).

К схожему выводу в 2015 г. пришел и К.С. Ахметжан. Он уточнил свою прежнюю атрибуцию и определил наголовье, как «джунгарский шлем..., переделанный казахским мастером, и использовавшийся казахским воином» в XVIII в. (Ахметжан, 2015: 77, 78, рис. 5-7).

Отметим, что во всех вышеперечисленных случаях, шлем КП 25849/1 рассматривался не как самостоятельный объект исследования, а в рамках работ посвященных защитному вооружению народов центрально-азиатского региона в целом. В то же время, данное наголовье, вне всякого сомнения, заслуживает более детального изучения, призванного уточнить атрибуцию шлема и время изготовления его элементов. Важную роль в данном процессе играет типологический анализ, а также сопоставление наголовья из ЦГМРК с другими клепаными узко-пластинчатыми шлемами эпохи Средневековья и раннего Нового времени, происходящими с территории Центральной Азии.

Рис. 1. Шлем КП 25849/1 из ЦГМРК. Фото Л.А. Боброва.

Целью настоящей статьи является описание особенностей конструкции и системы оформления шлема КП 25849/1 из собрания ЦГМРК, а также уточнение его датировки и атрибуции.

2. Материалы и методы

Методологическим основанием научных исследований по изучению комплекса защитного вооружения средневековых народов традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое,

состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих исследованиях традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

3. Обсуждение и результаты

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепаных, узко-пластинчатых, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота шлема – 30,0 см, диаметр – 22,5 см. (рис. 1-5).

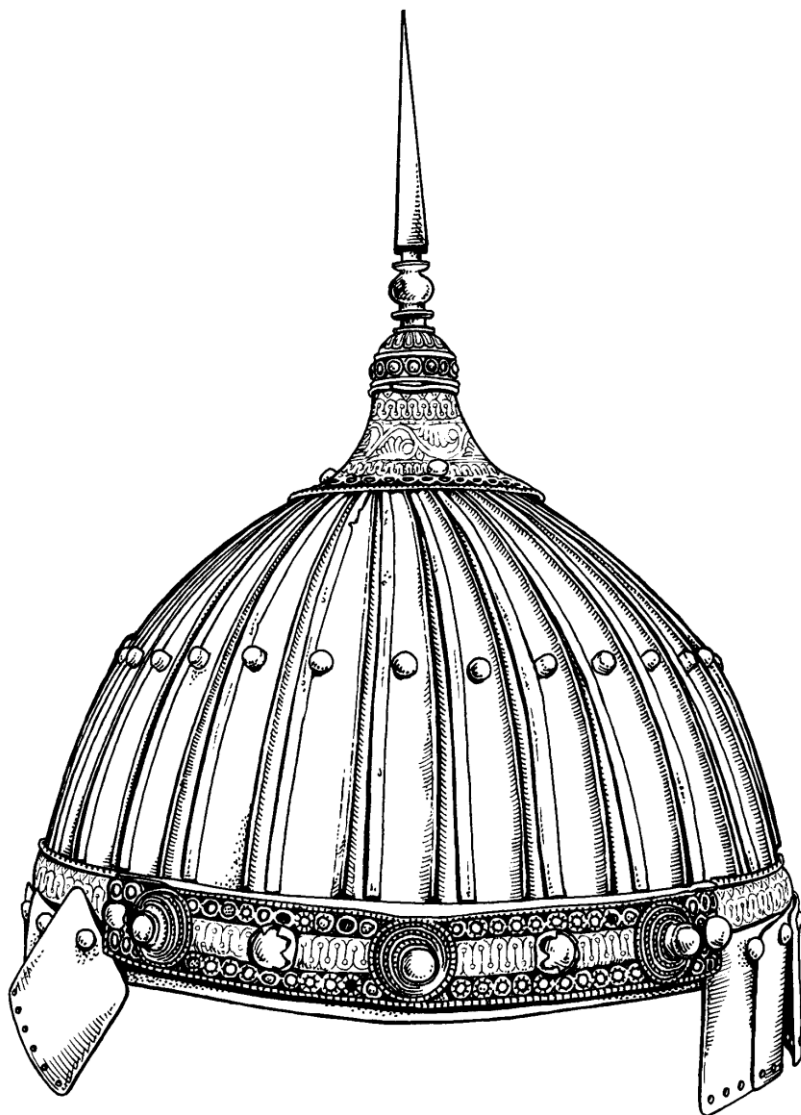

Рис. 2. Шлем КП 25849/1. Вид спереди. Рис. Л.А. Боброва.

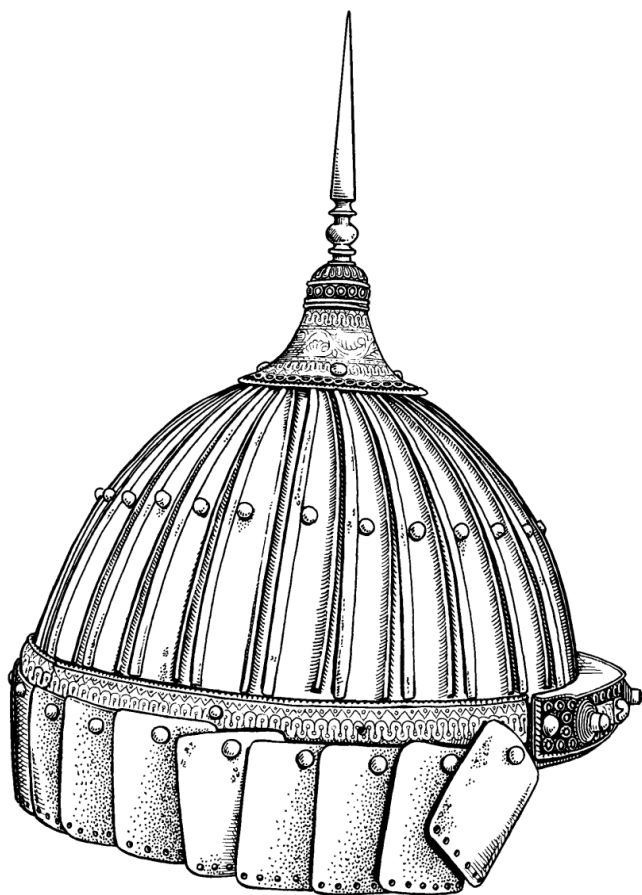

Рис. 3. Шлем КП 25849/1. Вид справа. Рис. Л.А. Боброва.

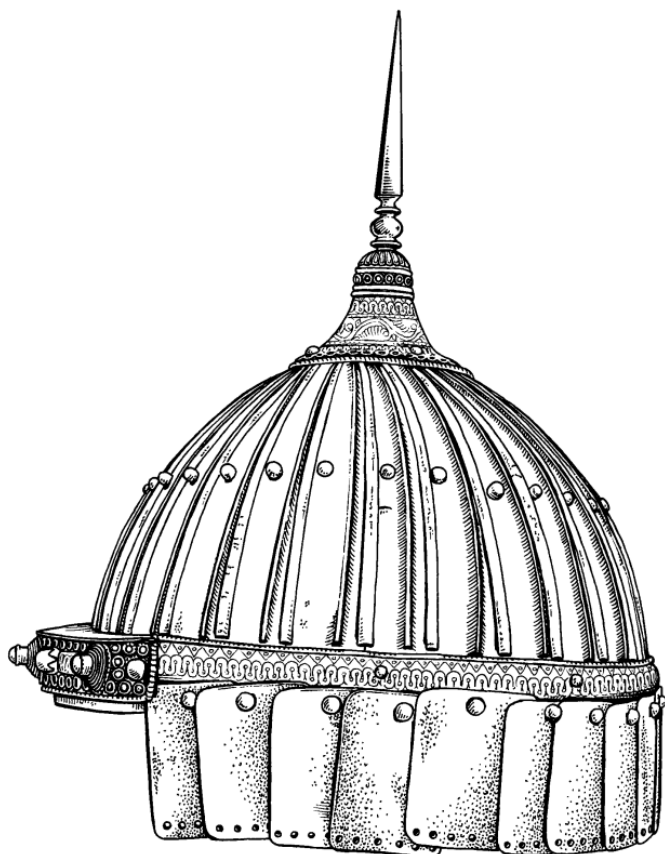

Рис. 4. Шлем КП 25849/1. Вид слева. Рис. Л.А. Боброва.

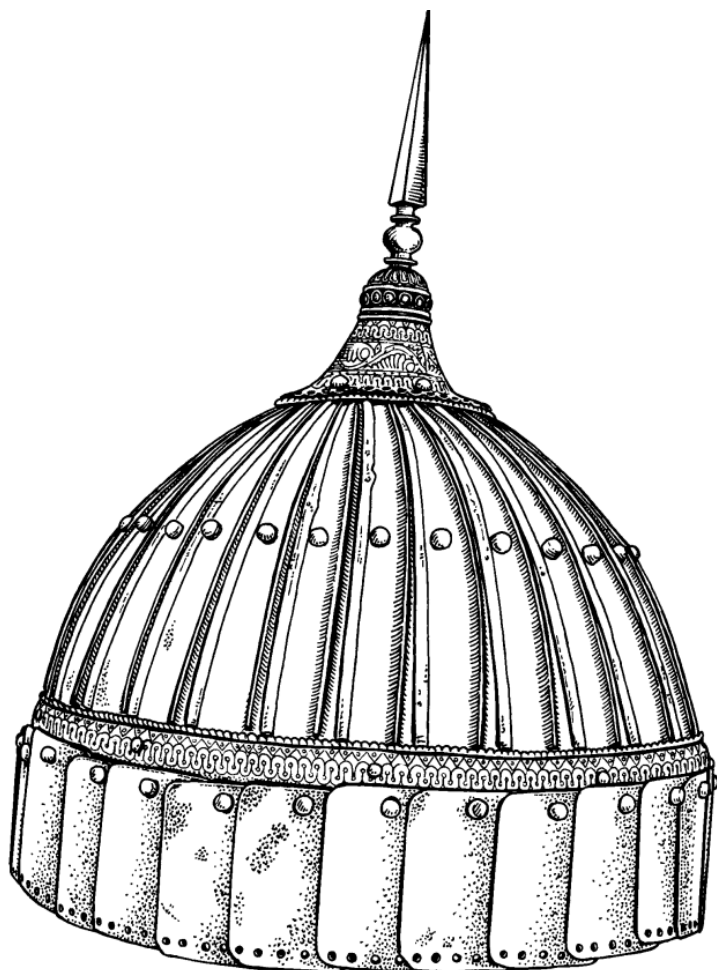

Рис. 5. Шлем КП 25849/1. Вид сзади. Рис. Л.А. Боброва.

В настоящее время наголовье состоит из клепаной полусферической тульи и пяти шлемовых элементов: двухчастного «коробчатого» козырька, обруча, ярусного составного навершия, пластинчатого назатыльника и кольчатой бармицы.

Тулья шлема склепана из 32 рельефных железных пластин отличающихся достаточно сложной конструкцией и системой декоративного оформления (рис. 6, 1). С-образные в сечении пластины имеют подтреугольную (удлинненно-трапециевидную) форму. Ширина полотна пластины существенно варьируется. Своей максимальной ширины они достигают в нижней и центральной части. В верхней части железное полотно сужается, формируя узкую вытянутую лопасть. Левый край пластин ровный, а правый снабжен парой округлых вырезов образующих между собой фестон полуовальной формы (рис. 6, 1). Вырезной край пластин тульи можно наблюдать только на внутренней стороне шлема. Это позволяет предположить, что вырезы служили не для украшения наголовья, а для уменьшения его общего веса.

Большинство пластин тульи шлема снабжено пятью сквозными отверстиями. Два из них расположены в центральной, а три – в нижней части пластины (рис. 6, 1). В отверстия вставлены заклепки соединяющие пластины тульи между собой и назатыльником соответственно. Фиксаторы заклепок назатыльника снабжены парными «усиками» расклепанными на внутренней стороне наголовья (рис. 6, 1б). В плоскость двух пластин на лицевой стороне наголовья вбиты заклепки стягивающие купол шлема с вертикальным «щитком» козырька (см. ниже). Некоторые пластины снабжены дополнительными отверстиями и заклепками, предназначенными для фиксации навершия и обруча шлема (рис. 6, 2, 3). Сами заклепки выполнены из медного сплава. Их массивные головки имеют полусферическую или уплощенно-цилиндрическую форму (рис. 1-6).

Пластины тульи шлема уложены таким образом, что перекрывают друг друга, почти на 1/2 своей плоскости образуя двойной слой броневое покрытие (рис. 1-5).

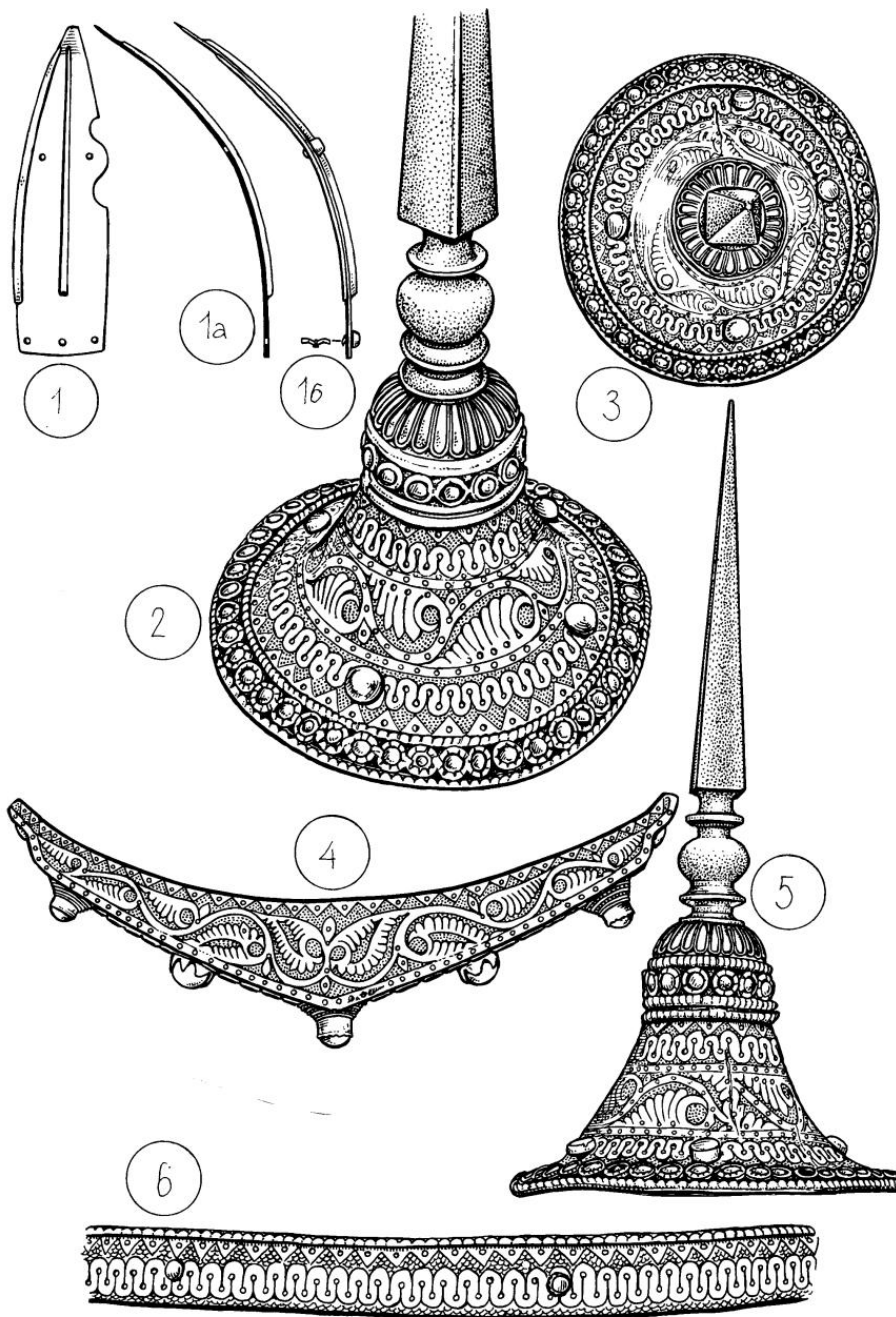

Рис. 6. Элементы шлема КП 25849/1 из ЦГМРК. 1 – Пластина тульи; 1а – Пластина тульи (сечение); 1б – Пластина тульи (с заклепками); 2 – Подвершие (пластина-основание навершия); 3 – Навершие (вид сверху); 4 – «полка» козырька (вид сверху); 5 – Навершие (вид сбоку); 6 – Фрагмент обруча шлема. Рисунки Л.А. Боброва.

По центру пластин пропущено продольное ребро жесткости, которое проходит почти вплотную к краю соседней пластины (рис. 1-5, 6, 1, 1а, 1б). Подобная конструкция не только улучшает защитные свойства наголовья за счет повышения его жесткости, но и не позволяет пластинам тульи существенно смещаться относительно друг друга в результате сильного удара по шлему. Особо отметим, что кованое ребро не достигает верхнего и нижнего края пластин, что позволяет обеспечить примыкание и максимально надежное соединение тульи с обручем, навершием и козырьком шлема (рис. 6, 1, 1а, 1б).

Важным элементом декоративного оформления тульи наголовья являются длинные узкие накладки из медного сплава, приваренные вдоль левого края пластин составляющих тулью шлема (рис. 6, 1). Благодаря своей выпуклой поверхности, накладки играют роль своеобразного внешнего бортика пластин. Они не только украшают шлем, но и дублируют стальные ребра жесткости, повышая защитные свойства наголовья. Выступающие высокие заклепки, ребра-гребни и выпуклые бортики формируют сложную рельефную поверхность тульи, придавая шлему запоминающийся яркий и нарядный внешний вид (рис. 1-5). Декоративный эффект усиливается цветовым решением

элементов тульи. Ярко-желтые блестящие накладки гармонируют со стальной поверхностью наголовья и узкими полосами тени, которые отбрасывают многочисленные ребра-гребни пластин тульи шлема (рис. 1-5).

Дополнительным фиксатором пластин купола выступает достаточно узкий выпуклый обруч, изготовленный из медного сплава. Для соединения обруча с тульей шлема используются специальные заклепки с полусферическими шляпками (рис. 1, 3-5, 6, 6). Верхний край обруча снабжен бортиком, покрытым мелкой частой насечкой. Основное поле обруча украшено гравированным орнаментом в виде волнистой ленты и ряда треугольных фестонов. На поверхность ленты и фестонов мастером помещены изображения круглых «жемчужин». Фон убран чешуйчатым и точечным орнаментом (рис. 6, 6).

К наlobной части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пластины – «полки» и вертикального «щитка» (рис. 1-4). Обе пластины выполнены из медного сплава и богато украшены. «Полка» козырька имеет пятиугольную форму и гладкую поверхность (рис. 6, 4), в то время как рельефный «щиток» покрыт многочисленными «гнездами» («кастами») для драгоценных и полудрагоценных камней различных форм и размеров (рис. 1; 2). Козырек крепится к тулье шлема с помощью двух заклепок с массивными медными шляпками полусферической формы. Заклепки вбиты в боковые вертикальные плоскости «щитка» козырька (рис. 1-4, 6, 4).

Главным украшением «полки» козырька является густой растительно-геометрический орнамент, выполненный в технике гравировки по металлу (рис. 6, 4). Основу композиции формирует вьющийся растительный побег, листья и бутоны которого складываются в стилизованные изображения птиц с распластанными крыльями. Верхний край «полки» окантован рядом остроугольных фестонов, нижний – узкой лентой с ровным краем. Поверхность фестонов, ленты и цветочного побега украшена «жемчужником». Фон убран точечным орнаментом (рис. 6, 4).

Декоративное украшение «щитка» козырька имеет сложную комбинированную структуру (рис. 1-4). Выпуклая орнаментированная планка из медного сплава делит «щиток» на два узких горизонтальных яруса заполненных мелкими «кастами», в которые вставлены камни красного и синего цвета (коралл и халцедон соответственно). Всего, на поверхности «щитка» насчитывается 56 таких малых «гнезд» (по 20 в верхнем и нижнем ярусе и по 8 в боковых лопастях пластины козырька). Малые «гнезда» выполнены в виде колец круглой, овальной или каплевидной формы (рис. 1; 2). Уплотненный край «кастов» покрыт мелкой насечкой. При инкрустации «щитка» козырька, мастером применялась определенная последовательность размещения драгоценных камней – красные кораллы перемежаются синим халцедоном. Поверх планки размещены два «гнезда» средних размеров и три больших «гнезда». Средние «касты» снабжены высоким бортиком с остроугольными фестонами (рис. 1-4, 6, 4). В «гнезда» помещены полусферические камни голубого цвета (бирюза). Большие «касты» имеют воронковидную форму. Их поверхность имитирует намотку из медной проволоки, а в «гнезда» вставлены кусочки тщательно обработанного красного коралла (рис. 1-4, 6, 4). По своему периметру «щиток» козырька снабжен бортиком, покрытым мелкой частой насечкой. Гравировка и инкрустация выполнены весьма аккуратно. Большинство «гнезд» сохранили свои драгоценные камни вплоть до настоящего времени.

Навершие шлема состоит из подвершия (пластины-основания) и пиковидного надвершия с уплощенным «яблоком» на шейке (рис. 1-5, 6, 2, 3, 5). Именно коническое навершие придает наголовью из ЦГМРК характерную сфероконическую форму.

Воронковидное подвершие шлема изготовлено из медного сплава, украшено гравированным орнаментом и инкрустировано драгоценными камнями. По нижнему краю пластины пропущен двойной бортик, покрытый мелкой частой насечкой. Пространство между бортиками заполнено рядом округлых «гнезд» в которые вставлены перемежающиеся кусочки коралла и халцедона (рис. 6, 2, 3). Основное поле подвершия украшено растительно-геометрическим орнаментом, представляющим собой вьющийся побег с пышными листьями и бутонами в обрамлении простых и волнистых лент, а также треугольных фестонов усыпанных «жемчужником». Фон подвершия убран точечным орнаментом (рис. 6, 2, 3, 5).

Верхняя полусферическая часть подвершия украшена рельефными цветочными лепестками каплевидной формы, тремя выпуклыми бортиками и горизонтальным рядом «гнезд» инкрустированных кораллом и халцедоном (рис. 6, 2, 5).

Значительный интерес представляет система крепления подвершия к тулье. При сборке шлема, мастер разместил на внутренней стороне купола овальную железную бляху, которую склепал с подвершием и тульей четырьмя специальными заклепками с массивными шляпками полусферической и таблеткообразной формы (рис. 6, 2, 5). При этом, парные «усики» на концах заклепок были расклепаны на внутренней стороне купола. В результате, пластины тульи оказались зажаты между подвершием и бляхой на внутренней стороне шлема, что обеспечило всей конструкции необходимую жесткость.

Известным своеобразием отличается металлическое надвершие шлема, увенчанное четырехгранным пиковидным острием (рис. 1-5, 6, 3, 5). Шейка навершия дополнена уплощенным

шаровидным «яблоком» в обрамлении двух линзовидных дисков. Еще один диск представляет собой упор, примыкающий к подвершию наголовья (рис. 6, 2, 5).

Важным элементом конструкции шлема является назатыльник, представляющий собой ряд из 23 прямоугольных пластин, приклепанных к нижнему краю тульи шлема (рис. 1-5). Углы слабовыпуклых пластин аккуратно закруглены мастером. По центру верхней части пластин пробито отверстие, через которое, вставлена заклепка с медной полусферической шляпкой, соединяющая пластины назатыльника с куполом наголовья. Подобная система крепления позволяет конструкции сохранять определенную подвижность (рис. 1-4). Вдоль нижнего края пластин пробиты шесть отверстий, с помощью которых к назатыльнику подвешивается кольчатая бармица. Пластины назатыльника приклепаны к куполу шлема таким образом, что перекрывают друг друга на $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ своей плоскости, образуя двойной слой брони.

К назатыльнику шлема подвешена кольчатая бармица (длина – 26,0 см) снабженная боковыми разрезами. Бармица сплетена из сведенных колец, что позволяет предположить, что она была изготовлена и подвешена к куполу значительно позднее времени бытования шлема в качестве боевого и парадного наголовья. Однако не исключено, что после монтажа назатыльника к нему могла крепиться и оригинальная кольчатая бармица, сплетенная из клепаных и сварных колец. В пользу данной версии свидетельствуют многочисленные сквозные отверстия вдоль нижнего края пластин назатыльника.

Шлем из ЦГМРК может быть датирован и атрибутирован на основании анализа особенностей конструкции и системы декоративного оформления тульи, обруча, козырька и навершия наголовья.

Важную роль при датировке и атрибуции рассматриваемого образца защитного вооружения играет клепаная тулья, изготовленная из узких железных пластин с медными бортиками и ребрами жесткости.

Шлемы, купол которых набирался из узких вертикальных пластин, образующих один горизонтальный ряд, впервые встречаются у гиксосов в XV в. до н. э. (Горелик, 1993: табл. LX 29–31). Впоследствии они фиксируются у финикийцев и «народов моря» (Горелик, 1993а: табл. LX 39, 42). На востоке Азии такие шлемы применяли сяньби II–III вв. н. э. (Бобров, Худяков, 2005а: 135–136) и, возможно, хунны II–I вв. до н. э. (Горбунов, 2003: 70). Широкое распространение узко-пластинчатые шлемы с ремненным соединением получили в сяньбийских государствах Северного Китая IV–VI вв. (Бобров, Худяков, 2005: 177, 185, рис. 19, 8–21). В период раннего Средневековья подобные шлемы входили в состав комплекса защитного вооружения тюрков и аваров (Горбунов, 2003: 67, 70). В развитом Средневековье узко-пластинчатые наголовья использовались жителями китайских государств и центрально-азиатскими кочевниками. Особенно активно их применяли чжурчжэньские панцирники XI–XII вв. (Бобров, Худяков, 2003: 108–111). Судя по материалам средневековой иконографии, узко-пластинчатые шлемы использовались и воинами государств Чингизидов (Горелик, 2002: 71, рис. 3–4). В период позднего Средневековья шлемы из узких пластин прослеживаются на центрально-азиатском и дальневосточном материале (Бобров, Худяков, 2003: 154; LaRocca, 2006: 75).

Таким образом, боевые наголовья, составленные из узких железных пластин, продолжали применяться азиатскими воинами на протяжении эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени. В некоторых регионах они сохранились вплоть до XIX в. включительно (Северо-Восточная Азия, Приамурье и др.). В то же время отметим, что подавляющая часть упомянутых племей относилась к категории наголовий с ремненным соединением. Тульевые пластины таких племей скреплялись между собой не металлическими заклепками (как на рассматриваемом образце из ЦГМРК), а кожаными ремешками, протянутыми сквозь отверстия, проделанные в плоскости пластин. Что же касается собственно клепаных узко-пластинчатых наголовий, то в рамках рассматриваемой серии, они весьма немногочисленны. В настоящее время нам известно о пяти подобных шлемах. Кроме образца из ЦГМРК, к ним относятся два экземпляра (2005.146; 2001.53) из собрания Музея Искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) и два шлема из частных коллекций. Замечательно, что пластины всех указанных наголовий имеют очень схожую конструкцию и систему оформления. Так, в частности, все они снабжены продольными ребрами жесткости и характерными накладками-бортиками из медного сплава (рис. 7, 1; 8, 1). Конструктивное сходство позволяет предположить, что тульи шлемов серии были изготовлены в рамках одной военно-культурной традиции. Это подтверждается и географией находок подобных шлемов. Три из них происходят с территории Тибета, и по одному из Монголии и Южного Казахстана. Для атрибуции шлемов важную роль играет и тот факт, что три наголовья из пяти покрыты буддийской символикой.

В качестве примера можно привести узко-пластинчатый шлем из собрания Музея Искусств Метрополитен (2005.146) вывезенный европейскими коллекционерами из Тибета (рис. 7). Тулья шлема склепана из 32 железных пластин С-образной формы снабженных центральным ребром жесткости и пятью отверстиями для заклепок (на шлеме из ЦГМРК из 36 пластин, также с продольным ребром и пятью отверстиями). Вдоль левого края пластин прикреплен узкий бортик из медного сплава (рис. 7, 1).

Пластины соединены между собой массивными медными заклепками. Сфероконический силуэт шлему придавала полусферическая пластина наверху и утерянная в настоящее время трубка-втулка (рис. 6, 2, 3). К лицевой части шлема приклепан широкий украшенный серебряной насечкой «коробчатый козырек».

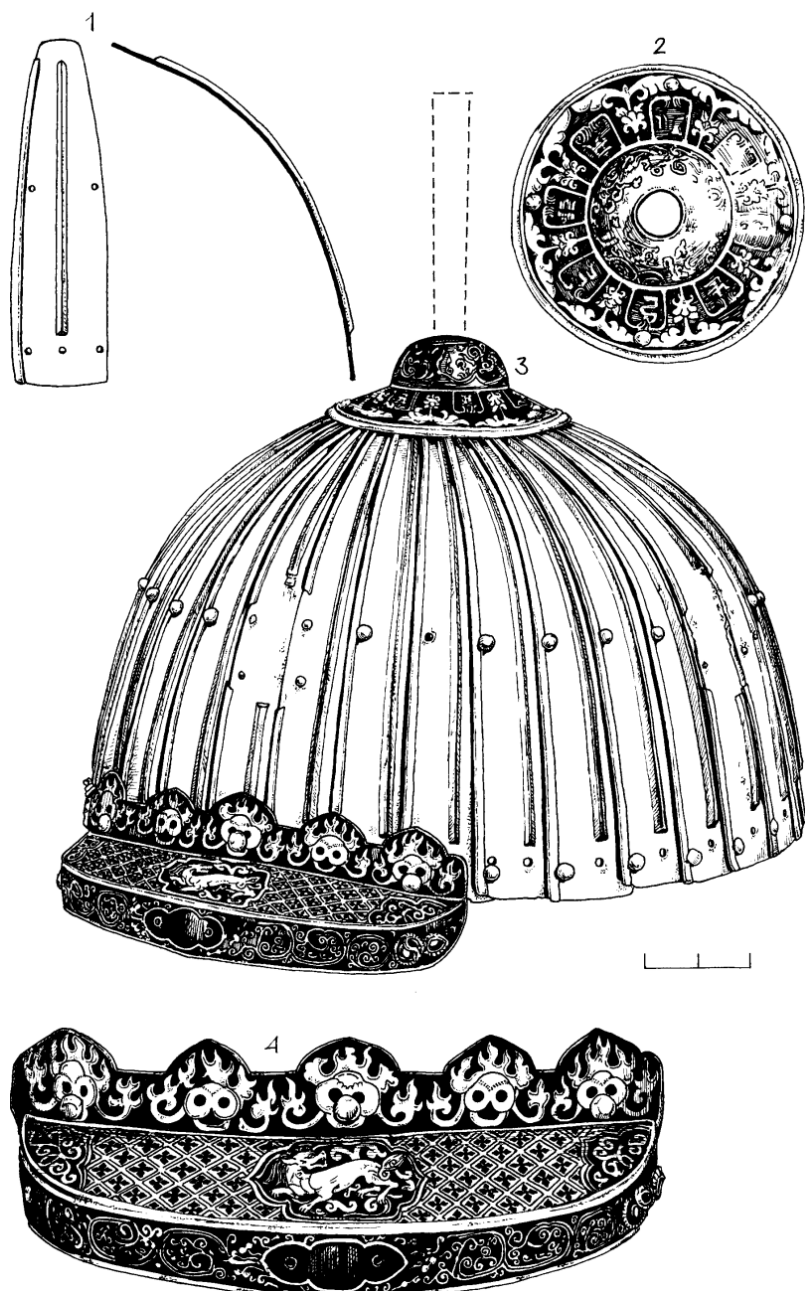

Рис. 7. Центрально-азиатский (ойратский?) шлем конца XVI – середины XVIII вв. с территории Тибета (2005.146, Музей Искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк, США). 1 – Пластина тульи; 2 – Подвершие (вид сверху); 3 – шлем (общий вид); 4 – козырек шлема. Рисунок Л.А. Боброва.

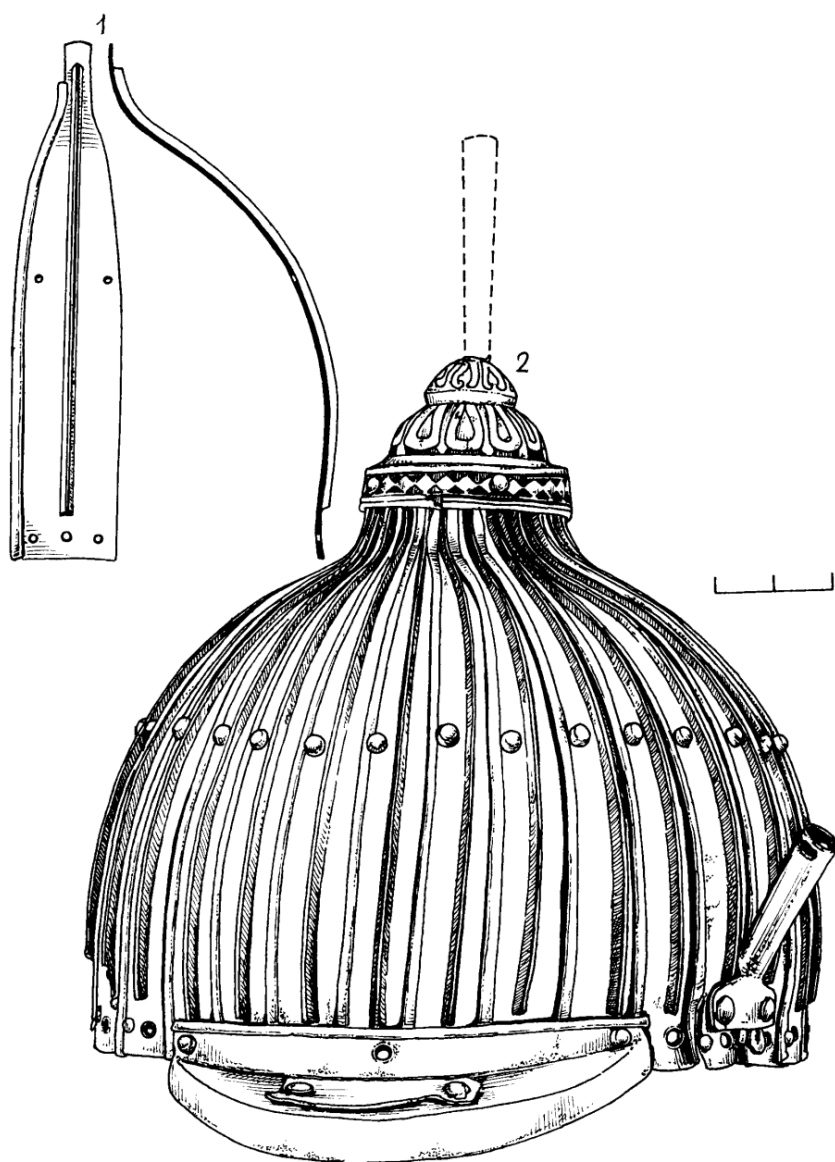

Рис. 8. Центрально-азиатский (ойратский?) шлем конца XVI – середины XVIII вв. с территории Тибета (2001.53, Музей Искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк, США). 1 – Пластина тульи; 2–3 – шлем (общий вид). Рисунок Л.А. Боброва.

Подвершие выполнено в виде небольшой полусферы с полями, в которые вставлены заклепки, соединяющие пластины навершия и тульи. Поверхность подвершия украшена стилизованным изображением «летающей птицы» (напоминающей схожий рисунок на «полке» козырька шлема из ЦГМРК) и А-образным символом «Ом», обозначающим буддийскую мантру «Ом мани падмехум» (рис. 7, 2). Этот же мотив присутствует и на одном из шлемов, хранящихся в частной коллекции. На козырьке наголовья из Метрополитен, наряду с другими изображениями, также помещены силуэты пламенеющих черепов (рис. 7, 3, 4). Анализовавший шлем Д. ЛаРокка датировал его XIV–XVI вв. и атрибутировал его, как «монгольский или тибетский» (LaRocca, 2006: 74–76). Однако «коробчатые» козырьки данного типа стали использоваться мастерами Центральной Азии не ранее XV в. Конструкция козырька и навершия указывает на монгольское или ойратское происхождение наголовья (Бобров, Худяков, 2008: 416–478). Учитывая тот факт, что буддизм стал широко распространяться среди позднесредневековых монголов в последней четверти XVI в., а среди ойратов с 10-х гг. XVII в., нижняя граница изготовления шлема может быть локализована концом XVI – началом XVII вв. Верхней границей является середина XVIII в., после которой шлемы подобной конструкции и декоративного оформления выходят из широкого обихода.

Второй шлем из Метрополитен (2001.53), также происходит с территории Тибета и имеет монгольское или ойратское происхождение (рис. 8). Для нашей темы особый интерес представляет тот факт, что декоративное оформление подвершия данного наголовья напоминает аналогичный элемент шлема из ЦГМРК. Так, в частности, на нем фиксируется раскрытый цветочный бутон с каплевидными лепестками, а на нижней части подвершия помещены стилизованные изображения ромбических «кастов» (рис. 8, 2). Главное отличие заключается в том, что данные элементы на

навершии шлема из ЦГМРК выполнены в технике, так называемой, «обронной резьбы» и инкрустации, а на шлеме Метрополитен в технике золотой и серебряной насечки по металлу. Тулья шлема № 2001.53 склепана из 31 железной пластины S-образной формы (рис. 8, 1). Вдоль левого края пластин, прикреплен узкий бортик из медного сплава. Примерно по центру пластины выковано ребро жесткости, представляющее собой ярко выраженный и заостренный «гребень». К лицевой части шлема приклепан широкий «коробчатый козырек», выгнутый из одной железной пластины (рис. 8, 2).

Сопоставление конструкции и системы оформления тульи шлема из ЦГМРК с тульями шлемов происходящих с территории Монголии и Тибета показало, что все они были изготовлены по одной и той же технологии в рамках единой военно-культурной традиции. Учитывая данные факты, представляется возможным предположить, что тулья шлема из собрания ЦГМРК была изготовлена монгольскими, или, наиболее вероятно, ойратскими (джунгарскими) мастерами XVII – середины XVIII вв. Подобная атрибуция, в значительной степени, объясняет и географию находок наголовий серии. На протяжении рассматриваемого периода Монголия, Тибет и Юго-Восточный Казахстан являлись объектом перманентной военной экспансии ойратских номадов. Часть данных территорий более столетия входила в состав созданного ими Джунгарского государства (1635–1758).

В то же время, необходимо подчеркнуть, что не все шлемовые элементы были изготовлены одновременно с тулейей. Некоторые из них могли быть добавлены к шлему позднее. Согласно центрально-азиатской практике периода позднего Средневековья и раннего Нового времени качественно выполненные боевые наголовья часто использовались на протяжении длительного исторического периода (иногда, на протяжении жизни нескольких поколений). При этом, шлемовые элементы могли заменяться и модернизироваться с учетом вкусов новых владельцев наголовья (Бобров, Анисимова, 2013; Бобров, 2015а: 211, 213–217). Анализ конструкции и системы оформления шлемовых элементов позволяют, с высокой степенью достоверности, реконструировать последовательность сборки и модернизации наголовья из ЦГМРК.

Весьма вероятно, что одновременно с тулейей были изготовлены козырек, обруч и подвешные шлема. Мастера ойрато-казахского пограничья позднего Средневековья и раннего Нового времени не редко дополняли железную тулью шлемовыми элементами из медного сплава (Бобров, Анисимова, 2013). Характерный растительно-геометрический орнамент в виде вьющейся лозы, листья и бутоны которой складываются в стилизованные изображения парящей птицы с распластанными крыльями, был весьма популярен у мастеров Восточного Казахстана. Он представлял собой сочетание двух типов орнамента известных среди казахов под названием «кос мюйиз» («торт кулак») и «гюлюю» (Шевцова, 2007: 23, 24, 150, табл. VII-3, рис. Б, 153, 156). Однако подобный орнамент, нанесенный на поверхность «полки» козырька, обруч и подвешные шлема из ЦГМРК, не является исключительно казахским, как иногда полагают. Схожие (и даже аналогичные) орнаментальные мотивы присутствуют и на изделиях мастеров монголо-язычных народов Центральной Азии (Кочешков, 1973: рис. 1, 2; LaRocca, 2006: 75). Примечательно, что на упомянутом выше шлеме 2005.146 из Метрополитен стилизованные силуэты «парящих птиц» перемежаются А-образными символами буддийской мантры «Ом мани падмехум» (рис. 7, 2). Традиция украшать предметы вооружения множеством округлых «гнезд», инкрустированных кусочками кораллов и бирюзы характерна для изделий мастеров Мавераннахра позднего Средневековья и раннего Нового времени (Художественное оружие, 2010: 96, 97; Бобров, Анисимова, 2013: 206; Анисимова, 2013: 255, 261, 271, 276, 277). Однако схожее оформление встречается также на продукции казахских, уйгурских, ойратских, монгольских и тибетских ремесленников (Маргулан, 1986: 180; Маргулан, 1994: 134–136, 217, 225, 229; Anthony, 2003: 383; Каримова, 2005; Arnements and Military Provisions, 2008: 131–133; LaRocca, 2006: 195, 216, 217; Бобров, Анисимова, 2013: 206). Так, например, до нашего времени дошел джунгарский шлем, сочетающий стилизованную буддийскую символику с мелкими «гнездами» среднеазиатского образца (Бобров, 2015b).

Таким образом, козырек, обруч и подвешные шлема из ЦГМРК могли быть выполнены по обе стороны ойрато-казахской границы. Однако их ойратское происхождение (с учетом происхождения тульи наголовья) представляется все же более вероятным. При этом, не исключено, что работы по гравировке и инкрустации шлемовых элементов были проведены среднеазиатскими мастерами на джунгарской службе, или ремесленниками Восточного Казахстана, присырдарьинских городов или Мавераннахра по заказу знатного джунгарского феодала. Примеры сотрудничества джунгарских и среднеазиатских мастеров неоднократно прослеживаются, как по материалам вещественных, так и письменных источников (Худяков, Бобров, 2005; Бобров, 2015b). Пожалуй, самым оригинальным элементом конструкции шлема из ЦГМРК можно считать назатыльник, составленный из отдельных пластин прямоугольной формы. Ближайший аналог подобной конструкции фиксируется на позднесредневековом шлеме центрально-азиатского или южно-сибирского производства из долины р. Ий в Туве. Однако у данного шлема из отдельных пластин выполнен не назатыльник, а обруч тульи. При этом используется не подвижное, а жесткое крепление (Бобров, Худяков, 2003; Бобров, Худяков, 2008: 424, 426, 427 рис. 152, 2). Вероятно, первоначально шлем из ЦГМРК был снабжен традиционной для центрально-азиатского региона пластинчато-нашивной, ламеллярной или

«мягкой» (стеганой на вате) бармицей, которая впоследствии была заменена на пластинчатый назатыльник.

Что касается надвершия шлема в виде пиковидного острия, то его происхождение достаточно прозрачно. Подобное декоративное украшение, в целом не характерно для наголовий центрально-азиатских кочевников эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Зато оно являлось важным элементом оформления боевых наголовий «кула-худ» состоятельных воинов Передней Азии и других регионов «Мусульманского мира». Как показали специальные исследования, ранние варианты шлемов типа «кула-худ» появились в Иране еще в XVI в., а в XVII–XVIII вв. они получили широкое распространение в Западной, Средней и Южной Азии (Бобров, 2015а). Под влиянием моды на «кулахуд» переделке подвергались многие традиционные шлемы данных регионов. К ним добавлялись парные височные трубки-втулки, подвижные наносники-стрелки и, конечно, пиковидные надвершия (Бобров, Худяков, 2008: 213, 217, 218). С высокой долей вероятности, можно предполагать, что первоначально, шлем из ЦГМРК был снабжен традиционной для региона трубкой-втулкой для плюмажа, которая впоследствии была заменена на пиковидное острие. В пользу данной версии свидетельствует тот факт, что отделка надвершия и его общая декоративная стилистика резко отличаются от оформления других шлемовых элементов, в том числе и пластины-основания навершия (рис. 6, 2, 5). Модернизация наголовья могла быть проведена, как джунгарскими оружейниками (поддерживавшими тесные контакты с ремесленниками Средней Азии), так и казахскими мастерами. В последнем случае, подобные работы, вероятно, были осуществлены уже после того, как данный шлем попал в руки казахских кочевников в ходе торгового обмена, в качестве военного трофея или дипломатического подарка.

4. Заключение

Подводя итог настоящего исследования, представляется необходимым отметить следующие моменты. Хранящийся в собрании ЦГМРК шлем КП 25849/1 представляет собой исключительную научную и историко-культурную ценность. По качеству исполнения и уровню декоративного оформления он может быть отнесен к числу лучших образцов узко-пластинчатых шлемов номадов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В то же время, нет никаких оснований считать его «типичной разновидностью шлемов казахских батыров XVII–XVIII веков». Происхождение этого оригинального и богато оформленного наголовья связано с деятельностью оружейников работавших в рамках ойрато-монгольской военно-культурной традиции. Наиболее вероятно, что узко-пластинчатая тулья, а также козырек, обруч и подвершие шлема были изготовлены ойратскими оружейниками XVII – середины XVIII вв. Работы по гравировке и инкрустации шлемовых элементов могли быть проведены среднеазиатскими мастерами. В то же время подчеркнем, что наголовье, использовалось на протяжении длительного исторического периода, подвергалось переделке и, по всей видимости, неоднократно меняло своих владельцев. В числе последних, вероятно, были и знатные казахские воины, к которым данный шлем мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея. В ходе модернизации шлема, трубка-втулка была заменена на пиковидное-надвершие, имитировавшее аналогичный элемент на иранских шлемах «кула-худ». Вместо пластинчатой, кольчатой или стеганой бармицы к тулье был приклепан назатыльник оригинальной конструкции. Позднейшим элементом шлема следует считать кольчатую бармицу из сведенных колец.

5. Благодарность

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).

Литература:

Анисимова, 2013 – Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 528 с.

Ахметжан, 2007 – Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.

Ахметжан, 2015 – Ахметжан К.С. Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана, 2015. 102 с.

Бобров, 2015 – Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. // *Historiaiswiat*. № 4, 2015. С. 205–219.

Бобров, 2015b – Бобров Л.А. Джунгарский шлем из Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. Т. 14. 2015. Вып. 7. С. 242–248.

Бобров, 2016 – Бобров Л.А. Ойратский шлем с буддийской символикой из Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Ч.1. СПб: «ВИМАИВиВС», 2016. С. 264–272.

Бобров, Анисимова, 2013 – Бобров Л.А., Анисимова М.А. Центрально-азиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных

войск и войск связи // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 196–207.

Бобров, Худяков, 2003 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья: Новосибирск: ООО «РТФ»; НГУ, 2003. С. 66–212.

Бобров, Худяков, 2003а – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII вв. // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 138–155.

Бобров, Худяков, 2005 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 80–199.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Горбунов, 2003 – Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. 174 с.

Горелик, 1993 – Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.: «Наука», 1993. 349 с.

Горелик, 1993а – Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149–179.

Горелик, 2002 – Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

Каримова, 2005 – Каримова Р.У. Традиционные художественные ремесла и промыслы уйгуров. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005.

Кочешков, 1973 – Кочешков Н.В. Народное искусство монголов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. 200 с.

Маргулан, 1986 – Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алматы: Онер, 1986. Т. 1. 256 с.

Маргулан, 1986а – Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Резьба по дереву и кости. Алматы: Онер, 1986.

Художественная обработка, 1994 – Художественная обработка металла и тиснение по коже. Алматы: Онер, 1994. Т. 3. 248 с.

Художественное оружие, 2010 – Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. 272 с.

Худяков, Бобров, 2005 – Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 103–128.

Шевцова, 2007 – Шевцова А.А. Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М.: Московский фонд «Казахская диаспора», 2007. 240 с.

Anthony, 2003 – Anthony C. Tirri. Islamic Weapons. Magribto Moghul. New York: Indigo Publishing, 2003. 483 p.

Armaments and Military Provisions, 2008 – Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palase Museum. Beijing, 2008. 264 p.

LaRocca, 2006 – LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

References

Anisimova, 2013 – Anisimova M.A. (2013). Oruzhie Vostoka XV – pervojpoloviny XX veka: izsobraniya Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsksvyazi [Weapons of the East in XV– first half of XX century: from the collection of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps]. SPb.: Atlant. 528 p.

Akhmetzhan, 2007 – Akhmetzhan K.C. (2007). Etnografiya tradicionnogo vooruzheniya kazahov [Ethnography of the traditional weapons of the Kazakhs]. Almaty: Almatykitap. 216 p.

Akhmetzhan, 2015 – Akhmetzhan K.C. (2015). Boevye shlemy kazahov (istoriya, istoki, tradicii).[Combat helmets of the Kazakhs (history, origins, traditions)]. Astana. 102 p.

Bobrov, 2015 – Bobrov L.A. (2015). Iranskieshlemy «kula-hud» v komplekse zashchitnogo vooruzheniya tyurkskih kochevnikov Central'noj Azii XVII-XIX vv. [Iranian helmets "Kula hood" in complex protective arms of the Turkic nomads of Central Asia of XVII-XIX centuries]. *Historiaiswiat*. No. 4. pp. 205–219.

Bobrov, 2015b – Bobrov L.A. (2015). Dzhungarskij shlem iz Uzhno-Kazahstanskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Jungar helmet from South Kazakhstan regional historical Museum]. *Vestnik NSU. Ser.: History, Philology*. Vol. 14. Vol. 7. pp. 242–248.

Bobrov, 2016 – *Bobrov L.A.* (2016). Ojratskijs hlem s buddijskoj simbolikoj iz uzhno-Kazahstanskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Oirat helmet with Buddhist symbols of the South Kazakhstan regional historical Museum] // War and weapons. New studies and materials. Part I. St. Petersburg: "Visavis". pp. 264-272.

Bobrov, Anisimova, 2013 – *Bobrov L.A., Anisimova M.A.* (2013). Central'no-aziatskie shlemy pozdnego Srednevekov'ya I rannego Novogo vremeni iz Voennno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk I vojsk svyazi [Central Asian helmets of the late middle Ages and early modern times of the Military-historical Museum of artillery, engineer and signal corps]. *Vestnik NSU. Ser.: History, Philology*. Vol. 12, issue 3: Archaeology and Ethnography. pp. 196-207.

Bobrov, Khudyakov, 2003 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2003). Evolyuciya zashchitnogo vooruzheniya chzhurchzhenej i man'chzhurov v periody razvitogo I pozdnego Srednevekov'ya I Novogo vremeni.[Evolution protective arms of the Jurchen and the Manchus during the periods of middle and late middle Ages and early modern period] / Archaeology of southern Siberia and Central Asia of the late middle Ages: Novosibirsk: OOO "RTF"; NSU. pp. 66-212.

Bobrov, Khudyakov, 2003a – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2003). Boevye nagolov'ya kochevnikov Mongolii I Kalmykii vtoroj poloviny XVI – nachala XVIII vv. [Combat hats nomads of Mongolia and the Kalmykia Republic in the second half of XVI – the beginning of XVIII centuries]// Antiquities of the Altai. Gorno-Altaysk: Gorno-Altai state University; the Institute of Altaic them. S. S. Surazakova. pp. 138-155.

Bobrov, Khudyakov, 2005 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2005). Voennoe delo syan'bijskih gosudarstv Severnogo Kitaya IV–VI vv. n. eh. [Military affairs xianbei States of North China the IV–VI centuries A. D.] / Military Affairs of Central Asian nomads in xianbei era. Novosibirsk: NSU. pp. 80-199.

Bobrov, Khudyakov, 2008 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2008). Vooruzhenie I taktika kochevnikov Central'noj Azii I Uzhnoj Sibiri v ehpuhu pozdnego Srednevekov'ya I Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). [Weapons and tactics of the nomads of Central Asia and southern Siberia in the late middle Ages and early modern period (XV – first half of XVIII century)] SPb.: FAK. filol. and arts St. Petersburg state University. 770 p.

Gorbunov, 2003 – *Gorbunov V.V.* (2003). Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh) [The military population of the Altai in the III–XIV centuries Defensive weapons (armor)]. Barnaul : Publishing house Alt. state University. Part 1. 174 p.

Gorelik, 1993 – *Gorelik M.V.* (1993). Oruzhiedrevnogo Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.eh.).[Weapons of the ancient East (the Millennium IV–IV century BC)]. M.: Nauka. 349 p.

Gorelik, 1993a – *Gorelik M.V.* (1993). Zashchitnoe vooruzhenie stepnoj zony Evrazii i primykayushchih k nej territorij v I tys.n.eh. [Protective weapons in the steppe zone of Eurasia and adjoining territories in the I Millennium BC] / Military population of the South of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Nauka. pp. 149-179.

Gorelik, 2002 – *Gorelik M.V.* (2002). Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. [The army of the Mongol-Tatars X–XIV centuries the martial art, equipment, weapons]. M.: OOO "Eastern. horizon". 84 p.

Karimova, 2005 – *Karimova R.U.* (2005). Tradicionnye hudozhestvennye remesla I promysly ujugurov. [Traditional artistic crafts and trades of the Uighurs]. Almaty, "Dike-Press".

Kocheshkov, 1973 – *Kocheshkov N.V.* (1973). Narodnoe iskusstvo mongolov. [Folk art of the Mongols]. M: the Main edition of Oriental literature publishing house "Nauka". 200 p.

Margulan, 1986 – *Margulan A.H.* (1986). Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. [Kazakh folk applied art]. Almaty: Oner. Vol. 1. 256 p.

Margulan, 1986a – *Margulan A.H.* (1986). Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. Rez'ba po derevu i kosti. [Kazakh folk applied art. Carved wood and bone]. Almaty: Oner.

Art processing, 1994 – Hudozhestvennaya obrabotka metalla itisneniepokozhe. [Art processing of metal and leather carving]. Almaty: Oner, 1994. Vol. 3. 248 p.

Art weapons, 2010 – Hudozhestvennoe oruzhie iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki. [Art weapons from the State Hermitage collection. Catalogue of the exhibition]. SPb.: Slavia, 2010. 272.

Khudyakov, Bobrov, 2005 – *Khudyakov Yu.S., Bobrov L.A.* (2005). Etnokul'turnye kontakty i vzaimovliyanie russkih s tyurkskimi narodami Zapadnoj I Uzhnoj Sibiri v voennom dele v XVI–XVII vv. [Ethno-cultural contacts and mutual influence of Russian with Turkic peoples of Western and southern Siberia in the military in the XVI–XVII centuries] // the Study of historical and cultural heritage of the peoples of southern Siberia. Gorno-Altaysk. Vol. 2. pp. 103-128.

Shevtsova, 2007 – *Shevtsova A.A.* (2007). Kazahskij narodnyj ornament: istoki i tradiciya. [Kazakh folk ornament: origins and tradition]. M.: Moscow Foundation "Kazakh Diaspora". 240 p.

Anthony, 2003 – *Anthony C.* (2003). Tirri. [Islamic Weapons. Magrib to Moghul]. New York: Indigo Publishing. 483 p.

Armaments and Military Provisions, 2008 – Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palase Museum. Beijing, 2008. 264 p.

LaRocca, 2006 – *LaRocca D.* (2006). Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y. 307 p.

УДК 903.22

**Клепаный узкопластинчатый шлем из собрания
Центрального Государственного Музея Республики Казахстан**Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Алексей Викторович Сальников ^b^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация^b Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен богато оформленный железный шлем (КП 25849/1), хранящийся в фондах Центрального Государственного Музея Республики Казахстан (ЦГМРК, г. Алматы, Республика Казахстан).

По конструкции тулья, шлем из ЦГМРК может быть отнесен к отделу клепаных узкопластинчатых, а по форме купола к типу сфероконических. Тулья шлема склепана из 32 узких рельефных железных пластин с вырезами по правому краю. Пластины снабжены ребром жесткости и бортиком из медного сплава. «Коробчатый» козырек, подвешие и обруч шлема также изготовлены из медного сплава и украшены густым растительно-геометрическим орнаментом. «Щиток» козырька и подвешие инкрустированы кораллами, бирюзой и халцедоном. Венчает шлем пиковидное надвешие. Защита шеи представлена пластинчатым назатыльником к которому подвешена кольчатая бармица.

На основании анализа конструкции и системы оформления установлено, что шлем продолжал использоваться на протяжении длительного времени и неоднократно подвергался ремонту и реконструкции. Его тулья была выкована центрально-азиатскими (вероятно джунгарскими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Козырек, обруч и подвешие были изготовлены джунгарскими, казахскими или среднеазиатскими мастерами. Ближайшие аналоги шлема, украшенные буддийской символикой, происходят с территории Тибета и Западной Монголии. В настоящее время, они хранятся в Музее искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) и частных коллекциях.

Вероятно, первоначально, шлем был снабжен традиционной для региона трубкой втулкой для плюмажа, а также пластинчато-нашивной или стеганой бармицей, которые впоследствии были заменены на пиковидное острие и пластинчатый назатыльник соответственно. Позднейшим добавлением является кольчатая бармица из сведенных колец.

Шлем КП 25849/1 из собрания ЦГМРК представляет собой исключительную научную и историко-культурную ценность. По качеству исполнения и уровню декоративного оформления он может быть отнесен к числу лучших образцов узкопластинчатых шлемов кочевников Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В то же время, нет никаких оснований считать его «типичной разновидностью шлемов казахских батыров XVII–XVIII веков». Происхождение этого оригинального и богато оформленного наголовья связано с деятельностью оружейников работавших в рамках ойрато-монгольской военно-культурной традиции. Наголовье, использовалось на протяжении длительного исторического периода, подвергалось переделке и, по всей видимости, неоднократно меняло своих владельцев. В числе последних, вероятно, были и знатные казахские воины, к которым данный шлем мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Джунгария, казахи, джунгары, ойраты, защитное вооружение, шлем.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spmsl@mail.ru (Л.А. Бобров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 358-369, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.358
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(420).06

Events of 1688–1689 in England: Revolution, Coup d'etat or Conquest?

Leonid V. Sidorenko ^{a,*}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Glorious Revolution of 1688–1689 in England became one of the most important turning events in the history of the country that determined the disputes about its nature. For three centuries there were discussions about whether or not it was a full-scaled revolution, or coup d'etat, or act of conquest. Based on the dominant ideas in the world historiography, the author conducts a comparative analysis of each of these views on the events of the late seventeenth century. The article also examines the origin of the definition "the Glorious Revolution", which is not connected with the modern concept of "revolution" and is a tribute to the semantic tradition. As a result it is concluded that the Glorious Revolution is neither revolution, nor coup, nor conquest. Therefore, the only right solution is the idea of synthesis of these three concepts. The events of 1688–1689 have all the features of a revolution that led to the final consolidation of the political culture of England as constitutional monarchy with the support of active population. The revolution was achieved by the means of the coup d'état by the ruling elite, without the involvement of masses, but with their support. But due to the lack of really strong opposition, technically this coup was realized by a foreign ruler – Dutch Stadthouder William of Orange. That led to the understanding of those events by its contemporaries as a conquest. However the interests of "the conqueror" almost completely joined with the interests of the English society, that allowed the conquest to become invisible, glorious and bloodless, and what completely covers by the mythology of the Glorious Revolution.

Keywords: the Glorious Revolution, revolutionary settlement, James II, William of Orange, coup d'etat, conquest, counterrevolution, historiography.

1. Введение

Несмотря на эволюционный характер конституционного и политического развития Англии в Новое время, в ее истории можно обнаружить события, явно носящие революционные черты. Одной из таких переломных вех стала Славная революция 1688–1689 гг., которая, как и любое подобное событие, неизбежно по-разному трактовалось современниками и потомками. Споры о сущности этого поворотного момента не ослабевают и в наше время, чем-то напоминая дискуссии отечественных исследователей о Русской революции 1917 г., хотя и не такие политизированные. Исторически сложились три основных взгляда на произошедшую в конце XVII в. смену монарха на Британских островах, для объяснения которой были предложены концепции собственно революции, государственного переворота и завоевания. Целью данной статьи является анализ этих трех традиционных точек зрения о Славной революции и попытка ответить на вопрос, какая из них больше всего соответствует действительности.

Оценка характера событий 1688–1689 гг. требует, прежде всего, анализа генезиса утвердившегося в науке и общественном сознании термина «Славная революция». Важно выяснить, какой смысл в него вкладывали современники. Начать разбор следует со слова «революция», которое раньше понималось совершенно иначе. В XVII и даже XVIII вв. оно ассоциировалось в первую

* Corresponding author

E-mail addresses: l.sidorenko@spbu.ru (L.V. Sidorenko)

очередь с астрономией и все еще популярной астрологией, означая обращение небесных тел. Еще со Средневековья в английском языке «революция» стала означать поворот, периодическое движение вообще, завершение полного круга (Cohen, 1976: 261-262, 264). Однако в 1670–1680-х гг. наметилась тенденция изменения подхода к понятию «революция», которое стало приобретать более явный политический смысл продуманного изменения основ общества. Термин «революция» становится привычным в политическом дискурсе (Israel, 2006: 7). Так, уже до 1688 г. «революция» стала обозначать как ротацию правительств, так и движение светил, перейдя из научной в политическую сферу. В этом же видно и наследие Средневековья, когда о политиках думали как о зависевших от поворачивающегося колеса фортуны (Rosenstock-Huussy, 2012a: 161).

В итоге, начавший использоваться во второй половине семнадцатого века в политическом значении термин «революция» стал означать возвращение к первоначальному порядку вещей, к старой политической системе. То есть изначально революция была синонимом реакции, а значит и использовалось это слово в совершенно других условиях. В Англии термин «революция» вошел в оборот как раз во время событий 1688–1689 гг., которые их участники назвали Славной революцией, подразумевая относительно тихое завершение долгих политических потрясений. Она вернула старый порядок, а также внесла в него элементы новизны, став классическим примером революции в ее оригинальном значении (Bankowicz, 2012: 40-41). Англичане, реставрировав старый порядок, этим заново подтвердили свои «древние права и свободы». Консервативность и «славность» революции заключались в том, что почти вся политическая нация смогла ее принять (Zuckert, 1998: 13-14). Так в 1688 г. термин «революция» впервые потерял характер «космичности». При этом из-за своей умеренности отныне революция в Англии никогда не теряла позитивное восприятие, что не наблюдалось в Европе, где революция как таковая считалась непредсказуемым разрывом (Rosenstock-Huussy, 2012b: 2). В силу этого термин «революция» не носил в конце 1680-х гг. современного понимания полного переустройства структур общества и государства. Это слово означало, что события вернулись к имевшимся ранее условиям, а не привели к созданию новых. Именно в этом контексте Джон Локк выразился о Вильгельме Оранском как о «великом реставраторе» (Schwoerer, 2003: 3).

Ключевым понятием в терминологии событий 1688–1689 гг. является и «славность» революции. Хотя историки восемнадцатого столетия не всегда применяли определение «славная», они полагали, что события 1688–1689 гг. были революцией с особыми характеристиками (Hertzler, 1987: 580). Общество Англии видело в ней возврат к старым протестантским идеалам, а также к истинно демократическому правлению, которое исторически ассоциировалось с парламентом. Эта революция положила конец вековой борьбе в Англии между королевской властью и парламентом, твердо определив взаимоотношения этих институтов (Кареев, 2002: 4-5). В 1688 г., казалось, англичане смогли бескровно разрешить десятилетиями волновавшие их сложные вопросы религиозного и государственного устройства страны. При этом понятие «славная» активно стало использоваться в 1690-х гг., прежде всего сторонниками Вильгельма из числа духовенства для легитимизации нового режима. Однако на деле термин оказывается более старым: в английской церковной литературе он встречается для описания восшествия на престол императора Константина в древнем Риме, и даже для описания реставрации Карла II (Niggemann, 2012: 481-482). В то же время понятие «славности» органично дополняло термин «революция», как бы усиливая его неконфликтное значение тихого возвращения к старому порядку.

Таким образом, генезис понятия «Славная революция» и его закрепление в историографии не отражал сути событий 1688–1689 гг. в качестве современного понимания термина «революция», скорее наоборот. Но это не препятствует сторонникам разных подходов привычно обозначать эти события как «Славная революция», что является данью традиции, нежели реальным определением сути произошедшего. Поэтому историкам не следует попадать под влияние названия, создающего некий стереотип событий конца XVII в., а исходить из понимания именно их сущности, что и предпринимается в данной статье.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач предлагаемой статьи методологически основывается на классических принципах историзма и объективности. В ходе проведения исследования автором применялись традиционные в отечественной историографии сравнительно-исторический, историко-типологический методы. Так сравнительно-исторический метод позволил проанализировать характерные черты Славной революции в их взаимосвязи и противоречивости. В статье также применены историко-описательный и политико-описательный методы, обеспечившие сопоставление разных концепций Славной революции в мировой и отечественной историографии. В качестве источников были привлечены письма и воспоминания современников (Дж. Эллис, Н. Латтрелл), дневниковые записи (Дж. Эвелин), публицистика (Э. Бохан). Исследовательская литература включала в себя работы ведущих специалистов по общей теории революции в Англии (Дж. Блэк, М. Банкович, И. Кохен, Дж. Фарр, Дж. Исраэл, М. Малиа, И. Росенсток-Хусси, М. Зукерт и др.), историков событий 1688–1689 гг. и их последствий (Р. Бойер, Р. Иглз, У. Гибсон, М. Голди, Т. Харрис, Дж. Харрисон, Дж. Хоппит, Г. де Крей, А. Маршалл, Дж. Миллер, Д. Оннекинк, Дж. Рудольф, У. Захсе, Л. Швоер,

У. Спек, Д. Томас, М. Томсон и др.). Особо нужно отметить современные «ревизионистские» исследования Славной революции (С. Пинкус, С. Соверби), что позволяет заметно обогатить исследовательские подходы как по этому сугубо английскому событию, так и по теории революции в целом.

3. Обсуждение

Переходя к анализу сущности Славной революции, нужно рассмотреть сложившиеся в исторических трудах взгляды на проблему. В традиционной отечественной историографии утвердился подход к событиям 1688–1689 гг. как к бескровному государственному перевороту. При этом, хотя в наибольшей степени эта идея была развита в советское время, еще Н.И. Кареев упоминал, что революция 1689 г. являлась делом лишь правящего слоя Англии, так как в отличие от событий середины XVII в., в конце века выступлений народа не наблюдалось (Кареев, 2002: 148). Советские историки следовали воззрениям классиков марксизма-ленинизма, оценивавших смену власти монарха в Англии в 1688–1689 гг. как мирный переворот в положении социальных групп общества, в противовес настоящей революции середины столетия. Так Н.А. Ерофеев рассматривал Славную революцию как компромисс между крепнущей буржуазией и крупными феодальными землевладельцами, который усилил буржуазию как господствующий класс (Ерофеев, 1964: 25–26). По мнению К.Н. Татариновой Славная революция представляла переворот, завершивший буржуазную революцию 1640-х гг. в наиболее приемлемой форме мирного дворцового переворота, без участия народных масс. Переворот знаменовал установление в Англии ограниченной монархии и проводился в экономических интересах буржуазии, но оставив политическую власть в руках крупных землевладельцев (Татаринова, 1958: 220–221). Л.Е. Кертман тоже считал события 1688–1689 гг. безболезненным государственным переворотом. С его помощью буржуазные дворянские верхи смогли без войны устранить опасного для их господства короля. При этом верхушечный переворот состоялся благодаря тому, что за предшествующие ему сорок лет феодальный строй был разрушен. Этот переворот помог избежать новой революции, неизбежной при успехе феодально-католической реакции (Кертман, 1979: 129–130).

Взгляд на Славную революцию как бескровный переворот закрепился и в отечественной юридической мысли. В изданиях по истории государства и права смена власти в Англии оценивалась как завершение оформления компромисса между экономически господствовавшей буржуазией и правившей земельной аристократией, что заложило основы согласия между ведущими политическими силами страны (История государства, 2005: 29–31). Таким образом, оперируя понятием «революции», заложенным в марксизме, отечественные историки на сравнении с классическими революциями не могли определить события конца 1680-х гг. в Англии как полноценную революцию, считая их верхушечным переворотом, способствовавшим развитию парламентаризма, но на «сугубо аристократической основе», так как народные массы ушли из политической борьбы, а высшие слои буржуазии и нового дворянства сконцентрировали в своих руках всю власть (История буржуазного, 1983: 94).

Среди англоязычных исследователей тезис о Славной революции как о государственном перевороте также нашел последователей. Если в XVIII–XIX вв. об этом событии писали именно как о революции, в двадцатом столетии восторжествовало мнение о нем как дворцовом перевороте (Prall, 1985: VII). Отныне согласно представлениям многих западных историков, события 1688–1689 гг. виделись как самое неревolutionное дело, бескровный переворот, осуществленный вигами и тори. Революционное устройство лишь восстановило старые права и свободы (вновь зафиксированные в Билле о правах), нежели установило новые конституционные принципы (Harris, 1999: 28). В оценках событий стали доминировать консервативные нотки, восходящие к Эдмунду Берку, заметившему, что революция 1689 г. не формулировала новых прав, а только утверждала старые. Движение было большей частью консервативным и аристократическим: революция не свершалась огромной толпой разгневанного населения, не была она достигнута и победой вторгшейся армии, хотя по сути являлась общенациональной (Turberville, 1913: 119).

Подобные уточнения подготовили почву для пересмотра взглядов на события 1688–1689 гг. Если раньше считалось, что Славная революция сыграла важную роль в общественной мифологии и воспринималась как торжество духа свободомыслия и веротерпимости, в последнее время эти концепции активно пересматриваются. То, что очень долго виделось «неудержимым проявлением стремления британского народа к свободе и прогрессу», ныне рассматривается как захват власти, идеологический, политический и дипломатический кризис (Блэк, 2008: 234–235). Намечился пересмотр исторического значения Славной революции. В XX в. ее важность стала недооцениваться, грозя полностью сойти на нет в глазах современных историков. То, что считалось решающей победой духа либерализма и демократии, стало восприниматься как консервативная реакция (История Великобритании, 2008: 365).

4. Результаты

Таким образом, можно уверенно констатировать, что к концу двадцатого столетия самым распространенным взглядом на события 1688–1689 гг. было мнение о них как о перевороте.

Эта оценка основывалась на таких аргументах как бескровность Славной революции, мирной трансформации правящих элит, видимом отсутствии вовлечения широких народных масс в эти события. Однако тщательное изучение рассматриваемых событий показало, что ставшие традиционными постулаты о неучастии населения в смене королевской власти и ограниченности произошедшего, по меньшей мере, несостоятельны.

Несмотря на обоюдную заинтересованность как сторонников Якова II, так и Вильгельма Оранского избежать вовлечения в эти события масс населения, полностью достичь этой цели не удалось. Простые англичане улавливали ритм происходивших изменений и активно в них участвовали, в основном публично выражая свои антикатолические настроения. В течение осени 1688 г. можно заметить устойчивый рост количества и интенсивности выступлений против католиков, начиная от актов агрессии против отдельных лиц и атак на места культа, и заканчивая полномасштабным буйством толпы и почти анархией, пик которой пришелся на 11 декабря (Sachse, 1964: 26). Действия толпы в этот день превзошли все, что было известно ранее. Как минимум двадцать тысяч людей в Лондоне громили все напомиравшее о католицизме, не пощадив даже дом и молельню испанского посла, слывшего сторонником Вильгельма Оранского. Ущерб только от этого погрома достиг полусотни тысяч ф. ст. (Pincus, 2009: 258) В письмах современников описываются обыски лондонцами католиков с целью изъятия оружия, поджоги и уничтожение их домов и имущества, другие эксцессы и массовые беспорядки (The Ellis Correspondence, 1829: 345-348, 350-353). Эта ночь запомнилась яростью толпы и большими разрушениями, а лондонское небо не было так ярко озарено со времен Великого пожара. Пресса пестрила сообщениями и об антикатолических акциях во многих графствах страны (Sachse, 1964: 28, 30-31). Антикатолические выступления рубежа 1688-1689 гг. не являлись проявлением лишь религиозных предрассудков, а были сознательным актом политической мести сторонникам Якова II. При этом в нападениях участвовали не только низы общества, но и представители высших классов (Pincus, 2009: 258, 261).

К сожалению, об организации этой толпы известно мало. Даже в Лондоне она была обезличенной, разрозненной и изменчивой, имевшей общим лишь патологическую антипатию к католицизму (Sachse, 1964: 35). Впрочем, это не означает отсутствия в столице идейного центра. Если следовать определению радикалов XIX века, тогда лидеры лондонских вигов и их последователи в корпорации были сильно пропитаны радикальными идеями в 1680-х гг. Даже потом, когда со взятием власти Вильгельмом Оранским уличные страсти улеглись, в период дебатов в конвенте в Лондоне доминировали виги с популярными лозунгами (Krey, 1983: 590-591). Таким образом, можно констатировать, что один из аргументов в пользу рассмотрения событий 1688-1689 гг. как переворота оказывается неверным.

Еще одним свидетельством того, что Славная революция стала больше чем просто верхушечной сменой власти и заговором элит, является сам характер происходивших в 1688–1689 гг. изменений, прежде всего в политической сфере. Ведь события 1688 г. стали уникальной эрой в английской конституционной истории, когда в течение семи недель в стране отсутствовал законный монарх, а трон считался вакантным, что было новшеством даже по меркам гражданских войн, так как после казни Карла I на троне оставался законный наследник по принципу «король умер – да здравствует король» (Speck, 2000: 53-54). Другим признаком революционности того времени стал созванный в январе 1689 г. конвент. Этот орган не являлся ни полноценным конституционным конвентом, ни регулярным парламентом, так как не был заверен королем. Но ему пытались придать как можно больше легитимности (Rudolph, 2002: 97). В силу этого, если отойти от строгих схем определения революции, по английским меркам события 1688–1689 гг. имели достаточно революционности в своей основе, серьезно изменив принципы устройства церкви и государства. Другое дело, что революционность в узком английском понимании наоборот, имела тенденцию к контрреволюции, о чем ведут дискуссии современные историки.

Если рассматривать Славную революцию без учета ее последствий, можно заметить, что цели свергнутого Якова II в церковной и государственной сфере оказались более революционными, чем то, что было предложено революцией, и в этом плане его устранение по континентальным меркам является примером успешной контрреволюции, вызванной отказом Стюарта на троне играть по старым правилам (Harrison, 1990: 29, 43). По справедливому замечанию Р. Бойера «Весьма парадоксально, что Стюарты, которые потеряли трон в 1649 г. частично из-за религиозной нетерпимости, потеряли его позднее при попытке утвердить терпимость» (Boyer, 1964: 332), то, что элиты и общество опасались больше всего. Поэтому события 1688 г. вполне можно назвать Англиканской революцией, инициированной страхами общества и элиты за Церковь Англии, ее безопасность в правление Якова (Gibson, 2001: 61).

Парадоксально, но если традиционно революции начинаются тогда, когда власти не дают проводить реформы, требуемые обществом, в случае Славной революции как раз свергнутый Яков II выступал в роли реформатора в области религии, в то время как общество придерживалось охранительных позиций в этом вопросе. Поэтому Славную революцию можно назвать консервативной (Sowerby, 2013: 16). Ее также можно рассматривать как пример оборонительной революции, которая свершилась не для того, чтобы что-то радикально поменять (хотя изменения тоже произошли), а чтобы предотвратить успех мер Якова II, ведущих к расцвету католицизма и

трансформации английской ограниченной монархии в континентальный вариант абсолютизма (Thomas, 1995: 124-125). Но при этом обязательно важно помнить об ограниченном характере этих событий. Как замечает М. Малиа, английская революция имела одну важную черту – она не была направлена на создание принципиально нового типа общества, а всего лишь на реставрацию старого политического порядка, притом специфическими английскими средствами. Поэтому эта революция не могла служить моделью для других стран: в отличие от Французской и Русской революций, английскую нельзя было экспортировать (Malia, 2006: 160).

Впрочем, несмотря на растущее осознание консервативных черт Славной революции, в ее последствиях можно найти истинное революционное начало. Хотя со второй половины XX в. после преодоления вигского подхода в истории в англоязычной историографии приостановилось объяснение событий 1688–1689 гг. как политической революции, сегодня историки стали делать упор на социально-экономические и культурные аспекты, что в итоге даже привело к углублению понимания «революционности» событий конца XVII в. Автор уже отмечал, что «... Славная революция ... количественно и качественно усилила роль парламента, привела к глобальной трансформации английских финансов ... создала предпосылки для становления института кабинета министров и падения роли королевской прерогативы. Революция надолго вывела Англию из внешнеполитической изоляции, подняла ... династический вопрос, обеспечив рост якобитизма, установила правила игры для диссентеров, в целом способствовал ослаблению остроты религиозного вопроса, а также закрепила в политике роль партийных группировок вигов и тори... Революция нарушила традиционные связи между Англией и Шотландией, создав базу для будущей унии, ... а также заложила идейные ориентиры для правительственных и оппозиционных политиков ... хотя события 1688–1689 гг. имеют явный оттенок государственного переворота, его последствия оказываются по настоящему революционными...» (Сидоренко, 2013: 89).

Из указанных выше последствий самым важным, пожалуй, стали процессы трансформации английских финансов, получившие обозначение Финансовой революции, которая стала прямым итогом смены власти в Англии в 1688–1689 гг. Финансовая революция выразилась в конвертации краткосрочных займов короля в долгосрочные парламентские со значительным снижением процентов, и появлении постоянного долга (Munro, 2003: 558-559). В целом же Финансовая революция привела к росту финансовых институтов, обеспечив британские притязания на мировое господство за счет эффективного финансирования флота и армии, с чем не справились французы в XVIII в. (Harris, 2004: 205)

Обособление Финансовой революции позволяет современным историкам выделить в событиях конца XVII в. фактически две революции, произошедшие друг за другом в 1688 и 1689 гг. Первая, политическая, заключалась в удалении короля-католика Якова II и обладала указанными выше контрреволюционными чертами. Вторая, социально-экономическая, сфокусировалась на методах обеспечения войны, в которую нация вынужденно была вовлечена в 1690-е гг. новым королем. Именно эта социально-экономическая трансформация и обеспечила глубину последствий Славной революции, включая традиционные сдвиги в партийно-политической сфере (Marshall, 1999: 10).

Современные историки часто пренебрегают взглядом на события 1688 г. как на акт завоевания, хотя идея о завоевании Англии Вильгельмом Оранским была одной из концепций, предложенных публицистикой для интерпретации событий 1688-1689 г. и сыграла большую роль в примирении англичан с новым режимом (Thompson, 1977: 33, 36). Они должны были мыслить в прецедентной терминологии, чтобы бороться с беспрецедентными вызовами. Хотя формально Вильгельм отстранил Якова силой оружия, большинство англичан неохотно это принимало. С этим противоречием столкнулся конвент, который вынужден был примирять властные амбиции Оранского с присущей англичанам верностью принципам конституции (Miller, 1982: 554). Концепция завоевания усиливала основания Вильгельма на трон и благодаря этому широко использовалась в постреволюционных дебатах в стране. Она применялась и вигами, и тори в трех различных формах: в традиции Гоббса, используемой многими англичанами в 1689 г.; в традиции Брэдли, применяемой группой «неприсягнувших» как способе отрицания законности революции; в традиции Гроция, пытавшейся оправдать положение Вильгельма на троне правом завоевания в справедливой войне (Goldie, 1977: 570-571). В обосновании теории завоевания ведущую роль сыграл Эдмунд Бохан, автор первого исторического очерка о революции 1688 г., считавший, что Вильгельм Оранский по праву оружия получил то, что полагалось ему по династическому праву через супругу (Bohun, 1689). Таким образом, в 1688–1693 гг. идеям завоевания отводили важное место в полемике, применяя их для защиты режима новых монархов, апеллируя к тому, что завоевание, произошедшее при божественной помощи и ставшее результатом справедливой войны, давало завоевателям моральное право править, хотя не все было так однозначно (Thompson, 1977: 45).

Главной проблемой безусловного принятия концепции завоевания страны Вильгельмом Оранским является сам ход ее реализации. Статхаудер и в самом деле применил вооруженную силу для борьбы с Яковом II, но при этом его экспедиция не обладала должной решительностью и удалась только со второй попытки, что выдвинуло на первый план внутренние факторы устойчивости режима Якова II, так как эффекта внезапности достигнуто не было. Первая попытка высадки в октябре 1688 г. окончилась неудачей из-за штормов на море и сопровождалась потерей многих кораблей. Самым

неприятным был выход из строя более тысячи лошадей, критически важного ресурса для мобильности любых сил вторжения, что с военной точки зрения снижало шансы на успех второй экспедиции (Black, 1999: 12). В то время личный секретарь Вильгельма Константин Гюйгенс отмечал в дневнике, что, несмотря на обнадеживающие известия из Англии, статхаудер сомневался в успехе. Описывая свою встречу с принцем 26 октября 1688 г., Гюйгенс нашел его в мрачном настроении «очень меланхоличным, из-за его мыслей о необычном вояже, который мы начали зимой, и последствий, которые он может иметь» (Dekker, 2013: 35).

Но даже после успешной высадки 5 ноября 1688 г. стратегия Вильгельма Оранского представлялась скорее оборонительной, чем наступательной: он избегал вступать в сражение с королевскими войсками, в том числе по причине опасения проиграть битву за сердца англичан (что могло произойти даже при настоящей военной победе над королевскими войсками) (Speck, 2000: 56). Как отмечает Скот Соверби, Вильгельм Оранский использовал в своей экспедиции явно недостаточное количество войск для гарантированного успеха, если не учитывать его надежду на внутреннюю поддержку в Англии. Поэтому Славную революцию нельзя считать лишь результатом иностранного вторжения. Она была обеспечена народными выступлениями в центральной и северной Англии, за счет дезертиров из армии Якова и присоединившихся вооруженных людей. Но если вторжение нуждалось в массовых выступлениях, то и они нуждались во вторжении для достижения успеха (Sowerby, 2013: 219-220).

В целом в то время наблюдалась взаимная заинтересованность друг в друге голландского статхаудера и английского общества, но не безусловная. Так в дневнике Гюйгенса встречается упоминание нескольких эпизодов недовольства населения высадкой принца, например, когда двое разных мужчин пожелали смерти голландцу (Dekker, 2013: 37). И здесь как раз необходимо помнить, что для англичан (и особенно для Якова II), задуманное Вильгельмом предприятие выглядело вторжением и требовало адекватной реакции. По воспоминаниям современника правительство приняло меры по усилению наблюдения за морем, эвакуации в местах потенциальной высадки скота и лошадей вглубь побережья на 20 миль, созвало чрезвычайный королевский совет для совершенствования мер оборонного характера (Luttrell, 1857: 465, 470). Сторонники же Оранского видели в происходивших событиях аналогию шестисотлетней давности – поход Вильгельма Завоевателя (The Diary of John Evelyn, 1901: 270). После высадки войск статхаудера современник описывал прифронтовую обстановку, когда дороги страны были заполнены солдатами и перекрыты постами охраны, свобода передвижения была ограничена, торговля и коммерция – остановлены, денежное обращение замерло (Luttrell, 1857: 476). Особенно явственно военное присутствие голландцев бросалось в глаза в столице, где телохранители короля и его солдаты получили приказ удалиться из Лондона на расстояние не менее 20 миль (Mackintosh, 1834: 267). Принц также отдал приказ офицерам королевской армии в провинции держать своих солдат в местах их квартирования и подчиняться его дальнейшим приказам (Luttrell, 1857: 488).

В пользу завоевания говорит и то, что Вильгельм Оранский отнюдь не был политиком, принявшим спонтанно и по воле сердца приглашение своих английских друзей помочь им в создании «свободного парламента». Напротив, его экспедиция в 1688 г. была результатом вынашивавшихся в течение многих лет планов. Они окончательно сформировались в 1677 г. после женитьбы на Марии Стюарт (Ивонина, 2001: 17). Родственные связи с английской династией и личные визиты в Альбион уже с начала 1680-х гг. позволили статхаудеру сформировать круг информаторов и друзей, благодаря которым он неплохо ориентировался во внутренних делах Англии, имея многочисленные связи как при дворе, так и в оппозиционных кругах (Eagles, 2013: 132, 135).

Славная революция имела в равной степени внешнюю составляющую, в виде вторжения Вильгельма Оранского, и внутреннюю, в форме борьбы за парламентские права и интересы протестантов. При этом для правильной интерпретации вторжения необходимо помнить, что голландская интервенция не являлась только лишь идеей статхаудера, чья власть в республике была серьезно ограничена (Israel, 1999: 38). Для проведения подобного мероприятия (по количеству кораблей вчетверо превышавшего Великую Армаду 1588 г.), статхаудеру требовалось согласие Генеральных штатов, штатов Голландии, бургомистров Амстердама, адмиралтейства. Требовалось убедить элиту страны, что опасность, исходящая от Людовика XIV стоила всех рисков и затраченных 6 миллионов гульденов, и в этом Вильгельм преуспел. Он успешно пользовался страхами голландцев и их воспоминаниями о совместной англо-французской атаке на республику в 1672 г., которые порождали желание выбить из этого союза Англию (Israel, 1999: 39; Haley, 2003: 21). Важную роль в поддержке экспедиции сыграли Амстердамские бургомистры, которые 26 сентября 1688 г. провели собрание в зале советов городской ратуши. Тогда победили именно религиозные мотивы, и собравшиеся благословили предприятие с убеждением, что в случае его успеха протестантская религия будет защищена (Onnekink, 2009: 85). Из-за столь тщательного контроля над статхаудером со стороны нидерландских властей, ему приходилось бороться не только с потенциальным сопротивлением армии Якова, но и преодолевать сомнения в его собственной стране. Поэтому главный идеологический документ вторжения «Декларация причин» сыграла важную роль не только для общественного мнения Англии, кому она и предназначалась, но и для самих голландцев, которым также нужно было объяснить мотивы предприятия (Onnekink, 2011: 144). Вторжение было

тщательно продумано и как внешнеполитическая акция. Вильгельм обеспечил дипломатические тылы, заключив соглашения почти со всеми противниками Людовика XIV. Не будет преувеличением сказать, что Славная революция готовилась всей Европой и в значительной степени являлась результатом международной политики 80-х гг. XVII в. (Ивонина, 2001: 36-37, 39)

Принимая тезис о вторжении Вильгельма Оранского в Англию, нужно попытаться понять, почему это предприятие удалось с такой легкостью. «По настоящему важный вопрос заключается не в том, какие могли быть амбиции у Вильгельма, а почему Англия оказалась готовой принять его и его амбиции» (Prall, 1985: XV). Для многих наблюдателей прибытие голландского флота и армии, стычки в стране, вооруженный эскорт для Якова II и замена английских войск в Сити голландцами могли казаться завоеванием. Но завоевание имеет в виду подавление прав и свобод, а этого не наблюдалось (Thompson, 1977: 36-37). Являясь формально завоевателем, Вильгельм не желал действовать как завоеватель, но при этом и не встретил никакого серьезного сопротивления. В свое время Тревельян назвал Славную революцию «новым типом революции» из-за отсутствия насилия. Но как напоминает Д. Фарр: «...ее славность и бескровный характер стали возможны благодаря очень неславной и кровавой революции 1640 гг.» (Farr, 1982: 697). Именно этим объясняется всеобщая пассивность населения, когда даже изданная Оранским декларация с надеждой привлечь англичан на свою сторону, не имела никакого немедленного эффекта и заставила действовать немногих. Сторонники короля также затаились по домам. Многих страшила перспектива повторения ужасов гражданской войны 1640-х гг., что парализовало волю народа, для которого армии Вильгельма не стали основанием для защиты отечества от захватчика (Hopit, 2002: 17).

Здесь необходимо помнить об общем отношении англичан к европейским делам, когда у них априори имелась возможность альтернативной оценки двух «завоевателей» эпохи – Людовика XIV и его оппонента Вильгельма Оранского. Начиная с третьей англо-голландской войны антиголландские настроения в Англии снижались, тогда как франкофобия росла. Современников поражала военная мощь Франции и ее постоянные успехи в войне. В то время как контролируемая Оранским территория сократилась едва ли не до размера самой Голландии, было трудно поверить, что Нидерланды могут претендовать на построение абсолютной монархии (Pincus, 1995: 354-355). Как завоеватель Вильгельм не обладал отрицательным образом, в отличие от Людовика XIV, поддерживавшего непопулярные мероприятия Якова II, толкавшие Англию на путь строительства государства по французскому образцу.

5. Заключение

Подводя итоги статьи, можно отметить, что все три рассмотренных взгляда на события 1688–1689 гг. имеют равные основания как для их принятия наукой, так и для критического отклонения. В силу этого в чистом виде ни революция, ни переворот, ни завоевание не могут считаться как исключительно правильные объяснения событий конца семнадцатого века. Поэтому единственно верным решением является идея органического синтеза этих трех концепций. События 1688–1689 гг. обладают всеми чертами политической революции, приведшей к окончательному закреплению в политической культуре Англии особого типа монархии при поддержке активных слоев населения страны («политической нации»). При этом революция была достигнута свершением государственного переворота, организованного верхушкой правящей элиты, без привлечения широких масс, но с их поддержкой. Однако из-за того что внутри страны отсутствовали достаточно сплоченные силы оппозиции, технически совершать этот переворот выпало иностранному правителю – статхаудеру Голландии Вильгельму Оранскому, что привело к пониманию тех событий как завоевания. Однако при этом интересы Вильгельма полностью совпадали с интересами английского общества, что позволило сделать это завоевание незаметным, славным и бескровным.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых, МК-3624.2017.6 («Теория и практика революции в контексте развития парламентской монархии в Великобритании XVII–XIX вв.»)

Литература

- Блэк, 2008 – *Блэк Д.* История Британских островов. СПб.: Евразия, 2008. 540 с.
 Ерофеев, 1964 – *Ерофеев Н.А.* Империя создавалась так: английский колониализм в 18 веке. М.: Наука, 1964. 175 с.
 Ивонина, 2001 – *Ивонина Л.И.* Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688–1689 гг. Смоленск: СГПУ, 2001. 112 с.
 История буржуазного, 1983 – История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. Москва: Наука, 1983. 296 с.
 История государства, 2005 – История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 2. Современная эпоха / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Крашенинников. М.: Норма, 2005. 816 с.

- История Великобритании, 2008** – История Великобритании. / Под ред. Кеннета О. Моргана. М.: Весь Мир, 2008. 680 с.
- Кареев, 2002** – *Кареев Н.* Две английские революции XVII века. М.: ГПИБ, 2002. 205 с.
- Кертман, 1979** – *Кертман Л.Е.* География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. 384 с.
- Сидоренко, 2013** – *Сидоренко Л.В.* Исторические последствия Славной революции: к вопросу о революционности событий 1688-1689 гг. // *Вестник СПбГУ.* Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 82-91.
- Татарина, 1958** – *Татарина К.Н.* Очерки по истории Англии (1640-1815). М.: ИМО, 1958. 454 с.
- Bankowicz, 2012** – *Bankowicz M.* Coup d'Etat: A Critical Theoretical Synthesis. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. 122 p.
- Black, 1999** – *Black J.* Britain as a Military Power. London: UCL Press, 1999. 332 p.
- Bohun, 1689** – *Bohun E.* The Doctrine of Non-Resistance or Passive Obedience. No Way Concerned in the Controversies Now Depending between the Williamites and the Jacobites. By a Lay Gentleman, of the Communion of the Church of England, by Law Established. London: Richard Chiswell, 1689. 38 p.
- Boyer, 1964** – *Boyer R.E.* English Declarations of Indulgence of 1687 and 1688 // *The Catholic Historical Review.* 1964. № 3. pp. 332-371.
- Cohen, 1976** – *Cohen I.B.* The Eighteenth-Century Origins of the Concept of Scientific Revolution // *Journal of the History of Ideas.* 1976. № 2. pp. 257-288.
- Dekker, 2013** – *Dekker R.M.* Family, Culture and Society in the Diary of Constantijn Huygens Jr, Secretary to Stadholder-King William of Orange. Leiden – Boston: Brill, 2013. 195 p.
- Eagles, 2013** – *Eagles R.* 'If he Deserves it': William of Orange's Pre-Revolution British Contacts and Gilbert Burnet's Proposals for the Post-Revolution Administration // *Parliamentary History.* 2013. № 1. pp. 128-147.
- Farr, 1982** – *Farr J.* Historical Concepts in Political Science: The Case of "Revolution" // *American Journal of Political Science.* 1982. № 4. pp. 688-708.
- Gibson, 2001** – *Gibson W.* Church of England, 1688-1832: Unity and Accord. London – New York: Routledge, 2001. 269 p.
- Goldie, 1977** – *Goldie M.* Edmund Bohun and Jus Gentium in the Revolution Debate, 1689–1693 // *The Historical Journal.* 1977. № 3. pp. 569-586.
- Haley, 2003** – *Haley K.H.P.* The Dutch, the Invasion, and the Alliance of 1689 // *The Revolution of 1688-1689: Changing perspectives* / Ed. By Lois G. Schworer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 288 p. pp. 21-34.
- Harris, 2004** – *Harris R.* Government and the Economy, 1688–1850 // *The Cambridge Economic History of Britain since 1700. Vol. I. 1700-1850.* / Ed. by Roderick Floud and Paul Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 536 p. pp. 204-237.
- Harris, 1999** – *Harris T.* The People, the Law, and the Constitution in Scotland and England: A Comparative Approach to the Glorious Revolution // *The Journal of British Studies.* 1999. № 1. pp. 28-58.
- Harrison, 1990** – *Harrison G.* Prerogative revolution and glorious revolution: Political proscription and parliamentary undertaking, 1687-1688 // *Parliaments, Estates and Representation.* 1990. № 1. pp. 29-43.
- Hertzler, 1987** – *Hertzler J.R.* Who Dubbed It "The Glorious Revolution?" // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies.* 1987. № 4. pp. 579-585.
- Hoppit, 2002** – *Hoppit J.* A Land of Liberty? England 1689–1727. Oxford – New York: Oxford University Press, 2002. 580 p.
- Israel, 2006** – *Israel J.I.* Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670-1752. Oxford University Press, 2006. 983 p.
- Israel, 1999** – *Israel J.I.* William III, the Glorious Revolution and the Development of Parliamentary Democracy in Britain // *Foundation of Democracy in the European Union: From the Genesis of Parliamentary Democracy to the European Parliament.* / Ed. by Jon Pinder. Palgrave Macmillan, 1999. 151 p. pp. 33-40.
- Krey, 1983** – *Krey de G.S.* Political Radicalism in London after the Glorious Revolution // *The Journal of Modern History.* 1983. № 4. pp. 585-617.
- Luttrell, 1857** – *Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1857. 621 p.
- Mackintosh, 1834** – *Mackintosh J.* History of the Revolution in England in 1688 Comprising a View of the Reign of James II. From His Accession to the Enterprise of the Prince of Orange. Vol. II. Paris: Baudry's European Library, 1834. 403 p.
- Malia, 2006** – *Malia M.* History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World. / Ed. by Martin Malia, with a foreword of Terence Emmons. New Haven – London: Yale University Press, 2006. 360 p.
- Marshall, 1999** – *Marshall A.* The Age of Faction. Court Politics, 1660-1702. Manchester – New York: Manchester University Press, 1999. 234 p.
- Miller, 1982** – *Miller J.* The Glorious Revolution: "Contract" and "Abdication" Reconsidered // *The Historical Journal.* 1982. № 3. pp. 541-555.

- [Munro, 2003](#) – *Munro J.H.* The Medieval Origins of the Financial Revolution: Usury, Rentes, and Negotiability // *The International History Review*. 2003. № 3. pp. 505-562.
- [Niggemann, 2012](#) – *Niggemann U.* Some Remarks on the Origins of the Term “Glorious Revolution” // *The Seventeenth Century*. 2012. № 4. pp. 477-487.
- [Onnekink, 2009](#) – *Onnekink D.* The Last War of Religion? The Dutch and the Nine Years War // *War and Religion after Westphalia, 1648-1713.* / Ed. by David Onnekink. Farnham – Burlington: Ashgate, 2009. 274 p. pp. 69-88.
- [Onnekink, 2011](#) – *Onnekink D.* The Revolution on Dutch Foreign Policy (1688) // *Pamphlets and Politics in the Dutch Republic* / Ed. by Femke Deen, David Onnekink, Michel Reinders. Leiden – Boston: Brill, 2011. 261 p. pp. 143-171.
- [Pincus, 1995](#) – *Pincus S.C.A.* From Butterboxes to Wooden Shoes: The Shift in English Popular Sentiment from Anti-Dutch to Anti-French in the 1670s // *The Historical Journal*. 1995. № 2. pp. 333-361.
- [Pincus, 2009](#) – *Pincus S.* 1688: The First Modern Revolution. New Haven – London: Yale University Press, 2009. 647 p.
- [Prall, 1985](#) – *Prall S.E.* The Bloodless Revolution: England, 1688. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 343 p.
- [Rosenstock-Huessy, 2012a](#) – *Rosenstock-Huessy E.* "England: A Parliamentary Church" and "The European Significance of the Glorious Revolution" – Selections from *Out of Revolution* // *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final.* / Ed. by Paul Caringella, Wayne Cristaudo, Glenn Hughes. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. 385 p. P. 154-166.
- [Rosenstock-Huessy, 2012b](#) – *Rosenstock-Huessy E.* Revolution as a Political Concept // *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final.* / Ed. by Paul Caringella, Wayne Cristaudo, Glenn Hughes. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. 385 p. pp. 1-7.
- [Rudolph, 2002](#) – *Rudolph J.* Revolution by Degrees: James Tyrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 231 p.
- [Sachse, 1964](#) – *Sachse W.L.* The Mob and the Revolution of 1688 // *The Journal of British Studies*. 1964. № 1. pp. 23-40.
- [Schwoerer, 2003](#) – *Schwoerer L.G.* Introduction // *The Revolution of 1688-1689: Changing perspectives* / Ed. By Lois G. Schwoerer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 288 p. pp. 1-20.
- [Sowerby, 2013](#) – *Sowerby S.* Making Toleration: The Repealers and the Glorious Revolution. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2013. 404 p.
- [Speck, 2000](#) – *Speck W.A.* 1688: A political revolution // *Revolutions: The Revolutionary Tradition in the West, 1560-1991.* / Ed. by David Parker. London – New York: Routledge, 2000. 237 p. pp. 53-67.
- [The Diary of John Evelyn, 1901](#) – *The Diary of John Evelyn* / Ed. from the Original MSS. by William Bray. Vol. II. 1665-1706. New York – London: M. Walter Dunne, 1901. 366 p.
- [The Ellis Correspondence, 1829](#) – *The Ellis Correspondence. Letters Written during the Years 1686, 1687, 1688, and Addressed to John Ellis, esq.* / Ed. from the originals with notes and a preface by the Hon. George Agar Ellis. Vol. II. London: Henry Colburn, 1829. 392 p.
- [Thomas, 1995](#) – *Thomas D.L.* Locke on Government. London – New York: Routledge, 1995. 141 p.
- [Thompson, 1977](#) – *Thompson M.P.* The Idea of Conquest in Controversies over the 1688 Revolution // *Journal of the History of Ideas*. 1977. № 1. pp. 33-46.
- [Turberville, 1913](#) – *Turberville A.S.* The House of Lords in the Reign of William III. Oxford: Clarendon Press, 1913. 264 p.
- [Zuckert, 1998](#) – *Zuckert M.P.* Natural Rights & the New Republicanism. Princeton: Princeton University Press, 1998. 397 p.

References

- [Black, 2008](#) – *Black J.* (2008). Istorija Britanskikh ostrovov [History of the British Isles]. SPb: Evrasiya. 540 p. [in Russian]
- [Erofeev, 1964](#) – *Erofeev N.A.* (1964). Imperija sozdavalas' tak: anglijskij kolonializm v 18 veke [Empire was formed that way: English colonialism in XVIII century]. Moscow: Nauka, 1964. 175 p. [in Russian]
- [Ivonina, 2001](#) – *Ivonina L.I.* (2001). Mezhdunarodnye otnoshenija v Evrope konca XVII v. i Slavnaja revoljucija v Anglii 1688–1689 gg. [International relations in Europe and the Glorious Revolution of 1688–1689 in England]. Smolensk: SGPU. 112 p. [in Russian]
- [Istorija burzhuznogo, 1983](#) – *Istorija burzhuznogo konstitucionalizma XVII–XVIII vv.* [The history of bourgeois constitutionalism in XVII–XVIII centuries.] Otv. red. V.S. Nersesjanc. M: Nauka, 1983. 296 p. [in Russian]
- [Istorija gosudarstva, 2005](#) – *Istorija gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: Uchebnik dlja vuzov.* V 2 t. 3-e izd., pererab. i dop. T. 2. Sovremennaja jepoha [History of state and law of foreign countries: Textbook for universities. In 2 Vols. 3-d Ed., Rev. Vol. 2. The modern era]. Otv. red. d.ju.n., prof N.A. Krashenninikov. M.: Norma, 2005. 816 p. [in Russian]
- [Istorija Velikobritanii, 2008](#) – *Istorija Velikobritanii* [History of Great Britain]. Pod red. Kenneta O. Morgana. M: Ves' Mir, 2008. 680 p. [in Russian]

- Kareev, 2002** – Kareev N. (2002). Dve anglijskie revoljucii XVII veka [Two English revolution of the seventeenth century]. M: GPIB. 205 p. [in Russian]
- Kertman, 1979** – Kertman L.E. (1979). Geografija, istorija i kul'tura Anglii [Geography, history and culture of England]. M: Vysshaja shkola. 384 p. [in Russian]
- Sidorenko, 2013** – Sidorenko L.V. (2013). Istoricheskie posledstvija Slavnoj revoljucii: k voprosu o revoljucionnosti sobytij 1688–1689 gg. [Historical consequences of the Glorious Revolution: on the issue of revolutionary character of the events of 1688–1689]. *Vestnik St. Petersburg University*. Ser. 2. Issue 3. pp. 82–91. [in Russian]
- Tatarinova, 1958** – Tatarinova K.N. (1958). Ocherki po istorii Anglii (1640–1815) [Essays on the history of England (1640–1815)]. Moscow: IMO, 1958. 454 p. [in Russian]
- Bankowicz, 2012** – Bankowicz M. (2012). Coup d'Etat: A Critical Theoretical Synthesis. Frankfurt am Main: Peter Lang. 122 p.
- Black, 1999** – Black J. (1999). Britain as a Military Power. London: UCL Press. 332 p.
- Bohun, 1689** – Bohun E. (1689). The Doctrine of Non-Resistance or Passive Obedience. No Way Concerned in the Controversies Now Depending between the Williamites and the Jacobites. By a Lay Gentleman, of the Communion of the Church of England, by Law Established. London: Richard Chiswell. 38 p.
- Boyer, 1964** – Boyer R.E. (1964). English Declarations of Indulgence of 1687 and 1688 // *The Catholic Historical Review*. № 3. pp. 332–371.
- Cohen, 1976** – Cohen I.B. (1976). The Eighteenth-Century Origins of the Concept of Scientific Revolution. *Journal of the History of Ideas*. № 2. pp. 257–288.
- Dekker, 2013** – Dekker R.M. (2013). Family, Culture and Society in the Diary of Constantijn Huygens Jr, Secretary to Stadholder-King William of Orange. Leiden – Boston: Brill. 195 p.
- Eagles, 2013** – Eagles R. (2013). 'If he Deserves it': William of Orange's Pre-Revolution British Contacts and Gilbert Burnet's Proposals for the Post-Revolution Administration. *Parliamentary History*. № 1. pp. 128–147.
- Farr, 1982** – Farr J. (1982). Historical Concepts in Political Science: The Case of "Revolution". *American Journal of Political Science*. № 4. pp. 688–708.
- Gibson, 2001** – Gibson W. (2001). Church of England, 1688–1832: Unity and Accord. London – New York: Routledge. 269 p.
- Goldie, 1977** – Goldie M. (1977). Edmund Bohun and Jus Gentium in the Revolution Debate, 1689–1693. *The Historical Journal*. № 3. pp. 569–586.
- Haley, 2003** – Haley K.H.P. (2003). The Dutch, the Invasion, and the Alliance of 1689 // The Revolution of 1688–1689: Changing perspectives / Ed. By Lois G. Schworer. Cambridge: Cambridge University Press. 288 p. pp. 21–34.
- Harris, 2004** – Harris R. (2004). Government and the Economy, 1688–1850 // The Cambridge Economic History of Britain since 1700. Vol. I. 1700–1850. / Ed. by Roderick Floud and Paul Johnson. Cambridge: Cambridge University Press. 536 p. pp. 204–237.
- Harris, 1999** – Harris T. (1999). The People, the Law, and the Constitution in Scotland and England: A Comparative Approach to the Glorious Revolution. *The Journal of British Studies*. № 1. pp. 28–58.
- Harrison, 1990** – Harrison G. (1990). Prerogative revolution and glorious revolution: Political proscription and parliamentary undertaking, 1687–1688. *Parliaments, Estates and Representation*. № 1. pp. 29–43.
- Hertzler, 1987** – Hertzler J.R. (1987). Who Dubbed It "The Glorious Revolution?". *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1987. № 4. pp. 579–585.
- Hoppit, 2002** – Hoppit J. (2002). A Land of Liberty? England 1689–1727. Oxford – New York: Oxford University Press. 580 p.
- Israel, 2006** – Israel J.I. (2006). Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752. Oxford University Press. 983 p.
- Israel, 1999** – Israel J.I. (1999). William III, the Glorious Revolution and the Development of Parliamentary Democracy in Britain // Foundation of Democracy in the European Union: From the Genesis of Parliamentary Democracy to the European Parliament. / Ed. by Jon Pinder. Palgrave Macmillan, 1999. 151 p. pp. 33–40.
- Krey, 1983** – Krey de G.S. (1983). Political Radicalism in London after the Glorious Revolution. *The Journal of Modern History*. № 4. pp. 585–617.
- Luttrell, 1857** – Luttrell N. (1857). A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Vol. I. Oxford: Oxford University Press. 621 p.
- Mackintosh, 1834** – Mackintosh J. (1834). History of the Revolution in England in 1688 Comprising a View of the Reign of James II. From His Accession to the Enterprise of the Prince of Orange. Vol. II. Paris: Baudry's European Library. 403 p.
- Malia, 2006** – Malia M. (2006). History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World. / Ed. by Martin Malia, with a foreword of Terence Emmons. New Haven – London: Yale University Press. 360 p.

- Marshall, 1999** – Marshall A. (1999). *The Age of Faction. Court Politics, 1660–1702*. Manchester – New York: Manchester University Press. 234 p.
- Miller, 1982** – Miller J. (1982). The Glorious Revolution: “Contract” and “Abdication” Reconsidered. *The Historical Journal*. № 3. pp. 541-555.
- Munro, 2003** – Munro J.H. (2003). The Medieval Origins of the Financial Revolution: Usury, Rentes, and Negotiability. *The International History Review*. № 3. pp. 505-562.
- Niggemann, 2012** – Niggemann U. (2012). Some Remarks on the Origins of the Term “Glorious Revolution”. *The Seventeenth Century*. № 4. pp. 477-487.
- Onnekink, 2009** – Onnekink D. (2009). The Last War of Religion? The Dutch and the Nine Years War // War and Religion after Westphalia, 1648–1713. / Ed. by David Onnekink. Farnham – Burlington: Ashgate. 274 p. pp. 69-88.
- Onnekink, 2011** – Onnekink D. (2011). The Revolution on Dutch Foreign Policy (1688) // Pamphlets and Politics in the Dutch Republic / Ed. by Femke Deen, David Onnekink, Michel Reinders. Leiden – Boston: Brill. 261 p. pp. 143-171.
- Pincus, 1995** – Pincus S.C.A. (1995). From Butterboxes to Wooden Shoes: The Shift in English Popular Sentiment from Anti-Dutch to Anti-French in the 1670s. *The Historical Journal*. № 2. pp. 333-361.
- Pincus, 2009** – Pincus S. (2009). 1688: The First Modern Revolution. New Haven – London: Yale University Press. 647 p.
- Prall, 1985** – Prall S.E. (1985). *The Bloodless Revolution: England, 1688*. Madison: University of Wisconsin Press. 343 p.
- Rosenstock-Huessy, 2012a** – Rosenstock-Huessy E. (2012). “England: A Parliamentary Church” and “The European Significance of the Glorious Revolution” – Selections from *Out of Revolution // Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final*. / Ed. by Paul Caringella, Wayne Cristaudo, Glenn Hughes. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 385 p. pp. 154-166.
- Rosenstock-Huessy, 2012b** – Rosenstock-Huessy E. (2012). Revolution as a Political Concept // *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final*. / Ed. by Paul Caringella, Wayne Cristaudo, Glenn Hughes. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 385 p. pp. 1-7.
- Rudolph, 2002** – Rudolph J. (2002). *Revolution by Degrees: James Tyrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan. 231 p.
- Sachse, 1964** – Sachse W.L. (1964). The Mob and the Revolution of 1688. *The Journal of British Studies*. № 1. pp. 23-40.
- Schwoerer, 2003** – Schworerer L.G. (2003). Introduction // *The Revolution of 1688–1689: Changing perspectives* / Ed. By Lois G. Schworerer. Cambridge: Cambridge University Press. 288 p. pp. 1-20.
- Sowerby, 2013** – Sowerby S. (2013). *Making Toleration: The Repealers and the Glorious Revolution*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 404 p.
- Speck, 2000** – Speck W.A. (2000). 1688: A political revolution // *Revolutions: The Revolutionary Tradition in the West, 1560–1991*. / Ed. by David Parker. London – New York: Routledge. 237 p. pp. 53-67.
- The Diary of John Evelyn, 1901** – The Diary of John Evelyn / Ed. from the Original MSS. by William Bray. Vol. II. 1665-1706. New York – London: M. Walter Dunne, 1901. 366 p.
- The Ellis Correspondence, 1829** – The Ellis Correspondence. Letters Written during the Years 1686, 1687, 1688, and Addressed to John Ellis, esq. / Ed. from the originals with notes and a preface by the Hon. George Agar Ellis. Vol. II. London: Henry Colburn, 1829. 392 p.
- Thomas, 1995** – Thomas D.L. (1995). *Locke on Government*. London – New York: Routledge. 141 p.
- Thompson, 1977** – Thompson M.P. (1977). The Idea of Conquest in Controversies over the 1688 Revolution. *Journal of the History of Ideas*. № 1. pp. 33-46.
- Turberville, 1913** – Turberville A.S. (1913). *The House of Lords in the Reign of William III*. Oxford: Clarendon Press. 264 p.
- Zuckert, 1998** – Zuckert M.P. (1998). *Natural Rights & the New Republicanism*. Princeton: Princeton University Press. 397 p.

УДК 94(420).06

События 1688–1689 гг. в Англии: революция, переворот или завоевание?

Леонид Владимирович Сидоренко ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: l.sidorenko@spbu.ru (Л.В. Сидоренко)

Аннотация. Славная революция 1688–1689 гг. в Англии стала одним из самых важных поворотных событий в истории страны, что во многом предопределило споры о ее сущности. В течение трех веков велись дискуссии о том, являлась ли она полноценной революцией, или верхушечным государственным переворотом, или актом завоевания. На основе накопленных в мировой историографии идей, автор статьи проводит сравнительный анализ каждого из этих трех взглядов на события конца семнадцатого века. В статье также изучается происхождение словосочетания «Славная революция», которое оказывается не связанным с современным понятием «революции», а является лишь данью семантической традиции. В статье делается вывод, что в своем чистом виде ни революция, ни переворот, ни завоевание не могут считаться единственными объяснениями событий конца 1680-х гг. Поэтому правильным решением является синтез этих трех концепций. События 1688–1689 гг. обладают всеми чертами революции, приведшей к закреплению в политической культуре Англии конституционной монархии при поддержке активного населения страны. При этом революция была достигнута совершением государственного переворота, организованного верхушкой правящей элиты, без привлечения массовых слоев населения, но с их поддержкой. Так как в стране отсутствовали сплоченные силы оппозиции, технически реализовывать этот переворот выпало иностранному правителю – статхаудеру Голландии Вильгельму Оранскому, что привело к пониманию тех событий современниками как завоевания. Но при этом интересы иностранного «завоевателя» почти полностью совпадали с интересами английского общества, что позволило сделать само завоевание незаметным, славным и бескровным, полностью соответствуя мифологии Славной революции.

Ключевые слова: Славная революция, революционное устройство, Яков II, Вильгельм Оранский, переворот, завоевание, контрреволюция, историография.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 370-377, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.370
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Aristocratic Societies in the Caucasus in the XVIII–XIX centuries and Serfdom (on the Materials of the Collection of Laws of the Georgian King Vakhtang VI)

Semen I. Adinyaev^{a,*}, Elena K. Mineeva^b, Rashad A. Kurbanov^c

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Russian Federation

^c Russian Economic University named after G.V. Plekhanova, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of the legislation of the georgian king Vakhtang VI deals with serfdom at the aristocratic societies in the Caucasus in the XVIII–XIX centuries. The article is paid attention to the process of decline of serfdom in the period after the annexation of Georgia to Russia.

As the main source there was used the Collection of laws of the Georgian king Vakhtang VI, compiled in the early of XVIII century and republished in the late of XIX century, and scientific publications, which reflect the scope of the research.

The methodological basis of the study were the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the considered problems, a critical attitude to the sources, the making judgments as a result of an analysis of a set of facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation. The application of these methodological approaches allowed us to examine the situation in the aristocratic societies in 1800-1870-ies.

In conclusion, the authors note that Vakhtangov's laws characterized by humanism in the questions of inviolability of the human personality. When comparing the criminal laws of king Vakhtang with the laws of the european states of this period, there should state that georgian legislation was more lenient and indulgent to the human weakness. In laws there were completely ignored the legislative experience of islamic states.

After the accession of Georgia to the Russian Empire there began the process of updating the aristocratic societies by reducing the number of dependent classes. Despite the opposition of the nobility to 1870, overall, this process has been completed.

Keywords: aristocratic societies, democratic societies, Caucasus, Georgia, Abkhazia, Jigetia, serfdom.

1. Введение

Кавказ – это одна сложная агломерация. В XVIII–XIX вв. на Кавказе мы наблюдаем почти все очаги цивилизации. Здесь была христианская, языческая и исламская цивилизация. Действовало законодательство многих древних народов. Здесь по точному выражению Ф. Д. де Монперэ: «племена Кавказа представляют обычно редкий пример того постоянства, с каким некоторые народы сохраняют свои древние нравы; что делалось за тысячу лет до нашей эры, то делается и сейчас» (Монперэ, 2010: 35).

Во второй половине XVIII в. значительные территории на Кавказе подверглись изменениям государственного устройства. Если в 1770-е гг. практически все кавказское побережье Черного моря населяли аристократические племена и народы, то после восстания Ших Мансура в Чечне и распространения социальных волнений на соседей, власть потеряла значительная часть

* Corresponding author

E-mail addresses: s.adinyaev@mail.ru (S.I. Adinyaev), mineevaek21@mail.ru (E.K. Mineeva), Kurbanov.RA@rea.ru (R.A. Kurbanov)

аристократии Черкесии. На побережье это привело к тому, что наследственную власть над населением утратили натухайская, шапсугская и убыхская аристократии (Суханова, 2010; Зайцев, 2010). Удержали власть помимо грузин, только представители абазинского племени (джигеты и абхазы).

2. Материалы и методы

В качестве основного источника использован Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, составленный в начале XVIII века и переизданный в конце XIX в., а также научные публикации, в которых нашла отражение тематика исследования. Помимо этого были привлечены и документы Центрального государственного исторического архива Грузии.

Сборник законов царя Вахтанга VI как исторический источник состоит из нескольких составных частей: 1. Уложения, составленного или собранного самим Вахтангом в период до 1709 года, когда он был правителем Грузии, в отсутствие царя Георгия XI, бывшего в Персии; 2. Из заимствованных законов: во-первых, греческих¹, армянских², царя Георгия³, атабека Агбути⁴, моисеевых⁵ и каталикосовых⁶, во-вторых, из обычаев, введенных при грузинских царях законом.

Основными законами являлось Уложение царя Вахтанга. При этом постановления Вахтанга, Агбути и Георгия заключали в себе законы светские; каталикосовы и Моисеевы – духовные законы; армянскими законами руководствовались в делах торговых, коммерческих (Сборник законов, 1887: II). Что касается обычаев, то они были составлены в более позднее время. Греческие законы включались в сборник законов с целью сравнения и обогащения юридическим опытом.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу рассматриваемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Применение данных методологических приемов позволило изучить обстановку в аристократических обществах в 1800–1870-х гг.

3. Обсуждение и результаты

Д.З. Баркадзе писал, что законы царя Вахтанга представляют для своего времени стройное, законченное законодательство. «Понятно, мы не должны искать в Уложении Вахтанга расположения статей в строго научной системе; но отделы, по возможности, сгруппированы и свидетельствуют, что грузинский законодатель осмысленно принялся за свой тяжелый и весьма сложный труд. Насколько серьезно и обдуманно Вахтанг делал свою работу, видно из того, что он не довольствовался законами, обычаями и преданиями своего народа; но он изучил и принял за руководство законы греческие, римские, еврейские и армянские» (Сборник законов, 1887: II).

Структура аристократических и демократических обществ на Кавказе

Для всей рассматриваемой нами территории структура общества была примерно одинакова. Присутствовали сословия князей и дворян, свободных жителей, крепостных и рабов. Отличия между аристократическими и демократическими племенами заключались в процентном соотношении зависимого населения.

Таблица 1. Численность населения демократических племен Причерноморья по состоянию 1835 г. (Cherkasov et al., 2016: 389)

Сословия	Всего человек			Итого	В % от общего числа
	натухайцы	шапсуги	убыхи		
Князья	500	1125	240	1865	1,6
Дворяне	1600	3000	720	5320	4,5
Вольные жители	22400	54375	5880	82655	70,7
Крестьяне (пшитли, агырва)	4300	11250	2160	17710	15,1
Рабы	1200	5250	3000	9450	8,1
Всего	30000	75000	12000	117000	100

¹ Сокращение византийских законов.

² Перевод с законов, хранящихся в Эчмиадзине.

³ Грузинского царя Георгия V Блистательного (1318–1346 гг.)

⁴ Скорее Беки (владельца Самцхе-Саатабаго) умершего в 1391 году, но известны под именем его внука Агбути (скончался в 1451 году).

⁵ Извлечения из так называемой «Кормчей».

⁶ Каталикосами назывались владыки грузинской церкви.

Таблица 2. Абхазское аристократическое общество по состоянию на 1865 г. (Cherkasov et al., 2016a: 62)

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Привилегированные сословия		
Князья	1639	2,1
Дворяне, в т.ч. личные	4826	6,1
Всего	6465	8,2
Независимые сословия		
Вольные жители (анхаве) не платящие податей	9094	11,5
Мингрельцы	429	0,5
Азаты (не платящие, никому повинностей)	2105	2,7
Всего	11628	14,7
Зависимые сословия		
Вольные жители на владетельских землях ¹ (пиоши)	16943	21,4
Вольные жители (анхаве) на землях других князей	25381	32,0
Оброчные крестьяне (мойналепиоши)	1400	1,8
Крестьяне (агырва), в т.ч. подвластные	15223	19,2
Рабы (ахашала)	2155	2,7
Всего	61102	77,1
Итого	79195	100,0

Приведенные данные [Таблиц 1 и 2](#) показывают, что в демократических племенах основной массой населения являлись свободные жители, численность которых составляла более 70 % населения. В то же время в аристократических обществах этот процент составляли зависимые сословия. Более того в ряде мест на территории Кутаисской губернии в 1850 г. имелись территории с количеством зависимых более 90 %. Так, например, на территории Кударского участка (Имеретия) крепостными являлись 99 % населения, в Кулашском – 95 %, в Амаглебском – 91 %. В целом же на территории Имеретии было 72 % зависимых, а в Гурии их процент составлял – 74 % ([Сборник статистических..., 1869: 44](#)).

Таким образом, в 1830–1860 гг. отличия между аристократическими и демократическими племенами проявлялись в степени зависимости населения от центральной (аристократической) власти, то есть в степени централизации. Централизация поддерживалась региональным законодательством.

Законодательство, и притом единственное, которым управлялись аристократические племена перед присоединением Грузии² к России, есть Уложение Грузинского Царя Вахтанга VI. Уложение было составлено между 1703 и 1709 гг. При Уложении были приложены в переводе законы армянские и греческие, заимствованные: из древнего Уложения Великой Армении, и из постановлений Императора Юстиниана, Льва Мудрого и других. Цель одновременного издания этих законов состояла в том, чтоб ознакомить местных судей с их содержанием, а также дать возможность обращаться к ним – как к вспомогательным, в тех случаях, когда бы не нашлось, на тот или другой случай, разрешения в собственном Уложении Вахтанга.

Вахтанга законы, кодекс феодального права Грузии, составленный в 1705–1708 гг. под руководством царя Картли Вахтанга VI при участии представителей высшей духовной и светской знати. Состоят из извлечений из Библии, византийских, армянских и грузинских законов и собственно Уложения Вахтанга VI. Кодификация законов была вызвана возросшими требованиями судебной практики в связи с обострением классовых противоречий, а также задачей укрепления царской власти в борьбе с крупными феодалами. Вахтанговы законы юридически оформили крепостное право. Уложение Вахтанга VI фактически действовало во всей Грузии, а некоторые законы – и после присоединения Грузии к России. В течение XVIII в. Вахтанговы законы распространялись в рукописных списках. 1-е издание на грузинском языке. Уложения Вахтанга VI вышло в 1846 г. в Петербурге, последнее критическое издание – в Тбилиси в 1963 г., 1-е полное издание в русском переводе вышло в Петербурге в 1828 г. («Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI»), 2-е – в Тифлисе в 1887 под редакцией Д.З. Бакрадзе.

¹ Имеются в виду земли владетельных князей Шервашидзе.

² Грузией, в древности, называлась вся страна, населенная народами картвельского племени. После же отделения Имеретии в XV веке, Грузией стали именоваться только Карталиния, Кахетия и Сомхетия – территории, составляющие ныне Тифлиссский, Горийский, Телавский и Сигнахский уезды и Горский и Тионетский округа Тифлиссской губернии.

Грузинское крепостное право, по этому Уложению выглядело следующим образом:

Крепостным правом пользовались:

- 1) Тавады (князья);
- 2) Азнауры (дворяне);
- 3) Церковь.

Крепостной зависимости подлежали:

- 1) Крестьяне тавадские;
- 2) Крестьяне азнаурские;
- 3) Крестьяне церковные.

Помимо этого, были азнауры тавадские, то есть дворяне, состоящие в зависимости от князей.

Крепостное право устанавливалось:

- 1) Пожалованием от Царя (ст. 233);
- 2) Кабалою, то есть, если коренной житель иноземного владения придет и отдастся кому-либо

в крестьянство (ст. 198);

Помимо этого делались крепостными:

1) Чужестранный или иноверный, взятый в сражении в плен. Он принадлежит в собственность его тверже купленного крестьянина, если царь не возьмет его себе, или победитель сам не отпустит его на выкуп (ст. 254);

2) Подкидыш, или приемыш, взятый на воспитание, если воспитатель не отпустит его, пред своею смертью, на волю (ст. 261);

3) Незаконнорожденный сын, если он добровольно вступит в крестьянство братьев (ст. 110)

Если должник не состоятелен к платежу долга, то он может быть отдан заимодавцу в удовлетворении его претензии, но с условием, чтоб не был продан неверным (ст. 142).

Вор, обокравший в то время, когда муж с женою спят, в случае несостоятельности к удовлетворению обкраденного за кровь и за сделанные покражи, подвергается той же участи, как и несостоятельный должник (ст. 151) ([Статистический сборник, 1869: 4-5](#)).

Крепостное состояние доказывалось:

- 1) Жалованными царскими грамотами;
- 2) Решениями, царями утвержденными;
- 3) Купчими крепостями (имеется ввиду выданными в крепостях – Авт.)
- 4) Свидетелями ([Статистический сборник, 1869: 5](#)).

При Уложении Царя Вахтанга, которое было переведено на русский язык и издано для руководства при производстве гражданских дел Грузии, – приложено собрание обычаев под названием: Обычай, введенные при Грузинских Царях законом. В этих обычаях встречаются некоторые разъяснения и дополнения, относящиеся к предметам крепостного права в Грузии. Она следующая: Об актах владения крестьянами и имениями. В Грузии много купчих и рукописей, не имеющих ни года, ни числа месяца и без приложения руки или печати, а вместо их приложены крестики или пятна, сделанные пальцем, чернилами намазанным; но эти купчие за действительные признавались, находящиеся в них упоминания имения и крестьяне состояли во владении покупателя и приносили ему доходы (ст. 2).

О денежных повинностях, налагаемых владельцем на крепостных людей. Есть местный обычай, что, при первом выходе девицы замуж, местный помещик или его чиновник, откуда берут девицу, взыскивает со стороны жениха по 6-ти абазов, по 2 руб. и по 3 руб.; таковой обычай водится особенно между княжескими и дворянскими крестьянами, да и с казенных крестьян иногда тоже взыскивают. Кроме того есть обычай, что когда, вдова крестьянка княжеская или дворянская выходит замуж, то с жениха взыскивают плату, называемую саквиво, по достоинству вдовы от 5 до 50 руб. (ст. 65).

Об исправительных мерах со стороны владельца над крепостными людьми. Помещики – князья и дворяне – за преступление или вину могли крестьян своих штрафовать и наказывать палочными побоями, не имею, однако ж, права на лишение членов (конечностей – Авт.); кроме чего за все другое царь не делал им никакого выговора; поскольку помещики имеют над своими крестьянами полную власть, а крестьяне на них не могли нигде жаловаться (ст. 71).

О случаях, когда крепостные могут пользоваться льготами в отбывании царских и помещичьих повинностей. Когда царь, царица, царевичи или князья приступали к постройке новых селений и оканчивали их, то давали вновь поселенным там крестьянам как казенным, так и княжеским льготы на несколько лет и не менее шести (ст. 63).

Когда старший в доме княжеском или дворянском умирал, то царь крестьян его и имение освобождал на тот год от царских податей (ст. 68).

Когда какая деревня казенная, княжеская или дворянская претерпевала от гарда, то она на тот год освобождалась от податей (ст. 68).

Когда какая деревня казенная, княжеская или дворянская от нападения неприятельского была разоряема, то пока жители ее приходили в прежнее состояние, были свободны от всех податей (ст. 69) ([Статистический сборник, 1869: 12](#)).

Характерной особенностью аристократических обществ на Кавказе было широкое распространение крепостной зависимости (см. данные [Таблицы 2](#)).

В 1810-е гг. российское правительство не раз обращалось к процессу ограничения крепостной зависимости на территории Грузии. В 1811 году, по всеподданнейшему докладу Святейшего Синода, Высочайше утвержденному 30 июля, последовало отчисление всех церковных дворян в Грузии состоящих, с их крестьянами и именьями, из церковного в казенное ведомство ([ПСЗ РИ. 1811. № 24696](#)). Разумеется, мероприятия по сокращению количества зависимых на территории аристократических обществ вызвали сопротивление местной владетельной знати. Такие протесты имели место и в Грузии ([Очерки, 1973: 829](#)), и в Абхазии ([Материалы..., 2012](#)). Князей принимавших активное участие в протестных действиях русская администрация демонстративно лишала имений ([ЦГИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 387. Л. 1-27](#)). Иными словами требовалось время, чтобы местная аристократия привыкла к быстро изменяющемуся миропорядку.

В 1850 г. было сделано камеральное описание сословий Кутаисской губернии. В ходе описания было выявлено число помещичьих крестьян в губернии – 21356 дворов с 81723 душами мужского пола ([Сборник статистических..., 1869: 43](#)). В последующий период численность населения податных сословий, несмотря на естественный прирост, не сильно возрастала. Причиной этому был процесс отпуска на свободу.

Известно, что в период с 1850 по 1864 гг. было отпущено на свободу по Кутаисской губернии – 1314 семей ([Сборник статистических..., 1869: 43](#)). Как и на территории Абхазии, отпуск из зависимости не осуществлялся бесплатно. В 1858–1863 гг. в губернии произошел 351 случай отпуска на волю крепостных с недвижимым имуществом и 117 случаев отпуска без недвижимого имущества ([Сборник статистических..., 1869: 44](#)).

Несмотря на процесс сокращения крепостных к 1864 году в Кутаисской губернии были участки значительно заселенные зависимыми людьми. Так, например, на территории Кударского участка (Рачинского уезда) было 97 % крепостного населения. Близкой ситуация была в Кулашском, Амаглебском (Кутаисского уезда) и Сахгерском (Шарапанского уезда) где крепостных насчитывалось от 87 до 90 % населения. В Озургетском уезде (бывшая Гурия) процент зависимых снизился к 1864 г. до 70 ([Сборник статистических..., 1869: 44](#)). Тем не менее, были территории с низким количеством зависимого населения. Так, на Симонетском и Дымском участках (Кутаисского уезда) зависимые составляли от 22 до 26 %. В целом же по Кутаисской губернии процент зависимых составлял – 63 %. Для сравнения в Тифлисской губернии крепостное население (после реформы 1861 года – временно-обязанное) составляло около 22 % ([Сборник статистических..., 1869: 44](#)).

В абсолютных цифрах численность зависимых сословий выглядела следующим образом: в Тифлисской губернии в 1865 г. насчитывалось 106634 человека, а в Кутаисской, по данным на 1864 г., – 181270 человек ([Сборник статистических..., 1869: 45](#)).

В Кутаисской губернии преобладало мелкопоместное дворянство, владевшее поместьями не более чем в 5 крестьянских дымов. Особенно бедным было дворянство рачинское, из которого треть само занималось хлебопашеством ([Сборник статистических..., 1869: 46](#)). Для сравнения Тифлисской губернии на каждого владельца приходилось по 10 крестьянских дымов ([Сборник статистических..., 1869: 47](#)).

По состоянию на 1863 год в Кутаисской губернии помещиками выступали 4784 владельца, у которых имелось 24136 дворов крестьян ([Сборник статистических..., 1869: 47](#)).

Таблица 3. Привилегированные сословия Имеретии и Гурии на 1850 г. ([Сборник статистических..., 1869: 48](#))

	семейств	мужчин	женщин
Имеретия			
Князья	193	677	589
Дворяне	1536	5076	4182
Гурия			
Князья	40	124	130
Дворяне	229	907	730
Всего	12415 человек		

Помимо этого к привилегированным сословиям относились азнаурские семейства. В Имеретии их было 932, а в Гурии – 240. Таким образом, общее количество лиц привилегированных сословий должно было достигать 25,5 тыс. человек ([Сборник статистических..., 1869: 48](#)). Отсюда следует, что в Имеретии и Гурии на 1 дворянскую душу приходилось 3,8 крестьянских душ.

Азнауры по средствам к жизни могут быть приравняемы к крестьянам. Их следует считать на одно семейство в Имеретии 4,17 души мужского пола и 3,7 души женского пола, по Гурии 3,25 мужского пола и 2,5 женского. Таким образом, в Имеретии должно насчитываться 3886 мужчин и 3448 женщин, а в Гурии 780 мужчин и 600 женщин (*Сборник статистических..., 1869: 2*).

Ежегодная прибыль населения исчислялась по 1,5 % в год (*Сборник статистических..., 1869: 2*).

Заслуживающим внимания является также тот факт, что 1859–1862 гг. подсудимых по уголовным делам в Кутаисской губернии было 1344 человека (*Сборник статистических..., 1869: 54*), из них 1/3 принадлежала к дворянскому сословию (*Сборник статистических..., 1869: 56*). Преобладающими преступлениями были: 1) воровство; 2) грабеж; 3) убийство; 4) нанесение ран и увечья; 5) сопротивление распоряжениям правительства (*Сборник статистических..., 1869: 56*).

В Ахалцихском уезде данных о численности дворян не было.

Вскоре после опубликования «Положений 19 февраля 1861 г.», в марте того же года, Александром II было предложено наместнику Кавказа князю А.И. Барятинскому начать подготовку отмены крепостного права. Спустя некоторое время последовало «высочайшее повеление» об организации дворянских комитетов для подготовки проекта реформы.

Проекты грузинского дворянства, идеологом которого являлся Д. Кипиани, носили откровенно крепостнический характер, что объяснялось слабым развитием капиталистических отношений в Закавказье. Так, на губернском съезде тифлисского дворянства в мае 1863 г. большинством (539) голосов против 16 был принят проект, по которому крестьяне должны были быть «освобождены» не только без земли, но и без усадеб и всего недвижимого имущества. «Бывший крепостной,— отмечалось в проекте,— переселяясь с помещицей земли, все свое движимое имущество сохраняет за собой, а недвижимое, т. е. строения и насаждения, возведенные на помещицей земле, оставляет помещику» (*Авалиани, 1913: 91*).

Отмена крепостного права была произведена в Грузии одновременно. 13 октября 1864 г. был издан указ и в начале ноября опубликован закон об отмене крепостного права в Тифлисской губернии, т. е. в Картли и Кахетии. Ровно через год, 13 октября 1865 г., «Местное положение» для Тифлисской губернии с некоторыми отступлениями было распространено на Западную Грузию: Кутаисскую губернию, а на Мегрелию — 1 декабря 1866 г. В Абхазии крепостное право было ликвидировано в 1870 г., в Сванетии — в 1871 г.

Наряду с указанными группами крепостных существовали и рабы — «ахашала», не имевшие никакого хозяйства и жившие в домах своих феодалов. Общее количество зависимых людей в так называемом Сухумском отделе, образованном в середине 60-х годов в связи с ликвидацией Абхазского владельческого княжества, составляло, по данным 1866 г., 35 721 душу обоего пола (*ЦИАГ. Ф. 545. Оп. 11. Д. 138. Л. 36-37*).

Несколько слов необходимо сказать о ситуации в соседней Абхазии. Низший разряд земледельческого сословия в Абхазии составляли рабы, семейный (ахуцва) и не семейные (ахашала), соответствующие мингрельским и имеретинским моджалабам. Этот класс рабов образовался в Имеретии, Мингрелии и Абхазии под влиянием постоянно бывших там смут и беспорядков, развивших в этих странах в громадном размере пленопродавство. Моджалабы семейные (ахуцва) имели только тень гражданских прав. Господин их (которым мог быть и крестьянин) предоставлял им участок земли для их собственных потребностей и позволял им половину рабочего времени употреблять в свою пользу. Кроме того, такому моджалабу предоставлялось право заводить себе движимое имущество. Наследство у них распространялось только на сыновей. Все дочери моджалаба, по желанию господина, обязаны были служить у него в доме и часто бывали продаваемы без спроса родителей. Дочь моджалаба не имела права выйти замуж без позволения своего господина, который в подобных случаях брал за нее плату не определенную, как за дочерей крестьян, а по своему произволу, сообразно цене, какая в разное время стояла на девушек на рынках. Плата эта обыкновенно, смотря по красоте рабыни или по другим обстоятельствам, равнялась сумме от десяти до тридцати коров (*Документы по истории Грузии, 1954: 524*).

При всяких переселениях господина, его моджалабы обязаны были следовать за ним и всегда производить для него всякую работу без ограничения. Господин мог своих моджалабов подарить, продать и передавать по наследству без земли. Перейти в сословие крестьян моджалаб мог не иначе, как с согласия своего господина, отдав ему в виде выкупа все накопленное им имущество. Не семейные моджалабы (ахашала) были еще в худшем положении. Они не имели никаких человеческих прав. За убийство ахашала не платилось даже штрафа, а только господин его вознаграждался за убыток, причиненный ему убийством раба. Сам господин имел полное и неограниченное право на труд, жизнь и честь такого раба или рабыни. Ахашала, до введения в крае русского управления, служили разменной монетой. Так, например, владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе за пашку заплатил одному черкесскому князю несколько семейств моджалабов. Подобные же примеры были и в других аристократических обществах, например, в Мингрелии и Имеретии до введения на этих территориях русского управления (*Документы по истории Грузии, 1954: 524*).

4. Заключение

Завершая хочется отметить, что Вахтанговы законы отличались гуманизмом в вопросах неприкосновенности человеческой личности. При сравнении, уголовного законодательства царя Вахтанга с законами европейских государств этого периода, то придется констатировать, что грузинское законодательство было более мягким и снисходительным к человеческим слабостям. В законах полностью игнорировался законодательный опыт исламских государств. Это связано с тем, на наш взгляд, что исламские государства на протяжении ряда столетий представляли угрозу благосостоянию Грузии, в своем стремлении распространить ислам среди грузинского населения. Все это в совокупности заставляло грузин перерождаться в военный народ, формируя на его территории аристократические общества.

После присоединения Грузии к Российской империи, начался процесс обновления аристократических обществ путем сокращения количества владельцев зависимых сословий. Несмотря на противодействие знати к 1870-м гг., в целом, этот процесс был завершен.

5. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.А03.21.0008).

Примечания

[Авалиани, 1913](#) – *Авалиани С.* Крестьянский вопрос в Закавказье. В 2 т. Т. 2. Одесса, 1913.

[Документы по истории Грузии, 1954](#) – Документы по истории Грузии. Серия 2. Т. 1. / Под ред. проф. Ш.К. Чхетия. Тбилиси, 1954. 908 с.

[Зайцев, 2010](#) – *Зайцев А.М.* А.П. Ермолов: военный и политик // *История и историки в контексте времени*. 2010. № 7. С. 23–35.

[Материалы..., 2012](#) – Материалы по истории Абхазии XIX века (1863-1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сухум, 2012.

[Монперэ, 2010](#) – *Монперэ Ф.Д. де.* Путешествие вокруг Кавказа. Том 1. У черкесов и абхазов. Майкоп, 2010. 164 с.

[Очерки, 1973](#) – Очерки истории Грузии. Т. IV. Тбилиси, 1973.

[ПСЗ РИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.

[Сборник законов, 1887](#) – Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI. Под ред. Д.З. Бакрадзе. Тифлис, 1887. 423 с.

[Сборник статистических..., 1869](#) – Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I. Под ред. Н.И. Воронова. Тифлис, 1869.

[Суханова, 2010](#) – *Суханова И.З.* К вопросу о государственно-политическом устройстве «демократических племен» адыгов начала XIX века // *Русская старина*. 2010. № 2 (2). С. 9-11.

[ЦГИАГ](#) – Центральный государственный исторический архив Грузии.

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.

References

[Avaliani, 1913](#) – *Avaliani S.* (1913). Krest'yanskii vopros v Zakavkaz'e [The peasant question in the Caucasus]. V 2 t. T. 2. Odessa. [in Russian]

[Dokumenty po istorii Gruzii, 1954](#) – Dokumenty po istorii Gruzii [Documents on the history of Georgia]. Seriya 2. T. 1. / Pod red. prof. Sh.K. Chkhetiya. Tbilisi, 1954. 908 s. [in Russian]

[Zaitsev, 2010](#) – *Zaitsev A.M.* (2010). A.P. Ermolov: voennii i politik [Yermolov: soldier and politician]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. № 7. pp. 23–35. [in Russian]

[Materialy..., 2012](#) – Materialy po istorii Abkhazii XIX veka (1863-1874). Sbornik dokumental'nykh materialov [Materials on the history of Abkhazia of XIX century (1863-1874). The collection of documentary materials]. T. 3. Sukhum, 2012. [in Russian]

[Monpere, 2010](#) – *Monpere F.D. de.* (2010). Puteshestvie vokrug Kavkaza [The travel around the Caucasus]. Tom 1. U cherkesov i abkhazov. Maikop. 164 p. [in Russian]

[Ocherki, 1973](#) – Ocherki istorii Gruzii [Essays on the history of Georgia]. T. IV. Tbilisi, 1973. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

[Sbornik zakonov, 1887](#) – Sbornik zakonov gruzinskogo tsarya Vakhtanga VI [The collection of laws of the Georgian king Vakhtang VI]. Pod red. D.Z. Bakradze. Tiflis, 1887. 423 p. [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh..., 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [The collection of statistical information about the Caucasus, v. I. Ed. N.I. Voronov], t. I. Pod red. N. I. Voronova. Tiflis, 1869. [in Russian]. [in Russian]

[Sukhanova, 2010](#) – *Sukhanova I.Z.* (2010). K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom ustroistve «demokraticeskikh plemen» adygov nachala XIX veka [On the issue of public-political system "democratic tribes" of the Circassians in the early XIX century]. *Russkaya starina*. № 2 (2). pp. 9-11. [in Russian].

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia]. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66. [in Russian]

УДК 93/94

Аристократические общества на Кавказе в XVIII–XIX вв. и крепостная зависимость (на материалах Сборника законов грузинского царя Вахтанга VI)

Семен Ирсылевич Адиньяев ^{a, *}, Елена Константиновна Минеева ^b, Рашад Афатович Курбанов ^c

^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^b Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательства грузинского царя Вахтанга VI рассматриваются вопросы крепостничества у аристократических обществ на Кавказе в XVIII–XIX вв.

В качестве основного источника использован Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, составленный в начале XVIII века и переизданный в конце XIX в., а также научные публикации, в которых нашла отражение тематика исследования.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу рассматриваемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Применение данных методологических приемов позволило изучить обстановку в аристократических обществах в 1800–1870-х гг.

В заключении авторы отмечают, что Вахтанговы законы отличались гуманизмом в вопросах неприкосновенности человеческой личности. При сравнении, уголовного законодательства царя Вахтанга с законами европейских государств этого периода, то придется констатировать, что грузинское законодательство было более мягким и снисходительным к человеческим слабостям. В законах полностью игнорировался законодательный опыт исламских государств.

После присоединения Грузии к Российской империи, начался процесс обновления аристократических обществ путем сокращения количества владельцев зависимых сословий. Несмотря на противодействие знати к 1870-м гг., в целом, этот процесс был завершен.

Ключевые слова: аристократические общества, демократические общества, Кавказ, Грузия, Абхазия, Джигетия, крепостничество.

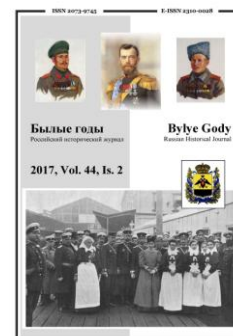
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.adinyaev@mail.ru (С.И. Адиньяев), [mineevak21@mail.ru](mailto:mineevek21@mail.ru) (Е.К. Минеева), Kurbanov.RA@rea.ru (Р.А. Курбанов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 378-386, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.378
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Artisans in the Social-Class Structure of the Cities of the North Caucasus

Berta V. Tuaeva^{a,*}, Zalina V. Kanukova^a, Yuliya V. Usova^b, Zalina T. Plieva^c

^aNorth-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named V.I. Abaev, Russian Federation

^bPyatigorsk State University, Russian Federation

^cNorth Ossetian State University named K.L. Khetagurov, Russian Federation

Abstract

In the Russian Empire of XIX century people were concentrating in cities, forming urban lifestyle and behavior and thereby creating peculiar social structure with different traditional and modern features.

In the current article the authors consider features of economical and social life of the North Caucasus citizens on the example of artisans. Legal framework, regulatory documents, factors and aspects of establishing the artisans' government are analyzed. The analysis of documents of Artisans' Government in Vladikavkaz demonstrates that all of the significant positions were occupied by philistines, who also acted as organizers of new enterprises. The criteria of selection (belonging to the estate, confessions, nationalities, the existence of a passport or residence permit, reliability, literacy, etc.) of the new members of Government and its management, including the position of foremen were identified during the research of the related archives and other sources.

The post-reform modernization in general promoted the emergence of new forms of social and corporate associations, which increased civil activity and initiative. However, during the research, the authors come to the conclusion that city governments in the North Caucasus have never become institutions of civil society, but have only acquired certain features of public institutions.

Keywords: The Russian Empire, North Caucasus, city, class of the artisans, philistines, Artisans' government of Vladikavkaz, Terskaya oblast, post-reform period.

1. Введение

Современные гуманитарные науки пристальное внимание уделяют изучению региональных особенностей российской модернизации позднеимперского периода, в том числе и вопросам урбанизации, города и городского народонаселения. Исследуются социально-культурные и экономические факторы развития городов. Однако, в отечественной историографии все еще остаются малоисследованными процессы формирования городских сословий на Северном Кавказе. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд материалов и источников второй половины XIX – начала XX в.

Сложившаяся в Российской империи в начале XIX в. сословная структура городского населения подразделялась на привилегированных и непривилегированных (податных). Ко второй категории были отнесены ремесленное и мещанское сословия, которые были экономически тесно связаны. Практически существовала лишь формальная грань для социальной дифференциации этих сословий, так как вплоть до 1917 г. они находились на «нижней ступеньке социальной лестницы», пополняя собой ряды мелких торговцев и промышленников, низших служащих, рабочих, прислуги. Здесь сказывалось существовавшее десятилетиями общественное разделение труда, скудное

* Corresponding author

E-mail addresses: amaga@ru.ru (B.V. Tuaeva), z.kanukova@mail.ru (Z.V. Kanukova), usova_yv@mail.ru (Y.V. Usova), za-li@yandex.ru (Z.T. Plieva)

имущественное положение, семейный способ ведения и потребительский характер хозяйства (Иванова, Желтова, 2009: 510). Экономическая деятельность представлялась традиционной для данных сословий и регламентировалась законодательством; а хозяйственная специализация города оказывала влияние на виды занятий. Уровень их доходов в целом был невысоким, что приводило к необходимости сочетать разные источники и возможности заработка, используя допустимые сферы городского хозяйства.

2. Материалы и методы

В качестве источников привлечены дореволюционные свидетельства по истории городских сословий. На основе анализа значительного массива архивных и опубликованных источников, статистических данных исследуемого периода определяется роль и значение ремесленного сословия в процессе интеграции социальных и экономических реформ на Северном Кавказе. В фондах Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А), в том числе: «Терское областное правление» (ЦГА РСО-А. Ф. 11), «Канцелярия начальника Терской области» (ЦГА РСО-А. Ф. 12), «Терское областное по городским делам присутствие» (ЦГА РСО-А. Ф. 17), авторами исследования почерпнуты сведения о развитии административной, хозяйственной и социальной среды северокавказских городов в исследуемый период, и что позволило раскрыть поставленную проблему.

Методология исследования базировалась на использовании принципов объективности и историзма. Анализ описываемых процессов предусматривал всесторонний подход к решению поставленных задач; а системный подход позволил проследить этапы формирования структуры ремесленных управ. Методы источниковедческого и историографического исследования, а также междисциплинарный подход (история, урбанистика, социология) позволили в рамках настоящей статьи проследить эволюцию ремесленного сословия на Северном Кавказе в условиях пореформенной модернизации как отражение особенностей развития российского общества в целом. Но, при этом учитывается, что уровень аккультурации, образованности, общественной активности и интенсивность социальной мобильности сословий имели свою специфику в каждом регионе Российской империи.

3. Обсуждение

Из массива опубликованных трудов, посвященных процессам урбанизации, роли города и развитию городской среды, выделяются работы известных отечественных ученых Б.Н. Миронова (Миронов, 1990), Кошман Л.В. (Кошман, 2008) Ивановой Н.А. (Иванова, Желтова, 2009) и др. Изучению региональных особенностей российской модернизации XIX–XX вв., анализу трансформаций конкретных форм общественного устройства, политической, социально-экономической и культурной среды посвящены работы ученых-кавказоведов З.В. Кануковой (Канукова, 2002; Канукова, 2009; Канукова, Гутиева, 2013), П.А. Кузьминова (Кузьминов, 2004), И.Т. Цориевой (Цориева, 2010), Б.В. Туаевой (Туаева, 2010; Туаева, 2013), Р.А. Тлепцока (Тлепцок, 2011), Б.В. Виноградова (Виноградов и др., 2012) и др.

В зарубежной историографии вопросы русского города рассматриваются в контексте фундаментальных исследований о путях исторического развития России и Запада, о причинах и судьбах русских революций начала XX века. Так, в работах Ф. Броделя (Braudel, 1979) и Ч. Фитьян-Адамса (Phythian-Adams, 1987) под функцией города подразумевается деятельность его жителей, направленная на связь с внешним миром, обеспечивающая его жизненные ресурсы и оправдывающая его существование. Х. Хауманн (Haumann, 1979) выделяет специфические черты в процессе развития российских городов, выдающуюся роль государства в ходе их формирования, акцентируя внимание на административной функции, на отсутствии бюргерского сословия, трансформирующегося в буржуазию.

4. Результаты

Организация ремесленного сословия имела две основные формы: полное цеховое устройство и упрощенное ремесленное управление. Отрезок времени от издания регламента Главного магистрата 16 января 1721 г. до крестьянской реформы 1861 г. можно назвать «периодом оформления цеховой организации русского ремесла и ее постепенного внедрения в строй городской жизни». Указами Петра I, Ремесленным положением 1785 г., Уставом цехов 1799 г. и законом 1852 г. об упрощенном ремесленном управлении были определены организационные формы ремесленных цехов и основные принципы их деятельности; «городские ремесленники не преминули воспользоваться предоставленным им правом», и ко второй половине XIX в. цеховое устройство в полном или упрощенном виде имело уже в 150–180 наиболее крупных городах. В значительной части городов, однако, ремесленники продолжали оставаться без цеховых объединений, а там, где цехи были образованы, деятельность их не получила «надлежащего размаха» (Пажитнов, 1952: 127).

Все ремесленники делились на две категории: вечно-цеховые и временно-цеховые. Собственно ремесленное сословие составляли вечно-цеховые, т.е. лица, навсегда приписанные к этому сословию, независимо от того, занимаются ли они ремеслом или нет. Временно-цеховые состояли из лиц других

сословий: дворяне, купцы, мещане, крестьяне, входящие в состав ремесленного общества, и именно на лишь время, пока занимаются ремеслами. Цеховые иностранцы числились на одних основаниях с временно-цеховыми русскими (Шацилло, 2004: 73; Пажитнов, 1952: 134-135). Избирательными правами и вообще правом участия в сословно-ремесленном самоуправлении пользовались исключительно вечно-цеховые, а временно-цеховые, русские и иностранцы, прав этих не имели. Так, например, мещанин, открыв свое ремесленное заведение, хотя и приписывался к ремесленному обществу в качестве временно-цехового, но также продолжал оставаться членом мещанского сословия, уплачивая в казну повинности и пользуясь правом участия в общественных делах мещанского же сословия.

Введение ремесленного управления в городах империи не было повсеместным. В отдельных регионах упрощенное или полное управление могло возникнуть в большинстве городов; в других же – только в крупных городах. К концу XIX в. ситуация на Кавказе, в Кубанской области только в г. Ейске отмечено существование упрощенного ремесленного управления (без подразделения на цехи), организованного в 1861 г. Всех ремесленников в пяти городах области насчитывалось 4 187, в том числе в Екатеринодаре – 987, Ейске – 1 119 с подмастерьями и учениками, в Тамани – 98, в Анапе – 112, в Майкопе – 1 885. Относительно Майкопа сообщалось, что ремесленники занимаются своими ремеслами только зимой, в летнее же время большая их часть уходит на полевые работы. В Кутаисской губернии отдельное от мещан ремесленное сословие существовало лишь в г. Кутаисе, где насчитывалось 800 ремесленников и 600 подмастерьев. Организовано оно здесь в форме упрощенного ремесленного управления в 1883 г. (Туаева, 2013: 148-149).

В Ставропольской губернии только в губернском городе существовало упрощенное ремесленное управление, преобразованное в 1878 г. из прежней цеховой управы, которая была учреждена в 1836 г. с разрешения начальника Кавказской области. Всех ремесленников в Ставрополе значилось 400 человек. В Терской области только в г. Владикавказе ремесленники имели особую организацию, хотя не составляли отдельного от мещан сословия. В 1865 г. здесь было введено упрощенное ремесленное управление, с разрешения Кавказского наместника, а с 1876 г. – полное цеховое устройство. Всех ремесленников числилось 941 (682 мастера и 259 подмастерья), которые разделялись на 10 цехов. В Тифлисской губернии только в г. Тифлисе местные ремесленники составляли отдельное от мещан сословие с особым управлением. С 7 июля 1867 г. здесь было введено полное цеховое устройство, т.е. общая ремесленная управа и отдельные для каждого цеха управы. Всех ремесленников значилось 5 954 человека, которые распределялись по 59 цехам (Пажитнов, 1952: 182-197). В других кавказских городах, при наличии ремесленников, не зафиксированы были случаи открытия ремесленных управ.

Открытие ремесленной управы занимало достаточное длительное время и было обставлено сложными правовыми процедурами. Для открытия в г. Владикавказе упрощенной ремесленной управы понадобилась двухлетняя переписка официальных структур, с уточнениями и разъяснениями многих составляющих. Анализ архивных данных фонда Канцелярия Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска подтверждает сложность процесса оформления и открытия ремесленной управы. Проект отношения от 16 декабря 1864 г. Начальнику главного управления Наместника Кавказского от начальника Терской области по вопросу открытия в г. Владикавказе ремесленной управы гласил: «Владикавказское городское общественное управление при рапорте от 12 ноября 1864 года за № 4103, представляя поданное на Высочайшее Имя Государя Императора прошение занимающихся в городе Владикавказе разными ремеслами, в котором они излагают что число ремесленников в городе с каждым годом значительно увеличивается, между тем многие из них занимаются разными ремеслами без всяких правил, не имея законных доказательств на знание своего дела и без взноса в городской доход повинностей, - просят в видах общей пользы, а также для увеличения городских доходов, как равно в обеспечении их от подрыва ремесленниками незнающими своего ремесла, учредить в городе Владикавказе ремесленное управление на основании узаконений...» (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 432. Л. 1). Официальное открытие ремесленной управы, после того как Его Императорское Величество утвердили ходатайство об учреждении здесь упрощенного ремесленного управления, также должно было соответствовать регламенту, о котором городскому общественному управлению было доложено своевременно.

Для выборов 9 августа 1865 г. ремесленники, согласно списочному составу, собрались в городском общественном управлении в 8 часов утра, о чем было доведено до сведения Терского областного прокурора, который по прибытии, в присутствии управления, объявил обществу ремесленников о цели настоящего собрания, т.е. о создании упрощенного ремесленного управления. Затем присутствующие в городском управлении вместе с областным прокурором, владикавказским полицмейстером и обществом ремесленников прошествовали в городскую церковь, где после краткого молебствия были приведены к присяге. В документах отмечается, что большее число баллов при процедуре голосования на должность ремесленного старшины было отдано французско-подданному, владикавказскому 2-й гильдии купцу Фортунатусу Верле. Должности товарищей получили по числу голосов владикавказские мещане из православных Коней Остапенко и Яков Зеленский, тифлисский макалак из евреев Хаим Сахаров и владикавказский мещанин из евреев Исай Радовильский (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 432. Л. 9-13).

В самом начале функционирования владикавказской управы, выяснились новые затруднения, связанные с грамотностью избранных на должности. Затребовав объяснений со стороны правления ремесленной управы, прокурора и других должностных лиц, последовало сложное разбирательство, в ходе которого вскрылись новые стороны дела и выяснилось, что прокурор рекомендовал письмоводителям ремесленной управы отставного губернского секретаря Трофимова, так как члены управы мещане Зеленский и Остапенко были почти безграмотны, а старшина Верле свободно не понимал русского языка. При проверке у прокурора возникли вопросы к товарищу Остапенко, который не указал внесенные суммы и подчистил шнуровую книгу (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 432. Л. 59-60об). Длительное расследование закончилось тем, что для ревизии прихода и расхода сумм ремесленной управы (взыскиваемых пошлин с ремесленников), по рапортам прокурора 5 июля 1866 г. была создана комиссия из 6 депутатов и 6 выбранных от Общества ремесленников.

Для полного надзора, а также налогообложения все перемещения лиц податного сословия должны были фиксироваться. Для этого, в частности, выдавались паспорта или так называемые виды, билеты на проживание. За этим процессом следило не только корпоративное управление, но и городская полиция. В апреле 1868 г. из Канцелярии Начальника Терской области поступил запрос в полицию г. Владикавказа с тем, что многие из ремесленников, проживая в городе, не имеют узаконенных видов или паспортов, что строго воспрещалось. Вследствие чего Канцелярия Начальника области, отправила в Городскую полицию список тех ремесленников, которые не имели установленных законом видов или паспортов, предлагая немедленно распорядиться об объявлении сроков на приобретения документов. В противном случае ремесленников рекомендовано было выдворить в места прежнего проживания (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 432. Л. 188-190).

Для качественной работы сословных учреждений многое зависело от компетентности выбранных на должности. Цеховой старшина и старшинские Товарищи должны были стараться «о благоуспешном состоянии ремесла, о приращении искусства в ремесле, о добром порядке и согласии ремесленников; и для того им самим надлежит поступать справедливо и беспристрастно во всех делах в чем и присягою обязаны. Они же ответствуют за всякие учиненные цехом упущения, злоупотребления или неисполнение ремесленных постановлений» (СЗ, 1913: 316). Но, не всегда возложенные на председателя городского общественного управления обязанности Старшины ремесленной управы могли выполняться достаточно полно, о чем сообщал Начальнику Терской области председатель Владикавказского управления в своем рапорте: «Исполнение обязанности Старшины Ремесленной управы впредь до особого распоряжения Ваше Превосходительство предписанием от 8 сего марта за № 926 возложили на меня; вследствие сего честь имею доложить, что за обширностью занятий по обязанности Городского Головы, а также за ежедневным почти присутствием в комитетах учрежденных по разным предметам городского хозяйства и в комитетах благотворительных заведений, я не могу исполнять обязанности старшины и по сему покорнейше прошу распоряжения Вашего Превосх-ва о назначении Старшины по выбору ремесленного общества» (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 432. Л. 186).

Ответственно относились ремесленники и мещане к выбору глав управ, старшин, товарищей и др. должностных лиц. По закону, ремесленный голова избирался из цеховых мастеров. Он должен уметь читать и писать, опытным и авторитетным и быть мастером не менее пяти лет до избрания (СЗ, 1913: 283). Подтверждает эти критерии Приговор, вынесенный 23 декабря 1879 г. ремесленным обществом г. Владикавказа: «Мы нижеподписавшиеся цеховые старшины и гласные от каждого цеха, будучи сего на собрании, в здании Владикавказской ремесленной управы, для избрания владикавказского ремесленного головы, почему и посредством баллотировки избрали мастеров: Владикавказского мещанина Неана Чибисова, одесского мещанина Леонарда островского, Закатальского жителя Василия Монастырского, владикавказского 2 гильдии купца Владимира Нищева, крестьянина Ярославской губернии и уезда, села Бутятина Ефима Козлова и прусско-подданного Густава Лейтгольда, из коих по баллотировке получили баллов: Чибисов – 11 избирательных, 10 неизбирательных; Островский – 10 избирательных, 10 неизбирательных; Монастырский – 15 избирательных, 5 неизбирательных; Нищев – 4 избирательных, 17 неизбирательных; Козлов – 11 избирательных, 9 неизбирательных; Лейтгольд – 6 избирательных, 14 неизбирательных.

Определили: так как Закатальский житель Василий Монастырский получил по баллотировке получил больше баллов, то поэтому избираем его Головой на один год (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 394. Л. 2).

В конце каждого года ремесленные общества должны были собирать цеховые сходы для выборов на предстоящий год ремесленного головы, цеховых старшин, их товарищей и гласных, а также депутатов на трехлетие. По действующему законодательству, существовал перечень лиц, которые могли не нести общественных или сословных должностных функций. Освобождались от выбора в обязательные городские общественные и сословные службы: члены и должностные лица благотворительных, учебных и иных заведений, а равно члены некоторых обществ, на основании их уставов; должностные лица кредитных учреждений и биржевых установлений, на основании уставов; российский шкиперы и штурманы, экзаменованные и одобренные; биржевые маклеры, кроме избираемых в городе Архангельске из местных купцов, а также определяемых при Нижегородской

ярмарочной бирже, и браковщики; первые учредители не существовавших в России важных и полезных государству фабрик и заводов, которые были бы признаны Министерством Финансов и получали бы свидетельство лично; управляющие аптеками, которые не изъявили согласия вступить в общественную службу (СЗ, 1900: 588).

В конце 1890 г. на ремесленном сходе г. Владикавказа было вынесено постановление: «...рассмотрев баллотировочные листы по избранию цеховыми обществами Владикавказских ремесленников должностных лиц цеховых управ, а равно общественные приговоры цехов: 1) кровельно-малярного состоявшегося 7 ноября сего года об избрании на должность цехового старшины Кондратия Семеновича Шнурникова и товарищами старшины Григория Спиридоновича Дмитриенко и Демьяна Яковлевича Борисова; 2) столярного...об избрании старшиною Михаила Степановича Власова, товарищами старшины Василия Никитича Егоркина и Алексея Егоровича Прыткова; 3) портного...старшиною Григория Алексеевича Гупалова, товарищами старшины Герша Рыжанского и Илью Мусали-швили; 4) сапожного...старшиною Степана Ивановича Транбецкого, товарищами старшины Федора Леонтиевича Прокопчука и Машади Ага Гасан-оглы; 5) кузнечного...старшиною Степана Симоновича Зверинцова, товарищами Гаврила Семеновича Анучкина, Ивана Алексеевича Максимова; 6) кондитерско-булочного... старшиною Дмитрия Семеновича Тамаридзе, товарищами Дмитрия Николаевича Макриди и Георгия Ивановича Томадзе; 7) золотых и серебряных дел... старшиною Герш Лейба Сальмана, товарищами Гузуна Гузунова и Николая Ованесова; 8) шапочного... старшиною Михаила Николаевича Кокколова, товарищами Василия Егоровича Залинова и Лейба Рейзмана; 9) каретного... старшиною Семена Давидовича Казинбекова, товарищами Федора Андреевича Фролова и Ивана Васильевича Науменко....» (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 437. Л. 3-8, 44-44об).

На первый взгляд все формальные процедуры были соблюдены, но тут возник вопрос о возможности занимать определенные должности представителям еврейской национальности, о чем в конце документа была сделана приписка: «Усматривая вместе с сим, что на должность старшины цеха золотых и серебряных дел был избран Герш Лейба Сальман, что согласно Ст. 338. Том XI о ремесленной промышленности (изд. 1887 г.), евреи не могут быть избираемы на должность старшины, следовательно и Сальман, как еврей, не подлежит утверждению. Ремесленная Управа постановила: представить Его Превосходительству г. Начальнику Терской области и Наказному Атаману Терского казачьего войска о допущении Сальмана к исправлению обязанности старшины цеха золотых и серебряных дел на 1891 год, или же если допущение Сальмана окажется невозможным, о разрешении вновь собрать ремесленников... для выборов другого, православного лица на вышеупомянутую должность». Ответ, полученный из канцелярии, подтверждал запрос и опасения по последнему пункту. Говорилось, что в виду того, что на основании статьи 338 Том XI «О ремесленной промышленности» (изд. 1887 г.), евреи не могут быть назначаемы на должность старшины, поэтому Сальман не может быть утвержден. О чем дали знать ремесленной Управе для точного и немедленного исполнения, а также требовали донесения о последующем с представлением баллотировочного листа и постановлении Управы о произведенном выборе старшины из христиан (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 437. Л. 68-73).

Продолжение это дело получило, когда ремесленники цеха золотых и серебряных дел, созванные 28 января для выбора цехового старшины, согласно изложенного в распоряжении, заявили, что они желают избрать старшиной их цеха не христианина, как требуется вышеназванным распоряжением, а магометанина. В официальном ответе Начальник области, что Статья 338 не воспрещает избрание старшины цеха из магометан и исключение из этого правила относится лишь к евреям, которые не могут быть в силу той же статьи избираться на должности цеховых старшин. В конечном итоге, вместо Л. Сальмана 18 февраля 1891 г. был избран на должность цехового старшины на сходе ремесленников серебряных и золотых дел житель Кази-Кумыкского Округа сел. Кумух Гузун Гузунов 1-й (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 437. Л. 73).

Для выборов в депутаты на трехлетний срок, как и на должности старшин и их товарищей, учитывались определенные критерии: принадлежность к определенному сословию (чаще всего это были мещане), конфессии, национальности, наличие паспорта или вида на жительство, благонадежность и пр. Все данные проверялись городским полицейским управлением. Как правило, все выборные должностные лица должны были отправлять свои обязанности безвозмездно, и получали вознаграждение за свою службу в очень редких случаях, в виде исключения. Недостаток заработка, налоги и нужда заставляли задумываться многих о выполнении этих обязанностей и о необходимости содержания общественных управ. По мнению И.И. Дитятина, нести исправно более или менее сложную службу, требующую и времени и внимания, хотя бы и в пользу общества, мог только человек на столько экономически обеспеченный, что бы быть в состоянии не нарушая своих личных интересов, не нанося себе ущерба в этом отношении, посвятить значительную часть своего труда и времени интересам избравшего его общества (Дитятин, 1877: 353). Отсутствие такого класса людей в большинстве городов было причиной того, что выборные должности занимались людьми зачастую менее чем среднего уровня состояния. И эти люди, добывавшие средства к пропитанию непосредственным трудом, должны были так дорогое для них время посвящать безвозмездно

общественной службе, прямо в ущерб собственным, личным интересам. Уже из этого только обстоятельства должно было вытекать многое, идущее в разрез с сущностью самоуправления.

Наверное, стоило учитывать и другое, что даже если в органах городского самоуправления были люди состоятельные, которые бы не заботились ежечасно о куске хлеба, то это бы не означало выполнение ими функций на высоком уровне. Не все в принципе могли быть усердными ревнителями городского самоуправления, да и не могли быть. Для этого мало одних «достатков»; мало иметь возможность посвятить труд и время общественным интересам: нужно желать и уметь это сделать; нужно относиться к общественным интересам сознательно: нужно уметь, отличая их от личных интересов, мириться с этими последними; нужно понимать ту связь, которая существует между этими двумя категориями интересов; этого мало, необходимо сознавать эти общественные интересы отличными от государственных; не смешивать их с последними; нужно уметь видеть в выборном представителе общества не чиновника, состоящего на государственной службе, а независимого представителя и блюстителя общественно-городских интересов, если не противоположных, то и не всегда тождественных с правительственными. Для наличности всех этих условий в среде городского населения, пользующегося активным правом участия в управлении, недостаточно еще одного благосостояния; необходимо нечто большее. Это большее – известная степень умственного развития, образования; а оно-то в торгово-промышленном населении наших городов, если выделить отдельные единицы, можно сказать, нечто совершенно отсутствующее в громадном большинстве наших городов (Дитятин, 1877: 355).

По мере истечения срока выборности, представители управ должны были озаботиться процедурой предстоящих выборов, составить списки соискателей, а затем провести собрания. Владикавказская ремесленная управа 5 января 1893 г. докладывала Начальнику Терской области о том, что из-за приближения конца срока службы цеховых старшин, их товарищей и гласных для избрания ремесленного головы, утвержденных на эти должности 18 февраля 1892 года, испрашивает разрешения на созыв ремесленников всех цехов Владикавказского ремесленного общества, для избрания новых лиц на перечисленные выше должности (ЦГА РСО-А. Ф. 214. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2). От генерал-лейтенанта Каханова последовал ответ с тем, чтобы созвать немедленно цеховые сходы для избрания по каждому цеху – цеховых старшин, их товарищей и гласных на 1893 г. Но, при этом дано задание владикавказскому Полицмейстеру оказать содействие к созыву цеховых сходов с указанного выше цехов и на основании, назначив одного из полицейских чиновников для присутствия на выборах с целью наблюдения за порядком (ЦГА РСО-А. Ф. 214. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Распоряжение, конечно, было выполнено и Владикавказскому Полицмейстеру был передан список избранных отдельно по каждому цеху владикавказских ремесленников на должности. В представленном списке были отражены не только полное наименование цеха и ФИО избранных лиц; но название должностей, куда избраны; какого вероисповедания; какой национальности и сословия. Большинство соискателей представляли мещанское сословие, были православного вероисповедания, русской национальности, – что в сущности отвечало не только требованиям времени, но и экономическому и правовому положению податных сословий. После проверки данных, от Владикавказского Полицмейстера поступил ответ, что в числе означенных в списке лиц не имеется таких, которые почему-либо не имеют права быть утвержденными в избранных должностях. По положению, Ремесленная Управа вновь избранных должностных лиц должна была привести к присяге, а по требованию генерал-лейтенанта Каханова вновь «созвать немедленно ремесленников парикмахерского, кузнечного и каретного цехов для избрания новых лиц на должности, или товарищей старшины или же гласных по названным цехам за выбором одних и тех же лиц на эти должности, чего не может быть допущено» (ЦГА РСО-А. Ф. 214. Оп. 1. Д. 2. Л. 32).

В документах и комментариях к ним, официальными органами публиковались данные и по сословным учреждениям. Министерством торговли и промышленности была дана информация по состоянию на 1910 г. о том, что ремесленные управления имеются лишь в 29 городах империи. Все остальные местности являлись в отношении производства в них ремесел приравненными к сельским поселениям, на которые изложенные выше постановления не распространялись (Ремесленники..., 1916: 11-12). Таким образом, в огромном большинстве местностей Империи, занятие ремеслом являлось свободным промыслом. Право содержания ремесленных заведений не было обусловлено представлением удостоверения о знании ремесла, т.е. звания «мастера». Ремесленные заведения открывались на таких же основаниях, на которых открывались другие промышленные (фабричные), торговые заведения, т.е. при условии соблюдения необходимых мер по безопасности и санитарии, а также выборке требуемых законом «промысловых свидетельств» (Ремесленники..., 1916: 17-19, 32).

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что в ходе реформ, в том числе и городской 1892 г., органы городского самоуправления постепенно утрачивали значительную часть своей автономии, превращаясь в формализованные бюрократические структуры нижнего уровня административного управления. При всех попытках и инициативах со стороны общественности, образованных слоев и сословных корпораций, городские думы и управы так и не стали институтами гражданского общества (в силу недостатка опыта самоуправления, финансовой свободы и пр.), а лишь стали обладателями отдельных черт общественных институтов.

5. Заключение

Существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом определялось корпоративной принадлежностью. Главными социальными организациями российского населения являлись крестьянская и городская общины, купеческое, мещанское, ремесленное и дворянское общества.

Рассмотренные нами особенности социально-экономических процессов на Северном Кавказе были тесно связаны с модернизационными преобразованиями в стране, и носили отрывочный, не до конца сформированный характер, в том числе и по городским сословиям. Бурно обсуждавшиеся вопросы о преобразовании или ликвидации городских сословий, или учреждения единого городского сословия затрагивали не только официальные структуры власти, но и рядовых горожан. А введение различных указов или дополнительных положений, сказывалось на городских сословиях.

Литература

Виноградов и др., 2012 – Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012. 224 с.

Дитятин, 1877 – Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. В 2-х т. / т. 2. Городское самоуправление в России до 1870 г. Ярославль, 1877. 565 с.

Иванова, Желтова, 2009 – Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. 752 с.

Канукова, 2002 – Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002. 316 с.

Канукова, 2009 – Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009. 236 с.

Канукова, Гутиева, 2013 – Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10(49). С. 71-82.

Кузьминов, 2004 – Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. / сост. Кузьминов П.А. Нальчик, 2004. 808 с.

Миронов, 1990 – Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860 годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М., 1990. 272 с.

Пажитнов, 1952 – Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. 201 с.

Ремесленники..., 1916 – Ремесленники и ремесленное управление в России. Петроград: Министерство торговли и промышленности, 1916. 421 с.

СВ, 1900 – Свод законов Российской империи. Изд. 1900. Т. 9.

СВ, 1913 – Свод законов Российской империи. Изд. 1913. Т. 11.

Тлепцок, 2011 – Тлепцок Р.А. Исторический опыт развития народов Северного Кавказа в составе Российской империи в период реформ 1860-х – начала 1880-х гг. М., 2011. 402 с.

Туаева, 2010 – Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ, 2010. 236 с.

Туаева, 2010 – Туаева Б.В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ, 2013. 426 с.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания.

Цориева, 2010 – Цориева И.Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Владикавказ, 2010. 254 с.

Шаццлло, 2004 – Шаццлло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004. 267 с.

Braudel, 1979 – Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XV–XVIII siecle. P., 1979. Т. 1-3.

Haumann, 1979 – Haumann H. Die russische Stadt in der Geschichte // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 1979. Bd. 27. pp. 481-487.

Phythian-Adams, 1987 – Phythian – Adams Ch. Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979 Re-thinking English Local History. Leicester, 1987.

References

Vinogradov et al., 2012 – Vinogradov B.V., Vinogradov V.B., Klychnikov Yu.Yu. (2012). Rossijskaya vlast' i gorskij tradicionnyj uklad: ocherki vzaimodejstviya v konce XVIII – nachale XXI veka [The Russian government and the mountain the traditional way: essays on interaction in the end of XVIII – beginning of XXI century]. Slavyansk-na-Kubani, 224 p. [in Russian]

Dityatin, 1877 – Dityatin N.I. (1877). Ustrojstvo i upravlenie gorodov Rossii / Gorodskoe samoupravlenie v Rossii do 1870 g. [Structure and management of cities of Russia / City government in Russia before 1870]. Yaroslavl, 565 p. [in Russian]

- [Ivanova, Zheltova, 2009](#) – *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* (2009). Soslovnnoe obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka). [Class society Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)] M. 752 p. [in Russian]
- [Kanukova, 2002](#) – *Kanukova Z.V.* (2002). Staryj Vladikavkaz. Istoriko-ethnologicheskoe issledovanie [Old Vladikavkaz. Historical and ethnological research]. Vladikavkaz, 316 p. [in Russian]
- [Kanukova, 2009](#) – *Kanukova Z.V.* (2009). Diaspory v Osetii: istoricheskij opyt zhizneustrojstva i sovremennoe sostoyanie [Diaspora in South Ossetia: historical experience of living arrangement and current status]. Vladikavkaz, 236 p. [in Russian]
- [Kanukova, Gutieva, 2013](#) – *Kanukova Z.V., Gutieva E.S.* (2013). Gorodskoe prostranstvo Severnogo Kavkaza: tradicionnaya kul'tura v usloviyah urbanizacii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The urban space of North Caucasus: traditional culture in an urbanizing world (second half of XIX – early XX centuries)]. *Izvestiya SOIGSI*. Vyp. 10(49). pp. 71-82. [in Russian]
- [Kuz'minov, 2004](#) – Landshaft, etnograficheskie i istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX vv. [Landscape, ethnographic and historical processes in the North Caucasus in the XIX – early XX centuries.] / sost. *Kuz'minov P.A.* Nal'chik, 2004. 808 p. [in Russian]
- [Mironov, 1990](#) – *Mironov B.N.* (1990). Russkij gorod v 1740-1860 gody: demograficheskoe, social'noe i ehkonomicheskoe razvitie [Russian city in the 1740-1860 years: demographic, social and economic development]. M. 272 p. [in Russian]
- [Pazhitnov, 1952](#) – *Pazhitnov K.A.* (1952). Problema remeslennyh cekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma [The problem of artisans ' guilds in the legislation of the Russian absolutism] M. 201 p. [in Russian]
- [Remeslenniki..., 1916](#) – Remeslenniki i remeslennoe upravlenie v Rossii [Artisans and craft control in Russia]. Petrograd: Ministerstvo trgovli i promyshlennosti, 1916. 421 p. [in Russian]
- [SV, 1900](#) – Svod zakonov Rossijskoj imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Prod. 1900. T. 9. [in Russian]
- [SV, 1913](#) – Svod zakonov Rossijskoj imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Prod. 1913. T. 11. [in Russian]
- [Tlepcok, 2011](#) – *Tlepcok R.A.* (2011). Istoricheskij opyt razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v sostave Rossijskoj imperii v period reform 1860-h – nachala 1880-h gg. [The historical experience of the peoples of the North Caucasus in the Russian Empire during the reform period 1860s – early 1880s]. M. 402 p. [in Russian]
- [Tuaeva, 2010](#) – *Tuaeva B.V.* (2010). Lokal'naya istoriya: osobennosti kul'turnoj i obshchestvennoj zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX vekov [Local history: cultural and social life of the cities of the North Caucasus in second half XIX – first third XX centuries.]. Vladikavkaz. 236 p. [in Russian]
- [Tuaeva, 2013](#) – *Tuaeva B.V.* (2013). Gorod i gorodskie sosloviya Severnogo Kavkaza v usloviyah rossijskih preobrazovanij vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [City and urban estates of the North Caucasus in the Russian reforms of the second half of XIX – early XX centuries]. Vladikavkaz. 426 p. [in Russian]
- [CGA RSO-A](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya – [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].
- [Corieva, 2010](#) – *Corieva I.T.* (2010). Puti ispovedimye... Iz istorii osnovaniya ravninnyh poselenij na Kavkaze v konce XVIII–XIX vv. [Moves in mysterious ways... From the history of the founding of the lowland settlements in the Caucasus in the late XVIII–XIX centuries] Vladikavkaz. 254 p. [in Russian]
- [Shatsillo, 2004](#) – *Shatsillo M.K.* (2004). Social'nyj sostav burzhuzii v Rossii v konce XIX veka. [The social composition of the bourgeoisie in Russia in the late XIX century] M. 267 p. [in Russian]
- [Braudel, 1979](#) – *Braudel F.* (1979). *Civilisation materielle, economie et capitalisme, XV–XVIII siecle.* P., T. 1-3.
- [Haumann, 1979](#) – *Haumann H.* (1979). *Die russische Stadt in der Geschichte. Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas.* Bd. 27. pp. 481-487.
- [Phythian-Adams, 1987](#) – *Phythian-Adams Ch.* (1987). *Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages.* Cambridge, 1979 Re-thinking English Local History. Leicester.

УДК 93/94

Ремесленники в сословной структуре городов Северного Кавказа

Берта Владимировна Туаева ^{a, *}, Залина Владимировна Канукова ^a, Юлия Викторовна Усова ^b,
Залина Тимуровна Плиева ^c

^a Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН, Российская Федерация

^b Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

^c Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Российская Федерация

Аннотация. В Российской империи в XIX в. начинается заметное сосредоточение населения в городах, формируются городской образ жизни и стиль поведения, складывается своеобразная сословно-социальная структура, в которой переплетаются традиционные и инновационные черты.

В настоящей статье, на примере ремесленного сословия рассматриваются особенности экономической и социальной жизни горожан Северного Кавказа. Анализируются правовые основы, регламентирующие документы, факторы и аспекты открытия ремесленных управ. Изучение документов владикавказского ремесленного управления показало, что все значимые должности занимали мещане, и они же чаще всего выступали организаторами новых предприятий или цехов. В архивных фондах и других источниках выявлены также критерии отбора (принадлежность к сословию, конфессии, национальности, наличие паспорта или вида на жительство, благонадежность, грамотность и пр.) для вхождения в состав управления и руководства им, в том числе и на должности старшин и их товарищей.

Пореформенная модернизация в целом способствовала появлению новых форм общественных и корпоративных объединений, что повышало гражданскую активность и инициативность. Однако, в ходе исследования, авторы статьи приходят к выводу, что городские управы на Северном Кавказе так и не стали институтами гражданского общества, а лишь приобрели отдельные черты общественных институтов.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, город, ремесленное сословие, мещане, Владикавказская ремесленная управа, Терская область, пореформенный период.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: amaga@ru.ru (Б.В. Туаева), z.kanukova@mail.ru (З.В. Канукова),
usova_yv@mail.ru (Ю.В. Усова), za-li@yandex.ru (З.Т. Плиева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 387-395, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.387
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(4)"1492/1914"

The Right and the Theory of the Empire in the Thought of European Enlightenment of the Second Half Of The XVIII Century

Taisiia M. Demicheva ^a, Vladimir N. Baryshnikov ^{a, *}, Viktor N. Borisenko ^a

^a Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

Nowadays, there is a growing interest in the history of empires and Imperial issues in the historical science. Therefore a comparative analysis between the past events and contemporary processes becomes relevant. One of such issues is the problem of development and formation of colonial empires in the age of Enlightenment. This part of Imperial theory certainly deserves additional attention since it was not highlighted and studied in full.

In the second half of the XVIII century there was a problem matching the metropolis laws to colonial needs: special boards or institutions that could make the laws were often missed in the colonies.

In the article authors use the framework of the Empire theory to compare the approaches to the law in the French, German and British thought. That helps us to understand the general and specific approaches of the Enlightenment to the imperial issues through the prism of the law. The law occupied the main place in the formation of empires and justification of overseas conquests. Starting from the standpoint of law, the European powers formed such concepts as politics, administration issues, trade, and slave trade. At the same time Britain, France and Germany had their own problems in law.

Authors considered the works of Enlighteners as a practical guide where the views of the Enlightenment of the second half of the XVIII century on the Empire were reflected.

Keywords: empire, colonialism, colonization, international law, colonial law, XVIII century, the colonial policy of France, the ideology of the Enlightenment, the expansion

1. Введение

Во времена эпохи Просвещения философская, политическая и научная мысли слились воедино. Некоторые историки полагают, что данная эпоха способствовала распространению имперской идеологии: идеи Просвещения поддерживали различные предприятия и новые научные проекты, гасили антиколониальные движения, содействовали реформам, которые служили установлению европейского доминирования по всему миру (Colonial, 1994: 15). Другие ученые считают, что идеи философов формировали негативное восприятие империй (Stoler, 2013: 39-40). В некоторых исследованиях подход просветителей к империям оценивают, используя понятия закона и рациональности, что отражалось в бюрократических формальностях, стандартизации подходов к управлению империи (Doyle, 1986). Несомненно, понятие права, в первую очередь, естественного права, занимало одно из ключевых мест в мысли европейского Просвещения. Во многом, естественное право способствовало формированию оценки просветителей к колониальным вопросам, влияло на становление международного права.

Вместе с тем, просветители, знакомя европейских читателей с заокеанскими культурами, заложили основы мультикультурализма, которые в XX веке повлияли на становление прав

* Corresponding author

E-mail addresses: st033266@student.spbu.ru (T.M. Demicheva),

v.baryshnikov@spbu.ru (V.N. Baryshnikov), v.borisenko@spbu.ru (V.N. Borisenko)

афроамериканцев, сохранение языков коренных народов Америки и многое другое (Fokin et al., 2016a: 10782).

Противоречивость оценок трудов просветителей, посвященных имперской проблематике, побуждает нас приступить к изучению данного наследия.

2. Материалы и методы

В отечественной традиции принято относиться к трудам просветителей, прежде всего, как к источникам философской мысли. В данной статье мы рассматриваем их как практическое пособие, в котором через призму права отражались взгляды на природу империй, характерные для второй половины XVIII века.

Исследование выполнено на основе сравнительно-исторического метода. Проведенный сравнительный анализ подходов французских, британских и немецких просветителей к праву в рамках имперской теории позволил выявить общее и специфичное в подходах просветителей к имперской проблематике.

3. Обсуждение

Данная статья является продолжением исследования, посвященного имперской проблематике и восприятию империи французскими просветителями второй половины XVIII века (Барышников и др., 2016). На наш взгляд, данное отношение требует более детального изучения, так как в отечественной литературе отсутствует обращение к подобному вопросу. В большей степени, российские исследователи, изучая Просвещение, интересуются проблемами изучения человеческого разума, общественного развития и правового государства. В западной историографии восприятие империи в трудах представителей французского Просвещения второй половины XVIII века нашло свое отражение в рамках постколониальных исследований (Postcolonial Studies). Стремление к интеграции и единству Европы на протяжении всего XX века обуславливало интерес зарубежных исследователей к истории Европы, мира и к истории расширения европейского пространства, в том числе к восприятию империи видными мыслителями XVIII века. Из современных западных исследований следует отметить сборники «Colonial Discourse and Post-Colonial Theory» (Colonial, 1994), «The Postcolonial Enlightenment: Eighteenth-century Colonialism and Postcolonial Theory» (The Postcolonial, 2009), монографии Ива Бено (Benot, 2005), Дженнифер Питтс (Pitts, 2005), Кена МакМиллана (MacMillan, 2006), Дэвида Бэйтса (Bates, 2012) и многие другие.

4. Результаты

Во взглядах просветителей право рассматривалось как базис, на котором строилась империя. Американский исследователь Чад Каутцер полагает, что европейский колониализм сыграл значительную роль в формировании современного международного права (Kautzer, 2015: 104). Позднее, принцип естественного права «все люди равны» был закреплен в Декларации принципов международного культурного сотрудничества на 14-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1966 г. (Fokin et al., 2016b: 5).

Необходимость для колониальных держав юридического оправдания своей территориальной экспансии вела к использованию правовых доктрин XVIII века, что, в свою очередь, служило в качестве концептуальной основы международного права (Kautzer, 2015: 96). Право регулировало такие сферы, как политика, торговля, управление, реализация принципов свободы, естественного права и рабовладения. Процесс управления колониями, по мнению просветителей, позволял лучше судить об общих принципах функционирования власти. По их мнению, в колониях все черты, характерные для империи, приобретали более яркие свойства и становились лучше различаемыми.

Одним из теоретиков колониального права заслуженно считается Ш.Л. Монтескье. Он выступал как сторонник преобразования и необходимости приспособления законов под особенности конкретной территории и полагал, что только в редких случаях право одного народа может быть применено другим народом, так как законы устанавливаются исходя из свойств населения (Монтескье, 1999: 16). Позднее Моро де Сен-Мери подчеркивал: «Ничто не может восполнить местные познания. Мы скажем вместе с бессмертным Монтескье, что всегда следует приспособлять законы к нравам, нуждам тех, кому они предназначаются» (Moreau de Saint-Méry, 1784: XXI). На территории Британии идеи Монтескье также получили отклик в творчестве Адама Смита и Эдмунда Бёрка. А. Смит уделял большое внимание правовым основам Британской империи в «Исследовании о природе и причинах богатства народов», связывая правовые аспекты с вопросами о судьбе Британской империи. Он писал, что политика правительства в отношении колониальных территорий должна ориентироваться на наиболее важную категорию национальных законов – ту, которая имела дело с системой политической экономии. Э. Бёрк во время конфликта Британии с ее Американскими колониями призывал осуществлять в каждой из частей империи управление согласно характеру и условиям жизни местных жителей, так как был убежден, что государственная власть – вещь чисто практическая, созданная для счастья человечества, а не для обеспечения единообразия в соответствии со схемами оторванных от реальности политиков (Чудинов, 1996: 57).

Идеи Монтескье получили распространение и на территории Германии. Хотя у нее не было колоний и, соответственно, проблем, связанных с приспособлением права под колониальные нужды, у Г.В.Ф. Гегеля, тем не менее, присутствует мысль, что законы необходимо подстраивать под изменившуюся ситуацию. При этом он отмечал, что, несмотря на то, что законы во многом не соответствовали насущным потребностям, немцы сохраняли свою преданность им (Гегель, 1978a: 68). Так, в размышлениях «О внутренних отношениях в Вюртемберге» Гегель писал, что «слепы те, кто полагают, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более нравственным потребностям и взглядам людей», а также полагал, что тот, «чье владение неоправданно, должен добровольно отказаться от него» (Гегель, 1978b: 50-51). В этих высказываниях можно уловить критику незаконных захватов, к которым деятели Просвещения относили завоевание колоний. Иными словами, мы видим, что мысль Ш.Л. Монтескье с небольшими изменениями нашла отклик в трудах большинства представителей эпохи Просвещения второй половины XVIII века.

По мнению Малика Гачема, исследователя из Стенфордского университета, французское колониальное право характеризовалось парадоксальным синтезом обычая и закона (Ghachem, 1999: 460). Подтверждение этого можно найти у Ш.Л. Монтескье в «Духе законов». Произведение было задумано автором как объяснение существующих порядков и обычаев каждого народа. Иными словами, на территории колоний имели место юридические коллизии, связанные с применением обычного права, с одной стороны, и с действием законов метрополий, с другой стороны (Ghachem, 1999: 460). В принципе, можно предположить, что именно эта диалектика рассматривалась просветителями как предпосылка начала движения за автономию колоний. Монтескье писал, что жители колоний никогда не были и не могут быть законными подданными империи (Ghachem, 1999: 460). Позднее, в 1770–1780 гг. эту актуальную мысль использовали колониальные юристы (Petit, 1911; Moreau de Saint-Méry, 1784).

Британский колониализм также столкнулся с конфликтом права и обычая. На территории Великобритании было распространено общее право, однако в международном плане действовало римское право, которое было очень важно для формирования концепта международных отношений, законов, внешнего суверенитета, и, разумеется, колонизации (Kautzer, 2015: 99-100). Как объясняет историк Кен МакМиллан: «В отличие от римского права, общее право не включало в себя доктрину, касающуюся приобретения суверенитета над территорией, поскольку учение о землевладении утверждало, что не может быть никакой земли вне государственного суверенитета» (MacMillan, 2006: 33).

Германская империя изначально представляла образование свободное и нестесненное центральной государственной властью (Гегель, 1978a: 70). Уникальность её правовой системы, на наш взгляд, во многом определялась конфликтом между частями, составляющими империю, и её ядром, верховной властью. Множество небольших несоединенных воедино центров власти было неспособно предоставить защиту всему немецкому населению. Именно этим она отличалась от других империй Нового времени. К концу XVIII века Германия, с точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, не была государством, так как в ней государственное право превратилось в частное, а высшая власть отсутствовала (Гегель, 1978a: 178). Чтобы империя стала государством, отмечал Гегель в «Конституции Германии», необходимо было отнять права этих частей. Однако с точки зрения немцев любое право, в том числе право отделиться от целого, являлось святым (Гегель, 1978a: 73). Два неотделимых понятия «право» и «свобода» сталкивались на просторах Германской империи и, одновременно, поддерживая друг друга, не способствовали становлению империи: «Борьба за немецкую свободу была в негативном аспекте стремлением воспрепятствовать утверждению универсальной монархии, в позитивном – она превратилась в завоевание отдельными частями государства самостоятельности. Однако в последствии эта тенденция привела к потере связи с центром» (Гегель, 1978a: 172). Иными словами, проблема восприятия империи для Гегеля во многом состояла в том, что в теории он стремился считать Германию государством, а в реальной жизни хотел реализовать эту идею, при этом оставив на прежнем месте правовое положение земель (Гегель, 1978a: 105). Говоря терминами постколониализма, в «Конституции Германии» Г.В.Ф. Гегель пытался привести немецкую заинтересованность в своих узких интересах к гипотетическому глобализму, свойственному империи (Noyes, 2003).

В конце XVIII века в трудах французских колониальных деятелей сформировалась система претензий, предъявляемых к политике метрополии. Во-первых, внедрение Францией в колониях парижских обычаев и королевских законов. Во-вторых, режим «эксклюзивной» торговли, который не давал возможности колонистам свободно торговать в портах метрополии. В-третьих, неэффективность администрации, вызванная отсутствием ротации административного и военного персонала. Кроме того, остро стояли вопросы об изъятии имущества колонистов их кредиторами из метрополии, о режиме наследования, мало приспособленному к экономике, построенной на системе плантаций и плохо регулируемые отношения между хозяевами и их рабами. Ж.А. Кондорсе проводил аналогии между правом метрополии в колонии и правом восточных деспотических государств, где закон представлял собой иго, которое принуждало рабов, и где не действовали условия общественного договора (Кондорсе, 1936: 68). «Закон создан для того, кто должен его исполнять» (Кондорсе, 1936: 68) – утверждал Ж.А. Кондорсе. Во второй половине XVIII века это положение не

выполнялось, так как закон выражал интересы белого населения, а исполнять его должны были рабы. Разумеется, чем переменчивее и запутаннее законы, тем сильнее было влияние правителя, подчеркивал Ж.А. Кондорсе (Кондорсе, 1936: 87). Это позволяет нам объяснить то неприятие, которое колонисты испытывали к праву, привезенному из метрополии. В целом эти положения были характерны не только для Франции, но для всех европейских колониальных империй.

По мнению колониальных деятелей, законы становились легитимными только при условии, что они не лишены органической связи с обществом, которым управляли. «Обычаи, которые исходят из человеческого права, продиктованы необходимостью: они обязаны своим возникновением природе и климату; они управляются местными ситуациями: абсурдно требовать установить обычаи из фикции, а также найти правило одной страны, пользуясь опытом другой страны» (Hilliard d'Auberteuil, 1777: 311). «Местное знание, которое получается только путем длительного наблюдения, одно может привести к хорошим законам» (Hilliard d'Auberteuil, 1777: 316). Позднее подобные замечания можно найти у П.В. Малузэ, Эмильена Пёти и других колониальных авторов 1770–1780 гг. (Petit, 1911; Raynal, 1785). В «Эссе об управлении на Санто-Доминго» аббат Рейналь подчеркивал, что «сохраняя дух наших обычаев и законов, необходимо их комбинировать, их изменять в зависимости от случаев и потребности колонии: так как житель не является буржуа, то и место проживания не является ни двором, ни фьефом; негры не являются крестьянами; кредиторские задолженности имеют иной характер; разделение наследства между наследниками не может быть поддержано на прежних основаниях» (Raynal, 1785: XV). В основном все эти положения были идентичны тому, что уже однажды сказал Ш.Л. Монтескье. В принципе, вряд ли было возможно сформулировать юридическую теорию, которая бы не соотносилась с теорией Монтескье. Но, тем не менее, колониальные юристы периодически оспаривали детерминистический характер «О духе законов», а также тенденцию смешивать практические управления с теоретическими проблемами права (Hilliard d'Auberteuil, 1777: 38).

Ж.А. Кондорсе подчеркивал, что простой здравый смысл должен был подсказать жителям британских колоний, что англичане, рожденные по ту сторону Атлантического океана, имели те же естественные права, как и другие англичане, рожденные под Гринвичским меридианом (Кондорсе, 1936: 184). Кондорсе саркастически показал, что британское правительство притворилось верующим, будто Бог создал Америку, как Азию, для удовольствия лондонских жителей. Право жителей колоний, полагал Ж.А. Кондорсе, было нарушено: «Великобритания хотела удержать в своих руках по ту сторону Атлантического океана подчиненную нацию, которой она, в случае надобности, могла бы пользоваться для угнетения европейской Англии. Вследствие чего Америка была вынуждена провозгласить, что несправедливость разорвала узы, соединявшие ее с метрополией, и объявила свою независимость» (Кондорсе, 1936: 185).

Продолжая мысль Ш.Л. Монтескье, что привнесенные законы не отвечали напрямую вопросам колонии и плохо сказывались на коренном населении, А. Смит писал, что колонисты приносили с собой некоторое представление об устойчивом правительстве, какое существовало у них на родине, о системе законов, ограждавших его, и о регулярном отправлении юстиции, и они, естественно, устанавливали нечто подобное в новом поселении. Э. Бёрк продолжал данную линию. Он хотя и полагал, что политический строй Великобритании лучше любого другого обеспечивает гражданам самые широкие права и свободы, однако, и ему отказывал в универсальности (Burke, 1791: 62-64), подчеркивая, что форму правления каждой страны определяют ее условия жизни и обычаи, насильствовать которые всегда опасно и чревато величайшими бедствиями. Порицая администрацию Ост-Индской компании Э. Бёрк выделял посягательство на многовековой уклад жизни местного населения: «Уж если мы взялись управлять обитателями той страны, то обязаны делать это согласно их нормам и принципам, а не нашим. Нам и в голову не должно приходиться заставлять их приспособляться к узкому кругу наших представлений; это нам надо расширить свои до понимания системы их взглядов и обычаев и связанных с ней потребностей» (Цит. по: Чудинов, 1996: 58). А. Смит объяснял данное положение тем, что у диких и варварских народов, после того как закон и правительство установлены в той мере, в какой это необходимо для их защиты, развитие социальных устоев общества шло медленнее, чем материальное развитие (Смит, 1962: 412). При этом он, как и Э. Бёрк, понимал, что бессмысленно было предлагать Великобритании добровольно отказаться от всякой власти над колониями и предоставить им свободно избирать свое правительство, издавать свои законы, заключать мир и объявлять войну по своему усмотрению (Смит, 1962: 448). Предоставить колонистам свободу – значит потерять управление над ними, что было, разумеется, недопустимо для империи. Э. Бёрк считал, что их надо держать в подчинении, но таким способом, чтобы они сами сочли нужным подчиняться.

В качестве иллюстрации мысли Ш.Л. Монтескье о законах можно привести пример с налогообложением колоний. В случаях войны на континенте империя не пользовалась поддержкой колоний и была вынуждена собирать средства только с жителей метрополии. Так, например, парламент Великобритании не обладал в колониях той общепризнанной властью, какой, например, обладал король Франции в тех французских провинциях, которые пользовались привилегией иметь собственные штаты и представительные собрания, говорил А. Смит (Смит, 1962: 450). По его мнению, империи следовало собирать налог со всей территории, с чем был также согласен Э. Бёрк.

Необходимо учитывать, что данное право было слабо связано с реальными потребностями, а его практическая значимость в силу отдаленности территорий была мало понятна колонистам. При этом британские мыслители полагали, что право дополнительного налогообложения колоний (как в случае с законом о Гербовом сборе) могло рассматриваться лишь как исключительная мера в целях сохранения империи. Парламенту следовало быть максимально гибким особенно в вопросах налогообложения. В других случаях вопросы налогообложения должны были решаться колониальными властями (West, 1922: 181-182). В то же время, выступая за сохранение целостности империи, что возможно было в основном благодаря праву, Э. Бёрк критиковал введение в Ирландии законов или налоговых актов на муниципальном уровне. Он не мог допустить, чтобы кто-либо из подданных присвоил себе «имперские права». «Резиденция» высшей власти должна находиться только в Англии, «не по силе или тирании и не в результате долгого применения, но по природе вещей и всеобщему согласию целого организма» (The correspondence, 1960: 475). Э. Бёрк считал, что Ирландия, согласившись на учреждение такого рода налога, таким образом, заявляла, что «Англия – чужая страна», и отказывалась выполнять «общий порядок вещей, распространенный по всей империи» (The correspondence, 1960: 476).

По мнению Э. Бёрка, право в рамках налогообложения могло бы стать важным инструментом управления империи, который гарантировал бы автономию на местах и внешнюю безопасность: «Я рассматриваю власть налогообложения в Парламенте как инструмент империи, а не как средство удовлетворения...» (Burke, 1901: 77). То есть империя с помощью своего главного «оружия», права, должна была выполнять свою основную функцию – защиту своих граждан, которую Британия была не в силах исполнить.

Ш.Л. Монтескье полагал, что предлагать какие-либо изменения в законах и порядках народов имели право только «лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства» (Монтескье, 1999: 8). С ним соглашались британские деятели, которые считали, что государство, должно управляться людьми, смотрящими в одном направлении (общей пользы, «национального» интереса) в рамках проверенной временем конституционной системы, так как понятие права тесно связано со свободой (Белов, Витальева, 2011: 98).

Попытку реформировать колониальное право предпринял в 1776 г. М.Л.Э. Моро де Сен-Мери, выросший на Мартинике. Он начал работу над унификацией и обновлением колониального права, которое почти не менялось с конца XVII века. В 1780 г. монархия возложила на него задачу объединить все его труды в специальный колониальный кодекс. Кодификация могла принести положительные результаты только в том случае, если бы она опиралась на колониальное общество в соответствии с местной политической культурой. Иными словами, необходимо было создать кодекс, полностью ориентированный на креолов, без учета принципов рационализма, полученных от Версаля. Моро де Сен-Мери попытался все это воплотить в принципе «взаимности», положенном в основу теории колонизации, который выражался в том, что, в то время как колонии были связаны с метрополией в единую систему, необходимо было, чтобы они могли взаимодействовать с метрополией и влиять на нее (Moreau de Saint-Méry, 1784: VII-VIII). Как мы видим, он предпринял попытку склонить друг к другу и примирить два разных сообщества. Его труды иллюстрируют тенденцию к унификации, систематизации, что характерно для второй половины XVIII века. Шесть томов «Законов и конституции французских колоний», составленных Моро де Сен-Мери вышли в свет в Париже и на Санто-Доминго между 1784 и 1790 гг., но произведение, как, впрочем, и мечта об унифицированном кодексе колоний, так и осталось незаконченным во многом по причине уже упомянутых противоречий между двумя противоположенными друг другу обществами.

А. Смит продолжил тенденцию, начатую еще французскими колонистами по предложению теоретических планов улучшения жизни в колониях, опираясь в первую очередь на закон. С целью решения кризиса тринадцати американских колоний империи он предложил два различных варианта по ослаблению напряженности. Первое предложение предусматривало предоставление колониям независимости и, таким образом, расставаясь на дружественной основе, у Британии появилась бы возможность развивать с ними отношения и поддерживать свободную торговлю, и, возможно, даже неформальный военный альянс. Второе предложение состояло в теоретической имперской федерации, которая соединила бы колонии и метрополию через имперскую парламентскую систему и систему имперской свободной торговли (Benians, 1925: 251).

В идеале, по мнению А. Смита, деятельность законодателей должна была способствовать тому, чтобы граждане жили счастливо. Для осуществления этой цели необходимо, чтобы они были защищены от внешних врагов надлежащим военным заслоном, и чтобы эффективная политика предупреждала мятежи и нанесение ущерба личности (Абрамов, 2008: 83). Э. Бёрк также не отвергал возможности реформирования законов и политических институтов, поскольку несовершенство выборной системы вызывало недовольство в империи и грозило потерей ее благосостояния. «Жизнь не стоит на месте и в новых обстоятельствах старые учреждения могут утратить свое первоначальное значение и превратиться в помеху для нормального функционирования государственного организма. В этом случае даже самый почтенный возраст не оправдывает их сохранения в прежнем виде» (Цит. по: Белов, Витальева, 2011: 93). Наряду с этим Э. Бёрк вообще отрицал возможность существования строя, равно пригодного для всех времен и народов (Чудинов, 1996: 57). Институты

каждого государства, по его убеждению, представляли собой результат длительного исторического развития и приспособления к национальным особенностям, традициям и нравам данной страны.

Г.В.Ф. Гегель придерживался аналогичного мнения, полагая, что следовало оставить в ведении государства только вопросы первостепенной важности, связанные с безопасностью, а вопросы частного характера передать в ведение народа: «Сила страны не в величине войска, не в числе жителей, размере территории, плодородии почв, а в разумном соединении частей в единую государственную власть» (Гегель, 1978а: 104). Лучше всего это, по его мнению, воплощалось в представительной монархии.

5. Заключение

Земельные потери колониальных империй провоцировали критику процессов управления имперскими территориями со стороны европейских просветителей второй половины XVIII в. В основном, объектом данной критики выступало право в качестве базиса, на котором строилась империя. Все просветители, опираясь на теорию, заложенную Ш.Л. Монтескье, были едины в мысли, что законы необходимо подстраивать под текущую ситуацию и отражать в них интересы населения колоний. Главная проблема империи состояла в несоответствии практических нужд тому, что было установлено юридической теорией. Просветители высказывались против действующих на территории колоний законов монополий, монопольной торговли и прочих неурегулированных отношений. При этом у французов, британцев и немцев существовали различные проблемы в сфере колониального права. Так, во Франции на территории колоний имел место синтез (а, следовательно, и противоборство) обычного права и законов метрополии. В самой Великобритании действовало общее право, на международной арене ей необходимо было использовать римское право. В Германии проблемы права приобретали совершенно иной характер, так как налицо был конфликт между частями (землями), составлявшими целое, и самим целым, верховной властью. На территории Германской империи проблема заключалась в некоей коллизии: существовало право на отделение от государства, государственное право превратилось в частное, но любое право было священно.

Иными словами, мы можем предположить, что подход просветителей к вопросам права и его воплощения в колониальной политике европейских держав заложил основы современного международного права.

Литература

- Абрамов, 2008 – Абрамов М.А. Два Адама. Классики политической мысли. М.: ИФ РАН, 2008. 195 с.
- Барышников и др., 2016 – Барышников В.Н., Борисенко В.Н., Демичева Т.М. Колониализм и империя в «Истории обеих Индий» аббата Рейналя // *Клио*. 2016. №6 (114). С. 13-22.
- Белов, Витальева, 2011 – Белов М.В, Витальева А.И. Эдмунд Бёрк – Ранний Идеолог Британской Империи // *Диалог со временем*. 2011. №34. С. 74-99.
- Гегель, 1978а – Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Конституция Германии. // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 65-184.
- Гегель, 1978b – Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. О внутренних отношениях в Вюртемберге нового времени, прежде всего, о недостатках конституции, касающихся управления магистратов 1798. // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 49-53.
- Кондорсе, 1936 – Кондорсе, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936. XII + 265 с.
- Монтескье, 1999 – Монтескье, Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
- Смит, 1962 – Смит, Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
- Чудинов, 1996 – Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 304 с.
- Bates, 2012 – Bates, David William. States of War: Enlightenment Origins of the Political. New York: Columbia University Press, 2012. 272 p.
- Benians, 1925 – Benians E.A. Adam Smith's project of an Empire. *Cambridge Historical Journal*. 1925. V. 1, Issue 3, pp. 249-283.
- Benot, 2005 – Benot, Yves. Les Lumières, l'esclavage, la colonization. Paris, La Découverte. 2005. 326 p.
- Burke, 1791 – Burke, Edmund. A Letter to a Member of the National Assembly. Paris, 1791. 74 p.
- Burke, 1901 – Burke, Edmund. Speech on American taxation // *The Writings and Speeches of the Right Honourable Edmund Burke in 12 vols*. Toronto, 1901. Vol. 2, pp. 1-79.
- Colonial, 1994 – Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader. New-York: Columbia University Press, 1994. 571 p.
- The correspondence, 1960 – The correspondence of Edmund Burke. In 9 vols. Cambridge, 1960. Vol. 2. 567p.
- Doyle, 1986 – Doyle, Michael. Empires. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 407 p.

Fokin et al., 2016a – Fokin V., Baryshnikov V., Bogoliubova N., Nikolaeva J., Ivannikov I., Portnyagina M., Ryazantseva N., Eltc E., Chernov I. Multiculturalism in the Modern World. // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016, Vol. 11, Nr 18, pp. 10777-10787.

Fokin et al., 2016b – Fokin V.I., Shirin S.S., Nikolaeva J.V., Bogoliubova N.M., Eltc E.E., Baryshnikov V.N. Interaction of cultures and diplomacy of states. *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2016, xxx, pp. 1-5.

Ghachem, 1999 – Ghachem, Malik. Montesquieu et la colonisation française: le siècle des Lumières entre le Code noir et le Code civil // Actes de colloque international. Bordeaux, 1999. pp.459-466.

Hilliard d'Auberteuil, 1777 – Hilliard d'Auberteuil, Michel-René. Considérations sur l'état présent de la colonie française de Saint-Domingue: Ouvrage politique et législatif; présenté au ministre de la marine. (2 vols). Paris: Grangé, 1777. V. 2. 368 p.

Kautzer, 2015 – Kautzer, Chad. The Missing History of European Colonialism and Modern Right in Hegel's Phenomenology. // *Revista Eletrônica Estudos Hegelianos*. 2015, Ano 12, Nr 19, pp. 81-114.

MacMillan, 2006 – MacMillan, Ken. Sovereignty and Possession in the English New World: The Legal Foundations of Empire, 1576–1640. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. XIII+ 235 p.

Moreau de Saint-Méry, 1784 – Moreau de Saint-Méry, Médéric Louis Elie. Loix et constitutions des colonies françaises de l'Amérique sous le Vent. (6 vols). Paris, 1784. V. 1. LII+772 p.

Noyes, 2003 – Noyes, John K. Hegel and the Fate of Negativity after Empire. [Digital access] // *Postcolonialism Today: Theoretical Challenges and Pragmatic Issues*. Virtual Symposium of the Open Semiotics Resource Center. June 2003. URL: http://www.semioticon.com/virtuals/postcolonialism_2/Noyes%20Hegel.htm (the date of access: 17.01.2017).

Petit, 1911 – Petit, Emilien. Droit Public, ou Gouvernement des colonies françaises d'après les loix faites pour ces pays 1771. Paris, 1911. 514 p.

Pitts, 2005 – Pitts, Jennifer. A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton University Press, 2005. 400 p.

The Postcolonial, 2009 – The Postcolonial Enlightenment: Eighteenth-century Colonialism and Postcolonial Theory. Oxford: Oxford University Press, 2009. 392 p.

Raynal, 1785 – Raynal, Guillaume-Thomas. L'essai sur l'administration de Sante-Domingo. Paris, 1785. XVI+254+[2] p.

Stoler, 2013 – Stoler, Ann Laura. Reason Aside: Reflections on Enlightenment and Empire. // *The Oxford Handbook of Postcolonial Studies*. Oxford, 2013. 734 p.

West, 1922 – West, Willis Mason. The Story of American Democracy, Political and Industrial. Boston: Allyn & Bacon, 1922. Xiii + 758+33 p.

References

Abramov, 2008 – Abramov M.A. (2008). Dva Adama. Klassiki politicheskoi mysli. [Two Adams. The Classics of Political Thought]. Moscow: Publishing House of Academy of Sciences, Institute of Philosophy. 195 p. [in Russian].

Baryshnikov i dr., 2016 – Baryshnikov V.N., Borisenko V.N., Demicheva T.M. (2016). Kolonializm i imperiya v «Istorii obeikh Indii» abbata Reinalya [Colonialism and Empire in abbé Raynal's "History of the two Indies"]. *Clio*, Nr 6 (114), pp. 13-22 [in Russian].

Bates, 2012 – Bates, David William. (2012). States of War: Enlightenment Origins of the Political. New York: Columbia University Press. 272 p.

Belov, Vital'eva, 2011 – Belov M.V, Vital'eva A.I. (2011). Edmund Berk – Rannii Ideolog Britanskoi Imperii [Edmund Burke was the first ideologist of the British Empire]. *Dialog so vremenem*, Nr 34, pp. 74-99 [in Russian].

Benians, 1925 – Benians E.A. (1925). Adam Smith's project of an Empire. *Cambridge Historical Journal*. V. 1, Issue 3, pp. 249-283.

Benot, 2005 – Benot, Yves. (2005). Les Lumières, l'esclavage, la colonisation. Paris, La Découverte. 326 p.

Burke, 1791 – Burke, Edmund. (1791). A Letter to a Member of the National Assembly. Paris. 74 p.

Burke, 1901 – Burke, Edmund. (1901). Speech on American taxation / The Writings and Speeches of the Right Honourable Edmund Burke in 12 vols. Toronto. Vol. 2, pp. 1-79.

Chudinov, 1996 – Chudinov A.V. (1996). Razmyshleniya anglichan o Frantsuzskoi revolyutsii: E. Berk, Dzh. Makintosh, U. Godvin [The British Reflections on the French Revolution: E. Burke, J. McIntosh, William Godwin]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli. 304 p. [in Russian].

Colonial, 1994 – Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader. New-York: Columbia University Press, 1994. 571 p.

Condorcet, 1936 – Condorcet, Marie Jean Antoine Nicolas. (1936). Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma [The sketch for a historical picture of the progress of the human mind]. Moscow: Publishing House of socio-economic literature. XII + 265 p. [in Russian].

The correspondence, 1960 – The correspondence of Edmund Burke. In 9 vols. Cambridge, 1960. Vol. 2. 567 p.

Doyle, 1986 – Doyle, Michael. (1986). Empires. Ithaca: Cornell University Press. 407 p.

- Fokin et al., 2016a – Fokin V., Baryshnikov V., Bogoliubova N., Nikolaeva J., Ivannikov I., Portnyagina M., Ryazantseva N., Eltc E., Chernov I. (2016). Multiculturalism in the Modern World. *International Journal of Environmental and Science Education*. Vol. 11, Nr 18, pp. 10777 -10787.
- Fokin et al., 2016b – Fokin V.I., Shirin S.S., Nikolaeva J.V., Bogoliubova N.M., Eltc E.E., Baryshnikov V.N. (2016). Interaction of cultures and diplomacy of states. *Kasetsart Journal of Social Sciences*. xxx, pp. 1-5.
- Ghachem, 1999 – Ghachem, Malik. (1999). Montesquieu et la colonization française: le siècle des Lumières entre le Code noir et le Code civil. *Actes de colloque international*. Bordeaux, 1999. pp. 459-466.
- Hegel, 1978a – Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. (1978). Konstitutsiya Germanii. [The Constitution of Germany] // Politicheskie proizvedeniya [The political works]. Moscow: Nauka. pp. 65-184. [in Russian].
- Hegel, 1978b – Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. (1978). O vnutrennikh otnosheniyakh v Vyurtemberge novogo vremeni, prezhde vsego o nedostatках konstitutsii, kasayushchikhsya upravleniya magistratov (1798) [On the latest internal relations Würtemberg, especially about the device magistrate" (1798)]. // Politicheskie proizvedeniya [The political works]. Moscow: Nauka. pp. 49-53. [in Russian].
- Hilliard d'Auberteuil, 1777 – Hilliard d'Auberteuil, Michel-René. (1777). Considérations sur l'état présent de la colonie française de Saint-Domingue: Ouvrage politique et législatif; présenté au ministre de la marine. (2 vols). Paris: Grangé. V.2. 368 p.
- Kautzer, 2015 – Kautzer, Chad. (2015). The Missing History of European Colonialism and Modern Right in Hegel's Phenomenology. *Revista Eletrônica Estudos Hegelianos*. Ano 12, Nr 19, pp. 81-114.
- MacMillan, 2006 – MacMillan, Ken. (2006). Sovereignty and Possession in the English New World: The Legal Foundations of Empire, 1576–1640. Cambridge: Cambridge University Press. XIII+ 235 p.
- Montesquieu, 1999 – Montesquieu, Ch.L. (1999). O dukhe zakonov [The Spirit of Laws]. Moscow: Mysl', 672 p. [in Russian].
- Moreau de Saint-Méry, 1784 – Moreau de Saint-Méry, Médéric Louis Elie. (1784). Loix et constitutions des colonies françaises de l'Amérique sous le Vent. (6 vols). Paris. V. 1. LII+772 p.
- Noyes, 2003 – Noyes, John K. (2003). Hegel and the Fate of Negativity after Empire. [Digital access] // Postcolonialism Today: Theoretical Challenges and Pragmatic Issues. Virtual Symposium of the Open Semiotics Resource Center. URL: http://www.semioticon.com/virtuals/postcolonialism_2_/Noyes%20Hegel.htm (the date of access: 17.01.2017).
- Petit, 1911 – Petit, Emilien. (1911). Droit Public, ou Gouvernement des colonies françaises d'après les loix faites pour ces pays 1771. Paris. 514 p.
- Pitts, 2005 – Pitts, Jennifer. (2005). A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton University Press. 400 p.
- The Postcolonial, 2009 – The Postcolonial Enlightenment: Eighteenth-century Colonialism and Postcolonial Theory. Oxford: Oxford University Press, 2009. 392 p.
- Raynal, 1785 – Raynal, Guillaume-Thomas. (1785). L'essai sur l'administration de Sante-Domingo. Paris. XVI+254+[2] p.
- Smith, 1962 – Smith, Adam. (1962). Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [The Wealth of Nations]. Moscow: Publishing House of socio-economic literature. 684 p. [in Russian].
- Stoler, 2013 – Stoler, Ann Laura. (2013). Reason Aside: Reflections on Enlightenment and Empire. // The Oxford Handbook of Postcolonial Studies. Oxford. 734 p.
- West, 1922 – West, Willis Mason. (1922). The Story of American Democracy, Political and Industrial. Boston: Allyn & Bacon. Xiii + 758+33 p.

УДК 94(4)"1492/1914"

Право и теория империи в представлениях европейских просветителей второй половины XVIII в.

Таисия Максимовна Демичева^а, Владимир Николаевич Барышников^{а, *}, Виктор Николаевич Борисенко^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в исторической науке растет интерес к истории империй и к имперской проблематике, становится актуальным проведение сравнительного анализа событий прошлого и современных процессов. Одним из подобных вопросов имперской теории, который заслуживает внимания и освещен не в полной мере, является развитие и становление колониальных империй в эпоху Просвещения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: st033266@student.spbu.ru (Т.М. Демичева), v.baryshnikov@spbu.ru (В.Н. Барышников), v.borisenko@spbu.ru (В.Н. Борисенко)

Во второй половине XVIII века остро стояла проблема соответствия права метрополии колониальным нуждам: в колониях часто отсутствовали специальные советы или органы, которые могли бы выработать законы.

В статье проведено сравнение подходов к праву у деятелей Франции, Германии и Британии эпохи Просвещения в рамках теории империи. Это помогает понять общее и специфичное в подходах просветителей к имперской проблематике через призму права. Право занимало основное место в становлении империй и оправдании заокеанских захватов. Отталкиваясь от позиций права, европейские державы формировали такие концепты, как политика, вопросы администрации, торговля, работорговля. При этом, Британии, Франции, Германии были присущи свои собственные проблемы в области права.

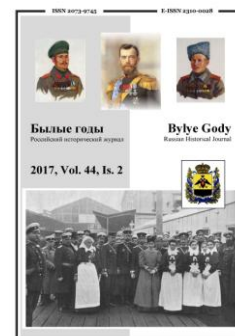
Труды просветителей рассматриваются авторами как практическое пособие, где отражались взгляды просветителей второй половины XVIII века на империю.

Ключевые слова: империя, колониализм, колонизация, международное право, колониальное право, XVIII век, колониальная политика Франции, идеология Просвещения, экспансия.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 396-409, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.396
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(41+47):339.56

Russian Exports to the Great Britain in 1760–1825: Who Benefited More?

Ji-bae Park^{a,*}

^a Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea

Abstract

This article compares Russia's income from exports to Great Britain in 1760–1825, on the one hand, and the benefits to Britain's economic development, industrial revolution, and navy from this importation, on the other hand. The author analyses the Russian export of essential goods to Great Britain and the importation of these goods into Britain by drawing upon Russian and British archival sources, respectively. During the eighteenth century, Russia's export trade to Great Britain developed rapidly and had a great impact on both countries. In the early nineteenth century, Russian-British trade underwent significant changes, particularly because of Russia's accession to the continental blockade, which ended official trade relations between Russia and Britain. Both countries had to find alternative partners: Britain for purchasing raw materials, and Russia for selling its products. Britain had greater success in meeting this challenge. First, the British organized such extensive smuggling that despite the formal prohibition, Russian-British trade grew substantially during the blockade. Secondly, Britain found partners in Canada. Thirdly, thanks to the industrial revolution, Britain developed its own production of iron and cotton textiles, which replaced the Russian counterparts. As a result, in the first quarter of the nineteenth century Britain became less dependent on supplies of Russian raw materials, excluding grain, while Russia nonetheless remained a major exporter of raw materials and grain to Britain.

Keywords: nineteenth-century Russia, foreign policy, Russian exports, British imports, Continental Blockade (Continental System), prices of Russian goods, U.S. foreign trade, smuggling, Russian grain, industrial revolution.

1. Введение

В течение XVIII в. экспорт России в Великобританию быстро развивался и оказывал большое влияние на обе страны. Великобритания, островная страна, с небольшой территорией нуждалась в сырьевых материалах и полуфабрикатах для развития судостроения и промышленности. Россия могла вывозить в Великобританию сельскохозяйственные товары, лесоматериалы и полуфабрикаты, производившиеся на ее огромной территории.

Однако в конце XVIII – начале XIX в. российско-британская торговля претерпела серьезные изменения, что было связано с оживлением европейской экономики, обусловленным расширением торговли и ростом цен (Broadberry, O'Rourke, 2010: 101–102), и изменением торговой политики России. Войны, в частности наполеоновские (1792–1815), охватившие почти всю Европу, повысили спрос на необходимую для военных продукцию, вследствие чего сырьевые ресурсы вздорожали (Posthumus, 1946: CII; Silberling, 1923: 229). Россия, используя выгодную конъюнктуру, предоставляла торговые привилегии не только англичанам, но и французам, датчанам и др. (Кулишер, 1923: 208; Покровский, 1947: 126). Ограничение торговой деятельности англичан в России началось при Екатерине II, продолжилось при Павле I (Macmillan, 1973) и усилилось в связи с присоединением России к континентальной блокаде в начале XIX в. (Anderson, 1967: 68–80).

* Corresponding author

E-mail addresses: ji-bae@hanmail.net (Ji-bae Park)

Присоединение России к континентальной блокаде, которое стало следствием поражения русской армии под Фридрихсдорфом (1807), привело к формальному прекращению российско-британских торговых отношений, установленных еще в 1555 году и продолжавшихся более 250 лет. Окончание наполеоновских войн привело к застою европейской экономики. На рубеже XVIII–XIX вв. сложилась ситуация, когда Россия должна была найти других потребителей своих товаров, а Великобритания – других поставщиков материалов для судостроения. Торговля между Россией и Великобританией могла бы продолжаться на прежних основаниях, но страна, имеющая другой вариант экспорта/импорта, оказалась бы в более выгодном положении, чем партнер.

Российские и зарубежные историки неоднократно обращались к изучению влияния российского экспорта на экономику Великобритании. По мнению В.Г. Сарычева, русский экспорт в XVIII в. обеспечивал английскую экономику не только сельскохозяйственными, но и промышленными товарами (Сарычев, 1953). Американский историк А. Каган утверждал, что дешевые российские сырьевые товары во многом обусловили промышленную революцию в Англии (Kahan, 1979: 181–189). Х. Каплан отметил преобладающую роль России в импорте мачтового леса, железа, пеньки, льна, пеньковых и льняных тканей в Великобританию и сделал вывод, что русское сырье оказало весьма важное влияние на развитие ее флота и промышленности (Kaplan, 1981). Дж. Ньюман считала, что от российского экспорта больше всего выиграла Англия: экспорт принес доходы дворянству, а это в свою очередь увеличило импорт предметов роскоши из Западной Европы (Newman, 1985). Некоторые историки считали, что торговля с Западной Европой способствовала развитию рыночной экономике России (Рубинштейн, 1955: 343–361; Kahan, 1985). Согласно Б.Н. Миронову, в XVIII–XIX вв. рост внешней торговли с Западом и в особенности с Великобританией вызвал революцию цен, в частности содействовал резкому повышению цен на российские сельскохозяйственные товары (Миронов, 1985), что способствовало аграризации российской экономики (Миронов, 1991). Однако специальных исследований, посвященных непосредственному влиянию британского импорта на экономику России и Великобритании, имеется мало. Английский историк М.С. Андерсон полагает, что разрыв торговых отношений повредил России больше, чем Великобритания, для которой он был скорее неприятностью, чем большой бедой (Anderson, 1967: 73–74). По мнению Х. Каплан, русско-британская торговля способствовала развитию экономики обеих стран, но из-за близорукой торговой политики Екатерины II русские купцы попали в большую зависимость от иностранных купцов (Kaplan, 1995).

Обобщая вышеуказанные исследования, можно сказать, что экспорт России в Великобританию принес пользу обеим странам. Великобритания обеспечивала себя материалами для судостроения и промышленности. Россия сбывала имевшиеся у нее в избытке сельскохозяйственные продукты, лес, скот и полуфабрикаты и имела от этого большие доходы. Однако важно понять, кому был выгоднее экспорт/импорт России/Великобритании и могли ли Россия и Великобритания найти других, более выгодных партнеров.

2. Материалы и методы

Статистические материалы о внешней торговле России с Англией второй половины XVIII–первой четверти XIX в., на которых основано наше исследование, находятся в восьми архивах, в том числе в четырех зарубежных¹. Сравнительный анализ указанных источников показывает, что их данные не только проверяют, но и дополняют друг друга. Опираясь на них, можно получить надежные динамические статистические ряды данных с минимальными пробелами. Например, после того как в 1807 г. России присоединилась к континентальной блокаде, официальные русско-английские торговые отношения были прерваны. Однако, как показывают британские источники, экспорт из России в Великобританию стал осуществляться нейтральными кораблями. Российская статистика его не учитывала. Зато британская статистика его учитывала. Суммируя сведения обоих источников, получаем более точные данные о российском экспорте в целом и в Великобританию в особенности.

Непрерывные сведения об оборотах внешней торговли России с другими странами имеются с 1742 г. (РГАДА. Ф. 19. Д. 260. Л. 190–194 об.), об оборотах внешней торговли Англии – с 1697 г., Шотландии – с 1755 г. (Davis, 1979: 77). Британские данные выражаются в постоянных ценах начала XVIII в., а российские – в текущих (Davis, 1979: 11, 77–78). Умножив русские цены на объем импорта Великобритании в натуральном выражении, получаем объем импорта в Великобританию по товарам в текущих рублях. Экспорт из России в Великобританию по российским сведениям был на 10 %

¹ Российский государственный исторический архив, Архив Санкт–Петербургского института истории Российской Академии наук, Санкт–Петербургский филиал архива Российской Академии наук, Российский государственный архив древних актов, Государственный исторический архив Латвии (Latvijas Valsts vēstures arhivs – Latvian State Historical Archive) в Риге, Национальный архив Объединенного Королевства (The United Kingdom National Archives) в Лондоне, Национальный архив Швеции (The National Archive of Sweden) в Стокгольме, Национальный архив Дании (The Danish National Archive) в Копенгагене.

больше, чем импорт из России в Великобританию по английским данным, поэтому английские данные необходимо увеличивать на 10 %.

3. Результаты

Общие итоги оборота торговли России с Великобританией в 1761–1825 гг. приведены в [табл. 1](#).

Таблица 1. Динамика экспорта российских товаров в Великобританию в 1761–1825 гг. по российским и британским сведениям

Годы	Общероссийский экспорт		Импорт в Великобританию		Годы	Общероссийский экспорт		Импорт в Великобританию	
	тыс. руб. сер.	индекс	тыс. руб. сер.	индекс		тыс. руб. сер.	индекс	тыс. руб. сер.	индекс
1761–1765	12 327	100	4363	100	1796–1800	43 804	355	21 960	503
1766–1770	13 080	106	5137	118	1809–1810	28 416	231	12 608	289
1771–1775	17 150	139	6662	153	1812–1815	39 815	323	17 186	394
1776–1780	18 945	154	7656	175	1816–1820	61 937	502	22 023	505
1786–1790	25 977	211	13 474	309	1821–1825	54 429	442	23 992	550
1791–1795	32 016	260	14 214	326					

Источники. Русский экспорт: 1742–1801 гг. (РГАДА. Ф. 19. Д. 260. Л. 190–194); 1742–1797 гг. (Storch, 1803: 1–2); 1799–1809 гг. (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 313. Л. 34); 1797–1815 гг. (Арнольд, 1816); 1802–1807, 1812–1825 гг. (Государственная внешняя торговля...). **Английский импорт из России (UKNA. CUST3; CUST4; CUST14; BT6/232: 7–11, 18–22; BT6/230: 45–54).** **Экспортные цены в России:** 1760–1762 гг. (РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 264. Л. 2–3); 1760–1769 гг. (РГАДА. Ф. 19. Д. 260. Л. 14–37); 1768–1773 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 570. Л. 105–106); 1768–1774 гг. (UKNA. BT6/231: 148); 1775–1779 гг. (UKNA. BT6/231: 193, 195, 199, 202); 1790–1801 гг. (ЦГИА Латвии. Ф. 4038. Оп. 2. Д. 1074а. Л. 15–16); 1802–1807, 1812–1825 гг. (Государственная внешняя торговля...); 1808–1810 гг. (Санкт-Петербургские коммерческие ведомости).

За вторую половину XVIII и первую четверть XIX в. общий оборот внешней торговли России вырос очень значительно. С 1761–1765 гг. до конца XVIII в. экспорт России увеличился в 3,6 раза, до конца первой четверти XIX в. – в 4,4 раза. Импорт российских товаров в Великобританию вырос в 5 раз только за вторую половину XVIII в., до 1821–1825 гг. – в 5,5 раза. Исключительными явились 1816–1820 гг., когда экспорт российского хлеба резко вырос вследствие голода в Европе из-за извержения вулкана Тамбора (Post, 1974: 321–331). Можно сказать, что экспорт в Британию служил стимулом к развитию товарного производства и товарооборота России. В течение 1761–1825 гг. на долю Великобритании приходилось 43 % общероссийского экспорта.

Самыми важными товарами для экспорта в Великобританию являлись пенька, лен, хлеб, сало, лес, железо и пеньковые и льняные ткани. На долю перечисленных товаров в 1769 г. приходилось 94,1 % общероссийского экспорта, в 1790–1800 гг. – 91,5 %, в 1801–1825 гг. – 84,7 %. Во второй половине XVIII в. экспорт всех важных товаров в Великобританию постоянно повышался. Только в 1791–1800 гг. экспорт железа в Великобританию немного уменьшился, при этом общероссийский экспорт железа несколько вырос. В 1764–1800 гг. доля Великобритании в экспорте России составляла почти половину, в том числе: по пеньке – 48 %, по льну – 58 %, по салу – 59 %, по железу – самую высокую – 73 %, по хлебу – самую низкую – 6 %. Оценить долю Британии в общероссийском экспорте леса и тканей невозможно по причине отсутствия необходимых для этого сведений о ценах. В целом во второй половине XVIII в. экспорт российских товаров в Великобританию постоянно увеличивался и к концу века достиг своего максимума ([табл. 2](#)).

Таблица 2. Среднегодовой экспорт российских товаров в Великобританию в 1764–1800 гг.

Годы		1764–1767 ^а	1776–1780 ^а	1781–1790 ^а	1791–1800
Пенька, тыс. пудов	А	1851	2836	2890	3224
	Б	896	1204	1312	1778
Лен, тыс. пудов	А	500	778	989	1525
	Б	398	496	555	752
Хлеб, тыс. четв.	А	114	253	276	438
	Б	0	5	13	42
Сало, тыс. пудов	А	213	508	1049	1292
	Б	36	293	650	821
Лес, тыс. руб. сер.	А	579 ^б	–	–	1238 ^в
	Б	289	326	383	837
Железо, тыс. пудов	А	1389	2221	2469	2626
	Б	1179	1566	1875	1755
Ткани, тыс. руб. сер.	А	1143	1560	1967	3058
	Б	725	698	770	1074

Примечания. ^а Данные С.-Петербурга, Риги и Архангельска. ^б 1769 г. ^в 1793 г. А – общероссийский экспорт по сведениям российской торговой статистики; Б – импорт из России в Великобританию по сведениям британской торговой статистики.

Источники. Общероссийский экспорт: 1769 г. (Storch, 1803: 39–49); 1790–1801 гг. (ЦГИА Латвии. Ф. 4038. Оп. 2. Д. 1074а. Л. 25–26); 1800–1834 гг. (Неболсин, 1835); 1802–1807, 1812–1825 гг. (Государственная внешняя торговля...). **Английский импорт из России:** 1760–1800, 1806–1807, 1809–1812, 1814–1825 гг. (UKNA. CUST3; CUST4; CUST14; BT6/230: 45–54; BT6/232: 7–11, 18–22). **Петербургский экспорт:** 1760–1774 гг. (UKNA. SP91/83; SP91/88; SP91/91; SP91/92; SP91/95; SP91/99); 1775–1778 гг. (UKNA. BT6/231); 1779 г. (UKNA. SP91/104); 1780–1784 гг. (UKNA. BT6/231); 1785 г. (Архив РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 119); 1786–1793 гг. (UKNA. BT6/232, BT6/233); 1794 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 566); 1795–1798 гг. (UKNA. BT6/233); 1799 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 566); 1800 г. (DNA. Kommercekollegiets. Rapporten Frå Konsulatet i St. Petersburg); 1801 г. (UKNA. FO65/50); 1802 г. (DNA. Kommercekollegiets. Rapporten Frå Konsulatet i St. Petersburg); 1803 г. (UKNA. FO65/54: 169–171); 1804 г. (Macgregor, 1850: 527–530); 1805 г. (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 33. Л. 32–33); 1806 г. (UKNA. FO65/71: 25–26); 1809 г. (SNA. Kommers-Kollegium. Skrivelser från Konsuler St. Petersburg, 1807–1830); 1810–1811 гг. (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 313. Л. 62–63); 1811 г. (UKNA. FO65/48); 1812 г. (UKNA. FO65/88; FO65/91); 1813–1815 гг. (DNA. Kommercekollegiets. Rapporten frå Konsulatet i St. Petersburg); 1816–1817 гг. (DNA. Generaltoldkammer-og Kommercekollegiet. Konsulatsrapporter. St. Petersburg, 1816–1832); 1820 г. (UKNA. BT6/68); 1821–1824 гг. (DNA. Generaltoldkammer-og Kommercekollegiet. Konsulatsrapporter. St. Petersburg, 1816–1832). **Рижский экспорт:** 1761–1796 гг. (Rigaischer Anzeigen...); 1801–1865 гг. (Beitrage..., 1866); 1776–1779 гг. (UKNA. SP91/101– SP91/104); 1780–1788 гг. (UKNA. BT6/231, BT6/232); 1789 г. (ЦГИА Латвии. Ф. 4038. Оп. 2. Д. 1074а. Л. 146); 1790 г. (UKNA. BT6/232); 1792–1793 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 566. Л. 120–121); 1794–1817 гг. (ЦГИА Латвии. Ф. 4038. Оп. 2. Д. 1074а. Л. 148–171); 1819 г. (SNA. Kommers-Kollegium. Skrivelser fran konsuler Riga, 1777–1826); 1819–1825 гг. (ЦГИА Латвии. Ф. 1381. Оп. 1. Д. 10672. Л. 237–251). **Архангельский экспорт:** 1776–1779 гг. (UKNA. SP91/101–SP91/104); 1780–1790 гг. (UKNA. BT6/231; BT6/232); 1792–1794 гг. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 566. Л. 131–138 об.); 1795–1798 гг. (UKNA. BT6/233); 1799 г. (UKNA. FO65/48); 1800–1804 гг. (Oddy, 1805: 99); 1801–1803 гг. (UKNA. FO65/50; FO65/52; FO65/54); 1806 г. (UKNA. FO65/71); 1808–1816 гг. (DNA. Kommercekollegiets. Rapporten Frå Konsulatet i Arkhangelsk); 1818 г. (UKNA. BT6/68); 1819–1821, 1823–1825 гг. (DNA. Generaltoldkammer-og Kommercekollegiet. Konsulatsrapporter. Arkhangelsk, 1816–1848).

Пенька и лен были важным сырьем для изготовления веревок и парусов для английского флота. В 1809–1811 гг., когда произошел официальный разрыв российско-британских торговых отношений, Великобритания увеличила импорт пеньки и льна из России, несмотря на трудности во время блокады, используя для этого нейтральные корабли. Спрос на пеньку и лен продолжался до 1821–1825 гг., хотя спрос на пеньку немного уменьшился. Импорт лесоматериалов в Великобританию резко уменьшился в 1809–1811 гг. и составлял лишь 15 % импорта в 1796–1800 гг. После снятия блокады он немного увеличился, но не смог достичь доблокадного уровня (табл. 3).

Таблица 3. Британский импорт основных российских товаров в 1796–1825 гг.

Годы	1796–1800	1809–1811	1812–1815 ^а	1816–1820	1821–1825
Пенька, тыс. пудов	1918	2175	2027	1456	1591
Лен, тыс. пудов	823	1164	1026	865	1367
Лес, тыс. руб. сер.	994	155	295	274	342
Железо, тыс. пуд.	1652	485	529	200	294
Ткани, тыс. руб. сер.	1214	591	298	30	29
Сало, тыс. пудов	1095	802	1457	1608	2275
Хлеб, тыс. четв. ^б	72	51	52	362	19

Примечания. ^а Среднегодовой экспорт в 1812, 1814–1815 гг. ^б В переводе на пшеницу.

Источники указаны в примеч. к табл. 1 и 2.

Стабильный импорт пеньки и льна в первой четверти XIX в. показывает, что Великобритании трудно было найти альтернативу российским товарам. Если бы Великобритания, которая вела активную торговлю в Балтийском, Средиземном, Индийском и Южно-Китайском морях, не могла получать материалы для изготовления веревки, каната, парусины и др., это привело бы к большим трудностям для британской торговли и экономики в целом. Британия пыталась обеспечивать себя пенькой и льном из Пруссии и Индии, субсидировала посевы в Ирландии, заменяла веревку и канат железным проводом (Macmillan, 1973: 75; Smart, 1910: 186, 199). Однако импорт пеньки и льна из России в Великобританию не сократился, поскольку заменить российские поставки оказалось невозможным.

Российские лесоматериалы тоже были очень важным ресурсом для британского судостроения. Великобритания ввозила лесоматериалы не только из России, но и из Норвегии, Швеции, Пруссии, Америки (Davis, 1979: 46–48). В 1792–1800 гг. российский лес составлял 28 % импорта всего леса в Британию (Mitchell, 1971: 289). Особенно значительными были поставки мачтовых лесоматериалов. В 1764–1785 гг. доля длинных (больших) мачт из России составляла 70 % всего их импорта в Британию (Kaplan, 1981: 21–22). Вследствие антибританской политики Павла I в 1800 г. английские купцы искали альтернативу российскому лесу в Канаде. Однако эксплуатация канадского леса и его доставка в Великобританию через Атлантический океан были дорогостоящими и трудоемкими (Graham, 1939: 28–29).

Во время континентальной блокады англичане вынуждено сокращали импорт российских лесоматериалов. В 1808–1811 гг. импорт русского леса в Британию в среднем составлял 26 тыс. фунтов в год, что было в 2 раза меньше по сравнению с импортом 1769 г. (50 тыс. фунтов). Между тем во время блокады цены на лесоматериалы в Англии повысились в 3 раза, поскольку лесоматериалов не хватало не только для судостроения, но и для строительства (Smart, 1910: 217–218). В такой ситуации британское правительство начало активнее импортировать лесоматериалы из Северной Америки, поощряя ввоз канадского леса повышением тарифов для европейских лесоматериалов (Davis, 1979: 24, 64).

После восстановления российско-британских экономических отношений ввоз мачтового леса из России не вырос. В 1803–1806 гг. в Британию прибывало 218 857 судов с мачтами из Северной Европы и 93 659 судов из Северной Америки, а в 1816–1819 гг. – соответственно 93 659 и 188 322 судов. Импорт американских лесоматериалов был в 2 раза больше европейских (Graham, 1939: 30). При ухудшении торговых отношений с Россией Великобритания смогла лишь до некоторой степени найти альтернативу российским лесоматериалам в канадском лесу. Но ей не удалось в полной мере обеспечить свою потребность в лесоматериалах для флота и строительства без российских поставок. В 1828–1830 гг. на долю Великобритании приходилось 56 % экспорта российского леса (Государственная внешняя торговля...).

Данные по импорту железа, пеньковых и льняных тканей показывают другую картину. Англия импортировала в значительном количестве русское железо, полотно и холст лишь до конца XVIII в. (Kahan, 1985: 163). В первой четверти XIX в. экспорт этих товаров заметно уменьшился вследствие развития промышленности в Англии и замене парусного флота паровыми судами (Рождкова, 1959: 273). Благодаря индустриальной революции Англия с конца XVIII в. успешно развивала свое производство железа и постепенно сокращала импорт из России (Струмилин, 1954: 204–205). Согласно исследованию Н.Ф.Р. Крафтса, Англия в 1770 г. производила 1500 тыс. фунтов железа, в 1801 г. – 4000 тыс. фунтов, в 1831 г. – 7600 тыс. фунтов (Crafts, 1985: 22). На этом фоне цены на железо в Англии, достигшие максимума в конце XVIII в., постоянно снижались (Tooke, Newmarch, 1838: 406). В России же во второй половине XVIII в. и первой четверти XIX в., как показывают Санкт-Петербургские прејскуранты за эти годы, цены на железо выросли. В первой четверти XIX в. Великобритания перестала зависеть от российских поставок железа благодаря промышленной революции.

По той же причине и импорт пеньковых и льняных тканей из России сократился уже в самом начале XIX в. и в период континентальной блокады продолжал медленно уменьшаться.

В переломный 1811 г. спрос на ткани в Англии резко упал и после блокады не восстановился. В 1821–1825 гг. импорт пеньковых и льняных тканей из России составлял лишь около 3 % всего импорта 1796–1800 гг. Согласно данным Н.Ф.Р. Крафтса, Англия в 1770 г. производила 1900 тыс. фунтов льняных тканей, в 1801 г. – 2600 тыс. фунтов, в 1831 г. – 5000 тыс. фунтов (Crafts, 1985: 22). Благодаря расширению производства цены на английские льняные ткани в 1770–1812 гг. стабилизировались, а в 1812–1830 гг. снизились в 2 раза (Esteban, 1994: 101–102).

В то же время Великобритания увеличила импорт сала и хлеба из России. В 1796–1800 гг. импорт российского сала достиг максимума XVIII в., а в период континентальной блокады снизился на 27 %. Причина незначительного (по сравнению с тканями) сокращения импорта сала заключается в том, что сало являлось важным сырьем только для промышленности (изготовление свечей), а не для военных целей. После прекращения блокады импорт сала стал расти и в 1821–1825 гг. более чем удвоился по сравнению с концом XVIII в.

До широкого использования газовых горелок применяли сальные или восковые свечи. Качество сальных свечей было хуже, чем восковых, но они были гораздо дешевле и с успехом могли использоваться во время ночных смен на предприятиях в период промышленной революции (Falkus, 1982: 218–219). Увеличение импорта российского сала снизило цены на сало. Если в 1780–1815 гг. цена на сало в Лондоне постоянно повышалась, то в 1816–1825 гг., когда импорта российского сала резко вырос, упала и в 1821–1825 гг. достигла минимального уровня (Tooke, Newmarch, 1838: 415).

В первой четверти XIX в. британский импорт российского хлеба имел повышательную тенденцию (табл. 3), но его объем ежегодно колебался, поскольку находился в зависимости от величины урожая: в 1796–1800 гг. было импортировано 72 тыс. четвертей, в 1809–1815 гг. – 51–52, в 1816–1820 гг. – 362 тыс., в 1821–1825 гг. – лишь 19 тыс., в 1828–1830 гг. – 403 тыс. четвертей (Государственная внешняя торговля...). Торговая политика Великобритании также оказывала большое влияние на объем импорта хлеба. Хлебный закон 1815 г. разрешал ввозить иностранный хлеб только тогда, когда внутренние цены на зерно достигали достаточно высокого уровня (Moore, 1965: 545). Однако российский хлеб был настолько важен для Англии, что после отмены Хлебного закона в 1846 г. импорт российского зерна сразу сильно увеличился, что обеспечило британских рабочих дешевым русским хлебом.

Таким образом, в первой четверти XIX в. Великобритания не нашла альтернативу российскому импорту пеньки и льна. Однако смогла частично заменить российский лес канадским, а железо, пеньковые и льняные ткани в значительной степени стала производить сама. В то же время Великобритания увеличила импорт сала и хлеба из России, поскольку эти товары были необходимы для обеспечения рабочих промышленных предприятий, а собственное производство было недостаточным.

В последней трети XVIII в. российское правительство проявляло беспокойство в связи с тем, что внешняя торговля России слишком сильно зависела от Великобритании. В 1767 г. Екатерина II в своем «Наказе» депутатам Комиссии о составлении проекта нового Уложения, заявила: «Еще меньше должна держава подвергать себя тому, чтобы все свои товары продавать одному только народу под тем видом, что оный возьмет все товары по известной цене» (Чечулин, 1907: 93). В 1774 г. М.М. Щербатов отметил, что «коммерция Российская предаётся яко в монополию одному сему народу; от чего товары Российские никогда своей цены, яко лишенные совместничества, иметь не могут и то же количество, но выходя за меньшую цену, в общем балансе торговле менее суммы сочиняет» (Лодыженский, 1886: 29–30). В 1780 г. Екатерина II подписала декларацию о морском вооруженном нейтралитете для ограждения прав торговли нейтральных держав от английского флота (Сахаров, 1998: 221–222). В 1780-е гг. правительство ограничило монополию британских купцов в российской внешней торговле посредством заключения торговых договоров с Данией, Австрией, Францией и др. (Александренко, 1906: 44–105). Вследствие этого условия для российско-британской торговли ухудшились. Внешнеторговая политика Павла I также была антибританской. При Александре I Россия присоединилась к континентальной блокаде, в результате чего торговые отношения с Британией были вообще официально прерваны. Удалось ли России найти альтернативу британскому рынку?

Экспорт пеньки и льна в Великобританию в 1796–1800 гг. достиг максимума за весь XVIII в., в начале XIX в. был стабилен, в 1809–1811 гг. – в период континентальной блокады, незначительно уменьшился. В 1821–1825 гг. по сравнению с 1796–1800 гг. экспорт пеньки уменьшился на 14,5 %, а экспорт льна на 13 % увеличился (табл. 4).

Таблица 4. Российский экспорт основных товаров в 1796–1825 гг.

Годы	1796–1800	1809–1811	1812–1815 ^а	1816–1820	1821–1825
Пенька, тыс. пудов	3358	3135	3120	2629	2870
Лен, тыс. пудов	1629	1542	1369	1275	1840
Лес, тыс. руб. сер.	1238 ^б	134	582	1162	2044
Железо, тыс. пудов	2383	1501	1786	1030	1190
Ткани, тыс. руб. сер.	3445	–	1973	1978	2776
Сало, тыс. пудов	1595	1145	1984	2222	2949
Хлеб, тыс. четв. ^в	570	307	774	2590	978

Примечания. ^а Среднегодовой экспорт в 1812, 1814–1815 гг. ^б 1793 г. ^в В переводе на пшеницу.

Источники указаны в примеч. к табл.1 и 2.

В 1809–1811 гг., когда Великобритания сократила импорт российского леса, вследствие чего экспорт лесоматериалов резко упал – почти на 90 % от уровня 1793 г. После окончания блокады наблюдалось оживление российского экспорта леса – в 1821–1825 гг. он вырос в 1,7 раза по сравнению с 1793 г., что объяснялось ростом экспорта через западные границы в европейские страны и восстановлением спроса в Великобритании. В 1828–1830 гг. доля Пруссии, например, в общероссийском экспорте леса составляла 28 %, а доля Великобритании – 56 % (*Государственная внешняя торговля...*). Великобритания резко сократила импорт мачтового леса, однако спрос на пиломатериалы уменьшился незначительно. Роль британского импорта оставалась для России принципиально важной.

Российский экспорт железа с конца XVIII в. постепенно уменьшался, к 1816–1820 гг. достиг минимума и практически не изменился в 1821–1825 гг. Основная причина этого состояла в снижении спроса со стороны Великобритании. В дальнейшем, вплоть до 1841–1845 гг., Российский экспорт железа не падал ниже уровня 1816–1820 гг. и не преодолевал уровень конца XVIII в. Однако вырос экспорт меди. Например, в 1802–1805 гг. экспорт железа составлял 2783 тыс. руб. сер., экспорт меди – 30 тыс. руб. сер., в 1821–1825 гг. – соответственно 1593 и 2585 тыс. руб. сер. Благодаря чему между 1802–1805 и 1821–1825 гг. совокупный экспорт железа и меди повысился с 2813 до 4178 тыс. руб. сер.

Экспорт пеньковых и льняных тканей был максимальным в 1796–1800 гг., в период блокады сильно уменьшился только в 1808 г. (*Неболсин, 1835*), после блокады сохранил уровень 1806–1807 гг. (2285 тыс. руб. сер.), хотя не достиг уровня конца XVIII в.

В 1796–1800 гг. экспорт сала из России достиг максимума, в 1809–1811 гг. составлял 72 % объема конца XVIII в., однако после блокады резко увеличился и в 1821–1825 гг. вырос в 2 раза по сравнению с концом XVIII в. В первой четверти XIX в. доля сала в общероссийском экспорте составляла 17 % – второе место после хлеба.

Экспорт хлеба, как и экспорт сала, достиг максимума в 1796–1800 гг., однако в отличие от последнего не был стабильным вследствие влияния изменчивого урожая. Тем не менее тенденция роста была: в 1816–1820 гг. экспорт хлеба из России вырос в 4,5 раза, в 1821–1825 гг. – в 1,7 раза по сравнению с концом XVIII в. В первой четверти XIX в. доля хлеба в общероссийском экспорте занимала первое место – 18,3 %.

В период континентальной блокады спрос на российские сельскохозяйственные товары резко упал, что привело к уменьшению экспорта и падению цен на российские товары. Это вызвало недовольство российского дворянства и купечества, особенно дворян, которые получали прибыль от вывоза сельскохозяйственных товаров, производившихся в их владениях.

Министр коммерции Н.П. Румянцев пытался поддержать позиции российских купцов в российской торговле, в частности поощрял развитие русско-французских торговых отношений (*Ионичев, 2001: 177*). Он надеялся, что Франция поддержит российский экспорт. Однако, как отмечал Е.В. Тарле, заменить Англию в качестве покупательницы русского сырья Франция была не в состоянии. Сбыт во Францию из России материалов для кораблестроения после Тильзитского мира (1807) был ничтожен. Англичане на всех морях парализовали французскую морскую торговлю, что привело к упадку судостроения во Франции, а ее в военный флот вовсе не развивался, так как колоссальная сухопутная армия поглощала все наличные средства (*Тарле, 1912: 66*).

В такой ситуации российское правительство пыталось облегчать сложности экспорта вследствие континентальной блокады путем расширения торговли с США (*Болховитинов, 1966: 384*). Н.П. Румянцев «сделал все для того, чтобы установить торговые отношения с американцами, которых он рассматривает как естественных соперников англичан» (*Болховитинов, 1966: 411*). В конце апреля 1809 г. правительство США разрешило «возобновить связи с той державой, которая прекратит нарушать нейтральные права Соединенных Штатов», американские суда весной 1809 г. снова вышли в море. «В июле 1809 г. генеральный консул США в С.-Петербурге Л. Гаррис официально известил Н.П. Румянцева, что с марта эмбарго отменено и американским судам разрешено торговать во всех европейских портах за исключением портов Франции и Англии, а также зависимых от этих двух держав стран» (*Болховитинов, 1966: 382–383*). Н.П. Румянцев, строго контролировавший торговлю с

Англией и поддерживавший нейтральную торговлю с США, написал генеральному консулу в Филадельфии А.Я. Дашкову: «Постарайтесь... сделать так, чтобы занимаемый Вами пост приобретал все большее значение, и проявляйте постоянную и разумную заботу о том, чтобы придать нашим торговым отношениям с Соединенными Штатами весь размах, какой только можно. Это первая и почти единственная цель Вашей миссии...» ([Внешняя политика..., 1967: 290](#)). Указ от 20 июля 1810 г. облегчил участь нейтральных кораблей ([Указ..., 1810; Злотников, 1966: 160](#)). Принятое правительством Александра I в конце 1810 г. Положение о нейтральной торговле на 1811 г. ([Положение..., 1810](#)) еще более расширяло нейтральную торговлю, в том числе торговлю с США. Н.П. Румянцев не раз вспоминал, что, будучи министром коммерции, он стремился всячески содействовать торговым связям России и США ([Болховитинов, 1966: 415–416](#)).

Появление США в качестве партнера России дало возможность расширить сбыт российских товаров. Русско-американская торговля в основном осуществлялась через С.-Петербург, поэтому экспорт С.-Петербурга в США хорошо отражает общую динамику экспорта России в США ([табл. 5](#)).

Таблица 5. Экспорт железа, парусины и каната из России в США в 1796–1825 гг.

Годы		1796–1800	1809–1811	1812–1815	1816–1820	1821–1825
Железо, тыс. пудов	А	1976	1337	675	466	641
	Б	184	654	167	299	324
Парусина, тыс. пудов	А	55	53	30	49	47
	Б	18	49	10	27	36
Канат, тыс. пудов	А	122	36	94	60	67
	Б	24	14	5	9	22

Примечание. А – весь экспорт; Б – экспорт в США.

Источники указаны в примеч. к [табл. 1](#) и [2](#).

США интересовались такими товарами, как пенька, железо, парусина, канаты и др. – для нужд судостроения. Как уже отмечалось, Великобритания уменьшала свой спрос на эти товары, и спрос США на них имел важное значение для российского экспорта. США потребляли более половины экспортируемого из С.-Петербурга железа, но все равно не могли заменить Англию. В 1821–1825 гг. экспорт железа из России составлял меньше половины объема конца XVIII в. В 1828–1830 гг. в общероссийском экспорте железа на долю США приходилось в среднем 44 %, что больше доли Англии – 30 %, но общий объем российского экспорта железа уменьшился по сравнению с 1821–1825 гг. ([Государственная внешняя торговля...](#)).

В период блокады и после нее США потребляли значительную, соизмеримую с Великобританией, долю экспорта парусины из С.-Петербурга. Кроме того, в 1809–1811 гг., когда была прервана официальная российско-британская торговля, немалая часть российских товаров, вывезенных на американских кораблях, попадала не в Америку, а в Великобританию ([Anderson, 1967: 71; Злотников, 1966: 155](#)). В 1828–1830 гг. Россия ежегодно экспортировала 54 517 шт. парусины, доля США составляла 41 % ([Государственная внешняя торговля...](#)), благодаря чему объем российского экспорта парусины незначительно уменьшился по сравнению с 1796–1800 гг. (63 980 шт.). Несмотря на то что в общероссийском экспорте на долю США приходилось лишь 4,5 % в 1828–1830 гг. ([Государственная внешняя торговля...](#)), США играли значительную роль в экспорте железа и парусины из России, что стимулировало восстановление российского экспорта во время блокады и после ее окончания ([Болховитинов, 1975: 359, 370, 372](#)).

Прекращение официальной торговли с Великобританией во время блокады побуждало правительство России усилить внимание на восточно-азиатский рынок. В 1807–1808 гг. была предпринята попытка создать, правда безуспешно, Российско-Азиатскую компанию ([Орлик, 1999: 244](#)). Производители железа, тоже пытались найти новые рынки сбыта. Например, демидовские заводы посылали суда с железом не только в Петербург, но в Ростов и Таганрог для дальнейшего вывоза через Черное море. Но эти попытки также были безуспешными, поскольку торговля через Черное море почти прекратилась ([Кафенгауз, 1962: 70–74](#)).

В 1812–1825 гг. экспорт железа, меди и металлических изделий в азиатские государства в целом стабилизировался, а в 1826–1830 гг. даже немного увеличился ([табл. 6](#)). Экспорт тканей (пеньковых, льняных, бумажных, шерстяных и шелковых) заметно вырос и в 1826–1830 гг. увеличился более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим пятилетием. В 1812–1815 гг. экспорт в азиатские государства составлял 13,8 % в общероссийском экспорте тканей, в 1826–1830 гг. увеличился до 28,8 %. По окончании континентальной блокады, когда спрос Великобритании на пеньковые и льняные ткани уменьшился, роль азиатских стран в экспорте российских тканей, в том числе бумажных и шерстяных, постоянно повышалась. Несмотря на это, экономическое выдвигание России в азиатские страны в первой трети XIX в. оказалось не очень удачным, поскольку объем торговли России с Азией был слишком мал по сравнению с Европой. В 1812–1830 гг. в экспорте России доля Азии составляла лишь 5,6 %, Европы – 94,4 %.

Таблица 6. Экспорт железа и тканей из России в азиатские государства в 1812–1830 гг., тыс. руб. сер.

Годы		1812–1815	1816–1820	1821–1825	1826–1830
Весь экспорт	А	37 292	59 843	52 392	54 461
	Б	1807	2121	2906	4927
Металлы и металлические изделия	А	1749	2609	4463	4017
	Б	344	374	331	446
Ткани	А	2179	2638	3743	5034
	Б	301	527	669	1452

Примечание. А – общероссийский экспорт; Б – экспорт в азиатские государства.

Источник: Сборник сведений... 1902.

4. Заключение

В начале XIX в. российско-британская торговля претерпела изменения, особенно в связи с присоединением России к континентальной блокаде. Обе страны должны были найти альтернативу: Великобритания – для импорта российских сырьевых материалов, Россия – для их экспорта.

Великобритании не удалось найти другие варианты поставок пеньки и льна взамен российских. Но в период континентальной блокады она смогла заменить российские лесоматериалы канадскими, а после блокады продолжала импортировать только российские пиломатериалы. В то же время Британия смогла сократить ввоз железа и льняных тканей из России за счет расширения их собственного производства благодаря промышленной революции. Найти замену салу и зерну из России Британия не смогла и продолжала наращивать импорт этих товаров. Таким образом, и в первой четверти XIX в. Великобритания во многом опиралась на российский импорт товаров, за исключением железа, пеньковых и льняных тканей.

Россия также пыталась найти альтернативу британскому рынку. Уменьшение экспорта железа, пеньковых и льняных тканей возмещалось увеличением экспорта сала и хлеба. США выступили важным покупателем железа, парусины и канатов, однако экспорт в США не компенсировал уменьшение экспорта в Британию. Россия пыталась расширить экспорт и в азиатские государства. Но это позволило незначительно увеличить экспорт железа и существенно увеличить экспорт тканей. Однако восточный рынок в это время был слишком мал, чтобы стимулировать развитие экономики России. В первой половине XIX в. Россия по-прежнему оставалась важным экспортером сырьевых материалов, но ее экспорт готовой продукции – промышленных изделий, железа и тканей – сократился.

В последней трети XVIII – начале XIX в. российский экспорт был более важен для России, чем для Британии. Рост спроса на сельскохозяйственные товары в связи с наполеоновскими войнами позволил России увеличить экспорт своих товаров. Однако после прекращения континентальной блокады экспорт из России стал выгоднее для Великобритании. Она по-прежнему импортировала российские сырьевые материалы и, когда необходимо, зерно, однако больше не нуждалась в железе, пеньковых и льняных тканях. Россия же в этот период не смогла в достаточной мере найти дополнительные рынки для этих товаров.

Литература

[Александренко, 1906](#) – Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906) / с введ. и примеч. В.Н. Александренко. Варшава, 1906.

[Арнольд, 1816](#) – Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816.

[Архив РАН](#) – Архив Российской академии наук.

[Архив СПбИИ РАН](#) – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

[Болховитинов, 1966](#) – Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966.

[Болховитинов, 1975](#) – Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения 1815–1832 гг. М., 1975.

[Внешняя политика..., 1967](#) – Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1: 1801–1815 гг. Т. 5. М., 1967.

[Государственная внешняя торговля...](#) – Государственная внешняя торговля [1802–1830 годов] в разных ее видах. СПб., [1803–1830].

[Злотников, 1966](#) – Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.

[Ионичев, 2001](#) – Ионичев Н.П. История экономики: Внешние экономические связи России. IX – начало XX века. М., 2001.

[Кафенгауз, 1962](#) – Кафенгауз Б.Б. Война 1812 года и ее влияние на социально-экономическую жизнь России: По материалам предприятий Н. Демидова // *Вопросы истории*. 1962. № 7. С. 69–80.

- Кулишер, 1923 – *Кулишер И.М.* История русской торговли. Пг., 1923.
- Лодыженский, 1886 – *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
- Приложение.
- Миронов, 1985 – *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.
- Миронов, 1991 – *Миронов Б.Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // *История СССР.* 1991. № 1. С. 86–101.
- Неболсин, 1835 – *Неболсин Г.* Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. 1. Приложение.
- Орлик, 1999 – История внешней политики России. Первая половина XIX в. / отв. ред. О.В. Орлик. М., 1999.
- Покровский, 1947 – *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- Положение..., 1810 – Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей по всей западной сухопутной границе от 19 декабря 1810 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 31: 1810–1811. С. 486–492. № 24.464.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рожкова, 1959 – *Рожкова М.К.* Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959.
- Рубинштейн, 1955 – *Рубинштейн Н.Л.* Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 343–361.
- Санкт-Петербургские коммерческие ведомости – Санкт-Петербургские коммерческие ведомости [за 1808–1810 гг.].
- Санкт-Петербургские прејскуранты – Санкт-Петербургские прејскуранты. СПб., [1806–1825].
- Сарычев, 1953 – *Сарычев В.Г.* Русско-английские экономические отношения в XVIII веке: К вопросу о роли русского экспорта в экономике Англии: дис. ... канд. экон. наук. М., 1953.
- Сахаров, 1998 – История внешней политики России. XVIII век: От Северной войны до войн России против Наполеона / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1998.
- Сборник сведений..., 1902 – Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / В.И. Покровский (ред.). СПб., 1902. Т. 1. [Ч.]. III: Таблицы. С. 169–173.
- Струмилин, 1954 – *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1.
- Тарле, 1912 – *Тарле Е.В.* Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 11. С. 54–93.
- Указ..., 1810 – Указ от 20 июля 1810 г. «О конфискации товаров, привезенных на кораблях из Тенерифа» // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 31: 1810–1811. С. 276–277. № 24.304.
- ЦГИА Латвии – Центральный государственный исторический архив Латвии.
- Чечулин, 1907 – Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
- Anderson, 1967 – *Anderson M.S.* The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars // *Bourne K., Watt D.C.*, eds. Studies in International History: Essays Presented to W. Norton Medlicott. London, 1967. pp. 68–80.
- Beitrage..., 1866 – Beitrage zur Statistik des Rigaischen Handels. Riga, 1866.
- Broadberry, O'Rourke, 2010 – *Broadberry S., O'Rourke K.H.*, eds. Economic History of Modern Europe. Vol. 1: 1700–1870. Cambridge, 2010.
- Crafts, 1985 – *Crafts N.F.R.* British Economic Growth during the Industrial Revolution. Oxford, 1985.
- Davis, 1979 – *Davis R.* The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Leicester, 1979.
- DNA – The Danish National Archives.
- Esteban, 1994 – *Esteban J.C.* British Textile Prices, 1770–1831: Are British Growth Rates Worth Revising Once Again? // *Economic History Review.* 1994. Vol. 47, nr 1. pp. 66–105.
- Falkus, 1982 – *Falkus M.E.* The Early Development of the British Gas Industry, 1790–1815 // *Economic History Review.* 1982. Vol. 35, nr 2. pp. 217–234.
- Graham, 1939 – *Graham G.S.* Napoleon's Baltic Blockade and the Birth of the Canadian Timber Trade // *Baltic and Scandinavian Countries.* 1939. Vol. 4, nr 1. pp. 28–30.
- Kahan, 1979 – *Kahan A.* Eighteenth-Century Russian-British Trade: Russia's Contribution to the Industrial Revolution in Great Britain // *Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons.* Proceedings of an international conference held at the University of East Anglia, Norwich, England, 11–15 July 1977 / A.G. Cross (ed.). Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1979. pp. 181–189.

- Kahan, 1985** – *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; London, 1985.
- Kaplan, 1981** – *Kaplan H.H.* Russia's Impact on the Industrial Revolution in Great Britain during the Second Half of the Eighteenth Century: The Significance of International Commerce // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1981. Bd. 29. pp. 7–59.
- Kaplan, 1995** – *Kaplan H.H.* Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine II. Philadelphia, 1995.
- Macgregor, 1850** – *Macgregor J.* Commercial Statistics. London, 1850. Vol. 5.
- Macmillan, 1973** – *Macmillan D.S.* Paul's Retributive Measures of 1800 against Britain: The Final Turning-Point in British Commercial Attitudes towards Russia // *Canadian American Slavic Studies*. 1973. Vol. 1. pp. 68–77.
- Mitchell, 1971** – *Mitchell B.R.* Abstract of British Historical Statistics. Cambridge, 1971.
- Moore, 1965** – *Moore D.C.* The Corn Laws and High Farming // *Economic History Review*. 1965. Vol. 18. December. pp. 544–561.
- Newman, 1985** – *Newman J.* Russian Foreign Trade, 1680–1780: The British Contribution: unpublished PhD thesis. University of Edinburgh, 1985.
- Oddy, 1805** – *Oddy J.* European Commerce. London, 1805.
- Post, 1974** – *Post J.D.* A Study in Meteorological and Trade Cycle History: The Economic Crisis Following the Napoleonic Wars // *Journal of Economic History*. 1974. Vol. 34, nr 2. pp. 321–331.
- Posthumus, 1946** – *Posthumus N.W.* Inquiry into the History of Prices in Holland. Leiden, 1946. Vol. 1.
- Rigaischer Anzeigen...** – Rigaischer Anzeigen von allerhand den gemeine Wesen nötigen und nützlichen Sachen, welche mit Genehmigung eines hochedlen und hochweisen Rath bekannt gemacht werden. Riga, [1762–1797].
- Silberling, 1923** – *Silberling N.J.* British Prices and Business-Cycles, 1779–1850 // *Review of Economic Statistics*. 1923. Vol. 5, suppl. 2. pp. 223–247.
- Smart, 1910** – *Smart W.* Economic Annals of the Nineteenth Century. 1801–1820. London, 1910.
- SNA** – The National Archive of Sweden.
- Storch, 1803** – *Storch H.* Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des 18. Jahrhunderts. Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theil. Leipzig, 1803.
- Tooke, Newmarch, 1838** – *Tooke T., Newmarch W.* A History of Prices and of the State of the Circulation, from 1793 (to the Present Time). London, 1838. Vol. 2.
- UKNA** – The United Kingdom National Archives.

References

- Aleksandrenko, 1906** – *Sobranie vazhneishikh traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami* [The most important collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers (1774–1906)] / s vved. i primech. V.N. Aleksandrenko. Varshava, 1906.
- Anderson, 1967** – *Anderson M.S.* The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars // *Bourne K., Watt D.C.*, eds. *Studies in International History: Essays Presented to W. Norton Medlicott*. London, 1967, pp. 68–80.
- Arkhiv RAN** – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences].
- Arkhiv SPbII RAN** – Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk [Archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].
- Arnol'd, 1816** – *Arnol'd K.* (1816). Mnenie o sisteme tarifa v Rossii [The system is fare in Russia]. St. Petersburg.
- Beitrage..., 1866** – *Beitrage zur Statistik des Rigaischen Handels*. Riga, 1866.
- Bolkhovitinov, 1966** – *Bolkhovitinov N.N.* (1966). Stanovlenie russko-amerikanskikh otnoshenii. 1775–1815 [Formation of Russian-American relations. 1775–1815]. Moscow.
- Bolkhovitinov, 1975** – *Bolkhovitinov N.N.* (1975). Russko-amerikanskie otnosheniya 1815–1832 gg. [Russian-American relations, 1815–1832]. Moscow.
- Broadberry, O'Rourke, 2010** – *Broadberry S., O'Rourke K.H.*, eds. (2010). *Economic History of Modern Europe*. Vol. 1: 1700–1870. Cambridge, 2010.
- Chechulin, 1907** – *Nakaz imperatritsy Ekateriny II, dannyi komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya* [The orders of Empress Catherine II, the Committee on making up a new code project] / pod red. N.D. Chechulina. St. Petersburg, 1907.
- Crafts, 1985** – *Crafts N.F.R.* (1985). *British Economic Growth during the Industrial Revolution*. Oxford.
- Davis, 1979** – *Davis R.* (1979). *The Industrial Revolution and British Overseas Trade*. Leicester.
- DNA** – The Danish National Archives.
- Esteban, 1994** – *Esteban J.C.* (1994). British Textile Prices, 1770–1831: Are British Growth Rates Worth Revising Once Again? *Economic History Review*. Vol. 47, nr 1, pp. 66–105.

- Falkus, 1982** – *Falkus M.E.* (1982). The Early Development of the British Gas Industry, 1790–1815. *Economic History Review*. Vol. 35, nr 2, pp. 217–234.
- Gosudarstvennaya vneshnyaya trgovlya...** – Gosudarstvennaya vneshnyaya trgovlya [1802–1830 godov] v raznykh ee vidakh [State foreign trade [1802–1830 years] in different types of]. St. Petersburg, [1803–1830].
- Graham, 1939** – *Graham G.S.* (1939). Napoleon's Baltic Blockade and the Birth of the Canadian Timber Trade. *Baltic and Scandinavian Countries*. Vol. 4, nr 1, pp. 28–30.
- Ionichev, 2001** – *Ionichev N.P.* (2001). Istoriya ekonomiki: Vneshnie ekonomicheskie svyazi Rossii. IX – nachalo XX veka [History of Economics: External economic relations of Russia. 9th – beginning of 20th century]. Moscow.
- Kafengauz, 1962** – *Kafengauz B.B.* (1962). Voina 1812 goda i ee vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskuyu zhizn' Rossii: Po materialam predpriyatii N. Demidova [The war of 1812 and its impact on socio-economic life of Russia: On materials of the enterprises of N. Demidova]. *Voprosy istorii*. Nr 7, pp. 69–80.
- Kahan, 1979** – *Kahan A.* (1979). Eighteenth-Century Russian-British Trade: Russia's Contribution to the Industrial Revolution in Great Britain // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons. Proceedings of an international conference held at the University of East Anglia, Norwich, England, 11–15 July 1977 / A. G. Cross (ed.). Newtonville, MA: Oriental Research Partners, pp. 181–189.
- Kahan, 1985** – *Kahan A.* (1985). The Plow, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; London.
- Kaplan, 1981** – *Kaplan H.H.* (1981). Russia's Impact on the Industrial Revolution in Great Britain during the Second Half of the Eighteenth Century: The Significance of International Commerce // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin. Bd. 29, pp. 7–59.
- Kaplan, 1995** – *Kaplan H.H.* (1995). Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine II. Philadelphia.
- Kulisher, 1923** – *Kulisher I.M.* (1923). Istoriya russkoi trgovli [History of Russian trade]. Petrograd.
- Lodyzhenskii, 1886** – *Lodyzhenskii K.* (1886). Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa [The history of the Russian customs tariff]. St. Petersburg. Prilozhenie.
- Macgregor, 1850** – *Macgregor J.* (1850). Commercial Statistics. London. Vol. 5.
- Macmillan, 1973** – *Macmillan D.S.* (1973). Paul's Retributive Measures of 1800 against Britain: The Final Turning-Point in British Commercial Attitudes towards Russia. *Canadian American Slavic Studies*. Vol. 1, pp. 68–77.
- Mironov, 1985** – *Mironov B.N.* (1985). Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiya [Grain prices in Russia for two centuries (18–19th c.)]. Leningrad.
- Mironov, 1991** – *Mironov B.N.* (1991). Vliyanie revolyutsii tsen v Rossii XVIII veka na ee ekonomicheskoe i sotsial'no-politicheskoe razvitie [The impact of the price revolution in Russia of 18th century in its economic and socio-political development]. *Istoriya SSSR*. Nr 1, pp. 86–101.
- Mitchell, 1971** – *Mitchell B.R.* (1971). Abstract of British Historical Statistics. Cambridge.
- Moore, 1965** – *Moore D.C.* (1965). The Corn Laws and High Farming. *Economic History Review*. Vol. 18. December, pp. 544–561.
- Nebolsin, 1835** – *Nebolsin G.* (1835). Statisticheskie zapiski o vneshnei trgovle Rossii [Statistical note on the foreign trade of Russia]. St. Petersburg. Ch. 1. Prilozhenie.
- Newman, 1985** – *Newman J.* (1985). Russian Foreign Trade, 1680–1780: The British Contribution: unpublished PhD thesis. University of Edinburgh.
- Oddy, 1805** – *Oddy J.* (1805). European Commerce. London.
- Orlik, 1999** – Istoriya vneshnei politiki Rossii. Pervaya polovina XIX v. [The history of Russian foreign policy. The first half of the 19th century] / otv. red. O.V. Orlik. Moscow, 1999.
- Pokrovskii, 1947** – *Pokrovskii S.A.* (1947). Vneshnyaya trgovlya i vneshnyaya trgovaya politika Rossii [Foreign trade and foreign trade policy of Russia]. Moscow.
- Polozhenie..., 1810** – Polozhenie o neutral'noi trgovle na 1811 god v portakh Belogo, Baltiiskogo, Chernogo i Azovskogo morei po vsej zapadnoi sukhoputnoi granitse ot 19 dekabrya 1810 g. [The situation of neutral trade in 1811 in the ports of White, Baltic, Black and Azov seas across the Western land border of 19 December 1810] // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1st]. St. Petersburg, 1830. T. 31: 1810–1811, pp. 486–492. Nr 24.464.
- Post, 1974** – *Post J.D.* (1974). A Study in Meteorological and Trade Cycle History: The Economic Crisis Following the Napoleonic Wars. *Journal of Economic History*. Vol. 34, nr 2, pp. 321–331.
- Posthumus, 1946** – *Posthumus N.W.* (1946). Inquiry into the History of Prices in Holland. Leiden. Vol. 1.
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Rigaischer Anzeigen...** – Rigaischer Anzeigen von allerhand den gemeine Wesen nötigen und nützlichen Sachen, welche mit Genehmigung eines hochedlen und hochweisen Rath bekannt gemacht werden. Riga, [1762–1797].

- [Rozhkova, 1959](#) – *Rozhkova M.K.* (1959). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka [Essays on the economic history of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow.
- [Rubinshtein, 1955](#) – *Rubinshtein N.L.* (1955). Vneshnyaya trgovlya Rossii i russkoe kupechestvo vo vtoroi polovine XVIII v. [Foreign trade of Russia and the Russian merchant class in the second half of the 18th century]. *Istoricheskie zapiski*. Moscow. T. 54, pp. 343–361.
- [Sakharov, 1998](#) – Istoriya vneshnei politiki Rossii. XVIII vek: Ot Severnoi voiny do voin Rossii protiv Napoleona [The history of Russian foreign policy. Eighteenth century: From the great Northern war to the Russian wars against Napoleon] / otv. red. A.N. Sakharov. Moscow, 1998.
- [Sankt-Peterburgskie kommercheskie vedomosti](#) – Sankt-Peterburgskie kommercheskie vedomosti [za 1808–1810 gg.] [The St. Petersburg commercial Gazette [1808–1810]].
- [Sankt-Peterburgskie preiskuranty](#) – Sankt-Peterburgskie preiskuranty [St. Petersburg price lists]. St. Petersburg, [1806–1825].
- [Sarychev, 1953](#) – *Sarychev V.G.* (1953). Russko-angliiskie ekonomicheskie otnosheniya v XVIII veke: K voprosu o roli russkogo eksporta v ekonomike Anglii: dis. ... kand. ekon. nauk [The Russian-English economic relations in the eighteenth century: the question of the role of the Russian export in the economy of England: dis. ... kand. Econ. Sciences]. Moscow.
- [Sbornik svedenii..., 1902](#) – Sbornik svedenii po istorii i statistike vneshnei trgovli Rossii [Collection of information on the history and statistics of foreign trade of Russia] / V.I. Pokrovskii (red.). St. Petersburg, 1902. T. 1. [Ch.]. III: Tablitsy, pp. 169–173.
- [Silberling, 1923](#) – *Silberling N.J.* (1923). British Prices and Business-Cycles, 1779–1850. *Review of Economic Statistics*. Vol. 5, suppl. 2, pp. 223–247.
- [Smart, 1910](#) – *Smart W.* (1910). Economic Annals of the Nineteenth Century. 1801–1820. London.
- [SNA](#) – The National Archive of Sweden.
- [Storch, 1803](#) – *Storch H.* (1803). Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des 18. Jahrhunderts. Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theil. Leipzig.
- [Strumilin, 1954](#) – *Strumilin S.G.* (1954). Istoriya chernoi metallurgii v SSSR [History of ferrous metallurgy in the USSR]. Moscow. T. 1.
- [Tarle, 1912](#) – *Tarle E.V.* (1912). Ekonomicheskie otnosheniya Frantsii i Rossii pri Napoleone I [Economic relations of France and Russia when Napoleon I]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Nr 11, pp. 54–93.
- [Tooke, Newmarch, 1838](#) – *Tooke T., Newmarch W.* (1838). A History of Prices and of the State of the Circulation, from 1793 (to the Present Time). London. Vol. 2.
- [TSGIA Latvii](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Latvii [Central State Historical Archive of Latvia].
- [Ukaz..., 1810](#) – Ukaz ot 20 iyulya 1810 g. “O konfiskatsii tovarov, privezennykh na korablyakh iz Tenerifa” [The decree of 20 July 1810 “On the confiscation of goods brought by ship from Tenerife”] // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1st]. St. Petersburg, 1830. T. 31: 1810–1811, pp. 276–277. Nr 24. 304.
- [UKNA](#) – The United Kingdom National Archives.
- [Vneshnyaya politika..., 1967](#) – Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del [Foreign policy of Russia 19th and early 20th century: Documents of the Russian Ministry of foreign Affairs]. Seriya 1: 1801–1815 gg. Moscow, 1967. T. 5.
- [Zlotnikov, 1966](#) – *Zlotnikov M.F.* (1966). Kontinental'naya blokada i Rossiya [The continental blockade and Russia]. Moscow; Leningrad.

УДК 94(41+47):339.56

Российский экспорт в Великобританию в 1760–1825 гг.: кому было выгоднее?

Чжи-Бэ Пак^{a, *}

^a Университет иностранных языков Ханкук, Сеул, Республика Корея

Аннотация. В статье сравниваются доходы, получаемые Россией от экспорта в Великобританию в 1760–1825 гг., с одной стороны, и выгоды, которые давал импорт российских товаров в Великобританию для ее экономического развития, проходившей в ней промышленной революции и для ее флота, с другой стороны. С этой целью проведен анализ динамики российского экспорта важнейших товаров в Великобританию по российским архивным источникам и импорт тех же товаров в Великобританию по британским архивным источникам.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ji-bae@hanmail.net (Чжи-Бэ Пак)

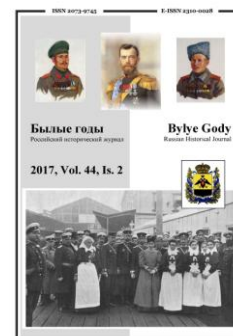
В течение XVIII в. экспорт России в Великобританию быстро развивался и оказывал большое влияние на обе страны. В начале XIX в. российско-британская торговля претерпела существенные изменения, в особенности под влиянием присоединения России к континентальной блокаде, которая остановила официальные торговые отношения между Россией и Великобританией. Обе страны должны были найти альтернативных партнеров: Великобритания для получения сырьевых материалов, Россия для продажи своих товаров. С этой задачей лучше справилась Великобритания. Во-первых, она организовала контрабанду в таких масштабах, что в годы блокады, несмотря на формальное запрещение, российско-британская торговля существенно выросла. Во-вторых, Великобритания нашла партнеров в Канаде. В-третьих, благодаря промышленной революции, она наладила собственное производство железа и хлопчатобумажных тканей, которые заменили российские аналоги. В результате в первой четверти XIX в. Великобритания стала в меньшей степени зависеть от поставок российских товаров за исключением хлеба. Тем не менее Россия осталась важным экспортером сырьевых материалов и хлеба в Великобританию.

Ключевые слова: Россия XIX в., внешняя политика, русский экспорт, британский импорт, континентальная блокада, цены российских товаров, внешняя торговля США, контрабанда, российское зерно, промышленная революция.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 410-419, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.410
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries

Farman M. Kuliev^{a, *}

^a The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Caucasus Institute, Russian Federation

Abstract

The paper dwells on the analysis of the confessional policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the late XIII - early XX centuries. In the complex geopolitical situation caused by the struggle of Iran, Turkey, Great Britain, France and other countries for domination in this territory, the Russian authorities succeed in pursuing successful domestic and foreign policies, an important component of which is confessional policy in the region.

During the period under review, the territory of the Russian Empire reached its maximum size and united peoples belonging to different religious denominations. The non-Orthodox population prevailed in many regions of Russia, including the North Caucasus, and this compelled the authorities to pursue a special policy aimed at the easy entry of such enclaves into the structure of public administration that exists in the rest of the country.

In that period, the German settlers were an integral part of the ethnic structure of the North Caucasus. The well-known loyalty of the Russian government to the Germans determined their special role in the colonization policy of Russia. The tsarist government placed on the German colonists the task of economic development of the region, the function of transferring of the economic and cultural experience to the local communities.

In the Russian Empire the Roman Catholic Church and the Evangelical Lutheran Church were a part of social life and could not exist in isolation. On the one hand, the Catholic and the Lutheran religions acted as a factor of social relations formation, helped to maintain the stability of the society and stimulated its change for their congregation. On the other hand, since Russian society was multi-confessional, ethnic differences were intertwined with religious, one value system was opposed to another, and the integration of the Catholic and the Lutheran peoples was accompanied by difficulties and problems.

The author argues that the relationship between the government of the Russian Empire and Western Christianity were based on the certain principles, reflecting the patterns of government policy for running of non-Orthodox denominations. For several centuries the main direction of the confessional policy of the Russian Empire was the principle of state controlling all religious institutions.

Keywords: Catholicism, Lutheranism, state-confessional relations, the Russian Empire, the North Caucasus, German settlements, confessional policy, interfaith dialogue, immigrants.

1. Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена особым положением Северного Кавказа в России. Специфика этого положения проявляется в исключительном разнообразии этнолингвистических, этнорегиональных и этноконфессиональных групп, проживающих на Северном Кавказе. В конце XVIII – начале XX века в данном регионе были представлены крупнейшие мировые конфессии. Широкое

* Corresponding author

E-mail addresses: kyliev_farman@mail.ru (F.M. Kuliev)

развитие и распространение получили католицизм и лютеранство, которые были включены в поликонфессиональную структуру Российской империи. Все это говорит о необходимости более внимательного отношения к историческому опыту взаимоотношений государства и конфессий в рассматриваемый период, дабы извлечь определенные уроки для будущего развития страны, так как и по настоящее время Российская Федерация остается многонациональным и многоконфессиональным государством.

Вне всякого сомнения, католичество оказало большое влияние на культурно-историческое и духовное развитие народов Российской империи. Со второй половины XVIII в. немецким переселенцам, в первую очередь крестьянам, царское правительство обещало льготы и различные блага. Переселившиеся обустроивались на новых местах империи, в том числе и на Северном Кавказе, строили церкви, дома, сохраняя этническую самобытность, традиции, приверженность католической религии.

Несмотря на то, что господствующее положение в империи принадлежало Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), правительство на определенных принципах строило государственно-религиозные отношения, в которых нашли отражение закономерности государственной политики по отношению к инославным конфессиям. Государство при осуществлении религиозной политики придерживалось следующих принципов: нестабильность и изменчивость государственной политики по отношению к инославным конфессиям; дифференцированный подход к каждой конфессии; подчинение церквей государству и их полная зависимость от государственных органов; охранительная политика российского правительства по отношению к РПЦ и т.д. Вышеперечисленные принципы государственной властью не были конкретизированы и систематизированы в каком-либо одном законодательном акте, а логически выведены как из всей совокупности правовых документов, так и из конкретных исторических событий и фактов. Эти принципы и определяют сущность взглядов государства на неправославные христианские церкви в истории Российского государства.

Поэтому, по мнению некоторых специалистов, при разработке современной концепции отношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации, необходимо «обоснование сущностных элементов, составляющих новую модель государственной политики в сфере свободы совести» (Одинцов, 1997: 19).

Внутренняя и внешняя политика, геополитическая ситуация на рубеже XVIII–XIX вв. способствовали тому, что царская власть корректировала направления религиозной политики как по отношению, например, к представителям ислама, так и к инославным церквям – католикам, лютеранам. Изменившаяся со второй половины XVIII в. национально-религиозная конфигурация Российской империи заставляла искать такие формы государственного устройства и государственно-религиозных отношений, которые позволяли бы, включая вновь присоединенные этносы, народности, сохранять господствующее положение и РПЦ, и титульной нации. Несмотря на то, что Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви рассматривались как чужеродные, безусловно, они являлись частью общественной жизни в Российской империи.

В Российской империи законом были запрещены любые формы проповеди и пропаганды своего вероучения (за исключением православного), т.к. законодательство это рассматривало как проявление националистических тенденций. По существующим нормам переход отдельного лица в другое исповедание, кроме православного, законом не допускался. А поскольку конфессиональные различия практически совпадали с этническими, то роль регулятора национального вопроса и социальных отношений, хранителя стабильности социума играло вероисповедное законодательство. Этим, на наш взгляд, обуславливались специфические черты государственно-религиозных отношений в Российской империи.

Взаимоотношения государства и религии должны изучаться, исходя из особенностей исторического развития, а также с учетом опыта государственно-конфессиональных отношений.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников при написании статьи использованы законодательные и нормативные акты, в частности Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ); статистические материалы; сборники документов по конфессиональной политике Российской империи на Северном Кавказе, а также научные публикации современных исследователей.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма, объективности и системного подхода. Применение принципа объективности осуществлялось с учетом имеющихся в исторической науке различных точек зрения на проблемы взаимоотношений, взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа. Соблюдение этого принципа подтверждалось всесторонним анализом различных видов источников.

В работе использовались такие методологические приемы, как сравнение и обобщение, анализ, синтез, историко-типологический метод. Также использованы принципы логического отбора фактического материала, система методов исторического описания социально-политических процессов.

При написании статьи использовались и такие методы, как: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, системного анализа, ретроспективный подход.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования обширна, она включает в себя специальную литературу – законодательные акты и сборники сведений, изданные в 1830–1911 гг. (ПСЗРИ, 1830, 1882; Сборник сведений о Кавказе, 1871; АКАК, 1873; Сборник сведений о Северном Кавказе, 1911). В данных источниках содержатся сведения о правовом взаимодействии царской власти и неправославного духовенства, информация о немецких колониях на территории Российской империи и немецких поселениях на Северном Кавказе.

Вопросы конфессиональной политики России по отношению к христианским неправославным конфессиям на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. были рассмотрены в работах таких дореволюционных исследователей, как Л. Розенберг, И.М. Белоголов, которые отметили усиление контроля со стороны власти над католиками и лютеранами в Российской империи, привели сведения об истории расселения лютеран, об организационном устройстве общин, их структуре (Розенберг, 1900; Белоголов, 1915).

В поздний советский и постсоветский периоды данная тема начала активно разрабатываться. Появился целый ряд исследований, посвященных описанию жизни немецких переселенцев как в Российской империи в целом, так и непосредственно на Северном Кавказе. Среди работ первой группы выделяются труды В. Задворного и А. Юдина, В.М. Кабузана, О.А. Лиценбергер, Т.Д. Филимоновой, Б. Чаплицкого, в которых авторы рассматривают правовое положение Римско-католической церкви в России, отмечают активное вмешательство государства в дела церкви, приводят численность немецкого населения в различных регионах (Задворный, Юдин, 1995; Кабузан, 1989; Лиценбергер, 1991; Филимонова, 1986; Чаплицкий, 2002).

В работах второй группы ученые Э.Я. Агаева, В.С. Белозеров, Л.К. Гостиева, Р.Н. Дзагоев описывают религиозную жизнь и различные вопросы социально-экономической деятельности немецкого населения на Северном Кавказе (Агаева, 1994, Белозеров, 2005; Гостиева, 1995, Дзагоев, 2005).

4. Результаты

Во второй половине XVIII - начале XIX в. в результате переселенческой политики в Российской империи значительно увеличилось количество представителей западно-христианских конфессий: в Петербургской губернии – 0,7 тыс. человек (1765–1812 гг.), в Черниговской – 0,9 тыс. человек (1766 г.), Воронежской – 0,3 тыс. человек, Лифляндской – 0,3 тыс. человек (Кабузан, 1989: 23). Например, только в Поволжье за десять лет, с 1763 по 1774 г., из Европы прибыло почти 32 тыс. мигрантов. Из них 8–10 тыс. человек были католиками, остальные – протестантами (Stricker, 1995: 140).

С конца XVIII в., по мере дальнейшего продвижения Российской империи на Северный Кавказ, сложились определенные предпосылки для переселения в данный регион западных христиан. Царская власть, приглашая немецких колонистов, видела в них некий локомотив правильного хозяйственного и социокультурного освоения региона.

Задачи, стоящие перед имперской властью на Северном Кавказе, определяли сущность взаимоотношений с немецкими переселенцами. Необходимо было не только создавать условия для успеха немецкой колонизации региона, но, и, в первую очередь, привлечь колонистов к осуществлению планов властей по развитию промышленности, торговли, местного хозяйства. Реализация данных задач привела к росту числа приверженцев католической и лютеранской религии на Северном Кавказе.

Манифестом от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» были определены условия переезда мигрантов в Российскую империю. Царская власть предоставляла им следующие льготы: «беспрепятственное отправление веры по своим уставам и обрядам»; свободу от податей, налогов и постоев на 30 лет; переезд за счет российского правительства; свободу выбора места поселения; разрешало промышленникам приобретать рабочую силу; предоставляло беспроцентную ссуду на строительство домов и т.д. (ПСЗРИ. Т. XVI, 1830: 313–316). Необходимо отметить и тот факт, что вышеперечисленные льготы правительство распространяло как на переселенцев, так и на их потомков. Составитель Манифеста четко определил статус иммигрантов: каждый иностранец, заявивший о «решительном своем намерении» поселиться на свободных землях для хлебопашества или записаться в купечество, обязан «учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу» (ПСЗРИ. Т. XVI, 1830: 313–316).

Политика царского правительства по отношению к переселенцам привела к повсеместному образованию во второй половине XVIII в. католических приходов и храмов практически во всех крупных городах Российской империи.

Вплоть до разделов Речи Посполитой основным документом, регулирующим правовое положение Римско-католической церкви в Российской империи, оставался «Регламент для католической церкви в Петербурге», принятый в 1769 г. императрицей Екатериной II. Императрица лично наметила основные положения Регламента, которые потом доработала и представила в виде закона Юстиц-коллегия (ПСЗРИ. Т. XVII, 1830: 1032–1034). По мнению Екатерины II, в Петербургском костеле должны были служить монахи францисканцы, и наиболее подходящими кандидатами, в противовес итальянцам, являлись католики из Германии. На тот момент Коллегия

иностранных дел обязана была списываться с германскими курфюрстами и только через них вызывать духовные лица в Российскую империю.

Помимо Санкт-Петербурга, Крыма и Поволжья южные регионы и Кавказ стали одним из самых крупных объединений католических общин в Российской империи (Лиценбергер, 2001: 57–58). На юге страны колонии существовали в Екатеринославской, Полтавской и Херсонской губерниях, были также бессарабские, крымские и одесские колонии. Что касается Северного Кавказа, то еще в средние века итальянцами была предпринята попытка приобщения местного населения к католицизму, в частности, кабардинцев и балкарцев. А в XVIII в. активную миссионерскую политику среди кабардинцев вели жители шотландской колонии Карасс, расположенной под горой Бештау в Пятигорске.

Можно отметить, что шотландцы достигли некоторого успеха в деле христианизации кабардинцев. И царское правительство, видя миссионерские успехи шотландцев, сделало ставку на них в качестве проводников христианской веры среди коренного населения региона. «Всякому кабардинцу, черкесу или другому магометанину или язычнику из людей свободных дозволяем принять вероисповедание колоний и делаться членом оной с согласия управы» (Керашев, 1991: 231). О данном факте говорится в «Высочайшей грамоте колонии Шотландцев, в Кавказской губернии поселяемой – на пожалованные ей выгоды и преимущества» от 25 декабря 1806 г., где отмечалось: «Снисходя на прошение, принесенное Нам от общества Шотландцев, за четыре пред сим года, по соизволению Нашему в смежности гор Кавказских особенною колониею водворившихся, Мы в поощрение предприятий их клонящихся к распространению трудолюбия, ремесел и фабрик в краю, столь мало населенном и смежном с народами Магометанскаго исповедания или язычниками, никакого образования неимеющими, и сообразуясь с выгодами и преимуществами Сарентскому Евангелическому Обществу предоставленными, Всемилостивейше пожаловали и сим утверждаем следующие колонии сей выгоды и преимущества» (ПСЗРИ, 1882: 231).

Упомянутой выше грамотой шотландским миссионерам было дано право покупать у окрестных горских народов пленников и рабов и оставлять их при колонии для наставления в христианстве и полезных знаниях. Предполагалось, что эти воспитанники могут быть впоследствии употребляемы в качестве миссионеров между своими сородичами (АКАК, Т. V: 1032).

Однако, несмотря на полученные привилегии в деле миссионерской политики, шотландцам не удалось массово обратить местное население в христианство. В 1825 г. посетивший колонию Карасс англичанин Р. Лайэлл отметил индифферентность местных жителей к чужой религии и их стремление исповедовать ислам (Керашев, 1991: 231).

Для общего управления всеми иностранными колониями на юге Российской империи в 1800 г. была создана Контора опекунов новороссийских иностранных поселенцев. Через 18 лет Контору опекунов переименовали в Екатеринославскую контору иностранных поселенцев. Контора занималась сбором податей, налагала штрафы, поощряла модернизационные процессы в земледелии, контролировала строительство колонистами домов и фабрик, занималась выдачей паспортов и т.д. На территории Российской империи Контора опекунов разделила немецкие поселения на колонистские округа, которые включали несколько деревень.

В начале XIX века из внутренних губерний Российской империи начинается интенсивное переселение колонистов, немцев-католиков, на Северный Кавказ, что привело к образованию значительной католической общины в данном регионе. В 1807 г. возникли католические приходы в Моздоке и Кизляре (Чаплицкий, 2002: 66).

В феврале 1804 г. правительство публикует новые правила «о приеме и водворении иностранных колонистов», которые значительно дополнили законодательство, существующее с 60-х годов XVIII в. По данному закону в Российскую империю разрешали переселяться только «лицам семейным, зажиточным, доброго поведения и полезным в сельском хозяйстве» (ПСЗРИ. Т. XXVIII, 1830: 137–140).

Духовенство по этим новым правилам получило ряд льгот, в первую очередь, денежные выплаты на дорожные расходы и большие земельные наделы, а главное десятилетнее, а не двухлетнее, как ранее, правительственное содержание. По истечении представленных льгот священнослужители иностранных колоний на Северном Кавказе должны были содержаться за счет немецких общин. Бывали и случаи, когда духовное лицо по прибытии в колонию, не желало быть пастором и записывался в колонисты (Коновалов, 1998: 202). Необходимо при этом отметить тот факт, что иностранец при вступлении в звание колониста, обязан был приносить присягу на подданство перед пастором и давать расписку о соблюдении внутреннего распорядка.

Одной из главных проблем для колонистов на территории Северного Кавказа была нехватка священнослужителей. Для колонистов из Германии в 1812 г. агентом Сарентского евангелического общества Андерсом было выписано четверо священнослужителей (Лиценбергер, 2001: 57–58). Учитывая сложившуюся ситуацию, один священнослужитель вынужден был обслуживать сразу несколько католических общин.

В 1840-е гг. на территории Ставрополя образовалось Римско-католическое общество, которое впоследствии добилось разрешения вице-губернатора М.М. Ольшевского на строительство костела.

По мере роста численности населения региона возрастала роль и значение РПЦ как нравственного воспитателя народных масс, прибывавших на Северный Кавказ из различных регионов. Царская власть в лице церкви видела основного помощника внедрения в регионе, в первую очередь, идеологических основ российской государственности и монархизма. С образованием в начале XIX в. Римско-католической духовной коллегии правительство начало активно вмешиваться в церковные дела, связанные как с имущественными проблемами, так и институтом монашества (Задворный, Юдин, 1995: 18).

Управление лютеранским духовенством находилось в Тифлисе в Церковном совете, учрежденном из почтенных лиц данного вероисповедания. А в самих немецких колониях избирали обер-пастора, который осуществлял свою деятельность на основании общего устава лютеранских церквей в Российской империи. В 1827 г. утверждается обер-пасторство всех закавказских колоний и финансируется строительство церквей и школ.

В первой половине XIX века на Северном Кавказе последователей римско-католической конфессии среди коренных жителей было немного. Генерал А.П. Ермолов в начале Кавказской войны возлагал большие надежды на немецких переселенцев. А, начиная с середины 1820-х гг., разочаровался в своих ожиданиях, так как пришел к выводу, что немцы не стремятся распространять свои знания и умения в области сельского хозяйства и европейского ремесла на местное население. И все это несмотря на значительные привилегии со стороны государства. Причин было несколько: религиозный и языковой барьер в отношении с местным населением, разный уровень хозяйственного и культурного уровня, различные эпидемии и войны (Кавказская, Русско-иранская).

Царское правительство, уделяя большое внимание духовной жизни колонистов, преследовало свои цели по обращению колонистами в христианство местного населения. Начиная с конца 1840-х гг. для лучшего надзора за лютеранами было признано прекратить вызов иностранных проповедников в колонии и заменить все должности «русскоподанными». (АКАК. Т. X: 900).

С середины века начинается активное немецкое переселение на Кубань, что привело к образованию колонии Александрфельд (Александровка), в 1860-е гг. были основаны колонии Рождественская и Ново-Николаевская. Каждая немецкая семья получала в собственность надел в тридцать десятин земли и освобождение от всех повинностей на 7 лет.

В 1861 году решением правительства учреждается Терская область, состоявшая из следующих отделений: Пятигорского, Моздокского, Кизлярского и Сунженского с центром во Владикавказе. И уже в 1861–1863 гг. Терская область принимает немцев-католиков из внутренних губерний, в частности, из Поволжья, которые близ Пятигорска основали две колонии: Николаевка и Бетания. Переселенцы из внутренних губерний, например из черноморских колоний, получившие земли от государства, стали основывать дочерние колонии в районе Моздока (Лиценбергер, 2001: 57-58).

Необходимо отметить, что на территории Северного Кавказа возникали главным образом дочерние колонии. Основателями данных колоний были переселенцы из Поволжья и Новороссии, стремившиеся таким образом решить земельные проблемы. Земля ими приобреталась в кредит или же бралась в аренду. Иностранцев освобождали от каких-либо повинностей, податей, им гарантировалась свобода вероисповедания, что, безусловно, стимулировало приток переселенцев.

На территории Северного Кавказа основная часть колонистов являлись протестантами. Крупными протестантскими конфессиями были лютеранская и реформаторская, которые на основании закона 1832 г. о евангелическо-лютеранской церкви были объединены в единую церковь.

Российское правительство управление колонистами осуществляло по законодательству, введенному еще при Павле I. Колонии управлялись местными окружными, губернскими, областными палатами государственных имуществ. А те, в свою очередь, в вопросах управления были подотчетны Попечительскому комитету южнорусских колоний.

По данным гражданского управления на 1 января 1871 г. в Кубанской области немецкое население было выражено в незначительном количестве (Сборник сведений о Кавказе, 1871: 288-291). Однако завершение Кавказской войны стимулировало приток немецких переселенцев на территорию региона. Основная часть немецкого населения осела в Терской и Кубанской областях, а также на территории Ставропольской губернии. Данные всероссийской переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что на Северном Кавказе, не считая области Войска Донского, проживало 39,5 тыс. немцев католиков и лютеран, что составляло 0,9 % населения района (Белозеров, 2005: 44). К концу XIX века, по сравнению со второй половиной 1870-х гг., численность представителей немецкой национальности в регионе выросла более чем в 7 раз.

Лояльное отношение со стороны властей к колонистам привело к тому, что к концу XIX века в Терской области существовало более 50 немецких колоний, наиболее крупными из которых были: Каррас (близ Пятигорска), Гартенфельд, Моргенталь (близ Минеральных вод), Эбен-Эцер (близ Нальчика), Гнаденбург (близ Моздока), Эмаус (в округе Владикавказ), Константиновка (в округе Грозного), Штраухдорф (в округе Хасав-Юрт) и др. (Агаева, 1995: 120-122; Гостиева, 1995: 132-134).

Согласно сведениям, содержащимся в списках населенных мест Ставропольской губернии 1909 г., в регионе существовали следующие населенные пункты, основанные немецкими переселенцами: колония Молочная – Иохандорф (с численностью в 389 душ обоего пола, 56 дворов), колония Мартыновка – Мартынсфельд (с численностью в 420 душ обоего пола, 55 дворов), колония

Иваненко – Бетель (с численностью в 108 душ обоего пола, 15 дворов), колония Золоторевка – Фридрихсфельд (с численностью в 628 душ обоего пола, 70 дворов) (*Сборник сведений о Северном Кавказе, 1911: 20, 34*).

Процесс заселения Северного Кавказа немецкими колонистами был длительным. В результате реформ второй половины XIX в. и завершения Кавказской войны изменялись государственно-правовые условия создания немецких поселений и государственно-религиозная политика. Теперь главной целью колонистов было не миссионерство, а исполнение «культуртрегерской» роли (*Дзагоев, 2005: 185*). Пополнение немецкого населения происходит не только за счет внутренней миграции, но и эмиграции из Германии. Увеличивается количество населения на купленных или арендуемых немцами частновладельческих землях. В результате такой политики немецкие колонисты, по мнению местных властей, должны были хорошо работать и продемонстрировать коренному населению передовые способы ведения хозяйства, а также более высокие бытовые условия проживания. Однако колонисты не оправдали надежды местных властей. Следует согласиться с мнением Т. Филимоновой, которая считает, что наряду с социально-экономическими причинами были и трудности, вызванные, с одной стороны религиозной замкнутостью, а с другой – запретом на браки с иноверцами, активно проповедуемым католическим духовенством (*Филимонова, 1988: 106*).

К концу XIX в. в Кабарде существовало уже 4 немецких поселения – Александровская, Гнаденбург, Куржино-Атажукинская и Малокановская. Численность колонистов составляло 1404 человека. После Первой русской революции в Нальчикском округе немецкие колонисты основали еще 2 поселения – Гофнунсфельд и Эбен-Эцер. С ростом количества колоний росло и общее количество немцев. К 1910 г. численность немецкого населения достигает 2171 человек (*Дзагоев, 2005: 195-196*).

В XIX в. Северный Кавказ и Закавказье наряду с немцами заселяли и поляки, в частности, это были польские пленные, которых осудили за участие в восстаниях. Пленные поляки основали ряд общин, например, во Владикавказе, способствовали возникновению прихода для военнослужащих.

Реализуемая государственная политика свидетельствует о терпимом отношении к католикам и лютеранам. Доказательством тому является, например, увеличение римско-католических епархий с 7, в конце XIX в., до 12 – в начале XX в. Управление Римско-католической церковью (РКЦ) осуществлял Архиепископ РКЦ России из Петербурга. Глава РКЦ одновременно осуществлял и управление Могилевской Римско-католической коллегией. В коллегии рассматривались дела, касающиеся всего управления римско-католическим духовенством в Российской империи.

Во главе епархий стояли епископы, которые назначались, по предварительному соглашению с Римским Папой, высочайшими указами Правительствующего Сената. Начальник Кубанской области утверждал кандидатуры священников в римско-католические приходы этого региона (*ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5920. Л. 1–2*).

В целом, религиозный вопрос в деятельности как российской, так и кавказской администрации, занимал одно из первостепенных мест. Он заключался в том, чтобы, с одной стороны, защитить православную веру, а с другой, показать, что российские власти не собираются препятствовать колонистам в соблюдении их обычаев и прав, с целью укрепления позиций и увеличении числа приверженцев христианства на Северном Кавказе.

Царское правительство понимало необходимость существования среди иноземцев, проживающих в Российской империи, инославной религии и поэтому на определенном этапе шло на уступки.

Российские католики, несмотря на то, что подвергались более существенным ограничениям, чем лютеране, которым удалось унаследовать ценности западноевропейской цивилизации, сумели сохранить религиозные традиции, обычаи и свою конфессиональную идентичность.

В большинстве колоний, образовавшихся на Северном Кавказе, в конце XVIII – начале XX века были открыты начальные и средние школы, училища, введены в эксплуатацию церкви и молитвенные дома. В 1883 г. было открыто училище в колонии Семеновке, где количество учащихся насчитывало более 70 человек. Обучение в училище было бесплатным. Обучающиеся изучали Закон Божий, русский и немецкие языки, арифметику и т.д., а штат преподавателей состоял из пастора, русского учителя и инструктора по гимнастике (*Розенберг, 1900: 190*).

Сравнивая организацию церковного управления лютеран и католиков, необходимо отметить, что первое включает значительный светский элемент и коллегиальность власти, а для управления Римско-католической церкви характерна более строгая централизованная система (*Белоголов, 1915: 74*).

Российское правительство в осуществлении государственно-конфессиональной политики по отношению к католикам и лютеранам исходило из конкретно-исторических и социально-экономических условий.

Существование немецких колоний на Северном Кавказе свидетельствует об определенном влиянии западных христиан на экономическую, политическую, культурную жизнь российского социума, на ментальность и духовные искания, на социально-политические ориентации и типы общественного поведения народов, населявших Российскую империю.

5. Заключение

Уникальное геополитическое положение Российской империи, специфические особенности исторического, духовного, социально-экономического развития обусловили включение католицизма и лютеранства в многонациональную и поликонфессиональную структуру в конце XVIII – начале XX века.

Следует отметить, что царское правительство в рассматриваемый период создавало условия для успешного поселения лютеран и католиков на территории Российской империи и их активного участия в социально-экономической жизни страны. Изученные документы подтверждают тезис об активной интеграции католиков и лютеран в российское общество на различных социальных и культурных уровнях. На территории Северного Кавказа католики и лютеране, преодолев конфессиональную ограниченность и замкнутость, сумели выработать механизм совместного сосуществования с православием, с исламом и с представителями других конфессий и интегрироваться в российское общество.

Сущность государственно-конфессиональной политики Российской империи на Северном Кавказе можно охарактеризовать как противоречивую, непредсказуемую. Политика государства и действия властей по её претворению в жизнь не всегда носили взвешенный и сбалансированный характер, не ставили цели обеспечения равенства религий.

Рассматривая описываемые конфессиональные группы – католиков и лютеран - с позиции оценки их российской государственной властью, необходимо отметить, что католики чаще всего становились объектом нападков и со стороны государства, и со стороны РПЦ. Государством их деятельность расценивалась как «неподдающаяся» русификации и православизации. Лютеране, в отличие от католиков, выражали свою лояльность к российской государственной власти. Это можно объяснить тем, что многие лютеране были выходцами из Великого княжества Финляндского и Царства Польского, являющихся частью территории Российской империи.

Положение неправославных христианских конфессий на территории Российской империи было неоднозначным. Натолкнувшись на противодействие со стороны государства и Русской Православной Церкви, им оставалось подчиняться светской власти и соблюдать христианский нейтралитет по отношению к РПЦ.

В Российской империи вплоть до начала XX в. не было свободы вероисповедания. А становление этого процесса имело свою специфику и во многом определялось эволюцией государственного строя, социальными отношениями, политико-экономическим положением и другими факторами. Демократизация государственного строя вследствие первой русской революции вынудила российское правительство осуществить религиозную реформу, в результате которой были внесены определённые коррективы в государственно-конфессиональную политику. На тот момент напряжённость в отношениях между государством и конфессиями была вызвана тем, что ни общество, ни государственный аппарат не имели чёткого представления о механизме реализации принципа веротерпимости, в результате чего в действиях административных органов прослеживались произвол и своеволие. Только конституционная реформа начала XX в. поставила вопрос об автономности инославных церквей, их свободе от государственной опеки и вмешательства в сферу их внутренней жизни.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XX в. Российская империя, исходя из внутри- и внешнеполитических задач, при осуществлении государственно-конфессиональной политики руководствовалась следующими принципами, направленными на поддержку и распространение православной веры как «первенствующей» государственной религии: запрет на переход из одного исповедания в другое, за исключением перехода в православие; правовая иерархия конфессий и их неравенство в правах, привилегиях и ограничениях и т.д. Необходимо также отметить и тот факт, что государство вмешивалось во внутреннюю жизнь религиозных объединений, во внутрицерковную деятельность существовавших конфессий. А вероисповедное законодательство выступало в стране в роли регулятора национального вопроса.

Литература

Агаева, 1994 – Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22–26 апреля 1994 г. М., 1995. С. 120-122.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: [В 12-ти т.] / Под общ. ред. А.Д. Берже. Т.V. Тифлис, 1873.

Белоголов, 1915 – Белоголов И.М. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России. Т.1. Петроград, 1915.

Белозеров, 2005 – Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Гостиева, 1995 – Гостиева Л.К. Немцы Северной Осетии: история и современность / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22–26 апреля 1994 г. М., 1995. С. 132-134.

- Дзагоев, 2005** – Дзагоев Р.Н. Колонизационно-переселенческие процессы в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // *Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*, 2005, вып. II. С. 182-200.
- Задворный, Юдин, 1995** – Задворный В., Юдин А. История Католической церкви в России. Краткий очерк. М., 1995.
- Кабузан, 1989** – Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // *Вопросы истории*. 1989. № 12. С. 18-29.
- Керашев, 1991** – Керашев А.Т. Беглые Адыги в России в XVII – нач. 60-х годов XIX в. // *Культура и быт адыгов* (Этнографические исследования). 1991. Вып. 8. С. 227-245.
- Коновалов, 1998** – Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг.: Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. Т. I. / *Ред. О.В. Коновалова*. Одесса, 1998. Д. 797.
- Лиценбергер, 1991** – Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001.
- Одинцов, 1997** – Одинцов М.И. Российское государство на пути к свободе совести: потери, приобретения, проблемы (1986–1996 гг.) // *Религия и политика в современной России*. М., 1997. С. 6-20.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XVI, Т. XVII, Т. XXVIII.
- ПСЗРИ, 1882** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. СПб., 1882. Т. II.
- Розенберг, 1900** – Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Выпуск 27. Тифлис, 1900. С. 162-191.
- Сборник сведений о Кавказе, 1871** – Административное деление Кубанской и Терской областей // *Сборник сведений о Кавказе: Издание Кавказского статистического комитета*. Т.1. Тифлис, 1871. С. 288-291.
- Сборник сведений о Северном Кавказе, 1911** – *Сборник сведений о Северном Кавказе*. Списки населенных мест Ставропольской губернии (по данным 1909 г.). Том. V. Ставрополь, 1911.
- Чаплицкий, 2002** – Чаплицкий Б. История католической церкви в России. СПб., 2002.
- Филимонова, 1986** – Филимонова Т.Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР // *Советская этнография*. 1986. №4. С. 100-111.
- Sticker, 1995** – Stricker G. Die katholische Kirche auf dem Boden des russischen Reiches, der Sowjetunion und ihrer Nachfolgestaaten // *Bernard Mensen (Hrsg.) Russland-Politik und Religion in Geschichte und Gegenwart*. Nettetal: Steyler Verlag, 1995. 140 p.

References

- Агаева, 1994** – Агаева Е.Я. (1994). Stanovlenie i dalneishaya sudba nemetskikh kolonii v Terskoi oblasti [Formation and fate of the German settlements in the Terek region] // *Russian Germans on the Don, Caucasus and the Volga: Materials of the Russian-German Scientific Conference*. Moscow. pp. 120-122 [in Russian].
- АКАК** – Акты, собранные Кавказской археологической комиссии [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission] / Edited by A.D. Berzhe. T. V. Tiflis, 1873 [in Russian].
- Belogolov, 1915** – Belogolov I.M. (1915). Akty i dokumenty, odnosyashchiesya k ustroystvu i upravleniyu rimsko-katolicheskoi tserkvi v Rossii [Acts and documents relating to the organization and management of the Roman Catholic Church in Russia]. T.1. Petrograd. [in Russian].
- Belozarov, 2005** – Belozarov V.S. (2005). Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza [Ethnic map of the North Caucasus]. Moscow. [in Russian].
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of Krasnodar Krai].
- Gostieva, 1995** – Gostieva L.K. (1995). Nemtsy Severnoi Osetii: istoriya i sovremennost [The Germans of North Ossetia: History and Modernity] // *Russian Germans on the Don, Caucasus and the Volga: Materials of the Russian-German Scientific Conference*. Moscow. pp. 132-134 [in Russian].
- Dzagoev, 2005** – Dzagoev R.N. (2005). Kolonizatsionno-pereselencheskie protsessy v Kabarde vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Colonization-resettlement processes in Kabarda in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskii vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, vyp. II. pp. 182-200 [in Russian].
- Zadvornyi, Yudin, 1995** – Zadvornyi V., Yudin A. (1995). Istoriya Katolicheskoi tserkvi v Rossii. Kratkii ocherk [The history of the Catholic Church in Russia. Short essay]. Moscow. [in Russian].
- Kabuzan, 1989** – Kabuzan V.M. (1989). Nemetskoe naselenie v Rossii v XVIII – nachale XIX veka (chislennost i razmeshchenie) [The German population in Russia in the XIII and early XIX centuries (number and location)]. *Voprosy istorii*. № 12. pp. 18-29 [in Russian].
- Kerashev, 1991** – Kerashev A.T. (1991). Beglye Adygi v Rossii v XVII – nach. 60-h godov XIX v. [Fugitive Adygs in Russia in the XVII – early sixties of the XIX centuries]. *Kultura i byt adygov*. 1991. Vyp. 8. pp. 227-245 [in Russian].

[Konovalov, 1998](#) – Popechitelnyi komitet ob inostrannykh poselentsakh Yuzhnogo kraya Rossii. 1799–1876 [The Board of Trustees on Foreign Settlers of the Southern Region of Russia. 1799-1876]. Annotirovannaya opis del 1799–1818 gg. T. I. / *Edited by O.V. Konovalov*. Odessa, 1998. D. 797. [in Russian].

[Litsenberger, 1991](#) – *Litsenberger O.A.* (1991). Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Rossii: istoriya i pravovoe polozhenie [The Roman Catholic Church in Russia: History and Legal Status]. Saratov. [in Russian].

[Odintsov, 1997](#) – *Odintsov M.I.* (1997). Rossiiskoe gosudarstvo na puti k svobode sovesti: poteri, priobreteniya, problemy (1986–1996 gg.) [The Russian state on the road to freedom of conscience: losses, acquisitions, problems (1986–1996)] / *Religiya i politika v sovremennoi Rossii*. Moscow. pp. 6-20 [in Russian].

[PSZRI, 1830](#) – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1830. T. XVI, T. XVII, T. XXVIII. [in Russian].

[PSZRI, 1882](#) – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1882. T. II. [in Russian].

[Rozenberg, 1900](#) – *Rozenberg L.* (1900). Nemetskaya koloniya Semenovka Kubanskoj oblasti Kavkazskogo otdela [German settlement Semenovka of the Kuban region of the Caucasian department] // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. Vypusk 27. Tiflis. pp. 162-191 [in Russian].

[Sbornik svedenii o Kavkaze, 1871](#) – Administrativnoe delenie Kubanskoj i Terskoj oblasti [Administrative division of the Kuban and Terek regions] // *Sbornik svedenii o Kavkaze*. T.1. Tiflis, 1871. pp. 288-201 [in Russian].

[Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze, 1911](#) – *Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze* [Collection of information about the North Caucasus.]. Spiski naselennykh mest Stavropolskoj gubernii (po dannym 1909 g.). Tom. V. Stavropol, 1911. [in Russian].

[Chaplitsky, 2002](#) – *Chaplitsky B.* (2002). Istoriya katolicheskoi tserkvi v Rossii [History of the Catholic Church in Russia]. SPb. [in Russian].

[Filimonova, 1986](#) – *Filimonova T.D.* (1986). Ob etnokulturnom razvitii nemtsev SSSR [About the ethno-cultural development of the Germans of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya*. №4. pp. 100-111 [in Russian].

[Sticker, 1995](#) – *Stricker G.* (1995). Die katholische Kirche auf dem Boden des russischen Reiches, der Sowietunion und ihrer Nachfolgestaaten / *Bernard Mensen (Hrsg.) Russland-Politik und Religion in Geschichte und Gegenwart*. Nettetal: Steyler Verlag. p. 140.

УДК 93/94

Конфессиональная политика России по отношению к христианским неправославным конфессиям на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX века

Фарман Мурувват оглы Кулиев ^{а, *}

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу конфессиональной политики Российской империи на Северный Кавказе в конце XVIII – начале XX века. В сложной геополитической обстановке, обусловленной борьбой Ирана, Турции, Великобритании, Франции и других держав за доминирование на указанной территории, российским властям удается проводить успешную внешне и внутривластную политику, важной составляющей которой становится конфессиональная политика в регионе.

В рассматриваемый период территория Российской империи достигла максимальных размеров и объединяла народы, принадлежащие к различным религиозным конфессиям. Во многих регионах России, в том числе на Северном Кавказе, преобладало неправославное население, и это вынуждало власть проводить особую политику, направленную на плавное вхождение таких анклавов в структуру государственного управления, существующего на остальной части страны.

В указанный период немецкие переселенцы были неотъемлемым компонентом этнической структуры Северного Кавказа. Известная лояльность российского правительства к немцам обусловила их особую роль в колонизационной политике России. Царская власть возлагала на немецких колонистов задачу экономического освоения региона, функцию передачи местному населению хозяйственно-культурного опыта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kyliev_farman@mail.ru (Ф.М. Кулиев)

В Российской империи Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви являлись частью общественной жизни и не могли существовать изолированно. С одной стороны, для своих прихожан католическая и лютеранская религии выступали как фактор формирования и функционирования социальных отношений, способствовали поддержанию стабильности социума и стимулировали его изменение. С другой стороны, так как российское общество носило многоконфессиональный характер, то этнические различия переплетались с религиозными, одна система ценностей противопоставлялась другой, и интеграция католических и лютеранских народов сопровождалась определенными трудностями и проблемами.

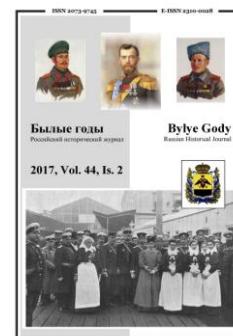
Автор статьи показывает, что взаимоотношения между властью Российской империи и западно-христианскими церквями строились на определённых принципах, отражавших закономерности проведения государственной политики управления инославными конфессиями. При этом главным направлением конфессиональной политики Российской империи в течение нескольких веков оставался принцип государственного контроля над всеми религиозными институтами.

Ключевые слова: католицизм, лютеранство, государственно-конфессиональные отношения, Российская империя, Северный Кавказ, немецкие поселения, конфессиональная политика, межрелигиозный диалог, иммигранты.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 420-427, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.420
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

Religious Culture in the Caucasus: Pagan Temples and Traditions

Bella A. Bulgarova ^{a,*}, Alla G. Vazeroва ^b, Osor R. Ochirov ^c

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article considers the pagan temples in the Caucasus and the activities of the christian-pagan clergy in the XIX century. The attention is paid to the characteristic features of the rites of the christian-pagan clergy and the places of rituals in the North-West and Central Caucasus.

The main sources were the materials of personal origin (memoirs and diaries) left by travelers in the nineteenth century. These materials allowed authors to get an idea about the appearance of temples and the rituals that were performed around them. In addition, there were used the materials of archaeological research and recent scientific publications. The archival materials presented by the documents of the Central state historical archive of Georgia are also of great importance.

In the solution of research tasks there were used as general scientific methods (analysis and synthesis, concretization, generalization), and traditional methods of historical analysis. The authors used the historical-situational method, which involves the study of historical facts in the context of the studied era in conjunction with the "neighboring" events and facts. In view of the scarce information on the studied problem, the historical-descriptive method was also used.

In conclusion, the authors state that pagan culture in the first half of the XIX century had a significant spread in the Caucasus. It is very often observed the religious symbiosis, when some pagan customs were closely intertwined with either christianity or islam. This religious symbiosis even today is manifested in a series of traditions of the caucasian population.

Keywords: Kudepstinsky sacrificial stone, studies, Caucasus, Khuytsauy dzuar, paganism.

1. Введение

В истории большинства кавказских народов язычество занимает одну из ведущих ролей. Эта религия, несмотря на более чем тысячелетнюю миссионерскую деятельность Византии и Грузии сумела удержаться. В результате христианство, в значительной степени, было вынуждено сосуществовать с язычеством. Вплоть до XIX века на Кавказе существовало христианско-языческое духовенство, а обряды, исполняемые этим духовенством прочно переплелись и, представляя симбиоз двух религиозных культур. Эхо этого взаимодействия можно и сегодня увидеть на территории Абхазии и Грузии, например, когда вокруг церквей местное население водит жертвенного барана.

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для подготовки статьи стали материалы личного происхождения (воспоминания и дневниковые записи) оставленные путешественниками в XIX веке. Эти материалы позволяют нам получить представление о внешнем виде капищ и тех обрядах, которые вокруг них

* Corresponding author

E-mail addresses: Bulg_Bella@mail.ru (B.A. Bulgarova), history@pguas.ru (A.G. Vazeroва), Otchirovossor@mail.ru (O.R. Ochirov)

исполнялись. Помимо этого использованы материалы археологические исследований и научные публикации, вышедшие в свет в новейшее время. Важное значение имеют и архивные материалы, представленные документами Центрального государственного исторического архива Грузии.

2.2. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Ввиду малочисленности информации по изучаемой проблеме был использован и историко-описательный метод.

3. Обсуждение

Изучение религиозных традиций населения Кавказа начинается еще в Средневековье, когда миссионерские общества оказывали свое влияние на население Кавказа. К числу авторов, которые еще в XVI–XVII вв. занимались описанием традиций населения необходимо отнести Джорджо Интериано, Эмиддио Дортелли Д Асколи ([Interiano, 1974](#); [Кавказ, 2010](#)).

Важное значение в описании религиозных культов кавказских племен в XIX в. уделялось разведчиками и эмиссарами периода Кавказской войны ([Торнау, 2008](#); [Лапинский, 1995](#); [Белл, 2007](#); [Лонгворт, 2002](#)), а также путешественниками ([Спенсер, 2008](#); [Пфаф, 1874](#); [Marigny, 1836](#)). Активно изучалась данная тематика и на протяжении советского времени, а также в современный российский период. Среди авторов таких публикаций необходимо назвать ([Воронов, 1979](#); [Cherkasov et al., 2015](#); [Gichibekova, 2015](#)), которые описываются культовые ритуалы населения Кавказа.

4. Результаты

4.1. Языческие капища

Исторически языческими капищами являлись ритуальные места с ярко выраженным антропогенным воздействием на природные памятники. Воздействие на природные памятники здесь может выражаться от обжига глины на земле в значительных площадях, до рукотворного обтесывания ритуальных камней.

Одним из таких языческих капищ на территории Северо-западного Кавказа, а в частности территория города Сочи, является кудепстинский жертвенный камень.

Рис. 1. Кудепстинский жертвенный камень

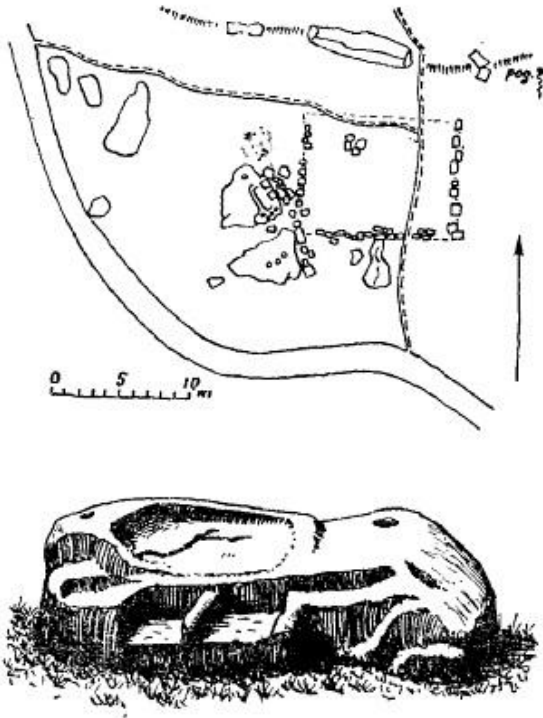

Рис. 2. План-схема Кудепстенского камня-жертвенника (Воронов, 1979)

Описание. Кудепстинский жертвенный камень находится в урочище Дубравное, в роще вечнозеленого пробкового дуба неподалеку от Кудепсты, поселка на территории города Большой Сочи. Высота над уровнем моря – около 160 м.

В конце 1960-х гг. памятник обследовали абхазский историк, этнограф и литературовед Ш.Д. Инал-Ипа и художник и краевед-любитель В.С. Орелкин, которые провели так же раскопки вокруг камня. Проведенные раскопки показали, что перед камнем имеется вымостка из плоских камней и круглый камень, на котором длительное время разводили огонь. Инал-Ипа полагал средневековый возраст камня. Другие авторы отнесли его по внешним особенностям к мегалитическому времени. Последнее более вероятно, так как черкесское население не делало лунок на камнях, по крайней мере, сведений об этом не имеется, в то время как на камне их немало.

Археолог Ю.Н. Воронов в своей работе «Древности Сочи и его окрестностей», изданной в 1979 году, так описывал этот археологический памятник: «Это глыба песчаника, имеющая форму треугольника, каждая из сторон которого длиной около 5 метров. В северо-восточном его крае высечены 2 углубления в форме сидений. Позади сидений на верхней плоскости камня сделано два параллельных корытообразных углубления длиной до 2 м и шириной до 1 м. Здесь же выбиты 4 ямки, чашеобразное углубление диаметром до 0,2 м. Рядом с первой глыбой лежит другая, таких же размеров. На ее поверхности также видны чашевидные углубления. Перед глыбами были найдены остатки каменного фундамента здания, которое, судя по характеру обломков керамических изделий, относится к раннему средневековью. Взаимоположение глыб и фундамента говорит о том, что в это время глыбы уже не играли никакой роли в жизни местного населения. Характер обработки камня, отдельные детали оформления и факт независимости комплекса глыб от фундамента позволяют отнести этот памятник не к XVI–XVII вв., как считалось до сих пор, а к дольменному времени, когда эти камни, несомненно, играли роль святилища» (Воронов, 1979: 48-50).

Важно отметить, что языческие капища на центральном Кавказе выглядели примерно аналогичным образом. Известно, что например, осетины очень не любили, показывать путешественникам внутренность своих капищ, именно поэтому сведения о таких капищах весьма скудны. Приведем один из немногочисленных примеров описания капища на центральном Кавказе. Вот как выглядело это капище в Хцау-дзуар, в ауле Ладзе, в Куртати в описании В.Б. Пфафа: «В Хцау-дзуаре я видел кубический жертвенник, в половину роста человека; на нем было много стаканчиков, наполненных пивом, и различные приношения, в том числе и кусочки ваты» (Пфаф, 1874: 93-94). Описание внешнего вида капища в Хцау-дзуар несмотря на немногочисленные подробности весьма схоже с капищем в Кудепсте. Таким образом, в качестве места для жертвоприношений использовался камень значительных объемов. В тоже время есть и свои отличия. Так, например капища в Осетии находились внутри религиозных зданий (Рис. 3).

Рис. 3. Святилище Хуыцауы дзуар (Осетия)

4.2. Христанско-языческое духовенство на Кавказе Северо-западный Кавказ

Польский эмиссар Теофил Лапинский, который воевал на стороне горцев в последний период Кавказской войны, отмечал, что «духовенство в стране адыгов можно разделить на два класса. К первому относится старое христианско-языческое, называемое джиур, которое, как неграмотное, никогда не пользовалось большим уважением и вследствие этого не могло соперничать с магометанским, выступившим с таинственным, полным мудрости Кораном, который как рассказывают адыгам, написал сам великий Тха. Эти старые священники совершают открыто свое богослужение и обряды только в некоторых местностях по берегу Черного моря; большей же частью они молятся тайком; новое магометанское духовенство их ненавидит и преследует» (Лапинский, 1995: 103).

О христианских праздниках у племени натухаевцев свидетельствует и Тетбу де Мариньи, который отмечал, что в окрестностях Геленджика можно увидеть, как священники в простых бурках или войлочных плащах, приближаются, окруженные толпой народа, хранящего глубокое молчание, к кресту, который стоит в лесу, придавая ему священное значение; здесь они возносят творцу моления, в которых просят о сохранении полей, даровании обильной жатвы и избавлении от чумы. Несколько маленьких свечей прикреплены к кресту; над одной из них они сжигают клочок шерсти, взятой от быка, который должен быть принесен в жертву; на голову быка они возливают бузу, принесенную в дар богу так же, как и пресный хлеб, приготовляемый с сыром. Вся церемония заканчивается пиршеством, устройству которого каждый из окружающих жителей содействует по мере средств, и затем танцами и играми (Marigny, 1836: 307).

Приведем еще один пример христианско-языческого обряда на территории Северо-западного Кавказа. Так, в долине Пшат (у шапсугов) во время одного из таких обрядов присутствовало от 120 до 130 молодых людей во главе с несколькими старцами. Молодые люди образовали две стороны квадрата в небольшом расстоянии от самого большого дерева. Близ этого дерева был воздвигнут крест, а к стволу были прислонены другие, поврежденные кресты, некогда являвшиеся объектами религиозного поклонения, а ныне обреченные на медленное разрушение временем. Перед крестом в ряд были расставлены 40–50 маленьких столов, накрытых хлебом и пастой; а позади дерева, на поперечной балке, были подвешены над большим костром несколько больших котлов. В качестве жертвы были приведены две козы, после чего присутствующие обратились с мольбой к Шибле – духу грома и молнии, во время этой молитвы с непокрытыми головами люди просили Небо даровать им защиту и отвернуть от них и их семей молнию и все остальные беды. После мольбы началась трапеза, на которой угощали лепешками и чашей с шуатом (медовухой), причем чашу передавали по кругу и из нее пили все (Белл, 2007: 87–89). Культ грома и молнии носил сугубо языческий характер, но, тем

не менее, он гармонично уживался у шапсугов и с христианством. По нашему мнению, это происходило ввиду наложения религиозных пластов один на другой в течение многих веков.

4.3. Центральный Кавказ

По сути однокоренным названием называлось язычество у осетин. Оно называлось – дзуар. После ухода грузинских священников (после разрушительного нашествия татаро-монгол на Грузию. – Авт.), осетины возвратились к своей старинной языческой религии, которая всегда, даже в лучшие времена христианства, имела у них многочисленных последователей. Для объяснения этой языческой религии, необходимо отметить, что, так как осетины принадлежали к семитскому племени, то религия Зороастра не могла у них распространиться, несмотря на то, что как нарты, так и аланы были иранцами. У семитов каждый род представлял собой суверенное государство и имел свою собственную религию. Семитические Осы, конечно, не знали еще Моисеевых законов, так как они жили на Кавказе еще гораздо раньше XVI в. до Р.Х. Таким образом, у языческих осетин до сих пор каждый род имеет своего бога или святого, который называется на коренном осетинском языке – «дзуар». Это слово переводят обычно как «святой, покровитель», что не совсем точно; точные перевод понятия дзуар – «родовой бог» (Пфаф, 1874: 92).

Подобному дзуару каждый род в известные дни года приносит свои жертвы. Жрецом дзуара (дзуари-лаг), прежде всего, был старший в роде; в настоящее же время, когда патриархальный быт уже разлагается, жрецами являются и другие. Жрецы считаются в обществе безгрешными. В день праздника дзуара, каждый двор отдельно, в своих стенах, режет откормленного барана, быка и т.п. Потом следует жертвоприношение. Жертвоприношения напоминают древне-еврейские жертвоприношения. Есть у них тоже нечто в роде libation¹ пивом. Молящиеся приносят дзуару в дар драгоценные вещи, чтобы заслужить его покровительство. К месту жертвоприношения все отправляются пешком и большей частью босиком (Пфаф, 1874: 93).

Когда приходят к месту дзуара, мужчины отделяются от женщин и говорят между собой сначала не иначе как шепотом. Затем, приходит к каждому дзуари-лаг и отбирает дары и приношения. Последние состоят в кусочке ваты, с одной ниточкой канители и с мелкою серебряною монетой. Эта вата и ниточки тоже напоминают древнееврейские обычаи. От этого, вероятно, произошел так называемый циц, то есть шнурок, который, по словам еврейского путешественника, г-на Черного, каждый еврей, в знак своей веры, носит под поясом. Отобранные у молящихся вещи вносятся жрецом в дзуар; он один и имеет право входить в его капище. Остальные ни за что не вошли бы туда, так как они все верят, что от этого последовала бы смерть или тяжкая болезнь. Когда жрец возвращается назад, начинается общественное веселье, танцы, игры, попойка и т.д. Это называется «куфд» (Пфаф, 1874: 93).

Языческие обряды имеются и у новокрещённых осетин:

1. Резать козла перед Новым годом в умилоствлении домового духа, дабы он благодетельствовал им; т.е. не покушался бы на их здоровье и жизнь, на их скот и все домашние обзаведения (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 5).

2. По смерти кого-либо из домашних они бьют в лоб себя плетью, царапают лица, в доказательство своей любви к покойному, кладут ему хлеба, ставят в ноги зеркало. В голову вино или араку, если мужчина – боевой снаряд и все к чему в жизни он имел пристрастие. И водят около него снаряженную лошадь, для того все это (говорят они) чтобы на том свете не показывать себя бедным-нищим, а лихим, смелым и отменным наездником. Идея хищничества здесь оставила отпечаток.

В воспоминаниях умерших родственников своих собравшись делают куклы, на коих смотря легко можно узнать сколько у них померло мужчин и сколько женщин, куклы означающие мужчин обыкновенно наряжают в чоху с боевым снарядом; женщин в женский. Сидя около них, заунывно плачут, по временам обращаясь к Богу как бы испрасив покойникам лучшей участи, после начинается пиршество, для которого режут сто или более скотин, иногда менее смотря по состоянию, устраивают скачку за положенную награду (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 5 об.-6).

3. Совершать браки, порядком установленным церковью, они не легко соглашаются; по пристрастию к многоженству; из них некоторые имеют две, три и более жены, смотря по состоянию, а нередко встречается и бедный имеет две жены. В таком случае они походят на магометан. Из них все не только холостые и женатые берут за себя жен умерших братьев своих, не желая, чтобы пропало, что они заплатили за них.

Покупка жен чрезмерна дорога. Платят 100 и более коров, это составляет полагая одну в 5 руб. серебром 500 и более рублей серебром. Жених сильно разоряется. Семейное согласие не имеет места. Не говоря уже о расположенности жены к мужу и наоборот, от чего разврат в высшей степени, как и между мужчинами, равно и женщинами (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 6-6об.).

4. Если нужно узнать правду, осетин клянется небом и землею и всем что по видимому для него свято; – Ему верить невозможно; покажи ему кошку или собаку и допрашивая его, в таком случае от откроет всю истину, хотя это было бы сопряжено с величайшим для него вредом, даже со смертью. В этом обнаруживается языческая, кажется идея о божествах (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 6 об.).

¹ Перевод с английского яз. – возлияние.

5. Они имеют обыкновение убивать собак на могилах тех покойников, с родственниками которых имеют вражду. Например: чтобы получить сомнительный иск кредитор ведет собаку на кладбище, должник уже с трепетом совершенно потерявшись от страха, возвращает ему все должное; но не допустит убить собаку. Причина этого имеет начало в идее о языческих божествах. Хотя осетины и говорят, что это послужит пищей на том свете покойникам того, кто довел до такого поступка (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 7).

У тех осетин, которые еще придерживаются языческих обычаев, христианские святые, как-то: св. Георгий, св. Илья и др. превратились в дзуары, которые приносят жертвы по тому же обряду. Кроме так называемых дзуаров, есть у осетин еще несколько особенных божеств, например Авсати – покровитель скота, Саубарег – покровитель рабов и разбойников (Пфаф, 1874: 94).

По осетинскому уголовному праву, ни одно преступление и злодеяние, совершенное над чужим, то есть не принадлежащим к такому же роду, не считалось преступлением, но, напротив, удалством и геройством. Воровство совершалось совершенно открыто, не только между враждующими аулами, но и живущими между собой в дружбе. Если обворованный аул, защищал свое, убивал вора, то род, к которому принадлежал убитый вор, преследовал убийц кровной мезью, следовательно, воровство у осетин абсолютно не считалось преступлением. Был даже бог Саубарег, которому отправлявшийся в ночное воровство громогласно, в своем ауле, приносил жертву (Пфаф, 1874: 100).

Несколько слов необходимо сказать о попытках русской администрации внести коррективы в наиболее обременительные для населения обычаи.

Так, начиная с 1840-х гг. русские православные миссии, а также представители административных органов власти, ознакомившись с ситуацией в регионе, стали вести работу по внесению корректив в народные обычаи. Так, в начале, 1840-х гг. был обнародован запрет на проведение пышных поминок. Необходимо отметить, что пышные поминки приводили к мотовству, которое разоряло осетин (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 1 об.). Данная мера, в конечном счете, имела очень хорошие отзывы от местного населения (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 2).

Как уже отмечалось, важной социальной проблемой в осетинском обществе был обычай покупки жен. Данный обычай не только разорял местное население, но и оставлял мужчин в большом долгу. Для погашения долга основная масса мужского населения обращалась к хищничеству и грабежам. В связи с этими особенностями в первой половине XIX в. русской администрацией отмечалось, что осетины почти не вступают в законный брак. Женщинам в вопросах брака не предоставлялся вольный выбор. Для исправления данной ситуации предполагалось «возвысить и улучшить быт осетин» (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 2 об.). Сразу запретить традицию покупки жен, русская администрация не могла. Поэтому было издано постановление, по которому если женщина не вступила с покупщиком в законный брак, то она имела полное право от него уйти (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8082. Л. 3).

5. Заключение

В заключении мы хотели бы отметить, что языческая культура в первой половине XIX в. на Кавказе имела значительное распространение. При этом очень часто наблюдался религиозный симбиоз, когда те или иные языческие обычаи тесно переплетались либо с христианством, либо с исламом. Этот религиозный симбиоз и сегодня проявляется в целой череде традиций населения Кавказа.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности РУДН "5-100" среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

Литература

- Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 2. Нальчик, 2007.
- Воронов, 1979 – Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Кавказ, 2010 – Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII вв. Нальчик, 2010. Вып. 3.
- Лапинский, 1995 – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Лонгворт, 2002 – Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002.
- Пфаф, 1874 – Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1874. Вып. 5.
- Спенсер, 2008 – Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008.
- Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Записки кавказского офицера. Майкоп, 2008.
- ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. // *Brukenthal. Acta Musei*, 2015. X. 1: 73-88.

Gichibekova, 2015 – Gichibekova R.M. Russian Policy towards Islam in the Caucasus (XVI–XIX centuries) // *История и историки в контексте времени*, 2015, Vol. (15), Is. 2, pp. 87-92.

Interiano, 1974 – Interiano G. (1974). The daily life and country of the Zikhs, called Circassians. Nalchik.

Marigny, 1836 – *Taitbout de Marigny* (1836), ed. Klaproth, I, 307, dans le Voyage de Jean Potocki.

References

Bell, 2007 – *Bell Dzh.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov [Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839]. Tom 2. Nal'chik.

Voronov, 1979 – *Voronov Yu.N.* (1979). Drevnosti Sochi i ego okrestnostei [Antiquities of Sochi and its environs]. Krasnodar.

Kavkaz, 2010 – Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vv. [Caucasus: European Diaries of the XIII–XVIII centuries]. Nal'chik, 2010. Vyp. 3.

Lapinskii, 1995 – *Lapinskii T.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. Nal'chik.

Longvort, 2002 – *Longvort Dzh.A.* (2002). God sredi cherkesov [A year among the Circassians]. Nal'chik.

Pfaf, 1874 – *Pfaf V.B.* (1874). Materialy dlya istorii osetin [The materials on the history of Ossetians]. // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis. Vyp. 5.

Spenser, 2008 – *Spenser E.* (2008). Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. [Travels in the Western Caucasus; Including a Tour Through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silesia, and Moravia, in 1836]. Nal'chik.

Tornau, 2008 – *Tornau F.F.* (2008). Zapiski kavkazskogo ofitsera [Reminiscences of a Caucasian Officer]. Maikop.

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The central state historical archive of Georgia].

Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015). The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*, X. 1: 73-88.

Gichibekova, 2015 – Gichibekova R.M. (2015). Russian Policy towards Islam in the Caucasus (XVI–XIX Centuries). *History and Historians in the Context of the Time*, 2015, Vol. (15), Is. 2, pp. 87-92.

Interiano, 1974 – Interiano G. (1974). The daily life and country of the Zikhs, called Circassians. Nalchik.

Marigny, 1836 – *Taitbout de Marigny* (1836). ed. Klaproth, I, 307, dans le Voyage de Jean Potocki.

UDC 93

Религиозная культура на Кавказе: языческие капища и традиции

Белла Ахмедовна Булгарова ^{a, *}, Алла Геннадьевна Вазерова ^b, Осор Рыгзынович Очиров ^c

^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются языческие капища на Кавказе и деятельность христианско-языческого духовенства в XIX веке. Уделено внимание характерным особенностям обрядов христианско-языческого духовенства и местам проведения ритуалов на Северо-западном и Центральном Кавказе.

Основным источником для подготовки статьи стали материалы личного происхождения (воспоминания и дневниковые записи), оставленные путешественниками в XIX веке. Данные материалы позволили авторам получить представление о внешнем виде капищ и тех обрядах, которые вокруг них исполнялись. Помимо этого использованы материалы археологические исследований и научные публикации, вышедшие в свет в новейшее время. Важное значение имеют и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Bulg_Bella@mail.ru (Б.А. Булгарова), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова), Otchirovossor@mail.ru (О.П. Очиров)

архивные материалы, представленные документами Центрального государственного исторического архива Грузии.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Ввиду малочисленности информации по изучаемой проблеме был использован и историко-описательный метод.

В заключении авторы констатируют, что языческая культура в первой половине XIX в. на Кавказе имела значительное распространение. При этом очень часто наблюдался религиозный симбиоз, когда те или иные языческие обычаи тесно переплетались либо с христианством, либо с исламом. Этот религиозный симбиоз и сегодня проявляется в целой череде традиций населения Кавказа.

Ключевые слова: Кудепстинский жертвенный камень, исследования, Кавказ, Хуыцауы дзуар, язычество.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 428-437, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.428
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801

Ivan A. Ermachkov ^{a,*}, Larisa A. Koroleva ^b, Natalia V. Svechnikova ^c

^a Sochi State University, Russian Federation

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article deals with the sanitary-epidemiological state of the Russian troops in the Caucasus in the period of 1797–1801. The attention is paid to the problems of Russian troops on Georgian territory in the initial period of their stay. There are analyzed the causes of high mortality.

The documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia) were the important source for the preparation of this article. Furthermore, there were used the scientific publications on the topic of the study, published in pre-revolutionary and modern periods.

In the solution of research tasks there were applied the traditional scientific methods of analysis, synthesis, concretization, generalization. There was actively used the historical-comparative method for identification and detailed characteristics of general and special in obtained materials by means of random sampling. In particular, this method was applied to compare the conditions of stay of Russian troops in the internal regions of Russia and in the Caucasus. The principles of historicism and integrity focused authors on the search for reasons and conditions that determined the content, reliability, tonality and other properties of documents. The principles of historicism and integrity oriented authors to find the reasons and conditions that determined the content, accuracy, tone, and other properties of documents.

The authors conclude that the reasons for the high mortality of Russian troops on the territory of Georgia were not only regional climatic features, but also a whole range of household factors.

Keywords: Caucasus, Russian troops, sanitation, Georgia, climate, everyday problems.

1. Введение

В конце XVIII – начале XIX вв. Российская империя активно расширяла свое военное присутствие на Кавказе. В результате этого в 1799 г. русский воинский контингент был введен в Грузию. Несмотря на поддержку русских войск грузинской аристократией, многие вопросы, связанные с продовольственным обеспечением, фуражом, а также с обеспечением жильем были практически нерешенными. В результате эти вопросы русской администрации пришлось решать на месте.

2. Материалы и методы

Важным источником для подготовки данной статьи стали документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Помимо этого были использованы научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova)

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Для выявления и обстоятельной характеристики общего и особенного в полученных путем случайной выборки материалах активно применялся историко-сравнительный метод. В частности этот метод был применен для сопоставления условий пребывания русских войск во внутренних областях России и на Кавказе. Принципы историзма и целостности, ориентировали авторов статьи на поиск причин и условий, определивших содержание, достоверность, тональность и другие свойства документов.

3. Обсуждение

Как уже отмечалось ранее (Gvarliani et al., 2017: 40) тема врачебной деятельности на Кавказе является одной из слабоизученных в кавказской тематике. Трудов, посвященных специально этой теме практически нет, поэтому мы хотели бы рассмотреть две группы работ, в которых нашли эпизодическое освещение изучаемые нами аспекты: первая группа – труды, в которых рассматриваются вопросы становления санитарного дела в общероссийском масштабе и за рубежом; вторая группа – исследования, повествующие о жизни на Кавказе и в которых рассматриваются врачебные вопросы.

К первой группе работ можно отнести исследования: А.А. Ахметджанова и Е.В. Ермалаева «Развитие санитарного дела в России» (Ахмедханов, Ермолаева, 2016), работу Е.Н. Беляева, Л.Г. Подуновой, И.Б. Коростелева «Истоки санитарного дела в России» (Беляев и др., 2007). Проблемы эволюции защиты детской жизни в период XVIII–XXI вв. рассмотрели В.Ю. Албицкий и С.А. Шер (Albitskiy, Sher, 2014) и другие. Теме создания военно-морских госпиталей в Российской империи в XVIII веке уделил внимание А.В. Костиюков (Kostiukov, 2011). Вторая группа исследований представлена работами Т.З. Ахмадова о военно-полевой хирургии Н.И. Пирогова на Кавказе (Архмадов, 2010), а также трудами, посвященными природе заболеваний населения и профилактике при помощи минеральных вод (Краснокутская, Краснокутский, 2013; О характере болезней, 1847) и др.

4. Результаты

Проект об учреждении врачебных управ стал последним делом медицинской коллегии в последний период ее существования в конце XVIII столетия. Давно признанная необходимость коренной реорганизации управления врачебной частью в губерниях получила, наконец, реальное осуществление в 1797 году, и учрежденные в губернских городах врачебные управы явились провинциальными медицинско-административными центрами, в ведение которых поступила вся врачебная часть губернии, как гражданская, так и военная, и в подчинении которых оказались, наряду с другими, и военные врачи. По инструкции, данной врачебными управами 19 января 1797 года, инспектору ее вручалось наблюдение за состоянием всех медицинских учреждений в губернии, гражданских и военных, а определение и смену лиц врачебного сословия в войсковых частях медицинская коллегия стала производить не иначе, как по представлению врачебных управ. Последним дано было право экзаменовывать учеников и подлекарей для производства в лекари, а некоторые из них, не ограничиваясь предоставленной им властью, сами увольняли врачей от службы и назначали на их место других. Таким образом, военно-санитарная служба в конце XVIII столетия находилась в полном подчинении врачебным управам. От этого она не только ничего не выиграла, но, напротив, ее положение только ухудшилось. На это обратил внимание император Павел I, потому, что явившиеся непосредственными руководителями ее инспектора врачебных управ по многосложности своих функций не могли уделять должного внимания военно-санитарному делу, будучи иногда и совершенно даже не знакомы с последним, а отчасти и потому, что врачебные управы, получившие широкие права относительно врачебного персонала без всякой собственной ответственности, ограничили права деятельности подчиненных им врачей. Этому в значительной мере способствовало распоряжение медицинской коллегии 14 июня 1798 года, чтобы врачебные управы строжайше наблюдали за врачами военными и гражданскими, «которые по должности своей неисправны, с показанием, в чем именно их неисправность или упущение, и какого кто поведения, дабы Коллегия, смотря по тому, могла по возможности определять к местам достойных, отрешая недостойных» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 150б.). И если до создания врачебных управ полковые лекари находились только во власти своих командиров, то теперь к военному начальству прибавилось еще и свое медицинское, но еще более авторитарное начальство.

Так как в то время Кавказское Наместничество было в зависимости от Астраханской губернии, то с открытием 23 февраля 1797 года Астраханской врачебной управы вся военно-медицинская служба на Кавказской линии подчинялась ей. Инспектором Астраханской врачебной управы был назначен доктор Кавказского корпуса надворный советник Георг Раппе, хорошо знакомый с постановкой военно-санитарного дела на Кавказской линии, так как сам состоял корпусным доктором Кавказского корпуса с 1783 года, и на Кавказе прожил 15 лет.¹ Однако к этому времени

¹ Доктор Раппе из иностранцев, право лекарской практики в России получил 18 июня 1773 года и во время русско-турецкой войны был принят на русскую службу. Докторский диплом получил 3 марта 1781 года в Кенегсберге. 8 августа 1782 года был экзаменован в медицинской коллегии и признан

служба на Кавказе Г. Раппе надоела, и он старался избавиться от нее. По всей вероятности с этой целью Раппе в мае 1797 года, узнав про волю императора, послал прямо на имя императора прошение с приложением двух своих рукописных сочинений¹, закончивши свое прошение такими словами: «А как Ваше Императорское Величество изливаете отеческие щедрые милости на всех верноподданных, то и я осмеливаюсь надеяться, что и на меня изльется монаршеская Вашего Величества милость» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 16). И действительно, уже в декабре 1797 года, Раппе был переведен в Калугу, пробыв, следовательно, менее года инспектором Астраханской врачебной управы.

С отъездом доктора Раппе в исполнение его обязанностей вступил чиновник Астраханской врачебной управы П.И. Шателович, служивший раньше штаб-лекарем Кавказского корпуса (Краснокутская, Краснокутский, 2013: 8)². П.И. Шателович сильно заботился об улучшении санитарного быта кавказских войск, однако за отдаленностью Астрахани от фланга линии и вследствие значительной протяженности последней не имел возможности часто посещать линию, несмотря даже на такие выдающиеся события, как чрезвычайно высокая смертность летом и осенью 1798 года в Кизлярском гарнизонном князя Уракова полку. Это обстоятельство побудило главнокомандующего на Кавказской линии генерал-лейтенанта графа Моркова ходатайствовать перед главным директором медицинской коллегии бароном Васильевым о переводе врачебной управы из Астрахани в Георгиевск. Однако медицинская коллегия, на обсуждение которой было передано это дело, решила иначе. Постановлением 22 ноября 1798 года она определила особого медицинского инспектора над госпиталями, лазаретами и медицинскими чинами Кавказской линии, поручив эту должность штаб-лекарю Георгиевского госпиталя Антону Левенцу с тем, чтобы он оставался и при управлении госпиталем. По новой своей должности Левенец, однако, не был совершенно самостоятельным и подчинялся все той же Астраханской врачебной управе, но ему было предоставлено право в важных и нетерпящих промедления случаях обращаться прямо в медицинскую коллегия, уведомляя в тоже время и управу. За эту должность к его жалованью доктора Георгиевского госпиталя (400 рублей) было прибавлено еще 100 рублей.

Медицинским инспектором Кавказской линии штаб-лекарь Левенец пробыл около года. После его смерти, последовавшей в 1799 году, преемника ему не назначили, и военно-медицинская служба на линии снова стала в непосредственную зависимость от Астраханской врачебной управы, члены которой стали посещать линию не более одного раза в год. Инспектор кавказской инспекции генерал-лейтенант Кнорринг 2-й, по примеру графа Моркова, возбудил ходатайство перед медицинской коллегией о передаче всего врачебного дела на линии в ведение особого врачебного инспектора, без подчинения последнего Астраханской врачебной управе, но ответа на свое ходатайство не получил. В связи с этим 9 августа 1801 года генерал Кнорринг обратился уже прямо к барону Васильеву³. Непосредственного удовлетворения ходатайство генерала Кнорринга не получило, тем не менее вопрос об изъятии военно-медицинской службы на линии из ведения Астраханской врачебной управы вскоре был решен в положительную сторону смысле, так как вместе с образованием в 1803 году Кавказской губернии была учреждена в губернском городе Георгиевске Кавказская врачебная управа, которой на основании инструкции врачебными управами и подчинилось все врачебное дело новой губернии, как гражданское, так и военное.

По словам специалиста Кавказской патологии, бывшего корпусного доктора Кавказского корпуса Георга Раппе, на линии в конце XVIII столетия преобладающими болезнями были различные воспаления простудного характера, поносы, горячки с пятнами гнильи и нервные (по его терминологии чувственно-жильные), антонов огонь и цинга (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 170б.).

Какими же ближайшими причинами вообще обуславливалась болезненность на Кавказской линии? Особенности климата – единогласно утверждали отовсюду официальные донесения, не

доктором. 20 декабря того же года определен дивизионным доктором в Украинскую дивизию, а 6 февраля 1783 года переведен был в Кавказский корпус.

¹ Одно на русском языке «Физическое и топографическое медицинское описание, касающееся до причин и свойства болезней на Кавказской линии примечаемых, а особенно над военнослужителями; также о роде их лечения и о средствах от оных предохраняющих», а другое на латинском языке под заглавием «Nonnullae physiologico-pathologicae animadversiones ex metaphysica hauritae».

² Коллежский асессор Петр Иванович Шателович (1745–1800?) имел скромное медицинское образование, полученное в С.-Петербургском генеральном сухопутном госпитале, в который он поступил в 1763 году лекарским учеником и через 3 года (20 июня 1766 года) по экзамену был произведен в подлекари. Получив 1 марта 1770 года звание лекаря, он поступил на военно-медицинскую службу на Кавказ, где и прожил 27 лет, большею частью в Кизляре. Произведенный 21 декабря 1788 года в штаб-лекари, он получил назначение корпусным штаб-лекарем Кавказского корпуса, откуда в 1797 году был переведен оператором в астраханскую врачебную управу.

³ Алексей Иванович Васильев (1742–1807). Крупный финансист и законодатель рубежа XVIII и XIX веков. С 1793 г. — главный директор Медицинский коллегии и (одновременно) сенатор. Первый министр финансов Российской империи (1802–1807), почётный член Академии наук (1796), член Российской академии наук (1801).

указывая, однако, в чем именно состояла особенность климата. Доктор Раппе на этот вопрос ответил иначе. «Причины болезней на Линии обитающих – писал он в записке, представленной Императору Павлу – суть: одежда до сих пор во употреблении бывшая; недостаток в пище, для здешнего климата способной; чрезмерные труды, которыми по сие время изнуряли военнослужителей; так же недостаток увеселяющих душевных чувств, а особливо нужных на Линии» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 170б.-18). Понимая под климатом совокупность разнообразных влияний со стороны почвы, воды и воздуха, нельзя, конечно, перечисленные причины болезненности назвать климатическими. К последним можно отнести только «частую перемену воздуха», то есть, частые и резкие температурные колебания в зависимости от ветров и густые и продолжительные туманы, все же остальные принадлежат к категории бытовых причин. В сущности так оно и должно было быть. Придя на юг в совершенно чуждую страну, русские войска принесли с собой свои привычки севера и в созданной в новом краю бытовой обстановке, начиная с жилищ и пищевого режима и кончая обыденными развлечениями, совершенно игнорировали местные условия, устроившись так, как привыкли устраиваться у себя на родине. О том же, чтобы хоть как-нибудь приспособиться к естественным условиям края, войска практически не думали. Для постройки жилищ употребляли сырой лес и строили низкие, сырые и полутемные дома и казармы, куда ветер проникал сквозь стены практически свободно, особенно зимою. Одежда была нисколько не приспособлена к резким и быстрым переменам от жары к холоду и не в состоянии была защитить ни от солнечного зноя, ни от холодных ветров, ни от сильных туманов. В пище наблюдалось отсутствие огородных овощей, и летом она была буквально такой же, как и зимой. Количество труда, которое предъявлялось солдатам к ежедневному выполнению, не только не сообразовалось с местными условиями, но далеко превосходило труд солдата во внутренних губерниях России, и при том же на линии не придерживались поговорки: «поп молись, солдат дерись, а баба стряпай»! (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 180б.)

Следовательно, если климату Кавказской линии следует приписать то или другое значение в смысле причины значительной болезненности, то уже, во всяком случае, далеко не самое главное, так как в ряду факторов ее и по качеству и по количеству превалировали бытовые условия жизни и службы русских солдат и населения, представлявших игнорирование местных особенностей территории. Раздававшиеся по все линии жалобы на «слишком нездоровый и истребительный Кавказский климат» были бы значительно слабее, если бы пришельцы на Кавказ с севера оставили на родине свои привычки, а в новом краю сумели бы легко и скоро приспособиться к его особенностям в отношении жилищ, одежды, пищи и вообще всего образа жизни.

Доктор Раппе со своей стороны предложил ряд предохранительных против усиленной болезненности мер, которые, конечно, не были применены. Прежде всего, относительно жилищ он советовал «как можно больше их намазать и белить как внутри, так и снаружи, а в недостатке извести обмазывать внутри нефтью, а если бы и оной не доставало, то на подобе русских черных изб пускать внутрь дым, чтобы сей своими солеными частицами притуплял частицы гнилья, находящихся в скважинах ноздреватого дерева, а смоляными частицами затыкал оные». Затем он предложил «пищу употреблять такую, которая для варения не требует великого затруднения природы, а особенно ...?» (с.038), весной есть салаты и «дикий чеснок, называемый черемшою, от цинги предохраняющий или и совсем от оной избавляющий», летом же преимущественно питаться фруктами. Для питья им рекомендованы «здешнее виноградное вино и квас, а особливо с мятою приготовленной», и кроме того в весеннее время он находил «очень спасительным употребление сыворотки, желудок и кишки чистящей и кровь разводящей». В заключение для поддержания бодрого духа солдат он указал на необходимость давать им домовые отпуски для свидания с родственниками, а настроение рекрут, приходивших на линию, очертил такими штрихами – «рекруты, которые оставив дом родственников и без того преданы уже грусти, чрез степь идут, то их печальная дорога утомляет, тем более что всякий на Линию идти боится и пришедши сюда, будучи употреблены на труды и не находя таких квартир, к каким они привыкли в России, еще больше печалются» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 19).

Сегодня нельзя не признать большинство предложенных мер целесообразными, однако в то время на них смотрели как на излишнюю трату времени и ресурсов. Нужда, труд и лишения составляли основные элементы воспитания солдата на Кавказе и были краеугольным камнем суровой солдатской школы.

В конце 1799 года русское военное присутствие на Кавказе начало распространяться. 17-й егерский полк русской армии под командованием генерал-майора Лазарева 26 ноября 1799 года передислоцировался в Закавказье, на южной стороне Кавказского хребта, в столице Грузии – Тифлисе. К переходу полка через горы готовились с начала года и в июле генерал-лейтенант Кнорринг просил уже грузинского царя Георгия XII о заготовлении продовольствия полку от пограничного рубежа – селения Степан-цминда (станция Казбек) до столицы Грузии. Полк пробыл в походе целый месяц, выступивши в конце октября. На Койшаурской горе, где шла перевальная дорога через хребет, лежал снег, стояли сильные холода со снежными метелями, которые поставили солдат, утомленных продолжительным походом с обозом и артиллерией по весьма трудной вьючной дороге, в довольно рискованное положение, а тут вдобавок к стихийным невзгодам присоединилась и

вынужденная голодовка от недостатка провианта. Заготовленные грузинским правительством в Казбеке сухари оказались заплесневевшими, экономическим же провиантом, который имели ротные командиры на артельных повозках, можно было продовольствоваться дней пять или шесть, да и тут к несчастью одна из этих фур во время пути потонула. Послали за помощью в Душет к царевичу Вахтангу, который прислал на 13 вьючных лошадях чуреков¹ (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 20).

Торжественно вступивший в Тифлис полк однако был в полном разочаровании, не найдя в столице Грузинского царства того, чего он ожидал, и в конце декабря 1799 года Лазарев в письме к Кноррингу сообщил, что полк, встреченный царем с блестящей свитой за три версты до города, а при вступлении в город приветствованный пушечной пальбой и колокольным звоном, остался без квартир, без дров и без каши. Нет сомнения в том, что царем Георгием XII отданы были надлежащие приказания об удобном размещении полка по квартирам, о заготовлении для него продовольствия и т.п., и управляющий городом Мелик и Туманов – армяне по происхождению – приложили все старание к выполнению приказаний царя, но, понятно, все их приготовления и заботы об удобстве полка не могли идти дальше того, чем они сами привыкли довольствоваться. Русские, вступая в Грузию, совершенно не знали условий жизни в этой стране, грузины же оказывали им гостеприимство на свой лад. Отсюда и произошел целый ряд недоразумений. Ротные командиры требовали круп, а им отпустили сначала бобы и грецкие орехи, а затем сарачинское пшено, в конце же концов отказались совершенно от поставки круп, которых было негде купить, а делать их грузины не умели. Отведенные полку квартиры были сакли и землянки, хотя и лучшие в городе, но все же сырые и без печей; в них в холодное время года нужно было разводить костер и спать в одежде и под теплым одеялом, но дров было мало, да и те сырые, а одеял, не только теплых, но и никаких солдатам не полагалось.

Полковой лазарет поместили во второй половине города на Авлабаре, где был отведен под него отдельный дом, который предварительно подвергли радикальной чистке. Ни печей, ни кроватей, ни даже простых нар в нем не было. Вместо печей были азиатские камины (бухары), сжигавшие много дров и дававшие мало тепла. Больных приходилось класть на пол на солому. По настоятельным требованиям вскоре был отпущен лес, из которого поделали топчаны (деревянные кровати без спинок), а для устройства печей царь приказал взять кирпич из своего старого дворца. Для поддержания чистоты разрешено было солдатам бесплатно мыться раз в неделю в одной из Тифлиских бань.

Уже в январе 1800 года царь Георгий предупредил генерала Лазарева, «что в летнее время в Тифлисе бывают чрезвычайные жары и от нечистот в городе делается тяжелейший воздух, а от того рождаются болезни, почему он, царь, на это время выезжает в селение Коджоры, где только имеется дом для него, а под квартиры войскам помещений нельзя иметь достаточно». Лазарев тот час же запросил ген. Кнорринга, где ему быть летом – в Тифлисе или Коджорах, и не расположиться ли на то время для сохранения людей лагерем в балаганах, но полк оставлен был на лето в Тифлисе. Как только наступили сильные жары, весь полк, начиная с командира и до последнего чина, переболел чесоткою, а затем появились тяжелые заболевания инфекционного характера, называвшиеся тогда желчными горячками, которыми в короткое время заболело 8 человек.

Тем же летом, и как раз во время сильных жаров, в Тифлис были собраны жители из Кахетии и Карталинии для образования грузинского войска в виду циркулировавших после бегства царевича Александра слухов о движении персов на Тифлис. Всего их было собрано до 2000 человек, и между ними не замедлила появиться эпидемия кровавого поноса (дизентерия). В августе таких больных было больше 200 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 21).

23 сентября 1800 года в Грузию прибыл из Моздока Кабардинский мушкетерский генерал-майора Гулякова полк с 4 артиллерийскими орудиями и 100 казаками, так что осенью 1800 года численность русских войск в Грузии достигла 3 тыс. человек при 7 орудиях. Генерал-майор Лазарев сформировал тогда отряд численностью в 1224 человека, выступивший 28 октября 1800 года на реку Алазань к границам Грузии для отражения Омар-хана Лезгинского, который собирался напасть на Кахетию. Медицинский персонал этого отряда состоял из одного штаб-лекаря, двух фельдшеров, 11 цирюльников и 5 служителей для ухода за больными. Счастье нам покровительствовало. Сражение на реке Иори 7 ноября 1800 года, окончившееся полным поражением Омар-хана, принесло русским крайне ничтожную потерю из 1 убитого и 4 раненых, в то время как неприятель потерял убитыми около 2 тыс. человек (Тифлиские ведомости. 1828. № 1–2).

Незавидное в общем санитарное состояние русского отряда в Закавказье зависело отчасти и от его изолированного положения относительно Кавказской линии, сношения с которой требовали много времени и были небезопасны. В Грузии войска не могли найти всего, что им было нужно, доставка же с линии была не легка. К началу 1802 года обмундирование солдат так сильно поизносилось, что Лазарев в конфиденциальном письме Кноррингу писал: «мундиры в заплатках, как цирюльничьи кисы, а некоторые пощеголеватее егери хотя и сделали для себя по достатку мундиры, другие же половину оных, а третьи одни рукава, отчего и выходит, что дыр нет, но весьма на них скверно смотреть... Шляпы похожи на блины» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 210б.).

¹ Чурек – кукурузная лепешка.

Но было и того хуже! Как никак, а строевые войска были хотя и в Тришкиных, но все же в мундирах. А вот нижние чины, назначенные в штатную команду комендантского управления, пришли «в такое положение, что никакой службы по причине наготы исправлять не могут», как об этом рапортовал Тифлисский комендант генерал-лейтенанту Кноррингу 6 августа 1802 года. Полное бессилие помочь этому горю видно из резолюции, которую положил главнокомандовавший на этом рапорте: «оставлено впредь до времени» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 210б.).

Каково же было тогда санитарное состояние Грузии вообще и в частности столицы ее – Тифлиса? Полное санитарное неблагоустройство было во всем и особенно резко оно проявлялось в Тифлисе, как самом людном пункте Грузии.

Большинство населения¹ ютилось в землянках – дарбазах или лачугах из хвороста и только зажиточные жили в каменных саклях; питалось крайне скудно плохо выпеченными чуреками² или лавашами³ из пшеничной муки с примесью ячменной или даже и кукурузной, лобиями, и овечьим, крепко посоленным сыром, а летом главным образом съедобными травами⁴, среди которых видное место и донныне занимают молодые ростки дикого чеснока⁵ (черемши), и фруктами, запивая чуть ли не каждый кусок пищи «доброю мерою вина», благодаря обилию и крайней дешевизне последнего; было тщедушно и малокровно, а потому и мало производительного прироста населения и нисколько не напоминало тех, славившихся силою и красотой жителей Иверии, которых римляне называли *ferus Iber*, *durus Iber*. Бедность и нужда были повсюду, а вместе с тем и постоянные их спутницы – неопрятность и нечистоплотность, которые до некоторой степени зависели и от обыкновения жить совместно с домашним скотом и от некоторой лени. Считая свою родину теплой страной, простолюдин по беспечности, ставшей национальной чертой народного характера, не заботился ни о лучшем устройстве своего жилища, ни даже о себе самом. Не оставляя бурки и в летнее время, он при наступлении холодов грелся у мангала⁶ и спал не раздеваясь, а во время жаров обильно поливал водой земляной пол своего дарбаза или сакли и на сыром полу ложился отдыхать. Смена и мытье белья не практиковались, и рубаха носилась до тех пор, пока изорванные и грязные лоскутья сами не сваливались с тела. Каково было жилище грузина, каков был он сам, таково было и все окружавшее его.

В Тифлисе⁷ узкие и кривые улицы были или пыльные, или непроходимы от непролазной грязи. Домов считалось до 3 тыс., но большинство их были тесные сакли с плоскими земляными крышами, с крайне мизерными дворами или даже совсем без дворов, построенные весьма скученно. Ни помойных, ни мусорных ям в домах, даже и богатых, не было, а многие не имели и отхожих мест. Все отбросы домашнего хозяйства, помой и мусор выбрасывались на улицы. Бойни для скота не было; убой производился по дворам в самом городе, и отбросы убоя оставались гнить тут же, распространяя смрад. Расположенные в черте города кожевенные заводы вносили также немалую долю газообразных продуктов разложения в городскую атмосферу, особенно в теплое время года, когда уличное зловоние становилось особенно ощутительным.

Водоснабжение было только из р. Куры, и население так привыкло к ее постоянно мутной, а часто похожей на кофейную гущу, воде, что желающим акклиматизироваться в Закавказье рекомендовали употреблять исключительно курскую воду: «Кура-вода пьешь, наш будешь». Санитарного надзора в городе не было. Разные яды, как мышьяк и другие, продавались чуть ли не в каждой лавке, и вообще торговля лекарственными веществами, в том числе и ядовитыми, производилась невозбранно всякими торговцами. Отношение населения к мерам здравоохранения и призрания больным характерно обрисовано в донесении князя Цицианова графу Кочубею: «азиатский народ с большою трудностью приемлет и самополезнейшие введения колыми паче относящиеся к их здоровью; здесь до такой степени трусость к болезням восходит, что брат к брату родному не войдет в горницу, когда он одержим горячкою, хотя и не гнилою» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 23). При болезнях же, почитавшихся незаразительными, было как раз обратное. Тогда строго соблюдался не только между членами семейства и дальнейшими родственниками, но и между друзьями и знакомыми, обычай посещать заболевших. Целая толпа сочувствующих больному являлась в его дом, оставаясь там по нескольку дней, надоедая и наскучая больному своими советами

¹ По генеральной ведомости Верховного Грузинского правительства казенной экспедиции от 20 октября 1806 года в Грузии числилось 83117 душ мужского и 70455 душ женского пола, а всего 153572.

² Круглые, плоские лепешки.

³ Тонкие, продолговатые пластины наподобие салфеток.

⁴ Джонджоли-цицмат, карквети, хондори, гандзили, тархун.

⁵ *Feucium icordium*.

⁶ Мангал – плоский, продолговатый, четырехугольный ящик из глины, железа или меди, наполненный раскаленными древесными углями.

⁷ Тифлис в начале XIX столетия состоял из двух половин. Первая – большая и главная на правом берегу Куры, а вторая – меньшая на левом и называлась Авлобаром. Обе были обнесены каменными стенами и имели укрепления – цитадель в первой и Метех во второй. Весь город делился на 4 части: 1) Мухранскую, 2) Цавкисскую, 3) Горную и 4) Авлабарскую.

и изъятиями сочувствия и в то же время деятельно опустошая всякие домашние запасы. Если принять во внимание, что народное деление болезней на заразные и незаразные было часто ошибочное, да и характер болезни определялся для окружающих иногда довольно поздно, то станет понятным, почему появившиеся в Грузии заразные болезни легко принимали эпидемическое распространение и быстро разносились по стране, находя благодарную почву для своего развития в неопрятности жителей.

Климатом Грузия никогда не могла похвалиться. Принадлежа по географическому положению к теплым странам, она много проиграла в этом отношении от близкого соседства вечных снегов на гранитных массивах главной цепи Кавказского хребта и от гористого рельефа местности. Благодаря этому в ней нет сколько-нибудь правильного чередования времен года, и последние вообще крайне неустойчивы. Майская погода в январе и январские холода в мае не редкость, хотя морозы не бывают больше 10–16 градусов, но летние жары жестокие и достигают 45 градусов. Зима короткая и ограничивается двумя месяцами – декабрем и январем; с февраля начинается уже весна, а солнечные мартовские дни напоминают северное лето¹. И при всем этом погода довольно часто капризничает самым отчаянным образом, так что чисто летний день сменяется быстро зимним холодом и наоборот. Воздух бывает то до чрезвычайности сух, то вдруг насыщается таким количеством влаги, что целыми днями, а иногда и неделями, сквозь густой туман не в состоянии пробиться ни один солнечный луч. Довольно частые ветры крайне неприятны не столько по своей силе, сколько потому, что летом они обдают тело жаром как бы из раскаленной печи, а зимой делают трудно переносимым и небольшой сравнительно холод. Словом климат Грузии один из самых непостоянных на земном шаре. Он, безусловно, нездоров в низких и глубоких долинах, на горных же террасах лучше.

Почва отчасти известковая, отчасти глинистая и редко черноземная, была заболочена местами в довольно значительной степени, хотя в Грузии никогда не было таких болот, как в соседней Имеретии и Менгрелии. Единственный речной бассейн образовала река Кура, впадающая в Каспийское море, которая своими притоками – Арагвой, Лиахвой, Иорой, Алазанью, Алгеткой и Храмом обводняла грузинское царство не особенно обильно. Требовавшая искусственного орошения культура заставила провести многочисленные оросительные каналы, и эти то последние главным образом и заболочивали местность вследствие плохого устройства и недостаточности надзора за исправным состоянием. Понятно, что в углубленных долинах условий для застоя воды было больше, чем на возвышенностях с отлогими скатами. Там, где земледелие возможно только при поливке, ирригационные сооружения должны были быть грандиозны, и в бывшей сказочной стране востока, славившейся своим плодородием, они в действительности и были таковы, чему безмолвными свидетелями служат сохранившиеся до нашего времени остатки обширных древних каналов, засорение которых обратило в безжизненную степь многие места, бывшие в древности цветущими нивами.

По наблюдениям доктора Рейнгардта господствовавшие в Грузии болезни обуславливались следующими причинами: частым и внезапным изменением погоды; «высокой степенью теплоты днем с последующими за ним холодными, ветреными или тихими, но душными ночами; излишним употреблением вина; худым строением домов; употреблением незрелых фруктов; стручковых растений и мучнистой пищи» (О характере болезней, 1847: 108-109). Следовательно, главнейшие причины сводились к климатическим особенностям края и условиям питания туземного населения.

В ряду основных болезней преобладали малярия и поносы – простые и кровавые. Чистые формы перемежных лихорадок были редки, чаще всего к ним присоединялось расстройство желудочно-кишечного канала. Лихорадки наблюдались круглый год, но весной преобладал трехдневный, а осенью четырехдневный тип, то есть, говоря другими словами, малярия осенью проявлялась в более тяжелой форме. Довольно часто встречались злокачественные перемежающиеся лихорадки, вплоть до летального исхода.

Массовые заболевания поносами происходили главным образом летом у детей и у взрослых. У первых с наступлением сильных жаров чаще наблюдался простой понос, взрослые же обыкновенно страдали кровавым поносом, который с июля по сентябрь принимал эпидемическое распространение.

В самые жаркие летние месяцы – июль и август и даже до половины сентября – превалировали заболевания, называвшиеся по тогдашней терминологии гастрическо-желчными послабляющими горячками. Как предвестник этой болезни являлась, между прочим, своеобразная тоска, которую грузины обозначали словами «гулис градабрундеба», что в переводе значит – с переваливающимся сердцем.²

Весной и осенью, особенно при холодной и ненастной погоде, получала довольно значительное распространение болезнь, которую грузины называли «саопли», что в буквальном переводе означает

¹ В половине мая уже настоящее лето, и жары, постепенно усиливаясь, достигают максимума в конце июля или начале августа. Осень в общем довольно приятная, хотя в начале нередко дождливая, а под конец с сильными ветрами.

² Гули – сердце; гадабрунди – переваливающийся.

– с потом, так как болезнь обычно разрешалась на 5-й или 7-й день обильным потом¹. Болезнь эта поражала только туземцев, была заразительна, так как, появившись в каком-либо семействе, обыкновенно поражала уже всех членов его и нередко охватывала сразу многие дома и даже целые селения. Врачи называли ее потовой горячкой.

Почти по всей Грузии была довольно распространена глистная болезнь. Ленточными глистами поражалось не только туземное, но и пришлое население, и эта форма глистов встречалась чаще всего. На горных высотах, в особенности по соседству с Осетией, часто встречалась каменная болезнь. Появление мочевых камней там ставилось в зависимость от обильного употребления сладкого пива, молочной пищи, сыра и особенно от питья мутной воды вследствие частых дождей в горах.

Нередко в селениях в конце лета вспыхивали маленькие эндемии огневика (*carbunculus*). Болезнь эта называлась по-грузински «бедниэри», что значит счастливый, так как по народному поверью перенесший огневик навсегда освобождался от опасности заразиться истинной чумой и потому должен был считаться счастливым. Уверяли, что если и случалось после огневика заражение чумою, то последняя протекала легко и никогда не бывала смертельной.

Грузинки страдали истерией (*hy Itetia*). «Сомневаюсь, – свидетельствовал доктор Рейнгардт, – бывают ли женщины где-либо подвержены истерическим припадкам более, как в Закавказском крае». Как на причины обширного распространения этой болезни, он указывал на строгое и затворническое воспитание девушек при сидячем, бездеятельном образе жизни, теплый климат страны, раннее замужество, злоупотребление теплыми банями и пищу с шафраном, которым приправлялись все похлебки у зажиточных (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 22-25об.).

5. Заключение

Именно таким был Кавказ, к которому русским войскам, с каждым годом увеличивавшимся вследствие прихода новых полков с линии, предстояло акклиматизироваться хотя бы до некоторой степени. Подготовительных мер к этому принято не было, и тяжелое положение русских солдат в совершенно чуждой им стране ухудшалось еще тем, что они не могли подражать жителям, которые вовремя уходили от опасностей, предвещавшихся «вредным состоянием атмосферы», а должны были идти на встречу последним и на своих плечах мужественно выносить все последствия климатических и бытовых невзгод.

Литература

Ахмадов, 2010 – Ахмадов Т.З. Военно-полевая хирургия Н.И. Пирогова и врачевание у горцев Северного Кавказа в XIX веке. / Сборник тезисов IX съезда травматологов-ортопедов. Саратов, 2010. С. 18-19.

Ахмедханов, Ермолаева, 2016 – Ахмедханов А.А., Ермолаева Е.В. Развитие санитарного дела в России // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2016. Т. 6. № 1. С. 208.

Беляев и др., 2007 – Беляев Е.Н., Подунова Л.Г., Коростелев И.Б. Истоки санитарного дела в России // *Здоровье населения и среда обитания*. 2007. № 8. С. 7-11.

Иноземцева, 2011 – Иноземцева Е.И. Терско-гребенское казачество как неотъемлемая часть северокавказской историко-культурной общности (XV–XVIII вв.) // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. 2011. С. 225-236.

Краснокутская, Краснокутский, 2013 – Краснокутская Л.И., Краснокутский В.С. Кавказские Минеральные Воды: от открытия до признания // *Курортная медицина*. 2013. № 1. С. 1-11.

О характере болезней, 1847 – О характере болезней в Грузии и об употреблении средств простонародных. Наблюдения доктора медицины коллежского асессора Рейнгардта. // *Военно-медицинский журнал*. 1847. Часть XXIV. №1.

Сень, 2009 – Сень Д.В. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // *Культурная жизнь Юга России*. 2009. № 31. С. 49-51.

Сень, 2011 – Сень Д.В. Из вольных казаков – в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2011. № 5. С. 46-54.

Тифлиссские ведомости – Тифлиссские ведомости. 1828. № 1–2.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Albitskiy, Sher, 2014 – Albitskiy V.Y., Sher S.A. (2014). Source of the Document Problemy sotsial'noĭ gigieny, zdravookhraneniĭa i istorii meditsiny [The protection of infant life: from XVIII to XXI century (the input of physicians and scientists of the Research Center of Children Health of the Russian Academy of Medical Sciences)] / *НИИ sotsial'noĭ gigieny, ekonomiki i upravleniĭa zdravookhraneniem im. N.A. Semashko RAMN*; (2), pp. 42-45

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Demographic the Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

¹ Опли – пот.

[Kostiukov, 2011](#) – *Kostiukov A.V.* Establishment of national naval hospitals in the XVIII century // *Voенно-медицинский журнал*. Vol. 332, Is. 11, 2011, pp. 84-89.

References

[Akhmadov, 2010](#) – *Akhmadov T.Z.* (2010). *Voенно-полевая хирургия N.I. Pirogova i vrachevanie u gortsev Severnogo Kavkaza v XIX veke* [The military field surgery of N.I. Pirogov and doctoring among the mountaineers of the North Caucasus in the XIX century]. / *Sbornik tezisev IX s"ezda travmatologov-ortopedov*. Saratov. S. 18-19. [in Russian]

[Akhmedkhanov, Ermolaeva, 2016](#) – *Akhmedkhanov A.A., Ermolaeva E.V.* (2016). *Razvitiе sanitarnogo dela v Rossii* [The development of sanitary service in Russia]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii*. T. 6. № 1. pp. 208. [in Russian]

[Belyaev i dr., 2007](#) – *Belyaev E.N., Podunova L.G., Korostelev I.B.* (2007). *Istoki sanitarnogo dela v Rossii* [The origins of sanitary affairs in Russia]. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya*. № 8. pp. 7-11. [in Russian]

[Inozemtseva, 2011](#) – *Inozemtseva E.I.* (2011). *Tersko-grebenskoe kazachestvo kak neot'emlemaya chast' severokavkazskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti (XV–XVIII vv.)* [The Terek-Grebensky cossacks as an integral part of the North Caucasian historical and cultural community (XV–XVIII centuries)]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. pp. 225-236. [in Russian]

[Krasnokutskaya, Krasnokutskii, 2013](#) – *Krasnokutskaya L.I., Krasnokutskii V.S.* (2013). *Kavkazskie Mineral'nye Vody: ot otkrytiya do priznaniya* [The Caucasian Mineral Waters: from the opening to the recognition]. *Kurortnaya meditsina*. № 1. pp. 1-11. [in Russian]

[O kharaktere boleznei, 1847](#) – *O kharaktere boleznei v Gruzii i ob upotreblenii sredstv prostonarodnykh. Nablyudeniya doktora meditsiny kollezhskogo asesora Reingardta* [On the nature of diseases in Georgia and on the use of the simple means. The observations of the doctor of medicine collegiate assessor Reinhardt]. // *Voенно-медицинский журнал*. 1847. Chast' XXIV. №1. [in Russian]

[Sen', 2009](#) – *Sen' D.V.* (2009). *Novye istochniki po istorii kazachestva na Severnom Kavkaze kontsa XVII veka* [The new sources on the history of the cossacks in the North Caucasus in the late of XVII century]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. № 31. pp. 49-51. [in Russian]

[Sen', 2011](#) – *Sen' D.V.* (2011). *Iz vol'nykh kazakov – v poddannye krymskikh khanov: kazach'i soobshchestva dona i Kavkaza v kontse XVII – nachale XVIII v.* [From free cossacks to the lieges of the khans of Crimea: the cossack communities of the Don and the Caucasus in the late XVII – early XVIII centuries]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. № 5. pp. 46-54. [in Russian]

[Tiflisskie vedomosti](#) – *Tiflisskie vedomosti*. 1828. № 1–2.

[TsGIAG](#) – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central state historical archive of Georgia].

[Albitskiy, Sher, 2014](#) – *Albitskiy V.Y., Sher S.A.* (2014). *Source of the Document Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny* [The protection of infant life: from XVIII to XXI century (the input of physicians and scientists of the Research Center of Children Health of the Russian Academy of Medical Sciences)] / *NII sotsial'noi gigieny, ekonomiki i upravleniia zdravookhraneniem im. N.A. Semashko RAMN*; (2): 42-45.

[Gvarliani et al., 2017](#) – *Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* (2017). *The Demographic the Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799*. *Bylye Gody*. 43(1): 39-47. [in Russian]

[Kostiukov, 2011](#) – *Kostiukov A.V.* (2011). Establishment of national naval hospitals in the XVIII century. *Voенно-медицинский журнал*. 332 (11): 84-89.

УДК 94

Санитарно-эпидемиологическое состояние русских войск на Кавказе в 1797–1801 гг.

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, *}, Лариса Александровна Королева ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

E-mail: eiao7sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова)

Аннотация. В статье рассматривается санитарно-эпидемиологическое состояние русских войск на Кавказе в период 1797–1801 гг. Уделено внимание проблемам русских войск на территории Грузии в начальный период их пребывания. Анализируются причины высокой смертности.

Важным источником для подготовки данной статьи стали документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Помимо этого были использованы научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Для выявления и обстоятельной характеристики общего и особенного в полученных путем случайной выборки материалах активно применялся историко-сравнительный метод. В частности этот метод был применен для сопоставления условий пребывания русских войск во внутренних областях России и на Кавказе. Принципы историзма и целостности, ориентировали авторов статьи на поиск причин и условий, определивших содержание, достоверность, тональность и другие свойства документов.

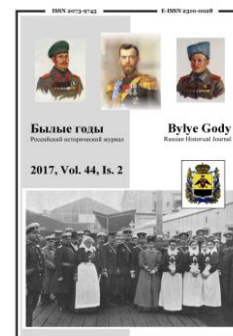
В заключении авторы отмечают, что причинами высокой смертности русских войск на территории Грузии были не только региональные особенности климата, но и целый спектр бытовых факторов.

Ключевые слова: Кавказ, русские войска, санитарное дело, Грузия, климат, бытовые проблемы.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 438-444, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.438
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Features of Raiding Tactics of Circassians in the period of the Caucasian War (1801–1864)

Natalya A. Diesperova ^{a, *}, Teimur E. Zulfugarzade ^b, Ivan A. Kucherkov ^a

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of historiographical and archival material is reviewed the raiding tactics of the circassians in the period of the Caucasian war. The article is paid attention to all main components of the raiding operation, namely: the preparation for the invasion, exploration, raid and return process of squad involved in the raiding.

As sources there were attracted the documents from russian and foreign archives, namely the central state historical archive of Georgia and the state archive of the Krasnodar region.

The study methods were the principles of objectivity, historicism, systematic, integrated consideration of socio-subjective in the subject of study and the maximum possible neutrality of the relationship of the researcher to interpret and evaluate factual material. The principle of historicism allows the authors to see the important phenomena and processes associated with raiding tactics of the circassians during the Caucasian War on the basis of diverse facts obtained in the course of practical work with archival documents.

In conclusion, the authors note that the conducting of the raid required the considerable efforts. The important attention was paid to the selection of personnel, intelligence service, the synchronicity of actions, military cunning, and also trick riding (“dzhigitovke”). The success of the raid was rapidity, so the operation was carried out only for one day. However, despite this readiness, the raid on the russian territory was not always a win-win deal, and sometimes led to the complete destruction of the raiding group.

Keywords: Caucasian war, raid, cordon, mountaineers, Circassians, Cossacks.

1. Введение

В истории Кавказской войны набег горцев являлся наибольшей причиной повлекшей гибель военнослужащих Русской армии. В абсолютных цифрах это выглядело следующим образом: 12922 погибших от набегов горцев и 12025 погибших во время проведения войсковых операций (Cherkasov et al., 2017: 75). В разные периоды войны эффективность набегов была разная. Помимо этого различались набеги и по количеству участников: от нескольких человек, до нескольких тысяч. Все зависело от поставленной задачи.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены документы из российских и зарубежных архивохранилищ, а именно Центрального государственного исторического архива Грузии и государственного архива Краснодарского края.

2.2. Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала.

* Corresponding author

E-mail addresses: teymurz@yandex.ru (T.E. Zulfugarzade)

Принцип историзма позволил нам увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с архивными документами, важные явления и процессы, связанные с набеговой тактикой черкесов периода Кавказской войны.

3. Обсуждение

В российской и зарубежной историографии вопросы, связанные с набеговыми действиями рассматривались достаточно широко. Необходимо отметить, что набег как войсковая операция применялся в истории большинства народов. Так, крымское ханство в XVII–XVIII вв. совершало неоднократные набеги на русскую территорию (Тепкеев, 2013: 9-28; Торопицын, 2008: 72-78).

В ряде мест, например в Азии набег стал институтом обычного права (Аминов, 2015: 121-124). Для Предкавказья и Кавказа набеговая система стала важной частью социально-экономической жизни (Омаров, 2015: 39-44), так как цены на пленников, которые добывались в набегах, были очень высоки (Великая, 2011: 37-42).

В последние годы тема набегов периода Кавказской войны изучалась достаточно активно. При этом рассматривалось не только военное искусство кавказских народов (Воронин, 2015: 224-229; Гапуров, 2006: 202-217), но и отдельные набеги (Алоев, 2011: 191-197). Помимо этого сегодня тема набегов начала освещаться и в контексте взаимоотношений например с Грузией. Этой теме уделили внимание А.И. Дибирова и В. Дегоев (Дибирова, 2008: 21-24; Дибирова, 2015: 130-131; Дегоев, 2014: 59-70).

Активное изучение получила тема противодействия набегам со стороны русской военной администрации. Эту тему для изучения выбрали такие исследователи как Ю.Ю. Клычников, В.С. Кондусов (Клычников, 2014: 201-209; Кондусов, 2016: 49-54)

4. Результаты

Время, проведенное горцами в борьбе с русскими станицами и кордонами, систематически подвигавшимися к предгорьям главного хребта, оставило многочисленные свидетельства о набегах на русскую сторону. Время это богато песнями о личном подвиге джигетов, прославившимися удачными набегами на казачью линию и там же сложивших голову (Малкондуев, 2015: 102-111). Слава наездника, по мнению горцев, приобреталась за пределами родины, защита аулов от набегов русских войск, считалось обычным долгом, от которого освобождались лишь старики и женщины, в обязанность которых выходило укрывать детей и имущество (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 1).

Мирные аулы, владельцы которых получали от русской администрации за лояльность значительные подарки и денежное ежегодное содержание, служили ненадежным прикрытием для русской территории. Отвечая за участие в набегах целостью своего имущества и аманатами, которым угрожала ссылка во внутренние города Российской империи (ТАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 28. Л. 279), они использовали разные ухищрения, чтобы наносить вред русским избежав ответственность. Давайте рассмотрим тактические приемы и военную хитрость при осуществлении горцами набега.

Так, например, партия абадзехов в оба конца пути не заезжала в мирные аулы, избирала места переправы где-либо вдали от них, ввиду этого след, обнаруженный казаками, тянулся вне аульных юртов, по бездорожью через лес, прямо за реку Белую. Мирные горцы оставались правыми, тогда как сделанный набег был общим между ними и абадзехами делом.

Абадзехи, предпочитали делать набеги незначительными партиями, потому что в своей массе не терпели подчинений. К тому же, сбор такой партии не занимал много времени на совещания. Небольшие партии горцев были вполне достаточны для проведения захвата гражданского населения на дорогах и на отдельных хуторах, а также для захвата табунов домашних животных. При этом важным было всяческое воздержание от открытых боестолкновений с казаками и регулярными войсками. Эти обстоятельства и определяли тактические приемы горского набега.

Однако обо всем по порядку.

4.1. Сбор набеговой команды

Сбор набеговой команды имел свои традиции, которые старались не нарушать. Так, горцы разных аулов собирались в аул, в котором жил предводитель, и там, в присутствии его и мулл, они присягали на Коране: с минуты выступления до роспуска подчиняться ему безусловно; не покушаться на измену и довольствоваться равными дележами добычи. Партия размещалась в ауле по саклям, а почетные наездники были личными гостями предводителя. После роскошного у него угощения, происходило гадание: хозяин брал баранью косточку и бросал ее на пол возле камина. Если косточка падала гладкой поверхностью кверху, то это предвещало неблагоприятный исход предприятию. Набег откладывался, что значительно уменьшало численность партии. Когда же косточка падала гладкой поверхностью книзу – уверенность в удачу воодушевляла все собрание, и хозяин тоном начальника объявлял немедленное выступление. Сев на коней, партия крупной иноходью отправлялась за реку Белую, за реку Лабу и достигала Кубани непременно с закатом солнца.

Одна половина партии оставалась в скрытном месте резерва; остальные наездники вынимали швенты¹, вкладывали в них одежду, пистолеты, кинжалы, провизию, надували их, завязывали и, укрывая наверху ружье и шашку, отправлялись вброд через реку. Каждый горец одною рукой держался за козьи меха, а другою – держал повод лошади, и в несколько минут выносился течением реки на противоположный берег. Одеться, вооружиться и осмотреть исправность ружей, было первым делом после такой переправы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 3).

4.2. Рекогносцировка

Добравшись до места проведения операции, горцы приступали к сбору разведывательной информации. Горцы стремились скрыть свое присутствие на берегу реки Кубани, заросшим кустарником или лесом, и из этой засады высылали пешие пикеты, вместе с опытными лазутчиками, знавшими хорошо впереди лежащую местность. Первые располагались по близости своей партии, а вторые делали засаду по близости станицы, отсюда возможно было бы заметить исполнение казаками обычных правил кордонной службы, а именно выезд из станицы и поста для осмотра дороги, а потом возвращение на свои места и после рапорта о благополучии, выпуск из станицы на паству рогатого скота, лошадей, и жителей на полевые работы. Возвратившиеся ползком лазутчики, в один момент поднимали партию. Наездники вскакивали на лошадей, быстро выезжали из засады, выстраивались цепью и совершали нападение.

4.3. Набег

Внезапность нападения и быстрота в захвате скота, лошадей и пленных были впечатляющими. Не теряя времени на поджоги, ни на погоню за каким-нибудь конем, оторвавшимся от стада и ускакавшим в поле, а также на преследование за казаками, помчавшимися с известием о нападении горцев, наездники захватывали первую попавшуюся в руки добычу и гнали ее к реке Кубани (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 4).

Горец, ведущий табун должен был иметь достаточную споровку, чтобы попасть сразу на заранее избранное место для переправы, несмотря даже на ночное время суток. В арьергарде захваченного табуна скакали остальные участники набеге, главной обязанностью которых было устранить все, что могло распространить тревогу. Захватив табун лошадей, горцы старались не трогать пеших табунщиков, однако же, если кто-то из табунщиков имел лошадь и пытался оповестить станицу или казачий кордон, то его преследовали до последней возможности.

Необходимо отметить, что очень редко удавалось горцам переправить целиком табун на левую сторону Кубани и Лабы. При вполне удавшихся набегегах, голова табуна была уже за Лабою, а на хвосте его производилась перестрелка с казаками, собиравшим отсталых изнуренных лошадей. Практически повсеместно наступающая ночь прекращала преследование. За рекой Лабой, горцы считали себя дома, делали привал и прощались с мирным горцем, которому предстояло добраться до своего аула. Через несколько дней в мирный аул высылались часть из отбитой добычи, выпавшая на долю участника (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 2).

Достигнув реки Кубань, там принимали ее для переправы на противоположный берег реки оставшиеся в резерве горцы. На них же возлагалась задача вести перестрелку с прискакавшими по тревоге казаками, которые по малочисленности своей не отваживались приблизиться к месту переправы, прикрытому линией ружейного огня. Занятые переправой горцы были обнажены, и посредством швентов доставляли на левый берег женщин, детей и растерявшихся, крепко связанных взрослых пленных; удалых же безоружных казаков, сопротивлявшихся плену, на переправе не было, они были перебиты или тяжело изранены в момент нападения. Необходимо добавить, что имели место случаи ликвидации пленников в качестве мести за гибель участника набеге (ЦГИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 631. Л. 25). Что же касается лошадей и скота, то их переправляли в плавь, пуская за вожак цепью, удерживаемой в порядке боковыми пистолетными выстрелами и отрывистыми криками. По мере того, как доставление добычи начинает прекращаться; у берега Кубани появляются оседланные кони без всадников, появляются кони с двумя всадниками, из которых один ранен или убит, а следом за отступающими горцами, следуют казаки.

В этом случае наступает критическая ситуация. Настигнутые на берегу Кубани казаками, горцы оставляют захваченную и оставшуюся на другом берегу добычу и сами бросаются в реку поражаемые ответным казачьим огнем. Отрезанные же от удобного спуска на переправе, горцы бросаются с обрывистого берега в реку, неся при этом большие потери от факта самого падения (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 5).

Впрочем, атаки казаков, производимые по горячим следам на правой стороне Кубани, в редких случаях были для горцев опасны. Гораздо большую опасность представляли атаки подвижных казачьих резервов, которые иногда поддерживались пехотой и артиллерией. Казачьи резервы переправляясь через известные броды и паромные сообщения, стремились настигнуть набеговую партию до реки Лабы и отрезать ей переправу. Тогда, мало того, что бывала отбиваема вся добыча, но и набеговая партия терпела полное поражение. Во избежание подобного поворота событий,

¹ Швент – козьи меха с бритой шерстью.

захваченная добыча без малейшего промедления угонялась от Кубани самым необходимым числом горцев, делая узкую сакму¹, прочие разделялись на две партии и служили ей прикрытием. Большая партия, под командованием предводителя, проскакивала вне того направления, по которому угнана добыча и скрывалась в первой встреченной балке, меньшая – занимала наблюдательными пикетами курганы и возвышенности, допускаясь обозревать возможно большое пространство.

4.4. Возвращение

За тем начиналось отступление: передовая партия двигалась рысью, а задняя джигитовала, проскакивая с кургана на курган, с возвышенности на возвышенность, всматриваясь на Кубанскую равнину, где эшелонами уже неслись казачьи сотни. С курганов раздавались сигнальные выстрелы. Кто из пикетных горцев надеялся на коня, тот не трогался с места, других максимально быстро скакали к основной части отряда. Командир набеговой партии в это время увеличивал скорость, выезжал на первую возвышенность, чтобы умышленно обнаружить себя казакам и заставить их делать предположение о присутствии именно в его отряде добычи. Если заметно было, что эта военная хитрость не удалась, и передовые сотни казаков не пропустили узкой сакмы, по которой прошла добыча, то основной части отряда оставалось только спешить к действительному месту переправы.

В таких случаях, набег был безуспешен и дорого обошелся горцам. Когда же казаки первого эшелона, увлеченные открытием неприятеля и близостью его пикетов, оставляли без внимания узкую сакму, и завязывали перестрелку со смельчаками, хладнокровно поджидавшими их на оружейный выстрел, тогда партия предводителя укорачивала ход и старалась протянуть время в джигитовке с казаками, не отказываясь даже выдержать при этом несколько значительных натисков. Иными словами при отступлении большой партии горцев с отбитой добычей, все тактические соображения заключались: во-первых в том, чтобы скрыть от казаков действительное направление добычи и во-вторых, чтобы посредством демонстрации, дать ей время уйти за Лабу, прежде чем достигнут этого рубежа преследующие. Вот в этих то обстоятельствах, знаменитая Кавказская джигитовка делала великое дело, и оказывала горцам важную услугу, задерживая самое энергичное преследование и отнимая у преследующих важный залог успеха – время (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 6).

Перед закатом солнца, набеговая партия достигала реки Лабы, здесь казачье преследование прекращалось. С этого момента горцы считали себя вне серьезной опасности и провожали возвращавшихся казаков последними выстрелами.

4.5. Дележ добычи

За Лабой, в безопасном месте, делался привал, для чего избиралась лесная поляна вблизи источника, на которой уже дымилась костры, разведенными горцами, пригнавшими добычу. Группа совершенно уставших пленников, в числе которых взрослые мужчины были связаны, сидела окруженная кострами; женщины, захваченные без детей, рыдали, утешаемых на непонятном языке караульными; те же, у которых были дети, утешали и баюкали плачущих детей. Рогатый скот и лошади, связанные также караулом, теснились в одной части поляны. Возле костров лежали на бурках раненные горцы, раны которых были перевязаны, а дальше, в неосвещенных местах бивуака, под деревьями, на сучьях которых повешено было оружие, лежали трупы убитых, завернутые в бурки и тщательно увязанные; их окружали товарищи одноаульцы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1230. Л. 7).

По прибытии всей партии, предводитель, обезопасив бивуак секретными дозорами, отдавал лошадей, снимал ружье и шел к убитым почтить их славную смерть поклонением. Посидев возле каждого трупа несколько минут с поникшей головой, он уходил опечаленным. После него тоже поклонение мертвым делалось и другими наездниками всей партии. Самым оживленным местом бивуака было то, что зарезанная во имя Всевышнего скотина, едва выдержавшая перегон, раздавалась приходящим.

5. Заключение

В завершении хотелось бы отметить, что проведение набега требовало немалых усилий. Важное внимание уделялось подборке кадров, разведке, синхронности ряда действий, военной хитрости, а также джигитовке. Залогом успеха в набеге была стремительность, поэтому операция осуществлялась только в течение одного дня. Тем не менее, несмотря даже на такую подготовленность, набег на русскую территорию был далеко не всегда делом беспроектным, а порой приводил к полному уничтожению набеговой группы.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.А03.21.0008).

¹ Сакма – след от конной партии (Большая энциклопедия, 1904: 760)

Литература

- Алоев, 2011** – Алоев Т.Х. Нападение на Ладожскую станицу в сентябре 1832 г.: неудачный штурм или успешный набег? // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2011. № 5. С. 191-197.
- Аминов, 2015** – Аминов И.И. Набеги как институт обычного права у туркмен (XI – первая половина XIX вв.) // *Российский криминологический взгляд*. 2015. № 1. С. 121-124.
- Большая энциклопедия, 1904** – Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 16. СПб.
- Великая, 2011** – Великая Е.В. Борьба российской администрации с работорговлей на Северо-восточном Кавказе в первой половине XIX века // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 10. С. 37-42.
- Воронин, 2015** – Воронин Б.П. Военное искусство кабардинцев в XVIII–XIX веках // В сборнике: Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Под редакцией: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина; Филиал ФГБОУ ВПО "Кубанский государственный университет" в г. Славянске-на-Кубани. 2015. С. 224-229.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Гапуров, 2006** – Гапуров Ш.А. Еще раз о горско-казачьих набегах / В сборнике: Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Ответственные редакторы: Ибрагимов Х.И., Тишков В.А. 2006. С. 202-217.
- Дегоев, 2014** – Дегоев В. Без России Грузии могло бы и не существовать. О георгиевском трактате 1783 года // *Свободная мысль*. 2014. № 3 (1645). С. 59-70.
- Дибирова, 2008** – Дибирова А.И. Проблема набегов и их место в системе дагестанско-грузинских взаимоотношений в XVIII – начале XIX вв. / В сборнике: Современные проблемы науки и образования материалы научной сессии профессорско-преподавательского состава ДГПУ: в 3-х частях. 2008. С. 21-24.
- Дибирова, 2015** – Дибирова А.И. Средства борьбы с «кавказским разбоем» в XVIII – начале XIX века (в контексте развития дагестано-грузинских политических взаимоотношений) // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 5 (84). С. 130-131.
- Клычников, 2014** – Клычников Ю.Ю. Современный научный дискурс проблемы так называемой «Кавказской войны» // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2014. № 3. С. 201-209.
- Кондусов, 2016** – Кондусов В.С. Черноморья и правый фланг кавказской линии в орбите военно-административной и политической деятельности на Кавказе Е.А. Головина (1838–1842 гг.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 49-54.
- Малкондуев, 2015** – Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарский героико-исторический песенный фольклор XVIII в. особенности повествовательных мотивов // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук*. 2015. № 4 (27). С. 102-111.
- Омаров, 2015** – Омаров А.И. «Набеговая система» как фактор горской социально-экономической жизни // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2015. № 4. С. 39-44.
- Тепкеев, 2013** – Тепкеев В.Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»: набег калмыцких отрядов на Крым во время русско-польской войны 1654-1667 гг. // *Новый исторический вестник*. 2013. № 38. С. 9-28.
- Торопицын, 2008** – Торопицын И.В. Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // *Козацька спадщина*. 2008. № 4. С. 72-78.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.

References

- Aloev, 2011** – Aloev T.Kh. (2011). Napadenie na Ladozhskuyu stanitsu v sentyabre 1832 g.: neudachnyi shturm ili uspeshnyi nabeg? [The attack on the Ladoga Page in september 1832: an unsuccessful assault or a successful raid?]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. № 5. pp. 191-197.
- Aminov, 2015** – Aminov I.I. (2015). Nabegi kak institut obychnogo prava u turkmen (XI – pervaya polovina XIX vv.) [Raids as an institution of customary law among the turkmens (XI – first half of XIX centuries)]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*. № 1. pp. 121-124.
- Bol'shaya entsiklopediya, 1904** – Bol'shaya entsiklopediya / Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 16. SPb.
- Velikaya, 2011** – Velikaya E.V. (2011). Bor'ba rossiiskoi administratsii s rabotorgovlei na Severo-vostochnom Kavkaze v pervoi polovine XIX veka [The struggle of the russian administration with the slave trade in the North-Eastern Caucasus in the first half of the nineteenth century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. № 10. pp. 37-42.

Voronin, 2015 – *Voronin B.P.* (2015). Voennoe iskusstvo kabardintsev v XVIII-XIX vekakh [The military art of the Kabardians in the 18th-19th centuries]. / V sbornike: Severnyi Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessional'nykh otnoshenii materialy II Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei: T.G. Pis'mennoi, A.N. Ryabikova, E.V. Manuzina; Filial FGBOU VPO "Kubanskii gosudarstvennyi universitet" v g. Slavyanske-na-Kubani. pp. 224-229.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia.

Gapurov, 2006 – *Gapurov Sh.A.* (2006). Eshche raz o gorsko-kazach'ikh nabegakh [Once again about the mountain-Cossack raids]. / V sbornike: Chechenskaya Respublika i chechentsy: istoriya i sovremennost' Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Otvetstvennye redaktory: Kh.I. Ibragimov, V.A. Tishkov. pp. 202-217.

Degoiev, 2014 – *Degoiev V.* (2014). Bez Rossii Gruzii moglo by i ne sushchestvovat'. O georgievskom traktate 1783 goda [Without Russia, Georgia might not exist. On the St. George's treatise of 1783]. *Svobodnaya mysl'*. № 3 (1645). pp. 59-70.

Dibirova, 2008 – *Dibirova A.I.* (2008). Problema nabegov i ikh mesto v sisteme dagestansko-gruzinskikh vzaimootnoshenii v XVIII – nachale XIX vv. [The problem of raids and their place in the system of Dagestan-Georgian relations in the XVIII – early XIX centuries]. / V sbornike: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya materialy nauchnoi sessii professorsko-prepodavatel'skogo sostava DGPU: v 3-kh chastyakh. pp. 21-24.

Dibirova, 2015 – *Dibirova A.I.* (2015). Sredstva bor'by s «kavkazskim razboem» v XVIII – nachale XIX veka (v kontekste razvitiya dagestano-gruzinskikh politicheskikh vzaimootnoshenii) [The means of struggle with "caucasian robbery" in the XVIII – early XIX century (in the context of the development of Dagestan-Georgian political relations)]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. № 5 (84). pp. 130-131.

Klychnikov, 2014 – *Klychnikov Yu.Yu.* (2014). Sovremenniy nauchnyi diskurs problemy tak nazyvaemoi «Kavkazskoi voiny» [The modern scientific discourse of the so-called "Caucasian War" problem]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. № 3. pp. 201-209.

Kondusov, 2016 – *Kondusov V.S.* (2016). Chernomoriya i pravyy flang kavkazskoi linii v orbite voennoadministrativnoi i politicheskoi deyatelnosti na Kavkaze E.A. Golovina (1838-1842 gg.) [The Black Sea coast and the right flank of the caucasian line in the orbit of military-administrative and political activity in the Caucasus of E.A. Golovin (1838-1842)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. T. 8. № 3-1. pp. 49-54.

Malkonduev, 2015 – *Malkonduev Kh.Kh.* (2015). Karachaevo-balkarskii geroiko-istoricheskii pesennyi fol'klor XVIII v. osobennosti povestvovatel'nykh motivov [Karachay-Balkar heroic-historical song folklore of the XVIII century. The features of narrative motives]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. № 4 (27). pp. 102-111.

Omarov, 2015 – *Omarov A.I.* (2015). «Nabegovaya sistema» kak faktor gorskoi sotsial'no-ekonomicheskoi zhizni ["Raiding system" as a factor of highland socio-economic life]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. № 4. pp. 39-44.

Tepkeev, 2013 – *Tepkeev V.T.* (2013). «Ot nego, krymskogo khana, pravdy i postoyanstva net»: nabegi kalmytskikh otryadov na Krym vo vremya russko-pol'skoi voiny 1654–1667 gg. ["From him, the Crimean Khan, truth and constancy": the raids of the Kalmyk troops in the Crimea during the Russian-Polish war of 1654-1667]. *Novyi istoricheskii vestnik*. № 38. pp. 9-28.

Toropitsyn, 2008 – *Toropitsyn I.V.* (2008). Nabegi kubanskikh tatar na Rossiyu v 1715 g. [The raids of the Kuban Tatars against Russia in 1715]. *Kozats'ka spadshchyna*. № 4. pp. 72-78.

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The central state historical archive of Georgia].

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

УДК 93/94

Особенности набеговой тактики черкесов в период Кавказской войны (1801–1864 гг.)

Наталья Александровна Диесперова ^{a, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^b, Иван Александрович Кучерков ^a

^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: teymurz@yandex.ru (Т.Э. Зульфугарзаде)

Аннотация. В статье на основе историографического и архивного материала рассматривается набеговая тактика черкесов в период Кавказской войны. Уделено внимание всем основным составляющим набеговой операции, а именно: подготовке к вторжению, разведке, набегу и процессу возвращения участвующего в набеге отряда.

В качестве источников привлечены документы из российских и зарубежных архивохранилищ, а именно Центрального государственного исторического архива Грузии и государственного архива Краснодарского края.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. Принцип историзма позволил нам увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с архивными документами, важные явления и процессы, связанные с набеговой тактикой черкесов периода Кавказской войны.

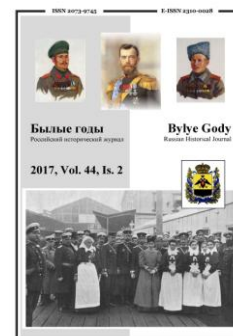
В заключении авторы отмечают, что проведение набега требовало немалых усилий. Важное внимание уделялось подборке кадров, разведке, синхронности ряда действий, военной хитрости, а также джигитовке. Залогом успеха в набеге была стремительность, поэтому операция осуществлялась только в течение одного дня. Тем не менее, несмотря даже на такую подготовленность, набег на русскую территорию был далеко не всегда делом безпроигрышным, а порой приводил к полному уничтожению набеговой группы.

Ключевые слова: Кавказская война, набег, кордон, горцы, черкесы, казаки.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 445-450, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.445
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Evolution of Social Organization in Abkhazia and Samurzakano in 1810–1870

Pavel A. Byshkov^{a,*}, Liudmila Y. Novitskaya^b, Svetlana F. Artemova^c

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^c Penza state University of architecture and construction, Russian Federation

Abstract

The article describes the evolution of the social structure of Abkhazia and Samurzakano in 1810–1870-ies. The author draw a parallel with a similar process in the territory of Georgia. It reveals the role of the supreme power in these areas for the development of the social structure of the region.

The materials were documents of the state archive of the Krasnodar territory introduced into scientific circulation for the first time, the legislative acts of the Complete collection of laws of the Russian Empire.

The study methods were the principles of objectivity, historicism, consistency and maximum possible neutrality of the relationship of the researcher to interpret and evaluate the factual material. The historico-comparative method is of great importance in the work, like others, it is not of a general nature, moreover, its application is substantially limited. Therefore, the comparison needs to be applied in complex two opposite forms. This comparison was conducted when comparing the same cycle on two neighboring areas, which are located under the authority of the ruler, and the second under the rule of the Russian administration.

In conclusion, it is noted that the period of 1810–1870-ies became a period of economic stagnation for Abkhazia and Samurzakano. The reasons for this were not the some inherent weakness of the ruler of Abkhazia Mikhail Shervashidze, but his course on the traditional way of life. Mikhail Shervashidze simply didn't want to change anything in the structure of society. He was quite satisfied with the nobility, the gods, serfs and slaves, only in such a system of values the ruler was needed as the supreme authority. At the same time, for the development of capitalist relations, both in the city and in the countryside, a completely different tooling was required. This toolkit was effectively tested on another neighboring territory, on the territory of Georgia.

Keywords: social structure, Abkhazia, Samurzakan, Georgia, Russia, 1810–1870s.

1. Введение

Время 1800–1870 гг. для Кавказа стало временем глобальных изменений. Ряд территорий, например, Грузия, за эти годы смогли перейти от феодализма к капиталистическим отношениям. Это привело в свою очередь к социально-экономическому развитию территории. Уже в середине XIX в. Грузию невозможно было узнать, то на что в иное время требовались века, Грузия прошла форсировано за несколько десятилетий. В это время в Грузии значительно развиваются товарно-денежные отношения; быстро увеличивается число торговых заведений и промышленных предприятий; развиваются города и городская жизнь; в городах появляются небольшие фабрики и заводы, а также мастерские и мануфактуры, на многих из которых применяются механические установки, паровая или водяная энергия и вольнонаемный труд; возникают банковско-кредитные учреждения, которые ведут широкие торгово-денежные операции внутри страны и вне ее пределов;

* Corresponding author

E-mail addresses: Novitskaya.LY@rea.ru (L.Y. Novitskaya)

растет число мелких и крупных базаров и ярмарок, которые также ведут значительную торговлю ([Документы по истории Грузии, 1954: XI; Чхетия, 1948](#)).

Изменения происходят и в деревне. Убедившись в нерациональности старых способов ведения хозяйства и невыгодности подневольного крепостного труда, помещики стараются, часто при содействии и поощрении со стороны правительства, перестроить свои хозяйства на новый – капиталистический – лад. Под влиянием новых условий и изменений в экономике они проводят ряд мероприятий, направленных на улучшение и рационализацию сельского хозяйства: выписывают из России и из заграницы усовершенствованные сельскохозяйственные машины, стараются ввести новые культуры, привлекают агрономов и других специалистов сельского хозяйства, практикуют наем рабочей силы, организуют и участвуют в выставках сельскохозяйственных продуктов ([Отчет, 1873: 335-342](#)).

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали впервые вводимые в научный оборот документы государственного архива Краснодарского края, законодательные акты Полного собрания законов Российской империи, а также документы по истории Грузии. Не обойдены вниманием и публикации по теме исследования.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. Важное значение в работе имеет историко-сравнительный метод, как и все другие, он не имеет всеобщего характера, более того, его применение существенно ограничено. Поэтому сравнение необходимо применять в комплексе двух его противоположных ипостасей. Это сравнение нами проводится при сопоставлении одного и того же временного цикла на две соседствующие территории, которые находятся одна под властью владельца, а вторая под властью русской администрации.

3. Обсуждение и результаты

В этот период в Грузии произошли и принципиальные изменения в системе управления территорией. Как известно в 1801 г. Грузия вошла в состав Российской империи на правах губернии. В период присоединения Грузии к России, последовали два Высочайших Манифеста Императоров Павла I и Александра I, от 18 января и 12 сентября 1801 года, в которых объявлялось: народу Грузии сохраняются все его права, преимущества и собственность нерушимо; дела гражданские производятся в присутственных местах по настоящим грузинским обычаям и по уложению Царя Вахтанга – как по коренному грузинскому закону; в случае же какого-либо недостатка, руководствоваться законами Российской империи ([ПСЗ РИ. 1801. № 19721 и 20007](#)).

На основании этих манифестов, русское правительство, охраняя крепостное право в Грузии в законных пределах, не могло оказывать такого же покровительства тем неправильным владениям, которые были в ней обнаружены в первое же время, не согласовывались с общими законами русскими и которых не допускало и самое Уложение Вахтанга. Сюда относится то, что князья, сверх дворян, владели лицами духовного звания; дворяне также владели последними; церковь владела дворянами; мокалаки или богатейшие граждане Тифлиса владели крепостными людьми ([Чхетия, 1943](#)). Для прекращения этих владений, издавался ряд постановлений, медленно следовавших одно за другим, но которые, напоследок, привели крепостное владение в Грузии к тому состоянию, в каком находилось оно в России. Так, в 1808 г., совершилось освобождение лиц духовного звания в Грузии от зависимых князей и дворян, под крепостной властью коих они находились и отбывали повинности. В Высочайшем указе по этому поводу отмечалось: «Усмотрев, что многие из духовных, в священническом и дьяконском звании состоящие, присвоены тамошними князьями и дворянами в крепость, и несут оброки и прочие повинности на крестьянах лежащих, и, находя таковое положение вещей ни с законами российскими несогласным, ни сану духовному неприличным, повелеваем»... и т.д. ([ПСЗ РИ. 1808. № 23146](#)).

В 1811 г., по всеподданнейшему докладу Святейшего Синода, Высочайше утвержденному 30 июля, последовало отчисление всех церковных дворян в Грузии состоящих, с их крестьянами и имениями, из церковного в казенное ведомство ([ПСЗ РИ. 1811. № 24696](#)).

24 августа 1832 г. мнением Государственного совета было постановлено воспретить жителям Грузии, не имеющим прав потомственного дворянства, владеть крепостными людьми. Таковыми оказались мокалаки, которым, вследствие этого, и был назначен, для продажи или увольнения крепостных людей в их владении находящихся 4-х летний срок ([Свод Законов. 1857. № 1095](#)).

В 1833 г. вследствие Высочайше утвержденного 11 июля мнения Государственного Совета, состоялось освобождение от помещичьей зависимости княжеских дворян, которые Общим собранием Верховного Грузинского правительства были признаны в равных правах с казенными дворянами ([ПСЗ РИ. 1833. № 6311](#)). Всего было освобождено 160 семейств княжеских дворян, которые находились в зависимости у 21-й княжеской фамилии Горийского уезда. Необходимо отметить, что дворяне были освобождены лично, а об имениях и крестьянах в их владении находящихся ничего сказано не было. В результате это привело к недоразумениям и жалобам. В итоге 25 мая 1836 г. был

обнародован указ Правительствующего Сената, которым было велено все имущественные споры между князьями и дворянами разбирать в третейских судах.

Наконец в 1852 г. церковные крестьяне в Грузии были приняты в казенное управление¹, и таким образом совершился приговорительный шаг к окончательному причислению их, в свое время, в состав казенных крестьян.

После всех этих распоряжений, в Грузии остались единственные владельцы крепостных людей князья и дворяне, а крепостными княжеские и дворянские крестьяне, известные под общим именем помещичьих крестьян².

В настоящей статье мы не ставим задачу дать оценку плюсам и минусам от ликвидации владетельной власти грузинских царей, однако мы хотели бы провести сравнение с соседними с Грузией территориями, на которых владетельная власть сохранялась. Такой территорией в указанное время была Абхазия, бывшее Абхазское княжество. Ввиду соседства Абхазии с джигетами и черкесами, в качестве исключения в Абхазии была сохранена владетельная власть³, которая распространялась только на сферу гражданского управления. Таким образом власть в Абхазии была поделена на сферы: военные дела – русская военная администрация, гражданские – владетельный князь.

Абхазия и та часть ее, которая впоследствии стала называться Самурзаканью, в древности составляла одно нераздельное владение, попеременно находившееся под властью Греции, Грузии и Турции, но автономно управлявшееся своими владетелями из фамилии Шервашидзе. В середине XVIII столетия цельность Абхазского княжества была нарушена. Один из поставленных владетелем, правителей отдельных частей страны, Мурзакан Шервашидзе, стал независимым от владетеля, назвав находившуюся под его управлением часть Абхазского владения Самурзаканью (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 42).

Бессилие владетелей Абхазии, обусловленное как вассальными их отношениями, так и незначительностью находившихся в их распоряжении средств, и происходившие отсюда в стране постоянные смуты и междоусобицы, послужили населению стимулом к образованию отдельных союзов, общин для ограждения своей безопасности и к избранию из своей среды, для руководства ими, наиболее влиятельных и подходящих лиц, получивших название ахалапшю⁴, на обязанности которых лежало: поддержание в общине спокойствия и порядка, охранение личной и имущественной неприкосновенности членов общины и ограждение занятой ею местности от посягательств соседей. В вознаграждение за труды и попечительство, общины обязывались по отношению к ахалапшю определенными взносами и повинностями, в виде произведений природы и личных услуг. Строй этих самоуправляемых общин (акыта), представлявших соединение родовых союзов в общественное целое, был демократический, с преобладающим влиянием и значением одного лица, избрание которого вызывалось необходимостью представления кому-либо одному распоряжения внутренним благоустройством общины и внешними ее отношениями. В начале эти лица, ахалапшю, сохраняли право на пользование особыми преимуществами лишь до тех пор, пока они не утрачивали своего исключительного положения в общине, но впоследствии, под влиянием социального строя соседней Мингрелии и еще больше России, они стали присваивать себе права высшего сословия и, распространяя их на своих родственников, образовали сословие тавадов и амист. Амиста в Абхазии соответствовало жноскуа в Самурзакани, и те и другие, по своему значению в народе, весьма мало отличались от тавадов.

Зависимые сословия составляли: 1) анхае в Абхазии и пиоши в Самурзакани; 2) амацюрязгу в Абхазии и мойнале в Самурзакани; 3) ахуйю в Абхазии и дельмахоре в Самурзакани; 4) ахашала – рабы (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 42об.).

Между высшими и низшими сословиями шиinama, – слуги и управляющие частными делами владетеля и правителей в отдаленных частях страны, принадлежавшие к сословию анхае, но пользовавшиеся, вследствие своей близости к владетелю или к правителям, некоторым почетом среди населения.

Что касается владетеля, то, в качестве главы страны, он был высшим ее правителем и судьей, начальником ее воинских сил и народных представительств в сношениях с соседними территориями. Сосредоточивая, таким образом, в лице своем высшую административную, судебскую, военную и политическую власть, он являлся в понятиях народа самым сильным и влиятельным ахалапшю его. Но тем не менее владетель не был собственником территории страны и подчинился, в отношении своих независимых имуществ, общим, выработанным обычаем, правилам. По взглядам туземного населения, невзрачные земли не могли быть предметом чьей-либо частной собственности и

¹ Именной Высочайший Указ Святейшему Синоду, от 5 ноября 1852 г.

² Сюда не нужно вмешивать Имеретию, Гурию и Мингрелию, составляющих кутаисское генерал-губернаторство, в которых крепостное владение сохраняет все еще свое прежнее разнообразие, до того своеобразное, что там даже крестьяне имеют зависимых от них крестьян.

³ Помимо этого владетельная власть была и в соседней с Абхазией Мингрелии.

⁴ В переводе это означает – покровитель.

всякий имел право занять их под распашку, после чего они становились принадлежностью лица, их распаханного.

В 1808 г. владетель Абхазии, Келим-бей, был убит сыном своим, Аслан беем, который затем объявил себя владетелем. Но вследствие обращенной к русскому правительству просьбы о защите второго сына Келим-бея, Сефер-бея, назначенного отцом преемником его во власти, русские войска заняли Сухум и, изгнав Аслан-бея, предоставили Сефер-бею владетельные права ([Материалы, 2012: 158](#)). Вскоре после этого Сефер-бей отдался под подданство России, со всем своим народом и, после принятия христианства, был наречен Георгием. – В 1810 г. Георгий был утвержден владетелем Абхазии Высочайшею Грамотою императора Александра I. После смерти Георгия владетельные права перешли к его сыну Дмитрию (Омар-бею), а после смерти сего последнего они перешли к его брату Михаилу (Гамуд-бею) ([ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 43](#)). Но, вследствие крайне неблагоприятных поступков¹ владетеля Михаила, в 1864 году он был удален из края и, вместе с тем, Абхазия была подчинена русскому управлению ([Материалы, 2012: 59](#)).

Высочайше утвержденным 21 августа 1834 года положением Комитета Министерств и титулах членов владетельских княжеских домов Мингрелии и Абхазии было определено владетелю Абхазии, супруге его и старшему сыну предоставить титул Светлости, всех же прочих членов владетельного дома именовать Сиятельствами ([ПСЗ РИ. 1834. №7352](#)).

В 1857 году по распоряжению Главнокомандующего Кавказской Армией, высочайше одобренному, была учреждена особая Комиссия, под названием Сухумской Сословно-Поземельной Комиссии, на которую было возложено приведение в известность выработанных обычаем и народною жизнью сословных и поземельных прав местного населения Сухумского отделения. Занятия этой Комиссии были разделены на два периода: в первом из которых она должна была выяснить общие сословия и поземельные права туземного населения, а во втором – разобрать принадлежность, в частности, тех и других прав отдельным лицам ([Документы по истории Грузии, 1954: XXXV](#)).

В утвержденной 29 июня 1870 года его высочеством, Главнокомандующим Кавказской Армией, по высочайше ему представленной власти, инструкции означенной Комиссии, выработанной на основании представленных ею данных, к высшим сословиям в Сухумском отделении (в последствии Сухумский округ – Авт.) были отнесены тавадские роды в Абхазии и Самурзакани и роды амист в первой и жноскуа в последней. В означенных сословиях (высших) инструкцией различались: фамилии, всегда принадлежавшие к тем сословиям, на памяти народной, и фамилии, притязания которых на принадлежность должны, – по неясности и неопределенности их прав, – подлежать проверке. К первой категории были отнесены фамилии тавадов: Шервашидзе, Инал-ипа, Чаабалурква, Маршани, Анчабадзе, Дзепш-ипа, Чхотоуа, Эмухвари и Цамба и фамилии амист и жноскуа: Маргани (Маан), Званбай (Зжен), Лакербай (Лакер), Акыртаа и Мыкямба. Принадлежность этих фамилий к высшим сословиям признавалась несомненною и не требующей дальнейших расследований, а притязания остальных фамилий – подлежащими рассмотрению. Доказательством принадлежности данной фамилии к одному из высших сословий должна была послужить совокупность следующих признаков: а) принадлежность ей покровительствующей роли по отношению к другим сословиям, б) состояние в подвластности ей лиц из сословий шингам или коренных анхае (тюшей), при условии образования этой зависимости не на памяти народной, то есть более двух поколений тому назад, в) распоряжение выморочными именами лиц из сословий шингам и родовых анхае и г) сбор «ажидза» со стад, приходивших для пастбы на земле в районе покровительства претендующей фамилии. Из представленных Начальником Сухумского Отдела Главнокомандующего Кавказскою Армией в 1876 году списков, составленных Сухумскою Сословно-Поземельною комиссиею видно, что последнею признаны принадлежащими к сословию тавадов 11 фамилий, в числе 310 семейств и к сословию амист и жноскуа 34 фамилии, в числе 396 семейств ([ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 44](#)). Вместе со списками были представлены и родословные таблицы фамилий, признанных Комиссией принадлежащими к высшим сословиям.

По высочайшему утвержденному 8 ноября 1870 г. Положению о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделении, лицам, имевшим в своей подвластности анхае или тюшей, которые были обязаны выкупом тех или иных повинностей, должны были быть предоставлены особые поземельные наделы. Размер таких наделов составлял по две десятины за каждого анхае. Сведя эти земли, для обеспечения фамилий, которые на основании особых правил, могли быть признаны принадлежащими к сословию тавадов, амист или жноскуа, положено было им отвести, в частную собственность, соответствующие положению их в среде остального населения особые наделы, в размере от 25 до 250 десятин на каждый двор (§26 и 27. Полож. 8 ноября 1870 года) ([Документы по истории Грузии, 1954: XXXVIII](#)). Кроме того, еще дополнительные наделы от 10 до 20 дес. за каждый правительственный орден и от 10 до 30 дес. за каждый офицерский чин ([Дзидзигури, 1960: 18](#)).

¹ Михаил Шервашидзе в Крымскую кампанию, не только открыто поддержал Турцию, но и был назначен турками командующим побережья Абхазии и Мингрелии ([Услар, 1880: 275-276; Бурчуладзе, 1954](#)). Помимо этого в 1846 г. было выяснено, что в Абхазии владетель продолжал собирать налоги в виде людей и продавать собранных в качестве налогов людей в Турцию ([Cherkasov et al., 2017: 70](#)).

4. Заключение

Таким образом, период 1810–1870-х гг. стал для Абхазии и Самурзакани периодом экономической стагнации. Причинами этому была не некая врожденная слабость владельца Абхазии Михаила Шервашидзе, а его курс на традиционный уклад. Михаил Шервашидзе просто не хотел ничего менять в устройстве общества. Его вполне устраивали дворяне, оги, крепостные и рабы, только в такой системе ценностей владелец был нужен, как высший орган власти. В тоже время для развития капиталистических отношений, как в городе, так и в деревне требовался совершенно иной инструментарий. Этот инструментарий был эффективно апробирован на другой соседней территории, на территории Грузии.

5. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.А03.21.0008).

Литература

- Бурчуладзе, 1954 – *Бурчуладзе Е.* Восточная война и Грузия. Тбилиси, 1954.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Дзидзигури, 1960 – *Дзидзигури Л.* Крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1960.
 Документы по истории Грузии, 1954 – Документы по истории Грузии. Грузия в период буржуазных реформ. Часть 1. (1862–1866 гг.). Тбилиси, 1954. 908 с.
 Материалы, 2012 – Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сухум, 2012.
 Отчет, 1873 – Отчет наместника Кавказского за 1862–1872 гг. Тбилиси, 1873.
 ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи.
 Услар, 1880 – *Услар.* Гурийский отряд в 1855 году // *Кавказский сборник.* 1880. Т. 5. С. 236-286.
 Чхетия, 1943 – *Чхетия Ш.К.* К вопросу генезиса буржуазной культуры в Грузии. // *Труды Гос. уч. ин-та,* 1943, №3.
 Чхетия, 1948 – *Чхетия Ш.* К истории крестьянской реформы в Грузии. // *Исторический вестник.* 1948. № 4.
 Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 43, Is. 1, pp. 68-85.

References

- Burchuladze, 1954 – *Burchuladze E.* (1954). Vostochnaya voyna i Gruziiya [East war and Georgia]. Tbilisi.
 GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archive of Krasnodar Krai].
 Dzidziguri, 1960 – *Dzidziguri L.* (1960). Krest'yanskaya reforma v Abkhazii [The peasant reform in Abkhazia]. Sukhum.
 Dokumenty po istorii Gruzii, 1954 – Dokumenty po istorii Gruzii. Gruziiya v period burzhuaznykh reform. Chast' 1. (1862–1866 gg.) [Documents on the history of Georgia. Georgia in the period of bourgeois reforms. Part 1. (1862–1866 gg.)]. Tbilisi, 1954. 908 s.
 Materialy, 2012 – Materialy po istorii Abkhazii XIX veka (1863–1874). Sbornik dokumental'nykh materialov [The materials on the history of Abkhazia in the XIX century (1863–1874). Collection of documentary materials]. Т. 3. Sukhum, 2012.
 Otchet, 1873 – Otchet namestnika Kavkazskogo za 1862–1872 gg. [The report of the Governor of the Caucasus for 1862–1872]. Tbilisi, 1873.
 PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
 Uslar, 1880 – *Uslar.* (1880). Guriiskii otryad v 1855 godu [The Gurian squad in 1855]. *Kavkazskii Sbornik.* Т. 5. pp. 236-286.
 Chkhetiya, 1943 – *Chkhetiya Sh.K.* (1943). K voprosu genezisa burzhuaznoi kul'tury v Gruzii [On the genesis of bourgeois culture in Georgia]. *Trudy Gos. uch. in-ta,* №3.
 Chkhetiya, 1948 – *Chkhetiya Sh.* (1948). K istorii krest'yanskoi reformy v Gruzii [To the history of peasant reform in Georgia]. *Istoricheskii vestnik.* № 4.
 Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody.* Vol. 43, Is. 1, pp. 68-85.

UDC 94

Эволюция общественного устройства в Абхазии и Самурзакани в 1810–1870 гг.Павел Анатольевич Бышков ^{a, *}, Людмила Юрьевна Новицкая ^b, Светлана Федоровна Артемова ^c^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается эволюция общественного устройства Абхазии и Самурзакани в 1810–1870-е гг. Проводится параллель с аналогичным процессом на территории Грузии. Выявляется роль верховной власти на этих территориях для развития общественного устройства региона.

Материалами для подготовки статьи стали впервые вводимые в научный оборот документы государственного архива Краснодарского края, законодательные акты Полного собрания законов Российской империи. Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. Важное значение в работе имеет историко-сравнительный метод, как и все другие, он не имеет всеобщего характера, более того, его применение существенно ограничено. Поэтому сравнение необходимо применять в комплексе двух его противоположных ипостасей. Это сравнение нами проводится при сопоставлении одного и того же временного цикла на две соседствующие территории, которые находятся одна под властью владетеля, а вторая под властью русской администрации.

В заключении отмечается, что период 1810–1870-х гг. стал для Абхазии и Самурзакани периодом экономической стагнации. Причинами этому была некая врожденная слабость владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе, а его курс на традиционный уклад. Михаил Шервашидзе просто не хотел ничего менять в устройстве общества. Его вполне устраивали дворяне, оги, крепостные и рабы, только в такой системе ценностей владетель был нужен, как высший орган власти. В тоже время для развития капиталистических отношений, как в городе, так и в деревне требовался совершенно иной инструментарий. Этот инструментарий был эффективно апробирован на другой соседней территории, на территории Грузии.

Ключевые слова: общественное устройство, Абхазия, Самурзакань, Грузия, Россия, 1810–1870-е гг.

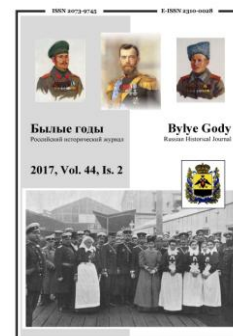
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Novitskaya.LY@rea.ru (Л.Ю. Новицкая)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 451-459, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.451
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 322.2(470+571)+21(470)

The Officials of the Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions as Researchers of the State-Church Relationships in Russia

Ekaterina A. Teryukova ^{a, b, *}

^a State Saint-Petersburg University, Russian Federation

^b State Museum of the History of Religion, Russian Federation

Abstract

The article is on the history of the Department for the Spiritual Affairs of the Foreign Confessions within the Russian Empire Ministry of Interior Affairs in the early XXth century. The author examines the Russian State Historical Archive documentary sources which were not published before and identifies various duties of the Department officials. It's not only religious life control and legal regulation in Russia was among them. The regular reports and query answers from various regional administrative establishments were accumulated in the Department. They were used by the officials to collect and analyze the evidence on the current state of religions, not orthodox churches, religious organizations and minorities represented in Russia and also peculiarities of the Russian religious legislation and its administration. The results of this work were represented in the Department officials' investigations and publications. The existence of the Research Library founded in 1864, the Newspaper desk established in 1909 and the Archive was a principal condition that provided the high quality and profoundness of Department officials' investigations. The Research Library was regularly systemized and replenished with relevant publications. The access to the Department Archive was open for a wide range of researchers of the State-Church relationships in Russia. The all mentioned above facts allow for the conclusion that the Department for the Spiritual Affairs of the Foreign Confessions within the Ministry of Interior Affairs was one of the important but not well investigated establishments for religious study in the Russian Empire in the early XXth century.

Keywords: The Department for the Spiritual Affairs of the Foreign Confessions, the State-Church relationships in Russia, officials as researchers.

1. Введение

История изучения церковно-государственных отношений в России, выявление их специфики, анализ путей исторического развития и критика правоприменения насчитывает в отечественной историографии уже не одно столетие. Особую актуальность данная проблематика приобрела на рубеже XIX–XX веков, когда в условиях бурного общественно-политического развития представители передовой российской демократической и научной общественности, а также государственной власти пришли к пониманию необходимости осуществления комплексной реформы в области вероисповедной политики с целью осуществления на практике принципов свободы совести и выбора веры. Видный отечественный историк и публицист той поры С. Мельгунов в своей работе, увидевшей свет в 1907 г. отмечал, что «одну из крупных аномалий в русской общественной жизни» составляет «посягательство со стороны государства на свободу совести, вторжение его в интимную область религиозных убеждений и попытка установить крепостническое состояние в вопросах вероисповедания», он подчеркивал, что эта аномалия требовала своего скорейшего разрешения в

* Corresponding author

E-mail addresses: ateriukova@mail.ru (E.A. Teryukova)

сторону расширения свободы совести и признания за верующими права самостоятельно и безнаказанно определять свою религиозную принадлежность (Мельгунов, 1907: 25).

Особое и пока недостаточно изученное место в процессе подготовки и осуществления вероисповедных реформ в России в начале XX века занимает деятельность Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Как показано в данной публикации, анализ выявленных в ходе исследования и ранее не опубликованных материалов из Российского государственного исторического архива, позволил не только расширить представление о деятельности служащих в Департаменте чиновников, но и впервые осветить ранее ускользавший от внимания исследователей аспект в работе Департамента – непрерывный сбор и систематическое научное изучение материалов о текущем состоянии религиозной жизни в России.

2. Материалы и методы

В Российском государственном историческом архиве в числе фондов прочих центральных государственных учреждений хранится фонд Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (Ф. 821). В статье публикуются материалы тех архивных дел данного департамента, которые касаются как законотворческой, так и научной деятельности его чиновников. Данные документальные источники позволили проследить ежедневную работу чиновников по сбору информации о том, на каких принципах устроено законодательство, регламентирующее церковно-государственные отношения в зарубежных странах, по изучению правовой вероисповедной базы в России и накоплению сведений о текущем состоянии религиозной жизни в пределах Российской империи, т.е. проследить ту работу, без которой было невозможно как осуществлять эффективный контроль и управление религиозной жизнью в стране, так и заниматься систематическим глубоким изучением представленных в России религий, неправославных церквей, религиозных организаций и миноритарных религиозных групп.

Данное исследование проводилось с использованием общенаучных и общеисторических методов, на основе принципов историзма и объективности, что позволило провести анализ архивных источников, выйти на уровень теоретических обобщений и впервые ввести в научный оборот материалы, касающиеся такого аспекта деятельности чиновников Департамента, как организация и функционирование фундаментальной библиотеки, газетного стола и архива данного ведомства.

3. Обсуждение

Изучение различных аспектов церковно-государственных отношений в России было в центре внимания многих историков и общественных деятелей на рубеже веков. Пример тому сочинение Н.Д. Кузнецова (Кузнецов, 1898), целью которого было проследить управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии с XVI века до середины XIX столетия. Правовое положение различных христианских конфессий в России стало основной темой и в работах таких крупных исследователей церковного права начала XX века как Т.И. Буткевич (Буткевич, 1913), М.Е. Красножён (Красножен, 1900), М.И. Горчаков (Горчаков, б/г). Не ослабевают к этой проблематике интерес и у современных отечественных и зарубежных исследователей, достаточно привести в качестве примера работы М.И. Одинцова (Одинцов, 2013), А.А. Дорской (Дорская, 2001), А.К. Тихомирова (Тихомиров, 2007), А.Р. Соколова (Sokolov, 2007), П. Верта (Werth, 2014). Цель данного исследования сосредоточиться на выявлении тех аспектов деятельности, которые позволяют характеризовать Департамент духовных дел иностранных исповеданий как один из центров изучения религии в дореволюционной России.

4. Результаты

История церковно-государственных отношений в России в XIX – начале XX вв. была неразрывно связана с деятельностью Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. 25 июля 1810 г., признавая необходимость реформировать систему управления иностранными исповеданиями в России с целью защиты интересов инославных верующих, Александр I подписал манифест о создании Главного управления делами «не греко-российских» исповеданий, в круг ведомства которого входили вопросы, связанные с духовной жизнью последователей всех иностранных вероисповеданий. 24 октября 1817 г. был опубликован новый манифест, объявлявший о создании министерства духовных дел и народного просвещения, круг обязанностей которого включал в себя духовные дела всех вероисповеданий России. В своей деятельности министерство должно было взаимодействовать с Синодом, Комиссией духовных училищ, Римско-католической духовной коллегией и Юстиц-коллегией. Для удобства делопроизводства учреждался специальный Департамент духовных дел, ведавший всеми делами не православных вероисповеданий. В 1824 г. после передачи дел Греко-Российского исповедания в ведение обер-прокурора Синода департамент духовных дел был переименован в Главное управление дел иностранных исповеданий, которое в 1832 г. под названием Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий вошло в состав Министерства внутренних дел.

Этот Департамент сосредоточил в себе всё делопроизводство по устройству и деятельности неправославных религиозных обществ в России (исключение составляли Англиканская,

Американская и Голландская церкви). Благодаря его деятельности в 1836 г. было закончено составление свода Уставов исповеданий иноверческих и православного, долгое время регулировавшего отношения церкви и государства в России.

Новой вехой в истории отношений государства и протестантских исповеданий в России явилось издание в 1896 г. подготовленного в Департаменте духовных дел «Устава духовных дел иностранных исповеданий». Он зафиксировал юридическое положение перечисленных в нём общин на территории Российской империи и закреплял главенствующее место православной церкви. В нём указывалось, что все, не принадлежащие к православию подданные государства и иностранцы временно пребывающие в стране, пользуются правом свободного отправления своей веры и совершения богослужений, однако духовным и светским лицам иных иноверных и христианских исповеданий строжайше было запрещено «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии», в противном случае они подлежали преследованию и наказанию в соответствии с принятым законодательством. Причём, как неоднократно разъяснялось департаментом духовных дел, свободное исповедание перечисленных выше вероучений распространялось только на иностранных граждан, проживающих в России или принявших российское подданство. Возможность перехода русских из православия в какое-либо иное христианское исповедание пресекалась (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 2. Л. 31).

Чиновники Департамента духовных дел иностранных исповеданий, как никто другой осознавали несовершенство российского вероисповедного законодательства, сталкиваясь с ним ежедневно в рамках своих профессиональных обязанностей, и вели большую работу не только по анализу тех принципов, на которых базировалось вероисповедное законодательство в различных странах, но и занимались сбором данных о текущем состоянии религиозной жизни в России. Примером работы по первому направлению может служить опубликованная в 1906 г. в типографии МВД «Справка о свободе совести», подготовленная оставшимися безызвестными сотрудниками Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, которая содержала исчерпывающий анализ ситуации, сложившейся по вопросу о свободе совести в России, и накопленного в этой области опыта передовых европейских стран (Терюкова, 2013: 170). В ней, в частности, указывалось, что законодательные мероприятия, которые «подлежат осуществлению в целях проведения в жизнь свободы совести» не мыслимы без реализации такого её важнейшего компонента, как свобода выхода из вероисповедания и избрания такового (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 8). В условиях многонациональной и многоконфессиональной России свобода выхода из вероисповедания и избрания такового должна была, прежде всего, подразумевать различные варианты религиозных переходов.

Примером второго направления работы по изучению современной религиозной жизни может служить серия публикаций, подготовленных чиновником особых поручений при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий С.Д. Бондаря, в обязанности которого входило наблюдение за миноритарными религиозными группами и протестантскими общинами. В 1911 г. в уже ранее упоминаемой типографии МВД начался выпуск серии книг под общим названием «Очерки сектоведения». Её редактированием занимался лично директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузин. К сожалению, пока не выявлены архивные документы, проливающие свет на личность и деятельность Семена Дмитриевича Бондаря. Что же касается Алексея Николаевича Харузина (1864–1932), то необходимо упомянуть, что, будучи выходцем купеческой семьи, он посвятил свою жизнь науке (изучению народов, населяющих юг России, Кавказ и Балканский полуостров) и государственной службе. По окончании в 1889 г. естественного отделения физико-математического факультета Московского университета и получения степени магистра зоологии в Дерптском университете А.Н. Харузин в 1891 г. поступил на государственную службу в качестве чиновника особых поручений при губернаторе Эстляндии. Позднее он был назначен секретарём Крестьянской комиссии, секретарём Губернского статистического комитета и секретарём Губернского по крестьянским делам присутствия. С 1895 г. был управляющим канцелярией Виленского генерал-губернатора. Позднее занимал должности губернатора Бессарабии и почётного мирового судьи Аккерманского уезда. В период с 1908 по 1911 г. включительно А.Н. Харузин занимал пост директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, был товарищем министра, сенатором. Работая под руководством сперва министра внутренних дел П.А. Столыпина, а после его смерти А.А. Макарова, он в качестве начальника Департамента был призван обеспечить возложенную на Департамент работу по подготовке реформ в области вероисповедного законодательства. Всего под редакцией А.Н. Харузина в 1911 г. С.Д. Бондарем были подготовлены и опубликованы следующие книги: «Адвентизм 7-го дня» (Бондарь, 1911а), «Современное состояние русского баптизма. Записка» (Бондарь, 1911б), «Английская епископальная церковь» (Бондарь, 1911). Позднее в продолжение этой исследовательской работы им были опубликованы работы: «Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Очерк» (Бондарь, 1916) и «Секта хлыстов шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих. Краткий очерк» (Бондарь, 1916а), которые долгое время сохраняли свою научную актуальность и до сих пор могут быть отнесены к числу источников по изучению русского сектантства и протестантизма в России.

Подобная законотворческая и научная деятельность для своего осуществления требовали соответствующей научной инфраструктуры, каковой являлась Научно-литературная библиотека Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Газетный стол и его Архив.

Ее основу заложило распоряжение директора Департамента графа Эммануила Карловича Сиверса (1817–1909) от 31 мая 1864 г., который возглавлял Главное управление духовных дел иностранных исповеданий в период с 1856 по 1877 гг. Приведем его полностью: «В продолжение осмилетнего управления моего Департаментом духовных дел иностранных исповеданий я убедился, что для успешного ведения многих встречающихся при сем вопросов необходимо иметь при Департаменте библиотеку, составленную из специальных сочинений по части канонического права, соборных и папских постановлений, церковной администрации и управления духовными делами в разных государствах и касающихся истории церквей, особенно Римско-Католической. В настоящее время в вверенном мне Департаменте есть значительное количество сочинений, переданных в оный из центрального статистического Комитета, но эти сочинения на языках латинском, французском и итальянском, относятся к давно минувшему времени и потому не могут служить руководством для настоящей эпохи, при изменившемся повсюду порядке управления духовными делами Римско-католической церкви. Поэтому представляется нужным приобретать от времени до времени, постепенно, некоторые новые сочинения, касающиеся преимущественно Римско-католической церкви в разных государствах Европы, ее истории и настоящего положения оной; равномерно такие сочинения, которые могли бы служить источником для размышления и уяснения многих встречающихся случаев, на основании новейшего канонического права. Кроме покупки подобной специализированной библиотеки, необходимы и некоторые расходы как на переплет приобретаемых книг, так и на устройство шкафов для помещения оных» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 3). Средства на содержание и пополнение библиотеки были выделены из бюджета Министерства внутренних дел – 900 рублей из Римско-католического управления. Смета МВД традиционно включала в себя статью расходов в разделе «На содержание римско-католического духовенства Царства Польского» на «покупку религиозных сочинений». Именно эти средства и было решено «употреблять на расширение и пополнение библиотеки Департамента» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 14).

Для кого была предназначена эта библиотека? Согласно сохранившимся в Российском государственном историческом архиве «Правилам для пользования книгами библиотеки Департамента духовных дел иностранных исповеданий», датированным 13 сентября 1882 года, книгами библиотеки могли пользоваться только служащие Департамента. Посторонним лицам книги выдавались не иначе как с распоряжения директора Департамента. «Каждое отдельное лицо» могло получить из библиотеки одновременно не более двух сочинений и в сложности не более четырех томов. Отступления от этого правила допускались только с разрешения директора Департамента. Журналы и книги, закупаемые Департаментом, при поступлении в библиотеку книги передавались заведующему для внесения в каталог. Заведующий библиотекой составлял список сочинений, пользование которыми вне Департамента не допускалось. Этот список утверждался Директором. Журналы и книги выдавались из библиотеки не иначе как под расписку в установленной для этого книге. Никто не мог получать из библиотеки новых сочинений, не возвратив прежде старых. Никто из чиновников Департамента не мог воспользоваться очередным отпуском до представления свидетельства от заведующего библиотекой, о том, что все взятые им из библиотеки сочинения возвращены в целости. Для проверки библиотеки один раз в год чиновники обязаны были вернуть все взятые ими сочинения (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 17 а).

Как следует из сохранившихся в архиве документов, новый период в жизни библиотеки начался в 1906 г., когда на должность библиотекаряступил чиновник Департамента С. Колосов, который сразу же приступил к приведению в порядок книжного фонда, запросив деньги «на закупку «ярлычков» (показатели шкафа и полки, а также порядкового номера) для наклейки на книги» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 30). Спустя неделю (4 января 1907 г.) тот же С. Колосов информировал директора Департамента, что сразу же приступил и к составлению «систематического каталога для библиотеки Департамента». «По мере хода работ с разборкой и регистрацией книг и по занесении последних в систематический каталог», планировалось приступить и к организации алфавитного (по карточной системе) каталога (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 31).

26 января 1908 г. С. Колосов направил Его Превосходительству Директору Департамента письмо со своими предложениями по организации каталога. Приведем его полностью: «Заключив первую часть данного мне Вашим Превосходительством поручения по устройству научно-литературной библиотеки Департамента духовных дел составлением к 1 января сего года полной описи книг и приступая ныне к разработке систематического и алфавитного каталогов, считаю своим долгом предварительно представить на благоусмотрение Ваше некоторые свои соображения по сему предмету.

При наличности в составе помянутой библиотеки книг, касающихся в преобладающей массе только каких отраслей знания, которые непосредственно сопутствуют специальной деятельности Департамента духовных дел иностранных исповеданий, я полагал бы, что и количество рубрик созидаемого систематического каталога не должно выходить вообще за пределы числа групп доминирующего большинства книг библиотеки. В видах проведения такого плана при

систематизации книг библиотеки, казалось бы, возможным все книги разбить на следующие пять отделов, а именно:

I. Богословие. Сюда войдут: учение и богослужение православной церкви, творения Св. Отцов древней церкви; учение, проповедничество и обряды римско-католической церкви, булларии, папские энциклики, буллы и т.п. акты; протестантское вероучение, богослужение и секты; армяно-григорианство и армяно-католичество, несторианство и др. церковные общины Востока; Библия и книги общего богословского и философского характера

II. История. История церкви от отделения Западной церкви от Восточной; история Восточной православной русской церкви; раскол и греко-унияство; история римской церкви и папства; соборы римской церкви, история их и акты; иезуитский орден и его история; сочинения, касающиеся Армении и армянского народа; иноверные исповедания: мусульманство, еврейство, буддизм (ламаизм); история религий.

III. Церковное право, правоведение и политика. В эту рубрику войдут, между прочим, и книги, касающиеся новейших систем и монографии не только по церковному, но и брачному праву.

IV. Справочный отдел. Справочные издания, отчеты, указатели, словари, энциклопедии и т.п. издания.

V. Книги разного содержания. Журналы, доклады и разного рода печатные труды, по содержанию своему не подошедшие под предыдущие рубрики.

Каждый из упомянутых пяти отделов предполагается в каталоге провести в алфавитном порядке, подразделяя все книги на две категории: книги на русском языке и на иностранных языках» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 14).

Как следует из докладной записки, поступившей на имя директора Департамента в 1908 г., в библиотеке Департамента насчитывалось 1906 книг на русском и 2514 книг на иностранных языках. Выписывалось 69 и 46 газет и журналов на русском и иностранных языках соответственно. Языки, на которых имелись книги и выписывались журналы, были следующие: русский, польский, немецкий, французский, английский, итальянский, еврейский, татарский, турецкий, арабский и латинский. К этому моменту уже была проведена работа по систематизации книг библиотеки на следующие отделы и подотделы: Отдел 1. всеобщая истории церкви; Отдел 2. инославные исповедания: подотдел 1. римский католицизм, подотдел 2. протестанство, подотдел 3. армяно-григорианство; Отдел 3. иноверные исповедания: подотдел 1. мусульманство, подотдел 2. еврейство и караимство, подотдел 3. буддизм, ламаизм и язычество; Отдел 4. церковное право; Отдел 5. разное: подотдел 1. Библия и книги общего богословского и философского содержания, подотдел 2. география, история, этнография, словесность, публицистика, подотдел 3. правоведение и политика, подотдел 4. словари, энциклопедии, справочные издания, журналы и др. книги, не вошедшие в предыдущие отделы каталога (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 76. Л. 41).

Сохранившиеся в Архиве документы дают представление не только о структуре библиотеки, но и том, как шло пополнение ее фондов (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 91). Так, например, анализ переписки за 1909 г., позволяет установить, что библиотека Департамента пополнялась из следующих источников:

- закупка новой литературы (сохранились счета из книжных магазинов товарищества Вольф на многотомный Словарь Даля, сочинения Г.Б. Слиозберга «Сборник действующих законов о евреях», Брахмана Чаттерджи «Сокровенная религиозная философия Индии», В.Я. Максимова «Законы о разводе...», Д.Г. Коновалова «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве», Н.Г. Адонца «Армения в эпоху Юстиниана», Дж. Горсея «Записки о Московии XVI века»; платежные документы в контору издательства Брокгауз и Ефрон (приобреталась многотомная «Еврейская энциклопедия»), в Еврейское историко-этнографическое общество, редакцию «Еврейских Известий», в книжный и географический магазин Генерального Штаба и товарищества «Общественная польза», а также книжные магазины И.Л. Тузова (за закупка серии книг по старокатолицизму: Н. Беляева, В. Керенского, М. Красножена и др.) и А.С. Суворина);

- передача книжных собраний из одного правительственного ведомства в другое (так, например, Департамент духовных дел иностранных исповеданий обратился к А.Д. Арбузову (1859–1933), Директору департамента общих дел МВД, с просьбой передать в научно-литературную библиотеку первого книги и брошюры по старообрядчеству, в связи с тем, что наблюдение за старообрядцами входит в круг его обязанностей; данное обращение не было удовлетворено, как указывалось в ответе из Департамента общих дел, к ним библиотека поступила в беспорядке, силами сотрудников Департамента была обустроена, систематизирована, составлен каталог, открыта для «всех желающих») (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 91. Л. 137, 142, 143);

- поступление личных коллекций (например, после смерти в 1909 г. действительного статского советника Всеволода Васильевича Владимирова, возглавлявшего Департамента духовных дел иностранных исповеданий в период с 1905 по 1909 гг., его личное книжное собрание поступило в библиотеку Департамента) (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 91. Л. 115);

- передача книг из духовных учреждений, например, изданий Казанской духовной академии. От ректора Казанской духовной академии епископа Алексея (Дородницына), с которым А.Н. Харузин был дружен и близок по взглядам на церковно-государственные отношения, в библиотеку

Департамента на безвозмездной основе была передана брошюра «Христианство и коммунизм», а также «противомусульманские сочинения», выпущенные «переводческой комиссией при Казанской духовной академии», с надеждой, что «они окажутся полезными его Высокопревосходительству (А.Н. Харузину, гофмейстеру Двора и начальнику Департамента) в деле изучения ислама» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 91. Л. 102, 104, 114).

Кроме того, на регулярной основе в библиотеку закупались Отчеты Государственной Думы (т.к. на ее заседаниях рассматривались вносимые Департаментом законопроекты) и книги по иным вероисповеданиям. Например, по православию в магазине И. Тузова были приобретены следующие сочинения (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 91. Л. 80): А. Попков «Необходимость обновления православного церковно-приходского строя» (СПб., 1903), «О благоустройстве православного прихода» (СПб., 1907), Н. Кузнецов «По вопросам церковных преобразований» (М., 1907).

Помимо упорядочивания работы библиотеки в декабре 1909 г. по инициативе А.Н. Харузина при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий был устроен специальный «Газетный стол» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 200). Ранее материалы по профилю Департамента доставлялись из «Бюро газетных вырезок» Министерства внутренних дел, теперь же при самом Департаменте был учрежден специальный отдел для «практической постановки при Департаменте правильного наблюдения за печатью» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 200. Л. 1). «Общее руководство и направление при выборе из газет и журналов материала, касающегося предметов ведения и деятельности Департамента иностранных исповеданий возлагалось на вице-директора или на особое лицо по назначению директора Департамента, прочтение газет и журналов и отметки соответственного материала возлагалось: а) по общей русской печати – на старшего столоначальника Департамента Колосова, б) по специальной богословской и церковной печати всех исповеданий на русском языке – на столоначальника департамента Бондаря, в) по русской и заграничной печати на иностранных языках (кроме татарского) на столоначальника Департамента Оноприненко, г) по татарской печати – на причисленного к министерству – Антаки. Статьи и заметки из повременных изданий на русском, французском и немецком языках должны были вырезаться и наклеиваться в тетради с группировкой по исповеданиям, статьи из польских, татарских и итальянских газет подлежали переводу читающими их лицами на русский язык и печатались на пишущей машинке» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 200. Л. 1). Для этого заключались договора с широким кругом переводчиков. Вырезки и переводы «предоставлялись ежедневно из всех поступивших в Департамент до утра соответственного дня изданий к четырем часам того же дня вице-директору Департамента или лицу, руководящему наблюдением за печатью, коим того же числа означенные вырезки и переводы, по прочтении, представлялись директору Департамента. По возвращении вырезок от директора Департамента они распределялись по надлежащим отделениям Департамента для исполнения по сделанным директором отметкам. Общее попечение об исправном составлении вырезок и напечатании переводов, а равно и своевременном предоставлении оных вице-директору возлагалось на старшего столоначальника департамента Колосова» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 200. Л. 1).

Список предложенных в 1910 г. к подписке изданий включал в себя широкий круг центральной и региональной периодики общего характера: Новое время, Свет, Речь, Русское Знамя, Биржевые ведомости, Современное слово, Еврейские известия, Церковные ведомости, Московские ведомости, Голос Москвы, Земщина, Русские ведомости, Русское слово, Киевлянин, Одесский листок, Харьковский листок, Саратовский вестник, Вятская газета, Волгар, Казанский телеграф, Урал, Сибирская жизнь, Восточной обозрение, Северный край, Северо-Западный край, Приднепровский край, Виленский вестник, Вольнь, Бессарабская жизнь, Варшавский дневник, Прибалтийский край, Финляндская газета, Кавказ, Тифлисский листок, Каспий, Приазовский край, Краины России, такие специализированные издания как «Еврейский мир», выпускаемый в Лодзи журнал мариавитов «Maryawita», печатный орган иоаннитов – «Гроза», журнал методистов «Христианский поборник», православные «Миссионерское обозрение» и «Сеятель», баптистские издания «Вера и жизнь» и «Баптист», выходящий в Риге печатный орган адвентистов «Маслина», выпускавшийся с 1908 г. журнал Оренбургского магометанского духовного собрания «Маглумат махкаман шаргия» («Известия Духовного собрания»), выходившая в свет в период с 1883 по 1918 г. в Бахчисарае и служившая печатным органом тюркоязычного населения Российской империи газета «Тарджиман», а так же иностранная пресса: официальный печатный орган Святого Престола «L'Ossevatore Romano», выходящая с 1880 г. французская христианская утренняя газета «La Croix», консервативная польская ежедневная общественно-политическая газета «Czas», еженедельная газета на еврейском языке, выпускавшаяся в Вильно, «Гейд-Газман», берлинская газета «Judische Presse», еврейский одесский еженедельник «Рассвет» и газета «Новый восход» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 200. Л. 4, 5).

Что касается Архива департамента, то, как показывают сохранившиеся в ГРИА запросы, датированные XIX – началом XX вв., он был востребован среди исследователей, которые занимались изучением современного состояния религиозной жизни России (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 78). Для темы данного доклада, в качестве примера, представляет интерес, запрос от служившего тогда присяжным поверенным при Московской судебной палате известного российского юриста, адвоката, специалиста в области канонического права и церковного правозащитника Николая Дмитриевича

Кузнецова (1863–1936) с просьбой разрешить работать «с материалами архива в связи с работой над книгой «Управление делами иностранных исповеданий в России»» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 78. Л. 65), первое издание книги «Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии» вышло в свет в Ярославле в 1898 г.

5. Заключение

Таким образом, в данной статье на основе ранее не опубликованных документальных материалов из Российского государственного исторического архива, касающихся деятельности Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, удалось показать, что обязанности чиновников данного Департамента носили гораздо более разнообразный характер и не были ограничены исключительно контролем за религиозной жизнью страны и ее правовым регулированием. В стенах Департамента на основе регулярных донесений и ответов на запросы чиновников накапливалась информация из различных ведомств и губерний Российской империи, которая позволяла его служащим проводить работу по анализу данных о текущем состоянии представленных в России религий, неправославных церквей, религиозных организаций и миноритарных религиозных групп, а также делать выводы об особенностях российского вероисповедного законодательства и практике его правоприменения. Результаты этой работы находили свое отражение в научных исследованиях и публикациях чиновников Департамента. Важным и необходимым условием, обеспечивающим качество и глубину исследовательской работы в Департаменте, было наличие при нем систематизированной и целенаправленно пополняемой профильной литературой специализированной научной библиотеки, газетного стола и архива, доступ к материалам которого в начале XX века имел широкий круг исследователей церковно-государственных отношений в России. Все перечисленные выше факты позволяют сделать вывод, что Департамент духовных дел иностранных исповеданий можно рассматривать в качестве одного из важных, но пока недостаточно исследованных, центров по изучению религии в дореволюционной России.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект №16-18-10083

Литература

- Бондарь, 1911 – Бондарь С.Д. Адвентизм 7-го дня. СПб., 1911. 101 с.
- Бондарь, 1911а – Бондарь С.Д. Современное состояние русского баптизма. Записка. СПб., 1911. 66 с.
- Бондарь, 1911b – Бондарь С.Д. Английская епископальная церковь. СПб., 1911. 100 с.
- Бондарь, 1916 – Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Очерк. Пг., 1916. 207 с.
- Бондарь, 1911 – Бондарь С.Д. Секта хлыстов шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих. Краткий очерк. Пг., 1916. 96 с.
- Буткевич, 1913 – Буткевич Т.И. Протестантство в России (из лекций по церковному праву). Харьков, 1913. 234с.
- Горчаков, б/г – Горчаков, проф. Лекции по церковному праву, читанные в Санкт-Петербургском университете. 1894–1895 гг. Б/г.
- Дорская, 2001 – Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. 144 с.
- Красножён, 1900 – Красножён М.Е. Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан в России. т. I. Юрьев, 1900. 209 с.
- Кузнецов, 1898 – Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1898. Кн. 75. С. 65–104.
- Мельгунов, 1907 – Мельгунов С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Вып. I. М., 1907. 194 с.
- Одинцов, 2013 – Одинцов М.И. Думский вызов: религиозные свободы и вероисповедные реформы в Российской империи (1900 г. – февраль 1917 г.). М., 2013. 188 с.
- Тихомиров, 2007 – Тихомиров А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII-начале XX в. СПб., 2007. 353 с.
- Терюкова, 2013 – Терюкова Е.А. Российское законодательство начала XX в. о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С.163-176.
- Sokolov, 2007 – Sokolov A.R. The Department for Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the Ministry of the Interior // Foreign Churches in St. Petersburg and their Archives, 1703–1917. Brill, 2007. pp. 161-172.
- Werth, 2014 – Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths, Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014. 306 p.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.

References

- Bondar', 1911** – *Bondar' S.D.* (1911). Adventizm 7-go dnia. [Seventh Day Adventists]. SPb. 101 p. [in Russian].
- Bondar', 1911a** – *Bondar' S.D.* (1911). Sovremennoje sostoianie russkogo baptozma. Zapiska. [The current state of the Russian Baptism. Notes]. SPb. 66 p. [in Russian].
- Bondar', 1911b** – *Bondar' S.D.* (1911). Anglijskaia episkopalnaia tserkov'. [Anglican Episcopal Church]. SPb. 100 p. [in Russian].
- Bondar', 1916** – *Bondar' S.D.* (1916). Secta mennonitov v Rossii (v sviazi s istoriei nemetskoj kolonizatsii na iuge Rossii. [The sect of Mennonites in Russia (in view of the history of German colonization of the South of Russia)]. Pg. 201 p. [in Russian].
- Butkevich, 1913** – *Butkevich T.I.* (1913). Protestantstvo v Rossii (iz lektsii prochitannich po tserkovnomu pravu). [Protestantism in Russia (lectures on ecclesiastic law)]. Charkov. 234 p. [in Russian].
- Gorchakov, b/g** – *Gorchakov*. prof. Lektsii po tserkovnomu pravu, chitannie v Sankt-Peterburgskom universitete. [Lectures on ecclesiastic law delivered on the Saint-Petersburg University]. B/m, b/g. 189 p. [in Russian].
- Dorskaya, 2001** – *Dorskaya A.A.* (2001). Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoproektov nachala XX veka. [The Freedom of Conscience in Russia: the destiny of draft of bills on the early XX century]. SPb. 144 p. [in Russian].
- Krasnozhen, 1900** – *Krasnozhen M.E.* (1900). Inovertsi na Rusi. Polozhenie nepravoslavnykh hristian v Rossii [Unorthodoxies in Russia. Place of Unorthodoxies Christian in Russia]. Yuryev, v. I, 205 p. [in Russian].
- Kuznetsov, 1898** – *Kuznetsov N.D.* (1898). Upravlenie delami inostrannykh ispovedanii v Rossii v ego istoricheskom razvitii [Administration of affairs of foreign confessions in Russia in historical process] // Vremennik Demidovskogo iuridicheskogo litseia. Iaroslavl. Kn. 75. pp. 65-104 [in Russian].
- Mel'gunov, 1907** – *Mel'gunov S.P.* (1907). Tserkov' i gosudarstvo v Rossii. (K voprosu o svobode sovesti) [The Church and the State in Russia (Revisiting the Notion of the Freedom of Conscience)]. Moscow. V. I. 194 p. [in Russian].
- Odintsov, 2013** – *Odintsov M.I.* (2013). Dumskiy vizov: religioznye svobodny i veroispovedny reformy v Rossiiskoi Imperii (1900–1917) [Duma's challenge: religious freedom and religious legislation reform in the Russian Empire (1900–1917)]. Moscow. 188 p. [in Russian].
- Tichomirov, 2007** – *Tichomirov A.K.* (2007). Ketoliki, musulmane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII – nachale XX v. [Russian Catholics, Muslims and Jewish in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. SPb. 353 p. [in Russian].
- Teryukova, 2013** – *Teryukova E.A.* (2013). Rossiiskoe zakonodatelstvo nachala XX veka o veroispovednykh perehodakh [Russian legislation of the early XX century on the change of religion]. *Religiovedenie*. № 3. pp. 163-176.
- Sokolov, 2007** – *Sokolov A.R.* (2007). The Department for Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the Ministry of the Interior. Foreign Churches in St. Petersburg and their Archives, 1703–1917. Brill. pp. 161-172.
- Werth, 2014** – *Werth P.W.* (2014). The Tsar's Foreign Faiths, Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford. 306 p.
- RGIA** – Rossiiskii Gosudartvennii Istoricheskii Archiv [The Russian State Historical Archive].

УДК 322.2(470+571)+21(470)

Чиновники департамента Духовных дел иностранных исповеданий – исследователи церковно-государственных отношений в РоссииЕкатерина Александровна Терюкова ^{a, b*}^a Государственный музей истории религии, Российская Федерация^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе ранее не опубликованных документальных материалов из Российского государственного исторического архива, касающихся деятельности Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, показано, что обязанности чиновников данного Департамента носили разнообразный характер. Они не были ограничены исключительно контролем за религиозной жизнью страны и ее правовым регулированием. В стенах Департамента на основе регулярных донесений и ответов на запросы чиновников накапливалась информация из различных ведомств и губерний Российской империи, которая позволяла его служащим проводить работу по сбору и анализу данных о текущем состоянии представленных в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eaterioukova@mail.ru (Е.А. Терюкова)

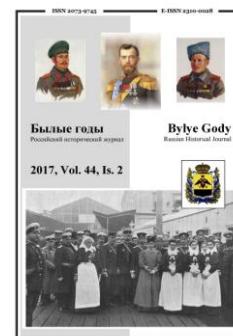
России религий, неправославных церквей, религиозных организаций и миноритарных религиозных групп, а также особенностям российского вероисповедного законодательства и его правоприменения. Результаты этой работы находили свое отражение в научных исследованиях и публикациях чиновников Департамента. Важным и необходимым условием, обеспечивающим качество и глубину исследовательской работы в Департаменте, было наличие при нем основанной в 1864 г. специализированной научной библиотеки, устроенного в 1909 г. газетного стола и архива. Научная библиотека была систематизирована и пополнялась профильной литературой. Доступ к материалам архива в начале XX века имел широкий круг исследователей церковно-государственных отношений в России. Все перечисленные выше факты позволяют сделать вывод, что Департамент духовных дел иностранных исповеданий можно рассматривать в качестве одного из важных, но пока недостаточно исследованных, центров по изучению религии в дореволюционной России.

Ключевые слова: департамент духовных дел иностранных исповеданий, церковно-государственные отношения в России, чиновники-исследователи.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 460-467, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.460
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:352(574.1)

Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department)

Gulzhan K. Yermenbayeva^{a,*}, Gaukhar Z. Balgabayeva^b, Otegen I. Isenov^b, Elmira K. Nauryzbayeva^b

^a Kostanay State University A. Baitursynov, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay State Pedagogical Institute, Republic of Kazakhstan

Abstract

On the basis of the legislation studying of 20–40th years of the XIXth century and taking into account new theoretical and methodological approaches, the issue of the traditional nomad system's transforming of the management by the Kazakhs of Orenburg administration in the first half of the XIXth century is considered in the article.

The administrative-territorial reforms provided the functioning of the new system of management. The highest stage in the system of military and administrative management by the Kazakh population belonged to Russian State administration, represented by Orenburg governor general and Orenburg boundary commission in the field. The position of the sultan-ruler was classified to the structure of the middle-level authority, distance and aul chiefs, which were represented by the Kazakh people, to the low-level.

The liquidation of Khan authority as a consequence of the consistent promotion of Russian structure of the authority in the extensive region led to a substitute of the traditional form of management by the nomads of new system of the administrative-territorial management. There were peculiar symbiosis of traditional nomad and Russian system of the political management by the society and definite merging of two heterogeneous political cultures.

Keywords: Orenburg governor general, boundary commission, traditional authority, administrative-territorial reform, Young Zhuz, khan's authority, sultan-ruler, distance, distance head, local (aul) chief.

1. Введение

По мере вовлечения казахского общества в орбиту влияния Российского государства характер взаимоотношений царского самодержавия с традиционными правящими элитами казахов трансформировался от практики абсорбирования отдельных султанов к полной отмене с конца 1860-х годов сословных привилегий всей элиты «белой кости».

В условиях формирования и укрепления суверенного государства Республики Казахстан, изучение истории, функциональной роли органов управления имеет научно-теоретическое и практическое значение. Обществом необходимо управлять на любом уровне общественного развития. Этот процесс связан с властью, с организацией отношения властвования. Создание новых дробных территориальных структур управления ставит задачи изучения не только имперской практики управления в регионе, но и поднимает новый пласт персоналий в новой истории Казахстана.

Проблема функционирования и трансформации казахского общества в первой половине XIX века актуальна и вызывает интерес у широкого круга исследователей и общественности, так как исторические реалии этого периода характеризуются кардинальными изменениями в общественно-

* Corresponding author

E-mail addresses: gulshan23@bk.ru (G.K. Yermenbayeva), balgabaeva.gauhar@mail.ru (G.Z. Balgabayeva), Utegen59@mail.ru (O.I. Isenov), elmira_kn@mail.ru (E.K. Nauryzbayeva)

политической жизни традиционного общества казахов, обусловленными воздействием официальной политики Российской империи.

2. Материалы и методы

Данное исследование строилось в соответствии с общепринятыми научными принципами исследования исторических процессов и конкретных событий – историзма, научности и объективизма. Основопологающим методом исследования является системный подход, который в состоянии рассмотреть многие вопросы исторического прошлого. Системный подход к административному строю любого государства диктует применение генетического метода, способствующего выявлению путей становления, развития и эволюции политико-административной структуры и определения ее места в общегосударственной архитектонике. При этом сочетались методы обстоятельного описания и сравнительно-исторического обобщения.

Основные исследовательские задачи, поставленные авторами, решаются на основе широкой источниковой базы. Это законодательные акты по административному управлению Казахстаном, материалы записей обычного права казахов, материалы, подготовленные Оренбургской ученой архивной комиссией, периодическая печать.

В ходе исследовательской работы неоценимую помощь оказали архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). В фондах ЦГА РК почти полностью сохранилось обширное делопроизводство, содержащее сведения, характеризующие внутреннюю жизнь казахского общества данного региона.

Авторами использованы материалы государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Это материалы по сбору плакатного налога, правила для жителей, проживающих за Оренбургской линией, указы об отпуске денег на хозяйственные нужды школ для казахских детей, учрежденных при Пограничной комиссии, об отпуске командировочных расходов представителям местной власти, различные прошения купцов и т.д.

3. Обсуждения

В казахстанской историографии проблема трансформации системы местного управления является частью проблемы русско-казахских отношений и имеет длительную историю изучения. Внимание к исследованию данной проблемы стало возрастать в тот период, когда перед царским правительством встал вопрос об административном закреплении данной территории, о введении в крае российской системы управления. Изучение проводили в основном офицеры Генерального штаба, чиновники Пограничной комиссии и ученые-востоковеды И.Ф. Бларамберг (Бларамберг, 1847), Л. Мейер (Мейер, 1865), А.И. Добросмыслов (Добросмыслов, 1900-1901), В.В. Григорьев (Григорьев, 1862) и другие.

В советской историографии проблема русско-казахских отношений гармонизировалась под лозунгом «дружбы народов». Разработаны были даже такие понятия как «абсолютное», «наибольшее» и «наименьшее зло».

Особое место среди работ, посвященных истории казахов Младшего жуза, занимают труды Е.Б. Бекмаханова (Бекмаханов, 1992), С.З. Зиманова (Зиманов, 1960), С.Е. Толыбекова (Толыбеков, 1971).

Расширение концептуальных подходов, применение новых методов исследований позволили современными ученым по-иному взглянуть на сущность многих явлений традиционного казахского общества и воздействия на них политики Российского государства. Огромная доля исследований, изучавших данную проблематику под различным углом зрения, приходится на работы Ж. Касымбаева (Касымбаев, 2000), С. Машимбаева (Машимбаев, 1994), Б. Абдрахмановой (Абдрахманова, 1998).

4. Результаты

Укрепляя национальную традицию абсолютной самодержавной власти, еще в начале XVII века Романовы постепенно уничтожают все формы местного самоуправления, и впредь страна управлялась исключительно царскими представителями (Витале, 2013: 21).

В первой половине XIX века складываются необходимые предпосылки реформировать систему управления в Казахстане. Этот вопрос становится одним из важнейших в деятельности пограничных властей Оренбургского края. Автором проекта реформы стал Оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен. В этой связи сразу же было принято решение об отмене ханской власти. По этому поводу видный русский чиновник В.В. Григорьев писал: «Убедившись долгим и дорогим опытом в непригодности для киргизов и вредности для нас ханского ими управления, окончательно упразднили ханское достоинство» (Григорьев, 1874: 5).

В те времена ханская власть была уже ослаблена и не могла обеспечивать беспрекословное подчинение населения Казахстана России. Постоянной борьбой за власть определенные трудности в управлении и подчинении казахов, создавали многочисленные султаны, происходившие из ханского рода.

В политической истории, как правило, отмена, ликвидация тех или иных властных институтов сопровождаются конкретными актами, которые фиксируют событие, обосновывают, придают ему юридическую силу. В случае с Младшим жузом актуально «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года (далее «Устав»), «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 года (далее «Положение»), указ «О переименовании степи зауральских киргизов, именуемых Малою Ордою, в Область оренбургских киргизов и о новом порядке управления сей областью» 1859 года.

В административной терминологии территория за Уралом, где жили казахи, называлась Зауральской ордой. Согласно так называемому степному управлению эта территория разделилась на три части – Западную, Восточную и Среднюю. Западная часть была представлена казахами из поколения Байулы, Средняя – поколением Жетыру и отчасти Алимуды, Восточная – поколением Алимуды, Кыпшаков и Аргынов. Позже территория частей для удобства управления была разделена на дистанции, а последние на аулы или местности. Каждая из частей имела следующее управление: частью управлял султан-правитель, дистанцией – дистанционный начальник, аулом или местностью – местный начальник. Высшее звено в системе военно-административного управления казахским населением принадлежало российскому государственному аппарату, представленному на местах Оренбургским генерал-губернатором и Оренбургской Пограничной комиссией.

Реформы хотя и сильно подорвали власть прежних родоуправителей и старшин, но не уничтожили ее окончательно. Родоуправители существовали практически в каждом роде, отделений и подотделений, а с образованием новых административных единиц многие из них смогли занять должности начальников. В докладной записке чиновник Н.С. Любимов отмечает: «...Принять за правило: определить в дистанционные и местные или аульные начальники не иначе как родона начальников и начальников разных отделений и подотделений киргизов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2833. Л. 3-15). Такое замечание было основано на том, что родона начальники пользовались большим влиянием и уважением, были хорошо осведомлены о положении и состоянии местного населения. С.З. Зиманов отмечает, что наряду с утвержденной официальной властью в казахской степи существовала и неофициальная власть, причем более авторитетная, чем первая. По его мнению «... борьба между представителями официальной и частной властей составляет характерную черту рассматриваемого периода. Общее направление политического развития казахского общества было таковой, что первая постепенно брала верх над второй» (Зиманов, 1960: 215).

Все должностные лица – султаны-правители, дистанционные и местные начальники назначались военным губернатором Оренбурга. Нельзя не отказать в определенной объективности Л. Мейеру, который не скрывает своей неудовлетворенности деятельностью правительства в организации управления в степи после отмены ханской власти. По его мнению, отсутствие совета при султанах-правителях привело к их бесконтрольности, отмена выборов местной власти – к игнорированию обычаев населения и т.д. (Мейер, 1865).

В 1820–1840-х годах основной акцент в административно-политической деятельности был перенесен на тех представителей, которые проявляли "стремление верно служить" интересам российского престола и проводить цели имперской политики в жизнь. Подобная корректировка курса выразилась в соответствующем законодательстве российских властей и конкретной практике государственно-административных преобразований в пределах Среднего и Младшего жузов, ориентировавшихся на привлечение к государственной службе только определенных частей султанского сословия. В данном случае четко прослеживается то, что султаны-чингизиды, стремясь к власти, не могли сами утвердить ее над казахским обществом, так как не имели социально-политической опоры, аппарата насилия и законодательного основания своей власти (Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 294). Институт султанов-правителей изначально был задуман как филиал пограничных властей, только с руководителями из местной элиты. Они были приравнены к российским чиновникам и теперь служили за вознаграждения и чины. Назначение и смещение их напрямую зависели от благосклонности к ним регионального российского начальства. Султаны-правители освобождались от налогов и различных повинностей. Им было предоставлено право взимать в пользу властей налоги. Значительные судебные-исковые дела также проходили через руки султанов-правителей и биев. Султанам-правителям было установлено жалованье.

Власть султанов-правителей подкреплялась казачьим отрядом, который следовал за ними во время кочеваний и исполнял их распоряжения. Присутствие русских вооруженных отрядов при ставках султанов было закреплено Положением 1844 года. Так, из отчета Пограничной комиссии по управлению Оренбургскими казаками известно, что в 1845 году в распоряжении султана-правителя Западной части Баймухамеда Айшуакова находился отряд из 105 казаков, у султана-правителя Средней части Арыстана Жанторина и султана-правителя Восточной части Ахмета Жанторина отряды состояли из 138 казаков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 367. Л. 52-54).

Главными обязанностями султанов-правителей являлись «надзор за поведением киргизов, содержание их в порядке и всегдашней верности и послушании правительству; а также собрание, по возможности, вернейших сведений о народонаселении, числе кибиток и скотоводстве состоящих в их ведении киргизов, и вообще приведение в исполнение мер, какие будут предписываемы комиссией. Султаны-правители должны влиянием своим и имеющимися в их распоряжении средствами

всемерно стараться об искоренении в степи баранты и вообще всякого самоуправства» ([Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 221](#)).

Несмотря на имевшее место взяточничество и поборы со стороны султанов-правителей, многие из них были людьми выдающимися по своему развитию, пониманию долга и службы. Несмотря на то, что большинство из них являлись ревностными чиновниками Пограничной комиссии, именно султаны-правители способствовали развитию школьного образования, торговли, переходу казахов к оседлому образу жизни и развитию земледелия, введению оспопрививания среди степных жителей, искоренению в степи барымты и других изживших себя обычаев.

Вопрос о власти всегда начинается с рассмотрения ее носителей. На должность султанов-правителей назначались бывшие потомки Абулхаир хана. Так, в Западной части султанами-правителями были внуки и правнуки Абулхаира: Каратай Нуралиев, Шингалий Орманов, Баймухамед Айшуаков, Мухаметкалий Тяукин. В Средней части султанами-правителями были также внуки и правнуки Абулхаира – Темир Ералиев, Медеткалий Турдалиев, Мата Мухаметкалиев, Юсуф Нуралиев, Арыстан Жанторин, Мухаметжан Баймухаметов. В Восточной части султанами-правителями были – Жума Кудаймендиев – племянник хана Каипа, Жанторе Жигангеров – внук хивинского хана Каипа, Шотай Бахтыгереев – потомок хана Аблая, Ахмет Жанторин – сын Жанторе Жигангерова, Магомет Жанторин – брат султана-правителя Ахмета Жанторина. Помощниками первых султанов-правителей были: в Западной части – Шингалий Орманов, в Средней части – Медеткалий Турдалиев, в Восточной части – Жаншуак Кудаймендиев.

К 1840-м гг. султаны-правители представляли собой реальный фактор влияния России в Младшем жузе, хотя их чингизидское происхождение, вероятность тайных контактов со сторонниками ханской власти в аульных общинах временами порождали негласное подозрение оренбургского начальства. Все же в лице высшей прослойки степного чиновничества, их близкого окружения, из числа которых комплектовался штат новых служащих для степной администрации, правительство уповало в их лице видеть верных его интересам людей ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1619. Л. 2-6](#)). Формулярные списки должностных лиц позволяют нам судить о том, как преданно они служили русскому правительству. Эти документы отражают степень участия должностных лиц во всех событиях, происходивших в казахской степи в XIX веке. Так, султан-правитель Западной части Баймухамед Айшуаков, за все время своего правления отличился хорошей службой, за что в 1832 году имел от Оренбургского военного генерал-губернатора в подарок золотой перстень с эмалью, в том же году «за усердную и ревностную службу» был награжден золотой медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие». Венцом служебной карьеры султана-правителя явилось присвоение ему как представителю азиатской окраины довольно высокого военного чина генерал-майора ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 4](#)). В отчетах Пограничной Комиссии отмечаются султаны-правители Мухаметжан Айшуаков, Ахмет Жанторин, Арыстан Жанторин, которые «старались сколько обстоятельства Орды позволяют оказывать свое усердие, исполняя предписания пограничного начальства».

Простой народ в душе не одобрял установления нетрадиционной власти, что выражалось в больших и малых выступлениях. Так, историк Оренбургского края С. Севастьянов писал: «Несмотря на поддержку со стороны России, султаны-правители среди киргизов не имели выдающегося значения... мятежные киргизы не только не уважали власть султанов, даже просто их убивали. Как это случилось с султаном Джантюриным» ([Асипулы, 2001: 96](#)).

Царское правительство, вплотную занимаясь территориальным устройством края, в 1831 г. вводит дистанционную систему управления. Введение дистанционной системы, по мнению А.Ф. Рязанова, связано с нестабильным положением на границе: «изучив на месте систему охраны пограничной линии, полковник Генс ею крайне не доволен и нашел, что она совершенно не устраняет опасности от внезапных нападений со стороны орды» ([Идрисов, 1997: 42](#)).

В связи с принятием «Положения» 1844 года значение дистанций возрастает, как одного из основных инструментов управления местным населением. В условиях, когда количество русских укреплений в степи было еще относительно немного, дистанционные начальники становились главными проводниками имперской политики. Дистанционная система, являвшаяся одним из элементов механизма действия Российского самодержавия в оренбургской степи, совпавшая с периодом ослабления родовой системы в казахском обществе, ростом разобщенности среди родоуправителей, старшин и султанов, сыграла свою роль в процессе усиления зависимости казахского населения. Именно она позволила, несмотря на все трудности, сопутствующие введению административного деления по территориальному принципу в кочевой среде со всеми присущими особенностями номадизма, достаточно жестко контролировать на протяжении второй четверти XIX века ситуацию в казахской степи Оренбургского ведомства. Должность дистанционных начальников впервые введена в Западной части. Начальниками стали султаны и старшины У. Нуралиев, Т. Шахгазин, Б. Бутанбаев, У. Санкибаев, Е. Янмурзин, А. Исергалиев, У. Айшуаков, М. Баймурамедов, А. Сьонгалин, И. Абылов ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1614. Л. 42](#)).

Более мелкой единицей административного управления были аулы (местности), возглавляемые аульными (местными) начальниками. «Киргизы редко кочуют большим числом в одном месте, ибо стадам их тогда бывает тесно; но составляли общества из нескольких семейств,

связанных родством или взаимными выгодами... Такое подвижное селение называют они аулом» встречаем у А.И. Левшина (Левшин, 1996: 24).

Функциональные обязанности дистанчных и местных начальников в принципе совпадали, каждый выполнял свою службу на вверенной ему территории. Они должны были отслеживать поведение своих соплеменников и удерживать от всяких «неприятных поступков» против линейных жителей, ибо все являлись «поданными одного государства», а в «случае междоусобных ссор и обид» изыскивать меры к их «примирению». Но в каждом случае «неповиновения» должны были оперативно докладывать и представлять виновных пограничному начальству. Кроме того они контролировали, чтобы никто самовольно не поселился вдоль линии без их «сведений» и согласия пограничного начальства и имели право выслать своего соплеменника «...от вверенного им пространства», если он «... по каким бы то ни было причинам, не хотел или не признавал русскую власть» (Добросмыслов, 1900-1901: 493).

Аульные (местные) начальники в отличие от других должностных лиц выполняли свои обязанности не за жалованье, а за «временные выдачи в виде наград тем из них, которые будут отличаться усердием и деятельностью в исполнении своих обязанностей» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2268. Л. 134-141).

Аульные (местные) начальники постепенно превращались в главное административное звено, через которое контролировалось все происходящее в обширном крае. Такой поворот имел целью ускорить ослабление правовых функций султанов-правителей, сужение сферы административно-управленческих возможностей султанов-правителей в решении повседневных нужд кочевников. А потому с достоверностью и полнотой информацией аульных начальников увязывалось очень многое, что сдерживало или наоборот форсировало тактику действий России. Сплошь и рядом местные начальники носили звания бия. Правда, встречались среди них и старшины, но их в первой половине XIX века было мало. Бии занимали ступеньку ниже сословия султанов. После отмены ханской власти они стремились упрочить свои позиции за счет ослабления роли султанов, в особенности в политической жизни общества. Надо сказать, что они добились в этот период некоторых успехов (Зиманов, 1960: 196). Местные начальники впервые вводятся также в Западной части, в каждой дистанции было примерно по 5–6 местных начальников. Среди местных начальников можно назвать К. Карабакова, И. Чанетова, Т. Назаралиева, У. Юлгарова, Б. Асанова – в 1 дистанции; во 2-й дистанции – А. Сабаков, Т. Жанабеков, Д. Альмамбетов, И. Турдугулов, Д. Кыставов; в 3-й дистанции – Б. Калкаманов, И. Избасаров, С. Сартаев, М. Сансызбаев, Т. Аллабергенов, С. Мурзатаев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д.1641. Л. 2-18).

Одним из первых мероприятий Оренбургской Пограничной комиссии по управлению казахами было урегулирование отношений между казахами и пограничными жителями. Так, в 1825 году Комиссия составила правила для жителей, проживающих за Оренбургской линией. В правилах содержались установки для линейных начальников, которые обязаны были не допускать воровства, пленения и хищничества с обеих сторон (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-5).

Казахам-кочевникам издавна была свойственна территориальная общность группы расширенных общин по организации и регулированию межобщинных отношений. Функцией территориальной общности являлась регламентация экономических, а порой и неэкономических отношений целой группы расширенных общин, обусловленных общностью пастбищных угодий и совместным выпасом скота в теплое время года.

С началом правового регулирования системы землепользования и землевладения, вся прежняя система начинает испытывать большие сложности.

Султаны-правители наметили весьма условные границы своих так называемых владений, что не внесло ничего нового в земельные отношения среди основной массы кочевого населения (Толыбеков, 1971: 379). Части оказались неравномерными как по занимаемой площади, так и по количеству населения. «Устав» 1824 года и «Положение» 1844 года ограничивали самовольную перекочевку казахов с одной части в другую.

Система дистанчного управления, повлекла за собой появление трудностей, связанных с регулированием земельных отношений. Несмотря на то, что устройство дистанции осуществлялось с учетом традиционного размещения на зимовках казахских родов, в прилинейных дистанциях произошло смешение родовых групп. Территории дистанций часто оказывались разорванными, в результате образовывалась чересполосица, приводившая к помехам в управлении подведомственным населением, которое оказывалось на значительном удалении от начальства. В первой половине XIX века земельные ограничения, споры о пастбищах и водопоях, взаимные претензии приводили к невиданному расцвету барымты, приобретающей угрожающие масштабы.

Среди комплекса мероприятий социально-экономического и политического характера, осуществленных царской властью, по значимости и результативности воздействия следует выделить систему налогообложения. «Положение» 1844 года разработало новую систему сбора налогов и определило следующие их виды: «а) Плакатный сбор, по 15-ти коп. серебром в месяц, за билеты, выдаваемые киргизам, нанимающимся у линейных и внутренних жителей в работники и находящиеся вне степи в отлучке от своих жилищ. б) Сбор штрафных денег за просрочку билетов, по 30-ти коп. серебром за каждый месяц. в) Сбор с киргизов, именуемый кибиточным, по 1-му руб.

50 коп. серебром в год с каждой кибитки» ([Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 91-92](#)).

Рядовое кочевое общество оказалось под двойным налогообложением – российской системы и традиционной. Если прежде различные налоговые сборы и повинности в пользу ханов и султанов носили в основном добровольный характер, были нерегулярными и незначительными, то отныне установилась жесткая фискальная зависимость всех социальных групп казахского общества от государства.

Сбор кибиточной подати с казахского населения Оренбургского ведомства был возложен на представителей местной власти и производился следующим образом: с наступлением времени сбора «... разсылаются с нарочными ко всем дистаночным и местным начальникам, печатные циркулярные предписания... с приложением нужного количества печатных тоже на двух языках квитанций и шнуровых книг для их записки...» ([Масанов, 1984: 109](#)). Сбор кибиточной подати с самого начала ее ввода производился строгими мерами: высылались карательные отряды, командировались чиновники особых поручений, неплательщиков подати заключали под стражу, отбирали скот, имущество и т.д. Устанавливался весьма жесткий контроль для выявления случаев утайки кибиток ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 437. Л. 9](#)).

Одной из сложных и обширных в деятельности местных властей была судебная функция. С введением русских административных порядков в Оренбургском крае, систематизированных «Положением» 1844 года, изменились форма устройства суда, правовые понятия о видах преступлений и мерах наказания, резко ограничилась процессуальная самостоятельность суда биев.

Фактически суды биев продолжали рассматривать большинство категорий общеуголовных преступлений, совершенных казахами. Дела от казахов в общеимперские органы поступали в очень незначительном количестве. Нередко само царское правительство обращалось к суду биев за разбирательством значительных категорий уголовных дел казахов, подлежащих к подсудности общеимперских судов. Так, при введении «Положения» 1844 года Оренбургский губернатор был вынужден учредить специальную комиссию сроком на два с половиной года для окончания 5 тыс. уголовных и гражданских дел, накопившихся в Оренбургской Пограничной комиссии. Основные категории этих дел были связаны с барымтой, грабежами и убийствами.

В своей «Записке о судебной реформе» Ч. Валиханов называет деструкцию судопроизводства «бедствием» для казахского народа: «Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособлена к национальному характеру того общества, для пользы которой она принята» ([Валиханов, 1985: 95-96](#)).

Начало второй половины XIX века – время реформ в России, основная из которых, несомненно, отмена крепостного права. Не могли реформы не затронуть основ административного управления степным краем. В связи с включением всей территории Казахстана в состав Российской империи, были унифицированы ранее созданные органы административного управления краем, и выработана единая для всего населения региона система государственно-административного господства российского самодержавия в данном номадном ареале. Согласно "Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства" вся рассматриваемая нами территория делилась на три генерал-губернаторства: Оренбургское, Западно-Сибирское и Туркестанское. Те, в свою очередь, делились на области. Территория современного Казахстана была поделена на 6 областей (Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Сырдарьинская), последние – на административные уезды, каждый уезд – на волости, а волость – на административные аулы. Губернаторством по-прежнему руководил генерал-губернатор, областью – вице-губернатор, уездом – уездный начальник. Полностью ликвидировалось влияние казахских султанов – представитель родовой верхушки мог претендовать максимум на должность младшего помощника уездного начальника. Суды биев были сохранены только на уровне аула. Выше действовали уездный и военный суды, осуществлявшие правосудие на основе общеимперских законов.

5. Заключение

Ликвидация ханской государственности вследствие последовательного утверждения в обширном крае российской структуры власти привела к замене традиционной формы правления кочевниками российской системой административно-территориального управления. Политический режим, существовавший в Младшем жузе, находился под постоянным воздействием 2-х сил: с одной стороны, он отразил исторический путь и социально-экономическое положение казахского общества, с другой, политику высших органов империи и местных властей.

Административно-территориальные реформы обеспечили функционирование новых систем управления, закрепили окончательное вхождение Казахстана в состав России и явились механизмом регулирования внутренней жизни казахского общества. Традиционное общественное устройство казахов не было застывшим устройством, в его среду проникают инновации, постепенно

трансформируясь в традиции. Казахское общество сумело сохранить национальный смысл, отнюдь не сводимый только к номадизму и традиционализму. Сторонники традиционализма порой забывают о коварном свойстве истории, что и традиции когда-то были вызывающей неприятие новацией.

Литература

- Абдрахманова, 1998** – Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. 137 с.
- Асипулы, 2001** – Асипулы С. «Танталовы муки» Степи. Исторический эссе о колонизации. Алматы, 2001. 376 с.
- Бекмаханов, 1992** – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 400 с.
- Бларамберг, 1847** – Военно-статистическое обозрение. Т. 14, ч. 3. Земли Киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. Сост. Ген. Штаба полковник Бларамберг. СПб., 1847. 205 с.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. 461 с.
- Витале, 2013** – Витале А. Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // *Новейшая история России*, 2013, № 3.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области
- Гейнс, 1897–1898** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897–1898. 586 с.
- Григорьев, 1862** – Григорьев В.В. Письма из Зауральской степи. М., 1862. 21 с.
- Григорьев, 1874** – Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. СПб., 1874. 5 с.
- Добросмыслов, 1900–1901** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Вып. 1. Оренбург, 1900–1901. 524 с.
- Зиманов, 1960** – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Издательство Академии Наук КазССР, 1960. 294 с.
- Идрисов, 1997** – Идрисов Р.А. Дистанция в степи Оренбургского ведомства: опыт территориально-административного строительства в условиях колониальной империи // Саясат, октябрь, 1997.
- Касымбаев, 2000** – Касымбаев Ж.К. Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков. Алматы, 2000. 188 с.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Масанов, 1984** – Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 441 с.
- Мәшімбаев, 1994** – Мәшімбаев С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. Алматы: Санат, 1994. 136 б.
- Мейер, 1865** – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 288 с.
- Толыбеков, 1971** – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Abdrahmanova, 1998** – Abdrahmanova B. (1998). Istoriya Kazahstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustrojstvo v XIX veke. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana. 137 p. [in Russian]
- Asipuly, 2001** – Asipuly S. (2001). «Tantalovyi muki» Stepi. Istoricheskiy esse o kolonizatsii. ["Tantalov agony" Steppe. Historical essay on colonization]. Almaty. 376 p. [in Russian]
- Bekmahanov, 1992** – Bekmahanov E.B. (1992). Kazahstan v 20–40 gody XIX veka. [Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century]. Alma-Ata: Kazakh University. 400 p. [in Russian]
- Blaramberg, 1847** – Voenno-statisticheskoe obozrenie. [Military statistical survey]. V. 14, part 3. The land of Kirghiz-Kaisaks of the Orenburg department. Comp. Gene. Staff Colonel Blaramberg. St. Petersburg, 1847. 205 p. [in Russian]
- Valihanov, 1985** – Valihanov Ch. (1985). Sobraenie sochineniy v 5-ti tomah. [Valikhanov Ch. Collected works in 5 volumes]. V.4. Alma-Ata. 461 p. [in Russian]
- Vitale, 2013** – Vitale A. (2013). Rossiiskaja gosudarstvennost' v sravnitel'noi perspektive: russkaja tradicija i zapadnaja model' gosudarstvennogo ustrojstva [Russian Statehood in a Comparative Perspective: the Russian Tradition and the Western Model of State-Building]. *Modern history of Russia*, №3. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region]
- Gejns, 1897–1898** – Gejns A.K. (1897–1898). Sobraenie literaturnyh trudov. [Collection of literary works]. St. Petersburg. 586 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1862** – Grigor'ev V.V. (1862). Pis'ma iz Zaural'skoj stepi. [Letters from the Trans-Ural steppe]. M. 21 p. [in Russian]

- [Grigor'ev, 1874](#) – *Grigor'ev V.V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Srednej Azii. [Russian policy towards Central Asia]. St. Petersburg. 5 p. [in Russian]
- [Dobrosmyslov, 1900-1901](#) – *Dobrosmyslov A.I.* (1900–1901). Turgajskaya oblast'. Istoricheskij ocherk. [Turgay region. Historical essay]. Issue. 1, 11. Orenburg. 524 p. [in Russian]
- [Zimanov, 1960](#) – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskij stroj Kazahstana konca XVIII i pervoj poloviny XIX vekov. [The political structure of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX century]. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences KazSSR. 294 p. [in Russian]
- [Idrisov, 1997](#) – *Idrisov R.A.* (1997). Distancii v stepi Orenburgskogo vedomstva: opyt territorial'no-administrativnogo stroitel'stva v usloviyah kolonial'noj imperii [Distances in the steppes of the Orenburg department: the experience of territorial and administrative construction in the conditions of the colonial empire]. Policy, October. [in Russian]
- [Kasymbaev, 2000](#) – *Kasymbaev Zh.K.* (2000). General, sultan-pravitel' Bajmuhamed Ajshuakov. [General, sultan-ruler Baymuhamed Aishuakov]. Almaty. 188 p. [in Russian]
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej. [Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- [Masanov, 1984](#) – *Masanov N.Eh.* (1984). Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Kazahstana na rubezhe XVIII–XIX vekov. [Problems of socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Alma-Ata: Science. 176 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana, 1960](#) – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. V. 1. 441 p. [in Russian]
- [Mashimbaev, 1994](#) – *Mashimbaev S.M.* (1994). Patshalyk Resejdin otarlyk sayasaty. [The colonial policy of tsarist Russia]. Almaty: Sanat. 136 p. [In Kazakh].
- [Mejer, 1865](#) – *Mejer L.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. St. Petersburg. 288 p. [in Russian]
- [Tolybekov, 1971](#) – *Tolybekov S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. (Politiko-ehkonomicheskij analiz). [Nomadic society of Kazakhs in the XVII – early XX century. (Political-economic analysis)]. Alma-Ata: Science. 633 p. [in Russian]
- [CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan. [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]

УДК 94:352(574.1)

Трансформация традиционной власти казахов в составе Российской империи (на примере казахов Оренбургского вedomства)

Г.К. Ерменбаева^{a,*}, Г.З. Балгабаева^b, О.И. Исенов^b, Э.К. Наурызбаева^b^a Костанайский государственный университет имени А.Байтурсынова, Казахстан^b Костанайский государственный педагогический институт, Казахстан

Аннотация. На основе изучения законодательных актов 1820–1840-х гг. и с учетом новых теоретико-методологических подходов в статье рассматривается проблема трансформации традиционной номадной системы управления казахами Оренбургского вedomства в первой половине XIX века. Административно-территориальные реформы обеспечили функционирование новых систем управления. Высшее звено в системе военно-административного управления казахским населением принадлежало российскому государственному аппарату, представленному на местах Оренбургским генерал-губернатором и Оренбургской Пограничной комиссией. К структуре власти среднего уровня была отнесена должность султана-правителя, а к низовым звеньям – дистаночных и аульных начальников, занимаемых представителями казахского населения.

Ликвидация ханской власти вследствие последовательного утверждения в обширном крае российской структуры власти привела к замене традиционной формы правления кочевниками новой системой административно-территориального управления. Произошел своеобразный симбиоз традиционной номадной и российской системы политического управления социумом и определенное сращивание двух разнородных политических культур.

Ключевые слова: Оренбургский генерал-губернатор, Пограничная комиссия, традиционная власть, административно-территориальная реформа, Младший жуз, ханская власть, султан-правитель, дистанция, дистаночный начальник, местный (аульный) начальник.

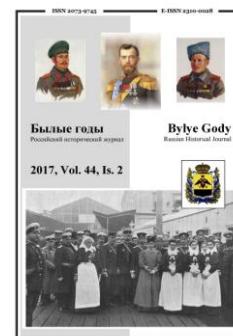
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulshan23@bk.ru (Г.К. Ерменбаева), balgabaeva.gauhar@mail.ru (Г.З. Балгабаева), Utegen59@mail.ru (О.И. Исенов), elmira_kn@mail.ru (Э.К. Наурызбаева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 468-477, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.468
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868)

Yerbol A. Galimov ^{a, b}*, Galina N. Ksenzhhik ^a, Nurlan A. Atygayev ^{a, b}, Ulzhan Z. Tuleshova ^b

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and ethnology, CS MES RK, Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

From the middle of XVIII century Kazakhstan had gradually become the part of the Russian Empire. The introduction of Kazakhstan in the administrative-territorial structure of the Empire happened slowly and with the use of effective policy by the tsarist authorities. The beginning of this policy was the elimination of the traditional power in the steppe. As noted by the modern researchers, in the incorporation of other peoples into a single political and social system of the Empire the important role play intermediaries. On the one hand are agents, sent by the Imperial authorities, governors, generals, tax collectors, on the other hand – representatives of the local nobility. Co-optation of local elites and sending settlers were strategies that rely on social relations of the intermediaries to ensure their cooperation. Administrative reforms in the first half of the XIX century in the Kazakh steppe has created a new management system with the faithful sultan-rulers, distance chiefs, volost and aul chiefs who became the first Kazakh officials. These reforms have brought to the foreground the representatives of the Kazakh elite, who are organically incorporated into the management system of Imperial Russia in searching of the best posts and content. Along with this, for the Kazakh elite was crucial to maintain their privileges and power in the steppe. But now, in order to retain influence in the Kazakh society, they had in the first place, loyalty to serve the Russian government as well as to have personal abilities and skills to draw their tribe to the service of the Empire.

Keywords: sultan-rulers, Russian Empire, accession, administrative reforms, the elimination of traditional authorities, the Kazakh steppe, Imperial power, officials.

1. Введение

Со сменой поколения и власти, взгляды на историю тоже меняются. Россия, которая некогда воспринималась как государство русских, как «только Россия», предстает в работах современных исследователей как амальгама языков, культур и традиций (Герасимов, Глебов, 2004). Как утверждает известный исследователь А. Капеллер, история Российской империи – история мультиэтническая (Kapeller, 2001). Начиная с середины XVIII века Казахстан также становится частью этой огромной империи. Внедрение Казахстана к административно-территориальной, социальной сущности империи происходило медленно и с применением эффективной политики со стороны царской власти. Началом этой политики стала ликвидация традиционной власти в степи. Как отмечают современные исследователи, в инкорпорации других народов в единую политико-социальную систему империи важную роль играют посредники. С одной стороны это агенты, посланные имперской властью, губернаторы, генералы, собиратели налогов, а с другой – представители местной знати. Кооптация местных элит и отправка поселенцев были стратегиями,

* Corresponding author

E-mail addresses: erbol-090@list.ru (Y.A. Galimov), migkz@ya.ru (G.N. Ksenzhhik), nuratygaev@mail.ru (N.A. Atygayev), uljant@mail.ru (U.Zh. Tuleshova)

полагающимися, собственно, на социальные связи посредников, чтобы обеспечить их сотрудничество (Burbank, Cooper 2010: 13).

Административные реформы первой половины XIX в. в Казахской степи создали новую управленческую систему в лице «верных» султанов-правителей, дистанционных начальников, волостных и аульных старшин, ставших первыми казахскими чиновниками. Введение дробных административно-территориальных единиц выдвинуло на первый план представителей казахской знати, которые в поисках лучшей должности и содержания органично инкорпорировались в управленческую систему имперской России (Казахские чиновники, 2012). Наряду с этим, для казахской знати было важно сохранить свои привилегии и власть в степи. Но теперь, чтобы сохранить влияние в казахском обществе, они должны были в первую очередь, верностью служить российскому правительству, также иметь личные способности и умения привлечь свой род, отделение или племя на службу империи.

В ходе административных реформ начала XIX века управленцами в степи были назначены султаны – представители степной элиты, местная аристократия. В Младшем жузе их называли султанами-правителями. С приобретением власти султаны, являясь чиновниками имперской власти, стали полноправными управителями в степи. По сути, они с помощью империи обрели власть, которой у них никогда не было. Рассмотрение института султанов-правителей как социального явления, присущего истории этого края, поможет глубже понять особенности механизма вхождения рассматриваемого региона в целостную систему империи.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирическую основу данного исследования можно разделить на две группы: законодательные акты Российской империи («Устав об Оренбургских киргизах» 1824 г., «Положение» 1844 г. и т.д.) и архивные документы (формулярные и послужные списки султанов-правителей, переписки между российскими и казахскими властями, документы личного характера).

2.2. Методологическая основа исследования опирается на общенаучные методы синтеза, логического анализа, а также на сравнительный и сопоставительный анализы, биографические методы. В ходе работы над материалом также применялись методы социальной истории.

3. Обсуждение

Говоря о степени разработанности данной темы, сразу же оговоримся: ни в русской историографии XIX – начала XX веков, ни в советской исторической науке, ни даже в исследованиях независимого периода Казахстана, если даже были рассмотрены некоторые аспекты данной проблемы, она не стала объектом специального изучения исследователей. Ввиду того, что к изучению социальной истории Российской империи применяются новые подходы, и она несколько изменило свои направления, этот вопрос также актуализируется. В сопоставительном плане, в изучении Младшего жуза применительно к той эпохе мы можем констатировать наличие разножанровых публикаций по различным аспектам.

В современной исторической науке также актуальным является исследование механизма вхождения иноэтнических групп в социально-политическую сферу влияния Российской империи. В связи с этим, наибольший интерес представляют работы таких авторов как Джейн Бурбанк и Фредерик Купер (Burbank, Cooper, 2010), А. Капеллер (Kapeller, 2001), Г. Фриз (Freez, 1986) и т.д.

Также имеется ряд исследований по общим социально-экономическим процессам Младшего жуза, где можно проследить вопросы по теме нашего исследования. К числу не многих работ в русской историографии, не лишенных своей ценности и в наши дни, можно отнести труды Л. Мейера (Мейер, 1865), А.И. Добросмылова (Добросмыслов, 1902), И.И. Крафта (Крафт, 1898), М.А. Терентьева (Терентьев, 1906). Из советских и современных казахстанских авторов важными являются работы С. Зиманова (Зиманов, 2009), Б. Абдрахмановой (Абдрахманова, 2010), Ж. Касымбаева (Касымбаев, 2000), Г. Султангалиевой (Султангалиева, 2009, 2012, 2016), которые также были использованы при написании данной статьи. Особенно стоит отметить работы Г.С. Султангалиевой, в которых прослеживается механизм вхождения местной элиты в чиновнический аппарат российской империи и освещение проблемы восприятия власти казахскими администраторами.

4. Результаты

Власть, господство одних над другими, политика, обусловленная волей властьдержателей, право и закон, о справедливости или несправедливости, которых не все могут и смеют судить, но все члены одного общества обязаны подчиняться – это наиболее насыщенные эмоциями сферы жизни человеческих сообществ. «Эмоциональность» еще более усиливается, когда члены одного общества – суверенного этнокультурного образования – в силу определенных обстоятельств, попадают под власть другого и бывают вынуждены подчиняться законам, правилам и нормам, диктуемым господствующими структурами «другого» в расовом, языковом, религиозном, мировоззренческом, хозяйственном, технологическом отношениях общества (Абдрахманова, 2007: 4).

Российская империя имела свои цели в покорении Средней Азии и Казахстана: установление торговых путей через казахские земли со среднеазиатскими странами, присоединение всей, некогда

принадлежавшей к Монгольской империи территории, приближение к Индии и т.д. И в 30-е годы XVIII века началось юридическое оформление принятия подданства России казаками Младшего жуза. К этому времени русские власти имели очень слабое представление о территории и населении казахских земель, об их экономическом, политическом, социальном облике и взаимоотношениях с другими государствами. Поэтому они посчитали правильным действовать через местную власть, то есть ханов. Но на практике очень скоро выясняется, что власть хана над казахским обществом весьма ограничена в пределах своего влияния. Очевидно, что по прошествии некоторого времени, перед русскими администраторами стали проявляться своеобразные черты казахского общества, свидетельствовавшие о слабом уровне государственно-политического развития и международно-правовых представлений. Естественно, что российское правительство распознало хорошую возможность – использовать эту «слабость» в своих целях (Абрахманова, 2007: 10).

Выяснив природу ханской власти у казахов, царское правительство начало обращать внимание на султанов – представителей кочевой элиты. Султаны также изъявляли желание о принятии подданства империи и, хотя со стороны русского правительства в секретных обращениях к местным властям высказывались сомнения в правдивости того или иного волеизъявления в способности выполнить обязательства, все же прошения удовлетворялись (Крафт, 1898: 8-45). Но казахи не придавали этим документам того значения, которое вкладывало в них русское правительство. Хотя местные власти принимали подданство империи, в реальности казахское общество продолжало существовать независимо, имея своих правителей и законы.

В связи с этим, теперь российская власть меняет свою политику в отношении казахских земель. Начинается внедрение казахской степи в целостную административно-территориальную систему империи. Эти изменения в политике царской власти по отношению к казахской степи у дореволюционного автора Терентьева описываются следующим образом: «...вместо необременительного для них покровительства, они нашли власть, вначале, правда, снисходительную, но потом строгую, требовавшую полного подчинения и порядка» (Терентьев, 1902: 44).

Царская власть пыталась разрушить традиционную систему управления в степи и, наконец, реально внедрить ее в состав русской империи. Для реализации этой цели имперское правительство проводило немало мероприятий, многие из которых были довольно эффективными. Тем не менее, для реализации некоторых из них нужны были определенные обстоятельства, созревшие только в середине 20-х годов XIX века. Это был период, когда царское правительство утвердилось в своем мнении, что изменение ситуации в Центральной Азии в целом должно ввести свои коррективы и в позиции многонационального государства, касательно вероятных изменений его стратегической линии, побуждая его действовать эффективнее. Значительные шаги Российская империя начала с территориально-административных реформ, которые кардинально изменили весь облик казахского общества. Территориально-административная реформа, с целью введения казахских подданных в имперскую систему, была впервые апробирована в Среднем жузе 1822 году. Несмотря на некоторые последствия, в целом, этот проект можно считать успешным. Такое же изменение, но уже с другой спецификой было осуществлено и в Младшем жузе в 1824 г.

Суть этого проекта заключалась в упразднении ханской власти в «Малой орде» и разделении казахской степи Оренбургского ведомства на три части: Западную, Среднюю и Восточную. Во главе каждой части, по замыслам Эссена, должен находиться султан, назначенный царским правительством, выборность отсутствовала. Причем военный губернатор обязывал при назначении султанов подписывать письменный договор с царским правительством (Масевич, 1960: 197-228). Однако они использовали традиционные формы и методы управления, что вполне соответствовало общей политике российских властей, не стремившихся к форсированному подчинению казахов. Поэтому султаны-правители и были призваны, с одной стороны, использовать традиционные методы управления, а с другой, – проводить российскую политику, главную цель которой на тот момент составляло «умиротворение» казахов. Таким образом, институт власти султанов-правителей стал одним из инструментов, которые помогли российской администрации утвердить свою власть в Казахстане (Горбунова, Нафикова, 2013: 33).

Жалованье султану-правителю определено по 100 руб. в месяц и 60 четвертей муки в год. При них находились помощники, письмоводители, рассыльные, частью получающие жалованье, частью кормящиеся за счет населения. Султанам разрешено было наказывать казахское население, а также каждому из них выделен отряд казаков в 200 человек с офицерами для обеспечения их личного спокойствия и защиты Российских границ (Материалы для географии и статистики России, 1865: 42-50). В августе 1824 г. были назначены султаны-правители. Каждому из них были вручены символические знаки власти – знамя с императорским гербом и золотые сабли. Кроме того, им были даны специальные письменные инструкции, которыми они должны были руководствоваться в управлении.

Административно-территориальное разделение земель казахов Младшего жуза, наделение султанов исполнительной властью от русского правительства с назначением им жалованья, сразу же дали ощутимые результаты в подчинении казахов русской администрации. К примеру, султан Каратай Нуралиев, долгие годы являвшийся ярлым противником русской власти и, доставлявший немало хлопот из-за того, что не были удовлетворены его претензии на ханскую власть, став

султаном-правителем Западной части орды, действовал успешно в исполнении распоряжений начальства. В данном случае ярко проявилось то, что султаны-чингизиды, стремясь к власти, не могли сами утвердить ее над казахским обществом так как не имели социально-политической опоры, аппарата насилия и законодательного основания своей власти (Абрахманова, 2010: 178).

В итоге, в 1824 г. Младший жуз был разделен на три части. В Восточной части большинство населения составили выходцы из поколения «Аргын» во главе с султаном-правителем Жума Кудаймендиевым; Средняя часть формировалась из поколения «Жетыру» и возглавлялась Темиром Иралиевым; а в состав Западной части вошли, преимущественно, аулы из поколения «Байулы», управляемые Каратаем Нуралиевым. Родовые объединения поколения «Алимулы» распределялись между двумя последними частями (Зиманов, 2009: 221).

Обязанности султанов-правителей и других местных чиновников определялись следующим образом: «Надзор за поведением киргизов, содержание их в порядке и всегдашней верности и послушании правительству, а также собрание по возможности вернейших сведений о народонаселении, числе кибиток и скотоводстве, состоящих в их ведении киргизов, и вообще приведение в исполнение мер, какие будут предписываемы комиссиею. Султаны-правители должны влиянием своим и имеющимися в их распоряжении средствами всемерно стараться об искоренении в степи баранты и вообще всякого самоуправства» («Положение» от 14 июня 1844, §46 и 47). Кратко их деятельность можно изложить так: «Управлять, чтобы проводить царскую политику в степи» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1, Д. 245, Л. 4).

Разделение орды было проведено в зависимости от расселения родов и влияния среди них султанов-правителей. В результате такого положения возникала неравномерность в распределении пространства и населения между отдельными частями орды. Так, к 1843 г. Западная часть охватывала территорию с населением 76 тыс. кибиток, а Восточная часть имела лишь около 18 тыс. (ЦГА РК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 2833, Л. 70). Это также показывает гибкую политику Российской империи, которая в политике внедрения определенного региона всегда учитывала их особенности.

Для характеристики власти султанов-правителей отметим два обстоятельства. Первое – это то, что они назначались из султанов, принадлежавших поколению Абулхаир хана. Из-за падения престижа султанов в Младшем жузе и попыток захвата власти местными феодалами, они могли оставаться у власти, только опираясь на силу и поддержку пограничных властей. Это можно проследить в том, что при каждом султано-правителе, в целях его безопасности, находился военный отряд в 100–200 человек, который охранял и постоянно сопровождал его в разъездах по степи. Также, основные ставки султанов-правителей были расположены не в степи, а в пограничной полосе. Другим фактором, определявшим характер власти султанов-правителей, являлось то, что они с самого начала создавались как филиал или база Пограничной комиссии в степи, обязанные исполнять ее поручения.

Власть в Младшем жузе сосредотачивалась в руках султанов-правителей, находившихся в непосредственном подчинении Оренбургской губернской администрации и, в тоже время, не обладавших полной властью и среди казахского общества. Они выполняли распоряжения Пограничного начальства и назначались на должность Оренбургской администрацией. Султаны-правители, заменившие ханов, сохранили большую часть недостатков ханской власти. Разница была лишь в том, что прежде был всего один хан, а теперь степью управляли сразу три чиновника. Они не пользовались расположением народа, наглядным доказательством чего могло служить то обстоятельство, что для охранения их во время летнего передвижения по степи, находили необходимым иметь при них конвой, а иногда целые казачьи отряды (Бекмаханов, 1957: 187).

Таким образом, султаны-правители не только полностью были под контролем Оренбургской Пограничной комиссии, но еще и нуждались в их охране от своего же народа. Например, комендант Усть-Уйской крепости майор Добрынин доносит управлению Оренбургской пограничной комиссии, «что состоящий при правителе Восточной части Орды султано Джанторе Джигангерове двухсотенный отряд выступил из Усть-Уйской крепости по требованию сего султана в степь для охранения его от опасности со стороны не повинующихся власти его киргизов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 2. Д. 4189. Л. 1-2). Это доказывает тот факт, что взгляды народа по отношению к султанам-правителям были негативные. В устном творчестве казахского народа того периода местные чиновники, в том числе и султаны-правители, всегда представляются как взяточники и грабители народа. Такой же взгляд был и у русских исследователей дореволюционной России, который все больше и с некоторыми преувеличениями имела преимущество в советской историографии. Мы не преследуем цель оправдать действия султанов-правителей, но стоило бы отметить, что природа этих личностей требует разностороннего исследования.

Многие из султанов-правителей были выдающимися личностями с благородным происхождением. Сведения о личной жизни, деятельности и социальном развитии султанов во многом можно найти из формулярных списков каждого султана. Имперская власть тщательно изучала и фиксировала все данные обо всех местных правителях. Формулярные списки являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия страны и имеют большое научное значение, поскольку они дают сведения личного характера (Ерменбаева, 2010). К каждому султано-правителю со стороны власти составлялся формулярный список, нечто вроде личного дела. Там указывалась вся

информация о личности: семейное положение, послужной список, награды и, даже, как добросовестно он служил империи. В этих данных иногда указывалось, насколько авторитетным является султан среди народа, которым он управляет. Как было отмечено, в основном казахский народ относился негативно к таким правителям, считая их слугами императорской власти, несмотря на их выдающиеся качества. Несмотря на хороший ум, талант и способности, они были вынуждены действовать в интересах царского правительства, в результате чего потеряли доверие и поддержку, а в ряде случаев и подвергались нападению со стороны народа. Нельзя исключить и тот факт, что среди них встречались такие чиновники, которые, воспользовавшись своим положением, допускали поборы и насилие в отношении простого народа. Одним словом, султаны-правители были утверждены царским правительством для усмирения и подчинения данного региона и они сыграли большую роль в политике России по присоединению здешних территорий, хотя сами же были частью этого общества.

Ниже приведем список султанов-правителей с 1824 г. до 1869 г., когда эта должность была упразднена:

В Западной части:

– Каратай Нуралиев, сын хана Нуралы – с 1 августа 1824 г. по 8 июня 1826 г. Из наград имел золотой перстень, осыпанный бриллиантами.

– Шингалий Урманов, сын председателя ханского совета и внук хана Нуралы – с июня 1826 г. по 25 ноября 1830 г.

– Баймухаммед Айчуваков, сын хана Айчувака – с 25 ноября 1830 г. до 30 марта 1847 г. Имел чин генерал-майора.

– Мухамед-Галий Тяукин, сын султана, надворного советника Тяуки и внук хана Айчувака – с апреля 1847 г. до 1867 г. Имел чин полковника и орден св. Владимира.

– Альмагомет Кунтюревич Сейдалин, внук султана Сейдалы и правнук хана Нуралы – с 1867 г. по день упразднения должности султана-правителя.

В Средней части:

– Темир Иралиев, сын хана Ирали – с августа 1824 г. до 12 августа 1825 г.

– Медет-Галий Турдалиев, брат хана Абулхаира – с июня 1826 г. до 1828 г.

– Мадий Магомет-Галиев, внук хана Нуралы – с 1828 г. до декабря 1829 г.

– Юсуф Нуралиев, сын хана Нуралы – с 23 декабря 1829 г. по 12 июня 1841 г. Имел чин войскового старшины.

– Араслан Джантюрин, сын хана Джантюре – с 12 июня 1841 г. до 8 июля 1855 г.

– Магомеджан Баймухамедов, внук хана Айчувака – с 15 ноября 1855 г. до 1 января 1869 г., когда должность была упразднена. Имел чин генерал-майора и все ордена, включая св. Анны 1-й степени.

В Восточной части:

– Жума Худаймендиев, племянник хана Каипа – с августа 1824 г. до 1830 г.

– Джантюре Джигангероев, внук хана Каипа – с 1830 г. до 1835 г.

– Шотай Бахтыгиреев, из потомков хана Аблая – с 1835 г. до 1841 г.

– Ахмед Джантюрин, правнук хана Каипа – с 1841 г. до 1851 г. Имел чин полковника.

– Магомет Джантюрин, правнук хана Каипа – со 2 августа 1851 г. до 1869 г., до упразднения должности. Имел чин полковника (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 4. Д. 300. Л. 6-14).

Следует отметить, что все лица, занимавшие должность султана-правителя, были выходцами кочевой аристократии. Султаны-правители также были представителями высшего сословия Российской империи – потомственного и личного дворянства. Многие султаны-правители, служа царскому правительству, старались также отвечать нуждам народа, строя мечети и школы для казахского населения. Также, дети султанов-правителей получали образования в училищах империи и в последующие годы именно они образовали казахскую интеллигенцию.

Среди султанов-правителей были яркие личности, которые оставили неизгладимый след в истории Казахстана. Они, исполняя роль посредников между имперской властью и казахским обществом, и, меняя свое сознание о природе власти, смогли адаптироваться к новым правилам, предоставлявшим власть. Одним из ярких представителей казахского чиновничества был султан-правитель Восточной части Младшего жуза Ахмет Джантюрин. Как передают современники, он обладал редким умом, самостоятельно выучил русскую грамоту и, довольно свободно, владел ею наряду с татарской, сам составлял важные документы и исправлял бумаги, составленные письмоводителем. Так, из формулярного списка известно, что он 1811 года рождения, сын султана Жанторе Джигангерова, был женат, имел 3 детей. На должность султана-правителя вступил 29 мая 1841 г. В 1830 г. оказал усердие в поимке и представлении на линию беглого башкирского урядника Дандыбая Куватова с семейством, за что получил от Оренбургского военного губернатора графа Сухтелена похвальный лист. В том же году оказал усердие во время нахождения его в отряде, бывшем в казахской степи под начальством войскового старшины Лебедева при захвате и преследовании мятежных аулов Сибирского ведомства, за что был награжден серебряной медалью на Аннинской ленте. Штрафов по суду не имел, выговоров и замечаний не получал. Отчеты по поручаемым ему

делам представлял в срок. Слабым в отпращивании обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2319. Л. 1-4). В официальных отчетах Ахмета Джантюрина выделяют среди других султанов-правителей: «По гибкости ума, сметливости, понятиям о вещах и предметах, очищенного от грубого невежества и закоснелого азиатского фанатизма, султан этот стоит далеко выше всех соплеменных ему султанов и почетных ордынцев в обеих ордах (Средней и Малой). Владея свободно русским языком, как разговорным, так и письменным, он с большою легкостью понимает и использует распоряжения Комиссии по управлению вверенной ему частью. В течение последних трех лет неоднократно участвовал в экспедициях против мятежных скопищ, с возможным, по обстоятельствам, успехам, чем возбудил против себя ненависть Кенесары, выраженную в одном из его писем к председателю, полученных в начале июня прошлого 1845 года и притом оказал похвальную деятельность в сборе с киргизов вверенной ему части денег за кочевание» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2303. Л. 65-74). Кроме этого, Ахмет Джантюрин был одним из тех, кто был против восстания Кенесары Касымова и действовал в его подавлении. Во многих родах питали исключительную ненависть к некоторым султанам-правителям. На имя Председателя Пограничной комиссии, казахами рода Аргын и Кыпшак было подано прошение о злоупотреблениях и взяточничестве султана-правителя Восточной части Ахмета Джантюрина. Однако комиссия, расследовавшая эти преступления, признала его невиновным, а прошение 315 казахов оставила без удовлетворения. Недовольные результатом расследования дела мятежники убили Ахмета Джантюрина (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2939. Л. 5). При жизни правительство высоко оценивало заслуги султана-правителя Восточной части Ахмета Джантюрина, награждая его чинами и знаками отличия. После смерти султана его семья также получала пенсионное содержание в размере 1200 руб. серебра в год.

Еще одним из влиятельных султанов-правителей был Баймухамед Айшуаков. Он вошел в историю как энергичный, чрезвычайно активный правитель, выдающийся государственный деятель. Согласно сведениям формулярных списков, составленных на Баймухамеда Айшуакова он родился 1797 году, был сыном хана Айшуака Абулхайрова. На службу вступил 21 октября 1815 г., управлял родом Жетыру, владел татарской грамотой, умел читать по-русски. 25 ноября 1830 г. он был назначен на должность правителя Западной части Оренбургских казахов. 1 сентября 1831 г. утвержден на этой должности, получил саблю, украшенную золотом, а 5 ноября получил от Оренбургского военного губернатора в подарок золотой перстень за усердную службу. В отличие от других султанов, Баймухамед Айшуаков, за усердие и готовность к исполнению возложенных на него поручений Пограничной комиссии, с разрешения Оренбургского военного губернатора, получал по 50 копеек в день кормовых денег во время приездов в Оренбург по делам службы (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 2. Д. 1617. Л. 2-10).

Ж. Касымбаев, изучив все награды Баймухамеда Айшуакова, отметил, что немало русских подданных находились в плену в казахской степи и в среднеазиатских владениях, освобождение которых требовало больших усилий и средств. Поэтому царизм поощрял тех, кто содействовал их освобождению. Баймухамед Айшуаков способствовал возвращению захваченного имущества и угнанного скота казахами во время нападений на линейных жителей, участвовал с казаками в наказании мятежных казахов Табынского и Таминского родов (Касымбаев, 2000: 17-20). Наивысшим пиком служебной карьеры султана-правителя явилось присвоение ему, как представителю азиатской окраины, довольно высокого военного чина – генерал-майора. Занимая высшую должность в новой административной структуре, Баймухамед Айшуаков, несколько иначе понимая свою роль в сложных событиях первой половины XIX века, внес весомую лепту в создание спокойной обстановки в Младшем жузе. Его служебная карьера, во многом зависевшая от взглядов Оренбургской Пограничной комиссии с одной стороны и, от местной элиты с другой, в целом поражала современников. В 1847 г. он утонул в разлившемся Илеке. Большая часть казахов сохранила о нем не очень хорошую память, хотя и боялась его как сильного человека и притворно уважала.

Таким образом, рассматривая только двух представителей из султанов-правителей, нетрудно заметить общий характер этой социальной группы. Это были выходцы из степной аристократии, которые смогли сохранить свою власть и с наступлением новой эпохи. Султаны смогли адаптироваться к новым условиям и оставаться у борозды правления народом, по крайней мере, в начале присоединения степных территорий к империи. Султаны-правители были только местными управителями, назначенными правительством империи, и по должности многие из них смогли причислиться к числу дворян Российской империи. Долгое время на деятельность этих личностей давали одностороннюю оценку, как служилым чиновникам, которые только хотели сохранить свою власть в степи. Но сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что султаны всячески пытались содействовать развитию своего народа и оставили немало наследия после себя. Например, султан-правитель, полковник Мухаммед-Галий Тяукин был корреспондентом Вольного экономического общества и оставил документ «О записке, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской Степи», а султан-правитель и генерал-майор Баймухамед Айчуваков за время своего правления пытался открыть школу для бедных казахов. Эти сведения требуют глубокого исследования личностей султанов-правителей и создания социального портрета данной группы.

Султаны-правители Мухаммед-Галий Тяукин, Баймухаммед Айчуваков, Араслан Джантюрин и Ахмет Джантюрин во многом содействовали введению новой системы управления казахами. Все эти султаны для своего времени были людьми, выдающимися по своему развитию, пониманию службы, долга и чести. Султаны-правители были личностями, рожденными своим временем и отвечавшими его правилам. Несмотря на то, что народ, которыми они управляли, был недоволен ими, они являлись выходцами из казахского народа, которые по-своему пытались служить ему. Тем не менее, они были верными служителями имперской власти, которые до конца своей жизни придерживались этой позиции. Этим личностей, как и всех султанов-правителей, следует рассматривать с двух позиций: как посредников-управителей и как выходцев из казахского народа.

5. Заключение

История казахского народа имеет много неопознанных и не известных нам страниц. В этих неоткрытых страницах важное место занимает история личностей, которые в определенный период нашей истории играли, хотя и не самую благородную, но судьбоносную роль. Каждая из этих личностей представляет свой исторический период и является неотъемлемой частью того социально-политического общества. Именно исследования этих личностей, в данном случае султанов-правителей, могут дать сведения для полного и подлинного восстановления истории. Задачей историков, высказывающих свою точку зрения относительно личностей минувших веков, является беспристрастно осмыслить и показать сложные вопросы, нуждающиеся в более глубоком, профессиональном проникновении в сущность исторических личностей.

Определенные события в истории оказывают влияние на возрастание роли определенных сообществ. К примеру, после Второй Мировой войны на арену всемирной истории пришли отдельные социальные группы (например, афро-американцы, осознавшие своё неравноправное положение в обществе, или суфражистки, активность которых проявилась ещё во второй половине XIX века в Великобритании), которые имели специфический характер, вызванный временем, и деятельность, значительно повлиявшую на ход истории.

Таким же образом и в отечественной истории прослеживаются аналогичные процессы. Например, в годы войны против джунгаров за независимость, в казахском обществе возросла роль батыров, которая была присуща только казахам среди всех кочевых народов. Сразу же после этого периода наступило другое время, когда на главную сцену вышел другой, не менее значимый институт султанов. К сожалению, по причине скудности материалов и чрезмерно субъективного взгляда советской исторической науки, институт султанов не был исследован в должной степени. Тем не менее, невозможно представить полноценную картину истории Казахстана без рассмотрения жизни и деятельности султанов, которые в начале XIX века были полноправными управителями степи. Султаны-правители являлись начальным этапом для создания новых политических структур в казахской степи.

В 1868 году институт султанов-правителей был упразднен. Он являлся переходным этапом от традиционного управления к общероссийскому. Российская империя, которая имела цель унифицировать все подчиненные территории, после созревания определенных обстоятельств, уже не нуждалась в помощи султанов. Однако, потомки султанов-правителей, получившие русское образование, некоторые унаследовавшие титул дворянства и почетных граждан, и в последующие годы занимали привилегированное положение в степи. Но их природа и цель кардинально изменились.

Литература

Абдрахманова, 2010 – *Абдрахманова Б.М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 284 с.

Бекмаханов, 1957 – *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. Москва, 1957. 342 с.

Герасимов и др., 2004 – *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. 657 с.

Горбунова, Нафикова, 2013 – *Горбунова С.В., Нафикова П.М.* Султаны-правители Младшего казахского жуза в оценке Российских исследователей XIX – начала XX вв. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск. 2013. С. 33-34.

Добросмыслов, 1902 – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. // *Известия Оренбургского отделения Императорского русского географического общества.* Выпуск №17. Т.1 Тверь, 1902. 524 с.

Ерменбаева, 2015 – *Ерменбаева Г.К.* Формулярные списки султанов-правителей как источник по истории формирования казахского чиновничества // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. Костанай, 2015. С. 216-220.

Зиманов, 2009 – *Зиманов С.* Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы, 2009. 496 с.

[Казахские чиновники, 2014](#) – Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов // отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаета. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 418 с.

[Касымбаев, 2000](#) – *Касымбаев Ж.К.* Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790–1847). Алматы, 2000. 187 с.

[Крафт, 1898](#) – *Крафт И.И.* Сборник узаконений у киргизов степных областей. Оренбург, 1898. 214 с.

[Материалы для географии, 1865](#) – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Составил Л. Мейер. Главный редактор военно-статистических изданий Главного управления генерального штаба генерал-лейтенант князь Голицин. Санкт-Петербург: Типография Э. Веймера и Ф. Персона. 1865. 414 с.

[Материалы по истории, 1960](#) – Материалы по истории политического строя Казахстана // Сб. составлен М.С. Масевичем. Алма-Ата: Издательство академия наук Казахской ССР, Т. 1., 1960. 426 с.

[Мейер, 1865](#) – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург, 1865. 414 с.

[Положение, 1844](#) – Положение 1844. ПСЗРИ, Изд. 2, Т. 19, Отд. 1, С. 392-401.

[Султангалиева, 2016](#) – *Султангалиева Г.С.* Казахское чиновничество XIX-XX вв.: Формирование, Структура, Персоналии // Султангалиева Г.С. (Отв. Редактор). Составители: Султангалиева Г.С., Аманжолова Д.А., Далаева Т.Т., Удербаета С.К. Алматы: Қазақ Университеті, 2016. 364с.

[Султангалиева, 2009](#) – *Султангалиева Г.С.* Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.) // *Acta Slavica Japonica, Саппоро*, 2009. №27. С. 77-101.

[Терентьев, 1906](#) – *Терентьев М.А.* Генерал-лейтенант. Материалы для истории завоевания Средней Азии (с картами). Санкт-Петербург, 1906. В 3-х томах. Т.1. 527 с.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Burbank, Cooper, 2010](#) – *Jane Burbank, Frederick Cooper.* Empires in World history: Power and the politics of difference. Princeton University Press, 2010.

[Freez, 1986](#) – *Freez G.* The soslovie (Estate) paradigm and Russian social history. American historical review, 1986. 92 (1). pp. 11-36.

[Kapeller, 2001](#) – *Kapeller A.* The Russian Empire: A multiethnic history. New York: Longman, 2001.

[Sultangalieva, 2012](#) – *Sultangalieva G.* The Russian Empire and the Intermediary role of Tatars in Kazakhstan: the politics of cooperation and rejection, from the second half of the eighteenth to the early twentieth century. Asiatic Russia: Imperial Power in regional and international Contexts. Edited By Uyama Tomohiko // *Routledge.* Tailor&Francis, 2012.

References

[Abdrakhmanova, 2010](#) – *Abdrakhmanova B.M.* (2010). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroistvo v XIX veke. [The history of Kazakhstan: power, control system, territorial structure in the XIX century]. Karaganda. [in Russian]

[Bekmakhanov, 1957](#) – *Bekmakhanov E.B.* (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii. [The accession of Kazakhstan to Russia]. Moscow. [in Russian]

[Gerasimov et al., 2004](#) – *Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovskii A., Mogil'ner M., Semenov A.* (2004). Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva. [New Imperial history of post-Soviet space]. Kazan. [in Russian]

[Gorbunova, Nafikova, 2013](#) – *Gorbunova S.V., Nafikova P.M.* (2013). Sultany-praviteli Mladshego kazakhского zhuza v otsenke Rossiiskikh issledovatelei XIX – nachala XX vv. [The sultan-rulers of the Junior Kazakh Horde in the evaluation of Russian researchers of the XIX – early XX centuries.] // Culture, science, education: problems and prospects. The materials of the II all-Russian scientific-practical conference. Resp. ed. A.V. Korichko. Nizhnevartovsk. pp. 33-34. [in Russian]

[Dobrosmyslov, 1902](#) – *Dobrosmyslov A.I.* (1902). Turgaiskaya oblast'. Istoricheskii ocherk. [Turgay oblast. Historical sketch] // News of Orenburg Department of the Imperial Russian geographical society. Issue 17. Vol. 1. Tver. [in Russian]

[Ermenbaeva, 2015](#) – *Ermenbaeva G.K.* (2015). Formulyarnye spiski sultanov-pravitelei kak istochnik po istorii formirovaniya kazakhского chinovnichestva [Official lists of the sultan-rulers as a source of the history of formation of Kazakh officials] // Materials of International scientific-practical conference, dedicated to the 550-th anniversary of the Kazakh khanate. Kostanay. pp. 216-220. [in Russian]

[Zimanov, 2009](#) – *Zimanov S.* (2009). Politicheskii stroi Kazakhstana pervoi poloviny XIX veka i Bukeevskoe khanstvo. [Political system of the Kazakhstan in the first half of XIX century and Bukeev khanate]. Almaty. [in Russian]

[Kazakhskie chinovniki, 2014](#) – Kazakhskie chinovniki na sluzhbe Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov [Kazakh officials in the service of the Russian Empire: collected documents and

- materials] // resp. ed. G.S. Sultangalieva, comp. G.S. Sultangalieva, T.T. Dalaeva, S.K. Uderbaeva. Almaty: Kazak university, 2014. [in Russian]
- [Kasymbaev, 2000](#) – *Kasymbaev Zh.K.* (2000). General, sultan-pravitel' Baimukhamed Aishuakov (1790–1847). [General, the sultan-ruler Baymukhamed Ayshuakov (1790–1847)]. Almaty. [in Russian]
- [Kraft, 1898](#) – *Kraft I.I.* (1898). Sbornik uzakonenii u kirgizov stepnykh oblastei. [The collection of laws of Kyrgyz's o steppe areas]. Orenburg. [in Russian]
- [Materialy dlya geografii, 1865](#) – Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. [Materials for geography and statistics of Russia collected by General staff officers. Kyrgyz steppe of the Orenburg Department] // Comp. L. Meier. Editor in chief of the military-statistical publications of the Main Directorate of the General staff, General-Lieutenant, prince Golitsyn. St. Petersburg: Typography of A. Weimer and F. Person. 1865. [in Russian]
- [Materialy po istorii, 1960](#) – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of political system of Kazakhstan] // Collection compiled by M.S. Masevich. Alma-Ata: Publishing house of Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1960, T. 1. [in Russian]
- [Meier, 1865](#) – *Meier L.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. [Kyrgyz steppe of the Orenburg Department]. St. Petersburg. [in Russian]
- [Polozhenie, 1844](#) – Polozhenie 1844. [Statute of 1844] // PSZRI. Ed. 2, vol. 19, head 1, pp. 392-401. [in Russian]
- [Sultangalieva, 2016](#) – *Sultangalieva G.S.* (2016). Kazakhskoe Chinovnichestvo XIX–XX vv.: Formirovanie, Struktura, Personalii. [Kazakh Officials of XIX–XX centuries: The Formation, Structure, Personnel]. Resp. editor Sultangalieva G.S. Comp.: Sultangalieva G.S., Amanzholova D.A., Dalaeva T.T., Uderbaeva S.K. Almaty: Kazak University. [in Russian]
- [Sultangalieva, 2009](#) – *Sultangalieva G.S.* (2009). Kazakhskoe chinovnichestvo Orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie deyatel'nosti (XIX v). [Kazakh officials of Orenburg Department: the formation and direction of activities (XIX c.)]. *Acta Slavica Japonica*, Sapporo, № 27, pp. 77-101. [in Russian]
- [Terent'ev, 1906](#) – *Terent'ev M.A.* (1906). General-leitenant. Materialy dlya istorii zavoevaniya Srednei Azii (s kartami). [General-Lieutenant. Materials for the history of the conquest of Central Asia (with maps)]. St. Petersburg. In 3 volumes. Vol. 1. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the RK].
- [Burbank, Cooper, 2010](#) – *Jane Burbank, Frederick Cooper* (2010). Empires in World history: Power and the politics of difference. Princeton University Press.
- [Freez, 1986](#) – *Freez G.* (1986). The soslovie (Estate) paradigm and Russian social history. *American historical review*. 92 (1). pp. 11-36.
- [Kapeller, 2001](#) – *Kapeller A.* The Russian Empire: A multiethnic history. New York: Longman, 2001.
- [Sultangalieva, 2012](#) – *Sultangalieva G.* The Russian Empire and the Intermediary role of Tatars in Kazakhstan: the politics of cooperation and rejection, from the second half of the eighteenth to the early twentieth century. *Asiatic Russia: Imperial Power in regional and international Contexts*. Edited By Uyama Tomohiko. *Routledge*. Taylor&Francis, 2012.

УДК 93/94

Султаны-правители как чиновники Российской империи (1824–1868 гг.)

Ербол Ануарбекович Галимов ^{a, b *}, Галина Николаевна Ксенжик ^a, Нурлан Адильбекович Атыгаев ^{a, b}, Улжан Жангелдыновна Тулешова ^b

^a Институт Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Казахстан

^b Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. С середины XVIII века Казахстан постепенно становится частью Российской империи. Внедрение Казахстана в административно-территориальный состав империи происходило медленно и с применением эффективной политики со стороны царской власти. Началом этой политики стала ликвидация традиционной власти в степи. Как отмечают современные исследователи, в инкорпорации других народов в единую политико-социальную систему империи важную роль играют посредники. С одной стороны это агенты, посланные имперской властью, губернаторы, генералы, собиратели налогов, а с другой – представители местной знати. Кооптация местных элит и отправка поселенцев были стратегиями, полагающимися на социальные связи

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erbol-090@list.ru (Е.А. Галимов), migkz@ya.ru (Г.Н. Ксенжик), nuratygaev@mail.ru (Н.А. Атыгаев), uljant@mail.ru (У.Ж. Тулешова)

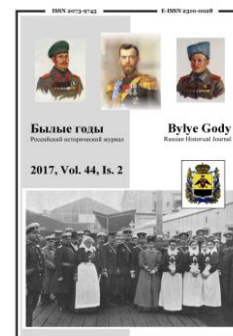
посредников, чтобы обеспечить их сотрудничество. Административные реформы первой половины XIX в. в казахской степи создали новую управленческую систему в лице «верных» султанов-правителей, дистанционных начальников, волостных и аульных старшин, ставших первыми казахскими чиновниками. Эти реформы выдвинули на первый план представителей казахской знати, которые в поисках лучшей должности и содержания органично инкорпорировались в управленческую систему имперской России. Наряду с этим, для казахской знати было важно сохранить свои привилегии и власть в степи. Но теперь, чтобы сохранить влияние в казахском обществе, они должны были в первую очередь, верностью служить российскому правительству, а также иметь личные способности и умения привлечь свой род, отделение или племя на службу империи.

Ключевые слова: султаны-правители, Российская империя, присоединение, административные реформы, ликвидация традиционной власти, казахская степь, царская власть, чиновники.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 478-486, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.478
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries

Olga P. Tsys' a, *

^a Nizhnevartovsk State University, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to Tobolsk and Siberian Diocesan Bishop's visits to the north of Western Siberia with different purposes throughout the Sinodical period (XVIII – early XX centuries). It was pointed out that Diocese management had been complicated by its large size, poor infrastructure, and extreme weather conditions. Therefore, the aims of Diocesan bishops' visits were to collect information about current state of affairs, to effectively solve accumulated problems, design and implement concrete measures to enhance the church management system and organization of the parish life.

It is noted that visits' frequency and travel speed increased steadily by reason of steamship communication development, timely allocation of state-owned funds and reduction of Diocese's size. As a result, visits became ordinary events instead of the extraordinary ones for Tobolsk North in the early XX century.

Following the visits important decisions affecting missionary work were taken. The presence of priests resulted in mass Christianization of ingenious people in early XVIII century and launch, completion, restructuring of anti-paganism actions in XIX century. In frame of these visits, the revision of local schools was organized. The visits enabled to solve different current problems, such as: place selection for building temples, encouragement, promotion of staff who performed their duties well, penalties for negligent staff. The author concludes that visits of Diocesan Bishops fit well in the system of church management in Sinodical period.

Keywords: Tobolsk and Siberian Diocese, diocesan bishop, inspection visits, diocesan management, education, missionary work, clergy.

1. Введение

Со времен своего возникновения, в том числе и в Синодальный период истории Русской Православной церкви, одной из ключевых фигур в организации и руководстве приходской жизни являлся епархиальный архиерей. Преосвященный осуществлял свои властные функции через органы епархиального управления – духовную консисторию, духовные правления, благочиния. Однако наиболее достоверную информацию о положении дел на местах можно было получить только в ходе личных поездок архиерея и его свиты непосредственно по епархии. Инспекции преосвященных были связаны с необходимостью решения комплекса разнообразных задач, которые государство и общество ставило перед церковью. Эту форму контроля и Св. Синод, и некоторые архиереи признавали едва ли не одной из главных (Смолич, 1996: 307).

Для отдаленных периферийных регионов, к каковым в XVIII – начале XX вв. можно отнести Тобольский Север (Север Западной Сибири, в современных границах – Ханты-Мансийский и Ямало-ненецкий автономные округа) проезд епархиального архиерея являлся экстраординарным событием, накладывавшем глубокий отпечаток на повседневную жизнь населения и, как правило,

* Corresponding author

E-mail addresses: tsysv@rambler.ru (O.P. Tsys')

приводившим к серьезным изменениям в системе церковного управления, в направлениях и ходе религиозной политики.

Изучение инспекционных поездок архиереев помогает глубже понять особенности традиционных для России методов «ручного» управления, когда лишь вмешательство высокопоставленного лица помогало в кратчайшие сроки решать копившиеся годами проблемы.

2. Материалы и методы

2.1 Настоящее исследование выполнено на базе документов Государственного архива в г.Тобольске (ГАТ), Российского государственного исторического архива (РГИА), материалов периодических изданий, в первую очередь «Тобольских епархиальных ведомостей», источников личного происхождения – дневниковых записей, заметок участников и свидетелей инспекционных поездок епархиальных архиереев на Тобольский Север.

2.2 Основой работы служат принципы историзма, целостности, объективности, всесторонности. Автор опирается на модернизационный подход, позволяющий проследить процесс общественно-политической трансформации, изменений в сфере культуры и быта, активно разворачивавшийся на территории Тобольского Севера в XVIII – начале XX вв.

Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования методов: системный, историко-сравнительный, синхронный, проблемно-исторический. Междисциплинарность представлена в исследовании сочетанием исторического и религиоведческого подходов, что создает условия для более конкретного изучения темы. Первый дает возможность многоаспектно проследить обусловленность каждого направления деятельности православного духовенства, второй – помогает понять внутренние мотивы людей, способствует более точному анализу взаимодействия Русской Православной церкви с другими социально-политическими институтами.

3. Обсуждение

История управления Тобольской епархией становится предметом изучения уже в XIX веке. В это время наметился круг основных вопросов, которые продолжают привлекать внимание исследователей до настоящего времени. Данная тема раскрывалась в ряде работ, преимущественно церковных авторов. Одним из первых проложил путь к «занятиям сибирской церковной историей» преподаватель Тобольской духовной семинарии протоиерей А.И. Сулоцкий. Вопросы церковного управления затрагивались им при характеристике деятельности тобольских архипастырей. Очерки А.И. Сулоцкого об Антонии (Знаменском), Евгении (Казанцове), Георгии (Ящуржинском) ([Сулоцкий, 2000а: 521–547](#)), насыщенные массой сведений из документов семинарского и консисторского архивов, имеют не только историографическое значение. Им были записаны воспоминания людей, сопровождавших епархиальных архиереев во время поездок на Тобольский Север, приводятся данные из несохранившихся до настоящего времени архивных источников ([Сулоцкий, 2000а: 524; Сулоцкий, 2000б: 548–553](#)).

Характеристика инспекционных поездок архиереев как одной из форм епархиального управления на примере Тобольской епархии приводится в биографических очерках Н.А. Абрамова ([Абрамов, 1869: 103–115; Абрамов, 1998: 297–316](#)). Он не только обобщал и излагал доступный ему документальный материал, но и был непосредственным свидетелем и участником встречи архиепископа Георгия (Ящуржинского) в Березове в 1846 и 1848 гг. ([Абрамов, 1868: 63–93](#))

Протоиерей М.П. Путинцев приводит в написанных по поручению преосвященного Иустина (Полянского) «Жизнеописаниях Тобольских архипастырей» краткую «характеристику нравственного облика» и вехи биографии «почивших иерархов», характеризуя, в числе прочих сюжетов и их инспекционные поездки ([Путинцев, 1892: 106–107, 109, 127, 142–143](#)).

Все названные исследователи старались подчеркнуть заслуги тобольских и сибирских архиереев, их ревностную заботу о подведомственном духовенстве и пастве. Основное внимание уделялось описанию отдельных поездок в целом и различного рода интересных фактов, связанных с путешествиями. Оценки предпринятых по их результатам мер давались самые лестные: «Везде, где он видел по исповедным росписям, что прихожане не леностно исполняют христианский долг говения, исповеди и Св. причащения, – он был ласков и приветлив как с духовенством, так и с мирянами, поощряя наградами достойных служителей церкви, награждал священников набедренниками, причетников посвящая в стихарь», – писал М.П. Путинцев о Варлааме (Успенском) ([Путинцев, 1892: 142](#)). Духовно-назидательные задачи в таком случае могли превалировать над научными. Главный акцент делался на накопление и изложение фактического материала. Вне предмета исследования по объективным причинам оказывались поездки, предпринятые преосвященными в конце XIX – начале XX вв.

После длительного перерыва, связанного с исключением из области исследовательских интересов церковной тематики в советский период, с 1990-х гг. возобновляется рассмотрение данной проблемы отечественными учеными. Этому способствовало изменение методологических парадигм, осознание того, что без обращения к системе церковного управления сложно понять многие аспекты

внутренней политики, социокультурного развития, повседневной жизни и быта населения России на протяжении нескольких столетий, предшествующих октябрьскому перевороту.

Тема затрагивалась в ряде обобщающих трудов по истории отдельных епархий, духовной культуры Сибири (Малашин, 2011; Тресвятский, 2013: 62–64). Путешествие тобольских и томских преосвященных в Кузнецкий край нашло отражение в работе Л.А. Тресвятского (Тресвятский, 2004: 88–91). Автор, используя сохранившиеся в фонде Томской духовной консистории «отчетные документы кузнецких благочинных о приезде епископов», восстанавливает маршруты, описывает проводимые встречи и раскрывает особенности архиерейских поездок на примере ревизии епископа Платона (Тропольского) церковью Томской епархии в 1871 году.

В работах, основанных на материалах Тобольской епархии приоритет отдается биографическому жанру (Софронов, 1998; Исаков, 2002; Гуличкина, 2006; Фефелова, 2012). Как и ранее, значительное внимание уделяется истории миссионерства, влиянию христианства на религиозные традиции и культуру коренного населения (Главацкая, 2005; Мавлютова, 2001; Солодкин, 2002: 14–32; Темплинг, 2003: 3–35; Туров, 2007: 3–55; Шашков, 2003: 6–62). Инспекционные поездки и другие формы управления затрагиваются лишь вскользь (Шашков, 2003: 6–62).

Таким образом на материалах Севера Западной Сибири на протяжении всего постсоветского периода основной акцент делался, преимущественно, на разработке двух вопросов: миссионерство, храмовое строительство. Особенности церковного управления, включая такую специфическую форму как инспекционные поездки епархиальных архиереев, не становились предметом специального изучения.

4. Результаты

Православие на Север Западной Сибири проникает вместе с вхождением территории края в состав Российского государства в конце XVI века. Однако до начала XVIII в. оно за редким исключением не выходило за пределы трех русских поселений – Березова, Сургута и Самарова (ныне – Ханты-Мансийск), а также Кондинского монастыря. Лишь в процессе массовой христианизации обских угров, проведенной в течение 1710-х гг. по приказу Петра I преосвященным Филофеем (Лещинским) в регионе создается сеть приходов, постепенно расширявшаяся вплоть до революции 1917 года.

Отдаленный «низовой край», как его называли в документах того времени, был специфической территорией – промысловым районом, с преобладающим кочевым и полукочевым населением (что подтверждается обращением одних и тех же лиц в приходы разных церквей), удаленным от промышленных и культурных центров, с высокой численностью «инородцев», для которых было характерно проживание в устойчивых ареалах этнического, культурного расселения, относительная изоляция от «русского» мира.

Площадь Тобольского Севера составляла около 1 млн кв. верст. На территории региона, по официальным данным, насчитывалось на 1913 г. 35680 православных прихожан с примерно равной долей мужчин и женщин, проживавших в 34 приходах (Подсчитано по: Справочная, 1913). Общая численность населения на Тобольском Севере на 1917 г. определяется в 55 тыс. чел. (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3076. Л. 248 об–251).

В период с 1701 по 1803 гг. на Тобольской кафедре в сане митрополита (архиепископа, епископа) побывало 10, с 1803 по 1917 гг. – еще 20 человек¹. Таким образом, средняя продолжительность службы преосвященных составляла в XVIII в. – 10, а в XIX – начале XX вв. – около 6 лет. Наименьший срок управления епархией пришелся на 1831 г. (Павел (Морев) – всего четыре месяца), а наиболее продолжительные периоды оказались связаны с деятельностью Филофея (Лещинского (1702–1711, 1715–1720 гг.), Антония (Стаховского, 1721–1740 гг.), Варлаама I (Петрова, 1768–1802 гг.), Амвросия (Келембета, 1806–1822 гг.) и Антония (Каржавина, 1897–1910 гг.) (Подсчитано по: Смолич, 1996: 760–762).

Среди тобольских владык не было местных уроженцев. Все они являлись выходцами из губерний Европейской России, как правило, происходили из семей дьяконов или священников, которые могли позволить себе обучать детей в духовно-учебных заведениях. Многие руководили Тобольской кафедрой уже в зрелом возрасте. Каждый из них имел опыт епархиального управления. До 1872 г. архиереи назначались на тобольское служение с возведением в сан архиепископа, т. к. епархия относилась к числу «второразрядных». Градация, в соответствии с которой все епархии РПЦ были разделены на три «класса» («разряда») (1 – митрополии, 2 – архиепископства, 3 – епископства), была введена в 1764 году. В 1867 г. подобное деление упраздняется, и с начала пребывания на кафедре преосвященного Ефрема (Рязанова) эту должность занимали только епископы, за исключением преосвященного Варнавы (Накропина) (1916 – начало 1917 гг.). С этого времени в Тобольск направляли архиереев, ранее являвшихся лишь викарными епископами, что свидетельствовало о

¹ Не учитывается епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии Дионисий (Павел Иванович Сосновский) – временно управляющий Тобольской епархией в мае–июне 1912 года.

дальнейшем понижении статуса епархии (митрополия в 1668–1768 гг., архиепископство в 1768–1872 гг., епископство с 1872 г.).

Управление епархией затруднялось ее большими размерами, неразвитостью путей сообщения, суровыми природно-климатическими условиями. Поэтому поездки епархиальных архиереев должны были с одной стороны, дать возможность из первых рук узнать о положении дел на местах, с другой – оперативно решить накопившиеся проблемы, разработать и осуществить конкретные меры, связанные с совершенствованием системы церковного управления, организацией приходской жизни.

К настоящему времени нам известно о 19 поездках двенадцати епархиальных архиереев, управлявших Тобольской и Сибирской епархией в Синодальный период.

С 1702 по 1820-е гг. лишь двое Тобольских владык посещали север: Филофей (Лещинский) (1716 г.), Антоний (Знаменский) (1803 г.) (Сулоцкий, 2000а).

Почему появление епархиальных архиереев в крае было столь редким? Обозрение сибирскими архиепископами и митрополитами вверенной им паствы в XVII–XVIII вв. не могло производиться по трем основным причинам: 1) чрезвычайная обширность епархии (первоначально – от Урала до Камчатки, с учреждением в 1727 г. Иркутской епархии – вся Западная Сибирь), 2) неудобство путей сообщения, 3) отсутствие средств для поездок из-за скудости архиерейских доходов.

Исключения, связанные с деятельностью святителя Филофея, объясняются предписанием Петра I об обращении в христианство сибирских язычников, на что были отпущены значительные средства из казны. Поездка Антония (Знаменского) оказалась возможной благодаря накопленным его предшественником архиепископом Варлаамом (Петровым) суммам Тобольского архиерейского дома (Сулоцкий, 2000а: 522–523).

Ситуация начинает постепенно меняться лишь во второй четверти XIX века. С 1828 г. на архиерейские поездки стали выделяться прогонные деньги из казны, что в значительной степени решило финансовую проблему (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 795. Л. 144). Необходимо указать и на такой фактор, как изменение границ епархий в результате административных преобразований. Создание в 1834 г. Томской, а в 1895 г. Омской епархий существенно уменьшило территорию, подведомственную Тобольскому пресвященному и, соответственно, объективно увеличило возможность для его появления в ходе инспекционных поездок в населенных пунктах Севера Западной Сибири.

Хотя путешествие архиерея тщательно разрабатывалось консисторией, специально составлялся маршрут, где указывались расстояния между населенными пунктами, предполагаемые места для остановки и ночлега, тем не менее, вплоть до 70-х гг. XIX в. обозрения «низового края» были сопряжены с множеством трудностей, неудобств, а иногда и опасностей для епархиальных архиереев и сопровождавших их лиц. Пресвященный Филофей в 1710-х гг. вынужден был брать с собой вооруженную охрану, с тем, чтобы защититься от возможного противодействия упорствующих в своих «заблуждениях» язычников. Антоний (Знаменский) в 1803 г. едва не утонул во время разыгравшейся на Оби бури (Сулоцкий, 2000а: 524–525). Варлааму II (Успенскому) и его спутникам зимой 1865–1866 г. приходилось ночевать в снегу и питаться заранее заготовленными в Тобольске и взятыми в дорогу пельменями. Использование гребцов и силы ветра в качестве движущей силы делало плавание на дощаниках весьма опасным и снижало привлекательность водного пути. Для проезда зимой нужны были почтовые лошади, а в случае их нехватки земской полиции следовало предоставлять обывательских лошадей (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 776. Л. 3 об).

Развитие пароходного сообщения, кардинально улучшившего бытовые условия путешествующих, способствовало желанию и возможности архиереев совершить обследование севера. Первая поездка пресвященного на паровом судне состоялась в августе – сентябре 1873 года (Миссионерское..., 1875: 172). По замечанию А.И. Сулоцкого, путешествие на пароходах «сравнительно с плаванием на дощаниках, весьма большая разница и по отношению к скорости, и в особенности в отношении к безопасности» (Сулоцкий, 2000а: 529).

Поэтому если в XVIII в. состоялось лишь несколько миссионерских поездок святителя Филофея, состоявшихся в весьма узком временном диапазоне (1712–1726 гг., причем лишь одну он совершил, занимая должность епархиального архиерея), за 1800–1860-е гг. нам известно о семи инспекционных поездках (т. е. в среднем раз в 10 лет), то за последние четверть века, предшествовавшие революции, их состоялось уже девять (в среднем раз в 3 года).

Еще один фактор – субъективный. Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что значительная часть архиерейских поездок на Тобольский Север связана с именами конкретных архипастырей. Так, особой энергией и инициативой в этом отношении отличались епископы Георгий (Ячуржинский) и Антоний (Каржавин), неоднократно бывавшие в «низовом крае».

Природно-климатические условия не позволяли отправляться в дорогу в период распутицы – осенью и весной, когда север оказывался фактически отрезан от остальной страны из-за ледовой обстановки и разлива рек. Более благоприятным временем в данном отношении являлась зима, во время которой, устанавливался санный путь и можно было по земским трактам по руслу Иртыша, Оби, их крупных притоков достигнуть любого населенного пункта края. Летом передвижение осуществлялось опять же единственно возможным способом – по рекам на судах различных типов.

Общая продолжительность инспекций составляла не менее месяца. Однако в начале XX в., в связи с увеличением скорости пароходов, на поездки затрачивается около трех недель.

Вместе с архиереем путешествие совершали духовные и светские лица, помогавшие ему в проведении ревизии: протоиереи (среди них часто – ключарь кафедрального собора), протодьякон Тобольского кафедрального собора, столоначальник, келейник, служители, иногда певчие. Общее их число обычно не превышало десятка.

Ни в церковном уставе, ни в книгах, изданных для духовенства, не было указаний на то, как следует встречать епархиального преосвященного. Тем не менее, со временем выработался определенный порядок встречи, который следовало соблюдать. Члены причта ко времени прибытия епархиального начальства обязывались быть в храме. Духовным правлениям и благочинным предписывалось приготовить заблаговременно всю отчетность за три года и «ученые свои проповеди, а также и все те сведения, которые требуются разосланной на сей предмет программой ведомости, которую все благочинные и должны прилагать к своим рапортам и подавать при въезде в благочинье» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 16). Соответствующие указания заранее рассылались духовным правлениям и благочинным.

Хотя необходимость инспекционных поездок обуславливалась законодательством, тем не менее, очевидно, что на решение архиереев отправиться на Тобольский Север могли влиять и конкретные политические, социально-экономические факторы.

Первый из них – христианизация коренного населения. Миссионерские экспедиции оказывались тесно связанными с общими проблемами реформы управления «ясашными народами», выяснением перспектив развития различных районов Севера Западной Сибири. Конкретное место, форма, особенности организации миссионерского служения определялись епархиальным архиереем после его непосредственного знакомства с местами расселения «инородцев».

Как известно, в 1-й четверти XVIII столетия решение миссионерских задач предопределило направление неоднократных поездок митрополита Филофея (в схиме Федора) на север, вниз по Иртышу и Оби к «остякам» и «вогулам». В следующем столетии государственная власть выдвигает просветительскую деятельность среди «инородцев» как одну из приоритетных для Русской Православной церкви. На смену принудительной христианизации должна была прийти кропотливая работа по разъяснению язычникам основных истин православного вероучения через специально учрежденные для этой цели миссии.

Созданию Обдорской миссии предшествовала поездка преосвященного Евгения (Казанцева) в 1829 году (Путинцев, 1892: 106, 109). Открытие самостоятельной Сургутской миссии, увеличение казенных расходов на оплату труда православных проповедников стало одним из важных результатов пребывания на севере епархии архиепископа Варлаама II (Успенского) в 1865–1866 гг. (Сургутский, 2006: 120). После ревизии приходов севера епископом Агафангелом (Преображенским), состоявшейся три десятилетия спустя, на основе его личных наблюдений, а также рапортов миссионеров было признано, что Сургутская миссия выполнила свое предназначение и может быть закрыта. В таком случае окормление верующих должно осуществляться на постоянной основе приходскими священниками, а не время от времени приезжающими проповедниками (Поездка..., 1896: 444–445). Очередные реорганизации миссионерского служения являлись одними из приоритетных целей поездок преосвященных Антония (Каржавина) в 1897–1898 гг., 1902 г., 1904 г., 1909 г., Евсевия (Гроздова) в 1910 г. и 1911 г.

Другое направление – ревизия состояния образовательных учреждений в крае. С началом процесса создания церковных школ связана поездка 1803 г. Антония (Знаменского). С этого момента посещение учебных заведений становится обязательной частью архиерейских инспекций. Епархиальное руководство должно было убедиться, что преподавание Закона Божьего, основных общепотребительных молитв, церковного пения ведется регулярно и результативно. Итогом поездок Георгия (Ящуржинского) в 1846 г., 1848–1849 гг. и 1851–1852 гг., Варлаама II (Успенского) в 1865–1866 гг. стали как ходатайства перед Св. Синодом, так и перед гражданскими властями об ассигновании дополнительных сумм на «инородческие» школы.

Определенное внимание правящие архиереи обращали на совершенствование системы церковного управления, шедшее в русле проводившихся Св. Синодом реформ. Так, одним из результатов поездки преосвященного Варлаама II в 1865–1866 гг. следует признать преобразования, совпавшие с изменениями в гражданском управлении и заключавшиеся в увеличении штатов и полномочий местных священнослужителей, принятии мер, направленных на повышение эффективности документооборота. Произошло упразднение духовных правлений – коллегиальных учреждений, созданных еще в середине XVIII века. Вместо них 21 декабря 1870 г. указом Св. Синода в Тобольской епархии для оказания помощи в управлении приходами Обского Севера открывается Березовское викариатство во главе с епископом Ефремом (Рязановым) (ГАТ. Ф. И-144. Оп. 1. Д. 87. Л. 1 об–2).

К результатам поездок следует отнести и решение текущих проблем при личном участии епархиального архиерея. Обязательной частью поездки являлось наблюдение за внешним видом и внутренним убранством церквей. Можно привести несколько соответствующих примеров. После инспекционной поездки 1848–1849 гг. преосвященного Георгия (Ящуржинского) начинается строительство новых храмов в с. Нижне-Лумпокольском и с. Ляпинском (Туров, 2007: 18). При личном участии епископа Антония (Каржавина) в начале XX в., осуществлялся выбор места для

строительства Нижне-Вартовской церкви (ГАТ. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 531. Л. 6–6 об). Вопросы, которые могли обсуждаться месяцами или даже годами архиереем решались в кратчайшие сроки тут же на месте.

Кроме того, в ходе поездок проверялось выполнение епархиальных распоряжений, выявлялись недостатки в деятельности духовенства и религиозно-нравственном состоянии прихожан, применялись меры по поощрению, повышению по службе успешно исполнявшего свои обязанности духовенства, накладывались взыскания на нерадивых. После посещения епархии преосвященные делали распоряжения об опубликовании всех отмеченных недостатках в «Тобольских епархиальных ведомостях» «для сведения духовенства». Например, после поездки 1898 г. принимается решение «требовать обязательства прослужить в низовых инородческих приходах не менее пяти – шести лет, с обязательством изучить язык инородцев, что при бедности языка достижимо в непродолжительное время» (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 138 об, 148).

5. Заключение

Таким образом, поездки епархиальных архиереев были органически вписаны в систему церковного управления. По итогам каждой принимались важные решения, касавшиеся преимущественно организации миссионерского дела. Именно на этом направлении и были получены наиболее значимые результаты. Необходимость христианизации и катехизации коренного населения рассматривалась как неотъемлемая часть его просвещения, включения в социокультурную среду Российского государства.

На протяжении XVIII – начала XX вв. частота поездок, скорость передвижения все время возрастали. В результате в начале XX в. из экстраординарного они превратились для Тобольского Севера пусть и в нечастое, но вполне обыденное событие. Если в XVIII – первой трети XIX вв. прихожанин за всю свою жизнь мог ни разу не увидеть своего владыку, то теперь при желании это можно было сделать как минимум несколько раз.

Значительно улучшились условия, в которых находился архиерей и сопровождающие его лица во время путешествия, в первую очередь за счет развития паровозного сообщения. Путники теперь вряд ли могли подвергнуться опасности замерзнуть в дороге или же оказаться в бурных водах Оби и Иртыша.

Мало изменившаяся плотность заселения региона, разбросанность церквей на огромных пространствах не давали возможность надолго задерживаться в приходах и заставляли ограничиваться посещением лишь относительно крупных селений – центров благочиний: Березова, Сургута, Обдорска. Даже Самарово, не говоря о более мелких приходах, инспектировалось от случая к случаю. Однако в путевых журналах начала XX в. содержатся сведения и об общении архиерея с прихожанами, о службах в маленьких сельских церквях, оказавшихся на пути его следования. Без всякого сомнения, епархиальные архиереи постепенно становились ближе к своей пастве, могли лучше вникнуть в их повседневные нужды, помочь в решении текущих проблем.

Литература

- Абрамов, 1868** – Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский. (1845–1852 гг.) // *Странник*. 1868. Т. III. № 8. Отд. I. С. 63–93.
- Абрамов, 1869** – Абрамов Н.А. Евлампий, архиепископ Тобольский и Сибирский // *Странник*. 1869. Т. I. Отд. 1. С. 103–115.
- Абрамов, 1998** – Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852) // *Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии*. Тюмень: Софт-Дизайн. 1998. С. 297–316.
- Главацкая, 2005** – Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург: Салехард: изд. «РА АРТмедиа», 2005. 360 с.
- ГАТ** – Государственный архив в г. Тобольске.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Гуличкина, 2006** – Гуличкина Г.Г. «Муж во истину духа апостольского» // *Святитель Макарий (Невский). Не отчаиваюсь в Божией помощи: Сборник писем / Сост. Г.Г. Гуличкина*. М., 2006. С. 31–74.
- Исаков, Дмитриенко, 2002** – Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск: изд-во Томского университета, 2002. 112 с.
- Мавлютова, 2001** – Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2001. 180 с.
- Малашин, 2011** – Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Восточная Сибирь, 2011. 474 с.
- Миссионерское..., 1875** – Миссионерское путешествие преосвященного Ефрема, епископа Березовского в 1873 году // *Миссионер (еженедельное издание Православного миссионерского общества)*. 1875. № 22. С. 172–174.
- Поездка..., 1896** – Поездка Преосвященного Агафангела в г. Сургут и далее по рр. Ваху и Югану // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1896. № 19. Отдел неофиц. С. 443–446.

- Путинцев, 1892 – Путинцев М. Тобольская епархия. Ч. 2. От. 1: Архипастыри Тобольской епархии. Жизнеописание Тобольских архипастырей. Омск, 1892. 158 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Смолич, 1996 – Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. XVIII. Ч. I. М., 1996. 800 с.
- Справочная..., 1913 – Справочная книга Тобольской епархии на 1 сентября 1913 года. Тобольск: типография Епархиального Братства, 1913. 46 + 227 + 87 + 68 с.
- Солодкин, 2002 – Солодкин Я.Г. Из истории церкви Знаменья Пресвятой Богородицы в селе Ларьяк // От Ваха до Агана: Эколого-краеведческий альманах. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. С. 14–32.
- Софронов, 1998 – Софронов В. Светочи земли Сибирской. Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.). Екатеринбург: «Уральский рабочий», 1998. 263 с.
- Сулоцкий, 2000а – Сулоцкий А.И. Тобольские архипастыри: Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Ящуржинский) // Сочинения в трех томах: Т. 2. О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: издательство Ю. Мандрики, 2000. С. 521–547.
- Сулоцкий, 2000б – Сулоцкий А.И. Дополнение к биографии преосвященного Антония Знаменского, бывшего с 1802 по 1803 год епископом Вологодским // Сочинения в трех томах: Т. 2. О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: издательство Ю. Мандрики, 2000. С. 548–553.
- Сургутский..., 2006 – Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и Ка, 2006. 376 с.
- Темплинг, 2003 – Темплинг В.Я. Источники по истории миссионерской деятельности Русской Православной церкви на Северо-западе Сибири в XIX в. // Источники по истории Западной Сибири. Ч. 2. Материалы региональной научной конференции. Сургут: РИО СурГПИ, 2003. С. 33–35.
- Тресвятский, 2004 – Тресвятский Л.А., Шадрин А.С. Очерки по истории православия в Сибири (региональный аспект). Новокузнецк: Изд-во МОУ ДПО ИПК, 2004. 105 с.
- Тресвятский, 2013 – Тресвятский Л.А. Влияние православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX в.: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 302 с.
- Туров, 2007 – Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / под ред.: Степановой Л.В., Турова С.В. Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. С. 3–55.
- Фефелова, 2012 – Фефелова О.А. Выпускник Киевской академии в Сибири: Амвросий (Келембет), архиепископ Тобольский и Сибирский (1806–1822 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2012. № 3 (118). С. 20–23.
- Шашков, 2003 – Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева, И.В. Починская, А.Т. Шашков. Екатеринбург: изд-во «Волот», 2003. С. 6–62.
- Chulos, 2003 – Chulos C.J. Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201 p.
- Freeze, 1983 – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

References

- Abramov, 1868 – Abramov N.A. (1868). Georgiy Yashchurzhinskiy. arkhiyepiskop Tobolskiy i Sibirskiy. (1845–1852 gg.) [Georgiy Yaschurzhinskiy, Tobolsk and Siberian archbishop (1845–1852)] // Strannik. 1868. Vol. III. No 8. Dep. I. pp. 63–93 [in Russian].
- Abramov, 1869 – Abramov N.A. (1869). Evlampiy. arkhiyepiskop Tobolskiy i Sibirskiy [Evlampiy, Tobolsk and Siberian archbishop] // Strannik. Vol. I. Dep. 1. pp. 103–115 [in Russian].
- Abramov, 1998 – Abramov N.A. (1998). Georgiy Yashchurzhinskiy. arkhiyepiskop Tobolskiy i Sibirskiy (1845–1852) [Georgiy Yaschurzhinskiy, Tobolsk and Siberian archbishop (1845–1852)] // Gorod Tyumen. Iz istorii Tobolskoy eparkhii. Tyumen: Soft-Dizayn. pp. 297–316 [in Russian].
- Glavatskaya, 2005 – Glavatskaya E.M. (2005). Religioznyye traditsii khantov XVII–XX vv. [Khanty religious traditions in XVII–XX centuries] Ekaterinburg; Salekhard: izd. «RA ARTmedia». 360 p. [in Russian].
- GAT – Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske [State Archives in Tobolsk].
- GATO – Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State Archives in Tomsk oblast].
- Gulichkina, 2006 – Gulichkina G.G. (2006). «Muzh vo istinu dukha apotolskogo» [«Muzh vo istinu dukha apotolskogo»] // Svyatitel Makariy (Nevskiy). Ne otchavayus v Bozhiey pomoshchi: Sbornik pisem / Sost. G.G. Gulichkina. Moscow. pp. 31–74 [in Russian].
- Isakov, Dmitriyenko, 2002 – Isakov S.A., Dmitriyenko N.M. (2002). Tomskiye arkhieri: Biograficheskiy slovar [Tomsk archbishops: Biographical dictionary. 1834–2002]. 1834–2002. Tomsk: izd-vo Tomskogo universiteta. 112 p. [in Russian].
- Mavlyutova, 2001 – Mavlyutova G.Sh. (2001). Missionerskaya deyatelnost russkoy pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnoy Sibiri (19 – nachalo 20 veka) [Missionary work of the Russian Orthodox Church

- in the north-west of Siberia (XIX – early XX centuries)]. Tyumen: izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. 180 p. [in Russian]
- Malashin, 2011** – *Malashin G.V.* (2011). Krasnoyarskaya (Eniseyskaya) eparkhiya RPTs: 1861–2011 gg. [Krasnoyarskaya (Yeniseyskaya) diocese ROC: 1861–2011] Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir. 474 p. [in Russian].
- Missionerskoye..., 1875** – Missionerskoye puteshestviye preosvyashchennogo Efrema. episkopa Berezovskogo v 1873 godu [Missionary journey of Beryozovsky bishop, reverend Ephraim] // *Missioner (ezhenedelnoye izdaniye Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva)*. 1875. No 22. pp. 172–174 [in Russian].
- Poyezdka..., 1896** – Poyezdka Preosvyashchennogo Agafangela v g. Surgut i daleye po rr. Vakhu i Yuganu [Trip of Reverend Agafangel in Surgut and further along the river Wah and Yugan] // *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*. 1896. No 19. Otdel neofits. pp. 443–446 [in Russian].
- Putintsev, 1892** – *Putintsev M.* (1892). Tobolskaya eparkhiya. Ch. 2. Ot. 1: Arkhipastyri Tobolskoy eparkhii. Zhizneopisaniye Tobolskikh arkipastyrey [Tobolsk diocese. chapter 2. part 1: Archbishops of Tobolsk diocese. Biography of Tobolsk archbishops]. Omsk. 158 p. [in Russian].
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archives].
- Smolich, 1996** – *Smolich I.K.* (1996). Istoriya Russkoy Tserkvi. 1700–1917 [History of the Russian Orthodox Church. 1700–1917]. Kn. XVIII. Ch. I. Moscow. 800 p. [in Russian].
- Spravochnaya..., 1913** – Spravochnaya kniga Tobolskoy eparkhii na 1 sentyabrya 1913 goda [Reference book of Tobolsk diocese in 1913]. Tobolsk: tipografiya Eparkhialnogo Bratstva. 1913. 46 + 227 + 87 + 68 p. [in Russian].
- Solodkin, 2002** – *Solodkin Ya.G.* (2002). Iz istorii tserkvi Znamenia Presvyatoy Bogoroditsy v sele Lariak [From the history of Znamensky Church of Blessed Virgin in Laryak village] // *Ot Vakha do Agana: Ekologo-krayevedcheskiy alma-nakh*. Tyumen: Izd-vo Yuriya Mandriki. pp. 14–32 [in Russian].
- Sofronov, 1998** – *Sofronov V.* (1998). Svetochi zemli Sibirskoy. Biografii arkipastyrey Tobolskikh i Sibirskikh (1620–1918 gg.). [Saints of Siberian land. Bibliography of Tobolsk and Siberian archbishops (1620–1918)] Ekaterinburg: «Uralskiy rabochiy». 263 p. [in Russian].
- Sulotskiy, 2000a** – *Sulotskiy A.I.* (2000). Tobolskiye arkipastyri: Antoniy (Zna-menskiy). Evgeniy (Kazantsev) i Georgiy (Yashchurzhinskiy) [Tobolsk archpriests: Anthony (Znamenskiy), Evgeny (Kazantsev) and Georgy (Yashchurzhinskiy)] // *Sochineniya v trekh tomakh: Vol. 2. O sibirskom dukhovenstve / Pod red. V.A. Chupina*. Tyumen: izdatelstvo Yu. Mandriki. pp. 521–547. [in Russian].
- Sulotskiy, 2000b** – *Sulotskiy A.I.* (2000). Dopolneniye k biografii preosvyashchennogo Antoniya Znamenskogo. byvshego s 1802 po 1803 god episkopom Vologod-skim [Bibliography supplement of reverend Anthony Znamenskiy, taken the position of Vologodsky bishop between 1802–1803] // *Sochineniya v trekh tomakh: Vol. 2. O sibirskom dukhovenstve / Pod red. V.A. Chupina*. Tyumen: izdatelstvo Yu. Mandriki. pp. 548–553 [in Russian].
- Surgutskij..., 2006** – Surgutskij uezd v dokumental'nyh pamyatnikah XVIII–XIX vv.: istochniki [Surgut district in documental sources of the 18th – 19th centuries: sources] / Sost., avt. predisl. i komment. V.YA. Templing. Tyumen': Mandr i Ka, 2006. 376 p. [in Russian].
- Templing, 2003** – *Templing V.Ya.* (2003). Istochniki po istorii missionerskoy de-yatelnosti Russkoy Pravoslavnoy tserkvi na Severo-zapade Sibiri v 19 v. [History sources of missionary work of Russian Orthodox Church in the north-west of Siberia in XIX century] // *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri. Ch. 2. Materialy regionalnoy nauchnoy konferentsii*. Surgut: RIO SurGPI. pp. 33–35 [in Russian].
- Tresvyatskiy, 2004** – *Tresvyatskiy L.A., Shadrina A.S.* (2004). Ocherki po istorii pravoslaviya v Sibiri (regionalnyy aspekt) [Analytical review of Orthodox history in Siberia (regional dimension)]. Novokuznetsk: Izd-vo MOU DPO IPK. 2004. 105 p. [in Russian].
- Tresvyatskiy, 2013** – *Tresvyatskiy L.A.* (2013). Vliyaniye pravoslavnoy kultury na dukhovnyuyu zhizn v Sibiri v XVII – nachale XX v.: monografiya [Influence of Orthodox culture in spiritual life in Siberia in XVII – early XX centuries: monograph]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 302 p. [in Russian].
- Turov, 2007** – *Turov S.V.* (2007). Khramy na rechnykh ostrovakh [Temples in the river islands] // *Pravoslaviye na Ob-Irtyshskom Severe: materialy k istoriko-kulturnomu atlasu / pod red.: Stepanovoy L.V., Turova S.V.* Ekaterinburg: OOO «Basko». p. 3–55 [in Russian].
- Fefelova, 2012** – *Fefelova O.A.* (2012). Vypuschnik Kiyevskoy akademii v Sibiri: Amvrosiy (Kelembet). arkhiepiskop Tobolskiy i Sibirskiy (1806–1822 gg.) [Graduate of Kiev academy in Siberia: Amvrosiy (Kelembet), Tobolsk and Siberian archbishop (1806–1822)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TSPU Bulletin)*. No 3 (118). pp. 20–23 [in Russian].
- Shashkov, 2003** – *Shashkov A.T.* (2003). Tserkvi i monastyri Severo-Zapadnoy Sibiri i ikh biblioteki [Churches and monasteries in the north-west of Siberia and their libraries] // *Knizhnyye sokrovishcha Yugry: Rukopisnyye i staropechat-nyye knigi iz sobraniy goroda Khanty-Mansiyska / Sost. S.A. Beloborodov. N.A. Mudrova. A.V. Poletayev. E.A. Poletayeva. I.V. Pochinskaya. A.T. Shashkov*. Ekate-rinburg: izd-vo «Volot». pp. 6–62 [in Russian].

УДК 93/94

Поездки Тобольских епархиальных архиереев на Север Западной Сибири в XVIII – начале XX вв.Ольга Петровна Цысь^{а, *}^а Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются поездки Тобольских и Сибирских епархиальных архиереев на север Западной Сибири, предпринимавшиеся с различными целями в течение Синодального периода (XVIII – начало XX вв.). Указывается, что управление епархией затруднялось ее большими размерами, неразвитостью путей сообщения, суровыми природно-климатическими условиями. Поэтому поездки епархиальных архиереев должны были дать возможность из первых рук узнать о положении дел на местах и оперативно решить накопившиеся проблемы, разработать и осуществить конкретные меры, связанные с совершенствованием системы церковного управления, организацией приходской жизни.

Отмечается, что частота поездок, скорость передвижения постепенно возрастали, причинами чего служили развитие пароходного сообщения, своевременное выделение казенных средств, сокращение размеров епархии. В результате к началу XX в. из экстраординарного они превратились для Тобольского Севера пусть и в нечастое, но вполне обыденное событие.

По итогам каждой принимались важные решения, касавшиеся преимущественно организации миссионерского дела. С пребыванием на территории региона Тобольских и Сибирских преосвященных связана массовая христианизация коренного населения в начале XVIII в., создание, закрытие, преобразования противоязыческих миссий в XIX в. В ходе поездок также проводились ревизии состояния школьного дела в крае, решение различных текущих проблем: выбор мест под храмовое строительство, поощрение, повышение по службе успешно исполнявшего свои обязанности духовенства, взыскания нерадивых. Делается вывод, что поездки епархиальных архиереев были органически вписаны в систему церковного управления Синодального периода.

Ключевые слова: Тобольская и Сибирская епархия, епархиальный архиерей, инспекционные поездки, епархиальное управление, просвещение, миссионерство, духовенство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsysv@rambler.ru (О.П. Цысь)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 487-494, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.487
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47).083

The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power)

Peter P. Rumyantsev ^{a, *}

^aNational Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

The aim of the article is to analyze character of the relations and extent of interaction between gendarme staff officers and local executive power in the West Siberian region, and also to estimate efficiency of gendarme supervision of a private gold mining in the middle of the 19th century, in the first years after establishment of this supervision. The gendarme reports and work correspondence of local executive power which are stored in the Siberian regional archives were sources of a research. During the research the author came to the following conclusions. In the revealed reports the gendarme staff officers' attention was focused primarily on various kinds of incidents and violations on the gold mines in Siberia. It should be borne in mind that gendarmes did not depend on local administration, but directly subordinated to the heads of gendarmerie districts and governors-general, that could indicate the objectivity of the information contained in the reports. The next conclusion is that the arguments of the gendarme staff officers on the state of gold mining and their proposals on improving the workers' conditions indicate that they were rather qualified in all these matters. From work correspondence on remarks gendarme staff officers it is visible that governor generals of Western Siberia with great attention treated gendarme reports, quickly reacted to the cases of an arbitrariness, violations recorded by gendarmes, constantly addressing the provincial power with the requirement to react immediately to these signals that local executive power and tried to do. Thereby can the main conclusion about sufficiently high level of efficiency of the gendarme surveillance of private gold mining in Western Siberia in the middle of the 19th century. The supervision allowed to reveal quite quickly any problems in the gold-mining sphere, and local executive power quickly to react to them.

Keywords: gold mining, mine, Western Siberia, XIX century, gendarmes, staff officer, surveillance, annual report, Governor-General.

1. Введение

Важность жандармской отчетности по истории развития сибирской золотопромышленности заключается в следующем. С момента возникновения золотодобычи на сибирских землях и долгие годы не существовало налаженной системы отчетности со стороны чиновников горного ведомства. По этой причине жандармские отчеты могут восполнить дефицит информации о развитии золотого промысла в регионе. К тому же наблюдавшие за состоянием частной золотопромышленности жандармские штаб-офицеры не зависели от золотопромышленников, в отличие от горно-полицейских исправников, которые, по многочисленным свидетельствам, находились на прямом содержании у владельцев золотых промыслов и их управляющих, плативших им ежегодную «мзду» за то, чтобы горные исправники закрывали глаза на какие-либо нарушения законодательства. Это позволяло жандармам быть максимально объективными при донесении своему начальству о случаях нарушений, злоупотреблений, произвола.

* Corresponding author

E-mail addresses: petroom@mail.ru (P.P. Rumyantsev)

Цель представленной статьи – на основе жандармской отчетности о состоянии частной золотопромышленности и делопроизводственной переписки проанализировать характер отношений, степень взаимодействия между жандармскими штаб-офицерами и местной исполнительной властью в регионе, а также оценить эффективность жандармского надзора за золотодобычей. Территориальные рамки исследования охватывают Томскую губернию в границах середины XIX в., где и возник частный золотой промысел.

2. Материалы и методы

Информационной базой для представленного исследования стали материалы из фондов двух региональных архивов: Омской (Ф. 3 – Главное управление Западной Сибири) и Томской (Ф. 2 – канцелярия губернатора Томской губернии) областей, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Именно в указанных архивных фондах отложилась жандармско-полицейская отчетность о положении дел в регионе, в том числе по промышленному развитию, а также общественным движениям в регионе. В работе нашло отражение применение следующих общенаучных методов анализа источникового материала: нарративный и сравнительно-исторический. Нарративный метод позволил выявить историю возникновения, дальнейшего развития жандармского присутствия на частных золотых промыслах в Сибири, а также выполняемые основные функции со стороны жандармских штаб-офицеров. Сравнительно-исторический метод способствовал проведению всестороннего научного анализа информации, содержащейся в жандармских отчетах.

3. Обсуждение

Современная отечественная историография изучает российскую жандармерию не только в контексте борьбы официальной власти с оппозиционными общественными движениями, но и как инструмент контроля за местной исполнительной властью (Бибииков, 2009: 147–210; Ремнев, 2015: 180–202), а также исследователями выявляются такие функции жандармских штаб-офицеров, как присутствие в качестве комендантов на ярмарках, выполнение жандармами различных полицейских функций и пр. (Коновалов, 2014; Романов, 2010). При этом очень часто упускается из виду, что жандармский надзор осуществлялся и за промышленным сектором экономики, в том числе и за частной золотопромышленностью в Сибири, возникновение которой вызвало настоящий ажиотаж среди всего российского общества и привлекло деятельное внимание центральной российской власти к процессу золотодобычи в сибирском регионе. Необходимо отметить, что в зарубежной историографии получило широкое развитие исследование роли полиции и жандармерии в сохранении порядка и осуществлении контроля за золотопромышленностью в Австралии, США, Южной Африке, странами, являвшимися мировыми лидерами в добыче золота в XIX в. (McDowell, 2004; Baker, 2005; Segal, 2009).

Впервые в отечественной историографии о возникновении жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири сообщил В.И. Семевский, который привел выдержки из должностной инструкции для жандармских штаб-офицеров, следивших за состоянием золотого промысла, а также неоднократно упоминал о деятельности жандармов в процессе развития золотопромышленности в целом (Семевский, 1898: 138). Однако исследование деятельности жандармов в сибирской частной золотопромышленности не получила дальнейшего развития и только в последнее время стали появляться работы, посвященные этой тематике. Так, исследователи стали обращать внимание на важность отчетности жандармских штаб-офицеров в качестве исторического источника по истории развития золотопромышленности и положению приисковых рабочих (Зиновьев, 2009), а также стали изучать основные функции жандармов, их роль и место в системе социального контроля государства над самыми различными сферами (Бакшт, 2011; Бибииков, Бакшт, 2016; Бакшт, Румянцев, 2016). Научные исследования в этом направлении помогут расширить знания о профессиональной деятельности жандармов в XIX в., о месте жандармов в области государственного надзора за развитием промышленности и положением рабочего класса, о степени эффективности такого надзора.

4. Результаты

Жандармский надзор на частных золотых промыслах появился как прямой ответ на целую серию волнений приисковых рабочих, произошедших на рубеже 30–40-х гг. XIX в. Сначала по указу Николая I была учреждена должность жандармского штаб-офицера на частных золотых приисках Западной Сибири (1841 г.), а в следующем году по такому же указу в Восточной Сибири (Семевский, 1898: 138). Наблюдавшим за развитием золотопромышленности в Западной и Восточной Сибири жандармским штаб-офицерам в зимнее время года следовало находиться в Томске и в Иркутске или Красноярске соответственно. С 1 марта по 1 октября они обязывались постоянно присутствовать на приисках. По утвержденной инструкции жандармскому штаб-офицеру вменялось наблюдать за всем, что происходит на приисках, фиксировать разного рода происшествия, но при этом категорически запрещалось напрямую вмешиваться в происходившие события, он должен был в течение лета объезжать промыслы, принимать жалобы, прошения от рабочих и владельцев предприятий и в

пределах своей компетенции разбирать их. Обо всех произошедших беспорядках и волнениях офицеры жандармского корпуса обязывались докладывать местной полиции и начальству, а об особо важных доносить генерал-губернатору. Также в конце каждого года им предписывалось обо всех действиях по промыслам подробно сообщать генерал-губернатору Западной или Восточной Сибири, в зависимости от того, где располагались промыслы, а также начальнику Сибирского жандармского округа (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 945. Л. 56–59; ИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2017. Л. 2–5).

Жандармские штаб-офицеры в ежегодных в своих отчетах фиксировали как общую статистическую информацию о развитии частного золотого промысла в крае, так и указывали случаи нарушений действующего законодательства, злоупотребления со стороны золотопромышленников, их управляющих и доверенных лиц, а также фиксировали всевозможного рода происшествия, как убийства, эпидемии, волнения рабочих и пр. Как следует из делопроизводственной документации, местную исполнительную власть интересовала в первую очередь информация о происшествиях, злоупотреблениях, нарушениях законодательства, а уже после статистические данные о добыче золота. Механизм взаимодействия между жандармами и исполнительной властью выстраивался следующий. Жандармские отчеты шли напрямую к генерал-губернатору Западной Сибири, который после их прочтения отдавал распоряжения губернской власти реагировать на выявленные жандармами замечания.

Одним из первых, кто занял должность штаб-офицера, наблюдавшего за состоянием частного золотого промысла в Западной Сибири, был жандармский полковник (впоследствии генерал-майор) Дмитрий Гаврилович Пономарев, заступивший на указанную должность, как следует из его отчетов, в 1843 или 1844 г. (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5490а. Л. 6 об.). В его отчетах содержалась самая разнообразная информация о состоянии местной золотопромышленности. Так, в отчете о состоянии частной золотопромышленности за 1849 г. он указал следующие замечания: горный ревизор по поручению своего начальства почти на все лето был отозван в Минусинский и Ачинский горные округа, тем самым «весьма мало имел время и возможности наблюдать на томских промыслах за правильностью технических работ и верностью поступления вырабатываемого золота в приход по принадлежности»; на прииске Палагеевском компании коллежского асессора Роникина «рабочие не имели говядины и это продолжалось до прибытия в августе на промыслы одного из компаньонов, который принял тот час же свои меры»; в компании Рязановых денежный расчет с рабочими в конце промысловой операции начался «весьма поздно и с затруднением по неимению денег, но от рабочих до меня жалоб не доходило, а от горного исправника по требованию моему, я сведения об этом не получил» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17770. Л. 4–5).

Генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков достаточно оперативно отреагировал на информацию из отчета Пономарева. Уже 3 декабря 1849 г. П.Д. Горчаков пишет томскому гражданскому губернатору о тех злоупотреблениях и проблемах, указанные в отчете жандармского штаб-офицера, и требует следующее: 1) чтобы горный ревизор следил за всеми горными округами в Томской губернии; 2) чтобы на прииске Палагеевском компании коллежского асессора Роникина выдавалось качественное продовольствие; 3) чтобы на прииске компании Рязановых рабочие были удовлетворены платою немедленно (ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17770. Л. 16–17).

6 ноября 1850 г. Томское губернское правление доносило томскому гражданскому губернатору, что приняло распоряжение о предотвращении в будущем тех беспорядков, указанных в отчете Пономарева. Губернское правление 18 января 1850 г. предписало всем волостным правлениям Томского, Каинского, Кузнецкого и Бийского округов, чтобы они не допускали у себя случаев сбора с рабочих больших податей, надзор за этим возлагался на земские суды. Томскому, Каинскому, Кузнецкому, Бийскому и горному исправнику Тимофееву поручалось наблюдать, чтобы рабочие получали пищу и жалованье согласно контрактам. Также Тимофееву «велено вменить управляющим золотыми промыслами Томского округа, чтобы они на будущее время подобных беспорядков отнюдь не осмеливались допускать под опасением взыскания по закону» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17770. Л. 20–20 об.).

Жандармские штаб-офицеры обращали свое внимание на самые разные вопросы местной золотопромышленности, которые могли быть напрямую не связаны с процессом добычи золота, но имели большое значение для положения рабочего персонала, например, состояние медицинской части на золотых приисках. Так, в отчете Пономарева за 1855 г. указывается следующая информация: «На приисках, расположенных по Кельбесокй системе госпожи Репьевой, купцов Серебренникова и Шубина лазаретов не было. Строения хотя и носят название лазаретов, но при посещении приискового штаб-лекаря Дохновича оказались пусты, без всяких больничных принадлежностей и медикаментов; а поселенцы, выдававшие себя за фельдшеры, по расспросу г-на Дохновича, оказались нанятыми для работ и без всяких познаний; почему во избежание худых последствий, могущих произойти от незнания при подании больным начальной помощи, г-н Дохнович всякое лечение им воспретил» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3784. Л. 5 об.). На эту информацию генерал-губернатор Западной Сибири отреагировал следующим образом. 23 декабря 1855 г. в распоряжении на имя томского гражданского губернатора он потребовал, чтобы на приисках Репьевой, Серебренникова и Шубина лазареты были устроены по всем правилам (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3784. Л. 14–15).

Из отчетов следует, что жандармский надзор велся и за чинами горно-полицейской стражи, т.е. лиц, которые должны были непосредственным образом следить за порядком на золотых промыслах.

При этом можно предположить достаточно высокую степень объективности в оценках жандармов, которые они давали представителям местной горно-полицейской стражи. Так, в отчете за 1851 г. Пономарев высоко оценивал профессиональные качества горного исправника Тимофеева, т.к. «...всегда с самоотверженностью и благонамеренностью исполнял свои обязанности. Лучшим доказательством сему служит спокойствие и повиновение до трех тысяч и более человек рабочих, бывающих ежегодно, большею частью из поселенцев (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5490а. Л. 6 об.). А в отчете за 1856 г. этот же жандармский штаб-офицер охарактеризовал начальника казачьего отряда Шрамова следующим образом: «Можно бы желать, чтобы подполковник Шрамов, как лучший из всех своих предшественников, остался бы на промыслах и на следующий год начальником казачьего отряда» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3921. Л. 14 об.).

Вместе с тем жандармские штаб-офицеры доносили и о случаях плохого исполнения своих обязанностей и разного рода злоупотреблениях со стороны горно-полицейской власти. В отчете за 1866 г., составленном начальником Томского губернского жандармского управления подполковником Кретковским, указано, что командир казачьего отряда есаул Русинов был замечен в пьянстве, как и его подчиненные. Также в этом отчете приводится информация о недостойном поведении заседателя по поимке беглых чиновнике Костыреве, который «В истекшем лете в первый раз приезжал в с. Тисуль ничего ровно в обязанностях своих не делал и запомнился только тем, что был в мундире горного офицера, отправившись по приискам <...> домогался от золотопромышленников за свой труд по разездам денег и вина. С тем вместе продавал билеты на разыгрываемую лотерею разных своих вещей. К немалому удивлению в последствии оказалось, что чиновник сей неблагонадежный, кроме настоящей своей должности получил назначение заведовать Спасскою волостью Томского округа в помощь участковому заседателю, где ныне и находится на жительстве и, как слухи носят, делает поборы в свою пользу, домогаясь от общества найма ему квартиры и установления для него содержания» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7832. Л. 7 об.–8).

Генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов 23 июня 1867 г. обратился к томскому гражданскому губернатору с требованием разобратся во всех выявленных Кретковским случаях произвола, а также предлагал заменить Костырева на более ответственного чиновника, если выяснится, что последний замешен в том, о чем писал Кретковский. В другом документе от этого же числа А.П. Хрущов обращался к наказному атаману Сибирского казачьего войска, где пишет, что казаки на приисках замечены в пьянстве «и даже командир отряда есаул Русинов не отличается трезвостью поведения». Далее он просит принять меры по искоренению пьянства среди казаков (ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7832. Л. 23 об., 24–24 об.).

В жандармских отчетах довольно много места отводилось экономическому и правовому положению приисковых рабочих. Особую озабоченность у жандармских штаб-офицеров вызывало то, что составленные промышленниками контракты носили грабительский характер по отношению к рабочим и довольно часто нарушались со стороны владельцев золотых приисков и их доверенных лиц. В только что приведенном отчете за 1866 г. жандармский офицер Кретковский указывал на произвольный характер составления и заключения контрактов с приисковыми рабочими «с обременительными весьма для людей условиями, так что на стороне золотопромышленника предусматривается все к обеспечению непрерывной работы закабаленного большими задатками рабочего, а на стороне последнего ничего нет, даже права жалобы, потому что условие найма им подписано. Контракты эти обыкновенно свидетельствуются в волостном правлении, которому при этом очевидно, как тяжкие условия найма, так и значительные выдачи рабочему в задаток денег, но они не обращают внимание, свидетельствуют лишь в подлинности рукоприкладства наемщиков и полученные ими означенных денег. Для предупреждения сего было бы полезно дабы все заключаемые золотопромышленниками с рабочими контракты свидетельствовали, если не судебным местом, то хотя бы горным исправником, внушив ему строгую обязанность при рассмотрении условий наблюдать взаимные в промышленности сей удобства» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7832. Л. 5). На эти замечания от генерал-губернатора Западной Сибири последовало распоряжение томскому гражданскому губернатору изучить случаи злоупотреблений промышленников при составлении контрактов, после чего составить такую форму контракта, чтобы в дальнейшем рабочие могли оградить себя от произвола нанимателей (ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7832. Л. 22 об.).

Распространенным нарушением контрактов, как следует из жандармских отчетов, являлась частая задержка, а то и вовсе невыплата рабочим заработка в конце промысловой операции. Так, в отчете Пономарева за 1854 г. указывалось, что расчет с рабочими, как и положено, завершили 10 сентября благополучно, кроме промыслов, арендованных действительным статским советником Рютиным, на которых служащие и некоторые рабочие вместо заработка получили одни лишь квитанции за подписью управляющего Петрова. Это произошло потому, что деньги не были во время высланы управляющему. При этом жандармский офицер утверждает, что практика расчета с рабочими квитанциями вместо наличных денег довольно частое явление в таежном мире и это всегда ставит рабочих в затруднительное положение, т.к. высока вероятность, что рабочие так и не увидят свои заработанные тяжелым приисковым трудом деньги. 10 марта 1855 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился к томскому гражданскому губернатору, указав последнему о полученных им сведений из отчета Пономарева о выдаче квитанций рабочим на прииске, арендованном

Рютиным. Далее он просил томского губернатора разобраться в этой проблеме и следить, чтобы подобные ситуации впредь не происходили (ИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3783. Л. 3–3 об., 18–19 об.).

Жандармские штаб-офицеры не только фиксировали случаи подобного рода произвола по отношению к рабочим, но и предлагали свои меры для искоренения таких ситуаций. Для предотвращения случаев выдачи рабочим квитанций вместо денег и, как следствие, проявление недовольства с их стороны Пономарев предлагал обязать всех владельцев золотопромышленных предприятий заблаговременно высылать доверенным и управляющим на промыслы деньги для расчета с рабочими при окончании работ, о чем они должны были бы предоставлять сведения горному исправнику не позднее 1 сентября; «а ему вменить в строгую обязанность при случае недоставления к означенному сроку кем-либо на свои промыслы денег, тотчас донести губернскому начальству, которое разрешит немедленно отправлять на промыслы потребное количество денег по исчислению горного исправника из сумм приказа Общественного призрения или Алтайского горного правления на счет возврата из денег, причитающихся за выработанное золото с положенными процентами и с пополнением всех издержек, употребляемых при пересылке денег на счет виновных золотопромышленников» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3783. Л. 3 об.–4).

Приведенные выше сведения о нарушении контрактов рабочих и предложения жандармских штаб-офицеров об улучшении положения приисковых рабочих вряд ли могут свидетельствовать об искреннем желании жандармов защищать интересы рабочего класса от произвола со стороны предпринимателей и их управляющих. Скорее всего, в этом можно увидеть стремление через улучшение правового и экономического положения рабочих уменьшить количество протестов, прямых волнений со стороны рабочей команды. Однако и это являлось существенным прорывом в отношении к рабочему классу.

Еще одну озабоченность у жандармов вызывала ситуация, когда, взяв большие задатки от предпринимателя, рабочие вынуждены были большую часть из них, чтобы получить промысловый билет, отдавать волостному писарю, составлявшему контракт, а также земскому исправнику, смотрителю поселенцев, окружному стряпчему. Подавляющая часть уходящих на заработки на золотые промыслы рабочих происходила из ссыльнопоселенцев, следовательно, они никак не были защищены от подобного рода поборов со стороны местной власти, для которой такая ситуация являлась источником для личного обогащения. При этом необходимо отметить, что центральная имперская власть знала об этой проблеме. Так, в 1851 г. инспекторский департамент Военного министерства обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с письмом, где говорилось, что император получил сведения, что «уроженцы западных губерний и Царства Польского, сосланные в Сибирь за разные свои преступления, назначаются там в волостные писаря и пользуются значительными, недозволенными выгодами. Получая от золотопромышленников за каждый билет для поселенца по 6 рублей ассигнациями, они приобретают до 15 тыс. рублей ассигнациями в год. Из этих денег платят на содержание канцелярии по рублю с билета и за всеми другими издержками приобретают в свою пользу половину той суммы. Его Величество Высочайше повелеть соизволил: сообщить о сем по принадлежности для принятия строжайших мер к искоренению этого злоупотребления» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 1–1 об.).

Последовавшее на это письмо расследование со стороны жандармских штаб-офицеров не только подтвердило эту информацию, но и выявило случаи злоупотребления со стороны местной волостной власти. Так, в рапорте генерал-майора Пономарева начальнику 8-го корпуса жандармов генерал-майору Влахопулову от 15 июля 1851 г. с пометкой «весьма секретно» говорилось, что «все волостные писаря без исключения и в настоящее время получали от золотопромышленников собственно на счет последних за каждый билет от 3 до 6 рублей и более ассигнациями, смотря по добросовестности писаря и по мере незаконности обстоятельств, по которым вымогаются подобные пользы» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 13). Другой жандармский штаб-офицеров, полковник Мосолов 2-й, в своем рапорте на имя того же жандармского начальника на примере Колыванской волости Томской губернии подверг сомнению, что волостные писаря получают доход по 15 тыс. руб. в год за промысловые билеты с приисковых рабочих. В доказательство своего суждения он привел следующие цифры. Больше всего за последнее время колыванское волостное правление выдало промысловых билетов в промежуток с 1 ноября 1849 г. по 1 ноября 1850 г. – 1 423 промысловых билета. Если помножить эту цифру на 6 руб., то в сумме выйдет не 15 тыс., а 8 538 руб. Далее он пишет «я этим, однако, вовсе не хочу опровергать правдоподобия значительных доходов, получаемых писарями волостей, ибо по общему слуху, плата за билеты поселенцев сверх всех казенных взысканий, простирается не до 6 руб. асс., а до 2 руб. серебром и более, и время укоренило этот побор столь сильно, что он вошел как бы в нормальный по всем волостям вообще, где только проводится наемка рабочих на золотые промыслы и не доставляя уже с давнего времени тайны для местного начальства, у золотопромышленников вошел в статьи неизбежных расходов» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 15 об.–16).

Дальнейшее расследование жандармского штаб-офицера Пономарева раскрыло не только случаи поборов волостных писарей с приисковых рабочих, но выявило и другие злоупотребления со стороны волостной власти. Вкратце ситуация выглядела следующим образом. В селе Тисульском Дмитриевской волости Томского уезда Томской губернии должность местного волостного писаря занимал некто Никита Кравченко. Однако за какие-то «противозаконные поступки» он лишился этой

должности, но не утратил виды на это место. Во время подушной ревизии 1850 г. он к возрасту своего старшего сына Прокофия приписал три года, так что вышло 22 года. Далее он смог добиться от своих односельчан выбора на должность волостного писаря своего сына, при этом, со слов Пономарева, здесь не обошлось без спаивания и составления приговора, подписанного вместо некоторых заочно. Таким образом отец с сыном смогли отстранить от должности волостного писаря Егора Воинова, который недавно сельским обществом был избран на эту должность. И теперь «Прокофий Кравченко уже в звании писаря действует беспрепятственно, по влиянию на него опытного уже в делах отца его Никиты Кравченко, не упуская нигде своей пользы, даже притесняет прежнего писаря Воинова и вынуждает, чтобы он расписался в следующем ему по расчету жалованья, а денег не выдает» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 25).

На действиях Кравченко в жандармском рапорте коррупция не ограничивается: говорится о волостной голове Дмитриевской волости Тимофее Яковлевиче Нестерове, который большую часть собранных с поселенцев в податъ денег утаил в свою пользу, после чего с некоторых вторично требовал податъ, о чем стало известно губернской власти. Расследовать это дело были направлены специальные чиновники. Однако дело это так и не было «раскручено», о чем свидетельствует тот факт, что Нестеров по-прежнему занимал должность волостного головы. В заключении Пономарев просит удалить семейство Кравченко из Дмитриевской волости, а «...ежели бы благоугодно было бы начальству все изложенные здесь противозаконные действия подвергнуть законному исследованию, то должно желать, чтобы это было поручено особенно доверенному и благонадежному чиновнику не из губернских, а еще наилучше из жандармских офицеров» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 26 об.). О той важности, которую отдавал этому делу жандармский штаб-офицер, свидетельствует приписка к его рапорту с пометкой «весьма секретно», где он доносит о том, что ему стало известно, что, несмотря на свои злоупотребления, Прокофий Кравченко и волостной голова Нестеров будут представлены губернатору на утверждение в своих должностях, но для этого следует поднести кому следует. Именно для решения этой задачи в Томск отправился Кравченко-старший с теми деньгами, которые, как считает Пономарев, они получили за счет своих махинаций (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 27–27 об.).

Из всего прочитанного напрашивается два вывода. Во-первых, жандармский штаб-офицер Пономарев, в чьи обязанности входило в первую очередь осуществлять надзор над частными золотыми промыслами, хорошо был осведомлен о положении дел в волостном управлении близлежащих к золотым промыслам населенным местностям, что, скорее всего, свидетельствовало о хорошо налаженной им системы информирования и оповещения через агентурную сеть. Во-вторых, можно увидеть личную заинтересованность Пономарева не только в раскрытии выявленных им злоупотреблений, но и должном расследовании и вынесении наказаний виновным. В качестве общего вывода можно заключить о высоком профессионализме генерал-майора Пономарева и достаточной эффективности жандармского надзора.

Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд с большим вниманием отнесся к рапорту Пономарева и 13 августа 1851 г. в распоряжении за № 60 («весьма секретно»), адресованном томскому гражданскому губернатору, перечислил выявленные Пономаревым злоупотребления. После чего он призвал губернатора провести расследование, отправив туда благонадежного чиновника, на время расследования удалить от должности Нестерова и Прокофия Кравченко, а отца последнего немедленно выселить в другую отдаленную волость до окончания дела «как беспокойного и вредного человека и иметь его под надзором местной земской полиции». При этом Гасфорд призывал соблюдать осторожность, чтобы он своим переездом не успел взбаламутить все общество (ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–5 об.).

От томского губернатора долго не поступала информация о проведенном расследовании, что вынудило Гасфорда 26 октября того же года повторно обратиться к нему, вновь перечислив свои предложения (ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 15–18). Наконец, 6 ноября 1851 г. за № 234 поступил ответ томского губернатора, где он доносил, что в Дмитриевскую волость для расследования был направлен чиновник особых поручений Романов, расследование которого подтвердило выявленные жандармским штаб-офицером Пономаревым случаи произвола со стороны волостной власти. Дальнейшее расследование губернатор «поручил таковое произвести г-ну горному исправнику по частным золотым промыслам Томского округа Тимофееву со строгим беспристрастием и удалением от должности писаря Кравченко, <...> чтобы он не мало не медля предложил обществу об избрании другого благонадежного человека, а отца Кравченко для прекращения влияния его на умы общества и может быть на самый ход дела, переслал немедленно в Нарымский край до окончательного производства следствия» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 56–56 об.).

5. Заключение

Резюмирую все сказанное, можно сделать следующие выводы. Жандармская отчетность является важным историческим источником по истории процесса развития золотопромышленности в Сибири. Из жандармских отчетов хорошо видна осведомленность жандармских штаб-офицеров о происходивших событиях на частных золотых промыслах в Сибири, их хорошее знание процесса золотодобычи. Жандармские штаб-офицеры докладывали своему начальству и генерал-губернатору Западной Сибири не только информацию об общем состоянии частного золотого промысла в крае, но и фиксировали в своих

отчетах случаи произвола, нарушений законодательства со стороны приисковых администраций. Из последовавшей на эти замечания делопроизводственной переписки следует, что адресаты с должным вниманием относились к этим отчетам, быстро реагируя на зафиксированные жандармами случаи произвола, нарушений, постоянно обращаясь к губернской власти с требованием немедленно реагировать на эти сигналы, что местная исполнительная власть и старалась делать. Тем самым можно сделать главный вывод, что жандармский надзор над частной золотопромышленностью в Западной Сибири в середине XIX в., т.е. в первые годы после учреждения, был довольно эффективен, позволял довольно оперативно выявлять какие-либо проблемы в золотопромышленной сфере и также быстро реагировать на них. Такой результат во многом являлся следствием активности самих жандармов и хорошо налаженной связи между жандармами и высшей исполнительной властью в регионе. Однако в дальнейшем надзор над частной золотопромышленностью становится второстепенной задачей в жандармском функционале, первоочередной становится задача борьбы с революционным движением, сначала народнического, затем социал-демократического толка. Это привело к ликвидации должности жандарма, наблюдавшего за развитием золотодобычи и в Уставе о частной золотопромышленности 1870 г. ничего не было сказано о жандармском надзоре.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 33.1687.2017/ПЧ "Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности".

Литература

Бакшт, 2011 – Бакшт Д.А. Жандармский надзор за золотопромышленностью в Енисейской губернии (Енисейский округ) во второй половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность: сб. науч. тр. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 82–90.

Бакшт, Румянцев, 2016 – Бакшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 6 (44). С. 5–10.

Бибиков, 2009 – Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.

Бибиков, Бакшт, 2016 – Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 3 (41). С. 16–24.

ГАИО – Государственной архив Иркутской области.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Зиновьев, 2009 – Зиновьев В.П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке // Документ в контексте истории: Материалы II Междунар. науч. конф. Омск, 2009. С. 28–33.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Коновалов, 2014 – Коновалов И.А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // *Вестник Омского университета. Сер. Право*. 2014. № 14 (41). С. 25–34.

Ремнев, 2015 – Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография / под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск : Изд-во Ом. Гос. ун-та, 2015. 580 с.

Романов, 2010 – Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2010. № 1. С. 103–111.

Семевский, 1898 – Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 1.

Baker, 2005 – Baker D. Batons and Blockades: Policing Industrial Disputes in Australia. Melbourne, 2005. 256 p.

McDowell, 2004 – McDowell A. Real Property, Spontaneous Order and Norms in the Gold Mines // *Law & Social Inquiry*. 2004. No 4. pp. 771–818.

Segal, 2009 – Segal N. Anti-Union or Pro-Property? Worker Surveillance and Gold Theft in Western Australian Gold Mines, 1899–1920 // *Labour History*. 2009. No 97. pp. 37–52.

References

Baksht, 2011 – Baksht D.A. (2011). Zhandarmskiy nadzor za zolotopromyshlennost'yu v Eniseyskoy gubernii (Eniseyskiy okrug) vo vtoroy polovine XIX v. [The gendarme supervision of the gold industry in Yenisei Province in the late 19th century]. *The Yenisei North: History and modernity*. Krasnoyarsk. Vol. 1, pp. 82–90. [In Russian].

Baksht, Rumyantsev, 2016 – Baksht D.A., Rumyantsev P.P. (2016). «Zhandarmskiy nadzor» za chastnoj zolotopromyshlennost'ju v Sibiri (1870–1880-e gg.): ego sushhnost', formy i problemy realizacii ["The Gendarme supervision" of a private gold mining in Siberia (1870–1880-ies): his essence, forms and problems of realization]. *Tomsk State University Journal of History*, 6 (44). pp. 5–10. [In Russian].

- Bibikov, 2009** – *Bibikov, G.N.* (2009). A.Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I [A.Kh. Benkendorf and Emperor Nicholas I's policy]. Moscow [In Russian].
- Bibikov, Baksht, 2016** – *Bibikov G.N., Baksht D.A.* (2016). Uchrezhdenie zhandarmskogo nadzora na zolotykh priiskakh Sibiri v 1841–1842 gg. [The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842]. *Tomsk State University Journal of History*, 3 (41). pp. 16–24. [In Russian].
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region].
- Zinov'ev, 2009** – *Zinov'ev V.P.* (2009). Zhandarmско-policejskaja otchetnost' kak istochnik po social'nomu obliku rabochih Sibiri v XIX veke [Gendarmes and police reports as a source of social appearance of the workers in Siberia in the 19th century]. *The document in the context of history: Proc. of the 2nd International Conference*. Omsk, pp. 28–33. [In Russian].
- IAOO** – Istoricheskij arhiv Omskskoj oblasti [Historical archive of Omsk region].
- Konovalov, 2014** – *Konovalov I.A.* (2014). Sibirskiy zhandarm'skiy okrug: struktura, polnomochiya i deyatel'nost' [Siberian Gendarmerie District: The structure, powers and activities]. *Herald of Omsk University. Law*, 14 (41), pp. 25–34. [In Russian].
- Remnev, 2015** – *Remnev A.V.* (2015). Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in the imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk. [In Russian].
- Romanov, 2010** – *Romanov V.V.* (2010). Funktsionirovanie mestnykh podrazdeleniy politicheskoy politsii v usloviyakh provedeniya yarmarok v 1825–1860 gg. [The functioning of local political police departments during fairs in 1825–1860-s]. *Legal Policy and Legal Life*, 1, pp. 103–111. [In Russian].
- Semevskij, 1898** – *Semevskij V.I.* (1898). Rabochie na sibirskih zolotykh promyslah [Workers in the Siberian gold mines]. S-Petersburg. Vol. 1. [In Russian].
- Baker, 2005** – *Baker D.* (2005). *Batons and Blockades: Policing Industrial Disputes in Australia*. Melbourne.
- McDowell, 2004** – *McDowell A.* (2004). Real Property, Spontaneous Order and Norms in the Gold Mines. *Law & Social Inquiry*, Vol. 4, pp. 771–818.
- Segal, 2009** – *Segal N.* (2009). Anti-Union or Pro-Property? Worker Surveillance and Gold Theft in Western Australian Gold Mines, 1899–1920. *Labour History*, Vol. 97. pp. 37–52.

УДК 94 (47).083

Эффективность жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири в середине XIX в. (на примере взаимоотношения с местной исполнительной властью)

Петр Петрович Румянцев ^{а, *}

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – проанализировать характер отношений и степень взаимодействия между жандармами и местной исполнительной властью в западносибирском регионе, а также оценить эффективность жандармского надзора за частной золотопромышленностью в середине XIX в., т.е. в первые годы после учреждения этого надзора. Источниками исследования послужили жандармские отчеты и делопроизводственная переписка местной исполнительной власти, находящиеся на хранении в сибирских региональных архивах. В процессе исследования автор пришел к следующим выводам. В выявленных отчетах внимание жандармских штаб-офицеров сосредотачивалось в первую очередь на разного рода происшествиях и нарушениях на золотых приисках в Сибири. Необходимо иметь в виду, что жандармы не зависели от местной администрации и напрямую подчинялись начальникам жандармских округов и генерал-губернаторам, что может свидетельствовать об объективности информации, содержащейся в их отчетах. Из последовавшей на эти замечания жандармов делопроизводственной переписки следует, что генерал-губернаторы Западной Сибири с должным вниманием относились к этим отчетам, быстро реагируя на зафиксированные жандармами случаи произвола, нарушений, постоянно обращаясь к губернской власти с требованием немедленно реагировать на эти сигналы, что местная исполнительная власть и старалась делать. Тем самым можно сделать главный вывод, что жандармский надзор над частной золотопромышленностью в Западной Сибири в середине XIX в., был довольно эффективен. Надзор позволял довольно оперативно выявлять какие-либо проблемы в золотопромышленной сфере, а местной исполнительной власти быстро реагировать на них.

Ключевые слова: золотопромышленность, прииски, Западная Сибирь, XIX в., жандармы, штаб-офицер, надзор, годовой отчет, генерал-губернатор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petroom@mail.ru (П.П. Румянцев)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 495-504, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.495
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

Major State Fairs in the Middle Volga in the Second Half of the XIX Century

Julia V. Korneeva ^{a,*}

^a Volga Region State University of Service, Russian Federation

Abstract

The article based on archival documents collected in regional archives Ulyanovsk, Penza and Samara regions review and analyze data of the turnovers of city fairs in the second half of the XIX century. Special attention is paid to the most significant fairs of the province, which distributed the commodity flows in the region and formed a sales market. City fairs accumulated almost all imported goods. The article shows the turnover of major city fairs during the second half of the 19th century, which demonstrate both similar signs of the sale of goods and the characteristics of each fair separately. High demand at city fairs used a variety of fabrics and products made from them, leather, colonial goods, and horses. Among all the city's fairs of the Middle Volga region allocated Sbornay's fair in Simbirsk, the commodity turnovers which allowed her to enter the five largest fairs Russia in the second half of the XIX century. It is concluded that large city fairs of the Middle Volga region played a pivotal role in trade-money relations of region, as evidenced by the trade data of major trade fairs and an assortment of imported products. The fair trade of the second half of the XIX century gradually reduced its turnover for a number of reasons: firstly, industrial production expanded, enterprises of which sold manufactured products, secondly, the appearance of stationary forms of trade, and thirdly, the development of railway and horse-drawn transport routes, thanks which was carried out year-round wholesale trade, and, finally, the development of trade exchanges.

Keyword: fairs; city fairs, middle Volga region, Sbornay's fair in the city of Simbirsk.

1. Введение

Ярмарочная торговля до конца XIX в. занимала ведущее место в сбытовой политике Российского государства. Появление первых ярмарок относят еще к XVI веку, однако некоторые исследователи указывают на более раннее существование российских ярмарок (Бахрушин, 1952: 40). Согласно словарю В.И. Даля, ярмарка – это «большой торговый съезд и привоз товаров и срочное в году время, годовой торг, длящийся неделями» (Даль, 1909). Российские ярмарки были идеальным местом торгового обмена в эпоху натурального хозяйства и предшествовали возникновению капиталистического способа производства и сбыта. Даже сегодня в эпоху расцвета и процветания магазинной торговли выставки и ярмарки занимают особое место, привнося в торговый мир некоторую авантажность и импозантность.

Основной экономической оборот ярмарочной торговли во второй половине XIX в. приходился именно на городские ярмарки. В сравнении с сельскими ярмарками на городских проходила более масштабная торговля, которая выражалась как в количестве привозимого и продаваемого товара, так и в ассортименте ярмарочной продукции. Поэтому проблема ярмарочной торговли во второй половине XIX века в регионах в частности и в России в целом будет интересна исследователям для выявления региональной специфики каждой ярмарки и особенности ее включения в единый общероссийский рынок.

* Corresponding author

E-mail addresses: jullka55@yandex.ru (Ju.V. Korneeva)

2. Материалы и методы

2.1. Текст статьи основан на источниках, в которых характеризуются и анализируются ярмарочные торги как на территории России, так и на всем Среднем Поволжье. Большую часть источников составила статистико-справочные материалы Государственных архивов областей Среднего Поволжья. Так фонд 48 Государственного архива Ульяновской области, фонд 9 Государственного архива Пензенской области и фонд 171 Государственного архива Самарской области содержат статистические сведения о количестве ярмарок, особенностях движения торговли на ярмарках губерний. Сравнительный анализ этих показателей дает возможность не только проследить динамику ярмарочных торгов в течение второй половины XIX века, но и выявить крупнейшие ярмарки в регионе, а также их специализацию. Также ценным являются и вторичные источники ([Материалы ... Пензенская губерния, 1867](#); [Материалы ... Симбирская губерния, 1868](#)), в которых собраны и уже проанализированы данные по обзору внутренней торговли на ярмарках губерний Среднего Поволжья. Для экономического анализа торговых оборотов крупных городских ярмарок немаловажное значение приобретают работы региональных авторов ([Шкунов, 2011](#); [Аникин, 2012](#); [Гусева, 2010](#)), в которых исследователи выделяют именно региональный аспект и специфику ярмарочного торгога. Лишь при ознакомлении разно-уровневых источников и применение разнообразных методов исследования возможна объективная характеристика ярмарок Среднего Поволжья.

2.2. В ходе написания статьи были использованы основополагающие методы исторического исследования – историзм и объективность. Метод историзма предполагает изучение ярмарочной торговли в исторической перспективе, что способствует выявлению закономерностей развития в истории региона. Принцип объективности предполагает опору на факты в первоисточниках и освещение каждого события во всей их полноте, который позволяет провести всесторонний анализ ярмарочной торговли в городах Среднего Поволжья во второй половины XIX века.

При сравнении количественных показателей ярмарочной торговли в Среднем Поволжье применялся статистический метод. Особенностью данного метода в историческом исследовании заключается в выявлении тенденции общественных явлений, связанных с аспектами экономического развития региона за прошедший период времени.

3. Обсуждение

Во второй половине XIX века ярмарочной торговле отводилось особо место и значение. Среднее Поволжье представлял собой пограничный регион, главной задачей которого было охранять и защищать границы и территории Российского государства. Следовательно, практически все города региона проектировались и строились как города-крепости. Лишь с течением времени, когда границы смещались, а площади государства увеличивались защитные функции городов, да и самого региона, несколько ослабевали. К тому же географически территория Среднего Поволжья находилась не пересечении как международных, так и внутренних торговых путей. Поэтом торговля в городах Среднего Поволжья всегда велась активно. Основным местом сбыта местных и привозных товаров была ярмарка. Именно ярмарочная торговля была самой оптимальной формой торговли в эпоху натурального хозяйства.

Проблемой ярмарочной торговли интересовались исследователи разных областей наук: и историки, и культурологи, и экономисты. Первопроходцами в изучении роли ярмарок в торговле России были Денисов В.И. и Канделаки И. ([Денисов, 1911](#); [Канделаки, 1914](#)). Они большое внимание уделяли в своих работах региональному аспекту ярмарочной торговли.

Особое место в историографии ярмарок занимает монография Б.Н. Миронова ([Миронов, 1981](#)), в которой автор отводит именно ярмарочной торговле ведущее место в торговых отношениях России XIX века. Но также автор говорит о существовании и постепенном развитии стационарных форм торговли (магазины, лавки). Именно дополнение стационарными формами торговли ярмарки и формировали рыночное пространство России.

В советской историографии ученые, изучавшие ярмарочную торговлю и торговые отношения России в целом разделились на два лагеря. Одни указывали на доминирующее значение ярмарок в торговом обороте России ([Лященко, 1927](#); [Хромов, 1982](#); [Новицкий, 1954](#)). Другие же ([Рожкова, 1955](#); [Рубенштейн, 1939](#)) говорили о постепенном отмирании ярмарочной торговли в течение XIX века, на смену которой приходила оптовая торговля.

Если говорить о зарубежной историографии торгово-ярмарочной проблематики, то стоит отметить работы Denis J.B. Shaw и S. Nafziger ([Shaw, 1977](#); [Shaw, 2010](#); [Nafziger, 2008](#)). Denis J.B. Shaw в своих работах исследовал эволюцию развития русских южных городов с призма приобретения торговых функций наравне с оборонительными. S. Nafziger же исследовал особенности становления российского рынка в контексте существования крестьянской общины, указывая именно на ярмарочную торговлю как на единственно возможную форму торговли в подобной экономической ситуации.

Региональных исследователей также интересовали ярмарочные торги второй половины XIX века в губерниях Среднего Поволжья. Особа интересна работа В.Н. Шкунова ([Шкунов, 2011](#)), в которой автор выявляет роль и специфику участия губерний Среднего Поволжья во внешнеторговых

операциях России и ярмаркам в данном процессе отводилось доминирующее значение. Также среди региональных историков, исследующих торгово-ярмарочные отношения городов Среднего Поволжья стоит отметить труды Н.Л. Клейн, С.А. Аникина, О.А. Суховой, П.С. Кабытова, К.Я. Наякшина, Т.М. Гусевой (Клейн, 1981; Аникин, 2012; Пензенский край, 2014; Кабытов, 1999, Наякшин, 1962; Гусева, 2010). Например, Аникин С.А. характеризовал ярмарки не только местом торговли, но и информационным полем по обмену знаниями и опытом. Он утверждал, что данная специфика была присуща лишь крупным ярмаркам губерний. Гусева Т.М. акцентирует внимание именно на динамике ярмарочной торговле в течение всей второй половине XIX века, а также проводит сравнительную характеристику ярмарочных показателей губерний Среднего Поволжья. В работах Н.Л. Клейн формируется общая картина экономики Поволжья в XIX – начале XX вв. с четом ярмарочной торговли.

Таким образом, в историографии существует определенное количество исследовательских работ по вопросу ярмарочной торговли в России, но практически все они рассматривают ярмарки в контексте рыночных отношений и сбыта. Следовательно, автор статьи предпринят попытку анализа товарных оборотов крупных ярмарок Среднего Поволжья как важных и основных мест торговли в регионе. При исследовании ярмарочной торговли городов Среднего Поволжья используются такие характеристики как количество ярмарок и их продолжительность в каждом городе, ассортимент ярмарочной продукции, привозная и продажная стоимость товаров, процент окупаемости. Выбор именно этих показателей позволит определить специфику крупных ярмарок Поволжья и определить важность ярмарок в торговой жизни региона во второй половине XIX века.

4. Результаты

Ярмарки за всю свою историю являлись центрами всероссийского рынка. Календарный цикл российских ярмарок был так построен, что они проходили повсеместно: одна ярмарка плавно перетекала в другую, превращая ярмарочную торговлю в непрерывающуюся цепь. Ярмарки были также местом культурной жизни: проводились цирковые и театральные представления, медвежий потехи, работали трактирные и питейные заведения. Открытие ярмарки всегда было торжественно: совершался молебен и поднимался торговый флаг – знак открытия ярмарки.

Русская ярмарка кроме своего главного торгового предназначения выполняла консолидирующую роль по объединению российского государства в единый национальный торговый союз. Ярмарки, с одной стороны, аккумулировали огромную массу разнообразных товаров со всех концов страны, а, с другой стороны, рассредоточивала эти товары по местным рынкам внутри региона.

Главным законодательным документом, регулирующим ярмарочную торговлю, в течение второй половины XIX в. было «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов», которое определяло порядок открытия, место и срок проведения ярмарок. Также все ярмарки классифицировались на пять разрядов в зависимости от продолжительности проведения. Согласно данному «Положению...» ярмарочные торговцы облагались местным налогом за аренду торгового места, который зависел от оборота. Для надзора за проведением ярмарочной торговли создавался Комитет под председательством Городской Главы, который следил не только за сбором пошлин в городской бюджет, но и за общественным порядком на ярмарочной площади (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 13. Л. 14).

Таким образом, ярмарки являлись не только организованным и законодательно структурированным местом товарообмена и торговли, они приносили в тяжёлую трудовую жизнь местного населения некую праздность с элементами информационно-коммуникативного обмена. Ярмарка объединяла людей всех сословий для обмена разнообразными предметами труда и регулировала процессы социальной, культурной и экономической интеграции.

Во второй половине XIX в. в России с постепенным развитием мануфактурного производства ярмарочная торговля пополняется промышленными товарами, но обороты ярмарок постепенно снижаются. В середине XIX в. на ярмарках оборачивалось 47–59 % всей товарной массы страны, поэтому ярмарки до конца XIX в. были ведущей формой торговли (Миронов, 1981). На рубеже веков приоритеты в местах и формах торговли в России меняются. В начале XX века на ярмарки приходится уже 7–10 % всей торговой массы (Миронов, 1981: 65). Причин снижения товарооборота на российских ярмарках несколько: это и железнодорожное строительство, благодаря которому расширились торговые пути сбыта разнообразной продукции, и расширение промышленного производства, на предприятиях которых осуществлялся сбыт производимой продукции, и, наконец, появление стационарных форм торговли, а также развитие торговых бирж.

Губернии Среднего Поволжья (Самарская, Пензенская и Симбирская) занимали благоприятное географическое положение, которое характеризовалось не только плодородными землями для занятия сельским хозяйством, но и водными артериями в качестве транспортных магистралей и торговых путей, которые получили наибольшее развитие к концу XIX в. Сельскохозяйственная специализация Среднего Поволжья определяла хозяйственную деятельность как сельских жителей, так и горожан региона. Кроме фабрично-заводской и кустарной промышленности, черпающей материалы для своего производства из продуктов сельского хозяйства, обороты внутренней торговли

также обуславливались степенью урожая зерновых и зависели от платежеспособности населения губернии. Следовательно, торговые обороты во второй половине XIX в. отражали экономическое состояние губернии в целом.

Ярмарки в Среднем Поволжье во второй половине XIX в. являлись наиболее рациональной формой товарно-денежных отношений и в большей степени служили пунктами привоза товаров. Так, в 1861–1866 гг. в Симбирской губернии насчитывалось 48 ярмарок, из которых городских действующих было 12. Оборот только городских ярмарок достигал 6 205 455 руб., что составляло 94 % от общего губернского ярмарочного привоза (*Материалы ... Симбирская губерния, 1868*). В Самарской губернии с 1863 по 1901 гг. количество всех ярмарок увеличилось с 144 до 273 (*ГАСО. Ф. 3. Оп. 150. Д.17. Л. 51; Оп. 233. Д. 1753. Л. 13*), из которых городских насчитывалось 19. На городские ярмарки Самарской губернии в 1882 г. было привезено товаров на сумму 4 377 089 руб. (*ГАСО. Ф. 3. Оп. 29. Д. 4*) В Пензенской губернии насчитывало 43 ярмарки в 1860 г. (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3776. Л. 78*), городских – 18; к концу же XIX в. насчитывалось уже 84, городских – 28 (*Тюстин, 2004*). Стоимость привозных товаров на пензенские городские ярмарки в 1860 г. составил 955 040 руб., что составило 82 % от стоимости всех ярмарочных товаров (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3776. Л. 78*).

Таким образом, количество ярмарок в городах в исследуемый период было незначительное в сравнении с сельскими, но именно городские ярмарки формировали торгово-экономический облик губернии за счет более высокого торгового оборота. При этом сельские ярмарки в Среднем Поволжье являлись своего рода «филиалами» городских, на которых продавали часть купленного на городских ярмарках товар. Подобным образом товары городских ярмарок доходил до сельского крестьянина.

Самые значимые городские ярмарки проходили в экономически развитых городах Среднего Поволжья второй половины XIX в. Значимой ярмаркой называли ярмарку, чей товарный оборот превышал 500 тыс. руб. Большинство остальных городских ярмарок исследуемого региона во второй половине XIX в. представляли собой торги с оборотами в несколько тысяч рублей и с небольшим количеством посетителей, продолжительностью в 1–5 дней.

Таблица 1. Наиболее значимые городские ярмарки Среднего Поволжья во второй половине XIX в.

№ п/п	Город	Название ярмарки	Время проведения ярмарки	Средняя стоимость привозных товаров, руб.
1.	Симбирск	Сборная	Первая и вторая неделя Великого поста	5 839 790
2.	Карсун	Троицкая	В день Святой Троицы в течение 10 дней	727 235
3.	Самара	Воздвиженская	С 14 сентября по 28 сентября	625 000
4.	Новоузенск	Покровская	С 26 сентября по 10 октября	898 000
5.	Пенза	Петропавловская	С 26 июня по 3 июля	1 024 112
6.	Саранск	Александровская	С 29 августа по 11 сентября	811 000

Как видно из *таблицы 1*, в регионе выделялась одна ярмарка, обороты которой превышали обороты остальных городских ярмарок Среднего Поволжья вместе взятых. Самой крупной ярмаркой на протяжении всей второй половины XIX в. считалась Сборная в г. Симбирск с привозом товаров на сумму 4 432 600 руб. в 1861 г. (*Материалы ... Симбирская губерния, 1868: 198*). Сборная ярмарка в г. Симбирске, которая в 1864 г. выходит по торговому обороту на четвертое место в Российской империи, став в один ряд с Макарьевской (Нижегородской). Свое название ярмарка получила от времени проведения – первой (Сборной) недели Великого поста, которая приходилась на конец февраля – начало марта.

Торговые обороты Сборной ярмарки в течение второй половины XIX в. были непостоянны и имели определенную цикличность. Восьмидесятые года XIX в. для Симбирской ярмарки были своего рода рубежом, на который приходился расцвет ярмарочной торговли. В 1890-е гг. наблюдался уже резкий спад товарооборота на Сборной ярмарки в Симбирске.

В *таблице 2* представлены суммы привоза и продажи различных групп товаров Сборной ярмарки. (*Материалы ... Пензенская губерния, 1867; ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 13. Л.6-7; Д. 145. Л. 4-5; Ф. 76. Оп. 2. Д. 64. Л. 29-30*). Главным товаров на Сборной ярмарки в течение всей второй половины XIX в. были разнообразные ткани, бумага и пряжа. Эта группа товаров лидировала по привозу как в 1864 г. (50 % от всей стоимости привозных товаров), так и в 1898 г. (60 % от общей привозной стоимости). Самая высокая привозная и продажная стоимость данной группы товаров была в 1885 г. и

составляла 4 621 000 руб. и 3 840 000 руб. соответственно (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 13. Л. 7). Другие группы товаров ни в один год второй половины XIX в. не могли конкурировать подобными показателями. В 1864 г. вторым по размеру привоза группой товаров на Сборной ярмарки были колониальные товары, чай, сахар и составляли 10 % от общей суммы привоза. В 1885 г. подобной группой товаров были кожа, шкуры и изделия из них (10 % от общей привозной стоимости), в 1898 г. – это лошади (около 9 %). Итак, около половины всех ярмарочных товаров в течение второй половины XIX в. были материи различных структур и принадлежности.

Таблица 2. Товарный оборот на Сборной ярмарки в Симбирске второй половины XIX века

№ ц/п	Наименование группы товаров	Стоимость проданной группы товаров по годам, руб.													
		1862 г.				1875 г.				1885 г.				1899 г.	
		привоз	продажа	привоз	продажа	привоз	продажа	привоз	продажа	привоз	продажа	привоз	продажа		
1.	Ткани, бумага и пряжа	2 275 000	1 380 100	3 851 500	3 053 300	4 621 000	3 840 000	2 341 000	1 649 000						
2.	Колониальные товары (особенно чай, сахар и кофе)	475 000	442 000	435 000	385 000	403 000	252 000	126 000	70 500						
3.	Шерстяные изделия и сукно	460 500	162 500	437 000	220 500	528 000	280 000	143 000	79 000						
4.	Краски и москательный товар	356 000	257 000	345 000	255 000	305 110	205 110	150 000	100 000						
5.	Кож, шкуры и изделия из них	354 000	221 000	112 000	98 000	819 970	704 370	231 029	204 529						
6.	Металл и изделия из него	209 000	120 500	145 000	122 500	518 335	316 235	158 000	94 000						
7.	Игольный и поясной товар	120 000	60 000	не представлено		200 000	150 000	25 000	15 000						
8.	Лошади	96 000	285 250	68 000	57 000	335 176	166 600	337 500	285 250						
9.	Фарфоровая и фаянсовая посуда, стекло	46 500	22 500	72 000	25 500	180 000	120 000	80 000	65 000						
10.	Остальные предметы	242 000	136 175	565 600	281 700	716 381	366 931	355 557	225 357						
11.	Общая сумма товаров	4 634 000	2 876 175	6 031 100	4 498 500	8 746 972	6 281 246	3 947 086	2 787 636						

Краски и москательный товар, одна из немногих групп товаров, которая в течение XIX в. имела последовательную тенденцию снижения: с 356 000 руб. в середине XIX в. сократилось до 150 000 руб. к концу века, что составляла 8 % и 4 % от всей суммы привоза соответственно. Лошади – единственная группа ярмарочных товаров, которая в 1899 г. увеличила свой оборот и составляла 337 500 руб. по привозу и 285 250 руб. по продаже (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 145. Л. 5), что на 2 324 руб. больше, чем в 1885 г. (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 13. Л. 7) и на 241 500 руб. в 1864 г. (Материалы ... Симбирская губерния, 1868: 210) Сбыт лошадей на Сборной ярмарке был столь же успешен, как и привоз. Продажа лошадей в конце XIX в. достигала суммы в 285 250 руб. (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 145. Л. 5), что больше чем в 1864 г. на 228 750 руб. и на 118 650 руб. в 1885 г. По торговле лошадьми Симбирская ярмарка считалась самой крупной в Поволжье.

Таким образом, согласно таблице 2, составленной по архивным документам второй половины XIX в., 1885 г. был экономически благоприятным годом. Практически все товарные статьи в этот год достигали наивысших показателей за всю вторую половину XIX в. Ассортимент привозимых товаров на Сборную ярмарку в течение второй половины XIX в. расширялся и пополнялся.

Остальные крупные ярмарки в Среднем Поволжье второй половины XIX в. не могли похвастаться подобными высокими оборотами, как Сборная ярмарка в г. Симбирске. Но значимость других крупных ярмарок для региона также велика. На остальные крупные городские ярмарки Среднего Поволжья в основном съезжались купцы из близлежащих губерний, а также из соседних уездов своих губерний.

Источники XIX в. повествуют о большой популярности и посещаемости Троицкой ярмарке в г. Карсун и Петропавловская в г. Пенза (Шкунов, 2011; Гусева, 2010; Пензенский край, 2014).

Некоторые источники Троицкую ярмарку в г. Карсун ставили наравне с Сборной ярмарке в г. Симбирске, указывая на высокие торговые бороты, доходившие до 2 000 000 руб. (Шкунов, 2011). Еще в 1788 году отмечалось: «Приезжают на оную из разных российских городов купцы и армяне, торгуют привозными шелковыми, бумажными и прочими товарами, и пригоняют разных чинов люди и крестьяне знатное число лошадей калмыцких и русских...» (Новый и полный географический словарь, 1788: 53). Но с 30–40-х гг. XIX в. Троицкая ярмарка теряет свою первостепенность из-за возвышения значения Сборной ярмарки в губернском городе, поэтому и товарооборот постепенно снижаются в течение всей второй половины XIX в.

Особенностью Троицкой ярмарки в середине XIX в. являлась активная продажа железных изделий, в больше количестве кос, серпов, которые распродавались позже на сельских базарах и ярмарках Симбирской губернии. Но к концу века оборот металлических изделий, привозимых на Карсунскую ярмарку сократился на 80 %.

Несколько иначе обстоят ярмарочные дела в Пензенской губернии. Пенза в середине XIX века не имела широких связей с внешними рынками. Это объяснялось, во-первых, отсутствием в крае крупных речных пристаней, что создавало трудности в сбыте местной продукции; а, во-вторых, в губернии было относительно немного купцов (Шкунов, 2011: 64). Следовательно, торговая жизнь в Пензенской губернии проходила тихо и спокойно. Петропавловская ярмарка в г. Пензе была самой крупной в губернии по товарообороту. Согласно таблицы 3, привоз и реализация ярмарочных товаров в течение второй половины XIX в. оставались постоянными и стабильными в сравнении с другими ярмарками губернии, да и всего Среднего Поволжья в целом. Обороты же остальных крупных ярмарок к концу XIX в. сокращается. Главной причиной сокращения ярмарочных оборотов являлось активное железнодорожное строительство, позволяющее сбывать продукции круглогодично и в крупных объемах.

Таблица 3. Торговые обороты крупных городских ярмарок Среднего Поволжья во второй половине XIX в.

№ п/п	Наименование ярмарки	Товарооборот в 1860-х гг.		Товарооборот в 1890-х гг.	
		Привоз, руб.	Продажа, руб.	Привоз, руб.	Продажа, руб.
1.	Троицкая в г. Карсун (Симбирской губернии)	972 000	558 000	612 800	383 200
2.	Воздвиженская в г. Самара	800 000	700 000	Оборот 184 00	
3.	Покровская в г. Новоузенск (Самарской губернии)	996 089	495 164	Оборот 650 000	
4.	Петропавловская в г. Пенза	500 00	215 000	431 130	307 090
5.	Александровская в г. Саранск (Пензенской губернии)	380 600	200 230	811 000	443 950

В Пензенской губернии существовала Казанская ярмарка в г. Нижний Ломов, обороты которой в 1860-х гг. можно было отнести к крупным ярмаркам, но к концу XIX в. торговые потоки значительно

сократились (Материалы ... Пензенской губернии, 1867: 122; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л.94). Особенности данной городской ярмарки заключались в том, что привоз товаров в 3,5 раза превышал продажу, то есть окупаемость привозного товара составлял лишь 30 % (Материалы... Пензенской губернии, 1867: 123).

Главными предметами торговли на крупных городских ярмарках Среднего Поволжья во второй половине XIX в. были мануфактурные товары (около 50 % от общей стоимости ярмарочных товаров), среди которых особой популярностью пользовались бумажные изделия, составляющие 20 % от стоимости всех мануфактурных товаров. Высоким спросом отличались колониальные товары, окупаемость которых составляла 65–70 % от привоза.

Высоким спросом также отличалась торговля лошадьми на городских ярмарках Среднего Поволжья. Обороты данной ярмарочной статьи постоянно росли в течение всей второй половины XIX в. несмотря на сокращение других групп товаров. Подобная тенденция наблюдалась на Сборной и Троицкой ярмарках в Симбирской губернии, а также Покровской ярмарке в г. Новоузенск Самарской губернии. Возможно, лошади пользовались высоким спросом по причине их использования в качестве рабочего скота. Еще писатель-исследователь В.И. Денисов писал, что «с самой весны и до первого снега тянутся табуны лошадей из киргизских, калмыцких и башкирских степей, из сибирских тайги и равнин, из степных пространств Заволжья» (Денисов, 1991: 51). На ярмарках Среднего Поволжья выставляли лошадей различных пород и предназначения: рабочие «черные», чистокровные, верховые, рысаки.

Из импортных товаров, реализовавшихся на крупных ярмарках Среднего Поволжья, большей продаваемостью отличались следующие товары: шерстяные, хлопчатобумажные и полупелюковые изделия, которые традиционно называли панским товаром, чай и сахар, кожи и кожевенные изделия, кубовая краска (Шкунов, 2011: 80). Также большим спросом пользовались чай, кофе, пряности, шерсть ордынских овец и верблюжья.

Таким образом, крупные городские ярмарки Среднего Поволжья представляли собой главные пункты ввоза необходимых для региона мануфактурных и колониальных товаров и по своим оборотам имели тесную связь с Нижегородской ярмаркой.

Остальные городские ярмарки в большей степени имели невысокие торговые обороты, на которых в большей степени сбывалась продукция, которая перекупалась и привозилась с указанных крупных городских ярмарок. Ассортимент продукции на небольших городских ярмарках был подобен крупным, лишь в меньшем количестве.

5. Заключение

Таким образом, крупные городские ярмарки Среднего Поволжья второй половины XIX в. играли важную роль как во внутренней, так и во внешней торговле. Согласно региональным архивным источникам, торговые обороты на крупных ярмарках постепенно росли до определённого времени. Показатели 1892 г. уже указывают на спад ярмарочной торговли несмотря на увеличение числа ярмарок. Причинами снижения ярмарочной торговли к концу XIX в. стали появление и расширение стационарных форм торговли, а также развитие железнодорожных и гужевого путей сообщения, благодаря которым осуществлялась оптовая торговля. Если говорить о соотношении стоимости привоза и продажи ярмарочной продукции, то наивысший процент окупаемости показал именно 1892 г.: 75 % привезенной продукции было продано на городских ярмарках Среднего Поволжья. Поэтому утверждать о том, что в начале 1890-х гг. ярмарочная торговля себя изживает не совсем верно. Таким образом, вторая половина XIX века – это переломный период в ярмарочной торговле Среднего Поволжья, к концу которого товарооборот на ярмарках сократился, уступая место капиталистическим формам торговли.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук. Свидетельство МК-59966.2016.6.

Литература

Аникин, 2012 – Аникин С.А. Ярмарочная торговля в России в конце XIX в. // Вестник Екатеринбургского института. 2012. №1. С. 111-113.

Бахрушин, 1952 – Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

ГАСО – Государственный архив Самарской области.

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области.

Даль, 1909 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб. М., 1909. Стб. 1578.

Денисов, 1911 – Денисов В.И. Ярмарки. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. 138 с.

- Гусева, 2010 – Гусева Т.М. Ярмарочные торги в уездных городах Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // *Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовии*. Саранск, 2010. Т. 13. №1. С. 75-82.
- Кабытов, 1999 – Кабытов П.С. Из истории хозяйственного освоения Самарского края // *Вестник Самарского государственного университета*. 1999. № 1 (11). С. 73-77.
- Клейн, 1981 – Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Саратов, 1981. 199 с.
- Конделаки, 1914 – Конделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. 60 с.
- Лященко, 1952 – Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. 736 с.
- Материалы ... Пензенская губерния, 1867 – *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пензенская губерния*. Ч. II. Составил подполковник Сталь. СПб., 1867. 598 с.
- Материалы ... Симбирская губерния, 1868 – *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния*. Ч. II. СПб., 1868. 761 с.
- Миронов, 1981 – Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 260 с.
- Наякшин, 1962 – Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышевское книжное издательство, 1962. 256 с.
- Новицкий, 1954 – Новицкий К.П. Ярмарки и их роль во внешней торговле России в первой половине XIX в. // *Сборник научных работ Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова*. Вып.4. 1954. С. 104-124.
- Новый и полный географический словарь, 1788 – *Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии в царствование Императрицы Екатерины Великой*. Ч. IV. М., 1788. 220, 126 с.
- Пензенский край, 2014 – Пензенский край в истории и культуре России: моногр. / под ред. О.А. Сухой. Пенза, 2014. 526 с.
- Рожкова, 1955 – Рожкова М.К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореволюционной России // *Исторические записки*. 1955. Т. 54. С. 298-314.
- Рубенштейн, 1939 – Рубенштейн Н.Н. Русская ярмарка XVIII в. // *Ученые записки кафедры истории народов СССР*. 1939. Вып. 1. С.5-28.
- Тюстин, 2004 – Тюстин А.В. Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. М., 2004. 463 с.
- Хромов, 1982 – Хромов П.А. Экономическая история СССР. М., 1982. 240 с.
- Шкунов, 2011 – Шкунов В.Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской Империи в XVIII–XIX века. Монография. Ульяновск, 2011. 200 с.
- Nafziger, 2008 – Nafziger S. Communal Institutions, Resource Allocation, and Russian Economic Development: 1861–1905. // *The Journal of Economic History*. Vol. 68(02). June. Cambridge, 2008. pp. 570-575.
- Shaw, 1977 – Shaw Denis J.B. Urbanism and economic development in a pre-industrial context: the case of southern Russia // *Journal of Historical Geography*. Vol. 3. Issue 2. April 1977. pp. 107-122.
- Shaw, 2010 – Shaw Denis J.B. Peasant communes and factor markets in late nineteenth-century Russia // *Explorations in Economic History*. Vol. 47. Issue 4. 2010. pp. 381-402.

References

- Anikin, 2012 – Anikin S.A. (2012). Yarmarochnaya trgovlya v Rossii v kontse XIX v. [Fair trade in Russia in the late XIX century]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. №1. pp. 111-113. [in Russian]
- Bakhrushin, 1952 – Bakhrushin S.V. (1952). Oчерки po istorii remesla, trgovli i gorodov russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XVI – nachala XVII v. [Essays on the history of crafts, trade and cities of the centralized Russian state of XVI – early XVII century]. М. 263 p. [in Russian]
- GAPO – Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti. [State Archive of the Penza region].
- GASO – Gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [State Archive of Samara region].
- GAUO – Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti [State archive of the Ulyanovsk region].
- Dal', 1909 – Dal' V.I. (1909). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Т. 4. SPb.–М. Stb. 1578. [in Russian]
- Denisov, 1911 – Denisov V.I. (1911). Yarmarki. [Fair]. SPb.: Tip. V. F. Kirshbauma. 138 p. [in Russian]
- Guseva, 2010 – Guseva T.M. (2010). Yarmarochnye torgi v uездnykh gorodakh Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX v. [Fairs trading in district towns of the Middle Volga region in second half of XIX century]. *Vestnik NII Gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve respubliki Mordovii*. Saransk. Т. 13. №1. pp. 75-82. [in Russian]
- Kabytov, 1999 – Kabytov P.S. (1999). Iz istorii khozyaistvennogo osvoeniya Samarskogo kraja [From the history of economic development of the Samara region]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1 (11). pp. 73-77. [in Russian]
- Klein, 1981 – Klein N.L. (1981). Ekonomicheskoe razvitie Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX vv. [Economic development of the Volga in the late XIX – early XX centuries] Saratov. 199 p. [in Russian]

- Kondelaki, 1914** – *Kondelaki I.* (1914). Rol' yarmarok v russkoi trgovle. [The Role of fairs in the Russian trade]. SPb. 60 p. [in Russian]
- Lyashchenko, 1952** – *Lyashchenko P.I.* (1952). Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR. [History of the national economy of the USSR]. M. 736 p. [in Russian]
- Materialy ... Penzenskaya guberniya, 1867** – *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Penzenskaya guberniya.* (1867). [Materials for geography and statistics of Russia collected by General staff officers. Penza province]. Ch. II. Sostavil podpolkovnik Stal'. SPb. 598 p. [in Russian]
- Materialy ... Simbirskaya guberniya, 1868** – *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya.* (1868) [Materials for geography and statistics of Russia collected by General staff officers. Simbirsk governorate]. Ch. II. SPb. 761 p. [in Russian]
- Mironov, 1981** – *Mironov B.N.* (1981). Vnutrennii rynek Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v. [The domestic market of Russia in second half XVIII – first half XIX century]. L. 260 p. [in Russian]
- Nayakshin, 1962** – *Nayakshin K.Ya.* (1962). Ocherki istorii Kuibyshevskoi oblasti. [Essays on the History of the Kuibyshev region]. Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo. 256 p. [in Russian]
- Novitskii, 1954** – *Novitskii K.P.* (1954). Yarmarki i ikh rol' vo vneshnei trgovli Rossii v pervoi polovine XIX v. [Fairs and their role in the foreign trade of Russia in first half XIX century]. *Sbornik nauchnykh rabot Moskovskogo instituta narodnogo khozyaistva im. G.V. Plekhanova.* Vol.4. pp. 104-124. [in Russian]
- Novyi i polnyi geograficheskii slovar', 1788** – *Novyi i polnyi geograficheskii slovar' Rossiiskogo gosudarstva ili Leksikon obshirnoi Imperii Rossiiskoi v nyneshnem ee sostoyanii v tsarstvovanie Imperatritsy Ekateriny Velikoi.* (1788). Ch.IV. M. 126 p. [in Russian]
- Penzenskii krai, 2014** – *Penzenskii krai v istorii i kul'ture Rossii.* (2014). pod red. O. A. Sukhvoi. [The Penza region in the history and culture of Russia]. Monograph. Under the editorship of O. A. Sukhova. Penza. 526 p. [in Russian]
- Rozhkova, 1955** – *Rozhkova M.K.* (1955). K voprosu o znachenii yarmarok vo vnutrennei trgovli dorevolutsionnoi Rossii [To the question about the importance of fairs in the internal trade in pre-revolutionary Russia]. *Istoricheskie zapiski.* T. 54. pp. 298-314. [in Russian]
- Rubenshtnein, 1939** – *Rubenshtein N.N.* (1939). Russkaya yarmarka XVIII v. [Russian fair of the XVIII century]. *Uchenye zapiski kafedry istorii narodov SSSR.* Vol. 1. pp. 5-28. [in Russian]
- Tyustin, 2004** – *Tyustin A.V.* (2004). Vo blago Otechestva: iz istorii predprinimatel'stva Penzenskoi gubernii. [For the good of the Fatherland: the history of entrepreneurship of the Penza province]. Moscow. 463 p. [in Russian]
- Khromov, 1982** – *Khromov P.A.* (1982). Ekonomicheskaya istoriya SSSR. [Economic history of the USSR]. M., 240 p. [in Russian]
- Shkunov, 2011** – *Shkunov V.N.* (2011). Srednee Povolzh'e v sisteme vneshnei trgovli Rossiiskoi Imperii v XVIII–XIX veka. [Middle Volga region in the foreign trade of the Russian Empire in the XVIII–XIX century]. Monograph. Ul'yanovsk. 200 p. [in Russian]
- Nafziger, 2008** – *Nafziger S.* (2008). Communal Institutions, Resource Allocation, and Russian Economic Development: 1861–1905. *The Journal of Economic History.* Vol. 68(02). June. Cambridge. pp. 570-575.
- Shaw, 1977** – *Shaw Denis J.B.* (1977). Urbanism and economic development in a pre-industrial context: the case of southern Russia. *Journal of Historical Geography.* Vol. 3. Issue 2. April. pp. 107-122.
- Shaw, 1977** – *Shaw Denis J.B.* (2010). Peasant communes and factor markets in late nineteenth-century Russia. *Explorations in Economic History.* Vol. 47. Issue 4. pp. 381-402.

УДК 908

Крупные городские ярмарки Среднего Поволжья во второй половине XIX векаЮлия Васильевна Корнеева^{a, *}^a Поволжский государственный университет сервиса, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных документов, собранных в региональных архивах Ульяновской, Пензенской и Самарской областей, рассматриваются и анализируются данные товарооборотов городских ярмарок во второй половине XIX в. Особое внимание уделяется самым значительным ярмаркам губернии, которые распределяли товарные потоки в регионе и формировали сбытовую картину. Городские ярмарки аккумулировали практически все привозимые товары. Приводимые в статье товарообороты крупных городских ярмарок в течение второй половины

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jullka55@yandex.ru (Ю.В. Корнеева)

XIX в. демонстрируют как схожие признаки реализации товаров, так и особенности каждой ярмарки в отдельности. Высоким спросом на городских ярмарках пользовались разнообразные ткани и изделия из них, кожи, колониальные товары, а также лошади. Среди всех городских ярмарок Среднего Поволжья выделялась Сборная ярмарка в г. Симбирске, товарные обороты которой позволили ей войти в пятерку крупнейших ярмарок России второй половины XIX в. Делается вывод о том, что именно крупные городские ярмарки Среднего Поволжья играли первостепенную роль в ярмарочной торговле, о чем свидетельствуют и товарооборот данных крупных ярмарок и ассортимент привозной продукции. Ярмарочная торговля второй половины XIX в. постепенно сокращала свои обороты по ряду причин: во-первых, расширялось промышленное производство, на предприятиях которых сбывалась производимая продукция, во-вторых, появление стационарных форм торговли, в-третьих, развитие железнодорожных и гужевых путей сообщения, благодаря которым осуществлялась круглогодичная оптовая торговля, и, наконец, развитие торговых бирж.

Ключевые слова: ярмарки; городские ярмарки, Среднее Поволжье, Сборная ярмарка в г. Симбирск.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 505-512, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.505
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1 (470.6)

Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography

Petr A. Kuz'minov ^a, Anzhela A. Zhurtova ^{a,*}, Murat V. Dyshekov ^a, Muslim S. Tamazov ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

During the final stage of the Caucasian War, the Russian authorities conducted a complex of administrative and legal reforms aimed at the full integration of the North Caucasian societies into the political and legal space of the empire: the Caucasian line was liquidated, civilian regional government was created in 1860, and a system of military people's administration was formed. Its basis was the district management system, in which the leading role was played by the officers of the Caucasian army, who acted as administrators to regulate civil relations and heads of judicial institutions. In rural courts, the elected residents of the village conducted their case analysis, and in district and district courts – deputies from the mountain population, under the supervision of the district or district chief. In the field of legal proceedings, they relied on the norms of Russian law, the customary law of the mountaineers (adat) and sharia.

This system was widely publicized in the press, analyzed by representatives of the administration, science and law. Representatives of liberal historiography gave the most accurate and adequate assessment of the changes. In their writings, as opposed to the work of the authors of the conservative movement, who enthusiastically covered all the actions of the Caucasian administration in the region, they offered the readers a critical analysis of the innovations. Having thoroughly studied the measures taken by the authorities to create new conditions for the life of mountain peoples, A.V. Komarov, V.B. Pfaf, N.F. Grabovsky, P.A. Burmensky and other representatives of the liberal trend of pre-revolutionary historiography, have revealed the positive and negative consequences of imperial modernization for the development of North Caucasian societies and their integration into Russia.

Keywords: historiography, liberalism, the North Caucasus, Russia, the military-people's management system, administrative, judicial transformation

1. Введение

Военное противостояние горцев Северного Кавказа и Российской империи, завершившееся пленением Шамиля (1859 г.) и покорением Северо-Западного Кавказа (1864 г.) не «сняло» проблему их вхождения в социокультурное пространство Российской империи. Нужны были иные «нити», «скрепы» (Ключевский, 1987: 59), которые дали бы возможность создать более действенный механизм управления национальными окраинами. Главным фактором в этом сложном процессе была «проблема преодоления цивилизационных расхождений и дисбалансов между российским и горским социумами, остро стоявшая как перед российским правительством, так и перед горской элитой» (Боров, 2007: 7). В результате колоссальных усилий всех ветвей власти, новая система взаимоотношений была создана в процессе реформ 50–70-х гг. XIX в. Конечно, она была не идеальна, но это был путь к формированию общероссийской, гражданской системы управления и суда.

Исследование реформ актуально для реконструкции истории народов Северо-Кавказского региона в эпоху перехода традиционного горского общества к товарно-денежным отношениям и их

* Corresponding author

E-mail addresses: anzhelka28@mail.ru (A.A. Zhurtova)

роли в снятии социально-политической напряженности между сословно-этническими общностями горцев и кавказской администрацией, создании цивилизованных отношений, построенных на нормах российского права, диалоге и взаимопонимании.

Не менее важно для истории науки исследовать сам процесс изучения реформ, поскольку он дает информацию об уровне культуры и науки исследуемого периода, авторах, которые собирали материал, анализировали его и освещали в печати ход изменений в обществе. Опубликованные труды дореволюционных авторов стали основой для формирующегося кавказоведения – науки, исследующей процесс изучения истории народов Кавказа, обусловили повышение научного уровня региональной истории, накоплению ценнейших историографических источников, с помощью которых сегодня разрабатываются основополагающие проблемы Северного Кавказа.

2. Материалы и методы

Для раскрытия внутреннего и внешнего корпуса текстовой информации историографических источников в статье использованы методологические принципы объективности, историзма, целостности, системности. Их комплексное использование дает возможность исследовать авторскую позицию, отражавшую историю подготовки и проведения преобразований в горских обществах. Взгляды авторов либерального направления рассматриваются с учетом сложившегося баланса обстоятельств, окружавших ученых, полноты/узости источниковой базы, на которую опирались исследователи, уровня научно-теоретической подготовки, профессионализма, внутренней культуры.

Для выявления скрытых пружин развития кавказоведения применялись характерные для историографии методы научного познания. Это – проблемно-хронологический, историко-типологический, сравнительно-исторический, ретроспективный, которые дают возможность полноценно исследовать тексты авторов пореформенного периода, предлагать варианты развития исторической науки в области изучения административных и правовых преобразований горских обществ в эпоху либеральных реформ 50–70-х гг. XIX в.

3. Обсуждение

Комплекс исторических исследований, посвященных заявленной теме, позволяет выделить в историографии проблемы два этапа, различающихся по теоретико-методологическим приоритетам.

Первый, советский этап охватывает 40-е – конец 80-х гг. XX в. Его начало мы связываем с небольшим введением к сборнику документов, в котором был сделан обзор источников официально-охранительного и либерального течения (Кокиев, 1947).

100-летию крестьянской реформы в России посвятили обобщающие историографические статьи Б.Г. Литвак и П.А. Зайончковский (Литвак, 1960; Зайончковский, 1961). Кратко рассмотрев содержание некоторых работ советских историков о проведении реформы у народов Северного Кавказа, Б.Г. Литвак предложил исследователям строить научную концепцию на основе анализа документальных материалов.

Внимание крупных советских ученых к качеству научных публикаций, посвященных реформам, в целом активизировало историографические изыскания в Северо-Кавказском регионе. Среди широкого круга историографических работ 1960–1980-х гг. следует выделить исследования П.А. Кузьмина, Э.Д. Мужухоевой, А.И. Хасбулатова и др. (Кузьминов, 1983; Мужухоева, 1985; Хасбулатов, 1988), посвященных проблемам реформирования северокавказских обществ.

Второй, современный этап – конец 1980-х гг. – середина второго десятилетия XXI в. – характеризуется освоением теоретических достижений мировой историографии. Разнообразные методологические принципы и методы, используемые исследователями в процессе изучения проблемы, привели к острому дискуссиям регионального и российского масштаба в осмыслении политики России на Кавказе, в том числе и роли преобразований XIX в. Появились обобщающие историографические исследования по осмыслению модернизирующих изменений, происходивших в жизни горцев и реакцию интеллигенции Северного Кавказа на происходившие сдвиги (Айларова, 2002), истории реформ (Кузьминов, 2009), качеству политических взаимоотношений России и народов Центрального Кавказа в XVI–XIX вв. (Журтова, 2016) и др.

4. Результаты

Либеральное направление в кавказоведении многолико, что обусловлено своеобразием социальных отношений в российском (и, естественно, кавказском) пореформенном обществе. Отсюда размытость его границ, объединяющих разноплановые работы историков и публицистов в рамках одного историографического течения.

Философско-теоретическое обоснование либерализма приходится на 1850–1860-е гг., когда шел интенсивный процесс подготовки и проведения реформ. Именно тогда был выдвинут знаменитый лозунг: «Смысл человеческой свободы заключается в независимости, ... от чего бы то ни было, кроме самого себя» (Чичерин, 1901).

С концептуальным осмыслением роли личности в истории связано понимание либералами гражданской свободы и их требования создания такого правового государственного порядка, при котором ценность общественных институтов измерялась бы тем, в какой мере они защищают интересы личности. Специфика социальных отношений в горском социуме, построенная на

непререкаемом авторитете старшего в семье, роде, ауле, казалось бы, напрочь отрицает свободу личности, но углубленный интерес к проблемам общественно-правовых отношений горцев отражает идеологические приоритеты исследователей данного направления.

В работах представителей либерального течения дореволюционной историографии освещались институты военно-народного управления, указывались недостатки работы горских словесных судов, предлагались способы оптимизации системы управления и суда. Одновременно они обогатили науку вводом новых фактов и исторических источников, что позитивно влияло на развитие самого кавказоведения.

Историю введения российского судопроизводства в правовое поле Дагестана подробно осветил начальник Южного Дагестана, генерал-майор, историк права, археолог А.В. Комаров, который для освещения вопроса привлек сборники адатов, собранные окружными начальниками в 1865–1866 гг., архивные документы, полевой материал.

Несмотря на то, что Дагестан вошел в состав Арабского халифата еще в VIII в., противостояние норм адата и шариата здесь, как и в других регионах Северного Кавказа, утверждает автор, не завершилось. Главными причинами сохранения судопроизводства по адатам, по его мнению, были: 1) излишне жесткие наказания, вменяемые по шариату за правонарушения, считавшиеся, у дагестанцев, несущественными; 2) материальная заинтересованность правителей в разборе дел по нормам адата, поскольку штрафы, взыскиваемые с виновных, давали им серьезные доходы; 3) возможность вводить новые нормы адата, упрочивающие власть ханов и беков и ослабляющие влияние мусульманского духовенства; 4) сложность и запутанность судопроизводства по шариату (Комаров, 1868: 6).

Насколько суд по адату прочно вошел в повседневную жизнь народов Дагестана свидетельствуют неудачные попытки шейха Мансура, имамов Гази-Мухаммада, Гамзат-бека, Шамиля заменить его судом по шариату. Пленение Шамиля стало негласным сигналом восстановления старого, основанного на нормах адата, традиционного судопроизводства в аулах Дагестана, которое под страхом смерти запретил Шамиль.

Дуализм судопроизводства (адат+шариат) сменился в 1840 г. полиюридизмом, когда в ряде регионов было «введено гражданское управление по законам Империи, но учитывающее особенности Закавказского края». Не продуманные действия администрации вызвали восстание в Кайтаге и Табасарани в 1843 г.

С образованием в 1860 г. Дагестанской области было признано «судопроизводство в аулах проводить по нормам обычного права и шариата, с учетом накапливающегося опыта и новым правилам, которые составлялись, администрацией», т. е. того же адата, но измененного сообразно видам правительства, которым руководствовались в окружных и словесных судах. Одновременно «был открыт Дагестанский народный суд, состав которого утверждался командующим войсками в области (Комаров, 1868: 12).

Ценную историческую справку о судопроизводстве дополняют таблицы и конкретные сведения о количестве преступлений, совершенных в округах Дагестанской области в 1860–1867 гг. Объемная статья генерала – это первая работа, анализирующая систему судопроизводства и попытки её реформирования в Дагестанской области.

Весомый вклад в изучение традиционного осетинского общества внес немецкий юрист и ученый В.Б. Пфаф, действительный член Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (КОИРГО).

В своих работах (Пфаф, 1871a; 1871b; 1872) исследователь поставил задачу изучить осетинский народ «в экономическом, историческом и юридическом отношениях». Этой цели он «посвятил в продолжение трех лет весь свой досуг, обойдя все главные ущелья Осетии» (Пфаф, 1872: 80). Подробную карту экспедиций ученого представил Л.А. Чибиров (Чибиров, 2012: 92).

На основе собранных сведений ученый сделал попытку реконструировать политическую историю Осетии, ее взаимоотношения с Грузией и Кабардой, общественный строй народа, который он называет феодальным. Административное устройство горского осетинского аула, по его мнению, обуславливалось родственными отношениями, сложившимися между жителями. «Старший рода, который живет в ауле, одновременно есть и аульный старшина. Если аул многолюден и в нем живет несколько родов, то и старшин (хистар) у них несколько. Старшина не может управлять аулом, он руководит жизнью только своего рода; да он собственно и не выбирается, так как власть старшины переходит к нему по праву старшинства» (Пфаф, 1871b: 195).

Административная и юридическая власть старшины ограничивалась «аульным вече или нихасом». Детально изучив устройство осетинского аула и участка, Пфаф первым в осетиноведении осветил задачи, стоявшие перед областной администрацией региона, причем в контексте повседневных нужд горца: введение школ и содействие скорейшему обрусению края; улучшение на северной плоскости земледелия и введение садоводства; поощрение торговли посредством улучшения путей сообщения; учреждение базаров и содействие при открытии в аулах лавок, ограниченного числа духанов и постоянных дворов; постепенное введение русского общинного устройства; равномерная, правильная раскладка государственных повинностей; постоянный и осторожно направленный сведущими мировыми судьями переход от осетинского обычного права к

русскому праву; запрещение и ограничение некоторых вредных народных обычаев; введение хорошей местной и земской полиции; улучшение народного здоровья, мероприятия против скотских падежей и т.д. Во всех этих направлениях уже очень много сделано и при этом не следует забывать, что администрация края собственно началась с 1862 г. (Пфаф, 1871b: 204). Как видим, оценка влияния российской администрации на быт горцев достаточно комплиментарная, но не точная. Современные исследователи указывают 1774 г., 1830 г. или 1858 г., как начало серьезного воздействия кавказской власти на быт осетин.

Изучив нормы адата, исследователь справедливо дал им высокую оценку и как ученый подчеркнул, что анализ коренного права осетин расширяет понятие о правовой стороне жизни народов в прошлом, «разъясняет некоторые идеи и основы науки права вообще и, наконец, имеет практическое значение для лиц, служащих в Осетии» (Пфаф, 1871b: 204). Возможно, именно эти слова в последствии побудили многих российских исследователей продолжить его дело (Миллер, 1998; Ковалевский, 1886 и др.)

Излагая вопросы судостройства, В. Пфаф пришел к выводу, что «мнение нихаса в патриархальных аулах ... имеет полную силу судебного решения. За неповиновение аульному приговору, даже в маловажных делах, полагалось изгнание, это обстоятельство сообщало решениям аульного суда страшную, почти непреодолимую силу» (Пфаф, 1871b: 209).

Разбирая содержание уголовных дел, проведенных на основе российского судопроизводства, автор вынужден констатировать, что оно, «основанное на следственном начале и свидетельских показаниях, на практике оказалось неприменимым к исключительным обстоятельствам общежития горцев, поскольку осетины не хотят давать свидетельские показания против сородичей или земляков» (Пфаф, 1871b: 219).

Исследователь первым в кавказоведении дал подробную характеристику особенностей правовых отношений у осетин, внес в науку массу новых историко-правовых и этнографических данных, обратил внимание научной общественности на нормы обычного права, как бесценный историко-правовой источник, который сохранил реликты далекого прошлого.

Одним из наиболее интересных и самобытных исследователей горской жизни был Н.Ф. Грабовский. Проходя военную службу в системе управления горцами, он получил возможность разобрать окружные архивы Нальчика и Назрани, собрать полевой материал во время командировок по аулам Кабарды, Балкарии, Осетии и Ингушетии. Важен был и личный опыт следователя по проведению следствий в горских обществах.

Анализ содержания публикаций свидетельствует, что в основе мировоззрения Н.Ф. Грабовского лежали идеи Просвещения. Личную свободу он, вслед за Д. Локком, Г. Гроцием и Ф. Вольтером называл «естественным даром природы», а ценность человеческой личности связывал не с сословной принадлежностью, а природными способностями и нравственными качествами человека. Отсюда его иронический отзыв о «пустых головах, случаем лишь посаженных на княжеские или первостепенно-узденские плечи» (Грабовский, 1870: 55).

Автор отвергал широко распространенное мнение среди чиновников края о «врожденной испорченности», «дикости», варварских обычаях жителей гор, и доказывал социально-историческую подоплеку большинства нарушений «закона», вскрывал несовместимость некоторых правовых категорий в системе российского законодательства с юридическими традициями коренных жителей.

Освещая историю судебных учреждений региона, Грабовский предлагает периодизацию их развития. Первый этап он видит с древности до 1793 г., когда кавказская администрация сделала попытку введения в Кабарде родовых судов и расправ. Второй – конец XVIII в. – 1822 г., в ходе которого А.П. Ермолов ликвидировал суверенитет Кабарды и создал Кабардинский временный суд, как высшее административно-судебное учреждение. Третий – 1822 – конец 50-х гг. XIX в., когда было создано военно-народное управление.

Ликвидация родовых судов в 1807 г. и замена их на суд «мехкемэ» местной администрацией, по мнению автора, была направлена против простого народа, поскольку она была «чисто сословной». «Масса кабардинского населения, – пишет он, – лишена права на одинаковый суд с привилегированными сословиями, обязана была еще безусловно подчиняться решениям мулл, не имея даже права апелляции» (Грабовский, 1870: 9). Такая трактовка вопроса, позволила комплиментарно характеризовать решение властей о создании Кабардинского временного суда (1822 г.), поскольку исследователь в этом шаге увидел проявление заботы правительства о нуждах народа, защиты от произвола духовенства. Однако он выявил и явный недостаток этого учреждения, который заключался в том, что на суд возложили не только юридические, но и административные функции. «Народ, привыкший к более самостоятельному управлению, трудно мирился с вводимыми к нему извне новыми порядками» (Грабовский, 1870: 13). В этих словах отражена негативная реакция автора на ликвидацию суверенитета Кабарды.

В 1858 г. в Кабарде был учрежден Окружной народный суд, на который было возложено: «принятие мер для исполнения всех относящихся до народа распоряжений правительства, надзор за благосостоянием и нравственностью кабардинцев и разбирательство тяжёбных дел между ними» (Грабовский, 1870: 19).

Н. Грабовский первым в кавказоведении детально осветил функции и работу аульных судов. Как правило, в них входили трое избранных аульным сходом судей, которые «открыто и гласно обсуждали все споры и конфликты между жителями аула на сумму до 100 рублей. Им предоставлялось право налагать взыскания за проступки: за порчу воды в реках и колодцах, продажу испорченных съестных припасов, неподачу помощи при наводнении, пожаре и т.п. случаях и др.» (Грабовский, 1870: 20).

Проработав несколько лет следователем в Ингушевском округе Грабовский пришел к выводу, что «ингуши с чрезвычайным уважением и доверием относятся, как к окружному, так и к мировому суду, где они часто ведут свои дела; установлению такого отношения к русскому суду способствует главным образом прочно установившееся между ингушами убеждение, что этот суд действует вполне беспристрастно» (Грабовский, 1876: 205). Благожелательное отношение определялось тем, что за совершенное преступление против личности или имущества нормы обычного права выносили жесткое материальное наказание, выполнение которого падало на всех членов рода. Российские же законы ограничивали только свободу преступника, что для ингушей выглядело более мягким наказанием.

Таким образом, научный вклад Грабовского в изучение проблемы заключается, во-первых, во введении в научный оборот большого комплекса архивных материалов, исходящих как от властей, так и от горцев. Во-вторых, в своих статьях он использует современные на тот период методы исторического исследования, в основе которых лежали идеи позитивизма. В-третьих, он поднял изучение темы преобразований у горцев на качественно новый уровень, применив для их последовательного истолкования концепции буржуазной исторической науки 1860–1870-х гг. (Кузьминов, 208: 446).

Эволюцию правовой системы у горцев исследовал товарищ прокурора Кубанской области П.А. Бурменский. В докладе, прочитанном в Екатеринодарском юридическом обществе и опубликованном в общественно-литературной газете «Южный телеграф», он осветил историю развития традиционного судопроизводства у черкесов Северо-Западного Кавказа, создания Окружных словесных судов в 1866 г. и образования Горских словесных судов в 1870 г. (Бурменский, 1903).

Опираясь на публикации известных кавказоведов, он утверждал, что в старые времена «постоянного суда у горцев не было и для разрешения своих споров они в каждом отдельном случае обращались к суду посредников. Суд стариков или старшин являлся первой и простейшей формой народного суда у черкесских племен». Кроме свидетельских показаний во время судопроизводства, судьи-посредники прибегали к широко распространенному на Северном Кавказе методу выяснения виновности подозреваемого – очистительной присяге. После её принятия обвиняемый освобождался от всякой ответственности. В исключительных случаях употреблялась повальная присяга всего рода или жителей аула (Бурменский, 1903: № 222).

Новая эра судопроизводства, считает автор, началась в 1866 г., когда наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич утвердил «Положение об управлении горцами Кубанской области». В соответствии с ним вводилось военно-народное управление, и все горцы были разделены на пять округов: Эльборусский, Зеленчукский, Урупский, Лабинский и Псекупский. Для «рассмотрения спорных и мелких уголовных дел» в округах были учреждены Окружные словесные суды, которые возглавляли начальник округа или его помощник в составе 3-х депутатов и 2-х кадиев по выбору населения.

Размышляя над качеством преобразований в горской среде, П.А. Бурменский подчеркивает, что «первые судебные учреждения для горского населения области, созданные русской властью, были образованы с применением основных начал современного процесса: гласности, устности, состязательности сторон, а также с участием общественного элемента в лице депутатов по выбору населения» (Бурменский, 1903: № 223).

Указанные демократические начала судебного процесса, введенные в российское судопроизводство в 1864 г., не были чем-то новым для горцев. Во всех уголках Северного Кавказа суд стариков-посредников всегда проходил в условиях гласности и состязательности сторон. Нововведения касались ряда тяжких, с точки зрения имперского законодательства, уголовных дел (государственная измена, возмущение против правительства, разбой и др.), которые были выведены из-под юрисдикции депутатов-горцев и решались на основе российского права.

В соответствии с «Положением» Окружные словесные суды могли решать: «1) все иски (гражданские) и ряд тяжёлых дел туземцев между собой; 2) те же дела иски и ряд тяжёлых по претензиям к горцам лиц не туземного происхождения; 3) дела по ряду преступлений и проступков, совершенных туземцами в пределах округов, которые ... подлежат расследованию полицией (воровство или жульничество на небольшую сумму денег и другие маловажные преступления); 4) дела горцев, живущих постоянно в округе: по умыканию девиц, смертоубийствам и ранениям в ссорах и драках, по воровству-мошенничеству, по воровству-краже без ограничения цены» (Бурменский, 1903: № 223).

Окружные суды 18 декабря 1870 г., отмечает автор, были заменены на Горские словесные суды, когда наместник Кавказа утвердил «Временные правила». Анализируя «правила», прокурор обосновано отметил, что «компетенция прежних горских судов была значительно сужена ..., а область

применения обычного права ещё более ограничена и подчинена влиянию русских законов» (Бурменский, 1903: № 226). Осветив состояние горских судов в конце XIX – начале XX в., автор констатировал их несоответствие потребностям общества и выделил конструктивные недостатки: 1) горские суды являются учреждениями несовершенновыми и определяются устаревшими «Временными правилами»; 2) область применения адатов в горских судах постепенно суживалась под влиянием русских законов, и ныне обычное право горцев играет незначительную роль, в особенности при решении уголовных дел; 3) апелляционная инстанция образована в горских судах неудовлетворительно, а кассационной совсем не существует; 4) председателями судов назначаются офицеры, не получившие юридического образования; 5) депутаты от населения потеряли прежнее значение в суде и многие дела решаются без их участия.

Последовательная критика «Временных правил» как законодательной основы судопроизводства в Горских судах, озвученная профессионалом, ставила вопрос о необходимости их глубокого реформирования.

5. Заключение

Анализ отдельных работ кавказоведов имперского периода, свидетельствует о том, что исследование проблем административно-правовых преобразований горцев привлекало разных по общественному положению людей. Историк, краевед, чиновник, юрист, просто неравнодушный человек, считали своим долгом публично высказаться по острой проблеме общественного бытия, выстраивали своё видение явления или процесса, выявляли общие и особенные черты управления и суда у народов Северного Кавказа.

В середине XIX в. происходит профессионализация сферы научного изучения Северного Кавказа, растет влияние позитивистской теории на процесс исследования прошлого и настоящего горских обществ.

Работы А.В. Комарова, В.Б. Пфафа, Н.Ф. Грабовского, П.А. Бурменского и других представителей либеральной историографии вызывали определенный резонанс к злободневным проблемам современности, требующим решения, будировали администрацию и общественность на принятие неотложных мер в регионе. Они внесли существенный вклад в понимание административно-правовой системы координат, в рамках которой проходила жизнедеятельность горцев Кавказа. Отнесение указанных исследований к либеральному течению в определенной степени условно, в силу недостаточной разработанности этих проблем в историографии. При этом считаем необходимым подчеркнуть, что при выдвигании любой типологии, построенной на любом критерии или их совокупности, цель всеобъемлющего охвата явления или процесса полностью достигнута никогда не будет. Кавказская действительность слишком сложна и многогранна, чтобы быть уложенной в прокрустово ложе любой схемы.

Литература

- Айларова, 2002 – Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60–90-х гг. XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. 213 с.
- Боров, 2007 – Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблемы социально-культурного синтеза). Нальчик: Каб-Балк. ун-т, 2007. 298 с.
- Бурменский, 1903 – Бурменский П.А. Горские суды Кубанской области // Южный телеграф. 1903. № 222, 223, 226.
- Грабовский, 1870 – Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. Отд. 1. С. 1–78.
- Грабовский, 1876 – Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды, и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. 1. С. 112–212.
- Журтова, 2016 – Журтова А.А. Проблема вхождения Кабарды и Балкарии в состав России в дореволюционной отечественной историографии // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. Краснодар, 2015. С. 68–74.
- Зайончковский, 1961 – Зайончковский П.А. Советская историография реформы 1861 года // Вопросы истории. 1961. № 2. С. 85–104.
- Ключевский, 1987 – Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ковалевский, 1886 – Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Репринт. Владикавказ: Алания, 1995. 755 с.
- Кокиев, 1947 – Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. / Сост. Г.А. Кокиев. Нальчик, 1947. 271 с.
- Комаров, 1868 – Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним: Материалы для статистики Дагестанской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Репринт. М., 1992. Вып. 1. Отд. 1. С. 6–79.
- Кузьминов, 1983 – Кузьминов П.А. К вопросу о дореволюционной историографии крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии // Молодежь и общественные науки: Тезисы докладов и сообщений

республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 165-летию со дня рождения К. Маркса и 80-летию второго съезда РСДРП. Нальчик, 1983. С. 52–54.

Кузьминов, 2009 – *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. 236 с.

Литвак, 1960 – *Литвак Б.Г.* Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. // *История СССР*. 1960. № 6. С. 109–121.

Миллер, 1998 – *Миллер В.Ф.* В горах Осетии. Владикавказ: Алания, 1998. 518 с.

Мужухоева, 1985 – *Мужухоева Э.Д.* К историографии «военно-народного» управления в Терской области в середине XIX в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. 10–12 мая 1982 г., г. Грозный. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 72–76.

Пфаф, 1871a – *Пфаф В.Б.* Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 3–100.

Пфаф, 1871b – *Пфаф В.Б.* Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 179–220.

Пфаф, 1872 – *Пфаф В.Б.* Этнологическое исследование об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Вып. 2. С. 52–179.

Хасбулатов, 1988 – *Хасбулатов А.И.* Крестьянская и земельная реформа 60–70-х гг. XIX в. и аграрный вопрос в пореформенной Чечено-Ингушетии в исторической литературе // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 31–37.

Чибиров, 2012 – *Чибиров Л. А.* Вальдемар Пфаф – предшественник В. Ф. Миллера в научном осетиноведении // *Известия СОИГСИ*. 2012. Вып. 7 (46). С. 90–96.

Чичерин, 1901 – *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1901. 259 с.

References

Ailarova, 2002 – *Ailarova S.A.* (2002). Obnovlyayushchiysya Severnyi Kavkaz: obshchestvenno-politicheskaya mysl' 60–90-kh gg. XIX v. [Renewing North Caucasus: socio-political thought of the 60–90s of the XIX century]. Vladikavkaz: Publishing house of the North Ossetian State University, 213 p. [in Russian].

Borov, 2007 – *Borov A.Kh.* (2007). Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (Problemy sotsial'no-kul'turnogo sinteza) [North Caucasus in the Russian civilizational process (Problems of socio-cultural synthesis)]. Nal'chik: Kabardino-Balkarian State University. 298 p. [in Russian].

Burmenskii, 1903 – *Burmenskii P.A.* (1903). Gorskije sudy Kubanskoj oblasti [City Courts of the Kuban Region] // *Southern Telegraph*. Nr. 222, 223, 226 [in Russian].

Grabovskii, 1870 – *Grabovskii N.F.* (1870). Ocherk suda i ugolovnykh prestuplenii v Kabardinskom okruge [Essay of the court and of criminal offenses in the Kabarda District]. *Collection of information about the Caucasian mountaineers*. Tiflis. Vol. 4. Pp. 1–78 [in Russian].

Grabovskii, 1876 – *Grabovskii N.F.* (1876). Prisoedinenie k Rossii Kabardy, i bor'ba ee za nezavisimost' [Accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. *Collection of information about the Caucasian mountaineers*. Tiflis. Vol. 9. pp. 112–212 [in Russian].

Zhurtova, 2016 – *Zhurtova A.A.* (2016). Problema vkhozhdeniya Kabardy i Balkarii v sostav Rossii v dorevoljutsionnoi otechestvennoi istoriografii [The problem of the entry of Kabarda and Balkaria into Russia in pre-revolutionary national historiography] // *Caucasian War: symbols, images, stereotypes: a collection of scientific articles on the materials of the All-Russian Scientific Conference*. Krasnodar. pp. 68–74 [in Russian].

Zaionchkovskii, 1961 – *Zaionchkovskii P.A.* (1961). Sovetskaya istoriografiya reformy 1861 goda [Soviet Historiography of the Reform of 1861]. *Questions of History*. Nr. 2. pp. 85–104 [in Russian].

Klyuchevskii, 1987 – *Klyuchevskii V.O.* (1987). Sochineniya v 9 t. [Essays in 9 t.]. T. 1. Course of Russian History. P. 1. M.: Thought. 430 p. [in Russian].

Kovalevskii, 1886 – *Kovalevskii M.M.* (1886). Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii [Modern custom and ancient law. The common law of Ossetians in historical and comparative lighting]. M. Reprint. Vladikavkaz: Alaniya, 1995. 755 p. [in Russian].

Kokiev, 1947 – *Kokiev G.A.* (1947). Krest'yanskaya reforma v Kabarde: Dokumenty po istorii osvobodzheniya zavisimykh soslovii v Kabarde v 1867 g. [Peasant Reform in Kabarda: Documents on the history of the liberation of dependent classes in Kabarda in 1867] / *Comp. G.A. Kokiev*. Nal'chik. 271 p. [in Russian].

Komarov, 1868 – *Komarov A.V.* (1868). Adaty i sudoproizvodstvo po nim: Materialy dlya statistiki Dagestanskoi oblasti [Adats and legal proceedings on them: Materials for statistics of the Dagestan region]. *Collection of information about the Caucasian mountaineers*. Tiflis. Reprint. M., 1992. Vol. 1. pp. 6–79 [in Russian].

Kuz'minov, 1983 – *Kuz'minov P.A.* (1983). K voprosu o dorevoljutsionnoi istoriografii krest'yanskoi reformy v Kabarde i Balkarii [On the question of the pre-revolutionary historiography of peasant reform in Kabarda and Balkaria] // *Young people and social sciences: Abstracts and reports of the republican scientific and theoretical conference dedicated to the 165th anniversary of the birth of K. Marx and the 80th anniversary of the second congress of the RSDLP*. Nal'chik. pp. 52–54 [in Russian].

Kuz'minov, 2009 – *Kuz'minov P.A.* (2009). Epokha reform 50–70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolyutsionnom kavkazovedenii [The era of reforms of the 50-70s of the XIX century among the peoples of the North Caucasus in the pre-revolutionary Caucasus]. Nal'chik: KBSU. 236 p. [in Russian].

Litvak, 1960 – *Litvak B.G.* (1960). Sovetskaya istoriografiya reformy 19 fevralya 1861 g. [Soviet historiography of the reform on February 19, 1861]. *History of the USSR*. Nr. 6. pp. 109–121 [in Russian].

Miller, 1998 – *Miller V.F.* (1998). V gorakh Osetii [In the mountains of Ossetia]. Vladikavkaz: Alaniya. 518 p. [in Russian].

Muzhukhoeva, 1985 – *Muzhukhoeva E.D.* (1985). K istoriografii «voenno-narodnogo» upravleniya v Terskoi oblasti v seredine XIX v. [To the historiography of «military-folk» management in the Terek region in the middle of the XIX century]. *Questions of the history of historical science of the North Caucasus and the Don: Materials of the All-Russian Scientific Conference*. May 10-12, 1982, the city of Grozny. Groznyj, Vol. 3. pp. 72–76 [in Russian].

Pfaf, 1871a – *Pfaf V.B.* (1871). Materialy dlya istorii osetin [Materials for the history of Ossetians] // Collection of information about the Caucasian mountaineers. Tiflis, 1871. Vol. 5. pp. 3–100 [in Russian].

Pfaf, 1871b – *Pfaf V.B.* (1871). Narodnoe pravo osetin [People's right of Ossetians] // Collection of information about the Caucasus. Tiflis, 1871. Vol. 1. pp. 179–220 [in Russian].

Pfaf, 1872 – *Pfaf V.B.* (1872). Etnologicheskoe issledovanie ob osetinakh [Ethnological research about Ossetians]. *Collection of information about the Caucasus*. Tiflis, 1872. Vol. 2. pp. 52–179 [in Russian].

Khasbulatov, 1988 – *Khasbulatov A.I.* (1988). Krest'yanskaya i zemel'naya reforma 60–70-kh gg. XIX v. i agrarnyi vopros v poreformennoi Checheno-Ingushetii v istoricheskoi literature [Peasant's and land reform of the 1960s and 1970s and the agrarian question in the post-Reform Checheno-Ingushetia in historical literature]. / Questions of the historiography of pre-revolutionary Checheno-Ingushetia. Groznyj, pp. 31–37 [in Russian].

Chibirov, 2012 – *Chibirov L.A.* (2012). Val'demar Pfaf – predshestvennik V. F. Millera v nauchnom osetinovedenii [Valdemar Pfaf – V.F. Miller's predecessor in scientific Ossetian studies]. *A collection of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research*. Vol. 7 (46). pp. 90–96 [in Russian].

Chicherin, 1901 – *Chicherin B.N.* (1901). Nauka i religiya [Science and religion]. M. 259 p. [in Russian].

УДК 930.1 (470.6)

Административно-правовые преобразования 1850–1870-х годов у народов Северного Кавказа в оценке представителей либеральной историографии

Петр Абрамович Кузьминов ^a, Анжела Ариковна Журтова ^{a, *}, Мурат Владимирович Дышеков ^a, Муслим Султанович Тамазов ^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Аннотация. В ходе завершающего этапа Кавказской войны российские власти провели комплекс административно-правовых преобразований, направленных на полную интеграцию северокавказских обществ в политическое и юридическое пространство империи: была ликвидирована Кавказская линия, в 1860 г. созданы гражданские областные органы управления, сформирована система военно-народного управления. Ее основу составила окружная система управления, в которой ведущую роль играли офицеры Кавказской армии, выполнявшие функции администраторов по регулированию гражданских отношений и руководителей судебных учреждений. В сельских судах разбор дел вели избранные жители аула, а в участковых и окружных судах – депутаты из горского населения, под руководством начальника участка или округа. В области судопроизводства они опирались на нормы российского законодательства, обычного права горцев (адата) и шариата.

Созданная система широко освещалась в печати, анализировалась представителями администрации, науки и права. Наиболее точную и адекватную оценку преобразований дали представители либеральной историографии. В своих трудах, в противовес работам авторов консервативного течения, которые восторженно освещали любые действия кавказской администрации в регионе, они предлагали читателям критический анализ нововведений. Детально изучив меропрятия властей по созданию новых условий жизнедеятельности горских народов, А.В. Комаров, В.Б. Пфаф, Н.Ф. Грабовский, П.А. Бурменский и другие представители либерального течения дореволюционной историографии, выявили позитивные и негативные последствия имперской модернизации для развития северокавказских обществ и их интеграции в состав России.

Ключевые слова: историография, либерализм, Северный Кавказ, Россия, военно-народная система управления, административные, судебные, преобразования.

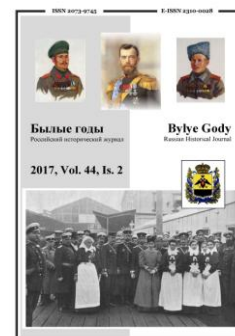
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anzhelka28@mail.ru (А.А. Журтова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 513-524, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.513
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Formation of the System of Public Administration of Youth Policy in the Sphere of University Education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries

Pavel A. Merkulov ^{a,*}, Elena N. Malik ^a, Vladimir I. Filonov ^a

^aCentral Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The authors presented their conception of historical experience of the formation, development and genesis of state youth policy in pre-revolutionary Russia (second half of XIX – early XX century). The process of institutionalization of state youth policy is considered in the context of university education. The authors prove that this sphere of social policy has determined the establishment of the legal status of students, which is identified by the state purposefully to achieve the postulated goals. Management in the field of state youth policy went in line with the development of the education system in pre-revolutionary Russia, especially in the universities.

The authors consider youth policy as a system-forming institute of public administration, finding expression in the purposeful activity of public authorities of general and special jurisdiction. The main focus is on the creation of the legal framework of youth policy, regulating the activities of the students, teaching corporations and institutions of higher education in general.

The authors clarify that in the conditions of education reforming, in pre-revolutionary Russia in the early 20th century university environment was the scene of formation of the political position of the student leaders. At the same time corporate requirements for students were replaced by political ones and became the leitmotif of the revolutionary-democratic agenda. Pro-government student organizations were actively formed to minimize the influence of radical youth associations on students. Thus, with the development of student corporations, the scope of control over the university life, self-government activities, and above all over ideological and political attitudes was expanding.

Keywords: youth, state youth policy, public administration, students, university, education system, higher education.

1. Введение

Изучение проблемы становления и реализации молодежной политики определено усилением роли молодежи в развитии российского общества. Процесс становления и реализация молодежной политики в пореформенной России, впрочем, как и до конца существования монархической государственности, осуществлялся достаточно эклектично. В тот период, несмотря на становление молодежи как особой социальной группы, такие институциональные элементы государственной молодежной политики, как специализированное законодательство и органы государственного управления, только начали оформляться.

* Corresponding author

E-mail addresses: merkulov-pa@ranepa.ru (P. Merkulov), malik57-elena@mail.ru (E. Malik), filonovi@mail.ru (V. Filonov)

2. Материалы и методы

2.1. В качестве важных источников, которые легли в основу настоящего исследования, следует назвать материалы таких российских архивов, как: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Новгородской области (ГАНО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива города Москвы (ЦАГМ).

Для анализа проблемы институционализации государственной молодежной политики в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX в.) был привлечен ряд материалов, впервые вводимых в научный оборот. В фондах ГАРФ отложились рукописи Царскосельского дворца (Ф. 543. Оп. 1. Д. 261), раскрывающие особенности развития государственной системы высшего образования. Особую ценность для исследования разнообразных аспектов университетской жизни, попадающих под жесткое регулирование со стороны Министерства Народного Просвещения, представили архивные материалы фонда ЦАГМ, в частности Канцелярии Попечителя Московского учебного округа, журналы заседаний Императорского Московского университета, в частности «Обращение Попечителя Московского учебного округа о введении в Московском университете должности проректора» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68).

Помимо этого были использованы официальные документы Российской империи, в том числе Высочайшие указы, материалы министерств и ведомств (прежде всего Министерства народного просвещения), документы Сената, материалы и стенографические отчеты Государственной думы России и т.д.

Для исследования механизма государственного управления молодежной политикой со второй половины XIX – начала XX в. выступили официальные материалы: «Организация и методика работы в высшей школе» (Организация и методика работы, 1934), «Студенческие корпорации в Петербургском университете» // «Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников» (Студенческие корпорации, 1914).

2.2. Методологические основы изучения сферы управления молодежной политикой в дореволюционной России определяются комплексным подходом к специфике молодежи как особой социально-демографической группы. На протяжении большей части анализируемого нами периода мы относим зачатки интереса к субъектности молодежи со стороны органов государственной власти в рамках системы университетского образования.

С позиции формационного подхода мы приходим к заключению, что институционализация государственной молодежной политики в России началась сравнительно поздно, эту стадию развития органов государственного управления следует отнести лишь к концу XIX века. Применение междисциплинарных методов позволило нам не только проанализировать тексты нормативно-правовых документов, установить их содержание, но и проследить их реализацию в ходе деятельности как специализированных, так и общей компетенции, органов государственного управления, реализовавших молодежную политику в дореволюционной России.

3. Обсуждение

3.1. Историографический анализ

3.1.1. Изучение основ формирования государственной молодежной политики и органов ее управления в дореволюционной России к рубежу XIX–XX вв. представлено относительно небольшим количеством научных исследований отечественных историков и социологов.

Комплексный анализ организованного молодежного движения в системе элементов государственной молодежной политики в дореволюционный период содержится в работах Д. Рабочего (Рабочий, 1926). Концептуальные основы развития студенчества как специфической социально-демографической группы, испытывающей на себе воздействие государственных социальных институтов в период с конца XIX – начала XX веков, нашли свое отражение в трудах А.Е. Иванова (Иванов, 2004).

3.1.2. Вопросы регламентации деятельности студенческого самоуправления, преподавательской корпорации в условиях институционализации высшего образования раскрываются в исследовании А.И. Авруса (Аврус, 2001). Исследованием специфики становления социально-политического потенциала учащейся и студенческой молодежи в дореволюционный период развития российского общества занимались такие ученые, как Л.К. Меркулова, А.А. Черкасов (Меркулова, Черкасов, 2008). Исследованию таких аспектов проведения политики государства в отношении молодых граждан в дореволюционной России, как социализация, формирование патриотических настроений молодежи, посвящены работы В.С. Молчанова, М. Шмигель (Molchanova et al., 2013). Оценки по формированию системы управления сферой молодежной политики в контексте университетского образования даны в работе отечественного исследователя Р.Ш. Ганелина (Ганелин, 1989).

3.1.3. Хронологические этапы

Исследования положения студенческой молодежи в условиях реформирования российского образования не находят единого мнения в отношении ее субъектности в системе государственной политики. Изучая различные стадии российской государственности, мы понимаем, что выделение молодежи одновременно как объекта и субъекта политики государства целесообразно увязывать с глобальными изменениями «великих реформ» 60-х гг. XIX в., начатых Александром II, периодом

корректировки реформ («контрреформ») Александра III. Важно подчеркнуть, что собственно университетское образование сформировалось в России к середине XVIII века путем заимствования и освоения лучших практик западного высшего образования (преимущественно немецкого и французского). Параллельно развивался процесс формирования студенчества, но превращение его именно в значимую социальную группу относится ко второй половине XIX века. Далее приводятся наши аргументы, что с этого периода начинается процесс институционализации такого зарождающегося комплексного политико-правового и административного явления, как государственная молодежная политика.

4. Результаты

Сфера образования, как важное социальное направление государственной политики, определила дальнейшее становление правового статуса студенческой молодежи. По мере развития студенчества трансформируется система органов государственной власти, призванных контролировать данную сферу. «Главным механизмом, с помощью которого государство воздействует на молодежь, является реализуемая им государственная молодежная политика» (Елисеев и др., 2015: 73).

Российское студенчество уже ко второй половине XVIII века сформировалось как открытая социальная группа к социально-политическим инновациям и профессиональной интеллектуальной деятельности, что заметно отличало ее от других социальных страт. Но, по нашему убеждению, консолидация российского студенчества как интеллектуальной корпорации с присущими ей общепризнанными демократическими принципами и традициями, состоялась лишь во второй половине XIX в., в т.н. пореформенный период. Российский историк А.Е. Иванов отметил: «Высшая школа была тем каналом, посредством которого в этот в целом привилегированный конгломерат профессионалов вливались в лице выпускников высших учебных заведений свежие пополнения выходцев из демократических сословий. За счет их, детей купцов и цеховых, мещан и крестьян, по изначальной сословной принадлежности со второй половины XIX в. и шло в основном нарастание численности студенчества, а, следовательно, и корпуса интеллигенции» (Иванов, 2004: 40).

В это время студенческая корпорация становится фактически весословной, информационно открытой и уникальной социокультурной группой (Студенческие корпорации, 1934).

Как нам представляется, это связано с рядом объективных обстоятельств:

- во-первых, в этот период наблюдается качественный скачок в численности молодежи; студенты вкупе с учащейся и рабочей молодежью проявляли значительную общественную активность, оказывая немаловажное влияние на происходящие в стране процессы. «Активизация интеллектуальной части общества, его стремление к обретению больших степеней личной свободы вело к обретению его наиболее активной и нетерпеливой частью, студенчеством, осознания собственного значения в процессе общественных преобразований, своих особых интересов, требует от власть предержащих новых способов регулирования общественных отношений» (Сапрыкин, 2009: 120);

- во-вторых, реформы 1860-х гг. послужили толчком для стремительной персонализации российского социума, а также институционализации политической оппозиции, в том числе радикальной направленности, значительная часть которой рекрутировалась из молодежи.

Данные факторы способствовали обращению органов государственной власти к идее целенаправленной социализации молодежи, специального нормативно-правового регулирования данной сферы социальной политики, повышения степени управляемости новыми социальными группами в контексте укрепления государственной системы управления (Урланис, 1968: 54).

Существенное влияние на развитие студенчества, систему высшего образования в целом оказало принятие университетского Устава 1863 года, автором которого следует считать министра народного просвещения А.В. Головина. В разработке данного устава приняли участие представители научной и педагогической интеллигенции России, а именно: Н.И. Пирогов, А.В. Никитенко, П.Л. Чебышев, К.Д. Кавелин, Н.И. Костомаров и др. Данным уставом регламентировалось право университетов на автономное управление, дополнительное финансирование для проведения научных исследований, а также формирование системы зарубежной стажировки и подготовки выпускников вузов к профессорскому званию.

Начинания с императора Петра I меры по становлению системы университетского образования дали свой мультипликативный эффект только через столетие. Со второй половины XIX века в России закрепились такие термины, как «отечественный ученый», «русский ученый», а к середине 1870 года сложилась национальная научная школа по различным отраслям научного знания. «С 1893 по 1917 г., т.е. менее чем за четверть века, численность студентов фактически увеличилась в 5 раз – с 25 до 135 тысяч» (Леонов, 2003: 63). Также следует сказать, что интерес государственных органов к повышению образовательного уровня социальных слоев поддерживался традиционной системой рекрутирования ряда категорий управленцев. В России система высшего образования встала на новый путь развития, и, опираясь на западно-европейский опыт, рациональное образование с петровских реформ начало обретать реальные черты, выразившиеся в использовании новых системных знаний и передовых методов обучения.

Соответственно со второй половины XIX века мы можем говорить о возникновении институциональных элементов особой политики государства в отношении молодого поколения.

Применительно к становлению государственной молодежной политики особенность этапа реформирования и постреформирования заключалась не только в том, что на их фоне создавались новые социальные группы как потенциальные объекты этой политики, но и в том, что возникала «принципиально новая политическая и социально-экономическая ситуация, которая объективно призвала носителей высшей государственной власти к поиску новых методов управления и воздействия на общество» (Molchanova et al., 2013: 90).

Мы разделяем мнение отечественных исследователей, что немаловажным фактором, способствовавшим прогрессии и политизации студенческого движения, стали изменения университетского Устава 1884 г., ликвидировавшие или весьма заметно ограничивавшие академические права и свободы как профессорского корпуса, так и студенческой молодежи. «Он был призван усилить государственное влияние в высшей школе России, которая с точки зрения консервативно-охранительной идеологии перестала соответствовать государственной политике по своему устройству и содержанию преподавания. Реформирование университетов на основе нового Устава 1884 г. должно было стать началом перестройки всей высшей школы по его образцу» (Аблязов, 2006: 106).

Иными словами, роль и влияние образования на общественное развитие значительно возрастали, а вместе с ними возрастало влияние прогрессивного студенчества на молодежную политику государства, которая становится предметом нормативно-правового регулирования органов управления делами молодежи общей компетенции.

Так развивалась система органов, реализующих государственную молодежную политику. Высший уровень управления был возложен на Министерство народного просвещения и попечителей учебных округов, а низший – на университетскую администрацию (Организация и методика работы, 1934). В этот процесс также включались и профессорские корпорации, а в особых случаях, когда речь шла о «ведомственных» вузах, мог вмешаться министр, который по своему влиянию, в т.ч. близости к императору, мог обладать гораздо большим воздействием (Аврус, 2001: 31). Здесь следует вспомнить о петиции наследнику престола, которую в 1878 году подали студенты Медико-хирургической академии с просьбой об академических свободах, что могло спровоцировать репрессии со стороны силовых государственных органов.

Однако военный министр Д.А. Милютин избрал в своем ведомстве иную тактику. В декабре 1878 г. комиссия под председательством министра, управлявшая делами военной академии, официально разрешила избирать на курсах старост и собирать курсовые студенческие сходки. В свою очередь министр просвещения Д.А. Толстой подготовил доклад на высочайшее имя, в котором изложил свой прогноз роста студенческих волнений в других вузах (Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927: 94).

Император Александр II не принял позицию ни одного из министров, а издал Указ о создании комиссии, в состав которой вошли: министры внутренних дел, народного просвещения, финансов, юстиции, путей сообщения, военный министр, а также начальник Медико-хирургической академии, шеф жандармов, статс-секретарь И.Д. Делянов. Председателем комиссии был назначен министр государственного имущества П.Д. Валуев (Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927).

Заседание комиссии состоялось 4 января 1879 г., где министр просвещения Д.А. Толстой в своем докладе высказывался о неприемлемости в вузах политической агитации, которая неизбежна при удовлетворении собственно академических требований студентов.

С альтернативной точкой зрения на совещании выступил военный министр Д.А. Милютин. В своем докладе он призывал к четкой регламентации внутренней студенческой жизни, уточняя основания для принятия решения об обращении в силовые структуры в случае студенческих волнений и «сходок» (Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927: 95).

На наш взгляд, резолюция данного заседания стала начальной ступенью формирования в правительстве Александра II двух генеральных линий государственной молодежной политики – консервативной (охранительной) и либерально-бюрократической. Итоговое решение представляло собой компромисс, суть которого состояла в том, что для студентов Медицинской академии сохранили норму «курсовых сходок» и «академических требований», а попытки студенчества других вузов добиться их распространения подлежали подавлению силовыми методами.

Немаловажное влияние на реализацию основных направлений государственной молодежной политики в сфере академического образования оказывал институт попечителей учебных округов. Они являлись не только должностными лицами системы государственного управления сферой образования, но и выступали инициаторами разработки новых положений в вузовские уставы, устанавливающих усиление контроля со стороны администраций университетов за студентами. В 1877 г. попечитель Московского учебного округа обратился в Московский университет с инициативой введения должности проректора с целью усиления контроля за студенчеством вуза. Должность проректора, по нашему мнению, следует считать одним из элементов развития структуры органов государственного управления в сфере молодежной политики (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 2-2 об, 10-11 об).

В свою очередь руководство университета откликнулось на предложение об избрании проректора (инспектора) по надзору за студентами и приступило к проекту новых правил. 17 января

1881 г. на заседании Совета университета была избрана комиссия, и после небольшого постатейного обсуждения и незначительной редакции проект был принят. В целом новый проект правил поведения студентов, по нашему пониманию, был ориентирован на обеспечение плодотворной учебной и научной работы, а также укрепление дисциплины в университете (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л.15 об). Так, новая версия параграфа 126 определила текущий порядок собраний, учреждения студенческих обществ. «По требованию проректора (инспектора или его помощника) студенты обязаны разойтись из зданий Университета, хотя бы даже собрались там для слушания лекций и других дозволенных целей» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 2-2 об., 10-11). Редакция параграфа 127 изменила условия проживания студентов: «Никто из студентов не может проживать на квартире иначе как по билету на проживание, выдаваемому от проректора или инспектора». Здесь также следует упомянуть и о параграфе 125, где было введено обязательное наличие билетов для студентов, с которыми они являлись на слушание лекций и подлежали предъявлению по требованию администрации университета. Этот ряд изменений, повлекших расширение сфер контроля за студенчеством со стороны университетского начальства, можно продолжить.

Вместе с тем новые правила наряду с «репрессивными» методами организации студенческой жизни вводили пункты, где прописывались права студентов на «учреждение товарищества (параграф 114), подачу заявлений и прошений (параграф 115), организацию библиотек, читален, вспомогательных или ссудных касс (параграф 119) и ряд других, составлявших традиционные требования в ходе студенческих выступлений» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 15 об. - 16)

Также отметим, что из-за нежелания кандидатов на пост проректора избираться закрытым голосованием выборы на эту должность немного затянулись. Вместе с тем вопрос о создании студенческих учреждений требовал принципиального разрешения, в связи с чем было проведено внеочередное заседание Совета для разработки «положения о студенческих обществах», где большинством голосов на должность проректора был избран С.А. Муромцев, ординарный профессор юридического факультета Московского университета по кафедре римского права. В дальнейшем его кандидатура после одобрения в этой должности попечителем учебного округа была утверждена соответствующим приказом Министерства народного просвещения. «На следующем заседании Совета 7 марта 1881 г. комиссия представила проект положения об организации студенческих обществ, хотя единогласия среди ее членов не было, ряд из них, в т.ч. С.А. Муромцев, заявили об особом мнении» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 249. Д. 68. Л. 33 об. - 37).

С принятием Устава 1884 г. полномочия инспектора студентов значительно возросли. Инспекторам теперь разрешалось наблюдать за студентами не только в стенах учебных заведений, а по необходимости и вне вузов. Вместе с тем численность корпуса инспекторов, по соотношению к корпорации студентов вряд ли позволяет говорить о становлении института тотальной слежки, о которой немало писали современники. Данное нововведение привнесло резонанс в студенческие круги и соответственно получило негативный отклик российской интеллигенции за новую степень своей несвободы (ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 4. №2404).

В данный период Министерство народного просвещения выступало одновременно в качестве создателя и исполнителя внутреннего нормативного творчества, изменившего устав и ориентированного на ограничение самоуправления студенческими организациями. Формально академические студенческие общества могли создаваться и осуществлять деятельность только при тотальном контроле со стороны университетской администрации. Министерство народного просвещения это направление деятельности студенчества организационно выделило в отдельное делопроизводство «О принятии мер к предупреждению студенческих организаций» (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1355. Л. 74–75 об.).

Важное значение в деле разработки механизмов управления сферой молодежной политики отводится Всероссийскому совещанию руководителей высшей школы (1889 г.). Резолюция данного консилиума легла в основу разработки новой нормативно-правовой базы, регламентирующей университетскую политику эпохи вузовского реформирования Александра III. В целом совещание проходило под эгидой Министерства народного просвещения, председательствующим был избран профильный министр Н.П. Боголепов. Участниками совещания были выработаны важные положения, которые легли в основу разработки стратегии развития высшей школы в целом и элементов молодежной политики в частности (Аврус, 2001: 65).

Основной темой совещания стали перспективы укрепления сотрудничества педагогической корпорации со студенчеством в целях повышения эффективности организации университетской работы. Особое внимание было уделено развитию воспитательного компонента учебного процесса и поддержанию благоприятного климата. «Впервые масштабно пошла речь об учебно-воспитательном процессе как едином многокомпонентном процессе» (Аврус, 2001: 68). Участники встречи актуализировали вопрос о нравственных механизмах процесса взаимодействия администрации университета и преподавательской гильдии со студенчеством.

Отдельной темой данного консилиума стало обсуждение вопроса о внедрении в учебный процесс высшей школы новых форм проведения занятий в формате «практических». Эти меры были нацелены на упорядочение в высших учебных заведениях учебно-методической, воспитательной и организационной работы. По итогам совещания были приняты магистральные направления

совершенствования деятельности студенческой инспекции и определены базовые ориентиры разработки нормативно-правовой базы создания, функционирования и осуществления контроля за деятельностью самостоятельных студенческих организаций как направления политики государства.

Следует сказать, что на фоне развития студенческих объединений параллельно протекал процесс самоорганизации рабочей молодежи, пусть и не так активно. В 1885 г. создается «Общество содействия поднятию морального, интеллектуального и материального положения рабочего класса в России», которое позже трансформировалось в «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых» (Рабочий, 1926: 59, 66). Основные цели данного объединения были направлены на создание условий для оптимального включения рабочей молодежи в социум и повышения ее социально-культурного потенциала. В данном направлении активно создавались библиотеки, кассы взаимопомощи и кружки по самообразованию.

В 1890–1891 гг. в России повсеместно создавались молодежные объединения демократического толка. «Деятельность тайных обществ была отмечена в Московской, Петербургской, Казанской, Самарской, Уфимской, Тверской и Ярославской семинариях» (Кострикин, 2009: 123). Ярким примером выступает «кружок Круковского-Мандельштама», который был создан в 1891 г. совместными усилиями студентов Московского университета и Технического училища для распространения агитационных изданий группы «Освобождение труда». Полиция в скором времени ликвидировала кружок, а его состав перешел в кружок Винокурова-Мицкевича, абсолютно идентичный по целевой ориентации (Иванов, 2004: 39).

В 1896–1897 гг. в ответ на запрет для семинаристов поступать в университеты после окончания четырех общеобразовательных классов слушатели семинарий «создают Центральный комитет союза объединенных семинарий, в состав которого вошло около 25 кружков. Результат их активной работы и выступления против данного запрета вытекли в беспорядки весны 1899 г. в Казанской и Псковской семинариях» (ГАНУ. Ф. 117. Оп. II. Д. 430. Л. 118). Таким образом студенчество начинает вступать в противоречие с официальной линией властей, что потребовало корректировки в политике социализации этой социальной группы.

В начале февраля 1899 г. в Санкт-Петербургском университете была зафиксирована первая студенческая забастовка, которая имела всероссийский масштаб. Она была ответом студенчества на попытки ректора в день основания университета предупредить угрозой репрессий их выступления. Затем последовали столкновения с полицией, что спровоцировало конфликт. «В резолюции многотысячной сходки говорилось о том, что студенты объявляют университет закрытым и будут добиваться его официального закрытия. Там же предполагались исключительно мирные средства борьбы за нарушенные права» (Кострикин, 2009: 126). Для нас же в рамках рассматриваемой проблемы интересен факт в данной резолюции о требованиях студентов, касающихся всеобщего опубликования тех инструкций, которыми должны руководствоваться полиция и администрация относительно студентов.

Данные требования студенческой сходки, во-первых, послужили основой для пересмотра нормативно-правового механизма регулирования государственной молодежной политики, а во-вторых, укрепили в общественном сознании студентов необходимость отстаивать свои права.

Студенческое выступление в Санкт-Петербургском университете поддержали 17 учебных заведений города, в том числе военной и духовной направленности. В 1901 году студенческие волнения охватили вузы в Москве, а вскоре они разнеслись по всем вузам России (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 25. Л. 14–15 об., 18–19 об.).

Стоит упомянуть о достаточно критичном взгляде премьера-министра С.Ю. Витте на события, связанные со студенческими выступлениями. В его записке к специальному совещанию министров от 17 февраля 1899 г. явно прослеживается негативная оценка адекватности и эффективности традиционных методов государственной политики в отношении студенчества в данный период: «Есть основания полагать, что приемы, посредством которых желали не пропустить прохождение толпою по городу собравшейся на акт возбужденной молодежи, не были вполне тактичны» (Студенческое движение 1899 года, 2012: 48).

Тем не менее, несмотря на поддержку ряда министров прогрессивных мер государственного регулирования молодежной политики, император Николай II остановился на курсе полицейских репрессий. Более 2 тыс. человек были высланы из Санкт-Петербурга, а участники акций подверглись исключению из университета (Рабочий, 1926: 71). Но ограничивающие и усмирительные мероприятия со стороны властей не только не остановили студенческое движение, а, напротив, усилили деятельность активистов.

Аналогичные процессы шли и среди учащихся духовных учебных заведений. В 1901 г. волнения среди молодежи проходят в Тульской и Калужской семинариях, а в следующем году уже и в Пензенской, Тверской, Полтавской, Вятской, Сибирской и Подольской (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 27. Л. 21 об.).

В дальнейшем в этот процесс были интегрированы все новые и новые учебные заведения. В результате активизации движения семинаристов был основан «Российский общесеминарский союз», который следует расценивать как первую всероссийскую молодежную организацию, причем ее численность насчитывала более 10 тыс. членов (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 27. Л. 39).

Регулярные съезды семинаристов легли в основу системы управления данной организацией, ориентированной в большей мере на реформистскую идеологию.

Первый съезд РОСа утвердил подробную многостороннюю программу о специфике семинарской жизни. Полнота проработки конкретных вопросов данной программы могла послужить основой для коренной реформы системы духовного образования. Собственно политических требований делегатами съезда выдвинуто не было, а остановились на подобии тред-юнионизма (ЦАГМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 27. Л. 41).

В результате дальнейших событий Первой русской революции 1905–1907 гг. правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки в отношении требований семинаристов. Так, например, было выполнено базовое требование, касающееся отмены запрета учащимся духовных учебных заведений поступать в университеты.

В целом активизация студенческого движения в 1899–1902 гг. отразилась на самоорганизации и одновременно на политизации данной социальной группы. «Характерными чертами молодёжного движения начала XX века являются его заметная политическая дифференциация, выдвижение на авансцену революционной борьбы политических партий, борющихся за влияние на молодёжь, стремление студенчества и учащихся к созданию самостоятельных союзов и организаций, к объединению усилий в масштабах страны» (Матвеева, Комарова, 2015: 128–129).

Правительство было не в состоянии разделить студенчество на два сектора. Ему не удалось вычлнить академическую часть данной когорты, способную минимизировать наличие второй, политизированной. Начался процесс организации первых групп, идентифицирующих себя по политической принадлежности. В начале 1899 г. в Санкт-Петербургском университете создаются «группы «независимых», «единомыслящих», «вольномыслящих», «буржуазных радикалов», «обструкционистов», «действительных обструкционистов» и пр.», а в 1902–1903 гг. в вузах России возникают студенческие организации и группы учащихся радикального толка социал-демократической ориентации (Меркулова, Черкасов, 2008: 33).

Теперь резолюции студенческих съездов в своем большинстве отражали радикальную ориентацию студенческого движения. К примеру, манифест Киевского Всероссийского студенческого съезда от марта 1902 года гласил, что «осуществление университетской автономии шло бы вразрез с правительственной тенденцией, заглушающей всякое стремление к самостоятельности» (Сапрыкин, 2009: 101–102). Следовательно, защита студенчеством своих академических прав и свобод, указывала на явные элементы политической борьбы против политики правительства.

На фоне перечисленных событий продолжается процесс формирования механизмов государственного управления сферой молодежной политики в России. Здесь следует отметить тот факт, что создание специализированного, отраслевого органа управления сферой молодежной политики как в отечественной, так и в мировой практике, относится к более современным (поздним) этапам развития общества. Структуры, призванные выполнять функции по реализации отдельных направлений ГМП, в рассматриваемый нами период были отнесены к общей сфере социальной политики.

Отдельно следует сказать о негативной государственной молодежной политике, когда правительство вынуждено было оперативно реагировать на противостояние молодежи и созывать чрезвычайные органы. Подобными мерами могут служить:

- создание Николаем II специальной комиссии в ответ на стачку студентов Санкт-Петербургского университета в 1899 г.;

- формирование «Временных правил о воинской повинности» от 29 июля 1899 г., на основании чего был создан механизм перевода студентов, нарушавших регламент поведения в вузе, в разряд солдат. В каждом университете собиралось Особое Совещание, наделенное специальной компетенцией по дисциплинарному наказанию студентов, участвующих в сходках. В состав данной комиссии входили представители педагогической коллегии, а также представители Военного министерства, Министерства юстиции и Внутренних дел (Ганелин, 1989: 114–115).

- создание комиссии для разработки проекта реформирования системы образования в России, возглавляемого П.С. Ванновским. Суть данной реформы заключалась во введении всеобщего образования. Теоретические основы, которые были заложены в концепцию развития образования, отражали стремление выстроить в России единую систему типовых учебных заведений (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 261. Л. 6-7).

В переписке С.Ю. Вите с П.С. Ванновским в начале ноября 1901 г. выражал мнение в отношении проекта реформы образования в следующем ключе: «Единство школы выражается и в том, что, независимо от свойства преподаваемых в ней предметов, она должна развивать умственные способности учащихся, призывать их к труду, воспитывать в них волю и характер, развивать их самостоятельность и чувство долга. Наконец, единство школы означает сосредоточение в руках государства заведывания и общего направления школьным делом, ибо вопрос о том, как и чему учиться молодое поколение, какую умственную подготовку оно получает, какой запас знаний пополняется в стране, это вопрос всего ее будущего, вопрос первостепенной государственной важности» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 261. Л. 6-7). Мы приходим к убеждению, что вектор данной реформы имеет направление в сторону единой концепции образования. Все это позволяет нам

говорить о системной основе элементов государственной молодежной политики в России в сфере образования.

К концу 1901 г. в правила для студентов были внесены существенные поправки. Теперь им дозволялось создавать корпоративные организации, как официальные, так и частного характера: научно-литературные кружки, кассы взаимопомощи, лавки и магазины с товарами по сниженным ценам, студенческие столовые; на легальных основах функционировал институт старост курсов, разрешалось проводить курсовые собрания и т.д.

Стоит остановиться и на такой особенности становления государственной молодежной политики в высшей школе, как создание проправительственных студенческих организаций. Данные структуры возникали в российских университетах почти параллельно с леворадикальными объединениями. Аргументировано, что их историческим началом следует считать создание в 1902 г. на базе Санкт-Петербургского университета организации «Десница», целью которой была борьба с революционным движением. Устав данной организации мог послужить образцом для дальнейшей деятельности в данном ключе, но из-за ограничения количественного состава до 60 человек такие организации не могли быть массовыми и, соответственно, реально противостоять массовому революционному движению (Иванов, 2004: 41).

13 ноября 1902 г. был утвержден Высочайший Примерный устав, на основании которого действовал целый ряд студенческих организаций правового проправительственного характера. Среди них: «Союз студентов», «Общество русских студентов», «Русское собрание», «Священная лига» и др., которые фактически находились за пределами правового механизма, регламентировавшего сферу государственной молодежной политики в вузах (Иванов, 2004: 42-43).

События Первой русской революции 1905–1907 гг. сыграли важную роль в изменении структуры органов управления, реализующих государственную молодежную политику в сфере высшего образования.

27 августа 1905 г. Советам университетов значительно расширили степень их автономии, а осенью 1906 г. был упразднен институт инспекции в университетах. Теперь студенчество контролировалось отделами выборных проректоров. Нельзя не сказать, что вводимые меры контроля для большинства студентов оказались противоречивы. В годы революционного напряжения правительство вынуждено было мириться порой с явным пренебрежением студенческими организациями правил оформления уставных документов, а иногда и разрешения на создание. Спад революционной ситуации дал возможность правительству обрести контроль над силовыми структурами и, соответственно, ужесточить его над деятельностью студенческих организаций. Все более распространяется практика доминирования силовых методов вмешательства в частную университетскую жизнь «как в части организации самостоятельной жизни студенчества, так и в части обеспечения идеологической стерильности учебного процесса» (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 12. Л. 118).

В начале 1908 г. Министерство народного просвещения приступает к активной контрольно-надзорной деятельности. Одним из направлений этой работы было получение от ведущих преподавателей университетов личных обязательств об их политической лояльности к органам государственной власти. Одновременно велась масштабная кампания по увольнению из учреждений, подведомственных Министерству народного просвещения, лиц, заподозренных в сотрудничестве с «антигосударственными и противоправительственными обществами и организациями» (Аврус, 2001: 79).

На основании циркуляра министра просвещения А.Н. Шварца 31 мая 1908 г. в Московском университете были отстранены от занятий женщины-слушательницы. Уже в июле 1908 г. пришел новый циркуляр об упразднении институтов студенческого представительства (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 100. Л. 82–83).

В сентябре 1908 г. в знак протеста и защиты университетской автономии студенчество вышло на Всероссийскую забастовку, где был избран временный Коалиционный совет. Совет отвечал за организационную работу, руководство студенческим движением и координацию работы Совета факультетских старост как коллегиального органа студенческого управления (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 42. Л. 16).

Стоит обратить внимание на тот факт, что правительство различными способами поощряло студенческие организации правого толка, что имело конкретные и продуктивные результаты. Так, в октябре 1908 г., в Санкт-Петербурге был организован Академический союз студентов, целью создания которого являлся отказ молодых граждан от участия в политических акциях. Главным направлением деятельности стало обеспечение «правильного и спокойного» течения академической жизни. Данное студенческое движение достаточно быстро стало распространяться по России. На местах оно несколько трансформировалось уже как объединение монархического характера: так, например, в Киеве была создана «Партия академического порядка»; в Казани – «Общество русской монархической молодежи» и т.д. (Урланис, 1968: 96).

Деятельность проправительственных студенческих организаций повлияла и на получение образования женщинами. В октябре 1907 г. в Москве был организован «Русский женский кружок учащихся г. Москвы», Устав которого содержал следующие положения о его создании: «для нравственного оздоровления и возрождения Русской женской высшей и средней школы,

освобождения ее от всякой революционной пропаганды и деятельности и проведения в жизнь принципов – школа для занятия наукой» (*Деятельность русского женского кружка, 1909: 49*).

Таким образом, главный призыв проправительственных студенческих организаций заключался в снижении политической активности студентов и направлении их энергии в русло развития науки и образования. Своего рода ключевым фактором в изменении системы государственного управления молодежной политикой в сфере университетского образования стало Положение, утвержденное Советом министров 11 июня 1907 г., которое определяло дальнейший порядок деятельности студенческих корпораций в вузах. Общие принципы, лежащие в основе данного нормативного правового акта, отражали тенденцию ужесточения правительственного контроля за деятельностью студенческих организаций и движений (*ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 80*).

В ноябре 1910 г. вновь прокатывается волна массовых протестных студенческих акций. Правительство было вынуждено принимать меры, направленные на предупреждение протестной активности студенчества. Так, 11 января 1911 г. Советом Министров было принято решение, указывающее на временное запрещение во всех вузах проведения любых собраний. Еще одним радикальным методом борьбы с забастовками следует назвать массовое отчисление из университетов студентов, принимавших в них участие. Подобные репрессивные способы в сочетании с массовыми арестами участников протестных акций во многом ослабили активность леворадикальных студенческих организаций (*РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 101. Л. 49*).

Указанные события прямым образом отразились на политике управления в университетах. 27 января 1911 г. в Московском университете полиция провела ряд оперативно-розыскных мероприятий. Это вызвало крайнее недовольство у руководства вуза. В знак протеста ректор А.А. Мануйлов и его помощники подали прошение Министру народного просвещения Л.А. Кассо об отставке, которое было поддержано. В знак солидарности к концу февраля 1911 года около 100 профессоров и приват-доцентов университета уволились. Фактически данный акт способствовал, во-первых, смене профессорско-преподавательского состава университета, а во-вторых, окончательному переходу правительства в лице Министерства народного просвещения к практике жесткой регламентации сегмента студенческого самоуправления в сфере государственной молодежной политики.

5. Заключение

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что становление системы органов управления, реализующих государственную молодежную политику в дореволюционной России, шло в русле развития системы образования, в первую очередь – в вузах. Параллельно возрастало влияние прогрессивного студенчества на молодежную политику государства, а также нормативно-правовое регулирование данной сферой. Наибольшее значение в процессе управления государственной молодежной политикой в контексте университетского образования имеют Министерство народного просвещения, Военное министерство. Это было отражением общеевропейских тенденций, когда начиная с XIX в. в западно-европейских государствах начался процесс институционализации системы управления социализацией населения, а также разработкой законодательства, регламентирующего деятельность системы академического образования.

С начала XIX в. в России, как и в Европе, формируются единообразные национальные системы образования с их параллельной законодательной регламентацией, системой ведомственного управления, разработкой и утверждением типовых уставов учебных заведений всех уровней.

В условиях реформирования образования университетская среда стала ареной формирования политической позиции студенческих лидеров. При этом корпоративные требования студенчества сменились на политические, а лейтмотивом стала революционно-демократическая повестка дня. Однако в случае активизации молодежных волнений корпоративные студенческие общества в первую очередь попадали под репрессии и государственные санкции.

Таким образом, по мере развития студенческой корпорации развивается нормативно-правовая база, регламентирующая студенческое самоуправление. Медленными темпами развивается система органов управления молодежной политикой, реализующих преимущественно надзорно-контрольные функции. Имела место и практика создания временных органов специальной компетенции, по преимуществу с совещательными функциями. Однако общий уровень развития социальных отношений не ставил на повестку дня вопрос о создании постоянного органа управления специальной компетенции и формирования молодежной организации универсального характера.

Литература

Аблязов, 2006 – Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2006. №12. С. 100–108.

Аврус, 2001 – Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. 84 с.

Ганелин, 1989 – Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Отв. ред. Г.А. Тишкин. Л., 1989.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Деятельность русского женского кружка, 1909 – Деятельность русского женского кружка учащихся г. Москвы: Отчет за 1907–1908 год // *Мирный труд*. 1909. № 5. С. 40–50.

Елисеев и др., 2015 – Елисеев А.Л., Малик Е.Н., Мельников А.В. Специфика социально-политического самоопределения современной российской молодежи // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 3. С. 83–93.

Иванов, 2004 – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: новый хронограф, 2004. 408 с.

Кострикин, 2009 – Кострикин А.В. Студенческая революция 1899 года: к 110-летию событий // *Credo New*. 2009. № 4 (60). С. 118–132.

Леонов, 2003 – Леонов С.В. «Разруха в головах». К характеристике русского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // *Мировосприятие и самосознание русского общества*. Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М.: ИРИ РАН, 2003. 97 с.

Матвеева, Комарова, 2015 – Матвеева Е.С., Комарова М.С. Особенности становления молодежного движения в дореволюционной России // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2015. № 4(19). С. 125–132.

Меркулова, Черкасов, 2008 – Меркулова Л.К., Черкасов А.А. К формированию социально-психологического портрета учащегося первой трети XX века (1900–1930 гг.): некоторые черты // *Былые годы*. 2008. № 3 (9). С. 32–34.

Организация и методика работы, 1934 – Организация и методика работы в высшей школе / Под ред. И.Г. Автухова. М., 1934.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской Империи.

Рабочий, 1926 – Рабочий Д. В тисках «молодежь в царском подполье». Владимир: «Призыв», 1926. 78 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. Монография. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Студенческое движение 1899 года, 2012 – Студенческое движение 1899 года: Сб. под ред. А.В. Чертковых. М.: Книга по Требованию, 2012. 69 с.

Студенческие корпорации, 1914 – Студенческие корпорации в Петербургском университете // *Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников*. СПб., 1914. Вып. 1.

Урланис, 1968 – Урланис Б.Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк). М.: «Мысль», 1968. 268 с.

ЦГАМ – Центральный государственный архив города Москвы.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, 1927 – Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции. Л., 1927. С. 93–95.

Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*. 2013. № 30 (4). С. 88–93.

References

Ablyazov, 2006 – Ablyazov K.A. (2006). Ustav universitetov 1884 g.: istoriya podgotovki i kharakteristika ego osnovnykh polozhenii. [Charter of universities of 1884: history of preparation and characteristic of its basic provisions]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. №12. pp. 100–108. [in Russian].

Avrus, 2001 – Avrus A.I. (2001). Istoriya rossiiskikh universitetov. [History of the Russian universities]. Ocherki. M., 84 p. [in Russian].

Ganelin, 1989 – Ganelin R.Sh. (1989). Peterburgskii universitet i pravitel'stvennaya politika (iz istorii studencheskogo dvizheniya) [The St. Petersburg university and government policy (from history of the student's movement)] // *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. T. 6. Otv. red. G.A. Tishkin. L. [in Russian].

ГАНО – Gosudarstvennyi arkhiv Novgorodskoi oblasti [State archive of the Novgorod region].

ГАРФ – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

Deyatel'nost' russkogo zhenskogo kruzha, 1909 – Deyatel'nost' russkogo zhenskogo kruzha uchashchikhsya g. Moskvy: Otchet za 1907–1908 god [Activities of the Russian female circle of pupils of Moscow: The report for 1907–1908]. *Mirnyi trud*. 1909. № 5. pp. 40–50. [in Russian].

Eliseev i dr., 2015 – Eliseev A.L., Malik E.N., Mel'nikov A.V. (2015). Spetsifika sotsial'no-politicheskogo samoopredeleniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Specifics of socio-political self-determination of modern Russian youth] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 3. pp. 83–93. [in Russian].

Ivanov, 2004 – Ivanov A.E. (2004). Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX v.: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii. [Student's corporation of Russia of the end XIX – the beginning of the 20th century: experience of cultural and political self-organization.] М.: novyi khronograf. 408 p. [in Russian].

[Kostrikin, 2009](#) – *Kostrikin A.V.* (2009). Studencheskaya revolyutsiya 1899 goda: k 110-letiyu sobytiy [Student's revolution of 1899: to the 110 anniversary of events]. *Credo New*. № 4 (60). pp. 118-132. [in Russian].

[Leonov, 2003](#) – *Leonov S.V.* (2003). «Razrukha v golovakh». K kharakteristike rossiiskogo massovogo soznaniya v revolyutsionnyu epokhu (1901–1917 gg.) [«Ruin in the heads». To the characteristic of the Russian mass consciousness during a revolutionary era (1901–1917)] // *Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva*. Vyp. 4. Mental'nost' v epokhi potryaseniya i preobrazovaniya. M.: IRI RAN. 97 p. [in Russian].

[Matveeva, Komarova, 2015](#) – *Matveeva E.S., Komarova M.S.* (2015). Osobennosti stanovleniya molodezhnogo dvizheniya v dorevolyutsionnoi Rossii [Features of formation of youth movement in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. № 4(19). pp. 125-132. [in Russian].

[Merkulova, Cherkasov, 2008](#) – *Merkulova L.K., Cherkasov A.A.* (2008). K formirovaniyu sotsial'no-psikhologicheskogo portreta uchashchegosya pervoi treti XX veka (1900–1930): nekotorye cherty [To formation of a social and psychological portrait of the pupil of the first third of the 20th century (1900–1930): some lines]. *Bylye Gody*. № 3 (9). pp. 32-34. [in Russian].

[Organizatsiya i metodika raboty, 1934](#) – Organizatsiya i metodika raboty v vysshei shkole [The organization and technique of work at the higher school]/ pod red. I.G. Avtukhova. M., 1934. [in Russian].

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii.

[Rabochii, 1926](#) – *Rabochii D.* (1926). V tiskakh «molodezh' v tsarskom podpol'e» [In a vice «youth in an imperial underground»]. Vladimir: «Prizyv», 1926. 78 p. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

[Saprykin, 2009](#) – *Saprykin D.L.* (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [Educational capacity of the Russian Empire]. Monografiya. M.: IIET RAN, 2009. 176 p. [in Russian].

[Studencheskoe dvizhenie 1899 goda, 2012](#) – Studencheskoe dvizhenie 1899 goda [Student's movement of 1899]: Sb. pod red. A.V. Chertkovykh. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 69 p. [in Russian].

[Studencheskie korporatsii, 1914](#) – Studencheskie korporatsii v Peterburgskom universitete [Student's corporations at the St. Petersburg university] // *Russkie universitety v ikh ustavakh i vospominaniyakh sovremennikov*. SPb., 1914. Vyp. 1. [in Russian].

[Urlanis, 1968](#) – *Urlanis B.Ts.* (1968). Istoriya odnogo pokoleniya (sotsial'no-demograficheskii ocherk) [History of one generation (social and demographic sketch)]. M.: «Mysl'». 268 p. [in Russian].

TsGAM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [The central state archive of Moscow city].

TsGIA – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [The central state archive of St. Petersburg].

[Yubileinyi sbornik Voenno-meditsinskoi akademii, 1927](#) – Yubileinyi sbornik Voenno-meditsinskoi akademii, posvyashchennyi 10-i godovshchine Oktyabr'skoi revolyutsii. [The anniversary collection of Army medical college devoted to the 10th anniversary of the October revolution.] L., 1927. pp. 93-95. [in Russian].

[Molchanova et al., 2013](#) – *Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M.* (2013). Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. № 30 (4). pp. 88–93.

УДК 323-053.6

Становление системы государственного управления молодежной политикой в сфере университетского образования в России на рубеже XIX–XX вв.

Павел Меркулов^{a, *}, Елена Малик^a, Владимир Филонов^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, Российская Федерация

Аннотация. Авторы статьи изложили авторскую концепцию исторического опыта формирования, становления и генезиса государственной молодежной политики в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Процесс институционализации государственной молодежной политики рассматривается в контексте университетского образования. Авторы приводят аргументированные доказательства, что именно эта сфера социальной политики определила становление правового статуса студенческой молодежи, который целенаправленно определяется государством для достижения постулированных целей. Управление в сфере государственной

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: merkulov-pa@ranepa.ru (П. Меркулов), malik57-elena@mail.ru (Е. Малик), kaf_mdp@orel.ranepa.ru (В. Филонов)

молодежной политики в дореволюционной России шло в русле с развитием системы образования, в первую очередь в вузах.

Молодежную политику авторы статьи рассматривают как системообразующий институт государственного управления, находящий свое выражение в целенаправленной деятельности органов государственной власти общей и специальной компетенции. Основным направлением здесь выступает создание нормативно-правовой базы молодежной политики, регламентирующей деятельность студенчества, преподавательской корпорации и института высшего образования в целом.

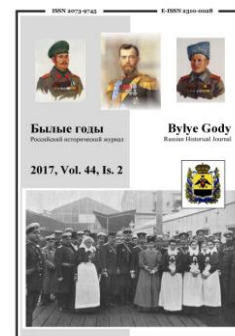
Авторами ясно сформулировано, что в условиях реформирования образования университетская среда в дореволюционной России начала XX века стала ареной формирования политической позиции студенческих лидеров. При этом корпоративные требования студенчества сменились на политические, а лейтмотивом стала революционно-демократическая повестка дня. Активно формируются студенческие проправительственные организации с целью минимизировать влияние радикальных молодежных объединения на студенчество. Таким образом, по мере развития студенческой корпорации расширяется сфера контроля над университетской жизнью, деятельностью органов самоуправления, а прежде всего над идеологическими и политическими установками.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, государственное управление, студенчество, университет, система образования, высшее образование.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 525-532, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.525
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94(100)

On the Question of the Terms «Muhajirun» and «Muhajirism»

Sergey L. Dudarev ^{a,*}

Abstract

The phenomenon of Muhajirism (variant – mahajirism) is well studied in the Caucasian literature. It is usually understood as the resettlement of the North Caucasus mountaineers to the Ottoman Empire at the final stage of the "Caucasian War" and after it, which was dramatic and tragic. Domestic historians repeatedly turned to the causes of this phenomenon, its stages and consequences for the mountain peoples, while voicing various points of view. We seek to define the terms "muhajirun" and "Muhajirism" in relation to the realities of North Caucasian history, because as it turns out, they paradoxically do not have an exact description, generally recognized by scientists, are diverse, including the intra-Caucasian local aspect (Mugajir, hajirety/hajrety). They are poorly correlated with the Hijri of the VII century, which served as a kind of "matrix" for them. The aim of the article is to establish the legitimacy of the using the terms "muhajirun" and "Muhajirism" in respect to the migration of mountain people.

Keywords: muhajir/mogadjir, "Muhajirism"/"Mahajirism", hajrat, tahjir, hajiret/hajret, hehese, umma, ansara.

1. Введение

Явление мухаджирства (вариант – махаджирства) хорошо изучено в кавказоведческой литературе (Дзагуров, 1925; Дзидзария, 1982; История, 1988: 202-218; Бадерхан, 2001; Кумыков, 1994; Чекменев, 2007: 67-81; Дегоев, 2009; Берже, 2010; Абрамов, 2011: 5-14; Матвеев, 2011; Кундухов, 2013; и др.). Под ним обычно понимается переселение горцев Северного Кавказа в Османскую империю (часто указывается – в Турцию; однако, строго говоря, Турция, как государство возникла только в 1923 г.) на заключительном этапе «Кавказской войны» и после нее. Отечественные историки неоднократно обращались к причинам этого феномена, его этапам и последствиям для горских народов, высказав при этом различные точки зрения. Мы стремимся определиться с пониманием самих терминов «мухаджиры» и «мухаджирство» применительно к реалиям северокавказской истории, ибо, как выясняется, они, как ни парадоксально, не располагают точной характеристикой, общепризнанной учеными. Задачей статьи является выяснение правомерности употребления терминов «мухаджиры» и «мухаджирство» применительно к указанной миграции горцев середины XIX – начала XX в.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов и источников для нашего исследования служат работы ряда отечественных и зарубежных авторов, как тех, кто рассматривал данное явление в XIX в. (Абрамов, 2011; Берже, 2010; Венюков, 2011; Сталь, 2011; Лапинский, 1995; Кундухов, 2013), так и современных историков (Алиев, 2001; Бадерхан, 2001; Дзагуров, 1925; Дзидзария, 1982; Дегоев, 2009; Кипкеева, 2000; Кумыков, 1994; Хавжоко, 1994; Матвеев, 2011; Озова, 2013; Чекменев, 2007). Работы первой группы авторов особенно ценны тем, что содержат оценки и впечатления современников рассматриваемого явления. Они могут быть, порой, достаточно эмоциональны и пристрастны, но, с другой стороны, не столь политизированы, как отдельные более поздние исследования и содержат,

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

порой, откровенные оценки мотивов тех или иных групп участников переселенческого движения и его разновидностей (например, такой как «могаджир») или тех сил, которые провоцировали переселение. Труды второй группы авторов важны тем, что представляют собой разнообразный анализ многих источников, выявленных за прошедшие с момента мухаджирства десятилетия. Они отличаются вниманием к разнообразию причин переселения, отношения к нему тех или иных тех мусульманских и иных деятелей, выявлению религиозных, политических и социальных составляющих горской миграции. Ряд новейших работ отличается в общем объективностью выявления причин переселения, но некоторые усматривают историческую вину только одной стороны за эти события, что влияет на оценку мухаджирства, как явления в целом. Этим особенно отличаются труды некоторых зарубежных историков (М. Гаммер).

2.2. Методы, применяемый в нашей работе – историко-генетический, историко-сравнительный. *Историко-генетический* метод позволяет проследить истоки терминов «мухаджиры» и «мухаджирство», увидеть особенности той изначальной парадигмы, которая лежала в основе описываемых явлений, а именно хиджры пророка ислама Мухаммада и его сподвижников, а также те черты, которыми были наделены мухаджирство и его разновидности в середине XIX – начале XX в. *Историко-сравнительный* метод позволяет описать особенности исторические особенности мухаджирства начала средневековья, в раннеосманский период, и наконец, в XIX – начале XX в. и выявить существенную разницу между ними. Кроме того, стремясь методически осмыслить мухаджирство горцев в Османскую империю, следует понимать мотивы, которыми они руководствовались, «примеряя» на себя традиционные мусульманские понятия. Как неопиты, принявшие ислам совсем недавно (прежде всего, западные адыги и ингуши), и нередко весьма поверхностно, используя его, прежде всего в политических целях, горцы внешне стремились всеми мерами следовать тем или иным знаковым понятиям новой конфессии.

3. Обсуждение и результаты

Ряд российских дореволюционных авторов, писавших о переселении (или выселении) горцев в Османскую империю в XIX в., не употреблял термины «мухаджиры», и значит, «мухаджирство» (Берже, 2010; Абрамов, 2011: 5-14; Венюков, 2011: 45, 48-49). Точно также, ничего не пишет о них и автор, близко знакомый с адыгским обществом середины XIX в., и дававший оценку данной иммиграции горцев, польский эмигрант Т. Лапинский (Лапинский, 1995: 422-424). Наименование «мухаджиры» можно встретить у тех современников событий, которые конфессионально принадлежали к исламу и покинули Россию вместе с переселенцами (М.А. Кундухов), т.е. представителей кавказского мусульманства. При этом они сами понимали термин «мухаджиры», как синоним слова «эмигранты» (Кундухов, 2013, прим.19). Однако, крайне любопытно то, что наряду с названными авторами во второй половине XIX в. были и такие (причем как мусульмане, так и немусульмане), которые писали о «мугаджирах» (здесь имеет место фиксация твердого, гортанного произношения звука «х», присущая для горцев), которые не покидали территории Кавказа и Российской империи, а совершали локальные перемещения внутри конкретной кавказской территории (Дагестан) (А. Омаров, А.Л. Зиссерман) (Карпов, 2007: 384-386). Более того, если принять во внимание тот факт, что под «мухаджирством» (мугаджирством) понимались и внутрикавказские движения определенных групп людей, то следует обратить внимание на другие термины, имеющие однокоренное с ним происхождение. Это понятия «хаджирет» («хажрет») и «хаджрат» (общий корень – «хадж», т.е. «паломничество» (араб.) (Ньюби, 2007: 279). О первом писал еще К.Ф. Сталь, создававший свой труд о черкесах в 1849–1852 гг. При этом данный автор указывал, что под «хаджиретами» понимались «хищники», которые придали своим набегам в русские пределы религиозный характер. Но данное выражение, на взгляд барона Сталя, было неточным, т.к. хаджиреты – это приверженцы учения, проповедовавшего войну за веру (Сталь, 2011: 118). У российского разведчика, барона Ф.Ф. Торнау указанный термин звучит как «гаджерет», означает беглецов из мест, «покоренных русскими», и олицетворяется с абреками (Торнау, 2000: 140). О понятии «хаджрат» (эмиграция) пишет современный ученый-ориенталист Ф. Бадерхан, комментируя исход горцев с Северного Кавказа в середине XIX в. (Бадерхан, 2001: 30). К понятиям «мугаджир» и «хаджирет» мы еще вернемся ниже. Сейчас же нужно констатировать, что еще у российских авторов XIX в. намечилось различное понимание рассматриваемого термина, более того, имелись родственные ему понятия, на что долгое время не обращалось необходимого внимания. В советский же, а затем и постсоветский, периоды термины «мухаджиры» и «мухаджирство» («махаджирство») получили широкое распространение в историческом кавказоведении, как общеупотребительные в смысле обозначения статуса горцев, как лиц, переселившихся в Османскую империю в результате т.н. «Кавказской войны».

Однако в 2000 г. Б.В. и В.Б. Виноградовы обратили внимание на то, что изначально термины «мухаджир», «мухаджирство» относились, прежде всего, к тем мусульманам, которые переселились из Мекки в Медину вместе с пророком ислама Мухаммадом, причем в ограниченном количестве. Этот исход небольшой группы последователей основателя ислама, как отметили указанные исследователи, не адекватен массовому переселению целых племен и народов, когда уезжали в

полном составе бесчисленные семьи, увлекались подвластные люди и т.д. (Виноградов, Виноградов, 2000: 131).

Впрочем, еще дальше пошла в 2013 г. исследовательница из Кабардино-Балкарии Ф.А. Озова. Она вообще предложила альтернативу термину «мухаджирство» указав, что оно происходит от арабского «мухъаджир» – переселенец, эмигрант, «и по своей семантике не вполне отвечает вкладываемому в него понятию, так как имеет смысловой оттенок добровольности переселения или миграции» (Озова, 2013: 60). По мнению Озовой, ссылающейся на работу Б.Р. Алиева (Алиев, 2001), вместо термина «мухаджирство» должен быть применяем термин «тахъджыр» – выселение, *вынужденное* (курсив наш. – Авт.) переселение (Озова, 2013: 60). Очевидно, что в своей попытке переосмыслить указанные события Ф.А. Озова руководствуется иными посылами, чем Б.В. и В.Б. Виноградовы, но неудовлетворение традиционным термином «мухаджирство» налицо.

Впрочем, Виноградовы, высказывая свою точку зрения, обратили внимание на то, что зарубежный историк М. Гаммер (профессор университета в Тель-Авиве) еще раньше писал об абреках-мухаджирах – наемниках имама Шамиля из соседних горских племен: «многие мухаджиры вышли при Шамиле на видные роли, притом и тут они оставались в родной среде» (Цит. по: Виноградов, Виноградов, 2000: 131). И тут невозможно не вернуться к высказываниям авторов XIX в. (см. выше), которые приводили информацию о «мугаджирах» среди горцев Дагестана. Кто же относился к таковым? Это могли быть, по А. Омарову, беглецы в стан мюридов (т.е. участников газавата против российских властей), причиной появления которых в лагере противников России нередко являлась обида на элементарной бытовой почве на своих близких. С другой стороны, во владениях султана Элису (по А.Л. Зиссерману) этим феодалом был учрежден «могаджир», как форма объединения людей, посвятивших себя непримиримой борьбе с гяурами (неверными), послужившая магнитом для тех людей, которых привлекали набеги на плоскость, предпринимаемые с целью захвата добычи, пленных и т.п. (Карпов, 2007: 384). О мотивах формирования подобных сообществ абреков, а также бродяг, которые «не любят работать и получают главную наживу от таких экспедиций», писал и Т. Лапинский (Лапинский, 1995: 183). Такая форма «мухаджирства», обозначает, по существу, профессионально-конфессиональную консолидацию на внутрирегиональной основе.

Нельзя здесь не вспомнить и трактовку термина «хаджиреты» («хажреты») покойным кабардинским историком В.Х. Кажаровым. Приведем его показательное мнение полностью. Отмечая, что в период «Кавказской войны» деяния пророка Мухаммада и его сподвижников служили для адыгов примером для подражания, ученый писал, что «далеко не случайно «беглые кабардинцы», продолжавшие сопротивляться России, стали называть себя «хажретами». Переселившись за Кубань, они как бы совершили «хиджру», временно оставив свой край во власти неверных. Они намеренно не пользовались адыгским словом «хэхэс» (переселенец), предпочитая сравнивать себя с первыми мусульманами, переселившимися их Мекки в Медину в результате обрушившихся на них гонений. Тем самым «хажреты» подчеркивали религиозный аспект своего переселения и неизбежность возвращения в Кабарду, как и первых мусульман в Мекку» (Кажаров, 2014: 634). Как видим, разброс в понимании и толковании терминов «мухаджиры» и «мухаджирство» и родственных им вполне очевиден. В данной ситуации необходимо определиться с рассматриваемыми терминами методически. Для того, чтобы разобраться с атрибуцией этих терминов сегодня, нужно обратиться к их истокам.

Как отмечают известные исследователи биографии пророка ислама, целью хиджры – переселения немногочисленных (около 100 чел.; по другим данным – 100 семейств, что автоматически увеличивает число мухаджиров не менее чем в пять раз) (Ньюби, 2007: 203; Панова, Вахтин, 1997: 301) мекканских мусульман в Йасриб (Медину) – заключалась в том, чтобы там вместе с ансарами (т.е. помощниками Мухаммада и его сподвижников) образовать единый народ – умму (общину) пророка и посланника Божьего (Панова, Вахтин, 1997: 334). Уточним, что по другому видному специалисту по истории раннего ислама, О.Г. Большакову хиджра явилась разрывом связей со своим племенем и укрытием у другого (История, 2002: 106). Религиозным же обоснованием идеи выселения из Мекки послужило то, что «ни в городе, ни в его окрестностях нет таких святынь, которые опасно и недопустимо покидать» (Панова, Вахтин, 1997: 331). Добавим, что соответствующих святынь не было *на тот момент* (Кааба еще не стала таковой), а жизнь мусульман, и особенно их пророка подвергалась в Мекке опасности (Панова, Вахтин, 1997: 300, 306, 335-336). Таким образом, изначально хиджра, а значит и мухаджирство, по факту, означали отрыв небольшой части людей от основного массива, предпринимаемого с религиозными (а затем и политическими) целями – создания новой общины ввиду невозможности ее функционирования на прежнем месте, не имевшем святости в глазах мусульман, и были связаны также с грозившей представителям нового вероисповедания опасности. Переселение происходило из одного регионального центра (Мекки) в другой, находившийся севернее (Медину). Переместившись в Медину, мухаджиры (и помогавшие им ансары) повели борьбу за захват Мекки и искоренение в ней язычества (Панова, Вахтин, 1997: 361). В числе применяемых ими средств были и набеги на мекканские караваны с целью приобретения добычи (История, 2002: 106-107).

С течением времени суть понятия «мухаджирь» начала меняться. В истории самой Османской империи еще до упоминавшихся событий XIX в., связанных с миграцией с Кавказа такой феномен имел место. Г. Ньюби указывал, что «в ранний период Османской империи мухаджирами называли мусульман, которым удалось бежать вглубь страны во времена Реконквисты на территориях, принадлежащих Османам» (Ньюби, 2007: 203). Другими словами, мухаджирами были те, кто бежал для воссоединения с единоверцами, а такие моменты, как этнические и иные связи с тем населением, откуда бежали приверженцы ислама, и численное соотношение тех и других для определения принадлежности к мухаджирам, роли уже не играли.

Обратимся теперь к тем кавказским реалиям середины XIX в., которые, с учетом сказанного выше, важны при определении правомерности употребления термина «мухаджирь» по отношению к переселенцам в Османскую империю.

Для понимания отношения Российской империи к исламу на Северном Кавказе важны некоторые, появившиеся из печати в течение последнего десятилетия работы северокавказских историков. Совсем недавно Н.Н. Великая выступила с работой, в которой доказывает толерантное в целом отношение российских властей к исламу в XVIII в., которого оказалось, тем не менее, недостаточно «для привлечения мусульман региона на сторону России» (Великая, 2017: 20-21). Однако еще более репрезентативна монография В.М. Батчаева, в которой ученый убедительно демонстрирует, что к середине XIX в. (т.е., ко времени, когда и совершались основные события мухаджирства) на Северном Кавказе сложилась парадоксальная ситуация, когда Россия в борьбе за обладание Северным Кавказом одержала победу на полях сражений, а Турция – на «идеологическом фронте». Другими словами, ислам, в общем и целом победил в регионе. Отношение же российской администрации к исламу в регионе после его окончательной интеграции в состав России (вторая половина XIX – начало XX в.) было весьма терпимым (Матвеев, 2015). Мало того, как ярко показал В.М. Батчаев, российские власти в обмен на лояльность балкарской знати еще в начале XIX в. закрывали глаза на прямое искоренение христианства в этом районе Северного Кавказа (Батчаев, 2006: 176-178). Поэтому вряд ли можно говорить о преследованиях мусульман Северного Кавказа за свои религиозные убеждения как основную причину мухаджирства.

Работы историков-кавказоведов, в том числе, последних 15–20 лет, совершенно определенно говорят о том, что в Османскую империю выселилось меньшинство карачаевцев, балкарцев, осетин, чеченцев, представителей дагестанских народов (Бадаев, 1999; Бадерхан, 2001; и др.). При этом оставшиеся на родине представители указанных народов, в подавляющем большинстве своем – носители ислама – продолжали сохранять свою конфессиональную идентичность. Специально подчеркнем, что позиция мусульманских богословов Северного Кавказа в отношении переселения горцев была отрицательной. Как отметил Ф. Бадерхан, «они считали, что турецкое правительство, призывая кавказцев-мусульман в свою страну, совершает не только политическую ошибку, но антирелигиозное действие» (Бадерхан, 2001: 31). Методически важно то, что, по мнению современника переселения горцев в Османскую империю, Нух ал-Мартуки, хаджрат (см. выше) «нужен был для сплочения мусульман до завоевания Мекки, а после ее завоевания он перестал быть оправданным действием» (Бадерхан, 2001: 31). На крайнюю политизированность переселения северокавказских горцев и иных мусульман России, навязываемую извне, указывал и Т. Лапинский, сражавшийся на стороне адыгов против российских войск (Лапинский, 1995: 423).

Одновременно, западные адыги, массово выселявшиеся в Османскую империю, по сути, не были носителями исламской ортодоксии, которые непременно стремились противопоставить себя «язычникам». В одной из своих недавних работ мы показали, опираясь на свидетельства авторов XIX в., как российских, так и иностранных, а также мнения современных ученых, что адыги в середине XIX в. были носителями верований, в которых синкретически переплетались ислам, христианство и магизм. Фактически, здесь имело место нарушение принципа таухида, являющегося основой ислама, а значит, распространенные среди адыгов Западного Кавказа религиозные представления зачастую были близки к патриархальной ереси в исламе (Дударев, 2015: 145-149). Верующих, которые придерживались подобной версии этой религии, невозможно назвать мухаджирами в собственном смысле слова. В любом случае, хотя мусульманство набирало силу среди адыгов, особенно среди молодежи (Лапинский, 1995: 89), окончательной их исламизации еще не произошло.

Наконец, коснемся вопроса о «мугаджирах» и тех, кто именовались «хаджиретами» («хажретами»). Образ и масштаб их действий в какой-то степени напоминают мекканских мухаджиров (локальный характер переселения, стремление вести борьбу за возврат на «малую родину», набеговой характер военных действий). Но не будем забывать, что такое «мухаджирство», прямо скажем, не всегда было мотивировано религиозными целями, которые, к тому же, могли быть прикрытием для вполне практических намерений. К тому же, напомним, в родных местах, покинутых «мугаджирами» и «хаджиретами», продолжало оставаться большинство мусульман той же этнической принадлежности, а вовсе не язычников, как в Мекке первой трети VII в. Да, переселенцев этих разновидностей «мухаджирства» не устраивало то, что территория их прежнего проживания была под контролем «неверных». Но этот же вопрос волновал не только их. Например, богослов из сел. Шали (Чечня) Шамс-ад-Дин аш Шали, живший во времена кавказского мухаджирства, задал

авторитетным богословам Дагестана ряд вопросов, касавшихся необходимости эмиграции мусульман в том случае, если «наша земля уже считается землей иноверцев». Суть ответа богословов Дагестана заключалась в том, что если мусульмане могут совершать свои религиозные обряды на территории своего проживания, то эмигрировать им не следует. Ведь если мусульманские земли захвачены «неверными», то «согласно исламскому законодательству, они считаются лишь временно утраченными и подлежат возвращению в лоно исламского достояния» (Бадерхан, 2001: 31). Иначе говоря, пока есть надежда на возвращение территории в лоно Дар аль-Ислам, то эмигрировать нет необходимости. Не будем сейчас обсуждать этот крайне острый и чреватый последствиями тезис. Главное в данной ситуации то, что в период горского мухаджирства на территории Северного Кавказа не было препятствий для отправления мусульманского богослужения, правительство России таковых не создавало, напротив, все более укреплялся и развивался феномен «русского ислама» (Великая, 2009: 62-84; Великая и др., 2015: 76-88; Матвеев, 2015). Сегодня историки-кавказеды находят основания утверждать: «В начале XX в. мусульманский фактор перестал играть враждебную роль, превратившись и на северокавказской окраине в элемент общероссийской и евразийской консолидации» (Матвеев, 2016: 63). Иное дело, что когда над Северным Кавказом установился российский суверенитет, а на территории региона стали утверждаться российские законодательные установления, то свыкнуться с ними горцам, не расставшимся еще с привычками и ментальностью эпохи «военной демократии», жившим на бытовом уровне по законам адата и шариата, было очень сложно, что еще долгое время порождало (и порой вызывает и сегодня) конфликтные ситуации (Клычников, 2016).

4. Заключение

Таким образом, рассмотренные выше обстоятельства и доводы позволяют говорить о том, что применение терминов «мухаджиры» и «мухаджирство» относительно переселенцев с Северного Кавказа середины XIX – начала XX в. в Османскую империю является дискуссионным и весьма условным. Спектр оттенков в характеристике статуса мухаджиров/махаджиров/мугаджиров, мухаджирства/могаджира/хаджрата, хаджиретов/хаджретов достаточно значителен и, чаще всего, серьезно отстоит от первоначальной мекканской «классики». Хиджра 622 г. была локальным событием (имевшим, впрочем, впоследствии, поистине мировой резонанс), направленным на овладение в перспективе мусульманами тем культовым центром, которому было суждено стать опорной точкой исламской идентичности. Однако и Медина не утратила своего значения, в результате чего возникло понятие «Аль-Харамейн» («Две святыни»).

Что же касается указанных миграций северокавказцев (как внутренних, так и внешних), то их осмысление горцами в рамках рассмотренных выше терминов является собственными попытками отражения судьбоносных перемещений арабских единоверцев, уподобления перипетий своей истории «матрице» ислама, совершавшегося в манифестационных целях. Северокавказцы проецировали деятельность пророка и его сподвижников на свою действительность, стремясь, как это свойственно всем неопитам, всемерно усилить свою причастность к новой религии и ее истории, не осознавая, что происходящее с ними совершалось во многом других (хотя отчасти и сходных) социально-политических и иных исторических условиях, а также, что особенно немаловажно, в ином международном контексте, не совпадавшем с реалиями Аравии раннего средневековья. И особенно это обстоятельство рельефно высвечивается в том, что мухаджирство народов Северного Кавказа, как показано целым рядом компетентных историков-кавказедов, не было связано исключительно с религиозными убеждениями (Чекменев, 2007: 77-79; Дегоев, 2009: 442-449; Матвеев, 2011: 11-19; и др.), к тому же, неадекватными исламским воззрениям первых мухаджиров, но оказалось обусловлено рядом других факторов, в том числе, геополитическими интересами великих держав. Ничего подобного хиджра VII в., являвшаяся изначально отражением мекканской внутриплеменной борьбы, не предполагала. Очевидно, что такое сложное по своим причинам движение, как горская миграция 1850–1860-х гг. (продолжавшаяся, впрочем, до начала XX в.), традиционно именуемая «мухаджирством», а ее участники – «мухаджирами», требует более точной и обоснованной дефиниции.

Литература

- Абрамов, 2011 – Абрамов Я.В. Кавказские горцы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. 48 с.
- Алиев, 2001 – Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора. История и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала, 2001.
- Бадерхан, 2001 – Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). Москва: Институт востоковедения РАН, 2001. 118 с.
- Батчаев, 2006 – Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XVI в. // Историко-культурное наследие народов Центрального Кавказа. Вып. 1. Серия археология. М.: Институт археологии Кавказа, 2006. 239 с.
- Берже, 2010 – Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. 72 с.

- Великая и др., 2015 – Великая Н.Н., Дударев, С.Л. Ктиторов С.Н., Цыбулькинова А.А. Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века). Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. 262 с.
- Венюков, 2011 – Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861–1863). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2011. 64 с.
- Виноградов, Виноградов, 2000 – Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. «Мухаджирство» в историческом контексте (полемические заметки) // Проблемы всеобщей истории. Международный сборник научных и научно-методических трудов. Вып. 6. Армавир, 2000. С. 130-133.
- Дегоев, 2009 – Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 569 с.
- Дзагуров, 1925 – Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925.
- Дзидзария, 1982 – Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
- Дзуматова, 2015 – Дзуматова З.Р. Ингушское мухаджирство в Турцию во второй половине XIX в. // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг.: Этнология, история, археология, культурология. Санкт-Петербург, 2015. 576 с.
- Дударев, 2015 – Дударев С.Л. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 – начале 1860-х гг. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. С. 145-149.
- История, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М.: Наука, 1998. 659 с.
- История, 2002 – История Востока. В 6 т. Т.2. Восток в средние века. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2002. 716 с.
- Кажаров, 2014 – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 904 с.
- Кипкеева, 2000 – Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.
- Клычников, 2016 – Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 1. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.
- Кумыков, 1994 – Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.
- Кундухов, 2013 – Кундухов М. А. Мемуары. Владикавказ, 2013.
- Лапинский, 1995 – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Т.1, 2. Нальчик, 1995. 464 с.
- Матвеев, 2011 – Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭ РАН, Вып.226. 38 с.
- Матвеев, 2015 – Матвеев В.А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX в. Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета, 2015. 158 с.
- Матвеев, 2016 – Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета, 2016. 268 с.
- Ньюби, 2007 – Ньюби Г. Краткая энциклопедия ислама. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007. 384 с.
- Озова, 2013 – Озова Ф.А. Военнопленные в Кавказской войне // Архивы и общество. Нальчик, № 26, 2013. С. 60-66.
- Панова, Вахтин, 1997 – Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Пророк Мухаммед. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.
- Торнау, 2000 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. 368 с.
- Хавжоко, 1994 – Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 318 с.
- Чекменев, 2007 – Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 7. 128 с.

References

- Abramov, 2011 – Abramov Ya.V. (2011). Kavkazskie gortsy [The Caucasian Highlanders]. Nal'chik: Publisher M. and V. Kotlyarov, 48 p. [in Russian].
- Aliev, 2001 – Aliev B.R. (2001). Severokavkazskaya diaspora. Istoriya i sovremennost' (vtoraya polovina XIX–XX vv.) [The North Caucasian Diaspora. History and modernity (second half of the XIX–XX centuries.)]. Makhachkala [in Russian].
- Baderkhan, 2001 – Baderkhan F. (2001). Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka) [North Caucasus Diaspora in Turkey, Syria and Jordan

(the second half of the XIX – the first half of the twentieth century)]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 118 p. [in Russian].

Batchaev, 2006 – *Batchaev V.M.* (2006). Balkariya v XV – nachale XVI v. [Balkaria in the XV – beginning of the XVI century]. *Historical and cultural heritage of the peoples of the Central Caucasus*. Moscow: Institute of Caucasus Archeology, 239 p. [in Russian].

Berzhe, 2010 – *Berzhe A.P.* (2010). Vyselenie gortsev s Kavkaza [Eviction of mountain people from the Caucasus]. Nal'chik: Publisher M. and V. Kotlyarov, 72 p. [in Russian].

Velikaya I dr., 2015 – *Velikaya N.N., Dudarev, S.L. Ktiitorov S.N., Tsybul'nikova A.A.* (2015). Etnokonfessional'naya situatsiya na Severnom Kavkaze v kontekste integratsii regiona v sostav Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Ethno-confessional situation in the North Caucasus in the context of the integration of the region into Russia (late XVIII – early XXI century)]. Armavir: Design Studio B, 262 p. [in Russian].

Venyukov, 2011 – *Venyukov M.I.* (2011). Kavkazskie vospominaniya (1861-1863) [Caucasian memories (1861-1863)]. Nal'chik; Publisher M. and V. Kotlyarov, 64 p. [in Russian].

Vinogradov, Vinogradov, 2000 – *Vinogradov B.V., Vinogradov V.B.* (2000). «Mukhadzhirstvo» v istoricheskom kontekste (polemicheskie zametki) ["Muhajirism" in the historical context (polemical notes)] // *Problems of general history*. Iss.6. Armavir, pp. 130-133 [in Russian].

Degoev, 2009 – *Degoev V.V.* (2009). Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864 gg. Politika, voyna, diplomatiya [Caucasus and Great Powers 1829–1864. Politics, war, diplomacy]. Moscow: Publishing house "Rubezhi XXI", 569 p. [in Russian].

Dzagurov, 1925 – *Dzagurov G.A.* (1925). Pereselenie gortsev v Turtsiyu Resettlement of mountaineers in Turkey [Resettlement of mountaineers in Turkey]. *Materials on the history of mountain peoples*. Rostov-na-Donu [in Russian].

Dzidzariya, 1982 – *Dzidzariya G.A.* Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Mahajirism and the problems of the history of Abkhazia of the XIX century]. Sukhumi [in Russian].

Dzumatova, 2015 – *Dzumatova Z.R.* (2015). Ingushskoe mukhadzhirstvo v Turtsiyu vo vtoroi polovine XIX v. [Ingush Mahajirism to Turkey in the second half of the XIX century] // *Lavrovsky collection*. Materials XXXVIII and XXXIX Central Asian-Caucasian readings 2014–2015: Ethnology, history, archeology, culturology. St-Petersburg, 576 p. [in Russian].

Dudarev, 2015 – *Dudarev S.L.* (2015). O spetsifike islamizatsii Severo-Zapadnogo Kavkaza v 1830 – nachale 1860-kh gg. [On the specifics of the Islamization of the North-Western Caucasus in the 1830s – early 1860s] // *Proceedings of the III International Forum of Caucasian Historians "Russian-Caucasian Relations: From First Contacts to Modern Unity"*. Rostov-na-Donu: Foundation for Science and Education, pp. 145-149 [in Russian].

Istoriya, 1988 – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII – 1917 g.)* (1988). [History of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII–1917)]. Moscow: Publishing house Science, 659 p. [in Russian].

Istoriya, 2002 – *Istoriya Vostoka. V 6 t. T.2. Vostok v srednie veka* (2002). [History of the East. In 6 vol. Vol. 2. East in the Middle Ages]. Moscow: The publishing firm "Eastern Literature", 716 p. [in Russian].

Kazharov, 2014 – *Kazharov V.Kh.* (2014). Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov (*Selected works on the history and ethnography of Adygs*). Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. 904 p. [in Russian].

Kipkeeva, 2000 – *Kipkeeva Z.B.* (2000). Karachaevo-balkarskaya diaspora v Turtsii [Karachay-Balkar Diaspora in Turkey]. Stavropol' [in Russian].

Klychnikov, 2016 – *Klychnikov Yu.Yu.* (2016). Severnyi Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (2016). [North Caucasus: old problems in the new dimension] // *Proceedings of the Scientific and Pedagogical Caucasus Studies of V.B. Vinogradov's School*. Nr.1, Pyatigorsk: PGLU, 99 p. [in Russian].

Kumykov, 1994 – *Kumykov T.Kh.* (1994). Vyselenie adygov v Turtsiyu – posledstvie Kavkazskoi voiny [The eviction of Adygs to Turkey is a consequence of the Caucasian war]. Nal'chik [in Russian].

Kundukhov, 2013 – *Kundukhov M. A.* (2013). Memuary [Memoirs]. Vladikavkaz, 2013 [in Russian].

Lapinskii, 1995 – *Lapinskii T.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. Vol.1, 2. Nal'chik: El-Fa, 1995. 464 p. [in Russian].

Matveev, 2011 – *Matveev V.A.* (2011). «Cherkesskii vopros»: sovremennye interpretatsii i realii epokhi ["Circassian issue": modern interpretations and realities of the era] // *Studies on applied and urgent ethnology*. Moscow: IE RAN, 2011. Nr. 226. 38 p. [in Russian].

Matveev, 2015 – *Matveev V.A.* (2015). Rossiiskaya identichnost' musul'man Severnogo Kavkaza: istoricheskie osobennosti formirovaniya i proyavleniya v krizisnykh usloviyakh na rubezhe XIX – nachala XX v. [The Russian identity of the Muslims of the North Caucasus: historical features of the formation and manifestation in crisis conditions at the turn of the 20th century]. Rostov-na-Donu: Publishing house of the Southern Federal University, 2015. 158 p. [in Russian].

Matveev, 2016 – *Matveev V.A.* (2016). Natsionalisticheskaya Vandeya i proyavleniya ustoichivosti rossiiskoi integratsii na Severnom Kavkaze v krizisnykh usloviyakh 1917–1921 gg. [Nationalist Vendee and the manifestations of the stability of Russian integration in the North Caucasus in the crisis conditions of 1917–1921]. Rostov-na-Donu: Publishing house of the Southern Federal University, 2016. 268 p. [in Russian].

- N'yubi, 2007 – N'yubi G. (2007). *Kratkaya entsiklopediya islama* [A short encyclopedia of Islam]. Moscow: FAIR PRESS, 2007. 384 p. [in Russian].
- Ozova, 2013 – Ozova F.A. (2013). *Voennoplennye v Kavkazskoi voine* [Prisoners of War in the Caucasian War]//*Archives and Society*. Nal'chik, Nr 26, 2013, pp. 60-66 [in Russian].
- Panova, Vakhtin, 1997 – Panova V.F., Vakhtin Yu.B. (1997). *Prorok Mukhammed* [The Prophet Muhammad]. Rostov-na-Donu: Phoenix, 1997, 576 p. [in Russian].
- Tornau, 2000 – Tornau F.F. (2000). *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* (Memoirs of a Caucasian officer). M.: AIRO-XX, 2000. 368 p. [in Russian].
- Havzhoko, 1994 – *Havzhoko Shaukat Mufti* (1994). *Heroes and emperors in Circassian history*. Nalchik: El-Fa, 1994. 318 p. [in Russian].
- Chekmenev, 2007 – *Chekmenev S.A.* (2007). *Iz istorii pereseleniya gortsev v Turtsiyu* [From the history of the migration of mountain people to Turkey]. *History and culture of the peoples of the North Caucasus*. Collection of scientific papers. Pyatigorsk, Iss. 7, pp. 67-81 [in Russian].

УДК 93/94(100)

К вопросу о терминах «мухаджиры» и «мухаджирство»

Сергей Леонидович Дударев^{а, *}

^а Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Явление мухаджирства (вариант – махаджирства) хорошо изучено в кавказоведческой литературе. Под ним обычно понимается переселение горцев Северного Кавказа в Османскую империю на заключительном этапе «Кавказской войны» и после нее, имевшее драматический и трагический характер. Отечественные историки неоднократно обращались к причинам этого феномена, его этапам и последствиям для горских народов, высказав при этом различные точки зрения. Мы стремимся определиться с пониманием самих терминов «мухаджиры» и «мухаджирство» применительно к реалиям северокавказской истории, ибо, как выясняется, они, как ни парадоксально, не располагают точной характеристикой, общепризнанной учеными, разнохарактерны, в том числе, содержат внутрисеверокавказский локальный аспект (мугаджир, хаджиреты/хажреты). Они плохо соотносимы с хиджрой VII в., послужившей для них своеобразной «матрицей». Задачей статьи является выяснение правомерности употребления терминов «мухаджиры» и «мухаджирство» применительно к указанной миграции горцев.

Ключевые слова: мухаджир/могаджир, мухаджирство/махаджирство, хаджрат, тахьджыр, хаджирет/хажрет, хэхэс, умма, ансары.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 533-541, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.533
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:364-78(571.1/.5) «18/19»

Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations

Tatiana A. Kattsina ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a problem of prevention of minor offenders and participation of the public in this process. Object of studying are Societies of agricultural colonies and craft shelters of the Siberian cities (Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk) at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries. With attraction of scientific and publicity literature, documents from the State Archive of Krasnoyarsk Krai the actions of societies directed to establishment of corrective and educational institutions for the children and teenagers who entered the conflict with the law are analyzed. Financing sources, numerical and social composition of societies are defined and analyses, also strengths are shown their weak. Determinants of public work are considered through system of individual characteristics of the personality, an official position, financial position. At an assessment of a role of societies in prevention of offenses of minors, in general as necessary and positive, the factors much reducing them opportunities are noted.

Keywords: Siberia, Society of agricultural colonies and craft shelters, prevention of offenses of minors, corrective and educational institutions.

1. Введение

В поздней имперской России эффективным способом превентивных и реабилитационных мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей признавалась деятельность исправительно-воспитательных заведений, где дети и подростки содержались изолированно от взрослых преступников, а тюремный режим заменялся воспитательным. По данным на начало XX в. 90 % таких заведений функционировало за счет средств частной и общественной благотворительности (Синова, 2012: 56; Фролова, 2015). Несмотря на схожесть и однотипность решаемых задач, исправительные заведения имели различия в организационном оформлении, в подходах и методах воспитательной работы.

Так, комплексное воспитательно-трудовое воздействие на несовершеннолетнего осужденного, сочетаемое с духовно-нравственным воспитанием и обучением, являлось целью земледельческих колоний и ремесленных приютов, которые получили развитие с 1870 г. при поддержке министерства внутренних дел (Павлова, 2003: 326). Сам же процесс создания и функционирования заведений обеспечивали Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (далее по тексту – Общества). В статье ставится задача: проанализировать работу Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов в сибирском регионе на стадии их организации и устройства исправительно-воспитательных заведений.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками послужили делопроизводственные документы, депонированные в фондах региональных библиотек и архивов. Уточняющая информация о мерах, предпринимаемых

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina)

административными органами власти и частными лицами для учреждения в сибирских городах Обществ, получена из фондов государственного архива Красноярского края: «Губернский комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии» (ф. 216), «Прокурор Красноярского окружного суда» (ф. 516), «Енисейское губернское управление» (ф. 595). Обзорные статьи в официальных изданиях «Журнал министерства юстиции», «Иркутские губернские ведомости» (газета) позволили составить представление о динамике общественных отношений, формах и масштабах работы Томского и Иркутского обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов.

2.2. Ретроспективное исследование деятельности Обществ с точки зрения сочетания внешних и внутренних факторов проводилось с применением логического, историко-ситуационного, историко-сравнительного методов.

3. Обсуждение

Изучение вопросов исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей началось в России со второй половины XIX в., и до настоящего времени эта тема продолжает находить своего исследователя. В монографиях исторического и юридического характера (Тебиев, Коркищенко, 2005; Беляева, Фельдштейн, 2007; Mill, 2010) освоены ранее малодоступные источники по общим вопросам теории и практики работы с несовершеннолетними правонарушителями в царской России 1864–1917 гг. Серия научных статей посвящена отдельным сюжетам истории исправительных заведений для детей и подростков (Лаврентьев, 2010; Никифорова, 2012; Ковтуненко, 2014; Васильева, 2015; Курас, 2015; Фролова, 2015; Хареева, 2016 и др.), роли общественности в профилактике преступности несовершеннолетних (Белянкова, 2010; Беляева, 2015 и др.). На материалах Сибири эта тема остается еще малоизученной, что вызывает потребность ликвидировать территориальные диспропорции в ее изучении, расширить возможности для проведения сравнительных исследований.

4. Результаты

Уникальность выбранного для исследования исторического периода (конец XIX – начало XX вв.) обусловлена его насыщенностью масштабными и трагическими событиями (войны и революции), процессами, имеющими характер цезур, которые несли разрушительные последствия для социальной жизни всех слоев российского общества. В том числе, они негативно отразились на институте семьи, детской беспризорности, изменили ценностные ориентиры, способствовали росту девиации и деструктивного поведения несовершеннолетних. В то время как преступность взрослого населения за 1900–1910 гг. возросла на 35 %, преступность несовершеннолетних – на 111 % (Люблинский, 1923: 19). Можно привести и такие данные: процент юных преступников с 4,7 в 1913 г. увеличился до 8,6 в 1916 г. (Гернет, 1927: 107). Влияние факторов правонарушений смещалось от социально-психологических в начале XX в. к экономически-социальным и политическим в конце Первой мировой войны (Люблинский, 1923: 104; Миронов, 2013: 35–38). Вполне очевидно, что общество вынуждено было определять позицию относительно воспитания детей и вырабатывать систему мер, направленную на снижение их противоправного поведения. И здесь просматриваются два направления: гуманизация уголовной репрессии и открытие новых учреждений для детей и подростков (см. рис.; составлен по: Красовский, 1900: 7–9; Русское уголовное право, 1902: 1091; Люблинский, 1923: 46–47).

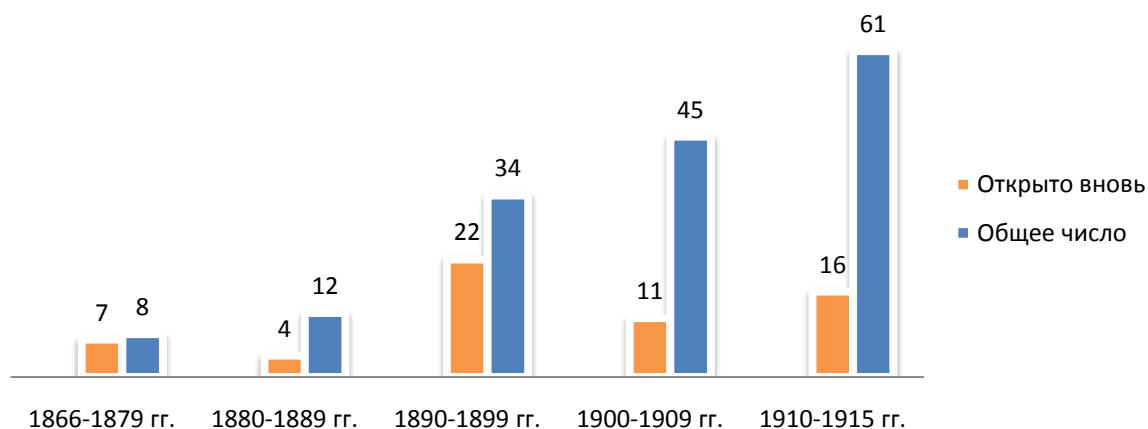

Рис. Динамика численности воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России (1866–1915 гг.)

Принятое в 1909 г. «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» отражало основные позитивные начала, выработанные отечественной

практикой и Съездами представителей русских исправительных заведений, закрепленные в законах (1866, 1892, 1893, 1897, 1903 гг.) об исправительных заведениях и об уголовных наказаниях, применяемых к несовершеннолетним. Расширялись финансовые и налоговые льготы для приютов и колоний, заведения могли принимать подследственных и подсудимых, а по решению комитета Общества, – еще и несовершеннолетних, которые занимались нищенством, бродяжничеством, вели беспризорный или безнадзорный образ жизни, либо отдавались для исправления родителями (ПСЗ, 1912). Это свидетельствует об осознании государственными и общественными деятелями мер профилактической работы по трем основным направлениям: 1) нейтрализация неблагоприятного социального воспитания, способного детерминировать антиобщественное формирование личности; 2) устранение прямого и косвенного аморального и криминального влияния на осужденного, подследственного или подсудимого несовершеннолетнего; 3) осуществление комплекса воздействий, направленных на переориентацию антиобщественно сформировавшейся личности. Но эту деятельность «было бы неверным идеализировать» (Беляева, 2015: 173) прежде всего потому, что ощущался недостаток исправительно-воспитательных заведений: 61 заведение (на начало 1916 г.) удовлетворяло спрос только на 6 % (Люблинский, 1923: 46–47).

На огромной территории Сибири, тесно связанной с уголовной или политической ссылкой российского государства, первым, документально подтвержденным по времени открытия (28 февраля 1899 г.), стал Иркутский воспитательно-исправительный приют для несовершеннолетних имени П.П. Сукачева (Отчет, 1900: 1); затем (20 ноября 1902 г.) исправительная колония для несовершеннолетних и малолетних преступников в Томске (Отчет, 1904: 2). С началом Первой мировой войны, но не позднее 16 сентября 1914 г. (более точную дату установить не удалось) в Енисейской губернии заработала Красноярская воспитательно-исправительная колония (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 3. Л. 11). Порядок создания таких заведений был следующий. Сначала в административном центре губернии учреждалось Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (томское – в 1895 г., иркутское – в 1898 г., Енисейской губернии – в 1902 г.), которое образовывало подготовительный комитет по устройству заведения. Целью общества провозглашалось открытие отдельно для того и другого пола земледельческих колоний и ремесленных приютов, где несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет могли получить элементарное образование, обучиться практически земледелию, садоводству и ремеслам для того, чтобы подготовиться к честной трудовой жизни вне заведения. На стадии организации комитеты определяли тип будущего заведения (ремесленный приют или земледельческая колония), систему воспитания (семейную, казарменную, смешанную) и обучения; разрабатывали устав, подбирали персонал (Устав, 1896: 1–2; ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 66–67; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 7). Изучение архивных документов показало, что учредители Общества Енисейской губернии были хорошо знакомы с локальными правовыми актами томского, иркутского и тверского обществ, использовали их положения при проектировании своего устава (ГАКК. Ф. 595, Оп. 8, Д. 5051). Общества имели разный радиус действия: томское охватывало Томскую, Тобольскую, Енисейскую (до 1914 г.) губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую области; иркутское – одноименную губернию, Забайкальскую и Якутскую области. Общество Енисейской губернии действовало в границах одной территориально-административной единицы (Устав, 1896: 1; ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 66; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 7).

Создание Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов было инициировано «сверху»: томского – губернским прокурором А.В. Витте, Енисейской губернии – супругой начальника края М.И. Плец и управляющим государственным имуществом губернии, надворным советником А.Ф. Духовичем. Причиной возникновения Иркутского общества стало замечание министра юстиции Н.В. Муравьева (в 1897 г.) прокурору Иркутской судебной палаты А.А. Кобылину по поводу отсутствия в Восточной Сибири «столь полезных и необходимых для края исправительных заведений для несовершеннолетних преступников» (Иркутские губернские ведомости, 1898а: 6). В данном случае наличие осознанной потребности городского общества или его отдельных групп во внимание не принималось (Гаврилова, 2007: 139). «Сценарий» открытия обществ был практически одинаков. По распоряжению генерал-губернатора или губернатора организовывалась инициативная группа, включающая представителей судебного и тюремного ведомств, губернской и городской администрации; привлекалось купечество (как финансовый донор). Участие в обществе, руководимом начальником края или его супругой, расширяло сферу общественной жизни, было привлекательно по многим причинам. Кроме чувства альтруизма и желания поделиться опытом, знаниями, имели значение и личные цели – упрочение общественного положения, налаживание новых профессиональных и социальных связей, интеграция в местную элиту в интересах собственной карьеры (Катцина, 2011: 99). Так, в комитет Томского общества «вошел почти весь состав судебного и тюремного ведомств» (Д., 1897: 232). Комитет Общества Енисейской губернии комплектовался из лиц, выбранных учредителями, а так же назначенных «по должности». Таким образом, в него вошли: городской голова Н.А. Шепетковский, золотопромышленник П.К. Гудков, горный инженер Г.Ю. Стемпневский, товарищ председателя Красноярского окружного суда В.С. Могучий; председатель (Н.П. Ераков) и прокурор (Ф.И. Подольков) Красноярского окружного суда, губернский тюремный инспектор Н.А. Ласкарев; священник отец И. Рязанский, непрременный член губернского

по крестьянским делам присутствия В. И. Новаков, частный поверенный Ф. Ф. Филимонов (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1, 10б., 11; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 57–57 об.).

К участию в делах обществ привлекались лица обоюбого пола, любого состояния и звания, кроме, как пояснялось в уставе Общества Енисейской губернии, несовершеннолетних (исключая имеющих классные чины); учащихся учебных заведений; нижних чинов и юнкеров, состоящих на действительной военной службе; лиц, ограниченных в правах по суду и состоящих под надзором полиции (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 67). Статус членов обществ (почетные, действительные, соревнователи, непрременные) зависел от личного вклада, размера пожертвования или членского взноса.

Ключевым моментом для реализации цели того или иного общества являлся вопрос обеспечения потребности в финансовых и материальных ресурсах. Уставы обществ предусматривали широкий круг возможных источников получения средств: ежегодные членские взносы; единовременные пожертвования; сборы от устраиваемых в пользу общества концертов, спектаклей, литературных чтений, выставок и т. п.; плата родителей и опекунов за содержание в колонии их детей «неодобрительного поведения»; отчисления в установленном размере денежных сумм, предназначенных на устройство мест заключения; казенные пособия (на одежду, питание, медикаменты) на каждого воспитанника заведения; доходы от продажи произведений хозяйства и мастерских заведений. Такая комбинированная система, несмотря на сложность задачи финансового обеспечения, имела преимуществом отсутствие привязанности к единственному источнику, возможность мобилизации местных ресурсов. Исследуя финансово-хозяйственное обеспечение исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи, И.А. Никифорова отметила сокращение удельного веса поступлений финансов от казны, правительственных и общественных учреждений: от 44,4 % в 1880–1890 гг. – до 36,6 % в 1905 г. (Никифорова, 2012: 152). В финансовой структуре Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии (по данным на 01 мая 1903 г.), доля ведомственных поступлений составляла 58,42 %, доходов от публичных концертов – 18,66 %, членских взносов – 12,23 %, пожертвований – 9,10 %, процентов с капитала и операций с ценными бумагами – 1,59 % (подсчитано по: ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11 об., 12). Высокий процент ведомственных поступлений мог ослаблять общественное содержание и направленность услуг общества. Дискуссии о возможности и целесообразности опоры частных благотворительных обществ на государственные ресурсы велись в начале XX в. Высказывалось мнение, что «воспитание преступной молодежи, как требующее крайней индивидуализации обращения, должно быть отдано в руки частных обществ, ...а средства... должны быть даны правительством» при сохранении за последним права постоянного контроля над исправительными учреждениями (Бать, 1900: 13).

Формирование недвижимого имущества приютов и колоний, происходило по-разному. Для томской колонии был выделен казенный участок земли (более 319 га) в 5 верстах от города, а на постройку здания император Николай II бесплатно предоставил 10 280 бревен на сумму 4 440 руб. (Д., 1897: 233). Под приют в Иркутске приспособили жилые и хозяйственные постройки, которые с земельным участком пожертвовал городской голова В.П. Сукачев с условием, что заведение будет носить имя его отца П.П. Сукачева. Дополнительно В.П. Сукачев выделил еще 10 тыс. руб. на обустройство приюта, городские власти – участок земли (Иркутские губернские ведомости, 1898а: 6–7). Из-за недостатка средств Общество Енисейской губернии длительное время не могло обустроить здания, пожертвованные под колонию присяжным поверенным С.В. Рогальским, а Красноярская городская дума со своей стороны затягивала решение о безвозмездном отводе земельного участка. Слабые возможности для устройства заведения представляли здания упраздненных (в связи с отменой ссылки в 1900 г.) Кускунского этапа и Рыбинского полуэтапа, а также участок земли Кускунской конвойной команды, переданные Обществу тюремным ведомством и министерством земледелия и государственных имуществ по ходатайству М.И. Плец (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11–12). Кроме того, здания требовали ремонта, охраны, что обществу, при его скромных ресурсах, «обходилось в копейчку».

Во многом успешность Общества зависела от известности и благоприятного имиджа, личности руководителя, активности по привлечению средств. О Томском обществе современник писал: «Это общество при самом возникновении своем, возбудило сочувствие к себе многих лиц. В настоящее время в кассе общества уже есть крупное пожертвование: душеприказчика купца [А. В.] Соколова – 10 тыс. руб. и значительные суммы, собранные в пользу общества русскими торговыми фирмами в Ханькоу» (в Китае). Капитал общества к 1 марта 1897 г. составил 21 204 руб. 31 коп. (Путеводитель, 1898: 56–57). В целях расширения ресурсной базы, общества применяли различные способы информирования населения о своей деятельности: печатали воззвания и статьи в местных газетах, рассылали письма и книжки для сбора пожертвований в различные инстанции и лицам, известным своей благотворительностью. Так, после обращения Томского общества (31 марта 1898 г.) к прокурору Красноярского окружного суда, коллежскому советнику Д.В. Малинину, в общество записался и сам прокурор, и еще 6 служащих по министерству юстиции в Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1845. Л. 2–20б., 9–10). Газета «Иркутские губернские ведомости» 8 апреля 1898 г. опубликовала внушительный список жертвователей (277 человек), имеющих право на звание

членов Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Среди них – торговые дома в Монголии и Китае «Н.Н. Шульгин», «[М.А.] Коковин и [И.А.] Басов», «М.Д. Батуев и К^о», жители Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областей, и даже Житомира (А.А. Шубович), Харькова (Е.И. Кукель). Наличный капитал Общества на 21 марта 1898 г. составил 9 068 руб., 82 коп. (*Иркутские губернские ведомости, 1898b: 6–8*). Примечательно, что и в Томске, и в Иркутске большую организационную работу по устройству обществ и исправительно-воспитательных заведений провел Альфонс Васильевич Витте.

Более скромной оказалась работа учредителей Общества Енисейской губернии. С 19 мая 1902 г. по 01 мая 1903 г. им удалось привлечь 76 новых членов, собрать из разных источников сумму 6 269 руб. 27 коп. (*ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4–8 об.*). Но уже в мае 1903 г., после отъезда из Красноярска М.И. Плец, работа общества фактически прекратилась. Кроме смены руководства причины видятся также в утрате «чувства новизны» дела. Упадок интереса к Обществу со стороны городского обывателя выразился в сокращении поступлений членских взносов (в 2,6 раза к началу 1904 г.), в отсутствии пожертвований. К слову, снижение численного состава (чаще из-за неуплаты членского взноса) было характерно практически для всех общественных объединений Сибири имперского периода. Например, в Томском обществе земледельческих колоний и ремесленных приютов число участников с 1901 г. по 1914 гг. сократилось в 7,4 раза (подсчитано по: *Отчет, 1902: 8–14; Отчет, 1915: 34–36*). Революционный процесс, который охватил Енисейскую губернию в 1905–1907 гг., сказался на росте преступности несовершеннолетних. Число осужденных несовершеннолетних в 1906 г. увеличилось в 2 раза по сравнению с 1905 г.; при этом доля подростков, отбывающих наказание в губернских тюрьмах по государственным преступлениям, составила 42,3 % (подсчитано по: *ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об.*). Поэтому вопрос о возобновлении деятельности Общества Енисейской губернии вновь приобрел актуальность. Однако из архивных документов следует, что до октября 1913 г. «общество существовало на бумаге» (*ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 137*). Лишь в условиях напряжения Первой мировой войны, оно открыло колонию для несовершеннолетних.

5. Заключение

Особенностью развития Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов стало их позднее появление в сибирских городах, инициация «сверху», полубюрократический состав учредителей. Деятельность обществ во многом зависела от понимания важности задач исправительного воспитания, наличия достаточных материальных и людских ресурсов, социального доверия граждан, налаженного диалога и сотрудничества с властями, личности руководителя, известности и благоприятного имиджа, активности по привлечению средств. Поэтому период между организацией Общества и открытием приюта (колонии) занял разное время: в Иркутске полгода, в Томске – 8 лет, в Красноярске – более 10 лет. Оценивая деятельность Обществ в профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом как необходимую и положительную, отметим, что ни одно из них не реализовало свои амбициозные намерения – открыть сеть исправительно-воспитательных заведений. Содержание многокомплектных заведений было для обществ обременительным, поэтому заведения открывались на 15–25 человек; вне их заботы оставались несовершеннолетние женского пола.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Красноярского края в рамках научного проекта № 16-11-24002 «Революционная Россия: смена модели и практик социальной помощи в первой четверти XX века (на материалах Восточной Сибири)».

Литература

Бать, 1900 – Бать А.Г. К вопросу о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. Казань, 1900. 16 с.

Беляева, Фельдштейн, 2007 – Беляева Л.И., Фельдштейн Д.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. В 3-х частях. Ч. 1. М.; Воронеж, 2007. 400 с.

Беляева, 2015 – Беляева Л.И. Отечественный опыт предупреждения правонарушений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX вв.) // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правопримирения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола. Вып. 6. /ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск, 2015. С. 173-177.

Белянкова, 2010 – Белянкова Е.И. Роль общественности в педагогической профилактике преступности несовершеннолетних в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Вопросы образования*. 2010. № 1. С. 236-246.

Васильева, 2015 – Васильева С.А. Первый исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних в Рязанской губернии // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2015. № 11 (162). С. 2-6.

Гаврилова, 2007 – Гаврилова Н.И. Участие горожан Иркутской губернии в благотворительных обществах 2-ой половины XIX века: проблемы реализации социальных ожиданий // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2005/2006. СПб., 2007. С. 135-146.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гернет, 1927 – Гернет М.Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М., 1927. 270 с.

Д., 1897 – Д. Д. Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов // *Журнал Министерства Юстиции*. 1897. № 6. С. 231-233.

Иркутские губернские ведомости, 1898a – Иркутские губернские ведомости. 1898. 1 апреля. 8 с.

Иркутские губернские ведомости, 1898b – Иркутские губернские ведомости. 1898. 8 апреля. 10 с.

Катцина, 2011 – Катцина Т.А. Финансовые основы частных благотворительных обществ Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7 (13). Ч. 2. С. 98-102.

Ковтуненко, 2014 – Ковтуненко Л.В. История становления и развития воспитательных учреждений для несовершеннолетних в России // *Инновационный вестник регион*. 2014. № 4. С. 83-88.

Красовский, 1900 – Красовский М.И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних: с приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. Саратов, 1900. 219 с.

Курас, 2015 – Курас С.Л. Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // *Власть*. 2015. № 1. С. 185-188.

Лаврентьев, 2010 – Лаврентьев М.В. Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // *История государства и права*. 2010. № 12. С. 35-38.

Люблинский, 1923 – Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. 300 с.

Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // *Социологические исследования*. 2013. № 10. С. 29-39.

Никифорова, 2012 – Никифорова И.А. Финансово-хозяйственное обеспечение деятельности исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник Чувашского университета*. 2012. № 4. С. 150-154.

Отчет, 1900 – Отчет о деятельности Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1899 г. Иркутск, 1900. 22 с.

Отчет, 1902 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1901 г. Томск, 1902. 22 с.

Отчет, 1904 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1902 г. Томск, 1904. 20 с.

Отчет, 1915 – Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [за 1914 г.]. Томск, 1915. 36 с.

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 319-333.

ПСЗ, 1912 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. СПб., 1912. № 31727. С. 261-266.

Путеводитель, 1898 – Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год третий / [сост.] В. А. Долгоруков. Томск, 1898. 569 с.

Русское уголовное право, 1902 – Русское уголовное право. Лекции Н. С. Таганцева. Издание 2-е, пересмотр. и доп. Часть общая. Т. II. СПб., 1902. С. 822-1460.

Синова, 2012 – Синова И.В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX–XX веков // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2012. № 1. С. 55-59.

Тебиев, Коркищенко, 2005 – Тебиев Б.К., Коркищенко О.А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века; изд. 2-е, исправ. М., 2005. 139 с.

Устав, 1896 г. – Устав Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Томск, 1896. 22 с.

Фролова, 2015 – Фролова И.В. Исправительные учреждения и воспитательные приюты для детей во второй половине XIX – начала XX вв. (на материалах Новгородской и Псковской губерний) // *Universon: Общественные науки: электронный научный журнал*. 2015. № 6 (16). URL: <http://7universon.com/ru/social/archive/item/2271>

Хареева, 2016 – Хареева О.В. История создания и деятельности курской исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних преступников мужского пола

(вторая половина XIX – начало XX века) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета 2016. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf>

Mill, 2010 – Mill T. Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main, 2010. XI, 395 s.

References

Bat', 1900 – Bat' A.G. (1900). K voprosu o merakh bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnikh [To a question of measures of crime control of minors]. Kazan'. 16 p. [In Russian]

Belyaeva, Fel'dshteyn, 2007 – Belyaeva L.I., Fel'dshteyn D.I. (2007). Vospitanie nesovershennoletnikh pravonarushiteley v Rossii: Uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley v Rossiyskoy imperii [Education of minor offenders in Russia: Institutions for minor offenders in the Russian Empire]. V 3-kh chastyakh. Ch. 1. M.; Voronezh. 400 p. [In Russian]

Belyaeva, 2015 – Belyaeva L.I. (2015). Otechestvennyy opyt preduprezhdeniya pravonarusheniy nesovershennoletnikh (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Domestic experience of the prevention of offenses of minors (the middle of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimereniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy vserossiyskogo kruglogo stola*. Vyp. 6. Irkutsk. pp. 173-177. [In Russian]

Belyankova, 2010 – Belyankova E.I. (2010). Rol' obshchestvennosti v pedagogicheskoy profilaktike prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Role of the public in pedagogical prevention of crime of minors in the Russian Empire at the end of XIX – the beginning of the 20th century]. *Educational Studies*. № 1. pp. 236-246. [In Russian]

D., 1897 – D. D. (1897). Tomskoe obshchestvo zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [Tomsk Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters]. *Magazine of the Ministry of Justice*. № 6. pp. 231-233. [In Russian]

Frolova, 2015 – Frolova I.V. (2015). Ispravitel'nye uchrezhdeniya i vospitatel'nye priyuty dlya detey vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv. (na materialakh Novgorodskoy i Pskovskoy guberniy) [Reformatories and orphanages in the second half of XIX – beginning of XX centuries (a case study of Novgorod and Pskov)]. *Universum: Social Science*. № 6 (16). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2271> [In Russian]

GAKK – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk Krai]

Gavrilova, 2007 – Gavrilova N.I. (2007). Uchastie gorozhan Irkutskoy gubernii v blagotvoritel'nykh obshchestvakh 2-oy poloviny XIX veka: problemy realizatsii sotsial'nykh ozhidaniy [Participation of citizens of the Irkutsk province in benevolent societies of the second half of the 19th century: problems of realization of social expectations]. *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya*. 2005/2006. SPb. pp. 135-146. [In Russian]

Gernet, 1927 – Gernet M.N. (1927). Prestupnost' i samoubiystvo vo vremya voyny i posle nee [Crime and Suicide During War and after it]. M., 1927. 270 p.

Irkutskie gubernskie vedomosti, 1898a – Irkutskie gubernskie vedomosti. 1898. 1 aprelya. 8 p.

Irkutskie gubernskie vedomosti, 1898b – Irkutskie gubernskie vedomosti. 1898. 8 aprelya. 10 p.

Kattsina, 2011 – Kattsina T.A. (2011). Finansovye osnovy chastnykh blagotvoritel'nykh obshchestv Vostochnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The financial fundamentals of private charitable societies within Eastern Siberia (the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century)]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. № 7 (13). Ch. 2. pp. 98-102. [In Russian]

Khareeva, 2016 – Khareeva O.V. (2016). Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti kurskoy ispravitel'noy zemledel'chesko-remeslennoy kolonii dlya nesovershennoletnikh prestupnikov muzhskogo pola (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [History of creation and activity of the Kursk corrective labor agricultural and craft colony for male juvenile offenders (the second half of XIX – the beginning of the XX century)]. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf> [In Russian]

Kovtunen, 2014 – Kovtunen L.V. (2014). Istoriya stanovleniya i razvitiya vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v Rossii [History of formation and development of educational institutions for minors in Russia]. *Innovative messenger region*. № 4. pp. 83-88. [In Russian]

Krasovskiy, 1900 – Krasovskiy M.I. (1900). Voprosy ustroystva russkikh ispravitel'nykh zavedeniy dlya nesovershennoletnikh [Questions of the structure of the Russian correctional institutions for minors]. Saratov. 219 p. [In Russian]

Kuras, 2015 – Kuras S.L. (2015). Sistema organizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v dorevolyutsionnoy Rossii [System of the organization of correctional facilities for minors in pre-revolutionary Russia]. *Vlast*. № 1. pp. 185-188. [In Russian]

Lavrent'ev, 2010 – Lavrent'ev M.V. (2010). Saratovskiy ispravitel'nyy priyut imeni M.N. Galkina-Vraskogo (1873–1917 gg.) [The Saratov corrective shelter of M. N. Galkin-Vrasky (1873–1917)]. *History of State and Law*. № 12. pp. 35-38. [In Russian]

Lyublinskiy, 1923 – *Lyublinskiy P.I.* (1923). Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste (sotsial'no-pravovye ocherki) [Crime control at children's and youthful age (social and legal sketches)]. M. 300 p. [In Russian]

Mill, 2010 – *Mill T.* (2010). Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main, XI, 395 p.

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* (2013). Russkaya revolyutsiya 1917 goda kak pobochnyy produkt modernizatsii [Russian revolution of 1917 – a side-product of modernization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013. № 10. pp. 29-39. [In Russian]

Nikiforova, 2012 – *Nikiforova I.A.* Finansovo-khozyaystvennoe obespechenie deyatelnosti ispravitel'no-vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov [The financial and economic security of the correctional and educational institutions for juveniles in the Russian Empire in the second half of XIXth – early XXth century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2012. № 4. pp. 150-154. [In Russian]

Otchet, 1900 – Otchet o deyatelnosti Irkutskogo Obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1899 g. [The report on activity of the Irkutsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1899]. Irkutsk, 1900. 22 p. [In Russian]

Otchet, 1902 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1901 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1901] Tomsk, 1902. 22 p. [In Russian]

Otchet, 1904 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1902 g. [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1902] Tomsk, 1904. 20 p. [In Russian]

Otchet, 1915 – Otchet Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [za 1914 g.] [The report of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1914]. Tomsk, 1915. 36 p. [In Russian]

Pavlova, 2003 – *Pavlova I.P.* Tyur'ma i blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Prison and charity in the Russian Empire of the second half XIX – the beginning of the 20th centuries]. *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya*. SPb., 2003. pp. 319-333. [In Russian]

PSZ, 1912 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. XXIX. SPb., 1912. № 31727. pp. 261-266. [In Russian]

Putevoditel', 1898 – Putevoditel' po vsey Sibiri i Sredne-Aziatskim vladeniya Rossii [All Siberia guide and Average and Asian possession of Russia]. God tretiy / [sost.] V. A. Dolgorukov. Tomsk, 1898. 569 p. [In Russian]

Russkoe ugovolnoe pravo, 1902 – Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii N. S. Tagantseva [Russian penal law. N. S. Tagantsev's lectures]. Izdanie 2-e, peresmotr. i dop. Chast' obshchaya. T. II. SPb., 1902. pp. 822-1460. [In Russian]

Sinova, 2012 – *Sinova I.V.* Vospitatel'no-ispravitel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh na rubezhe XIX–XX vekov [Educational correctional institutions for minors at a turn of the XIX–XXth centuries]. *Society. Environment. Development. (Terra Humana)*. 2012. № 1. pp. 55-59. [In Russian]

Tebiev, Korkishchenko, 2005 – *Tebiev B.K., Korkishchenko O.A.* Gosudarstvo, obshchestvo i «trudnye deti» v dosovetskoy Rossii: gosudarstvenno-pravovaya mysl', sotsial'naya politika i obshchestvenno-blagotvoritel'naya deyatelnost' po preduprezhdeniyu prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnikh v Rossii XVIII – nachala XX veka [The state, society and "difficult children" in pre-Soviet Russia: a state and legal thought, social policy and public charity on crime prevention and neglect of minors in Russia XVIII – the beginnings of the XX century]; izd. 2-e, isprav. M., 2005. 139 p. [In Russian]

Ustav, 1896 – Ustav Tomskogo Obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov [Charter of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters]. Tomsk, 1896. 22 p. [In Russian]

Vasil'eva, 2015 – *Vasil'eva S.A.* Pervyy ispravitel'no-vospitatel'nyy priyut dlya nesovershennoletnikh v Ryazanskoy gubernii [The first corrective and educational shelter for minors in the Ryazan province]. *Bulletin of a penal correction system*. 2015. № 11 (162). pp. 2-6. [In Russian]

УДК 94:364-78(571.1/.5) «18/19»

Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.): реализация социальных ожиданий

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Kattsina)

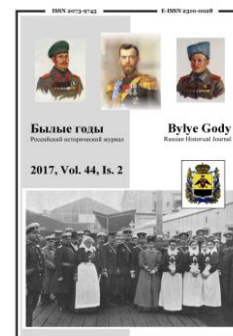
Аннотация. Статья посвящена проблеме профилактики несовершеннолетних правонарушителей и участию общественности в этом процессе. Объектом изучения являются Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов сибирских городов (Томска, Красноярска, Иркутска) конца XIX – начала XX вв. С привлечением научной и публицистической литературы, документов из государственного архива Красноярского края анализируются действия обществ, направленные на учреждение исправительно-воспитательных заведений для детей и подростков, вступивших в конфликт с законом. Определены и проанализированы источники финансирования, численный и социальный состав обществ, показаны их слабые и сильные стороны. Детерминанты общественной деятельности рассмотрены через систему индивидуальных характеристик личности, должностную позицию, материальное положение. При оценке роли обществ в профилактике правонарушений несовершеннолетних, в целом как необходимой и положительной, отмечены факторы, значительно снижающие их возможности.

Ключевые слова: Сибирь, Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, профилактика правонарушений несовершеннолетних, исправительно-воспитательные заведения.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 542-550, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.542
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47) 081/083-334

Governors and Cities of Siberia: to Assessment of a Conflictness of Interaction (1870–1917)

Vladimir D. Kamynin ^{a, *}, Alexander B. Khramtsov ^b

^a Ural federal university, Russian Federation

^b Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

In article an attempt to give an assessment to interaction of governors and bodies of city self-government in Siberia in 1870–1917, to disclose nature of the conflicts at the local level and methods of their permission is made. Activities of Presence for city affairs as provincial supervision bodies are researched. A key task of provincial administrations – supervision of respecting the rule of law by city managements and consideration of claims of the population to their actions. Different types of the conflicts between chiefs of provinces and the cities on questions are analyzed: elections, financing of police, distribution of local authorities, etc. It is established that in the certain cities the administrative pressure as a conflict resolution method was applied. Two periods of strengthening of supervision of the cities are allocated: 1893–1896 (at local elections) and 1905–1908 (on revolutionary events). Governors and the city authorities sometimes hardly found opportunities for coordination of the measures. In desperate situations both parties had the right to appeal directly in the highest judicial and administrative authority of the country – the Ruling Senate. Because of congestion uncountable claims of both the state and public institutes, and individuals, cases in the Senate were considered several years. It is necessary to recognize this method of the conflict resolution ineffective. Governors had to reckon with local government, to agree, look for a compromise. The facts of administrative arbitrary behavior from "owners of the region" aren't elicited. The periods of confrontation were replaced by a constructive cooperation. In the conditions of war the level of a conflictness was at a low level. In general, the clear government policy on "embedding" of the cities in system of public administration was traced.

Keywords: governor, administrative supervision, presence provincial on city affairs, bodies of city self-government, conflict, Siberia.

1. Введение

В историко-политических исследованиях ключевое значение уделяется проблемам отношений центрального правительства и регионов. Однако не меньшее значение в современных условиях приобретают конфликты на местном уровне – между региональной (областной, краевой, окружной) администрацией и городскими властями. Именно эти конфликты в значительной мере определяют региональную а, в конечном итоге, и общероссийскую политическую стабильность. С одной стороны, региональное и муниципальное управление имеют прочную связь. Очевидно, что без развития городов невозможно развитие регионов и наоборот. Города – территориальные образования более крупной структуры как губерния (регион), где органом управления является губернская администрация, а с другой стороны – два уровня власти обладают различными интересами и задачами, которые частично пересекаются, но могут и противоречить друг другу. Рассмотрение служебных конфликтов через историческую призму имеет весомое практическое значение. Этот опыт

* Corresponding author

E-mail addresses: kamyninv@yandex.ru (V.D. Kamynin), khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

полезен для совершенствования современной модели взаимоотношений регионов и муниципалитетов.

2. Материалы и методы

Современную историческую науку отличает полифонизм, широкое исследовательское поле, различные концепции, теории и методология. Приоритетность отдается теории модернизации, которая подвергает анализу ключевые социальные переменные, их влияние на развитие общества.

Источниковый комплекс составили опубликованные работы и неопубликованные документы. В Российском историческом архиве и государственных архивах Новосибирской, Томской и Тюменской областей (фонды центральных органов, губернских управлений и органов городского самоуправления) представлены документы по истории взаимоотношений губернаторов и городских властей, сегодня изученные крайне фрагментарно.

Принцип историзма, рассматривающий исторические события в контексте существовавших социально-экономических и политических реалий, для исследования является базовым. Широко применялся метод анализа однотипных документов (контент-анализ) – рапортов, отношений, отчетов и др. Изучение документов предполагает также критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты. Для воссоздания полноценности однопорядковых явлений и ситуаций использовался сравнительно-исторический метод. Метод историко-системного анализа позволил установить общие проблемы во взаимодействии губернаторов и городов Сибири. Не менее важны логика, анализ, синтез и дедуктивный метод.

3. Обсуждение

Исследовательский интерес к оценке взаимоотношений губернаторов и городов активизировался в последние годы. Тем не менее, современная историография данной темы крайне незначительна. Отдельные аспекты проблемы изучали ученые в досоветский период.

В частности, общественные деятели того времени высказывали разные точки зрения о необходимости надзора за деятельностью органов городского самоуправления. Так, известный городской деятель М.П. Щепкин считал это нововведение лучшим в законе 1870 г.: «Учреждение такого присутствия на чисто коллегиальных началах может не только послужить оплотом против единоличных решений губернаторов, но и приучить даже их самих к большей подчиненности голосу коллегии; вот почему в этом новом учреждении нельзя не видеть гарантии для общественной самостоятельности» (Книга, 2006: 73). Ученый А.А. Головачев замечал, что: «У нас считается необходимым все вопросы, возникающие в административной практике, разрешать также административным порядком... Нет никакой необходимости учреждать особое присутствие, так как все вопросы, в случае замеченной незаконности действий городского управления или жалоб и пререканий, могли бы рассматриваться судом в общем порядке, законами установленном» (Головачев, 1872: 257).

Юрист Н.М. Коркунов считал присутствия органами административной юстиции, а публицисты Б.Н. Чичерин и В.Ф. Дерюжинский, напротив, полагали, что по причине преобладания в их составе чиновников, отсутствия публичности и состязательности при рассмотрении жалоб населения, нет возможности признавать их административными судами (Щербаков, 2010: 204). Профессор Н.К. Реннекампф писал о неоднозначном толковании соотношения властных полномочий губернатора и присутствия по городским делам: «Создание губернского присутствия, хотя и ослабляет личную власть губернатора, но, вместе с тем, усиливает степень губернаторского надзора: опираясь на присутствие, губернатор может действовать решительнее и несет ответственность более слабую» (Реннекампф, 1871: 98).

В современных исследованиях губернаторская опека за городами оценивается неоднозначно. Одни авторы считают, что в большинстве случаев вмешательство губернаторов в деятельность городских управлений оправдывалось «патернализмом к муниципальным образованиям» в связи с аморфным состоянием городских представительных органов (Лен, 2014), а также подчеркивают положительную роль надзорных органов как инструмента борьбы со злоупотреблениями должностных лиц местного самоуправления (Бутарева, 2007; Щербаков, 2010). Другие ученые считают, что формальность административного надзора несомненно мешала налаживанию взаимодействия губернаторов и органов городского самоуправления (Галкин, 2012) и утверждают, что административный надзор имел серьезные недостатки, порождал лишь бюрократизм и волокиту (Купченко, 2009).

Необходимо продолжить исследование проблематики с привлечением новых документов, в частности, решений и разъяснений Правительствующего Сената как высшей судебной инстанции страны.

4. Результаты

В 1870-е гг. началось формирование выборных институтов самоуправления в городах страны, которые ограничивали «снизу» властный ресурс губернаторов как «хозяев региона». Были созданы предпосылки для нового институционального конфликта на местном уровне. Позиция центрального

правительства традиционно определялась, с одной стороны, заинтересованностью в моноцентризме региональной власти, а с другой – необходимостью развивать и поддерживать структуры общественного управления, помимо губернатора. При этом, особо не вмешиваясь и «дозволяя» последнему подавлять «альтернативную» власть.

При разработке Городового положения 1892 г. была поставлена конкретная цель – усиление контрольных функций правительственной (губернской) власти за городскими управлениями. В частности, ст. 6 прежнего закона 1870 г. предусматривала такой порядок отношений органов городского управления с другими органами: «Правительственные установления, земские и сословные учреждения обязаны оказывать содействие к исполнению законных требований городского общественного управления, на котором лежит такая же обязанность в отношении означенных установлений и учреждений. В случае неисполнения с той или другой стороны законных требований недовольная сторона обращается к губернатору» (Положение, 1872). В новом законе данная норма вовсе отсутствовала.

Учреждение новых органов самоуправления на местном уровне привело к усложнению системы управления регионом, возрастанию количества органов управления и их служащих, что неизбежно способствовало появлению и развитию конфликтов. Надзор губернатора совместно с административными органами (полицией, жандармерией, прокурорами) за законностью в деятельности городских управлений оказался недостаточным. Необходим был новый надзорный орган по рассмотрению жалоб населения на нарушения их прав деятельностью городских управлений.

Для рассмотрения спорных вопросов и жалоб на постановления городских дум в губерниях учреждался новый надзорный орган – Присутствие по городским делам под председательством губернатора. В его состав в сибирских губерниях, согласно ст. 16 положения, входили: председатель губернского правления, управляющий казенной палатой, губернский прокурор и губернский голова (Положение, 1895). К рассмотрению в присутствиях большинство дел представляли губернаторы. Основными являлись протесты, связанные с организацией работы городских управлений, исполнением ими обязательных повинностей, нарушением избирательных процедур, финансовые вопросы, возникавшие при составлении ежегодных смет расходов городов и определении арендных платежей. В меньшей мере опротестовывались решения городских дум о составлении обязательных для жителей постановлений, по выборам членов правления общественных банков, а также по сословному самоуправлению. Как видно, присутствие действовало на коллегиальной основе, включало чиновников административного, финансового и судебно-надзорного органов государства и лишь одного представителя муниципальной власти, что обеспечивало преобладание губернаторским «рекомендациям».

Губернские по городским делам присутствия наделялись обширной компетенцией (от надзорных функций до наложения санкций). На практике губернские присутствия крайне редко принимали решения в пользу городов. Их деятельность фактически не регламентировалась судебно-процессуальными нормами. Присутствия не могли беспристрастно рассматривать жалобы населения на решения губернских учреждений, поскольку состояли преимущественно из чиновников государственных органов; работа в присутствиях строилась по принципу «безвозмездного» труда, что явно не добавляло их членам активности и усердия; их члены подчас некомпетентно, поверхностно и формально рассматривали дела. В частности, харьковский голова И.О. Фесенко признавал, что члены губернского присутствия знакомы с местными нуждами, но считал, что «это знакомство довольно поверхностно, а нередко члены присутствия совершенно не знают частных, которые вызвали то или иное постановление думы... Представители уездных и заштатных городов не участвуют в заседаниях присутствия, поэтому у них нет возможности сообщить все необходимые разъяснения, в отличие от губернских городов» (Фесенко, 1890: 103). На этой почве часто возникали конфликты. Все это, в общем, свидетельствует о неэффективности данного надзорного органа. В 1895–1897 гг. по губернской реформе присутствия как надзорные органы были ликвидированы, а их функции переданы Общему губернскому управлению. Города освобождались от расходов по их содержанию.

Закон предусматривал возможность обжаловать решения губернского управления в высшем судебно-административном органе – Правительствующем Сенате. Причем и губернаторы и городские власти энергично использовали право апелляции, часто успешно. Для всех учреждений устанавливался 6-ти недельный срок обжалования постановления губернского управления. Губернатор в случае несогласия с его постановлением, наряду с другими участниками процесса, также мог его обжаловать. Но таких случаев практически не было.

Судебное производство по административным делам осуществлял Первый департамент Сената. Следует подчеркнуть, что он не всегда находил решения губернских присутствий юридически верными, зачастую их отменял как «неправильные», «противоречащие законоположениям» или «лишенные надлежащего основания». Наряду с этим, департамент многократно указывал присутствиям по городским делам на упущения и ошибки в производстве дел, регулярно издавая обширные разъяснения. Например, сенатским определением от 23 октября 1893 г. № 8191 по жалобе заступающего место томского головы отменялось постановление губернского присутствия об очистке помойных ям и снега при зданиях местного военного лазарета за счет города, поскольку по закону на городские средства возложено только отопление и освещение воинских зданий. Томский голова

также обжаловал постановление губернского присутствия о возложении на средства города расходов по содержанию торгового словесного суда. Сенат 23 ноября 1893 г. отменил постановление присутствия, указав губернатору, что словесные суды в Сибири подлежат закрытию, поэтому городская власть имела законное основание исключить расходы на них из местного бюджета. Другой пример: заместитель барнаульского головы обжаловал постановление губернского присутствия, не разрешившего постройку местному купцу. Определением от 31 января 1895 г. № 830 Сенат отменил это постановление, посчитав, что местная дума не нарушила правил Устава строительного, разрешив Филатову, возвести пристройку к дому (*Сборник, 1903: 286, 296, 417*).

Однако следует признать, что способ разрешения конфликтов между губернаторами и городскими властями посредством третьей стороны («третейского судьи») был недостаточно действенным. В Сенате, из-за перегруженности многочисленными жалобами как представителей государственных и общественных институтов, так и частных лиц, дело могло рассматриваться несколько лет. К тому же требовалось соблюдать установленный законом порядок подачи апелляции – жалоба на решение губернского присутствия подавалась губернатору, а им в месячный срок со своими объяснениями направлялась в МВД, который со своим заключением и вносил ее в Сенат. Он же мог жалобу оставить «без последствий», посчитать ее «не заслуживавшей внимания», тем самым, сохраняя постановления губернских управлений в силе. В частности, жалоба томского головы сенатским определением от 29 апреля 1896 г. оставлена без последствий, а постановление губернского присутствия признано правильным, по которому Томская городская дума обязана отпустить из бюджета 1761 руб. на ремонт пожарного обоза. При этом Сенат указал губернатору на то, что городские думы имеют право изменять и отменять свои прежние решения. По жалобе томского головы на постановление губернского присутствия от 31 декабря 1889 г., отменившее обязательное постановление Томской думы о воспрещении содержания в городе оптовых складов вина и спирта, определение последовало лишь через два года, 14 января 1892 г., согласно ему, «склады дозволяется учреждать без особого разрешения», т. е. высшая судебная инстанция нашла жалобу «не заслуживающей внимания» (*Сборник, 1903: 128, 548-549*). Более того, после изучения материалов дела, Сенат мог обязать конфликтующие стороны «войти в новое рассмотрение дела».

С введением реформы 1892 г. губернаторы не упустили возможность усилить надзор за деятельностью городских дум и управ, что, в первую очередь, отразилось на итогах первых (по новому закону) местных выборах. Участились случаи неутверждения выборных лиц городского управления: глав городов, их помощников, членов управ, председателей и членов комиссий и др. По мнению исследователей, такие случаи были вызваны вниманием губернаторов к рапортам уездных исправников о политической благонадежности кандидатов, их «образе жизни и нравственных качествах», к доносам и анонимкам на этот счет (*Гончаров, Литягина, 2009: 63*). В Каинске в течение почти двух лет (1894–1896 гг.) губернатор «не мог» утвердить лиц, избранных на руководящие должности городской администрации. В губернское управление поступали доносы на выбранных лиц (*РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3307. Л. 110-111*). Подобные проверки вызывали возмущение у гласных, приводили к разным конфликтам. Так, ишимский голова О.А. Еманаков в сентябре 1899 г. по ложному обвинению в нарушении служебного долга был вынужден оставить пост, на который беспрекословно избирался последние 20 лет (*Меньшиков, 2002*).

Конфликты, возникавшие при организации местных выборов, проведении и утверждении их итогов, отмечались во всех городах Западной Сибири. Такие конфликты имели массовый характер. В двух губерниях (Тобольской и Томской) к 1917 г. насчитывалось 24 города. Выборы в них проходили каждые 4 года, причем в разное время. Во многих городах отмечались нарушения и неточности, отступления от норм закона и разные мелкие недочеты.

Основная задача начальников губерний в избирательном процессе состояла в рассмотрении жалоб на результаты выборов и в случае выявления серьезных нарушений закона, вынесение решений об их отмене и назначении новых выборов. По новому закону губернаторский надзор в отношении выборного производства стал более последовательным и позволял пресекать нарушения закона в начальной стадии, еще до жалоб и заявлений избирателей на нарушения процедуры голосования и подведения итогов выборов.

Уже первые избирательные кампании в 1893–1896 гг. сопровождались многочисленными нарушениями законодательства, которые выявлялись при составлении списков избирателей. В процессе административного надзора из списков исключались избиратели, не соответствовавшие правилам. Иногда присутствиям приходилось разбирать сложные ситуации, возникавшие в процессе выборов, что, естественно, вызывало недовольство городских властей. В частности, серьезный конфликт произошел в г. Мариинске, где результаты выборов гласных думы на четырехлетие 1895–1899 гг. отменялись четыре раза, что приводило городское управление к коллапсу. Первые выборы 5 марта 1895 г. не смогли состояться из-за неявки избирателей. Вторая попытка оказалась удачной – было избрано 20 гласных и 7 кандидатов к ним, как и предписывал закон. Однако, несколько избирателей обратились с жалобами в Томское губернское по городским делам присутствие в связи с участием в выборах лиц, не имевших на то право. Присутствие признало их правоту и постановило результаты выборы гласных созыва 1895–1899 гг. отменить (*РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2662. Л. 182-188*).

Третья и четвертая попытки созвать горожан-избирателей на выборы не удалась. Ст. 54 Городового положения 1892 г. предусматривала процедуру пополнения недостающего числа гласных министром внутренних дел из числа лиц, состоявших в этом звании в последнем созыве. Томский губернатор предполагал назначить новых членов думы, а выборы больше не проводить. МВД дало губернатору необходимые разъяснения по этому вопросу. В итоге прямого вмешательства начальника губернии в выборный процесс не потребовалось. Выборы в Мариинске состоялись 7 января 1896 г. при законной явке избирателей и были утверждены губернатором (Ермолаев, 2008: 68).

Однако уже следующие местные выборы гласных созыва 1900–1904 гг. стали самыми скандальными в истории малого города, поскольку в этот процесс помимо губернской администрации, городского управления и избирателей, еще был «втянут» и центральный административно-судебный орган. Результатами выборов 22 февраля 1900 г. оказались недовольны многие избиратели. Жалобы одна за другой посыпались в губернское управление, члены которого пришли к выводу, что все жалобы справедливы и было решено отменить результаты выборов и назначить новые. Итоги выборов 5 июня 1900 г. также были отменены. Только результаты выборов 10 августа губернатор утвердил, при этом все жалобы оставил без последствий. Такое заключение может показаться весьма странным, возможно, губернатору просто надоело рассматривать бесконечные тяжбы и жалобы. Однако, местные купцы Савельевы направили жалобу на результаты этих выборов в Сенат, который в апреле 1903 г. постановил удовлетворить их ходатайство и отменить решение Общего присутствия губернского управления об утверждении состава Мариинской городской думы созыва 1900–1904 гг. Сложилась парадоксальная ситуация, получается, что местная дума и управа, а также городской голова в течение более чем двух лет, действовали незаконно (Ермолаев, 2008: 75).

Результаты первых выборов в 1893–1896 гг. показали как рост числа нарушений выборного законодательства, так и усиление губернаторского надзора, что наглядно проявилось в отмене результатов голосования в ряде сибирских городов. Последующие выборы в городах Тобольской и Томской губерний проходили спокойно, без острых конфликтов. Сенат по этому поводу дал ряд разъяснений. Новые попытки опротестовать итоги выборов были тщетными. Губернаторы обращали внимание, прежде всего, на данные выборных протоколов, журналов заседаний и пояснения глав городов, и лишь затем, отказывали в удовлетворении претензий. Тем самым начальники губерний в рамках правового поля стремились оградить результаты выборов от попыток «заинтересованных лиц» в их отмене. Даже высшая судебная инстанция, вынося определение по тому или иному делу, подчас признавала допущенные в ходе местных выборов нарушения, но их результаты оставляла в силе. Например, жалобу купца Шипова на «неправильности» выборов гласных Томской думы 12 и 13 декабря 1893 г. Сенат оставил без последствий, но указал губернскому присутствию на допущенные ошибки (Сборник, 1903: 675).

В отдельных городах проводились довыборы гласных дум и кандидатов к ним. Пожалуй, лишь в г. Кузнецке сложилась такая ситуация, что из 12-ти городских уполномоченных и 4-х кандидатов, избранных на срок 1911–1915 гг., по разным причинам выбыло 5 уполномоченных и все кандидаты, благодаря чему, городское собрание лишилось кворума (законного состава) и не могло принимать решения. Томский губернатор для пополнения состава предполагал воспользоваться ст. 54 закона 1892 г. Однако Главное управление по делам местного хозяйства не стало ее применять и 12 марта 1914 г. распорядилось провести новые выборы, не дожидаясь окончания текущего созыва (РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 224. Л. 4-4 об.).

При этом факты вмешательства в избирательный процесс со стороны чиновников государственных органов, так называемого административного давления, в отдельных городах имели место. МВД и губернаторы после революционных событий 1905–1907 гг., утверждая итоги местных выборов в городские собрания и руководителей городских управлений, стали придавать ключевую роль их политической благонадежности. Одним из «тяжких» конфликтов произошел в губернском Томске, где по результатам выборов 27 декабря 1909 г. городским головой гласные избрали Е.Л. Зубашева, левого кадета, бывшего директора Томского технологического института. Согласно «доносу» губернского отделения Союза русского народа министру внутренних дел, «профессор Зубашев известный всему Томску лентяй, ведущий нетрезвый образ жизни... бесхарактерен и может быть орудием в руках местных революционных заправил». Причастность Зубашева к революционным делам позволила Временному генерал-губернатору в феврале 1906 г. принять такую исключительную меру как отстранение его от должности директора института и выслать его на срок военного положения за пределы Западной Сибири. Союз русского народа просил министерство не утверждать его в должности городского головы (РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 15. Л. 25-26).

Департамент полиции и начальник Томского губернского жандармского управления прислали в МВД характеристики на Зубашева, замеченного в политической неблагонадежности. Главное управление по делам местного хозяйства 11 февраля 1910 г. ответило, что результаты выборов министр не утвердил, распорядился провести перевыборы. Томская городская дума дважды забаллотировала кандидатуру прежнего городского голову И.М. Некрасова (1906–1910), предложенную губернатором. Гласные проголосовали против, так как за время его «правления» выросло недовольство жителей ошибками в управлении местным хозяйством. На вновь назначенных выборах думцы решили избрать головой крупного купца-промышленника Д.Е. Зверева, но он также

не был утвержден. По настоянию томского губернатора министр применил ст. 119 закона 1892 г., назначив на должность того же Некрасова (т. е. в обход решению думы). На этом конфликт не был исчерпан. В дальнейшем думцы старались всячески противодействовать «губернаторскому ставленнику». Дума отказала ему в отпуске, а когда он получил разрешение от губернатора и уехал в отпуск, постановила выразить ему свое неодобрение и лишить его содержания на время отпуска. На новый срок Некрасов избран не был.

Подобные конфликты, когда одна сторона с административным ресурсом, бескомпромиссно подавляла другую, носили затяжной и деструктивный характер. Губернские власти силовым администрированием приняли выгодное им решение, не учитывая интересы города, а, значит, и местных жителей. Гласные думы посчитали такое назначение «фактом прискорбным и обидным в истории города Томска» (РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 15. Л. 85).

Между губернаторами и городскими властями возникали конфликтные ситуации в связи с распределением власти «на местах», так называемые функциональные конфликты. Губернатор по закону имел право проводить ревизии городских управ, других органов, отменять, изменять постановления дум (ст. 101, 110). Все важные думские постановления подлежали утверждению губернатором или министром внутренних дел: о местном бюджете и сверхсметных расходах, о городских предприятиях, об отчуждении имущества городов, о займах, планировке города и др. Губернаторы часто отменяли решения дум, если те выходили из своей компетенции, не соответствовали общим государственным пользам и нуждам, либо явно нарушали интересы жителей. Например, 9 ноября 1905 г. Тобольское общее губернское управление отменило решение Тюменской городской думы по вопросу учреждения вольной вооруженной дружины для самозащиты города, так как местная дума «вышла из пределов своей компетенции» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 64. Л. 57-60).

Томские власти, стремясь навести порядок в деле наведения чистоты на улицах и дворах города, попыталась использовать в качестве инструмента городскую полицию. Однако тут же получила жесткий ответ губернского по городским делам присутствия, которое обвинило ее в превышении своих полномочий (Алисов, 2004). Интересно, что ст. 96 положения 1892 г. устанавливала, что деятельность городской управы осуществлялась при содействии полиции, но неясно, в чем конкретно заключалось это содействие. Ст. 112 обязывала полицейских вести наблюдение за точным исполнением жителями обязательных постановлений. Тем не менее, дума не могла привлечь полицию к данной работе, так как не имела на то, как выяснялось, законного права. Принудительной властью городские управления не обладали.

Городские служащие, конечно, были недовольны излишней опекой губернских администраций и пытались добиться большей самостоятельности в своих действиях, выступали за скорейшую реформу местного самоуправления на демократических началах, на проведение выборов путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и за независимость от губернаторского надзора. Однако до 1917 г. никаких реформ по этому поводу не последовало. Сенат и МВД, принимая многочисленные разъяснения, циркуляры и распоряжения, пытались упорядочить порядок взаимодействия губернаторов и городов, ликвидировать те пробелы в законодательстве, содействовавшие развитию конфликтности и злоупотреблениям должностных лиц на местном уровне.

Вместе с тем, характер и эффективность взаимодействия губернаторов и городов во многом зависели от реальных дел, личных и деловых качеств личностей, занимавших руководящие посты, их межличностных отношений, симпатий и антипатий, способностей улаживать острые спорные вопросы, выступать посредником, примирять стороны. Скажем, многие современники отмечали ум, воспитанность, уважение к окружающим, активность тобольского губернатора Н.М. Богдановича (Книга, 2000: 376-377). По предложению главы города А.И. Текутьева Тюменская городская дума 27 ноября 1908 г. единогласно избрала губернатора Н.Л. Гондатти почетным гражданином города, отмечая его заботы, светлый государственный ум, административный такт, которые привели к общему благу и спокойствию населения Тобольской губернии (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 537. Л. 152 об. – 153 об.). Неудивительно, что почетным гражданином его также избрали местные власти Екатеринбург, Новосибирск, Томск, Хабаровск и Сургут.

Административный надзор не препятствовал городским управлениям всецело пользоваться установленной законом самостоятельностью в решении местных дел. Губернаторам приходилось считаться с местной властью, договариваться, искать компромисс, а подчас они не могли «продать» выгодное им решение. Так, начальник губернии и Тюменская городская дума несколько десятков лет не могли решить вопрос об организации в городе полицейского управления отдельного от уездного. «Отцы города» проявили принципиальность в этом деле, не взяв на себя бремя дополнительных расходов. В новых условиях конфликт потерял практическую значимость и стих (РГИА. Ф. 1286. Оп. 41. Д. 18. Л. 1, 6, 33 об., 39-40 а, 46, 55-55 об., 58-64, 68).

Конфликты между губернатором и городами не всегда разрешались в пользу первого. Скажем, «неприятный инцидент» произошел в Тобольске, когда «первый генерал» самовольно начал установку столбов для электрического освещения губернского дома без разрешения от города. Губернатор не потрудился обратиться в управу за разрешением об устройстве фонарей на городской территории. Городской голова обратился к полицмейстеру с требованием приостановить работы.

Начальник полиции, руководствуясь законом, исполнил просьбу главы города, на что получил «внушение» из губернского управления. Работы прекратились только, когда гласные думы постановили снести столбы судебным порядком (СВ, 1911).

Расплывчатые формулировки функций губернских администраций обеспечивали широкий простор для их деятельности. Губернаторы, несомненно, старались привлечь внимание центральной власти к проблемам Сибири: ходатайствовали о местных пользах и нуждах, приглашали высших чиновников посетить города и уезды края, занимались научными изысканиями, железнодорожным строительством, по их инициативе открывались школы, богадельни, народные дома и др. Однако расширение компетенции региональной власти в отношении городов сопровождалось усилением их произвола и снижением в целом управляемости из центра. Губернаторы и городские власти, обладая, по сути, общим объектом управления и возможностью напрямую апеллировать в центр, не имели четко разделенных прерогатив на местном уровне, поэтому с трудом координировали свои действия. Периоды конфронтации между ними сменялись тесным сотрудничеством. Так, первая волна резкого усиления конфликтности между губернаторами и городами отмечалась в годы введения закона 1892 г. – 1893–1896 гг.; вторая волна была вызвана событиями первой русской революции и объявлением военного положения в регионе – 1905–1908 гг.

После социально-политических потрясений 1905–1907 гг. губернаторы всерьез обеспокоились ростом преступности, забастовок и революционных движений, а, как следствие, нарастанием напряженности в городах Сибири. Посредством циркуляров они прилагали усилия по приспособлению местного хозяйства к условиям военного времени, налаживанию перевозок грузов по железной дороге, снабжению населения продуктами и усилению полицейского надзора. В частности, тобольский губернатор срочной телеграммой 12 июня 1915 г. «призвал» ишимского голову созвать заседание думы по вопросу постройки лагеря на 3000 военнопленных, что и было исполнено (ГАТО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 23-24 об.). В другом предписании губернатор отмечал, что большинство городов не подготовились к трудностям дороговизны и заготовки топлива для нужд населения. В целях недопущения «дровяного голода» он предложил местным думам внести на обсуждение вопрос о мерах по снабжению топливом и поддержанию нормальных цен на рынке (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 46-46 об.). Благодаря совместным мерам массовых забастовок, акций протестов и недовольств правительством и государственным строем в сибирских городах удалось избежать. Высокий уровень согласованности взаимодействия губернаторов и городов был достигнут в годы войны (1914 – февраль 1917 гг.). Страна находилась в тяжелом положении, что требовало от местных властей оперативных, совместных, согласованных действий. Конфликты и пререкания отошли на второй план.

5. Заключение

Административный надзор позволял губернаторам эффективно пресекать нарушения законов, допускавшиеся местными органами. Если провести анализ нормативной базы, определявшей надзорные функции губернских администраций по отношению к городам, то, очевидно, что правительство принимало меры по «встраиванию» городского самоуправления в систему государственного управления в ответ на рост их активности и расширение масштабов деятельности. Несмотря на стремление губернаторов к огосударствлению городского управления в регионе, оно не превратилось в их «подсобный орган» и «придаток центрального аппарата на местах». Конфликтам и коллизиям во взаимоотношениях региональной власти и городов (от конфронтации к сотрудничеству и наоборот) нельзя дать однозначной оценки. Данный вопрос нуждается в детальном, аналитическом исследовании. Очевидна была заинтересованность губернаторов в развитии региона, они принимали меры к улучшению жизни уездных центров, другой вопрос – какие они при этом использовали способы, как складывались их отношения с городскими властями. Конкретные случаи противостояния губернаторов и городов показывают, что первые действовали не так и реакционно, а последние были не так и невинны. Фактов административного произвола со стороны губернаторов нами не выявлено. Они действовали в рамках правового поля.

В целом, в системе государственного и муниципального управления ликвидировать конфликтное взаимодействие как явление и процесс в принципе невозможно. Долгосрочные перспективы по снижению конфликтности должны быть связаны с поэтапной выработкой общих «правил игры», системы сдержек и противовесов, разграничения полномочий между уровнями власти и на каждом уровне между институтами власти.

Литература

Алисов, 2004 – Алисов Д.А. Городское общественное самоуправление и губернская власть в Западной Сибири: проблемы взаимоотношений (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв.: Сб. мат. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 81-88.

Бутарева, 2007 – Бутарева Л.Л. Контроль губернской власти за деятельностью местного самоуправления (исторический опыт) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2007. № 2. С. 34-36.

- Галкин, 2012** – Галкин П.В. Из российского опыта административного надзора за городским самоуправлением (1870-е гг.) // *Новый исторический вестник*. 2012. № 31. С. 60-67.
- ГАТО** – Государственный архив Тюменской области.
- Головачев, 1872** – Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872. 402 с.
- Гончаров, Литягина, 2009** – Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начала XX в.). Барнаул, 2009. 276 с.
- Ермолаев, 2008** – Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. 743 с.
- Книга, 2000** – Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. 577 с.
- Книга, 2006** – История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А. и др. Новосибирск, 2006. 352 с.
- Купченко, 2009** – Купченко К.В. Органы городского самоуправления и органы государственной власти в пореформенный период: взаимоотношения, надзор и контроль (по материалам Смоленской губернии) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2009. № 11. С. 109-112.
- Лен, 2014** – Лен К.В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции // *Научный диалог*. 2014. № 5 (29). С. 6-16.
- Меньшиков, 2002** – Меньшиков В.Н. Благотворительная деятельность купцов Еманаковых // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Мат. науч. конф. Екатеринбург, 2002. С. 88.
- Положение, 1872** – Городовое положение от 16 июня 1870 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 45. 1870. № 48498. СПб., 1872. С. 823-839.
- Положение, 1895** – Городовое положение от 11 июня 1892 г. // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 12. 1892. № 8708. СПб., 1895. С. 433-456.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ренненкампф, 1871** – Ренненкампф Н.К. Публичные лекции о новом городском положении. СПб., 1871. 130 с.
- Сборник, 1903** – Сборник определений первого Департамента Правительствующего Сената по городским и земским делам за 10 лет (1891–1900) / Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1903. 1091 с.
- СВ, 1911** – *Сибирские вопросы*. 1911. № 5-6. С. 63-64.
- Фесенко, 1890** – Фесенко И.О. К вопросу о реформе городских общественных управлений. Харьков, 1890. 126 с.
- Щербаков, 2010** – Щербаков С.В. Губернское по городским делам присутствие как орган государственного контроля // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2010. № 1. С. 203-205.

References

- Alisov, 2004** – Alisov D.A. (2004). Gorodskoe obshhestvennoe samoupravlenie i gubernskaja vlast' v Zapadnoj Sibiri: problemy vzaimootnoshenij (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.) [City public self-government and the provincial power in Western Siberia: problems of relationship (the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries)] // *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX vv.: Sb. mat. nauch. konf. Novosibirsk*. pp. 81-88 [in Russian]
- Butareva, 2007** – Butareva L.L. (2007). Kontrol' gubernskoj vlasti za dejatel'nost'ju mestnogo samoupravlenija (istoricheskij opyt) [Control of the provincial power of activity of local government (historical experience)]. *The representative power – the 21st century: legislation, comments, problems*. Nr 2, pp. 34-36 [in Russian]
- Galkin, 2012** – Galkin P.V. (2012). Iz rossijskogo opyta administrativnogo nadzora za gorodskim samoupravleniem (1870-e gg.) [From the Russian experience of administrative supervision of city self-government (the 1870-th)]. *New historical bulletin*. Nr 31, pp. 60-67 [in Russian]
- ГАТО** – Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti [The state archive of the Tyumen region].
- Golovachev, 1872** – Golovachev A.A. (1872). Desjat' let reform. 1861–1871 [Ten years of reforms. 1861–1871]. SPb. 402 p. [in Russian]
- Goncharov, Litjagina, 2009** – Goncharov Ju.M., Litjagina A.V. (2009). Oчерки istorii goroda Bijska (vtoraja polovina XIX – nachala XX v.) [Sketches of history of the city of Biysk (the second half of XIX – the beginning of the 20th century)]. Barnaul. 276 p. [in Russian]
- Ermolaev, 2008** – Ermolaev A.N. (2008). Uezdnyj Mariinsk. 1856–1917 gg. [District Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo. 743 p. [in Russian]
- Книга, 2000** – Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tyumen, 2000. 577 p. [in Russian]
- Книга, 2006** – Istorija obshhestvennogo samoupravlenija v Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [History of public self-government in Siberia of the second half XIX – the beginning of the 20th century] / Ankusheva K.A., Bochanova G.A., Degal'ceva E.A. i dr. Novosibirsk, 2006. 352 p. [in Russian]
- Kupchenko, 2009** – Kupchenko K.V. (2009). Organy gorodskogo samoupravlenija i organy gosudarstvennoj vlasti v poreformennyj period: vzaimootnoshenija, nadzor i kontrol' (po materialam Smolenskoj gubernii) [Bodies of city self-government and public authorities during the post-reform period:

relationship, supervision and control (on materials of the Smolensk province)]. *Scientific sheets of the Belgorod state university*. Nr 11, pp. 109-112 [in Russian]

Len, 2014 – Len K.V. (2014). Gorodovoe polozhenie» 1870 g. skvoz' prizmu istorii rossijskoj provincii ["Gorodovy situation" 1870 through a prism of history of the russian province]. *Scientific dialogue*, 2014, Nr 5 (29), pp. 6-16 [in Russian]

Men'shikov, 2002 – Men'shikov V.N. (2002). Blagotvoritel'naja dejatel'nost' kupcov Emanakovyh [Charity of merchants Emanakov]. Miloserdie i blagotvoritel'nost' v rossijskoj provincii: Mat. nauch. konf. Ekaterinburg, p. 88 [in Russian]

Polozhenie, 1872 – Gorodovoe polozhenie ot 16 ijunja 1870 g. [Gorodovy situation of June 16, 1870]. PSZRI. Sobranie 2-e. T. 45. 1870. № 48498. SPb., 1872. pp. 823-839 [in Russian]

Polozhenie, 1895 – Gorodovoe polozhenie ot 11 ijunja 1892 g. [Gorodovy situation of June 11, 1892]. PSZRI. Sobranie 3-e. T. 12. 1892. № 8708. SPb., 1895. pp. 433-456 [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [The Russian state historical archive].

Rennenkampf, 1871 – Rennenkampf N.K. (1871). Publichnye lekcii o novom gorodovom polozhenii [Public lectures about the new policeman situation]. SPb. 130 p. [in Russian]

Sbornik, 1903 – Sbornik opredelenij pervogo Departamenta Pravitel'stvujushhego Senata po gorodskim i zemskim delam za 10 let (1891-1900) [The collection of determinations of the first Department of the Ruling Senate on city and territorial affairs in 10 years (1891-1900)] / Sost. Ja. A. Kantorovich. SPb., 1903. 1091 p. [in Russian]

SV, 1911 – *Siberian questions*, 1911, Nr 5-6, pp. 63-64. [in Russian]

Fesenko, 1890 – Fesenko I.O. (1890). K voprosu o reforme gorodskih obshhestvennyh upravlenij [To a question of reform of city public managements]. Kharkov. 126 p. [in Russian]

Shherbakov, 2010 – Shherbakov S.V. (2010). Gubernskoe po gorodskim delam prisutstvie kak organ gosudarstvennogo kontrolja [Presence provincial on city affairs, as body of the state control]. *Bulletin of the Saratov state academy of the right*. Nr 1, pp. 203-205. [in Russian]

УДК 94 (47) 081/083-334

Губернаторы и города Сибири: к оценке конфликтности взаимодействия (1870–1917)

Владимир Дмитриевич Камынин ^{a, *}, Александр Борисович Храмов ^b

^a Уральский федеральный университет, Российская Федерация

^b Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка дать оценку взаимодействию губернаторов и органов городского самоуправления в Сибири в 1870–1917 гг., раскрыть характер конфликтов на местном уровне и способы их разрешения. Исследована деятельность Присутствий по городским делам как губернских органов надзора. Ключевая задача губернских администраций – надзор за соблюдением законности городскими управлениями и рассмотрение жалоб населения на их действия. Проанализированы различные виды конфликтов между начальниками губерний и городами по вопросам: выборов, финансирования полиции, распределения власти на местах и др. Установлено, что в отдельных городах применялось административное давление как метод разрешения конфликтов. Выделено два периода усиления надзора за городами: 1893–1896 гг. (по местным выборам) и 1905–1908 гг. (по революционным событиям). Губернаторы и городские власти подчас с трудом находили возможности для координации своих мер. В безвыходных ситуациях обе стороны имели право апеллировать непосредственно в высшую судебную-административную инстанцию страны – Правительствующий Сенат. Из-за перегруженности бесчисленными жалобами как государственных и общественных институтов, так и частных лиц, дела в Сенате рассматривались несколько лет. Этот способ разрешения конфликтов следует признать малоэффективным. Губернаторам приходилось считаться с местной властью, договариваться, искать компромисс. Фактов административного произвола со стороны «хозяев региона» не выявлено. Периоды конфронтации сменялись конструктивным сотрудничеством. В условиях войны уровень конфликтности находился на низком уровне. В целом, прослеживалась четкая правительственная политика по «встраиванию» городов в систему государственного управления.

Ключевые слова: губернатор, административный надзор, губернское по городским делам присутствие, органы городского самоуправления, конфликт, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kamyninv@yandex.ru (В.Д. Камынин), khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 551-559, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.551
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

The role of Muslims in Migration Processes in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the role of the Islamic component in the migration processes that took place on the territory of the Russian Empire during the second half of XIX – early XX century. The authors of the article are concluded that the migration processes in Russia had a double-sided character. On the one hand, starting from the end of the 80s of XVIII century the Muslim population went to the Ottoman Turkey and this process continued in the XIX century. On the other hand, from the second half of the XIX century the flows of foreigners from the Muslim countries, who had close ties with the Russian umma could be observed. It should be noted that the government wanted to limit migration processes on the international level and carry it to the internal level of the state. During the second half of the XIX century the resettlement processes to the eastern outskirts of the state began. In this connection, Tatars became one of the major ethnic groups that resettled to the border territories of the Russian Empire. However, despite all the attempts of the state to restrict Russian Muslims contacts with Muslims abroad, they have been unsuccessful. By the beginning of XX century a significant influence on Russian Muslims from Turkey, which often had an anti-government character is observed.

Keywords: Islam, migration, the Russian Empire, the Turkish influence, pilgrimage, state-confessional policy.

1. Введение

В России, как многонациональном государстве, миграционный вопрос являлся одним из ведущих на протяжении всего исторического развития. Особую роль в данном случае играли мусульманские народы, которым органы власти отводили важное место в системе государственно-конфессиональных и межнациональных отношений в имперский период (Dashkovskiy, Shershneva, 2015a; Dashkovskiy, Shershneva, 2015b). Начиная с конца 1780-х гг. наблюдается активный отток мусульманского населения с территории Российской империи. Одно из ведущих мест в процессе переселения за пределы страны в данный период занимали крымские татары, т.к. со стороны государственной власти наблюдалось ущемление их национальных и культурных интересов (Кабузан, 2005; Кабузан, 1998). Вопросы миграционной политики включали в себя не только проблемы внешней миграции, но и внутренних переселений. Правительство, стремясь снизить активный отток населения за пределы страны, часто заменяло его внутримиграционными процессами. Эти тенденции стали особенно заметными во второй половине XIX в. Следует заметить, что миграции в российском государстве носили двухсторонний характер, поэтому вопрос законодательного оформления данных процессов вставал уже на рубеже XVII–XVIII вв. Массовое появление иностранных подданных на территории государства побудило к созданию ряда законодательных актов, регламентирующих их правовой статус. Такими документами еще в XVIII в. становятся два манифеста. Так, Манифест от 4 декабря 1762 г. регламентировал расселение иностранных подданных, а Манифест от 22 июля

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

1763 г., оговаривал права иностранных граждан, проживающих на территории российского государства (Иванов, 2010; ПСЗ РИ, 1830: 126–127, 313–316).

2. Материалы и методы

Наиболее объективно рассмотреть роль государства в миграционных процессах, происходящих на территории Российской империи в обозначенный период, а также установить какую роль в этом процессе играл конфессиональный фактор, позволяют архивные материалы и правовые документы. Архивные источники представлены циркулярными распоряжениями, прошениями мусульман. Особое значение имеют законодательные акты по регулированию жизни мусульманских общин в российском государстве. При подготовке статьи использовались, прежде всего, материалы Исторического архива Омской области и Государственного архива Алтайского края. Работа построена на методологических принципах историзма, которые позволяют рассматривать миграционные процессы как обусловленные не только внутривосточными, но внешними факторами, протекавшими во второй половине XIX – начале XX вв. В работе использовались проблемно-хронологический и ретроспективный методы. Проблемно-хронологический метод позволяет рассмотреть государственную политику в отношении мусульманских народов в изучаемый период, а также установить особенности правового регулирования миграционных процессов в Российской империи. Ретроспективный метод дает возможность выявить причины возникшей миграционной активности в мусульманской среде, особенно, на рубеже XIX–XX вв.

3. Обсуждение

Проблемами миграционной плотности на территории Российской империи занимались такие исследователи как Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко, В.М. Кабузан, А.В. Квакин, С.К. Иванов, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, Т.М. Регент, И.А. Нуриманов. В работах указанных исследователей отмечается, что к концу XIX в. в российском государстве усиливаются политическая активность мусульманских народов, которая не могла не сказаться на миграционных процессах, происходящих в стране. Еще одним фактором, который также оказывал влияние, на процессы оттока мусульманского населения за пределы государства, стала внешняя политика Российской империи, и ее отношение с Османской империей (Кабузан, 1998; Гаврилов, Шевченко, 2008; Исхаков, 2005). Решение проблемы выезда за пределы страны мусульманского населения, правительство видело в переносе процессов миграции во внутренние границы России, активно осуществляя переселенческую политику именно на русские окраины (Ремнев, Суворова, 2010: 152). Ряд исследователей также отмечает усиливающееся влияние на русских мусульман со стороны единоверцев, проживавших за границей (Птицын, 2009; Кабузан, 2005; Машиглев, 2012). Отдельное внимание авторы уделяют вопросам совершения хаджа русскими мусульманами и правовому обеспечению данного вопроса (Гусева, 2012; Нуриманов, 2007).

4. Результаты

В процессе изучения обозначенной проблематики было установлено, что к концу XIX в. завершается процесс присоединения новых земель, ознаменовавшийся включением в состав России мусульманских народов. Данный фактор вызвал миграционные процессы среди мусульманского населения Российской империи. Наиболее привлекательными в этом процессе становятся страны Востока, как оплот мусульманской веры. Еще одним событием, вызвавшим массовое переселение мусульманских народов, стало завершение Кавказской войны, после которой страну покинуло значительное количество кавказских горцев (Гаврилов, Шевченко, 2008: 302). Так, с 1859 по 1870 гг. с территории Северного Кавказа в Турцию переселилось около 500 тысяч человек (Кабузан, 1998). Аналогичный процесс наблюдался и среди других мусульманских народов Российской империи. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вызвала антиправительственные восстания в ряде Северокавказских регионов, например, таких как Чечня и Дагестан. По итогам подавления данных восстаний наблюдались миграционные процессы на территорию Османской империи. Правительство принимающей стороны старалось разместить прибывших единоверцев преимущественно в арабских землях, Иордании, Ираке, Сирии и Палестине. В тоже время, встречаются поселения мусульман, выходцев из России, и на других территориях, например, в Болгарии. Аналогичная система размещения применялась турецким правительством еще с конца XVIII в., когда после покорения Крыма Россией прибыла первая волна мигрантов, состоящая из крымских татар и ногайцев. Территорию Российской империи после завоевания западных предгорий Кавказа покидали сотни тысяч человек, переселявшихся в Турцию (Регент, 2011: 54).

Следует подчеркнуть, что первая массовая эмиграция мусульманских народов Российской империи датируется 1857 г., когда следом за турецкими войсками территорию государства покинуло около 30 тыс. крымских татар. За периоды 1860–1865 гг. и 1874–1875 гг. на территорию Турции переселилось еще около 135,5 тысяч человек. В начале 90-х гг. XIX в. их Крыма в Турцию выехало еще 18 тысяч татар. Эмиграция на территорию Турции не прекратилась и в начале XX в., особенно в 1902–1903 гг. В результате указанных переселенческих процессов к началу прошлого столетия значительная часть крымских татар покинула территорию Российской империи (Исхаков, 2005).

Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX вв. затронули также и внутреннее устройство страны. Так, согласно сведениям А.А. Кауфмана, к началу XX в. ежегодно в приграничные районы Российского государства переселялось по 200 тысяч человек, что составляло 0,14 % населения страны. Особенный интерес государства в переселенческой политике представляли восточные районы, прежде всего Сибирь и Дальний Восток. Именно туда по данным статистики переселись в период с 1900 по 1914 гг. 4,5 млн. человек (Ядов, 1998). Для регулирования миграционных процессов на территории страны в 1896 г. было создано Переселенческое управление при МВД. Таким образом, восточные окраины Российского государства приобретают образ колониальных образований, которые оставались верны своим национальным и религиозным традициям, но уже были лишены «мусульманского фанатизма». Несмотря на это, правительство видело своей задачей насаждение русской культуры и быта в мусульманской среде (Ремнев, Суворова, 2010: 154–158).

Еще одной особенностью миграционной политики второй половины XIX в. явился активный прием иммигрантов из европейских и азиатских стран. О нарастающем числе иммигрантов свидетельствуют и данные статистики. Так, на территорию России в период с 1828 г. по 1915 г. прибыло 4,15 млн. человек (Птицын, 2009: 173). Преобладающим компонентом в миграционных процессах, становятся граждане мусульманских стран. В начале XX в. приток иностранцев из Персии и Турции существенно увеличивается. Так, в 1901–1910 гг. он составил 708 тыс. человек, а в период с 1911–1915 года – 543 тыс. человек (Кабузан, 1998).

Необходимо отметить, что турецкое влияние было отмечено российским правительством в ряде регионов страны. Контакты с выходцами из мусульманских стран в некоторых случаях даже приводили к зарождению революционных идей «младотурков» и панисламизма. Кроме этого, в некоторых регионах российского государства отмечалась политическая активность со стороны мусульман. Следует подчеркнуть, что опасения государственной власти в отношении турецкого влияния были не без почвенными. В данном случае примечательно, что российская разведка имела сведения об активизирующемся панисламистском комитете на территории Турции, который рассылал своих агентов по странам с мусульманским населением (Машитлев, 2012; Бекмаханова, Нарбаев, 1994: 28). В этой связи не случайно Департамент внутренних дел активно занимался выявлением лиц, пропагандирующих антиправительственные взгляды панисламистской направленности. Так, например, в 1870 г. Генерал-губернатору Западной Сибири были предоставлены сведения о том, что прибывший из Турции Хаджи-Ахмед-Эфенди был отправлен в Сибирь в Тюменский ссыльный приказ из-за распространения антиправительственных настроений (ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9679. Л. 1–10б.). Еще один инцидент, связанный с деятельностью иностранных граждан на территории Российской империи, произошел в 1876 г. в Акмолинской области. У гражданина Османской империи при задержании были изъяты паспорт и документы, которые он просил вернуть. Задержанный обратился с просьбой к исполняющему обязанности губернатора Акмолинской области разрешить беспрепятственно проживать и перемещаться по территории государства, после чего он планировал вернуться на родину. На данные запросы Департаментом полиции было предписано Генерал-губернатору Западной Сибири сделать распоряжение об отправлении турецкого подданного в Одессу, а затем выслать его из страны (ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13353. Л. 2–4).

В начале XX в. заметно усиливается политическая активность мусульманского населения страны. Одним из показателей данной тенденции стало проведение мусульманского съезда в 1906 г. в Нижнем Новгороде. В рамках программы данного мероприятия мусульманами был предложен план создания культурно-конфессиональной автономии. Задачей данного образования, во главе которого избирался духовный лидер мусульман с правом личного доклада императору, было объединить всех мусульман Российской империи. Оговаривалось также и общее устройство духовной жизни российских мусульман. В частности, для всех духовных управлений предписывалось выбирать сроком на пять лет лидеров общины, а также формировать советы (межлисы) с представительством, как духовных, так и светских лиц. Мусульмане из различных регионов страны на съезде выдвинули ряд предложений. Так, мусульмане Семиречья предложили включить в Государственную Думу представителей от каждой этнической группы, исповедующей ислам в регионе. С требованием создания выборного представительства кавказских мусульманских народов в Тифлисе выступили мусульмане Кавказа (Дякин, 1996: 43; Алов, Владимиров, 1996: 52).

Нужно подчеркнуть, что положение мусульман в Российской империи вызывало особый интерес со стороны турецкого государства во второй половине XIX – начале XX вв. При султанине Абдул-Хамиде II, занимавшем османский трон с 1876 г. по 1909 г., была разработана политическая система, которая предполагала защиту мусульманских народов во всем мире, если не путем вмешательства в дела другого государства, то хотя бы наблюдением за положением мусульманских подданных этих стран. Данный план в определенной мере начинает реализовываться уже в конце XIX в. на территории России путем посещения османскими чиновниками молитвенных собраний мусульман Санкт-Петербурга (Мустакимов, 2008).

Активность со стороны мусульман Османской империи вызывала обоснованные опасения со стороны российского правительства, которое стремилось к скорейшему их выдворению за пределы империи. Так, в 1872 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири были отправлены бумаги, в которых сообщалось, о проживании на территории киргизских степей турецкого подданного.

Согласно документам он получил паспорт от Тобольского губернатора, после чего приступил к обучению казахов мусульманской вере и их лечению. В связи с тем, что в данных районах имелись свои муллы и медики, его присутствие оценивалось как излишнее. Паспорт данного гражданина был отправлен военному губернатору Акмолинской области, а его самого рекомендовали выслать из киргизской степи для установления порядка и стабильности в регионе (ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10673. Л. 1–10б.). На указанных мерах настаивал и начальник полиции Тобольской губернии, т.к. в турецком подданном он усматривал угрозу политического спокойствия в государстве (ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10673. Л. 5). На данные просьбы Генерал-губернатор Западной Сибири ответил согласием. В конечном итоге, обязанности по выдворению неблагонадежного иностранного подданного взяло на себя Министерство внутренних дел, обратившись с просьбой к местным властям о предоставлении его примет, с целью подготовки списка на запрет въезда в пределы Российского государства (ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10673. Л. 8–9 об.).

Еще одной особенностью рассматриваемой проблематики является то, что в конце XIX в. наблюдаются массовые посещения русских мусульман гостями из-за границы, которые называли себя родственниками и свое пребывание на территории Российской империи фиксировали, как гостевое. Подобного рода процессы наблюдаются на территории всей России, и Сибирь не являлась исключением. Так, ташкентский выходец просил причислить его к общине казахов, после прибытия туда в гости со своими родственниками. Органами власти было установлено количество семьи, скота, род деятельности и, что он раньше не привлекался и не наказывался. Исполняющему обязанности военного губернатора, было доложено, что казахи данного региона берут на себя ответственность за него. Кроме того, было приказано в соответствии со ст. 981 Устава о податях (1857 г.) обложить его ясаком. В итоге было решено принять данного иностранца в подданство России, приписав его к казахской общине (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4291).

Немаловажное влияние на население страны оказывала мусульманская интеллигенция, получившая образование за рубежом, прежде всего, в Османской империи (Машиглев, 2012). Именно за пределами Российской империи мусульманам виделась возможность получить достойное образование. В Османской империи русские мусульмане не только получали образование, но также и видные должности и награды. Указанные процессы в определённой степени затрагивали и мусульманское духовенство. Например, муфтий М. Султанов был удостоен в 1893 г. ордена «Осмни» (Сибгатуллина, 2010: 9).

Возможность более свободного получения перемещения мусульманское население получило в 1890 г. В этот год российскими властями было принято решение разрешить выезд тюркских народов за рубеж, в том числе и на постоянное место жительства. Такое решение не могло не сказаться на массовом оттоке татарского населения на территорию Османской империи. Примечательно, что несколько поселений мусульман, выходцев из России, сохранились в Турции до настоящего времени. Так, в деревни Гурсу близ города Маниса Алашахирского района проживают татары потомки выходцев из России. Мусульманское население Российской империи, покидая пределы государства, стремилось к жизни в соответствии с предписаниями ислама. При этом мусульмане полагали, что именно исламская страна наилучшее место для их жизни (Сибгатуллина, 2010).

Следует подчеркнуть, что сначала мусульманская интеллигенция, а затем и татарские школы, становятся оплотом антиправительственных настроений и призывов к образу жизни по законам, предписанным в Коране и Сунне. Департаментом полиции было неоднократно отмечено, что особенно не благонадежным этническим компонентом в России являются волжские татары, которые оказывают влияние на все мусульманское население страны и всегда находятся в тесном сотрудничестве с представителями мусульманского мира за пределами империи (Национальная политика России..., 1997: 131; Старостин, 2007: 35). Подобное утверждение подтверждается и проведенной Министерством народного просвещения проверкой в мусульманских школах, в которых была изъята рукописная литература на татарском языке. Данные источника носили антигосударственный характер, явно выражая недовольство российским правительством и осуждая проводимую им политику в отношении мусульманской уммы Российской империи. Кроме того, были изъяты издания, имеющие Константинопольское происхождение, пропагандирующие идеи явно враждебные русской государственности и русскому народу в целом. Данная проверка показала, что проблемы, с которыми столкнулось правительство в мусульманских школах, является следствием плохого контроля за назначением учителей в учебные заведения. Основная масса преподавателей таких школ получала образование за пределами России, а зачастую вообще являлась иностранными гражданами, не имеющими русского подданства (ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41. Л. 69).

Важно отметить, что проблема контроля в конце XIX – начале XX в. контактов мусульман с единоверцами за пределами России привела к тому, что функции выстраивания межнациональных отношений в отдельных регионах, в частности на Кавказе и в Туркестанском крае, были переданы в Военное министерство. При этом министерством иностранных дел также уделялось особое внимание «мусульманскому вопросу». Связано это было не только с миграционными вопросами в мусульманской среде, но и с паломническими поездками, которые рассматривались мусульманами как обязательное явление духовной жизни каждого верующего человека (Арапов, 2004: 148). На протяжении всего XIX – начала XX в. мусульмане с трудом добивались разрешения на выезд за

пределы Российской империи. Это касалось в первую очередь посещений традиционных мест совершения мусульманами хаджа в Мекку и Медину (Гусева, 2012). По мнению правительства, именно ограничение паломнической деятельности должно было привести к снижению общения с мусульманами за пределами Российской империи (Тихонов, 2008: 184; Малащенко, 1998: 30). Таким образом, начиная с 80-х гг. XIX в. в стране вводятся ограничения на паломнические поездки в Мекку, а также на создание просветительских обществ (Султангалиева, 2007: 14). Паломнический вопрос был на особом контроле у российского правительства и в начале XX в. Так, в «Уставе о паспортах» 1903 г. оговаривались правила и условия, позволяющие отпускать мусульман в паломничество. Согласно данному документу, отправляющиеся в паломнические поездки мусульмане Российской империи получали паспорт особого образца, установленного Министерством внутренних дел. Возвращаясь из поездки, паломники должны были пройти особый врачебно-санитарный контроль, после чего за прибывшими губернатором должен быть назначен контроль. Аналогичные требования применялись ко всем иностранным подданным мусульманского вероисповедания, оказывающихся на территории России. Уклонившийся от требований, согласно Своду законов Российской империи, распоряжением полиции привлекался к уголовной ответственности и ко всем санитарным мерам (СЗ РИ, 1912: 56).

Нужно подчеркнуть, что с конца XIX в. вопросы, связанные с совершением хаджа русскими мусульманами, постоянно привлекали внимание, как региональных чиновников, так и рассматривались на более высоком уровне. Проблемы, с которыми столкнулись русские мусульмане при совершении паломничества обсуждались на уровне Министерства иностранных дел России, посольства в Константинополе и консульства в Джидде. В обсуждение данного вопроса принимали участие и представители административных органов тех российских регионов, где мусульмане проживали компактными группами, а именно Новороссийский, Туркестанский, Бессарабский генерал-губернаторы и Кавказский наместник. На местах необходимо было осуществлять контроль за совершением паломнических поездок, а затем принимать конкретные меры по регулированию данных процессов в своих регионах (Нуриманов, 2007).

Следует обратить внимание, что, несмотря на введенные ограничительные меры в отношении мусульманских паломников, органы власти с крайней неохотой выдавали им паспорта, поскольку считали, что хадж приносит Турции материальную пользу, а полученные деньги идут затем на военные нужды. Кроме того, во время паломничества развивались эпидемические болезни, что создавало дополнительные проблемы органам власти в России. Однако, с учетом всех опасений со стороны правительства, система мусульманского паломничества оставалась слабо контролируемой. При этом передвижение паломников имело слабую организацию, что приводило к ряду проблем, в том числе и бытовых (Сибгатуллина, 2010: 29).

Вызывало беспокойство царской администрации и статистика паломнических поездок. Согласно данным на 1898 г. Мекку посетили 1795 российских подданных. При этом большая их часть являлась выходцами из Средней Азии, особенно из Ферганской долины. Данный регион в тот период считался одним из самых политически неблагонадежных в Российском государстве. При этом остановить процесс паломничества государственными органам не представлялось возможным, т.к. паломники часто уходили в Мекку и без паспортов. Неоднократно такие паломники из России подвергались нападению со стороны бедуинов или афганских мошенников. Об этом свидетельствовали и турецкие газеты, которые при этом обвиняли в беспорядочном положении российских мусульман органы власти, не выдавшие им паспорта (Нуриманов, 2007).

Следует отметить, что, несмотря на попытки регламентации положения иностранных подданных на территории России, государство оставалось для них максимально закрытым. Правительство всячески стремилось к ограничению внешних миграций, восполняя данный процесс переселения внутри страны (Квакин, 2007).

Подчеркнем, что политика правительства в отношении мигрантов была крайне неоднородной. С одной стороны, оно всячески стремилось ограничить свободу передвижения населения за пределы страны. С другой стороны, государство способствовало их легальному внутреннему переселению, освобождая от налогов, воинской повинности, выдавало денежные пособия (Кабузан, 2005). Доминирующим миграционным этносом, несомненно, являлись русские. Однако и татары играли заметную роль в заселение окраин Российской империи. Некоторые послабления в отношении мусульманских народов Российской империи наблюдались уже в начале XIX в. Так, в 1802 г. в Казани была открыта типография, позволившая печатать без ограничений мусульманскую религиозную литературу. Подобные меры, применяемые правительством, были направлены на приостановление оттока мусульманского населения за пределы страны, а также снижения влияния на них мусульман из зарубежных стран (Капралова, Рогожина, 2015: 29). Настороженное отношение правительства к туркам-мусульманам сохранялось вплоть до 1917 г., когда по данным Красного креста на территории России оказалось огромное количество военнопленных турков. Правительство стремилось к максимальному контролю за ними, видя в них угрозу для государственного устройства (Нияз Субаев-Казанлы, 1999).

5. Заключение

Таким образом, следует отметить, что во второй половине XIX в. Российская империя вступает на новый этап миграционных процессов. При этом основной приток мигрантов на территорию

российского государства приходится на выходцев из мусульманских государств. Данные процессы вызывают особые опасения со стороны органов власти, т.к. наряду с мигрантами, стали проникать антиправительственные настроения. Несмотря на все попытки ограничения мусульманского влияния из-за рубежа, в начале XX в. в России наблюдается существенный прирост мигрантов из стран Востока. Следует так же отметить активизирующуюся миссионерскую деятельность в мусульманской среде, имевшей антиправительственную направленность. Еще один вопрос, который начинает волновать Российскую империю во второй половине XIX в., касался внутренней миграции мусульманского населения. Все попытке правительства ввести ограничительные меры на общение русских мусульман с единоверцами из-за рубежа, не увенчались успехом. Не получил однозначного решения и вопрос внутренней миграции, так как все русификаторские меры, применяемые правительством, не имели значительного успеха в мусульманской среде.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме "Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции" (проект №33.2177.2017/4.6).

Литература

Dashkovskiy, Shershneva, 2015a – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX - early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015. V. 36. Is.2. pp. 338–346.

Dashkovskiy, Shershneva, 2015b – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*. 2015. V. 39. Is. 1. pp. 120–128.

Алов, Владимир, 1996 – *Алов А.А., Владимир Н.Г.* Ислам в России. Москва, 1996. 122 с.

Арапов, 2004 – *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). Москва, 2004. 288 с.

Бекмаханова, Нарбаев, 1994 – *Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б.* Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX в. // *Ислам, общество, культура* / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 26–28.

Гаврилов, Шевченко, 2008 – *Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Русские мусульмане в поле российской идентичности // *Россия реформирующаяся. Ежегодник* / отв. ред. М.К. Горшков. Москва, 2008. Вып. 7. С. 289–303. [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gavrilov_Russkie_mus.pdf (дата обращения: 20.12.2015).

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

Гусева, 2012 – *Гусева Ю.Н.* Проблема хаджа российских мусульман в решениях и документах советских государственных органов (1923 год) // *Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень* № 8 / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. Москва–Н.Новгород, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5709> (дата обращения: 12.07.2016).

Дякин, 1996 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 1996. №11–12. С. 39–52.

Иванов, 2010 – *Иванов С.К.* Правовое регулирование системы контроля за миграционными процессами в Российской империи в XVII–XVIII веках // *Вестник Чувашского университета*. 2010. №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-kontrolya-zamigratsionnymi-protsessami-v-rossiyskoj-imperii-v-xvii-xviii-vekah> (дата обращения: 04.05.2016).

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Исхаков, 2005 – *Исхаков Д.М.* Татары: популярная этнография. Казань, 2005. 159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://miraska.narod.ru/tatars/tatars2.htm> (дата обращения: 24.10.2016).

Кабузан, 2005 – *Кабузан В.М.* Миграция в Российской империи // *Отечественные записки*. 2005. № 4 (19). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=507> (дата обращения: 15.06.2016).

Кабузан, 1998 – *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. Москва, 1998. 350 с.

Капралова, Рогожина, 2015 – *Капралова А.Л., Рогожина Е.М.* Национальная политика Российской империи в отношении населения, исповедующего ислам в XIX веке // *Мусульманское население России: вчера и сегодня*. 2015. Выпуск 5. С. 27–30.

Квакин, 2007 – *Квакин А.В.* Российская культурно-миграционная система и Российское государство // *Социум и власть*. 2007. №3. С. 37–40.

Малашенко, 1998 – *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. Москва, 1998. 222 с.

Машитлев, 2012 – *Машитлев Р.М.* Мусульманский вопрос в региональной политике Кубанской области в конце XIX – начале XX вв. // *Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов XII международной научно-практической конференции*

«Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность». Краснодар, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://zema.su/blog/musulmanskii-vopros-na-kavkaze-v-dorevolutsionnoi-rossii> (дата обращения: 15.08.2016).

Мустакимов, 2008 – *Мустакимов И.* «Внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных» (Татары-мусульмане глазами османских чиновников конца XIX в.) // *Эхо веков.* 2008. №2. [Электронный ресурс]. URL: http://echoofcenturies.ru/2008_2/02/04/ (дата обращения: 24.10.2016).

Национальная политика России, 1997 – Национальная политика России: история и современность. Москва, 1997. 680 с.

Нияз Субаев-Казанлы, 1999 – *Нияз Субаев-Казанлы* Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории (1915–1919 гг.). // *Эхо веков.* 1999. №1/2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1999_1_2/14/14_4/ (дата обращения: 15.07.2016).

Нуриманов, 2007 – *Нуриманов И.А.* Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской Империи и христианского паломничества // *Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии: Сборник материалов.* Москва–Н. Новгород, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm (дата обращения: 30.10.2016).

ПСЗ РИ, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи. Санкт-Петербург, 1830. Собрание I. Т. XVI. 1016 с.

Птицын, 2009 – *Птицын А.Н.* Австро-венгерская иммиграция в Россию во второй половине XIX – начале XX в. и ее экономическое значение // *Известия Алтайского государственного университета.* 2009. № 4/3. С. 173–181.

Регент, 2011 – *Регент Т.М.* История управления миграционными процессами в царской России и СССР // *Вестник Российского нового университета.* 2011. №2. С. 54–60. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rosnou.ru/pdf/n2y2011/p54.pdf> (дата обращения: 14.09.2016).

Ремнев, Суворова, 2010 – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на Азиатских окраинах Российской империи // *Полития.* 2010. №3–4 (58–59). С. 150–191.

СЗ РИ, 1912 – Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1912. Т. XIV. 273 с.

Сибгатуллина, 2010 – *Сибгатуллина Э.Т.* Миграционная политика России в истории отечественного законодательства // *История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований.* Казань, 2010. С. 182–192. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izumzum.ru/health/r-m-valeev-a-i-nogmanov-r-v-shajdullin/pg-1.html> (дата обращения: 15.07.2016).

Сибгатуллина, 2010 – *Сибгатуллина А.Т.* Контакты тюркок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. Москва, 2010. 264 с.

Старостин, 2007 – *Старостин А.Н.* Ислам в Свердловской области. Москва, 2007. 144 с.

Султангалиева, 2007 – *Султангалиева А.* Эволюция ислама в Казахстане // *Воронежский тюркологический сборник.* Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 5–29.

Тихонов, 2008 – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. Санкт-Петербург, 2008. 368 с.

Ядов, 1998 – *Ядов В.А.* Социология России. Москва, 1998. 722 с. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/jadov_sociologija/21.aspx (дата обращения: 12.07.2016).

References

Dashkovskiy, Shershneva, 2015a – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2015). Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*, V. 36, Is. 2, pp. 338–346. [in Russian]

Dashkovskiy, Shershneva, 2015b – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2015). Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian. *Bylye Gody*, V. 39, Is. 1, pp. 120–128. [in Russian]

Alov, Vladimirov, 1996 – *Alov A.A., Vladimirov N.G.* (1996). Islam v Rossii. [Islam in Russia]. Moscow, 122 p. [in Russian]

Arapov, 2004 – *Arapov D.Yu.* (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.). [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of XVIII – beginning of XX century)]. Moscow, 288 p. [in Russian]

Bekmakhanova, Narbaev, 1994 – *Bekmakhanova N.E., Narbaev N.B.* (1994). Islam v Kazakhstane i rossiiskoe zakonodatel'stvo XIX v. [Islam in Kazakhstan and the Russian legislation of the XIX century]. Islam, society, culture / ed. N.A. Tomilov, A.G. Seleznev. Omsk, pp. 26–28. [in Russian]

Gavrilov, Shevchenko, 2008 – *Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G.* (2008). Russkie musul'mane v pole rossiiskoi identichnosti [Russian Muslims in the Russian identity]. Reform Russia. Yearbook / ed. edited by M.K. Gorshkov. Moscow, V. 7. pp. 289–303. [Electronic resource]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gavrilov_Russkie_mus.pdf (accessed on 20.12.2015). [in Russian]

ГААК – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai].

- Guseva, 2012** – *Guseva Yu.N.* (2012). Problema khadzha rossiiskikh musul'man v resheniyakh i dokumentakh sovetskikh gosudarstvennykh organov (1923 god) [The problem of the Hajj of Russian Muslims in the decisions and documents of the Soviet state organs (1923 year)]. *Forums Russian Muslims. Annual scientific Bulletin*, Nr. 8 / under the General editorship of D.V. Muhetdinov. [Electronic resource]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5709> (accessed on 12.07.2016). [in Russian]
- Dyakin, 1996** – *Dyakin V.S.* (1996). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (nachalo XX v.) [The national question in domestic policy of tsarism (beginning of XX century)]. *Questions of history*, Nr. 11–12. pp. 39–52. [in Russian]
- Ivanov, 2010** – *Ivanov S.K.* (2010). Pravovoe regulirovanie sistemy kontrolya za migratsionnymi protsessami v Rossiiskoi imperii v XVII–XVIII vekakh [Legal regulation of the system of control over migration processes in the Russian Empire in XVII–XVIII centuries]. *Bulletin of the Chuvash University*, Nr. 2. [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-kontrolya-za-migratsionnymi-protsessami-v-rossiyskoy-imperii-v-xvii-xviii-vekakh> (accessed on: 04.05.2016). [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti. [Historical archive of the Omsk region].
- Iskhakov, 2005** – *Iskhakov D.M.* (2005). Tatars: populyarnaya etnografiya. [Tatars: popular Ethnography]. Kazan, 159 p. [Electronic resource]. URL: <http://miraska.narod.ru/tatars/tatars2.htm> (accessed on: 24.10.2016). [in Russian]
- Kabuzan, 2005** – *Kabuzan V.M.* (2005). Migratsiya v Rossiiskoi imperii [Migration in the Russian Empire]. *Otechestvennye Zapiski*, Nr. 4 (19). [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=507> (accessed on: 15.06.2016). [in Russian]
- Kabuzan, 1998** – *Kabuzan V.M.* (1998). Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka. [Emigration and re-emigration in Russia in XVIII – early XX century]. Moscow, 350 p. [in Russian]
- Kapralova, Rogozhina, 2015** – *Kapralova A.L., Rogozhina E.M.* (2015). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii naseleniya, ispoveduyushchego islam v XIX veke [The national policy of the Russian Empire against the population professing Islam in the XIX century]. *The Muslim population of Russia: yesterday and today*, Issue 5, pp. 27–30. [in Russian]
- Kvakin, 2007** – *Kvakin A.V.* (2007). Rossiiskaya kul'turno-migratsionnaya sistema i Rossiiskoe gosudarstvo [Russian cultural and migration system and the Russian state]. *Society and power*, 2007, Nr. 3, pp. 37–40. [in Russian]
- Malashenko, 1998** – *Malashenko A.V.* (1998). Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii. [Islamic revival in modern Russia]. Moscow, 222 p. [in Russian]
- Mashitev, 2012** – *Mashitev R.M.* (2012). Musul'manskii vopros v regional'noi politike Kubanskoi oblasti v kontse XIX – nachale XX vv. [The Muslim issue in the regional policy of the Kuban region in the late XIX – early XX centuries]. Scientific-creative heritage of Fedor Andreevich Shcherbina and modernity: proceedings of the XII international scientific-practical conference «Scientific and creative heritage of Fedor Andreevich Shcherbina and modernity». Krasnodar. [Electronic resource]. URL: <http://zema.su/blog/musul'manskii-vopros-na-kavkaze-v-dorevolyutsionnoi-rossii> (accessed on: 15.08.2016). [in Russian]
- Mustakimov, 2008** – *Mustakimov I.* (2008). «Vneshne Rossiiskoe gosudarstvo kak budto ne pritesnyaet svoikh musul'manskikh poddannyykh» (Tatars-musul'mane glazami osmanskikh chinovnikov kontsa XIX v.) [«Externally, the Russian government seemed not to oppress their Muslim citizens» (Tatar Muslims through the eyes of the Ottoman officials in the late XIX century)]. *Echo of centuries*, Nr. 2. [Electronic resource]. URL: http://echoofcenturies.ru/2008_2/02/04/ (accessed on: 24.10.2016). [in Russian]
- Natsional'naia politika Rossii, 1997** – Natsional'naia politika Rossii: istoriia i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. Moscow, 1997. 680 p. [in Russian]
- Niyaz Subaev-Kazanly, 1999** – *Niyaz Subaev-Kazanly* (1999). Turetskie voennoplennyye v Povolzh'e: fragmenty istorii (1915–1919 gg.). [Turkish prisoners of war in the Volga region: fragments of history (1915–1919 gg.)]. *Echo of centuries*, Nr. 1/2. [Electronic resource]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1999_1_2/14/14_4/ (accessed on: 15.07.2016). [in Russian]
- Nurimanov, 2007** – *Nurimanov I.A.* (2007). Sravnitel'nyi analiz palomnicheskoi traditsii musul'man Rossiiskoi Imperii i khristianskogo palomnichestva [Comparative analysis of the pilgrimage tradition of the Muslims of the Russian Empire and the Christian pilgrimage]. Modern problems and prospects of Islamic studies, Oriental studies and Turkic studies: proceedings of the. Moscow–N. Novgorod. [Electronic resource]. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm? (accessed on: 30.10.2016). [in Russian]
- PSZ RI, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1830. The meeting I. T. XVI. 1016 p. [in Russian]
- Ptitsyn, 2009** – *Ptitsyn A.N.* (2009). Avstro-vengerskaya immigratsiya v Rossiyu vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. i ee ekonomicheskoe znachenie. [Austro-Hungarian immigration to Russia in the second half of XIX – beginning of XX century and its economic value]. *News of Altai state University*, Nr 4/3, pp. 173–181. [in Russian]
- Regent, 2011** – *Regent T.M.* (2011). Istoriya upravleniya migratsionnymi protsessami v tsarskoi Rossii i SSSR [The story of migration management in Imperial Russia and the USSR]. *Bulletin of the Russian new*

University, Nr. 2. pp. 54–60. [Electronic resource]. URL: <http://vestnik-rosnou.ru/pdf/n2y2011/p54.pdf> (accessed on: 14.09.2016). [in Russian]

Remnev, Suvorova, 2010 – Remnev A.V., Suvorova N.G. (2010). Upravlyaemaya kolonizatsiya i stikhiinye migratsionnye protsessy na Aziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii [Controlled colonization and spontaneous migration processes in the Asian Borderlands of the Russian Empire]. *Polity*, Nr. 3–4 (58–59), pp. 150–191. [in Russian]

SZ RI, 1912 – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1912. Vol. XIV. 273 p. [in Russian]

Sibgatullin, 2010 – Sibgatullina E.T. (2010). Migratsionnaya politika Rossii v istorii otechestvennogo zakonodatel'stva [Migration policy of Russia in the history of Russian law]. History of Russia and Tatarstan: results and prospects collegiate studies. Kazan, pp. 182–192. [Electronic resource]. URL: <http://www.izumzum.ru/health/r-m-valeev-a-i-nogmanov-r-v-shajdullin/pg-1.html> (accessed on: 15.07.2016). [in Russian]

Sibgatullina, 2010 – Sibgatullina A.T. (2010). Kontakty tyurok-musul'man Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. [The contacts of the Turks-Muslims of the Russian and Ottoman empires at the turn of XIX–XX centuries]. Moscow, 264 p. [in Russian]

Starostin, 2007 – Starostin A.N. (2007). Islam v Sverdlovskoi obrasti. [Islam in Sverdlovsk to acquire]. Moscow, 144 p. [in Russian]

Sultangalieva, 2007 – Sultangalieva A. (2007). Evolyutsiya islama v Kazakhstane [Evolution of Islam in Kazakhstan]. *Voronezh Turkological collection*. Voronezh, Vol. 7, pp. 5–29. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – Tikhonov A.K. (2008). Katoliki, musul'mane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII – nachale XX v. [Catholics, Muslims and Jews Russian Empire in the last quarter of XVIII – beginning of XX century]. Saint-Petersburg, 368 p. [in Russian]

Yadov, 1998 – Yadov V.A. (1998). Sotsiologiya Rossii. [Sociology of Russia]. Moscow, 722 p. [Electronic resource]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/jadov_sociologija/21.aspx (accessed on: 12.07.2016). [in Russian]

УДК 904

Роль мусульман в миграционных процессах в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Петр Константинович Дашковский^{a,*}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли исламского компонента в миграционных процессах, проходивших во второй половине XIX – начале XX в. на территории Российской империи. В рамках статьи авторы приходят к выводу, что миграционные процессы на территории России имели двухсторонний характер. С одной стороны, начиная уже с конца 1780-х гг. наблюдался отток мусульманского населения на территорию Османской Турции, что отчасти продолжалось и в XIX в. С другой, уже ко второй половине XIX в. усиливается приток иностранцев из мусульманских стран, которые к этому времени имели тесные связи с российской уммой. Следует также отметить, что правительство, стремясь ограничить миграционные процессы на международном уровне, пытается перенести их на внутреннюю почву. Именно во второй половине XIX в. начинаются переселенческие процессы в восточные окраины государства. В этой связи не случайно, например, татары становятся одним из ведущих этносов в заселение приграничных территорий Российской империи. Однако, несмотря на все предпринимаемые попытки со стороны государства ограничить контакты российских мусульман с единоверцами за границей, они не увенчались успехом. К началу XX в. отмечается значительное влияние на мусульман России со стороны Турции, носившее зачастую антиправительственный характер.

Ключевые слова: ислам, миграционные процессы, Российская империя, турецкое влияние, паломничество, государственно-конфессиональная политика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpu.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 560-567, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.560
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 940.5

Sports and Patriotic Education of Students of the Middle and Lower Schools of Siberia in the late XIX – early XX centuries

Svetlana V. Tolmacheva ^{a,*}, Oksana V. Ustinova ^a, Julia V. Zubareva ^b

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Northern Trans-Ural State Agricultural University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the policies that are implemented in the field of sports and military-Patriotic education of pupils of Russia in the late XIX – early XX centuries. Special attention is paid to the study of the events and peculiarities of their conduct in the territory of Siberia, including in educational institutions of the region. It is shown both in terms of prohibitions imposed by the government on the creation of and participation of students in the official unions, organizations and associations, representatives of the community offered other options of participation in public life of the region.

Students involved in the Patriotic groups, sports clubs. They are attracted to participate in the celebrations, marches and processions in honor of the glorious historical memorable dates and anniversaries of Russian writers. However, given that almost all such initiatives come "from above", these activities do not always find approval among the youth. Moreover, the percentage of the adult population, including adhering to liberal views, criticizes a number introduced in this period projects. Special criticism from liberals has been the so-called "funny" movement, designed initially to give students some skills and the basics of military training.

On the other hand, walks in the fresh air, morning exercises, physical training, and ski walk find support and approval of virtually the entire population of the region. However, some well-known merchants provide targeted financial support to educational institutions of Siberia, aimed at the development of sports and Patriotic education of students.

Keywords: Siberia, students, middle and lower schools, holidays, "poteshennoe" movement, "poteshny" units, "Sokol'skoye" movement, the Russian falcons, gymnastics, liberals, Trustees, patriotism, education, sport.

1. Введение

На рубеже XIX–XX веков правительство налагает полный запрет на создание и участие учащейся молодежи в официальных союзах, организациях и объединениях. В таких условиях общественная жизнь воспитанников учебных заведений среднего и низшего звена находит выражение в иных, поддерживаемых властью, сферах деятельности: через участие в спортивных движениях, соревнованиях, в массовых мероприятиях по случаям празднования тех или иных памятных дат, чтение литературы, брошюр военно-патриотического характера. Однако не все мероприятия, инициируемые властью, находят одобрение и поддержку в молодежной и общественной среде.

* Corresponding author

E-mail addresses: svtolm@gmail.com (S.V. Tolmacheva), sema_79@bk.ru (O.V. Ustinova), j_zubareva@mail.ru (J.V. Zubareva)

2. Материалы и методы

Исследование реализовано на основе анализа материалов Государственного архива Томской области (ГАТомО) и Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ Иса).

Кроме того, были изучены материалы Памятной книжки Западно-Сибирского учебного округа (по состоянию на 1909 г.), содержащей полный перечень образовательных учреждений, функционирующих в регионе к этому времени, с указанием даты их открытия, размера оплаты за обучение, численности учащихся и педагогического состава, фамилий попечителей, а также другую важную информацию о деятельности данных заведений. Кроме того, были изучены материалы, опубликованные в журнале «Сибирские вопросы».

В числе методов исследования использовались такие как:

- нарративный, с помощью которого последовательно излагались события интересующей нас тематики в обозначенный временной период;
- метод контент-анализа документов, позволивший изучить отдельные содержательные единицы рассмотренных архивных материалов, статей дореволюционной печатной прессы, а также материалов упомянутой выше Памятной книжки Западно-Сибирского учебного округа;
- историко-системный метод, при помощи которого были выявлены взаимосвязи отдельных исторических событий, объединены и систематизированы разрозненные сведения из различных источников и архивных материалов в единую картину, дающую целостное и комплексное представление о системе спортивного и патриотического воспитания, сформировавшейся к концу XIX – началу XX веков.

3. Обсуждение

Вопросы, связанные со спортивным и патриотическим воспитанием учащейся молодежи в конце XIX – начале XX веков до сих пор не изучены в полной мере. На сегодняшний день представлены единичные труды, где рассматриваются идеи такого популярного молодежного движения как «сокольство». Причем, часть из них написана еще в дореволюционный период, в связи с чем, представляет особый исследовательский интерес для историков. В них описываются упражнения, расписания, особенности и частота тренировок учащихся, ключевые цели «сокольского» движения и т.п. (Никитин, 1912; Францев, 1910; Акинтиевский, 1912). В более поздних трудах, помимо статистических выкладок, конкретной информации и цифр по «сокольскому» движению, параллельно приводится и более подробная описательно-повествовательная часть исследований, где авторы большее внимание уделяют собственным умозаключениям и рассуждениям об идеологии «сокольского» движения, последствиях и влиянии его идей на настроения и мировоззрение подрастающей молодежи. Кроме того, в них, как правило, анализируются общие итоги проделанной в данном направлении воспитательной работы (Пеликанова, 1924; Основы..., 1935).

Исследования, затрагивающие вопросы «потешного» движения, можно условно разделить на те из них, что с точки зрения современной реальности представляют собой исторические материалы (например, публикации в периодической печати начала XX века), а также последующие работы послереволюционного, в т.ч. современного периода.

В первом случае «потешное» движение подвергается строгой критике, например, со стороны либералов (Сибирские..., 1911), либо, напротив, излишне восхваляется (например, черносотенцами). Во втором случае (в более поздних работах) «потешные» отряды рассматриваются в более нейтральном ключе. Труды такого рода носят преимущественно описательный характер, повествуют о конкретных фактах, событиях имевших место на соответствующем историческом этапе (Шамахов, 1966).

Часть научных работ посвящена общей деятельности низших и средних учебных заведений Сибири на рубеже XIX–XX веков. В некоторых из таких трудов, в числе иных аспектов, рассматриваются и вопросы, связанные с организацией и проведением работы данных образовательных учреждений в сфере физического развития и воспитания сибирской учащейся молодежи (Прибыльский, 1998: 3-10; Еремина, 2001: 87-96; Vermeer, Van Der Ven, 2003: 51-71; Molchanova, Cherkasov, Michal, 2013; Oleksiyenko, 2015: 23-45). Однако комплексных трудов монографического уровня, посвященных исследованию спортивного воспитания учащихся данных учебных заведений, нами не обнаружено.

Таким образом, вопросы, связанные со спортивным и патриотическим воспитанием учащейся молодежи на рубеже XIX–XX веков, несмотря на то, что затрагивались в работах многих авторов, тем не менее, до сих пор не изучены в полной мере. Очевидно, что данная тема нуждается в дополнительном исследовании и разработке.

4. Результаты

На рубеже XIX–XX веков социальная жизнь жителей России представляла собой разнообразную и противоречивую картину. С одной стороны, среди взрослого населения страны наблюдалась повышенная активность в проявлении гражданской инициативы. На данном этапе создаются многочисленные организации, объединения, кооперативы и научно-исследовательские

кружки. Однако молодежь встречает на своем пути к самовыражению существенные преграды и барьеры. Лишь студенты высших учебных заведений допускаются к формированию организаций, притом, что делается это в условиях серьезного контроля и ограничений.

Основная же часть сибирской молодежи в данный временной период представлена учащимися средних и низших учебных заведений, которым запрещалось создание или участие в общественных союзах и объединениях, на что имелись четкие официальные распоряжения.

Так, например, 4 марта 1906 г. выходит Именной высочайший указ Николая II «О временных правилах об обществах и союзах». Согласно пункту 7 данного документа: «Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях не допускаются ни к образованию общества, ни к участию в них» (Российское..., 1994: 263).

Таким образом, указанные группы молодого населения были лишены возможности проявлять свою гражданскую инициативу в рамках официальных организаций. Тем не менее, государство не могло оставить без внимания молодое подрастающее поколение. В сложившихся условиях общественная жизнь воспитанников учебных заведений среднего и низшего звена находит выражение в иных, иницируемых «сверху», сферах деятельности, в том числе через участие в спортивно-патриотических движениях.

Так, к началу XX века правительством начали внедряться в среду сибирской учащейся молодежи организации, которые, несмотря на отсутствие широкой общественной поддержки, тем не менее, активно продвигались. Основными задачами создаваемых движений являлась пропаганда и культивирование в молодежной среде поддерживаемых официальной властью патриотических идей и установок, а также практическая подготовка учащейся молодежи к предстоящей службе в армейских рядах.

К числу наиболее известных патриотических движений следует отнести «потешные отряды», исторические корни которых ведут к движению для «военных потех», сформированному еще при Петре I. Стремление Николая II обратиться к историческому прошлому, возродить былые традиции, воспитать подрастающее поколение в духе верности своему Императору и государству, нашло отображение в его попытке реанимировать идеи о «потешных войсках». На практике это проявилось в форме создания при средних и низших учебных заведениях неких военизированных отрядов из числа студентов мужского пола, которые должны были активно заниматься спортивными и военными физическими упражнениями.

Важность создания «потешных отрядов» в деле молодежного воспитания подтверждается тем, что соответствующие идеи и формы их внедрения часто обсуждались представителями высшего уровня местных властей. Например, в 1911 году в Омске генерал-губернатор Степного края созвал совещание, в котором приняли участие представители различных ведомств. В рамках собрания обсуждались вопросы, связанные с организацией и оптимально активным внедрением в молодежную среду «потешного» движения. Полковником Генерального штаба делался официальный торжественный доклад в общественном собрании, посвященный исключительно важной роли «потешных войск» в формировании патриотических взглядов и настроений в среде учащейся молодежи (Шамахов, 1966: 71-73).

Организация «потешного» движения в Сибири также активно поддерживалась проправительственными силами. Например, в Омске на развитие «потешных» отрядов было выделено 500 рублей губернатором края. При этом военнослужащие округа добровольно обязались отдавать по 1 % из своего месячного жалования на развитие указанного движения (БУ Иса. Ф. 54. Оп. 1. Д. 15. Л. 8-9). Томским купцом Дмитрием Григорьевичем Малышевым, одним из лидеров черносотенцев (Краткая..., 1996: 326-327), на воплощение «потешной» идеи была выделена 1000 рублей (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2561. Л. 76).

Однако, несмотря на то, что «потешные отряды» активно поддерживались властью и проправительственными силами, местным населением они воспринимались весьма неоднозначно. На страницах печатной прессы общественные деятели, придерживающиеся либеральных взглядов, неоднократно подвергали критике саму идею «потешных войск». Они обвиняли представителей власти в их стремлении искусственно навязать молодому поколению любовь к военному делу и «ложным политическим идеалам» (Шелохаев, 1994: 46-52; Харусь, 1996: 163-168).

Идеи формирования «потешных войск» подвергались глубокой критике и в журнале «Сибирские вопросы», издававшемся в Петербурге. Так, например, в 1911 году в нем была размещена подробная и развернутая статья под названием: «Потешные в Сибири» (Сибирские..., 1911: 9-25).

В опубликованном материале указывалось на то, что внедрение данного движения наносит глубокий вред преподаванию обучающих программ, сами же дети испытывают страдания от «муштры», т.е. суровой дисциплины и многократного повторения шаблонных приемов. На непосредственные же учебные и домашние задания у юношей не хватает сил, тем самым основная учебная деятельность выводится на второстепенный план, что, по мнению авторов статьи, является недопустимым и аморальным.

В рассматриваемой статье также подчеркивалось, что обществу нужны образованные граждане, имеющие свое мнение, а не «потешные» люди с травмированной психикой и «изувеченной душой».

Кроме того, в статье содержался активный призыв к родителям учащейся молодежи не допускать подобного рода издевательств над своими детьми ([Сибирские..., 1911: 23–24](#)).

Распространенные мнения, отраженные в материалах либеральной прессы, в целом свидетельствуют о том, что официально провозглашаемая идея военно-патриотического воспитания учащейся молодежи, реализуемая посредством создания в России «потешных» отрядов, не получила на территории Сибири должного распространения и ожидаемой правительством поддержки в широких общественных кругах.

В самой же среде сибирской учащейся молодежи также наблюдается неоднозначное отношение к «потешному» движению. Высокая физическая нагрузка и обязательный характер соответствующих мероприятий нередко вызывали внутреннее сопротивление, неприятие и отторжение пропагандируемых данной организацией идей у учащихся. Однако не все мероприятия, направленные на воспитание молодежи в патриотическом духе, сталкивались с неприятием в общественных округах. Так, например, большим одобрением в неформальной среде сибирских учащихся низших и средних профессиональных образовательных учреждений пользовались некоторые спортивные направления, среди которых можно выделить набирающее особую популярность к началу XX века так называемое «сокольское движение», функционирующее в рамках Общества русских соколов ([Пеликанова, 1924: 3](#)). Указанная организация строилась на базе совмещения идей панславизма и спорта. Основателем движения выступил Мирослав Тырш: доктор философии, литературный критик, чешский спортивный и общественный деятель ([Францев, 1910: 4–7](#); [Никитин, 1912: 5](#)).

Поясним, что к концу XIX века им были сформулированы ключевые идеи сокольского движения, позиционируемого в качестве всемирного союза славянской молодежи. Основной целью деятельности союза являлась поддержка и развитие среди молодых людей устойчивой идеи о необходимости регулярного совершенствования своего духа и тела во благо своего народа, а, следовательно, и всего славянства и человечества ([Акинтьевский, 1912: 14 – 19](#)). Результатом внедрения концепции стало создание и функционирование международного Союза славянского сокольства, в который с 1912 года официально вошел и Союз русского сокольства ([Основы..., 1935: 7 – 8](#)).

На организацию процессов, связанных с физическим воспитанием учащихся, оказывали воздействие, помимо прочего, природные и климатические условия сибирского региона. Так, например, общегимназические прогулки на территории ближайших районов и окрестностей, включенные в план регулярных мероприятий по физическому развитию учащейся молодежи в Тобольской гимназии на 1905 год, зачастую отменялись вследствие непостоянной, холодной или дождливой погоды осенью, весной, либо зимой. В случаях, когда прогулки удавалось провести, чаще всего молодые люди выходили в лес, при этом им предоставлялась относительная свобода действий. На таких прогулках учащиеся были задействованы в разнообразных играх и спортивных состязаниях ([ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2029. Л. 68](#)).

Меры в сфере физического воспитания молодежи также предпринимались в частной томской гимназии Ольги Васильевны Миркович. Ежедневно в свободное от уроков время и большую перемену устраивались спортивные игры и упражнения под присмотром преподавательниц ([Гач, 2009: 96–98](#); [Верхотурова, 2002: 52–56](#)). В 1905 году были введены мясные горячие завтраки для учениц по реальной себестоимости данных блюд: от 2 до 2 рублей 50 копеек в месяц на одну гимназистку ([ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2012. Л. 223](#)).

В 1909 году в Барнаульском реальном училище более половины учащихся данного заведения (181 человек или 59,5 %) обучались гимнастике ([ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2523. Л. 222](#)). При этом родительским комитетом, созданном при училище, ежегодно строился ледяной каток ([Барнаул..., 1995: 138–142](#)). Поскольку пользоваться данным катком начали учащиеся других учебных заведений, к участию в расходах на обустройство данного сооружения были привлечены также родительские комитеты частной и правительственной женских гимназий ([ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2523. Л. 225](#)).

Тем не менее, стремление образовательных учреждений организовать занятия по гимнастике не всегда находили поддержку у местных властей ([Литягина, 2000: 157–159](#); [Толочко, 2003: 78–86](#)). Так, например, в 1910 году членами педагогического совета Тюменского реального училища обсуждался вопрос о ходатайстве, возбужденном ранее директором данного учебного заведения перед городской думой, где содержалась просьба временно предоставить часть находящейся по соседству с училищем площади для ее обустройства под гимнастические занятия. Однако данное ходатайство было решительно отклонено местной властью ([Прибыльский, 1998: 3–10](#); [Еремина, 2001: 87–96](#)).

При этом известны многочисленные случаи, когда за помощью в обустройстве и развитии спортивной жизни учащихся образовательных учреждений Сибири, родительские советы и представители администрации этих учреждений обращались не к местной власти, а к городским меценатам. Нередко мероприятиям в сфере развития физической культуры молодежи во многом способствовали капиталы известных купцов ([Толочко, Сквордина, 2002: 24–25](#)).

Так, например, Игнатий Иванович Колосов, томский купец первой (1898) и второй (1899) гильдии, являясь почетным попечителем Томского реального училища, пожертвовал сумму в размере 3000 рублей на физическое развитие и воспитание учащихся. Следует заметить, что до 1910 года

данное направление работы с молодежью в Томском реальном училище почти не проводилось (*Памятная..., 1909: 70; Краткая ..., 1995: 323–324*).

На выделенные деньги во дворе отмеченного учебного заведения начали сооружать большой гимнастический манеж. В построенном манеже даже в сильные морозы температура воздуха не опускалась ниже 14 градусов. Гимнастический зал был оборудован различными приборами и приспособлениями. Только для упражнений в военном деле имелось около двухсот деревянных ружей. Уже с 16 сентября 1910 года в данном манеже начали проводиться регулярные занятия по «военному строю» и гимнастике (*ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2706. Л. 288–289*).

Гимнастические занятия включали в себя такие элементы как: бег, прыжки, вольные упражнения по сокольской системе, а также упражнения с булавами, деревянными ружьями, палками и др. Программа занятий по военному строю включала изучение ружейных приемов и порядковых движений. Также большое внимание уделялось стрельбе из лука, лыжной ходьбе и фехтованию. Иногда устраивались соревновательные праздники. Как правило, в среднем проводилось около восьми уроков физической культуры в неделю (*Шамахов, 1954: 27–32; Томск ..., 2004: 386–389*). Помимо прочих спортивных увлечений, особую популярность среди сибирской молодежи стал набирать также футбол. Получив широкое распространение на территории Европейской России, данная спортивная игра быстро обрела интерес и среди учащихся Сибири.

К 1913 году в Томске уже насчитывалось пятнадцать сформировавшихся и устойчиво функционирующих футбольных команд. Одной из наиболее сильной считалась футбольная команда «Спорт-1», созданная при томской мужской гимназии. Участники команды имели специальную форму, регулярно ездили на соревнования по футболу в Семипалатинск и Омск. Также в Томске была предпринята попытка сформировать женскую команду по футболу из числа гимназисток (*Дмитриенко, 2001: 79–83*).

В 1913 году состоялось несколько матчей по футболу и в городе Барнауле. Игры проходили между членами спортивного кружка «Надежда» и учащимися мужской барнаульской гимназии (*Барнаул..., 199: 143–146*). В Омске к этому времени уже успешно функционировали несколько молодежных футбольных команд, среди которых особенно выделялась команда «Меркурий» (сформированная из числа лиц, обучающихся в городском коммерческом училище), а также «Олимпик» (футбольная команда из гимназистов).

В этот же период на территории исследуемого края образуются многочисленные спортивные клубы. Например, в 1913 году утверждается устав Томского спортивного клуба, в который могли входить лица совершеннолетнего возраста любого сословия. В нем регулярно проводились соревнования и занятия по таким видам спорта как легкая атлетика, лыжи и футбол. (*Дмитриенко, 2001: 86–91; Дмитриенко, 2002: 163–171*).

Помимо мер, направленных на физическое развитие и армейскую подготовку молодых людей, одним из способов формирования патриотических настроений в учебных заведениях России являлось активное вовлечение учащейся молодежи в празднование различных исторических дат, юбилеев со дня рождения выдающихся русских писателей, мероприятий, организованных в честь Императора, его семьи, либо целой династии. Например, один из широко отмечаемых праздников проводился 6 мая и был посвящен дню рождения Николая II. Каждый год в эту дату после проведения соответствующего молебного чина и литургии, учащиеся сибирских учебных заведений участвовали в парадах и торжественных шествиях (*БУ ИСА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 62. Л. 15–16; Д. 49. Л. 130–131*).

Сценарии торжественных мероприятий по поводу тех или иных событий подвергались тщательному планированию, регулированию и контролю со стороны официальной власти, что иногда сопровождалось неким недовольством в неформальной молодежной среде, сетующей на правила и обязательный характер подобного рода мероприятий.

Однако некоторые из таковых, напротив, активно поддерживались учащейся молодежью, сопровождалась их тщательной подготовкой, ожиданием и неформальным одобрением (*Попов, 2006: 9–11*). Например, учащиеся сибирских образовательных заведений с удовольствием приняли участие в торжественных мероприятиях по случаю празднования столетия Отечественной войны 1912 года, столетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, двухсотлетнего юбилея Полтавской битвы и др. (*БУ ИСА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–6; Ф. 43. Оп. 1. Д. 114. Л. 13–16*).

По учебным заведениям в этот период с подачи уполномоченных министерств осуществлялась активная рассылка брошюр агитационно-патриотического характера, где публиковались рассказы о событиях войны, российских героях, славных страницах истории России.

5. Заключение

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков правительство предпринимает активные попытки по вовлечению учащейся молодежи в различные патриотические движения, спортивные клубы и отряды, привлечению ее к участию в торжественных мероприятиях, маршах, шествиях в честь празднования памятных дат, чтению литературы историко-патриотического характера.

Реализуемые меры, по замыслу их организаторов, должны были оказать глубокое и положительное воздействие на подрастающее поколение, способствовать развитию и укреплению в нем преданности и любви к своей Родине, верности Императору и его семье, поддержке идей

самодержавия и монархического типа государственного устройства. Однако дальнейшие события истории, революция 1917 года, показали неэффективность описанных выше мер.

Литература

- Акинтьевский, 1912** – Акинтьевский Ю.К. Сокольство, его идея, развитие и организация. Прага, 1912. 32 с.
- Барнаул..., 1995** – Барнаул. Летопись города. Ч. 1. Барнаул, 1995. 224 с.
- БУ Иса** – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».
- Верхотурова, 2002** – Верхотурова В.В. Развитие женского образования в Сибири во второй половине XIX начале XX вв. // Историко-культурное развитие Западной Сибири в XVII–XX вв. Томск, 2002. С. 52-56.
- ГАТомО** – Государственный архив Томской области.
- Гач, 2009** – Гач О.Б. Развитие среднего образования в негосударственных учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа в начале XX века. // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане. Омск, 2009. С. 94-98.
- Дмитриенко, 2002** – Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII - XX столетиях. Томск, 2002. 346 с.
- Дмитриенко, 2001** – Дмитриенко Н.М. Молодежь Томска в общественном движении (вторая половина XIX в. - 1917 г.). // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 92-96.
- Еремина, 2001** – Еремина Л.А. Деятельность органов городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. по развитию народного образования. // *Вопросы истории Сибири XX века*. Вып. 5. Новосибирск, 2001. С. 87-96.
- Краткая ..., 1995** – Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2, кн. 2. 544 с.
- Краткая..., 1996** – Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1996. Т. 3, кн. 1. 586 с.
- Литягина, 2000** – Литягина А.В. Работа городских дум Западной Сибири в сфере народного образования в конце XIX – начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: II научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 157-159.
- Никитин, 1912** – Никитин Л.П. Сокольство и физическое воспитание. Прага, 1912. 46.
- Основы..., 1935** – Основы русского Сокольства. Обязательные лекции по истории, идеологии, организации. Белград, 1935.
- Памятная..., 1909** – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. 408 с.
- Пеликанова, 1924** – Пеликанова А. Идеология Сокольства. Прага, 1924. 58 с.
- Попов, 2006** – Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 512 с.
- Прибыльский, 1998** – Прибыльский Ю.П. К оценке историко-педагогического наследия. // Народное образование Тюменского края: историография, источниковедение: Тезисы докладов научной конференции. Тюмень, 1993. С. 3-10.
- Российское..., 1994** – Российское законодательство X–XX веков. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций: Учебное пособие. / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994. 352 с.
- Сибирские..., 1911** – Сибирские вопросы. С.-Петербург. 1911. № 11. С. 9-25.
- Толочко, 2003** – Толочко А.П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 196 с.
- Толочко, Сковордина, 2002** – Толочко А.П., Сковордина И.С. Развитие материальной базы низших и средних специальных учебных заведений в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Сибирь: XX век*. Выпуск № 4. Кемерово, 2002. С. 19-26.
- Томск, 2004** – Томск. История города от основания до наших дней. / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. 2-е изд., испр. и дополненное. Томск, 2004. 466 с.
- Харусь, 1996** – Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996. 228 с.
- Францев, 1910** – Францев В. Чешское Сокольство, его развитие и культурное значение. Варшава, 1910. 28 с.
- Шамахов, 1966** – Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). Томск, 1966. 198 с.
- Шамахов, 1954** – Шамахов Ф.Ф. Школы дореволюционного Томска. // *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. Том XII. Томск, 1954. С. 6-109.
- Шелохаев, 1994** – Шелохаев В.В. Либералы и массы (1907–1914 гг.). // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 46-63.
- Molchanova et al., 2013** – Molchanova V., Cherkasov A., Michal S. (2013). Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II. // *Bylye Gody*. 2013. №30 (4). pp. 88-93.

Oleksienko, 2015 – Oleksienko. Internationalization Legacies and Collaboration Challenges: Post-Imperial Hybrids and Political Fallout in Russian Higher Education // *Frontiers of Education in China*, 2015. Volume 10, Issue 1, pp. 23-45.

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. // *Journal of Empirical Theology*, 2003. Volume 16, Issue 1, pp. 51-71.

References

Akintievskij, 1912 – *Akintievskij Y.K.* (1912). Sokol'stvo, ego ideya, razvitie i organizaciya. [Skolstvo, his idea development and organization]. Praga, 32 p. [in Russian]

Barnaul..., 1995 – *Barnaul* (1995). Letopis' goroda. [Barnaul. City chronicle]. Ch. 1. Barnaul. 224 p. [in Russian]

BU Isa – Byudzhetnoe uchrezhdenie Omskoj oblasti «Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti». [in Russian]

Verhoturova, 2002 – *Verhoturova V.V.* (2002). Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The development of female education in Siberia in the second half of XIX – early XX centuries]. *Istoriko-kul'turnoe razvitie Zapadnoj Sibiri v XVII–XX vv.* Tomsk. pp. 52-56. [in Russian]

GATomO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti.

Gach, 2009 – *Gach O.B.* (2009). Razvitie srednego obrazovaniya v negosudarstvennyh uchebnyh zavedeniyah Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga v nachale XX veka [The development of secondary education in private educational institutions of the West Siberian educational district at the beginning of the XX century]. *Istoriya obrazovaniya i prosveshcheniya v Sibiri i Kazahstane.* Omsk. pp. 94-98. [in Russian]

Dmitrienko, 2002 – *Dmitrienko N.M.* (2002). Den' za dnev, god za godom: hronika zhizni Tomsk v XVII–XX stoletiyah. [Day by day, year by year: a chronicle of life of Tomsk in the XVII–XX centuries]. Tomsk. 346 p. [in Russian]

Dmitrienko, 2001 – *Dmitrienko N.M.* (2001). Molodezh' Tomsk v obshchestvennom dvizhenii (vtoraya polovina XIX v. - 1917 g.) [The youth of Tomsk in the social movement (second half of XIX century - 1917)]. *Problemy istorii i istoricheskogo poznaniya.* Tomsk. pp. 92-96. [in Russian]

Eremina, 2001 – *Eremina L.A.* (2001). Deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX v. po razvitiyu narodnogo obrazovaniya [The activities of the municipal self-government bodies of Western Siberia in the late XIX – early XX century. the development of public education]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka.* Vyp. 5. Novosibirsk. pp. 87-96. [in Russian]

Kratkaya ..., 1995 – *Kratkaya ehnciklopediya po istorii kupechestva i kommercii Sibiri.* [A brief encyclopedia on the history of merchants and Commerce of Siberia]. Novosibirsk, 1995. T. 2, kn. 2. 544 p. [in Russian]

Kratkaya..., 1996 – *Kratkaya ehnciklopediya po istorii kupechestva i kommercii Sibiri.* [A brief encyclopedia on the history of merchants and Commerce of Siberia]. Novosibirsk, 1996. T. 3, kn. 1. 586 p. [in Russian]

Lityagina, 2000 – *Lityagina A.B.* (2000). Rabota gorodskih dum Zapadnoj Sibiri v sfere narodnogo obrazovaniya v konce XIX – nachale XX v. [The work of the city councils of West Siberia in the field of public education in the late XIX – early XX century]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: II nauchnye chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina.* Barnaul. pp. 157-159. [in Russian]

Nikitin, 1912 – *Nikitin L.P.* (1912). Sokol'stvo i fizicheskoe vospitanie. [Skolstvo and physical education]. Praga. 46 p. [in Russian]

Osnovy..., 1935 – *Osnovy russkogo Sokol'stva* (1935). Obyazatel'nye lekcii po istorii, ideologii, organizacii. [The foundations of the Russian Skolstva. Mandatory lectures on the history, ideology, and organization]. Belgrad. [in Russian]

Pamyatnaya..., 1909 – *Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god.* [The memorable book of the West Siberian educational district in 1909]. Tomsk, 1909. 408 p. [in Russian]

Pelikanova, 1924 – *Pelikanova A.* (1924). Ideologiya Sokol'stva. [The Ideology Of Skolstva]. Praga. 58 p.

Popov, 2006 – *Popov D.I.* (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v konce XIX - nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX - early XX centuries]. Omsk: Izd-vo OmGU. 512 p. [in Russian]

Pribyl'skij, 1998 – *Pribyl'skij Y.P.* (1993). K ocenke istoriko-pedagogicheskogo naslediya [To the assessment of historical and pedagogical heritage]. *Narodnoe obrazovanie Tyumenskogo kraja: istoriografiya, istochnikovedenie: Tezisy dokladov nauchnoj konferencii.* Tyumen'. pp. 3-10. [in Russian]

Rossijskoe..., 1994 – *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov.* Tom 9. Zakonodatel'stvo ehpoi burzhuzno-demokraticeskikh revolyucij: Uchebnoe posobie. [Russian legislation X–XX centuries. Vol. 9. The legislation of the epoch of bourgeois-democratic revolutions]. / Pod red. O.I. CHistyakova. M.: YUridicheskaya literatura, 1994. 352 p. [in Russian]

Sibirskie..., 1911 – *Sibirskie voprosy.* S.-Peterburg. [Siberian questions]. 1911. № 11. pp. 9-25. [in Russian]

Tolochko, 2003 – *Tolochko A.P.* (2003). Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoj Sibiri v dorevolucionnyj period: stanovlenie i razvitie. [Municipal government of Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Omsk. 196 p. [in Russian]

Tolochko, Skovordina, 2002 – *Tolochko A.P., Skovordina I.S.* (2002). Razvitie material'noj bazy nizshih i srednih special'nyh uchebnyh zavedenij v Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX vv.

[The development of the material base of lower and middle special educational institutions in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Sibir': XX vek*. Vypusk № 4. Kemerovo. pp. 19-26. [in Russian]

Tomsk, 2004 – Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashih dnei / Otv. red. N.M. Dmitrienko. 2-e izd., ispr. i dopolnennoe. [Tomsk. The history of the city from its Foundation to our days]. Tomsk, 2004. 466 p. [in Russian]

Harus', 1996 – *Harus' O.A.* (1996). Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: ideologiya i politika. [Liberalism in Siberia in the early XX century: ideology and policy]. Tomsk. 228 p. [in Russian]

Francev, 1910 – *Francev V.* (1910). Cheshskoe Sokol'stvo, ego razvitie i kul'turnoe znachenie. [Czech Skolstvo, its development and cultural significance]. Varshava. 1910. 28 p. [in Russian]

Shamahov, 1966 – *Shamahov F.F.* (1966). SHkola Zapadnoj Sibiri mezhdru dvumya burzhuazno-demokraticheskimi revolyuciyami (1907–1917 gg.). [School of Western Siberia between two bourgeois-democratic revolutions (1907–1917)]. Tomsk. 198 p. [in Russian].

Shamahov, 1954 – *Shamahov F.F.* (1954). SHkoly dorevolucionnogo Tomsk. [School of pre-revolutionary Tomsk]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Tom XII. Tomsk. pp. 6-109. [in Russian].

Shelohaev, 1994 – *Shelohaev V.V.* (1994). Liberaly i massy (1907-1914 gg.) [Liberals and mass (1907-1914)]. *Voprosy istorii*. № 2. pp. 46-63. [in Russian].

Molchanova et al., 2013 – *Molchanova V., Cherkasov A., Michal Š.* (2013). Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. 2013. №30 (4). pp. 88-93.

Oleksienko, 2015 – *Oleksienko A.* (2015). Internationalization Legacies and Collaboration Challenges: Post-Imperial Hybrids and Political Fallouts in Russian Higher Education. *Frontiers of Education in China*. Volume 10, Issue 1. pp. 23-45.

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*. Volume 16, Issue 1, pp. 51-71.

УДК 940.5

Спортивное и патриотическое воспитание учащихся средних и низших учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX веков

Светлана Владимировна Толмачева ^{a, *}, Оксана Вячеславовна Устинова ^a,
Юлия Валерьевна Зубарева ^b

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу реализуемой политики в сфере спортивного и военно-патриотического воспитания учащейся молодежи России в конце XIX – начале XX веков. Особое внимание уделено исследованию мероприятий и особенностей их проведения на территории Сибири, в т.ч. в образовательных учреждениях данного края. Показано как в условиях запретов, налагаемых властью на возможность создания и участия учащейся молодежи в официальных союзах, организациях и объединениях, представителям данной общности предлагаются другие варианты участия в общественной жизни региона.

Учащиеся вовлекаются в патриотические отряды, спортивные клубы. Их привлекают к участию в торжественных мероприятиях, маршах и шествиях в честь славных памятных исторических дат и юбилеев русских писателей. Однако, учитывая, что почти все инициативы подобного рода исходят «сверху», данные мероприятия не всегда находят одобрение в молодежной среде. Более того, часть взрослого населения, в т.ч. придерживающегося либеральных взглядов, подвергает критике ряд внедряемых в этот период проектов. Особой критике со стороны либералов подверглось так называемое «потешное» движение, призванное изначально дать учащимся некоторые навыки и азы армейской подготовки. С другой стороны, прогулки на свежем воздухе, оздоровительная гимнастика, занятия физической культурой и лыжной ходьбой находят поддержку и одобрение практически у всего населения края. При этом некоторые известные купцы оказывают целевую материальную поддержку образовательным учреждениям Сибири, направленную на развитие спортивного и патриотического воспитания учащейся молодежи.

Ключевые слова: Сибирь, учащиеся, средние и низшие учебные заведения, праздники, «потешное» движение, «потешные» отряды, «сокольское» движение, Общество русских соколов, гимнастика, либералы, попечители, патриотизм, воспитание, спорт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svtolm@gmail.com (С.В. Толмачева), sema_79@bk.ru (О.В. Устинова), j_zubareva@mail.ru (Ю.В. Зубарева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 568-575, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.568
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 314. 11(09) (574+430)

The Migration of Germans to Kazakhstan in the end of XIX –beginning XX century

T.A. Apendiyev ^a, S.S. Zhandybaeva ^b, T.A. Tulebaev ^{b, *}, K.E. Abykenova ^c

^aNational Academy of Sciences RK, Republic of Kazakhstan

^bKazakh National University named after Al-Farabi, Republic of Kazakhstan

^cAkhmet Yasavi International Kazakh Turkish University, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article the historical retrospective of resettlement of ethnic Germans to Kazakhstan from the end of the XIX century till 1917 is considered. On the basis of materials of the central state archives of the Russian Federation and Kazakhstan, and also pre-revolutionary periodicals and the published statistical data, researchers have come to a conclusion that the area and vector of resettlement of Germans during the specified period was various and covered all regions of Kazakhstan. With the greatest intensity a migration of Germans is characterized from the beginning of World War I, their moving to Kazakhstan became one of the reasons of creation of new villages and settlements.

The article gives the results of the scientific analysis of the resettlement reasons of the Germans to Kazakhstan, territories of their resettlement, their quantitative indices, population dynamics, features of regional attraction, evolution of demographic development, social and living conditions, emergence of new and preservation of old directions of economic activity, research of the place of religion, culture, customs and traditions in everyday life of these people at the end of the XIX - the beginning of the XX centuries.

The local population faithfully accepted immigrants, giving them at the same time feasible help in arrangement. Firmly having settled on the Kazakh lands and closely communicating with the local Kazakh population, the Germans created the economy and life, at that strictly adhering to the religious and cultural traditions. As a result of these migration processes in the following years during the XX century, the Germans became one of the numerous ethnoses in Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan, Russia, migration, the Germans, ethnos, Kazakh population, resettlement, demography, displacement, German culture.

1. Введение

В современной казахской историографии довольно подробно рассмотрены вопросы этнического состава, численности и размещения населения Казахстана. Разнообразным аспектам этой тематики посвящены труды таких ведущих ученых-демографов как А.Я. Боярский, Д.И. Валентей, Я.Н. Гузеватый, Э.А. Араб-Оглы, Ф.Н. Базанова. Анализ социально-демографических и этнических процессов дан в работах ученых Л.А. Байдельдинова, Н.А. Аитова, М.С. Аженова. В монографии М.Х. Асылбекова и А.Б. Галиева («Социально-демографические процессы в Казахстане») проведено исследование этнодемографического развития населения Казахстана. Вопросы положения этнических меньшинств Казахстана, в том числе и немцев, детально рассматривал Н.Э. Масанов.

Наряду с этим, казахскими учеными активно исследовалась история переселения крестьян из России в Казахстан в дореволюционный период, а также обозначался ареал расселения различных

* Corresponding author

E-mail addresses: timur.apendiev@mail.ru (T.A. Apendiyev), 1209saule@gmail.com (S.S. Zhandybaeva), tatulebaev@gmail.com (T.A. Tulebaev), agulzhazira@mail.ru (K.E. Abykenova)

этносов, которые проживают сейчас в Казахстане, изучалось их социального положения, обычаи, традиции, культура.

В то же время, вопрос переселения немцев в Казахстан в конце XIX – начале XX века все еще мало изучен историками, что делает актуальной данную тему не только для исторической науки Казахстана и Германии, но и других стран. Особый интерес историков и политологов вызывают проблемы миграции, адаптации и проживания этнических немцев в Казахстане на фоне мировых миграционных процессов, происходящих сегодня в странах Европы.

2. Материалы и методы

Первичная информация, а также источники по данной проблеме собирались в центральных государственных архивах Российской Федерации и Казахстана. Важными источниками явились опубликованные статистические данные и материалы периодической печати дореволюционного периода. Вместе с тем, были использованы данные исследований, находящиеся в открытом доступе, а именно на мировых научных сайтах и в журнальных публикациях.

В работе использован бинарный метод, который сравнивает социальное положение, бытовые условия, места переселения немцев с другими мигрировавшими народами. Также с помощью статистического анализа были определены точные данные по количеству немцев, переселившихся и проживающих в современном Казахстане.

3. Обсуждение

Переселение немцев на территорию Казахстана берет свое начало с 1880-х годов ([Немцы в Казахстане, 2006: 452](#)). Немцы, которые первыми переехали в Казахстан, расселялись в Акмолинской, Семипалатинской, Сырдарьинской областях ([Тилло, 1866: 213-254](#)). Переселившись на эти территории, они сохранили свои методы ведения хозяйства, обычаи, традиции, язык, религию и культуру, став впоследствии одним из наиболее многочисленных этносов страны как в советский период, так и в период приобретения Казахстаном независимости.

В современной российской и казахской историографии существуют только отдельные работы, посвященные истории переселения немцев в Казахстан, что делает данную тему актуальной не только для исторической науки Казахстана, но и для исследователей других стран ([Krieger, 1993: 32; Shaidurov, 2015](#)). В то же время, отечественные историки в своих исследованиях не обошли вниманием вопросы миграции и жизни немецкого этноса в Казахстане. Тем не менее, существует необходимость осветить некоторые важные аспекты этой тематики. Во-первых, необходимо исследовать более детально историю территориального расселения немцев, количественные показатели, динамику численности, а также особенности регионального притяжения. Во-вторых, недостаточно внимания уделено рамкам и объемам демографического развития немецкого этноса в последние 100 лет ([Немцы в Карагандинской, 2011: 5-17](#)). Некоторым образом эта проблематика отражена в исследованиях Т. Апендиева.

Задачи, поставленные в статье, направлены на восполнение пробелов в исследованиях такого рода, так как главной целью данной научной публикации является изучение исторической ретроспективы и вектора переселения немцев на территорию Казахстана, их социального состояния, быта и других условий проживания.

4. Результаты

4.1. Первые поселения немцев в Казахстане (до 1917 года)

Территория нынешнего Казахстана до 1917 года состояла из двух административных структур – генерал-губернаторств: Степного и Туркестанского. В состав Туркестанского генерал-губернаторства входили южные территории Казахстана – Сырдарьинская и Семиреченская области ([РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 125. Л. 5](#)). В состав Степного генерал-губернаторства входили Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области ([Положение об управлении, 1898: 18](#)). Таким образом, территория Степного генерал-губернаторства охватывала северную и восточную часть степных регионов Казахстана.

История переселения немцев в Казахстан и их расселение в выше названных областях, берет свое начало с 1880–1890-х годов ([Якименко, 1981: 62](#)). Тогда часть немецкого этноса, проживавшая на берегах Волги, была переселена в Центральную Азию, в большей степени в Казахстан. Кроме того, в 1891–1892 годах, немцы массово мигрировали в Центральную Азию и Казахстан из Поволжья, по причине неурожая и повсеместного голода. Население этих районов и, в частности, немцы, начали самостоятельно массово мигрировать, оставляя свои дома и земли. Большая часть немцев переселилась в Казахстан и другие регионы Центральной Азии, являющиеся периферийными субъектами Российской империи ([Материалы по переселенческому, 1907: 25](#)).

По приказу царского правительства, первые переселенцы расселялись в северных районах страны, граничащих с метрополией, что позволяло легче контролировать процесс переселения. ([Федоров, 1939: 63](#)). Эти территории входили в состав Степного генерал-губернаторства, который в некоторых письменных источниках называется Степной край. Основная часть немцев располагалась

именно здесь, поэтому можно с уверенностью утверждать, что история переселения немцев в Казахстан берет свое начало с этой территории.

Таким образом, в 1880-х годах немцы переселились из европейской части России и расположились не только в Сибири, но и в степной части Казахстана ([Положение об управлении, 1898: 19](#)). Первых немцев, мигрировавших в Степной край, можно разделить на две группы: бедные крестьяне и более зажиточные крестьяне. Первую группу к миграции побудил поиск лучшей жизни, вторая же группа мигрировала в надежде приобрести землю подешевле и создать собственный капитал. Как в первом, так и во втором случаях, представители обеих групп стремились улучшить свое материальное положение и достичь определенного статуса. Как отмечает в своих трудах Т.В. Кошман: «Искали лучшую жизнь, чем была у них прежде» ([Кошман, 1998: 32-33](#)).

Немцы-переселенцы расположились в Казахстане во всех шести областях Степного края, однако большая часть немецкого этноса обосновалась в Акмолинской и Сырдарьинской областях. В 1897 году была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи, которая показала реальное количество немцев в Казахстане. По данным переписи на тот момент в Казахстане проживало 7049 немцев, что составило 0,1 % от общего количества населения республики. 67,9 % немцев жили в Акмолинской ([Первая Всеобщая, 1904а: 135](#)), а 26,8 % Сырдарьинской областях ([Первая Всеобщая, 1905а: 208](#)).

Со временем, миграция немцев в Акмолинскую область интенсивно росла и, в 1914 году, количество немцев в данном регионе составило уже около 30 тыс. человек. В преддверии Первой мировой войны общая миграция немцев в Казахстан составила 63 тыс. человек ([РГИА. Ф. 828. Оп. 10. Д. 326. Л. 13](#)).

Необходимо отметить, что переселение немцев в Казахстан имело и определенные трудности. В частности, в 1895 году, когда началась миграция немцев в степные части страны, министр внутренних дел Российской империи отправил Указ генерал-губернатору Степного края. Этот Указ запрещал немцам переселяться на границу Акмолинской области ([Колонизация КССР, 1923: 225](#)). Весной того же года, генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе просил доложить министру внутренних дел о судьбе немцев, расположившихся в Степном крае. На этот запрос министр ответил сообщением, в котором говорилось, что переселившиеся в 1895 году из Степного края немцы проживают наравне с другими представителями народов. Так, в конце XIX – в начале XX века в Степном крае появилось еще несколько новых немецких поселков ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 29. 1895 г. Л. 6](#)).

Однако спустя некоторое время после массового переселения немцев, со стороны местной администрации было проявлено недовольство этим процессом. Генерал-губернатор Н.Н. Сухотин первым высказал свое мнение против немецкого переселения. Он сделал акцент на русских крестьянах, которые также хотели бы мигрировать в Степной край и, по его мнению, их социальное положение больше нуждается в улучшении ([РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 29. Л. 357-357 об.](#)). В 1905 году Н.Н. Сухотин обратился к губернатору Акмолинской области с предложением в дальнейшем запретить немцам переселяться в данный регион. Но 10 марта 1906 года новый генерал-губернатор И.П. Надаров вместе с другими высокопоставленными чиновниками высказался о равенстве немцев с представителями других народов, так как сам он не был против переселения немцев в Степной край ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 6. Д. 316. Л. 356-356 об.](#)).

Несмотря на такого рода трудности, миграция немцев из степных и европейских частей России в Казахстан все же продолжилась, в результате чего динамика численности немцев продолжила неуклонно расти ([Вибе, 1998: 21-23](#)). Таким образом, в конце XIX века на территории Казахстана появились первые немецкие поселения. Динамика процесса превращения немцев в систематически увеличивающийся и превращающийся в один из многочисленных этносов Казахстана, хорошо прослеживается в подсчетах Первой переписи населения Российской империи ([ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 41. Л. 147](#)). В материалах переписи было зарегистрировано 7049 немцев, переселившихся в Казахстан, из них: в Акмолинской области – 4791, Семипалатинской области – 100, Тургайской области – 70, Уральской области – 161, Семиреченской области – 40, Сырдарьинской области – 1887 человек ([Алексеев, 1999: 6](#)), что составило 0,16 % от общего числа всех жителей края. Основная часть немцев проживала в плоских географических ареалах. Большая часть зафиксирована в Акмолинской области – около 60 % всех немцев страны, что составило 0,18 % от общего числа жителей области ([Первая Всеобщая, 1905b: 53](#)). В южных же регионах, количество немцев было сравнительно небольшим. Следовательно, основными землями для переселившихся немцев стали Акмолинская и Тургайская области, Омский, Кокшетауский и Кустанайский уезды. В Кустанайском уезде большую часть населения представляли немцы, которые создали несколько новых населенных пунктов, например, в 1901 году село Озерное, в 1902 году – Надеждинское, а в 1904 году – Воскресенское. Жители данных поселений в основном приезжали из Бессарабской губернии, а жители Нелюбинской деревни были из Херсонской губернии ([Первая Всеобщая, 1904b: 132-133](#)).

В 1905 году в селе Нелюбинское Кустанайского уезда Тургайской области было зарегистрировано 63 немецких семей (377 человек). С собой у них было 37 тыс. рублей, 179 лошадей, 17 коров и у 10 жителей – по 800 рублей – по 800 рублей на каждого. В первый же год было начато строительство 47 жилых домов и 76 хозяйств ([Вибе, 1998: 19](#)).

В Акмолинской области, по материалам переписи населения 1910 года, зафиксировано 46 немецких поселений, где проживало 19822 человека, составляющих 3430 семей. Им было выделено 232190 десятин земли для проживания. Если проанализировать состав поселений по каждому уезду, то получается следующая картина: в Омском уезде – 16 поселений (6296 чел.), в Кокшетауском уезде – 13 поселений (4437 чел.), в Акмолинском уезде – 16 поселений (8957 чел.), в Атбасарском уезде одно поселение (132 чел.) (*Обзор Акмолинской, 1915: 7*).

В начале XX века и в Семипалатинской области немцы составляли немалое количество жителей (*Gerhard Fast, 1957: 14*). Немецкие крестьяне расположились на четырех больших участках и разделились на 12 поселений: в Таскудукском участке – Гнаденталь (Борисовка), Штейнфельд (Федотовка) и Гальбшадтские селения, в Талдыкудукском участке – Константиновка, Ровнополье, в Турсынбайском участке – Заборовка, Софиевка, Доминское и Раевское поселение (*Freie Flur, 1927: 112*).

Что касается особенностей переселения, связанных с вероисповеданием, то они состоят в том, что представители разных религиозных течений селились обособленно. Так, в Павлодарском преобладали немцы, исповедовавшие лютеранство, они основали 17 сел, среди которых значились: Розовка, Акимовка, Ульяновка, Луганское, Анастасьевка, Новоивановка, Никитовское и др. Представители другого религиозного направления – меннониты, основали 13 сел в южной части Павлодарского уезда (*Бекмаханова, 1986: 164-171*).

В 1907–1910 годах численность немецкого этноса в Павлодарском уезде росла, и в 1908 году немцы этого уезда составили 1/3 часть всех переселенцев. Однако, начиная со следующего года, их численность стала составлять 1/10 часть всех других народов-переселенцев. Это связано с тем, что в 1909 году, по приказу управления по переселению, количество выделяемых земельных участков уменьшается (*Krieger, 2004: 40-41*). Несмотря на сложившуюся ситуацию, в Павлодарском уезде образовалось 7 немецких поселений. Их общая территория составляла 58 тыс. десятин. Были основаны Константиновский, Васильевский, Борисовский, Заворовский, Надаровский, Аввакумовский и Ново-Ивановский населенные пункты. В 1907 году в Павлодарский уезд переселилось 94 семьи (588 чел.), а в 1908 году – 384 семьи (440 чел.), в 1910 году – 85 семей (519 чел.). В итоге за 1907–1910 годы общее число немцев составило 793 семьи (5034 чел.).

Начиная с 1910 года, царская власть согласилась на проживание переселенцев на пустых землях. В результате этого, в селе Екатериновском в Усть-Каменогорском уезде, появились новые немецкие населенные пункты под названием Сухая и Зеленая Балка, там немцы проживали вместе с русскими крестьянами. В начале XX столетия в Кокшетауском уезде также появились немецкие поселения, например: Введенское, Златорунное, Келлеровское, Любимовское, Розовское, Линеевское и др. (*Кригер, 1998: 35*).

Кроме того в 1909–1910 годы большая часть немцев вместе с русскими крестьянами переселилась в город Петропавловск и Зайсанский уезд Семипалатинской области. По рекомендации и приказу Степного генерал-губернатора, их переселили в 1911 году в Челым и Кенасуйский аулы Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Но позже немцы отказались от прежнего плана, и, вместо Зайсанского уезда, переселились в Усть-Каменогорский и Павлодарский уезды.

Другим ареалом переселенческого движения была Сырдарьинская область в южном регионе страны, которая начала заселяться немцами еще в 1880-х годах. Данный процесс начался с Аулиеатинского уезда. В этот регион мигрировали немцы из Бердянского, Самарского, Новоузенского уезда Таврийской губернии Российской империи. Около ста семей поселились рядом с Таласом. Здесь, уже в 1882 году, образовалось 4 немецких поселения, которым дали такие названия, как Николайполь, Владимировка, Андреевка и Романовка, которые вошли в один регион под общим названием Николайпольский.

В начале XX века в Сырдарьинскую область начали переселяться немецкие крестьяне из Поволжья и южной части Украины. В 1907 году около 30-ти немецких семей переселились в Алексеево, которое было расположено в низовьях реки Чу. В 1908 году 45 немецких семей, вместе с жителями аула Бишташ, образовали село под названием Иоганнесдорф. В 1911 году в Аулиеатинском уезде насчитывалось около 1500 немцев. В том же году, в селе Орловка в Аулиеатинском уезде, было 29 семей, не имевших собственных земель (*Кригер, 1998: 32-33*).

В начале XX века в село Константиновка Ташкентского уезда Сырдарьинской области, с Волги переселились родственники и земляки немцев, уже живущих в этом районе. В 1910 году выяснилось, что 90 семей так и не были зарегистрированы на данной территории, а проживали обрабатывая землю на правах аренды. Данный факт стал причиной рассмотрения их положения местной администрацией. В результате, вблизи станции Акжар переселенцам было отведено около 1 тыс. десятин земли, которую они до этого арендовали. В результате миграционных процессов к 1912 году в Сырдарьинской области количество немцев достигло 7628 человек.

4.2. Жизнь и социальное положение немецкого этноса в Казахстане

В конце XIX – начале XX вв. социально-классовый состав немцев состоял в основном из крестьян. Число богатых и знатных немцев было незначительно, основная их часть проживала в городах. По результатам переписи населения, около 700 немцев занимались малым бизнесом или нанимались на работу (*Кригер, 2006: 276*). Однако основная часть немцев проживала в сельской

местности. 84 % переселенцев занимались земледелием, остальные работали на промышленных предприятиях.

Миграционные процессы активно протекали в период с 1880-х годов и длились до начала XX века, территориями выбытия были берега Черного моря и побережье реки Волги. Высокая степень адаптации в новых географических условиях, разработка интегрированных видов производства, – все это можно рассматривать как особенность переселенческого процесса немцев дореволюционного периода (Кригер, 1990: 112-113). В 1888 году был открыт первый сыроваренный завод. В 1912 году начали работу еще 4 сыроваренных и 6 маслобойных предприятий. В 1909 году в селе Романовка, Туркестанского края, открылось предприятие по изготовлению масла из коровьего молока, которое уже на следующий год произвело 1320 пудов масла. На этом предприятии работало 7 человек. Молочные и мучные продукты, а также колбасы продавались не только аулиеатинским крестьянам, но и жителям Туркестанского и Ташкентского уездов.

В 1910 году в район Акжар, вблизи села Константиновка, переселились 80 семей. Местность приобрела название Степное, и, в следующем году, в ауле проживало уже 1280 человек. Внешний вид аула была компактным, территория огорожена садами, а дома маленькие. В каждом доме были хозяйственные машины. Для аула строились каналы от реки Келес. В основном крестьяне производили зерно, а также сеяли пшеницу, овес, картофель. Немецкие крестьяне арендовали земли у казахов. Кроме земельного хозяйства, занимались скотоводством, производили молочные и мясные продукты. В 1912–1913 гг. в Акмолинской, Семипалатинской областях, в немецких селах Келлеровка, Линеевка и Сокологоровская, образовались большие группы немцев, занимающихся маслобойным производством. Самым крупным поставщиком масла было село Линеевское, где в 1913 году было произведено 707 пудов масла (Алтай: историко-статистический сборник, 1890: 327).

В 1915 году на землях казначейства в Акмолинской губернии образовались 56 немецких поселений, их общая площадь составила 260 тыс. десятин, где проживало 27 тыс. человек. В это время в Семипалатинской области около 6 тыс. немцев жили в 8 малокомплектных селах, иногда вместе с русскими. В этой губернии немцы владели 60 участками посевных земель, большая часть которых были сенокосные угодья. Эти данные свидетельствуют о том, что во время переселения немцев в Казахстан, основным источником их существования было сельское хозяйство и большинство из них занималось орошаемым земледелием.

4.3. Религия и культура немцев, переселившихся в Казахстан, в конце XIX и в начале XX века

Переселившиеся в Казахстан на рубеже XIX–XX веков представители немецкого этноса сохранили на новом месте свою религию, культуру и традиции. Немцы придерживались лютеранского, меннонитского и протестантского направления христианства и их культура была неразрывно связана с религией. В этот период в Центральную и Северо-Восточную часть Казахстана приехали 4556 лютеран и 62 католика. 80 % из переселившихся немцев придерживались лютеранства и лишь небольшая часть – меннонитства. Меннониты, в основном, переселились в Омский и Петропавловский уезды, а католики – в Кокшетауский уезд.

Около 1 тыс. немцев жили в Акмолинском уезде. В 1914 году в Тургайской области проживали 11,7 тыс. немцев, в Кустанайской – 10,7 тыс. (3 % от общего числа жителей уезда). Из них 60 % были католики, остальные – лютеранского вероисповедания. В 1910 году в Петропавловске проживало 5 тыс. немцев или 793 семьи. В данном уезде немцы придерживались меннонитского направления протестантизма. По статистическим данным, в Акмолинском уезде Семипалатинской области образовалось 106 немецких крестьянских поселков (Высочайший манифест, 1905: 1). По государственному положению, в некоторых случаях поселения состояли из моноэтнических и моноконфессиональных групп. Проблемы, связанные с вероисповеданием, влияли на повседневный быт жителей, поэтому администрация решила переселить на один участок всех жителей, придерживающихся одного религиозного направления.

В 1913–1914 годах евангельско-лютеранская конкистория объединилась в 4 лютеранских центра: первый – Александрский немецкий удел в Омском уезде; второй – святого Петра в Акмолинском уезде; остальные два центра находились в Павлодарском уезде. Религиозные службы совершались воскресным утром и длились 1–2 часа, прихожане пели церковные песнопения и псалмы. Такая традиция сохранилась в селах Горкунова и Убинка. Немцы из Горно-Алтайского региона придерживались протестантского направления христианства и состояли в лютеранских и баптистских группах (Алтай: историко-статистический сборник, 1890: 325).

Среди немцев, переселившихся в Степной край, было немало сектантов. Первоначально, в сознании местного населения возникло негативное отношение к сектантам, связанное с боязнью вреда, который сектанты могут причинить местным представителям православной церкви. На этой основе 17 октября 1905 года был императором был подписан Манифест (Высочайший манифест, 1905: 15). На основании положений Манифеста был рассмотрен вопрос расселения немцев отдельно от русских, в зависимости от особенностей вероисповедания. Администрация Степного края сделала вывод, что «культурные конфликты» могут возникнуть из-за наличия большого количества русских и немцев, сосредоточенных в одном месте. Таким образом, одной из особенностей переселения немцев в Казахстан является обособленность проживания с учетом вероисповедания.

5. Заключение

Завершая необходимо отметить, что в период последней четверти XIX – начала XX века на территории Казахстана число немцев динамично росло, и их миграция на казахские земли шла интенсивно. В результате этих миграционных процессов, а также последовавших за ними советских депортационных, немецкий этнос стал одним из крупнейших этносов в Казахстане, после русских, украинцев, узбеков, и уйгур.

Литература

- Алексеевко, 1999** – Алексеевко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск, 1999. С. 6, 24-29.
- Алтай: историко-статистический сборник, 1890** – Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.
- Араб-Оглы, 1978** – Араб-Оглы Э.А. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978. 315 с.
- Архив МИД РК** – Архив Министерства иностранных дел РК. 11 февраля 1992 г.
- Базанова, 1987** – Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (национальный аспект). Алма-Ата: Казахстан, 1987. 235 с.
- Бекмаханова, 1986** – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917 год). М., 1986. С. 164-171.
- Валентей, 1967** – Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М., 1967.
- Вибе, 1998** – Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) // История немцев Центральной Азии: Материалы международной научной конференции. Алматы, 1998. С. 19-30.
- Высочайший манифест, 1905** – Высочайший манифест от 17 октября 1905 года. // Ведомости, Спб. градоначальства, №LXVII, 1905. 22 с.
- Гузеватый, 1980** – Гузеватый Я.Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980. 248 с.
- Колонизация КССР, 1923** – Колонизация КССР // Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923. С. 225-226.
- Кошман, 1998** – Кошман Т.В. Немецкое население Степного края в конце XIX – начале XX вв. // История немцев Центральной Азии: Материалы международной научной конференции. Алматы, 1998. С. 31-34.
- Кригер, 1998** – Кригер В. Особенности адаптации немецкого населения в Центральной Азии до 1917 г. // История немцев Центральной Азии: Материалы международной научной конференции. Алматы, 1998. С. 35.
- Кригер, 2006** – Кригер В. «Рейн-Волга-Иртыш: Из истории немцев Центральной Азии». Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 276 с.
- Кригер, 1990** – Кригер В.Э. Немецкая переселенческая деревня Казахстана (на рубеже XIX–XX веков) // Советские немцы: История и современность Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва. 1990. С. 110-115.
- Материалы по переселенческому, 1907** – Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Т. П. Спб., 1907.
- Немцы в Казахстане, 2006** – Немцы в Казахстане. Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль. Л. Найдич. В 3-х томах. Москва: Изд-во «Энциклопедия Российских Немцев», 2006. 615 с.
- Немцы в Карагандинской, 2011** – Немцы в Карагандинской области (конец XIX – 90-е годы XX века). Сб. документов и материалов. Караганда, 2011. 248 с.
- Обзор Акмолинской, 1915** – Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915. 78 с.
- Первая Всеобщая, 1904** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Акмолинская область. Спб.: Слово, 1904. Т. 81. 135 с.
- Первая Всеобщая, 1904** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Закаспийская область (Мангышлакский уезд). Спб.: Слово, 1904. Т.82. С.132-133.
- Первая Всеобщая, 1905** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сырдарьинская область. Спб.: Слово, 1905. Т. 86. 208 с.
- Положение об управлении, 1898** – Положение об управлении в степных областях. Спб., 1898. С. 18-19.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Тилло, 1866** – Тилло А.А. О пространстве, народонаселении и населенности Тургайской области // Известия ИРГО, 1866. С. 213-254.
- Федоров, 1939** – Федоров Е. К истории Казахстана конца XIX и начала XX века. // Большевик Казахстана, 1939. № 11.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Якименко, 1981** – Якименко Н.А. Переселенческая политика царизма в 1861–1881 годах // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981.
- Gerhard Fast, 1957** – Gerhard Fast: In den Steppen Sibiriens. Rosthern, 1957.
- Freie Flur, 1927** – Freie Flur. Deutscher Bauernkalender. Pokrowsk, 1927.

- [Krieger, 1993](#) – *Krieger V.* Deutsche Präsenz in Kasachstan zur Zarenzeit. München, 1993. 32 p.
- [Krieger, 2004](#) – *Krieger, V.* The formation level of the Volga Germans after the population census of the year 1897, 1926, 1939. Jahrbuch für Internationale Germanistik. XXXVI. 2004. №2. pp. 35-47.
- [Shaidurov, 2015](#) – *Shaidurov V.N.* Russian Germans in Russian Historiography from the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries // *East European History*, 2015, Vol. (1), Is. 1, pp. 13-23.

References

- [Aleksenko, 1999](#) – *Aleksenko N.V.* (1999). Statisticheskie istochniki po demografii Kazakhstana [Statistical sources on the demography of Kazakhstan]. Ust'-Kamenogorsk. pp. 6, 24-29.
- [Altai: istoriko-statisticheskii sbornik, 1890](#) – Altai: istoriko-statisticheskii sbornik po voprosam ekonomicheskogo i grazhdanskogo razvitiya Altaiskogo gornogo okruga [Altai: historical and statistical compendium on economic and civil development of the Altai mining district]. Tomsk, 1890.
- [Arab-Ogly, 1978](#) – *Arab-Ogly E.A.* (1978). Demograficheskie i ekologicheskie prognozy [Demographic and environmental forecasts]. Moscow. 315 p.
- [Arkhiv MID RK](#) – Arkhiv Ministerstva inostrannykh del RK. 11 fevralya 1992 g.
- [Bazanova, 1987](#) – *Bazanova F.N.* (1987). Formirovanie i razvitie struktury naseleniya Kazakhskoi SSR (natsional'nyi aspekt) [The formation and development of the structure of the population of the Kazakh SSR (national aspect)]. Alma-Ata: Kazakhstan. 235 p.
- [Bekmakhanova, 1986](#) – *Bekmakhanova N.E.* (1986). Mnogonatsional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epokhu kapitalizma (60-e gody XIX veka – 1917 god) [The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (the 60-ies of the XIX century – 1917)]. Moscow. pp. 164-171.
- [Valentei, 1967](#) – *Valentei D.I.* (1967). Teoriya i politika narodonaseleniya [Theory and politics of population]. Moscow.
- [Vibe, 1998](#) – *Vibe P.P.* (1998). Pereselenie nemtsev-kolonistov v Stepnoi krai v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblasti) [The resettlement of German colonists in the Steppe region in the late XIX – early XX centuries (on the example of Akmola and Semipalatinsk regions)]. Istoriya nemtsev Tsentral'noi Azii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Almaty. pp. 19-30.
- [Vysochaishii manifest, 1905](#) – Vysochaishii manifest ot 17 oktyabrya 1905 goda [The Imperial Manifesto of 17 October 1905]. *Vedomosti*, Spb. gradonachal'stva, №LXVII, 1905. 22 p.
- [Guzevatyi, 1980](#) – *Guzevatyi Ya.N.* (1980). Demografo-ekonomicheskie problemy Azii [Demography, economic problems of Asia]. Moscow. 248 p.
- [Kolonizatsiya KSSR, 1923](#) – Kolonizatsiya KSSR [Colonization of the CEB]. / Statistiko-ekonomicheskii obzor Kirgizskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki. Orenburg, 1923. pp. 225-226.
- [Koshman, 1998](#) – *Koshman T.V.* (1998). Nemetskoe naselenie Stepnogo kraya v kontse XIX – nachale XX vv. [The German population of the Steppe Krai in the late nineteenth and early twentieth centuries]. Istoriya nemtsev Tsentral'noi Azii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Almaty. pp. 31-34.
- [Krieger, 1998](#) – *Krieger V.* (1998). Osobennosti adaptatsii nemetskogo naseleniya v Tsentral'noi Azii do 1917 g. [Features of the adaptation of the German population in Central Asia before 1917]. / Istoriya nemtsev Tsentral'noi Azii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Almaty, 1998.
- [Krieger, 2006](#) – *Krieger V.* (2006). «Rein-Volga-Irtysh: Iz istorii nemtsev Tsentral'noi Azii» ["Rhine-Volga-Irtysh: From the history of Germans in Central Asia"]. Almaty: Daik-Press, 2006. 276 p.
- [Krieger, 1990](#) – *Krieger V.E.* (1990). Nemetskaya pereselencheskaya derevnya Kazakhstana (na rubezhe XIX–XX vekov) [German immigrant village of Kazakhstan (at the turn of the XIX-XX centuries)]. Sovetskie nemtsy: Istoriya i sovremennost' Materialy Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva. pp. 110-115.
- [Materialy po pereselencheskomu, 1907](#) – Materialy po pereselencheskomu khozyaistvu v Stepnoi i Turgaiskoi oblastiakh, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu Stepnykh oblastei. Akmolinskaya oblast'. Akmolinskii uezd [Materials for the resettlement of agriculture in the Steppe and Turgai regions, collected and developed by the expedition for the study of the Steppe regions. Akmola oblast. Akmola County]. T. P. SPb., 1907.
- [Nemtsy v Kazakhstane, 2006](#) – Nemtsy v Kazakhstane [The Germans in Kazakhstan]. Evreiskii universitet v Ierusalime, Izrail'. L. Naidich. V 3-kh tomakh. Moskva: Izd-vo «Entsiklopediya Rossiiskikh Nemtsev», 2006. 615 p.
- [Nemtsy v Karagandinskoi, 2011](#) – Nemtsy v Karagandinskoi oblasti (konets XIX – 90-e gody XX veka) [The Germans in the Karaganda region (late XIX – 90s of the XX century). Collection of documents and materials]. Sb. dokumentov i materialov. Karaganda, 2011. 248 p.
- [Obzor Akmolinskoi, 1915](#) – Obzor Akmolinskoi oblasti za 1914 god [The overview of the Akmola region in 1914]. Omsk, 1915. 78 p.
- [Pervaya Vseobshchaya, 1904](#) – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Akmolinskaya oblast' [First Universal Census of the Russian Empire of Akmola Oblast in 1897]. SPb.: Slovo, 1904. T. 81. 135 p.

Pervaya Vseobshchaya, 1904 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Zakaspiiskaya oblast' (Mangyshlaskii uyezd) [The first General census of the Russian Empire in 1897 in the Transcaspian area (Mangyshlak uyezd)]. SPb.: Slovo, 1904. T.82. pp. 132-133.

Pervaya Vseobshchaya, 1905 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Syrdar'inskaya oblast' [The first general Russian Empire's census of the Syrdar'inskaja region in 1897]. SPb.: Slovo, 1905. T. 86. 208 p.

Polozhenie ob upravlenii, 1898 – Polozhenie ob upravlenii v stepnykh oblastiakh [The regulation on governance in the steppe regions]. SPb., 1898. pp. 18-19.

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military-historical archive].

Tillo, 1866 – Tillo A.A. O prostranstve, narodonaselenii i naselennosti Turgaiskoi oblasti [On area, population and population of Turgay region]. *Izvestiya IRGO*, 1866. pp. 213-254.

Fedorov, 1939 – Fedorov E. K istorii Kazakhstana kontsa XIX i nachala XX veka [To the history of Kazakhstan of the late XIX and early XX century]. *Bol'shevik Kazakhstana*, 1939. № 11.

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Yakimenko, 1981 – Yakimenko N.A. (1981). Pereselencheskaya politika tsarizma v 1861–1881 godakh [The immigration policy of tsarism in 1861-1881]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma*. Novosibirsk.

Gerhard Fast, 1957 – Gerhard Fast: In den Steppen Sibiriens. Rosthern, 1957.

Freie Flur, 1927 – *Freie Flur*. (1927). Deutscher Bauernkalender. Pokrowsk.

Krieger, 1993 – Krieger V. (1993). Deutsche Präsenz in Kasachstan zur Zarenzeit. München. 32 p.

Krieger, 2004 – Krieger, V. (2004). The formation level of the Volga Germans after the population census of the year 1897, 1926, 1939. *Jahrbuch für Internationale Germanistik*. XXXVI. №2. pp. 35-47.

Shaidurov, 2015 – Shaidurov V.N. (2015). Russian Germans in Russian Historiography from the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *East European History*, Vol. (1), Is. 1, pp. 13-23.

УДК 314. 11(09) (574+430)

К вопросу о переселении немцев в Казахстан в конце XIX – начале XX века

Т.А. Апендиев^a, С.С. Жандыбаева^b, Т.А. Тулебаев^{b, *}, Е.Ж. Сатов^c

^a Национальная академия наук РК (НАН РК), Республика Казахстан

^b Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

^c Международный Казахско-турецкий университет им. Ахмета Яссауи (МКТУ им. А. Яссауи), Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается историческая ретроспектива переселения в Казахстан этнических немцев с конца XIX века по 1917 год. На основе материалов центральных государственных архивов Российской Федерации и Казахстана, а также дореволюционной периодической печати и опубликованных статистических данных исследователи пришли к выводу о том, что ареал и вектор расселения немцев в указанный период был различным и охватывал все регионы Казахстана. Наибольшая интенсивность миграции связана с началом первой мировой войны.

В статье приводятся результаты научного анализа причин переселения немцев в Казахстан, территорий их расселения, их количественные показатели, динамика численности, особенности регионального притяжения, эволюция демографического развития, состояние социальных и бытовых условий жизни, появление новых и сохранение старых направлений хозяйственной деятельности, исследование места религии, культуры, обычаев и традиций в повседневной жизни этого народа в конце XIX – начале XX века.

Местное население с уважением приняло переселенцев, оказывая им при этом посильную помощь в обустройстве. Прочно осев на казахской земле и тесно общаясь с местным казахским населением, немцы сформировали свое хозяйство и быт, при этом строго придерживаясь своих религиозных и культурных традиций. В результате этих миграционных процессов, в последующие годы всего XX века, немцы стали одним из многочисленных этносов Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, миграция, немцы, этнос, казахское население, переселение, демография, расселение, немецкая культура.

* Корреспондирующий автор

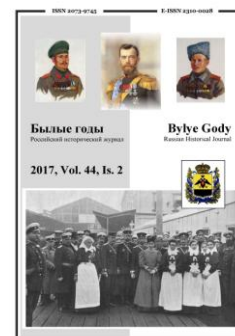
Адреса электронной почты: timur.apendiev@mail.ru (Т.А. Апендиев), 1209saule@gmail.com

(С.С. Жандыбаева), tatulebaev@gmail.com (Т.А. Тулебаев), agulzhazira@mail.ru (К.Е. Абиженова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 576-585, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.576
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk)

Anna P. Dvoretzskaya ^{a, *}, Natalya V. Gonina ^b, Sergei T. Gaydin ^b

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

^b Krasnoyarsk state agricultural university, Legal institute, Russian Federation

Abstract

In the article on the basis of archival and published sources on a concrete example of the society of the city of Yeniseisk at the end of the 19th – beginning of the 20th century. The place and role of local cathedrals are examined, the cathedral aspect of Orthodoxy is analyzed.

The authors come to the following conclusions on the example of the local society of Yeniseisk. Yeniseysk, being on the frontier, played a significant role in the imperial strategy of the state. For its implementation, and also as an independent value, the cathedral aspect of Orthodoxy was important, when churches, which were built on the initiative of the population, were the focus of the spiritual and social life of the city. Through the "deceased family" the parishioners communicated with the local community, received hope for help and protection from God. In the daily religious activities of believers and clergy, cultural samples and moral values were preserved.

The cathedrals retained their status as the center of the socio-cultural life of Yeniseisk and its environs and in the secularization period. However, the secular component of the activities of the clergy is increasing, and there are beginnings in the field of education and social work.

Keywords: Siberia, the Yenisei Siberia, Yeniseisk, the end of the XIX – beginning of the XX century, the Yenisei cathedrals, Conciliarity.

1. Введение

Енисейск и его храмы занимают особое место в Приенисейской Сибири. В духовно-культурном аспекте енисейские соборы, возникнув первыми в Восточной Сибири, несколько веков оставались центрами религиозной жизни огромного пространства от кыргызских степей до Ледовитого океана. Они являлись духовными форпостами внутренней колонизации региона. Енисейск был городом фронта – отсюда шло дальнейшее освоение региона, в том числе – пути на Север, где взаимодействовали русские и автохтонные народы, происходило соприкосновение различных типов культуры.

Религиозная жизнь Енисейска развивалась в рамках основной концепции православия – «соборности». В ее рамках творческая мысль церковного сообщества того времени пыталась найти механизмы воплощения духа соборности в реальной социальной жизни. В социальном плане органическое единство проявления соборности происходит в приходе. Идею соборности в приходской жизни анализирует в своих работах А.В. Карташев: «Назначение прихода, прежде всего специфически церковное в догматическом смысле: споспешествовать спасению душ христианских, ткать первоначальные клеточки церкви около алтарей» (Карташев, 1956: 142).

Хронологические рамки работы конец XIX – начало XX в. определены периодом, когда в традиционной религиозности начинают происходить изменения. Религиозность в русском обществе

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzskaya)

под влиянием модернизации идет на спад, но города и храмы в них остаются центрами духовной жизни, определяя не только религиозную деятельность, но и значительную долю светской. В первую очередь это было связано с концентрацией в руках церкви материальных ценностей, относительной возможностью вести самостоятельную социокультурную деятельность и хорошим кадровым ресурсом.

2. Материалы и методы

В данной работе основным историческим материалом для исследования стали документы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Красноярского края и муниципального архива г. Енисейска. Частично данные свидетельства религиозной жизни населения Енисейска были найдены в документах личного происхождения: летописи А.И. Кытманова, записках М.П. Миндаровского и В.Д. Касьянова.

Цель проведенной работы – на примере социума провинциального северного города Енисейска конца XIX – начала XX в. рассмотреть характер функционирования местных соборов и православных общин при них, показать зависимость данного процесса от фронтального расположения города и соборного начала жизни местного сообщества.

В методологическом плане авторы обращают внимание на теорию соборности. В настоящее время наиболее изучен процесс взаимопроникновения и взаимодополнения различных культур в местностях с неустойчивыми границами, в том числе на севере (Skobelev, 2002; Бобровников, 2012; Попов, 2016; Mikhailova, Nadkin, 2016; Zamyatina, 2016).

В ряде статей обращено внимание на то, что утверждение российской государственности на присоединенных территориях Сибири происходило не только путем включения этих земель в общероссийскую систему государственного управления, экономических связей, социальных отношений, но и через влияние государства на формирование православного ландшафта (Манькова, 2013).

Вопрос о благоустройстве Русской православной церкви на соборных началах возникает в религиозной жизни российского общества в середине XIX в. Как пишет А.В. Карташев в своей работе «Воссоздание Св. Руси (Париж, 1956): «Церковь, удаленная при синодальном строе от участия в стихии общественной активности, бессильно созерцала, как эта стихия, без ее участия, слагалась в силу прямо антихристианскую, а потом и антигосударственную. А носители власти не имели смелости вернуть вовремя церкви ее соборную жизнь, т.е. ее самоуправление». Далее он указывает на фатальность этого события для дальнейших судеб и империи и церкви, запустившего процесс секуляризации религиозного сознания и породившего такое явление как бесцерковная русская интеллигенция и замкнувшееся в недоверии к ней средневековое простонародное сознание. По его мнению, только соборное сознание может запустить обратный процесс воссоздания церковной жизни (Карташев, 1956: 102, 104, 139).

В своем определении А.В. Карташев отходит от традиционного понимания прихода как административно-церковной единицы и обращается к древнерусской традиции покаяльной семьи. В его понимании – приход являлся первичной ячейкой церковного союза мирян, «молекулярным» центром из которого христианские ценности распространяются в местном сообществе. Он связан не с территориальным признаком, а с людьми, приходящими на исповедь и причастие в один храм. Именно приход являлся главной силой распространения православия, а не государственная протекция или сила законов (Карташев, 1956: 248). Для нас же особенно важно, что именно храм как здание являлся по мысли Карташева центром религиозной жизни.

3. Обсуждение

Исследования священнослужителей в основном относятся к официально-церковному направлению. В них рассмотрены персоналии и деятельность енисейских священников, история богослужебных зданий, их убранство (Фигуровский, 1908; Краткое описание ..., 1916, Фаст, 1994).

Одним из первых обращает внимание на значения православия для развития культурно-исторической среды города В.В. Буланков (Буланков, 1989). К проблеме формирования архитектурного облика древнейшего города-памятника Приенисейской Сибири Енисейска и значения енисейских соборов для развития местности обращаются красноярские и новосибирские архитекторы (Буланков, Шумов, 1999; Горбачев и др., 2011; Можайцева, Царев, 2005; Майничева, 2011). Искусствовед Н.Н. Исаева прослеживает особенности формирования иконостасной композиции храмов (Исаева, 2008). Отдельные аспекты истории православия в Енисейске освещены в работах историков Абакана, Красноярска, Новосибирска (Терскова, 2009; Быконя и др., 2012; Кискидосова, 2012; Федоров, 2013).

Намного дальше продвинулась иркутская историческая школа. А.В. Дулов еще в советское время обратил внимание на особенности функционирования и порубежный статус северных территорий и роль церкви в формировании здесь постоянного русского населения (Дулов, 1983). Итогом работы в данном направлении становятся монографии, в которых собран значительный фактологический материал, в том числе по Енисейской губернии. Большое значение имеет обращение к социокультурной составляющей православия (Дулов, Санников, 2004, Дулов, Санников, 2006). Монография Л.Е. Харченко развивает данное направление. В книге освещаются работа церкви

по развитию образования и просвещения, научные исследования священнослужителей (Харченко, 2005). Однако данные исследования не касаются собственно духовной составляющей деятельности церкви на северных территориях.

В отличие от них Л.А. Тресвятский подробно останавливается на храмовом зодчестве и образовании, рассматривая их как основу становления соборного начала и духовной культуры православия. Большое значение имеет обоснованное утверждение автора о том, что во второй половине XIX – начале XX в. здесь складываются благоприятные условия для развития духовно-религиозной жизни. Его выводы перекликаются с работами русских дореволюционных философов и историков, работавших в рамках теории «соборности» (Тресвятский, 2003).

4. Результаты

Храмы Енисейска, являя собой шедевры сибирского зодчества, обеспечили городу славу одного из самых красивых в Сибири. В разное время здесь насчитывалось от шести до двенадцати храмов. До середины XIX в. ни один город региона не имел такого количества церквей и монастырей и только позднее пальму первенства забрал Красноярск. В Енисейске сложились первые в Восточной Сибири школы мастеров-архитекторов и иконописцев. Приходы храмов включали не только городских жителей, но и прилегающие деревни, что подчеркивало роль Енисейска как религиозного центра. Благодаря дальней панораме с водной глади Енисея открывался вид на золотые купола вытянутых в цепочку четырех величавых каменных городских храмов – Преображенской, Воскресенской, Христорождественской церкви и Богоявленского собора.

Соборы были построены на возвышенном, «красном» месте и служили основой всего градостроительного плана, выделяясь яркими доминантами в преимущественно одноэтажной застройке городов. Храмы были видны с любой точки города, и желающий обратиться к Богу всегда мог найти его взглядом. Самой высокой постройкой в городе была колокольня собора. С нее, в свою очередь, открывался прекрасный вид на город и окрестности (Буланков, Шумов, 1999). Первое что издали видели приезжающие в город – золоченые кресты и купола. Далеко за пределами города был слышен и колокольный звон.

В Енисейской губернии в рассматриваемый период насчитывалось семь соборов – два в Красноярске и Енисейске, по одному в Ачинске, Канске и Минусинске. Их можно разделить на две группы – общегородские и монастырские. Последние были включены в комплекс монастыря, который являлся самостоятельным локусом, не зависящим от городской территории. К последней категории храмов относится Спасский монастырский собор г. Енисейска.

Спасо-Преображенский мужской монастырь был основан в 1642 г. Застройка храмового места велась длительный период, постепенно камень вытеснял дерево. Образ храма Спасо-Преображенского монастыря, заложенный в 1731 г. является начальным звеном каменного строительства Приенисейской Сибири, представляя сибирскую ветвь русского барокко. Финансировали строительство купцы Самойловы. Работа шла почти век – до 1808 г. (Майничева, 2011: 75).

Наименование Спасский имеет свою традицию. Большое значение придавалось имени храма, которое, согласно источникам, выбиралось населением. Но при этом оно не могло быть произвольным. Имя собору давалось в четкой связи с каноном. Господские храмы (Троицкие, Преображенские, Воскресенские, Христорождественские и др.), а также названные по ним села, сосредотачивались в центральных частях локальных и региональных систем расселения, нередко на пересечении водных и сухопутных дорог, гипсометрически выше других поселений.

Как указывает А.А. Соколова, существовала определенная взаимосвязь между типом храмоименования и местоположением поселения. Спасскими называли храмы на периферии, посвящая их образу Христа – Спасу нерукотворному, подчеркивая их охранительную функцию. Система храмоименований, отвлекая на первый взгляд от социально-экономических отношений, способствовала консолидации местного социума. Осуществлялся этот процесс с помощью православного календаря – через систему храмовых (престольных) праздников, которые отмечались в день святого или священного события, в память которого был освящен престол местной церкви (Соколова, 2015: 86–96).

Внутреннее пространство собора отличало наличие особых религиозных ценностей – чудотворных икон и святых мощей, что усиливало его значение и делало центром паломнической жизни. В соборе считалось значимым провести религиозный обряд: крещение новорожденных, венчание новобрачных. Здесь отпевали высокопоставленных граждан. Собор также являлся усыпальницей для значимых персон.

После пожара 1869 г., сильно повредившего монастырь, собор был отремонтирован. Несмотря на утраты, в монастыре, как и в ряде церквей Енисейска, сохранилось много старинных предметов, в том числе из драгоценных материалов. Их происхождение и мастерство изготовления, по мнению искусствоведки Н.Н. Исаевой, позволяет судить не только об оригинальности местных мастеров, но и широте экономических связей Енисейска и губернии в целом, о богатстве его жителей, на деньги которых были куплены все церковные предметы. Клейма на серебре обозначают в качестве источников поступления произведений в Сибирь не только Москву, Петербург и Тобольск, но и

Калугу, Кострому, Ярославль, Вятку, Устюг Великий, а также Киев. Плащаницы XIX в. приобретались в Арзамасе (кафедральная), Екатеринбурге и Москве. Памятники живописной эмали представляют Сольвычегодск, Москву и Ростов Великий. Из зарубежных предметов культа следует отметить Грецию (списки с афонских святынь, иконы Пантелеймона), и Иерусалим (паломнические кресты). Среди вкладных серебряных чарочек отмечены города Амстердам и Аугсбург. Таким образом, справедливо утверждение, что церковные памятники, находившиеся в соборе, позволяют рассматривать данный регион не как периферийный анклав, но как вполне равноправный сектор в составе культурного наследия всей России (Исаева, 2008: 115).

По свидетельству И. Фигуровского, в Спасском соборе все иконы были древнего письма (или списки с древних икон). Особенно примечательна Тихвинская икона Богородицы. На ней есть подпись: «Образ сей в Енисейском остроге приложил в монастырь старец Тимофей Иванов в поминование родителей своих». Автор предполагает, что старец – строитель обители, значит, икону можно датировать XVII в.

Не менее интересны малые иконы собора, их сюжеты являются прямыми иллюстрациями к нравоучительным цитатам из писания, например: «У брата в глазу сучок видишь, а у себя бревна не замечаешь». Иногда смысл рисунка достаточно абстрактен (мост связывающий небо и землю) и может быть понят только из надписи на иконе. И. Фигуровский отмечает, что такие образы явление уникальное для Сибири и достаточно редкое в России (Фигуровский, 1908: 25, 26).

Градо-Енисейский Богоявленский собор стал первым каменным храмом Енисейска. Его строительство подчеркивало повышение статуса до ранга уездного города. По версии архитекторов храм был заложен в 1709 г. В клировой ведомости собора указана более поздняя дата строительства – 1750 г., но при этом дается оговорка, что точная дата закладки и строительства храма неизвестна. Важно подчеркнуть, что потребовавшее больших материальных затрат строительство здания, которое, учитывая православную традицию, символизировало связь власти и религии, осуществлялось на средства и силами прихожан, а также на пожертвования дворян Семена и Епифана Надейных. То есть это была не реализация распоряжения церковного или светского руководства, а потребность жителей города. Хотя инициатива постройки собора, конечно, принадлежала енисейскому духовенству (Буланков, Шумов, 1999; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2).

Во второй половине XVIII в. собор достраивается, его внешний вид поражает представительным обликом. Характерным элементом композиции Богоявленского собора, стала форма барабанов, отражающая специфику енисейского каменного зодчества последней четверти XVIII в. В их пластически очерченных, как будто «оплавленных» силуэтах угадываются мотивы европейского барокко. Этот архитектурный стиль был заимствован из Москвы и Санкт-Петербурга. Его влияние отражает и высокий шпиль на крупном яблоке, завершающий композицию соборной колокольни, подчеркивая доминирующее значение собора в иерархии храмов Енисейска и силуэте города (Буланков и др., 1999). В 1826 г. храм был обнесён каменной оградой с резными решетками, крытой листовым железом на средства купца Максима Григорьевича Соколова (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2). Как отметил о. Г. Фаст, Богоявленский собор сочетал величие размеров и изящество форм (Фаст, 1994: 21).

В 1869 г. во время страшного пожара, когда сгорело 6/7 частей города, пострадали пять церквей. В Воскресенской церкви сгорел священник И. Хнюнин с семьей и местные прихожане. Протоиерей В. Касьянов, посетивший Енисейск в феврале 1870 г., писал, что колокольня Воскресенской церкви стоит как прекрасное туловище без головы (Кытманов, 2016: 451–453, 461). Одни каменные соборы почти не пострадали. В Благовещенском соборе сгорела только колокольня. Из ее восьми колоколов расплавились два малых (3 пуда 19 фунтов и 2 пуда 2 фунта) и один средний (21 пуд) (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 29. Л. 22–24, 44). Церкви восстанавливали всем миром. Все тяготы по восстановлению церквей легли на настоятеля городского собора о. Павла Любомудрова, к храму были приписаны Воскресенская, Преображенская и две кладбищенские церкви (Кытманов, 2016: 461).

Строились соборы, как и большинство храмов, на деньги городского сообщества, что подчеркивает идею соборности. Выделялись основные вкладчики – купцы и золотопромышленники. Как отмечают документы, большую роль в восстановлении и благоустройстве собора сыграл купец 1-й гильдии, золотопромышленник Аверкий Кузьмич Матонин, который 15 лет бесценно состоял на должности церковного старосты. На собственные средства он обновил храм и ограду. Его пожертвования в итоге составили 35 тысяч руб. (Благотворительность..., 2009: 134). На средства семьи Матониных был отлит соборный колокол «Аверкий», настолько большой, что пришлось разбирать ворота и своды храма, чтобы поднять его наверх (Очерки истории..., 2009: 126). За сделанные в пользу храма пожертвования А.К. Матонин в 1874 г. награжден золотой медалью на станицлавской ленте (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 193).

Семья Матониных продолжала капиталовложения и далее. На их пожертвования в 1880-х гг. (6700 руб.) церковные священнослужители были обеспечены жильем, а в начале XX в. по завещанию Почетных потомственных граждан А.К. и М.К. Матониных в Красноярском отделе Государственного банка были положены 7000 руб., проценты с которых шли на содержание священнослужителей. Были и другие жертвователи, но никто не вносил таких больших сумм (АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 2 об.–3).

В 1901 г. Енисейский купец Николай Ефимович Матонин пожертвовал на украшение храма 715 руб. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1894. Л. 41 об.). В 1903 г. такая же сумма им была пожертвована на медную полированную решетку для поставки под алтарь главного храма (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1952. Л. 35–36). В 1904 г. вдова Потомственного почетного гражданина Ольга Диомидовна Матонина по своему духовному завещанию пожертвовала собору 5000 руб., с этого капитала должны были ежегодно перечисляться проценты на содержание священнослужителей и соборного хора, и в Енисейский Спасский монастырь – 1000 руб. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2026. Л. 38).

В иконостасе собора находились иконы, имеющие не только религиозную, но и историческую ценность. Часто на них записывали не только дату и место создания, но и значимые события. В местном ряду иконостаса, слева от царских врат находилась Чудотворная икона Божией Матери «Знамение», которая имела надпись: «Сим святым образом при проезде губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина благословил сим украшением преосвященный Иоанн, митрополит Тобольский и всей Сибири в лето 1713 октября 7 дня». В начале XX в. она находилась на левом клиросе (Исаева, 2008: 110). Прихожане собора с особым благоговением хранили чтимую икону Божией Матери «Утоли моя печаль».

Из церковной утвари примечательно было бережно хранимое Евангелие весом более 25 кг времен Елизаветы Петровны. Описание книги заслуживает внимания: «Евангелие на Александрийской бумаге в длину 1 аршин $\frac{1}{4}$ вершка в ширину 11 вершков. Дека окована серебром позолоченным чеканной работы. Верхняя дека украшена серебряною резьбою и 6-ю камнями из них 2 камня зеленого изумруда и 4 фаянсовые. На верхней деке серебряные изображения с чернью: в середине Воскресение Христово, сверху Троицы живоносной, внизу Успение Божьей Матери. По бокам распятие Спасителя и снятие с креста. На углах 4 евангелиста. На нижней деке в середине выбитый крест животворящий, кромки на нижней деке евангелия литые медные, застежки литые серебряные. Весу в нем с бумагою и деревом 1 пуд 23 фунта 84 золотника (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 29. Л. 25).

Богатым было и все убранство храма, на которое жертвовали прихожане собора. Позолота и серебро в окладах икон, паникадилах, подсвечниках и другой утвари, разноцветная парча (белая, желтая, зеленая, голубая с серебром и золотом), расшитая цветами и звездами, унизанные жемчугом одежды священников. Такое великолепие красок прихожанин в то время мог увидеть только в церкви (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 29. Л. 44 об.; Д. 35. Л. 10). И. Фигуровский отмечал, что это был «типичный остаток древнерусского благочестия, когда оно измерялось тяжелейшими облачениями, пудовыми свечами, тысячами поклонов» (Фигуровский, 1908: 32).

Храм становился своеобразным хранилищем капиталов, общей собственностью горожан и местом передачи памяти потомкам. История внутри храма была запечатлена в конкретных объектах, символизирующих, в то же время, и связь с центром страны. Как горожане, так и окрестные жители, привыкшие к более простому быту, в храме становились полноправными персонажами этого праздничного действия. Все богатство и роскошь храма были общим достоянием, в которое каждый мог внести свою лепту.

Роль транслятора библейского знания выполнял священнослужитель, в первую очередь – протоиерей главной церкви города – собора. Если он был достаточно образован, хороший оратор и мыслящий человек, его речи и действия имели огромное влияние на народ. Они создавали основу для культурного поля, которое возникало в момент праздничной речи или проповеди. Люди потом обдумывали и обсуждали услышанное, переосмыслили, умножая и распространяя информацию, каждый добавлял к ней свое. Это касалось всех и грамотных и неграмотных. Для последних это был единственный источник нарратива.

С Божоявленским собором связан ряд имен выдающихся представителей духовенства, имевших большое значение для города и региона в целом. Их биографии показывают, что это были люди, хорошо подготовленные для деятельности на духовном поприще. Образование их было выше среднего по региону, но типичное для провинциальных протоиереев того времени – духовное училище, реже семинария. С одной стороны потребности развитого мышления, с другой – влияние эпохи модерна, обуславливали участие священнослужителей в делах, далеких от церкви: они занимались краеведческими и научными исследованиями, писали воспоминания, путешествовали и т.д.

Полученное в семинарии образование давало право преподавания в церковно-приходской школе либо училище. Во многом это объяснялось нехваткой учителей. Не на последнем месте была потребность в увеличении доходов, так как священнослужитель даже в чине протоиерея зарплаты не получал, а весь его заработок состоял из оплат за требы. Таким образом, духовный наставник становился учителем в прямом смысле этого слова. В обязанности настоятелей собора входили катехизация, миссионерство. Пастырь нес ежедневную заботу о престарелых, больных, сиротах и заключенных, объединяя все слои населения города (АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23).

Одним из первых клировые ведомости называют протоиерея Михаила Афанасьевича Белозерова (1802–1869). Кроме выполнения основных обязанностей, он преподавал в Енисейском уездном училище, был его смотрителем. Михаил Афанасьевич активно занимался научно-исследовательской деятельностью, что позволило стать членом императорского Русского географического общества (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об.). Его преемник, Павел Алексеевич

Любомудров, внес большой вклад в работу по составлению описей церквей Енисейска, вел активную миссионерскую деятельность (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 116–140).

Выдающийся проповедник Слова Божия и катехизатор протоиерей Василий Дмитриевич Касьянов (1815–1897) служил в Енисейске в 1836–1856 гг. В.Д. Касьянов одним из первых стал действительным членом губернского статского комитета и членом-сотрудником ВСОРГО. С этого момента его интересует «наука во всех проявлениях». С 1870 г. он активно сотрудничал с метеорологической комиссией РГО. В 1884 г. был назначен цензором Енисейских епархиальных ведомостей, в которых научные исследования и публикации священнослужителей стали наиболее ценной содержательной частью. В.Д. Касьянов известен как церковный историк и бытописатель, а также автор Дневников, которые являются ценнейшим историческим источником (Касьянов, 2012: 22–24).

Одним из самых неординарных представителей духовенства был о. Дмитрий Евтихийев. Еще будучи диаконом собора, он начинает вести борьбу с горожанами на поприще благоустройства. Как указывает в своей летописи Кытманов, «жители диакона побаивались вследствие его желания ходить по обывательским дворам вместе с полицейскими чиновниками и составлять протоколы по нарушению санитарных правил. Он был не только ревностный санитар, но и неустрашимый член вольнопожарного общества, с отчаянной храбростью всегда появлявшийся на пожарах в самых опасных местах. Как мирный житель города он издал на средства местной типографии второе издание «Календаря именинников и именинниц г. Енисейска» (Кытманов, 2016: 674).

В 1873 г. Д. Евтихийев становится настоятелем собора. Из записок Миндаровского известно, что он был свидетелем подвигов праведного старца Даниила Ачинского, что его любили прихожане и недолюбливало духовенство за требовательность к отправлению ими духовных нужд. Он мог влиять на именитое купечество, которое за годы его настоятельства пожертвовало на храм более 20 тысяч руб. Доходы от пожертвований пошли на содержание причта и хора, отливку знаменитого колокола «Аверкия» и на обновление престольных облачений во всех трех приделах (ЕКМ. Миндаровский: 34, 35). В 1909 г. протоиерей Енисейского собора Дмитрий Евтихийев по духовному завещанию оставил Енисейскому Богоявленскому собору неприкосновенный капитал в 100 руб. на содержание причта для своего поминовения (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2329. Л. 42).

На 1916 г. приход Богоявленского собора состоял из 65 дворов в городе и 6 деревень. Населения в приходе было учтено 749 православных, 20 католиков, 8 лютеран и 30 евреев. Преимущественно это были коренные сибиряки. Прихожане большей частью занимались торговлей, рыбным промыслом; некоторые из прихожан имели свои золотые прииски и занимались золотопромышленностью (Краткое описание ..., 1916: 198–200).

Однако влияние храма было значительно шире. Храм определял практически весь образ жизни горожан: повседневные обряды, службы, молитвы; праздничные службы, съезжие праздники, торжественные богослужения во время светских торжеств. По определенным дням из храма проводились крестные ходы, собиравшие все население: 8 июля – с иконой Божией Матери Казанской крестный ход по городу и в «Девятую пятницу» крестный ход из города в деревню Нижне-Пашенную (Фаст, 1994: 65). Собор был центром образования: при нем действовали конфессиональная школа, библиотека, велась благотворительность. В его стенах проводилась и социальная работа: религиозные и воспитательные беседы, помощь людям, попавшим в трудные жизненные ситуации (АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23). На литургию в воскресенье и праздники в собор съезжались жители города, а также ближайших сел. По большим религиозным событиям (визит высокого духовного лица, крестный ход, поклонение мощам) к собору могли приезжать и из удаленных мест. Поэтому одной из черт главного храма было большое внутреннее пространство, чтобы вместить максимальное количество людей.

К собору, как символу единения, тяготели общественно-значимые места города. Рядом с ним находились гостиный двор и городской бульвар, женская, а затем мужская гимназия, недалеко проходили заседания городской думы и встречи мещанского общества. Около храма традиционно проходили народные собрания, праздничные гуляния, неподалеку устраивалась и центральная торговая площадь. По значимым церковным праздникам, как правило, устраивались ярмарки. Все это обеспечивало развитие местной торговли и способствовало общению людей из разных местностей (Очерки истории..., 2009: 127).

5. Заключение

Енисейск, являясь городом фронта, на долгие века стал центром религиозной жизни Приенисейской Сибири. С точки зрения имперской стратегии строительство церквей на завоеванной территории имело в первую очередь политический характер. Военно-административное освоение региона подкреплялось идеологическим. Церкви, строившиеся по инициативе населения, были средоточием духовной и социальной жизни города. Для человека, живущего на фронтире, на первый план выходил соборный аспект православия: объединение небольшой группы людей, находящихся в чужом, грозящим неизвестностью и опасностью пространстве; связь с далекой родиной, большим патерналистским сообществом; надежда на помощь и защиту от Бога; сохранение культурных

образцов, нравственных ценностей как основы сообщества; смысл и цель деятельности и др. Недаром храмы появились практически одновременно с городом – в первое десятилетие его существования.

Собор был центром, вокруг которого вращалась вся социокультурная жизнь населения города и прилегающей части региона. Он же определял динамику социальной и культурной деятельности во времени и пространстве, был двигателем локальных исторических процессов и их летописцем. Переходный период рубежа веков, который принято определять как секуляризационный, в провинциальном городе не изменил этого традиционного уклада. Более того, собор становится значимым местом и в плане изменений в духе модерна, что отражается, например, в усилении светской составляющей деятельности клира и в социальной работе.

Городской собор представлял для жителей особую общественную и историческую ценность и были такие, кто в прямом смысле строил себе через храм на земле – храм на небе и, в то же время, стремился остаться после смерти в памяти людей, в конкретных материальных объектах.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ/Краевой фонд науки в рамках научного проекта № 16-11-24008 а (р).

Литература:

- АГЕ** – Архив города Енисейска.
- Благотворительность...**, 2009 – Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): сборник документов. Красноярск: СФУ, 2009.
- Бобровников, 2012** – Бобровников В. Анатолий Ремнев как историк имперского Востока России // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 151–159.
- Буланков, 1989** – Буланков В.В. Формирование культурно-исторической среды Енисейска в XVIII веке // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск, 1989. Вып. 1. С. 342–359.
- Буланков, Шумов, 1999** – Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск: Очерки по истории развития и застройке города. Красноярск: Красн. кн. из-во, 1999. 216 с.
- Быконя и др., 2012** – Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 450 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Горбачев и др., 2011** – Горбачев В.Т., Крадин Н.Н., Крушлинский В.И., Степанская Т.М., Царёв В.И. Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. 784 с.
- Дулов, 1983** – Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Дулов, Санников, 2006** – Дулов А.В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков / А. В. Дулов, А. П. Санников. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2006. Ч. 1. 293 с.; Ч. 2. 319 с.
- ЕКМ** – Енисейский краеведческий музей. Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 года.
- Исаева, 2008** – Исаева Н.Н. Привозные иконы и приезжие мастера в Приенисейском крае (XVII–XIX вв.) // IX Рождественские образовательные чтения в Красноярске. Русская православная церковь и будущее России. Красноярск, 2008. С. 105–115.
- Карташев, 1956** – Карташев А.В. Воссоздание Св. Руси. Париж: ИМКА-Пресс, 1956. 251 с.
- Касьянов, 2012** – Касьянов В.Д., прот. Из дневников 1870–1897 гг.: в 2 т. Красноярск: Восточная Сибирь, 2012. Т.1. 701, [1] с.
- Кискидосова, 2012** – Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: ООО «Бригантина», 2012. 312 с.
- Кытманов, 2016** – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год /отв. ред. Л.П. Бердников. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.
- Краткое описание...**, 1916 – Краткое описание приходов Енисейской губернии. Красноярск : Эл.-тип. Епархиального братства, 1916. 243 с.
- Можайцева, Царев, 2005** – Можайцева Н.В., Царев В.И. Градостроительная летопись Енисейска. Красноярск: КрасГАСА, 2005. 162 с.
- Майничева, 2011** – Размещение и стилевые дефиниции вертикальных доминант города Енисейска (2010 г.)//Баландинские чтения. Новосибирск, 2011. С. 75–79.
- Очерки истории...**, 2009 – Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII–XIX вв.). Енисейск: [б.и.], 2009. 260 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Санников, Дулов, 2004** – Санников А.П., Дулов А.В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2004. Режим доступа: <http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/cultural/relig/relig-x=028.php> (дата обращения: 19.04.2017).
- Соколова, 2015** – Соколова А.А. Православная церковь и развитие регионов // Внеэкономические факторы пространственного развития. Сборник статей / Отв. редактор В.Н. Стрелецкий. М.: Эслан, 2015. С. 86–96.

Терскова, 2009 – Терскова А.А. Роль православных монастырей в жизни общества во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Енисейской губернии) // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XI международной научно-методической конференции. Усурийск: УГПИ, 2009. С. 54–56.

Тресвятский, 2006 – Тресвятский Л.А. Влияние православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX в. Новокузнецк: МОУ ДПО ИПК, 2006. 236 с.

Фаст, 1994 – Фаст Г. Енисейск православный. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. 238 с.

Федоров, 2013 – Фёдоров И.Г. Просветительская деятельность монастырей Енисейской епархии в досоветский период // XIII Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения. Красноярск: Восточная Сибирь, 2013. С. 66–71.

Фигуровский, 1908 – Фигуровский И. Город Енисейск и его церковные достопримечательности // Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 25–26.

Харченко, 2005 – Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири: (вторая половина XIX – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 510 с.

Zamyatina, 2016 – Zamyatina N.Y. (2016). Simvolicheskii capital territorii v kontekste arkticheskikh migratsii: vzgliad iz Noril'ska [Symbolic Capital of a Territory in the Context of Arctic Migrations: A View from Norilsk]. // *Ethnographic Review*. № 4, pp. 45–59.

Skobelev, 2002 – Skobelev S. (2002). Demografiia kak politika. Korennoe naselenie Sibiri v sostave Rossiiskoi imperii i SSSR: dinamika chislennosti kak otrazhenie politiki tsentra [Demography as politics. Indigenous population of Siberia in the Russian Empire and the USSR: demographic dynamics as a reflection of the center's politics]. // *Ab Imperio*, vol. 2, pp. 181–182.

Popov, 2016 – Popov A. (2016). Re-making a Frontier Community or Defending Ethnic Boundaries. The Caucasus in Cossack Identity // *Europe-Asia Studies*, vol. 9, I. 1, pp. 1739–1757.

Mikhailova, Nadkin, 2016 – Mikhailova V.V., Nadkin V.B. (2016). Ethno-confessional identity and complementarity in the Republic of Sakha (Yakutia) // *Psychology in Russia: State of the Art*, vol. 9, I. 1, pp. 74–83.

References

AGE – Arkhiv goroda Eniseiska [Archive of the city of Yeniseisk].

Blagotvoritel'nost'..., 2009 – Blagotvoritel'nost' i sotsial'noe popechenie v Eniseiskoi gubernii (1822–1917 gg.): sbornik dokumentov [Charity and social care in the Yenisei province (1822–1917): a collection of documents]. Krasnoyarsk, 2009 [In Russian].

Bobrovnikov, 2012 – Bobrovnikov V. (2012). Anatolii Remnev kak istorik imperskogo Vostoka Rossii [Anatoly Remnev as a Historian of the Imperial East of Russia]. *Ab Imperio*. № 1. pp. 151–159 [In Russian].

Bulankov, 1989 – Bulankov V.V. (1989). Formirovanie kul'turno-istoricheskoi sredy Eniseiska v XVIII veke [Formation of the cultural and historical environment of Yeniseisk in the 18th century] // Pamyatniki istorii i kul'tury Krasnoyarskogo kraia. Krasnoyarsk. Vyp. 1, pp. 342–359 [In Russian].

Bulankov, Shumov, 1999 – Bulankov V.V., Shumov K.U. (1999). Eniseisk: Ocherki po istorii razvitiya i zastroyke goroda [Eniseysk: Essays on the history of development and city development]. Krasnoyarsk [In Russian].

Bykonya i dr., 2012 – Bykonya G.F. i dr. (2012). Eniseiskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.) [The Yenisei merchant class in persons (XVIII – early XX century)]. Novosibirsk. [In Russian].

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory].

Gorbachev i dr., 2011 – Gorbachev V.T. i dr. (2011). Gradostroitel'stvo Sibiri [Urban Development of Siberia]. SPb. [In Russian].

Dulov, 1983 – Dulov A.V. (1983). Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii. Konets XV – seredina XIX v. [Geographical environment and history of Russia. The end of the XV – the middle of the XIX century]. M. [In Russian].

Dulov, Sannikov, 2006 – Dulov A.V., Sannikov A.P. (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov [Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk [In Russian].

EKM – Eniseiskii kraevedcheskii muzei [Yenisei Museum of Local Lore]. Mindarovskii M.P. Moi zapiski i vospominaniya s 1891 po 1916 goda [Mindarovskiy M.P. My notes and memories from 1891 to 1916].

Isaeva, 2008 – Isaeva N.N. (2008). Privoznye ikony i priezhdie mastera v Prieniseiskom krae (XVII–XIX vv.) [Imported icons and visiting masters in the Prienisei region (XVII–XIX centuries)] // IX Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya v Krasnoyarske. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i budushchee Rossii. Krasnoyarsk, pp. 105–115 [In Russian].

Kartashev, 1956 – Kartashev A.V. (1956). Vossozhdanie Sv. Rusi [Recreating St. Russia]. Parizh [In Russian].

Kas'yanov, 2012 – Kas'yanov V.D., prot. (2012). Iz dnevnikov 1870–1897 gg. [From the diaries of 1870–1897.]: v 2 t. Krasnoyarsk [In Russian].

Kiskidosova, 2012 – Kiskidosova T.A. (2012). Povsednevnyaya zhizn' gorozhan niseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The daily life of the townspeople of the Yenisei province in the second half of the XIX - the beginning of the twentieth century]. Abakan [In Russian].

Kytmanov, 2016 – *Kytmanov A.I.* (2016). *Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 god* [A Brief Chronicle of the Yenisei Uyezd and Turukhansk Territory of the Yenisei Gubernia, 1594–1893]. Krasnoyarsk [In Russian].

Kratkoe opisanie..., 1916 – *Kratkoe opisanie prikhodov Eniseiskoi gubernii* [Brief description of the parishes of the Yenisei province]. Krasnoyarsk [In Russian].

Majnicheva, 2011 – *Razmeshchenie i stilevye definicii vertikal'nykh dominant goroda Enisejska (2010 g.)* [Accommodation and stylistic definitions of vertical dominants of the city of Yeniseisk (2010)] // *Balandinskiye chteniya*. Novosibirsk, 2011. pp.75–79 [In Russian].

Mozhaitseva, Tsarev, 2005 – *Mozhaitseva N.V., Tsarev V.I.* (2005). *Gradostroitel'naya letopis' Enisejska* [Town-planning chronicle of Yeniseisk]. Krasnoyarsk [In Russian].

Ocherki istorii..., 2009 – *Ocherki istorii g. Enisejska i Eniseiskogo uezda (XVII–XIX vv.)* [Essays on the history of the city of Yeniseisk and the Yenisei uyezd (XVII–XIX centuries)]. Eniseisk, 2009 [In Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]

Sannikov, Dulov, 2004 – *Sannikov A.P., Dulov A.V.* (2004). *Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov* [Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk [In Russian].

Sokolova, 2015 – *Sokolova A.A.* (2015). *Pravoslavnaya tserkov' i razvitie regionov // Vneekonomicheskie faktory prostranstvennogo razvitiya* [Orthodox Church and the development of regions] // *Non-economic factors of spatial development*. M., pp. 86–96 [In Russian].

Terskova, 2009 – *Terskova A.A.* (2009). *Rol' pravoslavnykh monastyrei v zhizni obshchestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov (na primere Eniseiskoi gubernii)* [The role of Orthodox monasteries in the life of society in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries (on the example of the Yenisei province)] // *Problemy slavyankoi kul'tury i tsivilizatsii: materialy XI mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Ussuriisk, pp. 54–56 [In Russian].

Tresvyatskii, 2006 – *Tresvyatskii L.A.* (2006). *Vliyanie pravoslavnoi kul'tury na dukhovnyuyu zhizn' v Sibiri v XVII – nachale XX v.* [The influence of Orthodox culture on the spiritual life in Siberia in the XVII – early XX century]. Novokuznetsk [In Russian].

Fast, 1994 – *Fast G.* *Eniseisk pravoslavnyi* [Eniseisk Orthodox]. Krasnoyarsk [In Russian].

Fedorov, 2013 – *Fedorov I.G.* (2013). *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' monastyrei Eniseiskoi eparkhii v dosovetskii period* [Enlightening activity of the monasteries of the Yenisei diocese in the pre-soviet period] // *XIII Krasnoyarskie kraevye obrazovatel'nye Rozhdestvenskie chteniya*. Krasnoyarsk, pp. 66–71 [In Russian].

Figurovskii, 1908 – *Figurovskii I.* (1908). *Gorod Eniseisk i ego tserkovnye dostoprimechatel'nosti* [The city of Yeniseisk and its church attractions]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. № 6, pp. 25–26 [In Russian].

Kharchenko, 2005 – *Kharchenko L.N.* (2005). *Pravoslavnaya tserkov' v kul'turnom razvitiu Sibiri: (vtoraya polovina XIX – fevral' 1917 g.): ocherk istorii* [The Orthodox Church in the cultural development of Siberia: (second half of XIX – February 1917): an outline of history]. SPb. [In Russian].

Zamyatina, 2016 – *Zamyatina N.Y.* (2016). *Simvolicheskii kapital territorii v kontekste arkticheskikh migratsii: vzgliad iz Noril'ska* [Symbolic Capital of a Territory in the Context of Arctic Migrations: A View from Norilsk]. *Ethnographic Review*. № 4, pp. 45–59

Skobelev, 2002 – *Skobelev S.* (2002). *Demografiya kak politika. Korennoe naselenie Sibiri v sostave Rossiiskoi imperii i SSSR: dinamika chislennosti kak otrazhenie politiki tsentra* [Demography as politics. Indigenous population of Siberia in the Russian Empire and the USSR: demographic dynamics as a reflection of the center's politics]. *Ab Imperio*, vol. 2, pp. 181–182

Popov, 2016 – *Popov A.* (2016). *Re-making a Frontier Community or Defending Ethnic Boundaries? The Caucasus in Cossack Identity*. *Europe-Asia Studies*, vol. 9, I. 1, pp. 1739–1757

Mikhailova, Nadkin, 2016 – *Mikhailova V.V., Nadkin V.B.* (2016). *Ethno-confessional identity and complementarity in the Republic of Sakha (Yakutia)*. *Psychology in Russia: State of the Art*, vol. 9, I. 1, pp. 74–83

УДК 94

Место и роль собора в социокультурной жизни провинциального города конца XIX – начала XX вв. (на примере Енисейска)

Анна Павловна Дворецкая ^{a, *}, Наталья Владимировна Гонина ^b, Сергей Тихонович Гайдин ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере социума города Енисейска конца XIX – начала XX в. рассматриваются место и роль местных соборов, анализируется соборный аспект православия. Авторы приходят к следующим выводам на примере локального социума Енисейска. Енисейск, находясь на фронтире, играл существенную роль в имперской стратегии государства. Для ее реализации, а также как самостоятельная ценность важен был соборный аспект православия, когда церкви, строившиеся по инициативе населения, были средоточием духовной и социальной жизни города. Через «покаяльную семью» прихожане осуществляли связь с местным сообществом, получали надежду на помощь и защиту от Бога. В повседневной религиозной деятельности верующих и клира осуществлялось сохранение культурных образцов, нравственных ценностей.

Соборы сохраняли свой статус центра социокультурной жизни Енисейска и его окрестностей и в секуляризационный период. Однако усиливается светская составляющая деятельности клира, появляются начинания на поприще образования и социальной работы.

Ключевые слова: Сибирь, Приенисейская Сибирь, Енисейск, конец XIX – начала XX в., енисейские соборы, соборность.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 586-596, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.586
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94.908.571.12

The Influence of Labor Market on the Formation of Socio-economic Structure of the Province of Tobolsk in the late XIX century

Yuriy M. Konev ^{a, *}, Lubov M. Pilipenko ^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

In the article the peculiarities of employment of the population of the Tobolsk province in the late nineteenth century, identified on the basis of the analysis of the data of the 1897 census. The most common labor activity was concentrated in Ishim, Kurgan, Tukulinsk and Autorskim districts. Basically it was men in the age ages 20–39 years and 40–59 years. The proportion of employed youth (under 20 years) was significantly less than the employed population older than 60 years. The most popular types of activities for the region were: agriculture, animal husbandry, processing of animal products, fibrous substances, the manufacture of clothing, wood and Metalloobrabotka. A significant proportion of the male population was engaged in fishing activities: fishing, hunting, gathering, beekeeping. The most popular activities among the female population – a private service, domestic servants, treatment of fibrous substances, the manufacture of clothing. Detail the trade, with all its varieties, as a consequence of the above occupations. The findings that the different age periods, both in men and women, occupation of the population could change, depending on the severity of the labour, endurance, experience required. For objective analysis of employment in the region considered population with unknown classes, and uncertain professions, most of whom lived in Ishim, Autorskim and Kurgan districts, and the share of exiles (including women).

Keywords: Tobolsk province, population, district, employment, type of occupation.

1. Введение

Являясь одним из индикаторов национального благополучия и стабильности, рынок труда в конце XIX века, представлял, преимущественно, интересы государства.

Медленный технический прогресс, а также сосредоточение весомой доли рабочей силы в сельском хозяйстве, характеризовали Российскую империю как «аграрную страну».

Однако, занятость населения, как основополагающая сфера общественных отношений, приобретала свои особенности формирования и развития, отражая конкурентоспособность рабочей силы и в целом рынок труда, актуальность видов занятости, исходя их географических особенностей, динамику спроса и предложения.

Тобольская губерния в начале XIX в., как и вся Сибирь, была социально-экономически слаборазвитой территорией: отсутствие какой-либо общественной жизни, слабая инфраструктура, низкий уровень образованности и занятости. И только к концу XIX века, благодаря развитию таких городов как Тобольск, Тюмень – превращению их в торгово-транспортные центры, развитию капиталистической промышленности в регионе, росту населения (в том числе за счет ссыльных), регион приобрел более сложную социально-экономическую структуру.

* Corresponding author

E-mail addresses: konev_um@bk.ru (Yu.M. Konev), tiner007@mail.ru (L.M. Pilipenko)

2. Материалы и методы

В 1897 году была проведена первая всеобщая перепись населения, которая стала единственным источником данных о численности и составе населения в конце XIX века. Несмотря на то, что часть ученых рассуждали о недостатках в проведении переписи и обработке полученных материалов (Сафронов, 2002: 28; Скубневский, 1990: 98-119; Скубневский, 1998: 99-106), ее данные позволяют провести статистический анализ социально-экономического положения региона с точки зрения занятости населения Сибири.

Источником данных выступили материалы по результатам переписи с распределением населения по видам занятий, возрастным группам, полу, национальности (Тройницкий, 1905). Листы переписи содержат сведения как о занятиях самостоятельных лиц мужского и женского пола, так и о занятиях членов их семьи, находящихся при них.

В исследовании анализировалась занятость только самостоятельного населения мужского и женского пола городов, уездов, округов Тобольской губернии в разрезе пола, возраста и рода занятий.

В качестве методов исследования использованы:

- исторический анализ, который позволил провести научную обработку архивных данных Переписи населения 1897 г. и выделить наиболее популярные виды занятости в Тобольской губернии;

- статистическо-корреляционный анализ, с помощью которого были классифицированы виды занятости населения относительно таких признаков как пол, возраст и место проживания;

- историко-системный метод, который позволил выявить историческую обусловленность экономической активности населения, характерные для Тобольской губернии.

3. Обсуждение

Поскольку уровень занятости населения является одним из индикаторов национального благополучия и стабильности, исследованием рынка труда активно занимались политологи, экономисты и социологи в разные периоды и эпохи.

Современные ученые посвятили вопросам истории занятости, а также ее роли в развитии общества как самоорганизующейся системы, ряд исследований.

Детальный анализ теоретических основ безработицы, а также ее ретроспектива представлены в работах В.П. Пашина, С.В. Богданова, Д.В. Арбатского (Пашин, Богданов, 2004; Арбатский, 2010). Влияние социально-экономических трендов прошлых лет на текущее состояние безработицы и занятости населения анализируется в работах Е. Авраамовой (Авраамова, 2017).

Исследованию истории трудового законодательства в России, а также правовых аспектов регулирования занятости на рубеже веков посвящены работы Н.С. Баранова (Баранова, 2016). В единичных работах ученых исследуется структура занятости населения отдельных районов России, губерний, городов в конце XIX – начале XX вв. (Бойко, 2012; Бойко, 2012; Хамитбаева, Багаутдинова, 2016; Ланкина, 2013).

Не менее интересен для современных ученых вопрос исторической взаимосвязи национальности и профессиональной ориентации, чему посвящены научные труды И.Е. Крапоткина, Т.Т. Курчатова, В.Г. Жалсановой (Крапоткина, 2016; Курчатова, 2016; Жалсанова, 2016).

В рамках исследуемой темы важно также отметить научные работы, в которых представлен емкий исторический анализ социальных преобразований в различных сферах жизнедеятельности населения именно Тобольской губернии, о которой пойдет речь в статье (Храмцов, 2012; Sungurov, Khrantsov, 2016; Khrantsov, 2017).

4. Результаты

Общая численность самозанятого населения Тобольской губернии (куда входило 10 округов: Березовский, Ишимский, Курганский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюкалинский, Тюменский, Ялуторский) по результатам Переписи составляла 369 876 чел, при том, что существовала разница между округами по количеству проживающих в нем: от 1–2 % до 17 %. Самыми слабозаселенными были Сургутский и Березовский округа.

Таблица 1. Занятое население Тобольской губернии, (чел., %)

Тобольская губерния:	Занятое население, чел	Занятие население, %
Березовский округ	5 960	2
Ишимский округ	64 458	17
Курганский округ	63 320	17
Сургутский округ	2 190	1
Тарский округ	42 452	11
Тобольский округ	34 625	9

Туринский округ	16 751	5
Тюкалинский округ	49 754	13
Тюменский округ	41 852	11
Ялуторский округ	48 514	13

Соотношение мужчин и женщин в целом по Тобольской губернии находилось в соотношении 83 % к 17 %, максимальная доля женского населения была в Тюменском и Ялуторском округах (24 % и 21 % соответственно).

Наибольшее количество самостоятельного занятого населения в возрасте 20–39 лет и 40–59 лет (35,49 % и 38,6 %). Следует отметить, что категория населения моложе 12 лет и до 17 лет, занятых каким-либо видом деятельности составила чуть более 4,5 %.

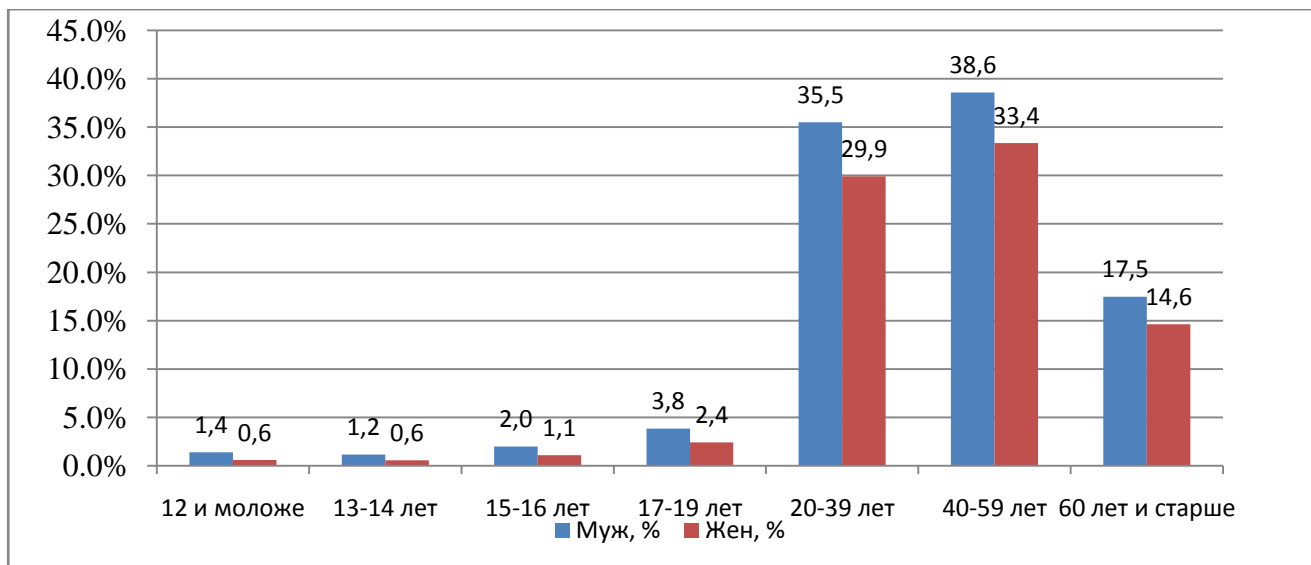

Рис. 1. Занятое население Тобольской губернии относительно пола и возраста, (%)

Если в возрасте до 19 лет соотношение занятых мужчин и женщин отличалось незначительно, то после 20 лет – разница в разрезе полов составляла более 20 %.

Таблица 2. Занятое население Тобольской губернии относительно пола и возраста, (чел., %)

Занятое население	Население, чел			Население, %		
	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен
Возраст	369 876	305 584	64 292	100	82.62	17.38
12 и моложе	5 193	2 216	2 977	1.40	0.60	0.80
13-14 лет	4 286	2 065	2 221	1.16	0.56	0.60
15-16 лет	7 385	4 015	3 370	2.00	1.09	0.91
17-19 лет	14 159	8 932	5 227	3.83	2.41	1.41
20-39 лет	131 261	110 672	20 589	35.49	29.92	5.57
40-59 лет	142 755	123 381	19 374	38.60	33.36	5.24
60 лет и старше	64 584	54 109	10 475	17.46	14.63	2.83
неизвестно лет	253	194	59	0.07	0.05	0.02

Все виды занятий в итоговых таблицах переписи разделены на 65 групп, две из которых включают неопределенные профессии и неизвестные занятия.

Согласно переписи, самыми популярным видом занятости в Тобольской губернии являлось сельское хозяйство (чуть менее 250 000 чел. – 67,4 % населения) – несмотря на то, что климатические условия не позволяли сельскому хозяйству развиваться теми же темпами, что и центральной части России – от людей требовалось много опыта, усердия и трудолюбия.

Преимущественно в нем было занято мужское население (почти 90 %), в возрасте 20–59 лет. Следует отметить, что доля женщин, занятых в сельском хозяйстве в возрасте 20–59 лет примерно на одном уровне (3,6–3,9 %), а доля мужчин после 40 лет увеличивается почти до 39 %. Возможно это обусловлено переходом на данный вид занятости с более тяжелого, энергозатратного и трудоемкого. Доля группы населения моложе 12 лет и до 17 лет ничтожно мала и составляет менее 1 %.

Таблица 3. Занятое население Тобольской губернии в сельском хозяйстве относительно пола и возраста, (чел., %)

Возраст	Население, чел			Население, %		
	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен
	249 208	223 901	25 307	100	89.85	10.15
12 и моложе	870	548	322	0.35	0.22	0.13
13–14 лет	1 429	890	539	0.57	0.36	0.22
15–16 лет	3 317	2 174	1 143	1.33	0.87	0.46
17–19 лет	7 222	5 331	1 891	2.90	2.14	0.76
20–39 лет	86 905	77 885	9 020	34.87	31.25	3.62
40–59 лет	106 000	96 279	9 721	42.53	38.63	3.90
60 лет и старше	43 335	40 703	2 632	17.39	16.33	1.06
неизвестно лет	110	91	19	0.04	0.04	0.01

На втором месте по популярности – частная служба, прислуга, поденщики (6,26 %), где максимальное количество занятых в возрасте 20–39 лет – чуть более 38 %, однако весомую долю составляет молодежь до 17 лет – 16 % занятых.

Следует отметить, что если в сельском хозяйстве, преимущественно были заняты мужчины (90 %), то в частной службе, прислуге и наемном труде, разделение по полу было чуть больше в сторону женского населения и независимо от возраста (44 % мужчин к 56 % женщин).

Таблица 4. Занятое население Тобольской губернии в частной службе, поденщики, прислуга относительно пола и возраста, (чел., %)

Возраст	Население, чел			Население, %		
	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен
	23167	10220	12947	100	44.11	55.89
12 и моложе	967	94	873	4.17	0.41	3.77
13-14 лет	1059	185	874	4.57	0.80	3.77
15-16 лет	1682	421	1261	7.26	1.82	5.44
17-19 лет	2604	858	1746	11.24	3.70	7.54
20-39 лет	8818	4298	4520	38.06	18.55	19.51
40-59 лет	5813	3160	2653	25.09	13.64	11.45
60 лет и старше	2207	1197	1010	9.53	5.17	4.36
неизвестно лет	17	7	10	0.07	0.03	0.04

Весомую роль в формировании структуры занятости населения Сибири, в частности Тобольской губернии сыграло скотоводство. Оно давало не только пищу, одежду, обувь, игрушки для детей, но и возможность сдавать кожу на кожевенное производство. Так, по результатам переписи животноводством в Тобольской губернии занималось 4742 чел, это 1,28 % от общего самозанятого населения губернии, преимущественно мужчины (91 %); обработкой животных продуктов (в том числе мойка шерсти, проработка пуха, пера, щетины, производство кож и выделка кож) занимались – 0,67 % населения, в сфере изготовления одежды было занято 2,3 % населения. Не менее значимым для края была также как обработка волокнистых веществ – 2,28 %.

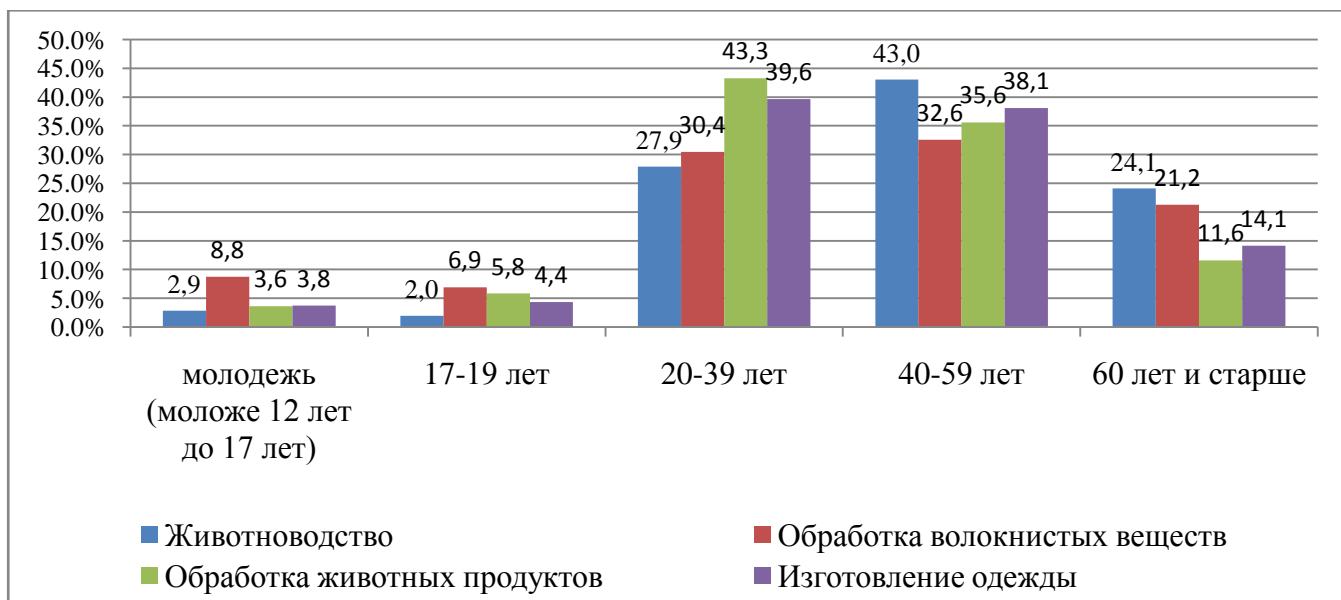

Рис. 2. Занятость населения Тобольской губернии в животноводстве, обработке животных продуктов, волокнистых веществ, изготовлении одежды относительно возраста, (%)

Исходя из данных рис 1., после достижения населением 19-летнего возраста, наблюдалось резкое увеличение числа занятых по всем четырем направлениям, а также постепенный спад уровня занятости по данным направлениям к 60 годам до минимального показателя – 11,6 %.

Если животноводство и обработка животных продуктов было исключительно мужским занятием, то обработка волокнистых веществ – преимущественно женским.

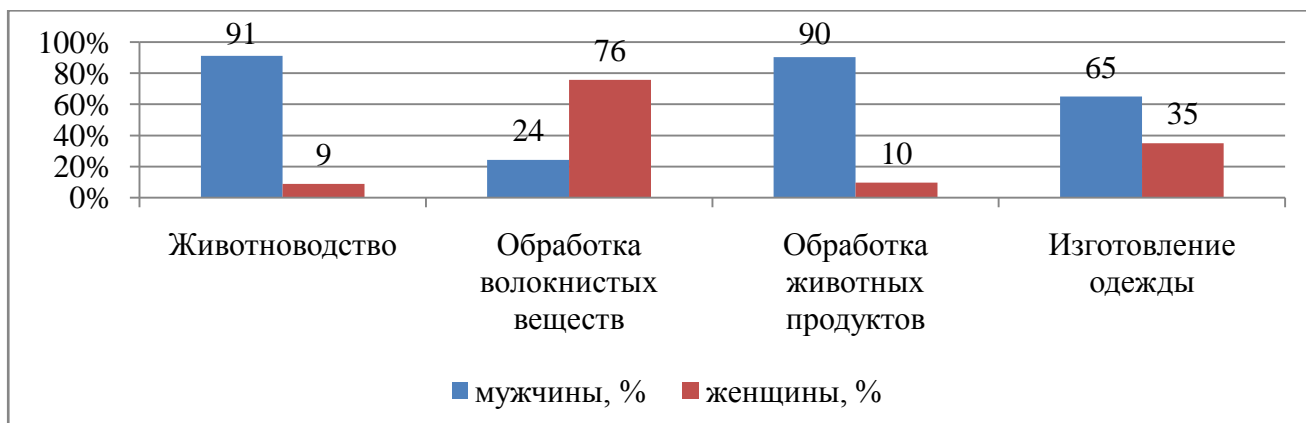

Рис. 3. Занятость населения Тобольской губернии в животноводстве, обработке животных продуктов, волокнистых веществ, изготовлении одежды относительно пола, (%)

Если в сфере изготовления одежды в возрастной группе 20–39 лет, количество занятых мужчин и женщин примерно на одном уровне (1887 мужчин и 1490 женщин, то после 40 лет, количество женщин в данной отрасли снова резко сокращается до уровня 10 %.

Таблица 5. Население Тобольской губернии, занятое изготовлением одежды, (чел., %)

Возраст	Муж, %	Жен, %
12 и моложе	0.3	0.2
13-14 лет	0.5	0.5
15-16 лет	1.0	1.3
17-19 лет	1.4	2.9
20-39 лет	22.1	17.5
40-59 лет	27.7	10.3
60 лет и старше	11.9	2.3
неизвестно лет	0.1	0.0

Альтернативой животноводству и сельскому хозяйству выступали промысловые виды деятельности: рыболовство, охота, собирательство, пчеловодство, где было занято 8 062 чел. – это 2,18 %, лесоводством и лесными промыслами – 0,38 % (1408 чел). Особого деления на мужские и женские виды промыслов не было, поскольку количество женщин было значительно меньше, чем мужчин, а максимальное участие женщин в данных видах занятости было в возрасте 20–59 лет, но с долей участия не более 2 %.

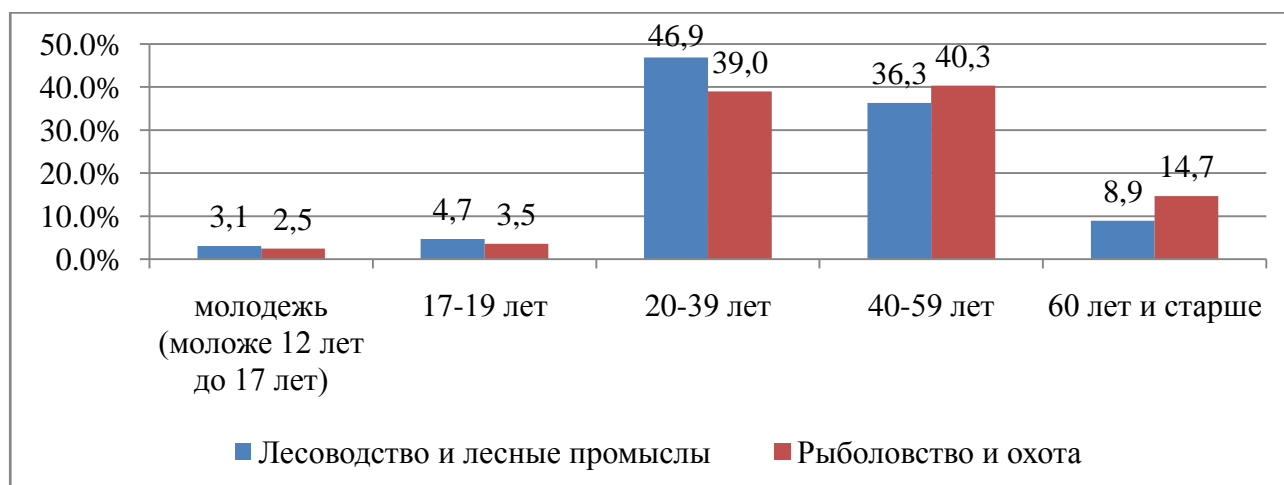

Рис. 4. Занятость населения Тобольской губернии в промысловых видах деятельности относительно возраста, (%)

Большая часть населения была занята в сельском и кочевом хозяйстве, рыболовстве или охоте в Ишимском, Курганском, Тюкалинском и Ялуторском округах.

Таблица 6. Занятость населения Тобольской губернии промысловыми видами деятельности, (чел., %)

Тобольская губерния:	Занятость промысловыми видами деятельность	
	Кол-во чел	Доля, %
Березовский округ	4 731	2
Ишимский округ	51 185	18
Курганский округ	48 983	16
Сургутский округ	1 611	1
Тарский округ	29 920	10
Тобольский округ	19 373	7
Туринский округ	12 076	4
Тюкалинский округ	40 190	14
Тюменский округ	18 196	6
Ялуторский округ	35 761	12

В обрабатывающем производстве (дерево, металл) было занято 6 129 чел, что составило 1,66 %, при том, что в деревообрабатывающем производстве было занято 15 % женщин, а в металлообработке – лишь 1 % (преимущественно в возрасте от 20 до 39 лет). Количество населения старше 60 лет, задействованного в обработке металла, было чуть меньше общего количества молодежи (12 лет и моложе до 19 лет). – 305 чел. к 247 чел.

Таблица 7. Занятость населения Тобольской губернии в дерево- и металлообработке, (чел., %)

Вид занятости населения	Количество, чел	моложе 12–17 лет	17–19 лет	20–39 лет	40–59 лет	60 лет и старше
Обработка дерева	3 447	11.0	4.4	31.0	34.0	19.5
Обработка металлов	2 682	5.0	6.3	46.1	33.3	9.2

Вследствие занятости населения с сельском хозяйстве, животноводстве и сопутствующих сферах, обрабатывающей промышленности незначительный толчок для развития получила торговля (в ней было задействовано менее 2 % населения), которая как вид экономической деятельности в регионе была достаточно разнообразной. Самыми популярными видами торговли были: торговля вообще; торговля живым скотом; зерновыми продуктами; остальными продуктами сельского хозяйства; тканями и предметами одежды; кожами, мехами и прочее; торговля остальными предметами; торговля разносная и развозная.

Таблица 8. Занятость населения Тобольской губернии в торговле, (%)

Вид торговли	Занятость, %
Торговое посредничество	0,02
Торговля вообще	0,49
Торговля живым скотом	0,13
Торговля зерновыми продуктами	0,07
Торговля остальными продуктами сельского хозяйства	0,53
Торговля строительными материалами и топливом	0,03
Торговля предметами домашнего обихода	0,02
Торговля разного рода металлическими товарами, машинами и оружием	0,03
Торговля тканями и предметами одежды	0,24
Торговля кожами, мехами и проч.	0,04
Торговля предметами роскоши, наук, искусств, культа и т.д.	0,01
Торговля остальными предметами	0,06
Торговля разносная и развозная	0,11

Если рассматривать занятость мужского и женского населения в зависимости от видов торговли, то женский труд использовался преимущественно в продаже продуктов сельского хозяйства (4,8 % от общего количества занятых в торговле).

Таблица 9. Занятость населения Тобольской губернии в торговле, относительно пола (чел; %)

Вид занятости населения	Все	Муж	Жен	Муж, %	Жен, %
Торговля всего	6539	5730	809	87.6	12.4
Торговое посредничество	66	63	3	1.0	0.0
Торговля вообще	1815	1587	228	24.3	3.5
Торговля живым скотом	463	446	17	6.8	0.3
Торговля зерновыми продуктами	272	253	19	3.9	0.3
Торговля остальными продуктами сельского хозяйства	1947	1632	315	25.0	4.8
Торговля строительными материалами и топливом	102	94	8	1.4	0.1
Торговля предметами домашнего обихода	91	80	11	1.2	0.2
Торговля разного рода металлическими товарами, машинами и оружием	95	89	6	1.4	0.1
Торговля тканями и предметами одежды	877	774	103	11.8	1.6
Торговля кожами, мехами и проч.	165	149	16	2.3	0.2
Торговля предметами роскоши, наук, искусств, культа и т.д.	38	31	7	0.5	0.1
Торговля остальными предметами	219	210	9	3.2	0.1
Торговля разносная и развозная	389	322	67	4.9	1.0

Наиболее популярна торговля была у населения 20–39 лет – в этом возрастном интервале трудились более 2,5 тыс. чел. (40,6 %) от всех занятых в данной сфере.

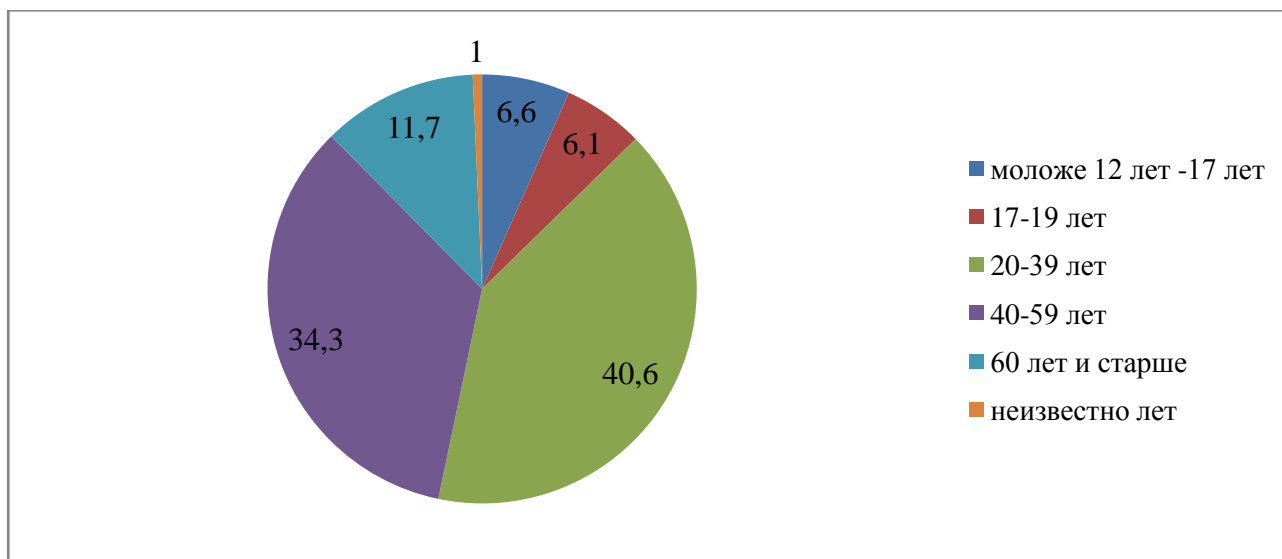

Рис. 5. Занятость населения Тобольской губернии в торговле, относительно возраста (%)

Примечательно, что количество молодежи в торговле (лиц до 12 лет и до 17 лет) почти в 2 раза меньше лиц 60 лет и старше (6,6 % к 11,7 %). Если первая категория была максимально задействована в торговом посредничестве, торговле остальными продуктами сельского хозяйства, разного рода металлическими товарами, машинами и оружием, тканями и предметами одежды, а также предметами роскоши, наук, искусств, культа и т.д. То население в возрасте 60 лет и старше – преимущественно занималось продажей строительных материалов и топлива (16,7 %), живого скота (15,8 %), предметов домашнего обихода (14,3 %), разносной и развозной торговлей (15,2 %).

По результатам переписи более 2 % населения Тобольской губернии – это лица неопределенных профессий (1,84 %) и с неизвестным родом занятий – 0,72 %. В целом – это 9460 чел., не указавших или не имеющих профессию/занятие, которые проживали в своем большинстве в Ишимском, Курганском и Ялуторском округах.

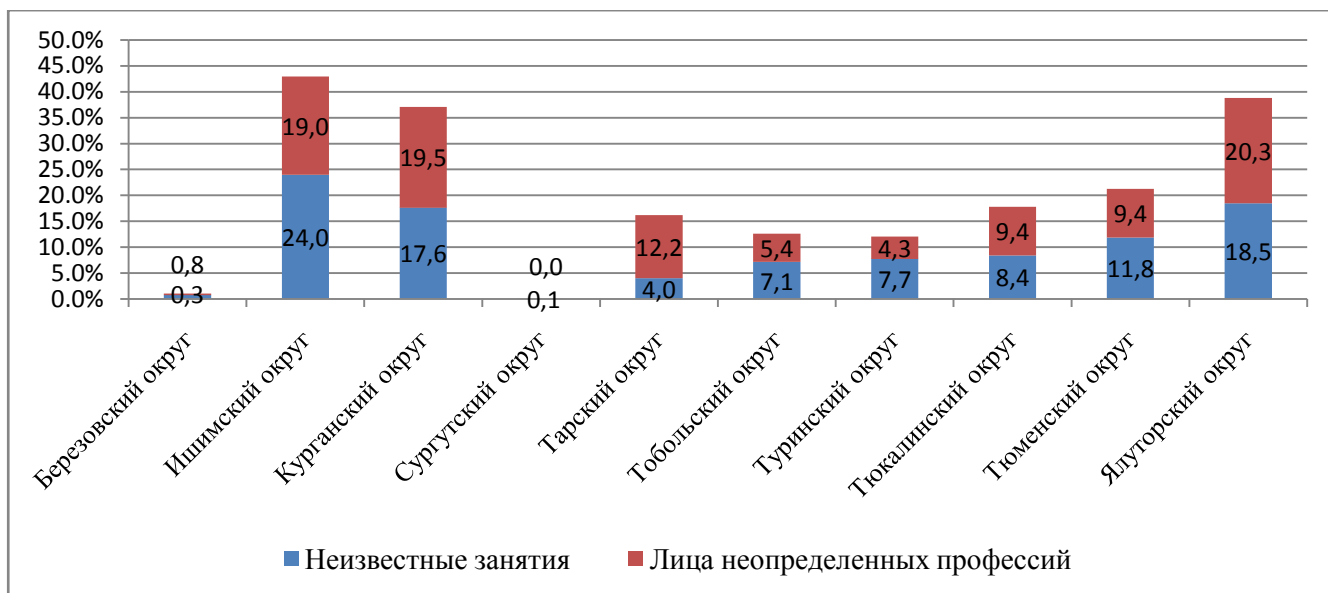

Рис. 6. Население Тобольской губернии с неизвестным родом занятий или неопределенных профессий, (%)

Если неизвестные занятия в большей степени были присущи женскому населению (66,8 % от данной категории) в возрасте: моложе 12 лет, 20–39 лет, 40–59 лет, 60 лет и старше, то лица неопределенных профессий в основном – мужчины (62,9 %), в возрасте 60 лет и старше.

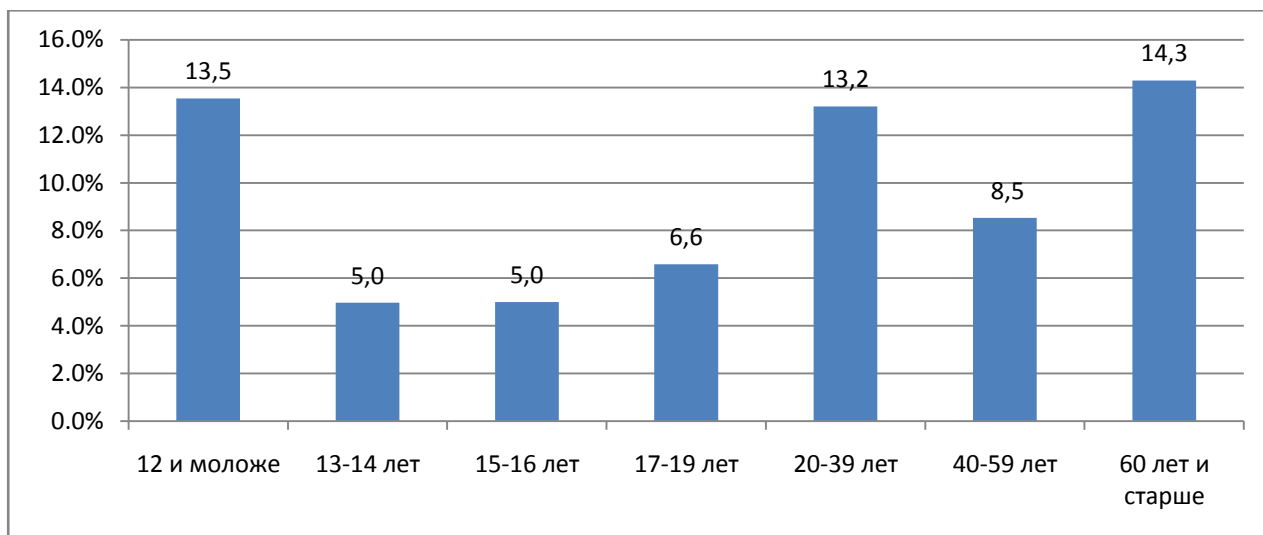

Рис. 7. Неизвестные занятия среди женского населения Тобольской губернии, %

Лишенных свободы и отбывающих наказание в Тобольской губернии по результатам переписи было 2904 чел. (0,79 %), в том числе 94 женщины.

Следует отметить, что удельный вес ссыльных и ссыльнопоселенцев в составе населения Сибирского региона в целом увеличился с 4,1 % в 1795 г. до 10,5 % в 1833 г. По данным девятой ревизии (1850), за Уралом находилось 104,3 тыс. учтенных ссыльнопоселенцев. Согласно сведениям Главного тюремного управления Российской империи, на январь 1898 г. в регионе было сосредоточено 310 тыс. ссыльных всех категорий. Всего же с 1823 по 1888 г. в Сибирь было сослано, учитывая членов семей, 767849 чел. (Туган-Барановский, 1992: 298-299).

5. Заключение

Обобщая результаты статистического анализа занятости населения Тобольской губернии в конце XIX века, необходимо отметить следующее. Неблагоприятные природно-климатические условия, слабая заселенность, географическая отдаленность от центральной части России оказали непосредственное влияние на социально-экономическое развитие Тобольской губернии.

Социальная и трудовая активность населения Тобольской губернии характеризуется как сложная и многогранная. Наиболее популярными видами занятости населения Тобольской губернии в конце XIX века являлись: сельское хозяйство, животноводство, обработка животных продуктов, волокнистых веществ, изготовление одежды, дерево и металлообработка, а также разновидности торговли.

Каждый округ имел свою специфику по популярности способов получения доходов. Самый высокий процент занятости был в Ишимском, Курганском, Тюкалинском, Ялуторском округах.

Экономически активное население было сосредоточено в возрастном интервале 40–59 лет, преимущественно – мужчины, однако в зависимости от вида деятельности активность той или иной возрастной группы, могла меняться.

Доля ссыльных и каторжан по результатам переписи в Тобольской губернии была относительно малой.

Литература

Авраамова, 2017 – Авраамова Е., Гришина Е., Малева Т. и др. Социально-экономическое положение населения: анализ текущих трендов (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХИГС) // *Экономическое развитие России*. 2017. Т. 24. №2. С. 46-57.

Арбатский, 2010 – Арбатский Д.В. Проблемы занятости и безработицы // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2010. №16 (20). С. 43-45.

Баранова, 2016 – Баранова Н.С. История трудового законодательства в России в 1917–1920 гг. // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2016. №1 (174). С. 31-34.

Бойко, 2012 – Бойко Я.В. Разделение труда и структура занятости населения в губерниях центрального Черноземья в конце XIX в. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. №1. С. 366-376.

Бойко, 2013 – Бойко Я.В. Разделение труда и структура занятости населения в губерниях центрального Черноземья в конце XIX в. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2013. №2. С. 21-33.

- Жалсанова, 2016** – Жалсанова В.Г. Батрачество как социальный феномен современного российского села // *Власть*. 2016. №6. С. 86-91.
- Крапоткина, 2016** – Крапоткина И.Е., Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Численный состав и профессиональная занятость немецкого населения казанской и вятской губерний по результатам всероссийской переписи населения 1897 г. // *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 4-2 (28). С. 25-33.
- Курчатова, 2016** – Курчатова Т.Т., Андреев А.П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // *Общество: философия, история, культура*. 2016. №4. С. 72-74.
- Ланкина, 2013** – Ланкина Ю.С. Занятость населения как важный элемент повседневной жизни городов юга дальнего востока России в конце XIX – начале XX в. // *Наука Красноярья*. 2013. №3 (08). С. 39-54.
- Пашин, Богданов, 2004** – Пашин В. П., Богданов С. В. Государство и безработица в России: 1900–2000 гг. Курск: Кур. гос. техн. ун-т, 2004. 299 с.
- Сафронов, 2002** – Сафронов А.А. Отношение населения к проведению первой всеобщей переписи Российской Империи 1897 г.: слухи, толки, волнения // *Документ. Архив. История. Современность*: Сб. науч. Тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002.
- Скубневский, 1990** – Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // *Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири*. Барнаул, 1990. С. 98-119.
- Скубневский, 1998** – Скубневский В.А. Население Алтая по данным переписи 1987 г. // *Образование и социальное развитие региона*. Барнаул, 1998. № 1. С. 99-106.
- Тройницкий, 1905** – Тройницкий Н. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. 1-4. / Н. Тройницкий. Санкт-Петербург, 1905.
- Туган-Барановский, 1922** – Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем // *Историческое развитие русской фабрики в XIX веке*. М., 1922. С. 298-299.
- Хамитбаева, Багаутдинова, 2016** – Хамитбаева Н., Багаутдинова Х. Численность и занятость населения города АРСКА в конце XIX – начале XX в. // *Гасырлар авазы*. 2016. Т. 3-4 (84-85). С. 250-259.

References

- Avraamova, 2017** – Avraamova E., Grishina E., Maleva T. i dr. (2017). Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie naseleniya: analiz tekushchikh trendov (po rezul'tatam regul'yarnogo monitoringa INSAP RANKhIGS). [The socio-economic situation of the population: analysis of current trends]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. Т. 24. №2. pp. 46-57. [in Russian].
- Arbatskii, 2010** – Arbatskii D.V. (2010). Problemy zanyatosti i bezrobotitsy. [The problems of employment and unemployment]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. №16 (20). pp. 43-45. [in Russian].
- Baranova, 2016** – Baranova N.S. (2016). Istoriya trudovogo zakonodatel'stva v Rossii v 1917–1920 gg. [History of labour legislation in Russia in 1917-1920]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. №1 (174). pp. 31-34. [in Russian].
- Boiko, 2012** – Boiko Ya.V. (2012). Razdelenie truda i struktura zanyatosti naseleniya v guberniyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX v. [The division of labor and the employment structure of the population in the provinces of the Central Chernozem region in the end of XIX century]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. №1. pp. 366-376. [in Russian].
- Boiko, 2013** – Boiko Ya.V. (2013). Razdelenie truda i struktura zanyatosti naseleniya v guberniyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX v. [The division of labor and the employment structure of the population in the provinces of the Central Chernozem region in the end of XIX century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. №2. pp. 21-33. [in Russian].
- Zhalsanova, 2016** – Zhalsanova V.G. (2016). Batrachestvo kak sotsial'nyi fenomen sovremennogo rossiiskogo sela. [The peonage as a social phenomenon of the modern Russian village]. *Vlast'*. №6. pp. 86-91. [in Russian].
- Krapotkina, 2016** – Krapotkina I.E., Salimova D.A., Danilova Yu.Yu. (2016). Chislennyi sostav i professional'naya zanyatost' nemetskogo naseleniya kazanskoi i vyatskoi gubernii po rezul'tatam vserossiiskoi perepisi naseleniya 1897 g. [The membership and professional employment of the German population of Kazan and Vyatskaya gubernias according to the results of the national census of 1897]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. №4-2 (28). pp. 25-33. [in Russian].
- Kurchatova, 2016** – Kurchatova T.T., Andreev A.P. (2016). Evrei Yakutii v kontse XIX v. (po materialam Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 g.). [The Jews of Yakutia in the late XIX century (on materials of the First General population census of 1897)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. №4. pp. 72-74. [in Russian].
- Lankina, 2013** – Lankina Yu.S. (2013). Zanyatost' naseleniya kak vazhnyi element povsednevnoi zhizni gorodov yuga dal'nego vostoka Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Employment as an important

element of everyday life in the South of the Russian far East in the late XIX – early XX century.]. *Nauka Krasnoyarskaya*. №3 (08). pp. 39-54. [in Russian].

Pashin, Bogdanov, 2004 – *Pashin V. P., Bogdanov S. V.* (2004). Gosudarstvo i bezrobotitsa v Rossii: 1900-2000 gg. [The state and unemployment in Russia: 1900-2000]. Kursk: Kur. gos. tekhn. un-t. 299 p. [in Russian].

Safronov, 2002 – *Safronov A.A.* (2002). Otnoshenie naseleniya k provedeniyu pervoi vseobshchei perepisi Rossiiskoi Imperii 1897 g.: slukhi, tolki, volneniya. [The attitude of the population to the first General census of the Russian Empire in 1897: rumors, gossip, excitement]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Sb. nauch. Tr. Vyp. 2. Ekaterinburg*. [in Russian].

Skubnevskii, 1990 – *Skubnevskii V.A.* (1990). Gorodskoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [The urban population of Siberia according to the materials of the 1897]. *Problemy genezisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnoshenii v Sibiri. Barnaul*. pp. 98-119. [in Russian].

Skubnevskii, 1998 – *Skubnevskii V.A.* (1998). Naselenie Altaya po dannym perepisi 1987 g. [The population of the Altai Republic according to the census of 1987]. *Obrazovanie i sotsial'noe razvitie regiona. Barnaul*. №1. pp. 99-106. [in Russian].

Troinitskii, 1905 – *Troinitskii N.* (1905). Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam. [Distribution of population by main occupation and age groups in separate territorial areas]. Т. 1-4. / N. Troinitskii. Sankt-Peterburg. [in Russian].

Tugan-Baranovskii, 1922 – *Tugan-Baranovskii M.* (1922). Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. [Russian factory in past and present]. *Istoricheskoe razvitie russkoi fabрики v XIX veke*. М. pp. 298-299. [in Russian].

Khamitbaeva, Bagautdinova, 2016 – *Khamitbaeva N., Bagautdinova Kh.* (2016). Chislennost' i zanyatost' naseleniya goroda ARSKA v kontse XIX – nachale XX v. [Population and employment the city of ARSK in the late XIX – early XX century]. *Gasyrlar avazy*. Т. 3-4 (84-85). pp. 250-259. [in Russian].

УДК 93/94.908.571.12

Влияние особенностей рынка труда на формирование социально-экономической структуры Тобольской губернии в конце XIX века

Юрий Михайлович Конев^{a, *}, Любовь Митрофановна Пилипенко^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены особенности занятости населения Тобольской губернии в конце XIX века, выявленные на основе анализа данных переписи 1897 года.

Установлено, что наибольшая трудовая активность была сосредоточена в Ишимском, Курганском, Тюкалинском и Ялуторском округах. В основе своей – это были мужчины в возрастных периодах 20–39 лет и 40–59 лет. Доля занятой молодежи (до 20 лет) была существенно ниже занятого населения старше 60 лет.

Наиболее популярными видами занятий для региона являлись: сельское хозяйство, животноводство, обработка животных продуктов, волокнистых веществ, изготовление одежды, дерево и металлообработка. Значительная доля мужского населения занималась промышленными видами деятельности: рыболовство, охота, собирательство, пчеловодство.

Установлены наиболее востребованные виды деятельности среди женского населения – частная служба, прислуга, обработка волокнистых веществ, изготовление одежды. Подробно рассмотрена торговля, в разрезе ее разновидностей, как следствие развития вышеперечисленных видов деятельности.

Сделан вывод, что в разные возрастные периоды, как у мужчин, так и у женщин, род занятий населения мог меняться, в зависимости от тяжести труда, выносливости, требуемого опыта.

Для объективного анализа занятости региона рассмотрены категории населения с неизвестными занятиями и неопределенных профессий, большинство которых проживало в Ишимском, Ялуторском и Курганском округах, а также доля ссыльных (в том числе женщин).

Ключевые слова: Тобольская губерния, население, округ, занятость населения, вид занятия.

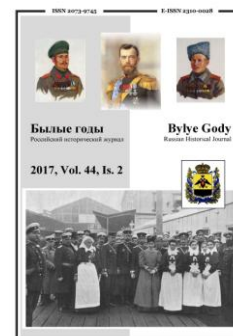
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: konev_um@bk.ru (Ю.М. Конев), tinero07@mail.ru (Л.М. Пилипенко)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 597-607, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.597
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930(091)

Civil and Legal Activities of the Lawyer A. Turlybayev in Siberia at the beginning of the 20th century

Rauan Zh. Baidaly^{a,*}, Ziyabek E. Kabuldinov^a, Aidar A. Aitmuhambetov^b, Elmira K. Nauryzbaeva^c

^a Eurasian National University named after L. Gumilyov, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay State University A. Baitursynov, Republic of Kazakhstan

^c Kostanay State Pedagogical Institute, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article presents a detailed analysis of the life of the prominent representative of the Kazakh intelligentsia A. Turlybayev. Based on numerous sources of Russian archives, it was possible to restore little-known facts from his biography. The formation of A. Turlybayev as a personality began at Omsk gymnasium, the diploma of which was the basis of his further evolution. Subsequently, he entered and graduated from the Faculty of Law of St. Petersburg University. University life is characterized by the formation of his life position, expanding his scientific and educational horizons. In the capital period, Turlybayev established contacts with representatives of the scientific sphere. The service career of Turlybayev began in Siberia. Being an employee of the judicial and law enforcement bodies Turlybayev established himself as an effective employee. At the beginning of the 20th century during the awakening of political activity in the empire Turlybayev is included in the social life of the Siberian region. Later, during the period of the revolution and the civil war, he cooperates with political forces that are oriented toward protecting the political and civil interests of the population. In the mid 30's as a result of unsubstantiated accusations A. Turlybayev was shot. The article gives an evaluation of his activity as an active figure in the political organization of Alash-Orda. The life and fate of A. Turlybayev are an indicator of this man's desire to transform the Kazakh society against the civil opposition in the state.

Keywords: gymnasium, Saint-Petersburg Imperial University, Omsk judicial chamber, lawyer, magistrate, juror, Committee, Congress, Alash, a commissary, social and political activities.

1. Введение

В XIX веке в казахском обществе начинается процесс формирования светско подготовленной казахской интеллигенции. Группа казахской интеллигенции состояла из представителей разных социальных групп. Многие интеллигенты учились в российских университетах. Дипломированные специалисты впоследствии работали на государственной службе в качестве канцелярских работников, юристов, служащих. Казахские интеллигенты, точно рассредоточенные в крупных населенных пунктах, проявляли корпоративизм, занимались общественной и политической деятельностью. Одним из ярких представителей интеллигенции являлся А. Турлыбаев.

Уроженец Кокчетавского уезда, выходец из небогатой семьи А. Турлыбаев обучался в Омской мужской гимназии. Впоследствии он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Он учился за счет казенной стипендии, которая формировалась из казахских общественных сумм. В студенческий период Турлыбаев начинает активно сотрудничать с редакцией казахских газет, публикуя свои статьи в научно-публицистической направленности. Служебная

* Corresponding author

E-mail addresses: rbaidali@mail.ru (R. Baydaly), kabulzia@rambler.ru (Z.E. Kabuldinov), aidar_abaivi4@mail.ru (A.A. Aitmuhambetov), elmira_kn@mail.ru (E.K. Nauryzbaeva)

деятельность Турлыбаева стартовала в Омской судебной палате. Свою карьеру он продолжил в Тобольском окружном суде. За период своей службы Турлыбаев зарекомендовал себя в качестве успешного специалиста. Он не имел нареканий на службе. В дальнейшем Турлыбаев состоял в качестве преуспевающего адвоката и имел популярность в Омске. Турлыбаев продолжал взаимодействовать с казахскими прогрессистами и российскими либералами, отстаивая интересы казахского общества. В 1917 году в период гражданского противостояния Турлыбаев был в числе организаторов казахского политического движения, ориентированного на создание казахской автономии в составе провозглашенной либералами Февральской революции демократического государства. В середине 1920-х гг. в период установления советской власти, Турлыбаева смещают со всех административных должностей. Он работал по специальности юрист в различных учреждениях. В 1937 г. Турлыбаев по сфабрикованному обвинению в измене Советской власти был расстрелян. В 1957 году его реабилитировали по отсутствию состава преступления. Обращение автора крайне не известным источникам позволит восполнить пробелы в судьбе А. Турлыбаева.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили документы и материалы, хранящиеся в архивах и опубликованные в специальных изданиях. К первой группе источников относятся, собственно, архивные фонды, востребованность которых обусловлена динамично возрастающим интересом исследователей к историческим проблемам обозначенного периода. В работе использованы материалы фондов Государственного архива Российской Федерации, Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Томской области, Исторического архива Омской области.

Во вторую группу источников вошли опубликованные документы. Это сборники документов и материалов: Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.); Движение Алаш. Декабрь 1917 г. – май 1920 г.; Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг.

Методологическую основу работы составили такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность, а также применяемый в исторических исследованиях ценностный подход.

Данное исследование, выполненное в русле персональной истории, продемонстрировало методологическую проблему соотношения и совместимости исторического микро- и макроанализа. Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы, а именно: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия А. Турлыбаева – настоятельно вынуждало из микроистории переходить в исследовательское пространство макроистории.

3. Обсуждение

В современной казахстанской исторической науке определилась тенденция в подготовке цельных исследований по жизнедеятельности конкретных персоналий, внесших свой вклад в этноцивилизационный прорыв казахского общества на рубеже XIX–XX вв. Следует отметить отсутствие фундаментальных работ по истории такой яркой и самобытной личности как А. Турлыбаев, который несомненно обладал популярностью в огромном регионе. Только в научных статьях таких ученых, как А.А. Айтмухамбетов (Айтмухамбетов, 2003, 2014, 2015), В.И. Шишкин (Шишкин, 2006), встречаются фрагментарные сведения по данной персоналии. С целью подробного освещения биографии Турлыбаева автором в научный оборот введено значительное количество ранее не опубликованных архивных источников, которые послужили основой для подготовки системного исследования. Анализ выявленных материалов конкретно по творчеству А.Турлыбаева логически определяет вывод о потенциальных возможностях подготовленной по европейско-светским стандартам казахской интеллигенции в развитии социально-правовой сферы, науки и образования как важных факторов реформирующегося гражданского общества.

4. Результаты

Одним из ярких представителей общественно-политического движения в начале XX в. являлся Айдархан Турлыбаев. Период становления и развития личности Турлыбаева выпал на временную эпоху 2-й половины XIX в. В исследуемое время в Казахстане доминировали основы кочевой цивилизации, вырабатываемые в течение многих тысячелетий. Административно-управленческие и судебные реформы изменили устоявшийся хозяйственно-культурный быт казахского общества. В XIX в. под влиянием имперских нововведений происходит изменения в социальной структуре казахов. В данное время преломляются ментальные установки части казахов. Административные новшества способствовали трансформации традиционных казахских институтов в системе управления. Последовательно внедряется новая образовательная модель, ориентированная на подготовку категорий казахских чиновников по новым стандартам. Наряду с выходцами из социально и имущественно обеспеченных семей в государственные школы поступают представители

из разночинной среды (Айтмухамбетов, 2003: 22). А. Турлыбаев являлся выходцем из малообеспеченной, многодетной семьи. Как и многие его сотоварищи первоначальное образование он получил в волостной школе, в период обучения в которой он усовершенствовал свои знания по русскому языку, который был необходимым критерием для его дальнейшей социализации. Впоследствии он продолжил обучение в Омской гимназии.

Традиционно в сознании казахов такие административные центры, как Омск, Оренбург и ряд других находившихся в смежной зоне взаимодействия разных культур и цивилизаций воспринимались весьма благосклонно. Городские центры обучения, представленные гимназиями, прогимназиями, учительскими семинариями и прочими школами в мышлении большинства казахского населения осознавались как необходимый фактор дальнейшей эволюции личности (Айтмухамбетов, 2014: 3-4). Анализ успеваемости гимназиста Турлыбаева характеризует его качественную подготовку по дисциплинам гимназического толка (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.3. Д. 34521. Л. 28 об).

Примечательно отметить факт синхронного обучения в гимназии наряду с Турлыбаевым дополнительно ряда других казахских юношей, демонстрировавших прекрасную подготовку. По воспоминаниям русских современников выходцы из казахской среды направлялись в городские школы и училища весьма осознанно и отличались высоким уровнем самодисциплины. Многие российские наблюдатели отмечали у казахских детей такие качества, как развитая природная память, способность к языкам, живость ума, контактность, способность к коллегиальному сотрудничеству (Собысевич, 1871: 271–275).

Турлыбаев успешно окончил Омскую гимназию. Примечательно, что гимназический диплом являлся существенным критерием, востребованным для функционирования Турлыбаева в административных структурах на определенном уровне (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 28, 31, 32). В казахском обществе количественное соотношение дипломированных специалистов оставалось не высоким и Турлыбаев не имел конкуренции в системе делопроизводства в своей этнической среде. По окончании гимназии он сохранял твердую уверенность дальнейшего обучения в университете. Подобные убеждения Турлыбаева складывались под впечатлением анализа окружавших его реалий. В империи университеты доминировали в центральных регионах. В восточной части государства функционировали Томский и Казанский университеты. Но Турлыбаев для своего обучения выбрал Санкт-Петербургский университет, который располагался гораздо дальше в отличие от Томского и Казанского университетов. Соответствующий фактор во многом объясняется наличием свободных вакансионных стипендиальных мест для казахских юношей из Степных областей. Подавляющее большинство казахских юношей могли обучаться только по стипендиальной квоте по причине дороговизны. Итак, в 1897 году Турлыбаев был зачислен в качестве студента юридического факультета Санкт-Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 20).

Характерно отметить, что на рубеже XIX–XX вв. казахские студенты обучались во всех университетах империи. Сравнительный анализ количества казахских юношей в университетах показывает их явную численную доминанту в Санкт-Петербургском университете (Айтмухамбетов, 2015: 114–116). Данный показатель объясняется рядом объективных причин. Так, в этом университете сохранялось наиболее повышенное количество стипендиальных квот для казахских юношей в отличие от др. университетов. Анализ архивных документов перемещения студентов из одного университета в другой характеризует возможность изменения количества стипендий по региональному принципу. Подавляющее большинство казахского населения отчетливо сознавали социальный статус Санкт-Петербурга как столичного центра. Поэтому многие казахские юноши ориентировались на обучение в столичных вузах. Системное изучение процесса формирования казахского студенчества исследуемого времени демонстрирует их наиболее высокую концентрацию именно в Санкт-Петербургских высших учебных заведениях. Казахские юноши обучались на всех факультетах. Наиболее высокое количество студентов по всем университетам сохранялось на юридических факультетах. Очевидно подобная ситуация во многом объяснялась повышенным престижем правовых специальностей в сравнении с другими направлениями в сознании казахов. В Казахстане продолжался процесс внедрения имперской судебной системы, которая вытесняла сферу влияния казахской системы судопроизводства, т.е. обычного права (Чечелов, 1998: 100). В общественном сознании казахов четко вырисовывался образ будущего управленца или служащего, подготовленного для работы в смешанной антисоциальной среде. В данных обстоятельствах наиболее привлекательной являлась сфера деятельности молодого специалиста в системе судебно-правовых отношений.

Скрупулёзный анализ студенческого периода А. Турлыбаева характеризует его желание максимального использования университетской среды равно и влияния Санкт-Петербурга на свое дальнейшее развитие. Турлыбаев согласно учебному плану дисциплинированно посещал лекционные курсы и занятия профессоров университета. Как и многие его казахские товарищи, страдавшие хроническим финансовым безденежьем, он проживал на Васильевском острове (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 8 об, 35, 36, 37 об, 49 об, 50).

В этот период обострились его хронические заболевания. Он болел ревматизмом ног (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 13). К сожалению такие заболевания, как язва, ревматизм, тиф и ряд

других сложных диагнозов выкашивали казахское студенчество (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 22). Но Турлыбаев продолжал свое обучение в университете. По его признанию стипендиальных средств оказалось недостаточным для его безбедного существования (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 34, 36, 41). Однако Турлыбаев сохранял твердое убеждение в необходимости получения университетских знаний. Будучи студентом, он активно сотрудничал с преподавателями Латкиным, Ведровым, Кауфманом, Ивановским, Гриммом, Николаевским, Дювернуа, Сергиевским, Файнищким, Лебедевым, Горчаковым, Циткович, Гольмстеном, Мартенес, Ярлацким, Ефимовым, Сергиевич, Исаевым, Грибовским, Георгиевским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 4, 9, 10, 23, 25, 43, 44). В архивах сохранилась его диссертационная работа. Свое исследование Турлыбаев выполнял под руководством ректора университета профессора Гольмстена (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1609. Л. 1–75).

В научной работе Турлыбаев осветил суть и значение семейного права казахов, которое складывалось на протяжении столетий как важный институт их жизнедеятельности. В процессе исследовательской деятельности Турлыбаев апеллировал к трудам Маковецкого П.Е., который специализировался на изучении казахского обычного права – важнейшего института правовой культуры казахов (Маковецкий, 2006: 455–511).

Проживая в Санкт-Петербурге Турлыбаев приобщился к общественной жизни. Он начинает активно контактировать с представителями казахской общины. Его зачислили в штат «Киргизской степной газеты» в качестве корреспондента (Киргизская степная, 1899: 1). Это печатный орган был официально создан как газетное издание для казахского населения. С этой газетой помимо Турлыбаева сотрудничали и др. известные казахские общественные деятели: С. Абселяков, О. Альджанов, А. Акынов, К. Булатов, Бек-Ходжин, Бабай-Беркут, Р. Марсеков, Т. Норекепов, А. Ногербеков, М. Сыздыков, Д. Таспулатов, С. Чорманов, Б. Чалыбеков (Киргизская степная, 1899: 1). Фактически редакторский коллектив этой газеты представлял собой организационное ядро казахского общественного движения прогрессистов, задачи которых заключались в эволюции казахского общества (Садвакасова, 2005: 222–223). Изучение архивных материалов демонстрирует взаимосвязь казахских, тюркских прогрессистов с представителями русских либеральных кругов в Санкт-Петербурге. Активным участником этих общественных взаимоотношений являлся А. Турлыбаев.

По окончании Санкт-Петербургского университета дипломированный юрист Турлыбаев направился в Сибирь. Его стартовая карьера началась в Омской судебной палате (Акмолинские областные, 1902: 3). Турлыбаев являлся уроженцем Кокчетавского уезда, который территориально-административно находился в ведении Омской администрации. Фактически служебная деятельность Турлыбаева началась в регионе его проживания, что соответствовало менталитету казахов, ориентированных на проживание и трудоустройство в районе своей родины. Турлыбаев повторил стандартный путь многих канцелярских служащих. Характерно отметить, что карьера большинства из них ограничилась низовыми должностями с соответствующим финансовым окладом. В отличие от многих товарищей по цеху Турлыбаев являлся дипломированным специалистом. Во многом именно этот фактор профессионального знания глубинных основ европейской и имперской юриспруденции определил его дальнейший статус. Турлыбаев на уровне собственной фамилии являлся первым университетским подготовленным, включенным в государственную модель судопроизводства персоналием. Подобный морально-психологический аспект во многом катализировал честолюбивые амбиции Турлыбаева и многих других выходцев из казахской этнической среды на административном и профессиональном поприще. В Омской судебной палате он дослужился до звания секретаря соответствующего учреждения (ИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1338. Л. 3). В 1904 г. Турлыбаев получил возможность перевестись в Тобольскую губернию для работы в Тобольском окружном суде (Акмолинские областные, 1904: 3). Изучение биографии казахских специалистов исследуемого периода наглядно демонстрируют стремление некоторых из них работать в судебно-профессиональных структурах в восточных губерниях. По мнению многих российских современников регион Восточной Сибири был не привлекателен для многих европейских уроженцев особенно выходцев из центральной губернии. В сознании многих обывателей эта область Сибири ассоциировалась с угрюмой тайгой, в населенных пунктах которой проживали каторжане и уголовные элементы. Согласно официальным российским сведениям Сибирь по многим социально-экономическим параметрам уступала другим регионам империи. В сибирских городах, особенно в небольших провинциальных центрах, сохранялся дефицит специалистов всех отраслей. С целью оживления производственного сектора, распространения культуры, развития региона правительство актуализировало программу привлечения молодых, дипломированных профессионалов, мотивируя их устремления финансовыми окладами и различными льготами. Турлыбаев прекрасно осознавал возможность его быстрой карьеры именно в этих социально запущенных регионах, поэтому после непродолжительной работы в Омской судебной палате он откомандировывается в Тобольскую губернию. Средний возраст членов Тобольского окружного суда в начале XX в. составлял 41–42 года. В этот период А. Турлыбаеву было чуть более 30. Он работал в качестве мирового судьи в Ишимском уезде. Данный уезд отличался большой территориальной протяженностью и полиэтническим составом населения. В целом в уезде работало всего лишь 6 судей. Будучи мировым судьей Турлыбаев получил чин титулярного советника (ГА в Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 255. Л. 8). В среднем в течение одного года Турлыбаев рассматривал несколько сотен дел, курсируя по всему району. За успешную

работу Турлыбаев получил звание коллежского асессора, чуть позже курируя три участка Ишимского уезда Турлыбаев удостоился чина надворного советника. При сохраняющемся дефиците юридических кадров, функционировавшие в уезде судьи параллельно обслуживали несколько участков. Сохранялась ситуация хронических профессиональных перегрузок. Например, только в 1907 году за 1 полугодие с участием Турлыбаева рассмотрено 298 уголовных и 75 гражданских дел ([ГА в Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 195. Л. 167](#)). Таким образом, наряду с судейскими обязанностями Турлыбаев фактически занимался деятельностью судебного следователя. Фактически за 2 года с 1905 по 1907 с участием Турлыбаева в качестве мирового судьи Ишимского уезда рассматривалось несколько сотен дел. На этот период Турлыбаев характеризовался как вдовец, он не имел семьи. Соответствующий показатель не являлся характерным для устоявшегося поведения казахских юношей, которые в соответствующем возрасте обладали семейным статусом. Скрупулёзный анализ личных дел многих русских служащих различных канцелярий, административных служб, судебных палат показывает повышенный процент холостых. Вероятно данная тенденция во многом определялась фактором финансовой обеспеченности, которые не были удовлетворены многие из них. Таким образом, Турлыбаев своим поведением вписывался в европейские стандарты карьерной деятельности, постепенно проникавшей в российскую среду, с которым он тесно контактировал. За период работы в судебных органах Турлыбаев не имел ни одного нарекания со стороны руководящих структур.

Служебная деятельность Турлыбаева в Тобольской губернии продолжалась до 1911 года. В этом году он согласно приказу откомандировывается в Омский окружной суд. В данный период он работает мировым судьей 3 участка в г. Омске ([Памятная книжка, 1912: 56](#)). В результате нового назначения 1914 году А. Турлыбаев переезжает в Томскую уезд на станцию «Тайга» ([ИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 773. Л. 8](#)). Таким образом, в Томском уезде он выполнял обязанности мирового судьи 1-участка, камера которого находился при станции Тайга Сибирской железной дороги. В архивных источниках содержится много информации о весьма сложном финансовом положении многих служащих. Более того документы пестрят сведениями о хронической перегруженности судей и следователей по факту отсутствия отпусков. В этот период Турлыбаев характеризуется вышестоящими структурами как дисциплинированный результативный сотрудник. По окончании Томской эпопеи Турлыбаев возвращается в Омск. Впоследствии Турлыбаев вышел из Омской судебной палаты и перешел в адвокатуру ([ИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 775. Л. 43](#)). В Омских кругах он получил известность как преуспевающий адвокат. К его услугам прибегали многие жители города и близлежащих населенных пунктов. Турлыбаев функционировал в качестве присяжного поверенного, оттачивая свои профессиональные навыки в судебно-правовой сфере ([Отчет..., 1915](#)).

Он занимался активной общественно-политической деятельностью. Турлыбаев, равно как и его товарищи по университетам, занимался научной работой, контактируя с РГО, филиалы которого действовали в сибирских городах. Научной сферой воздействия Турлыбаева оставалось казахское обычное право – традиционный суд, доминировавший у казахов на протяжении многих столетий. Итак, на своем профессиональном поприще Турлыбаев совмещал профессиональные знания имперской юриспруденции и жизненный опыт знаний казахских традиций. Соответствующие критерии во многом положительно выделяли его в регионах проживания и предопределили его широкую известность среди всех социальных слоев и национальных групп. Турлыбаев энергично поддерживал систему подвижничества, характерную для просвещенных слоев казахского населения. Он продолжал контактировать с официальной казахской периодикой. Он неоднократно публиковал свои статьи в газетах, ориентированных на русскую публику и казахского читателя ([Киргизская степная, 1898](#)).

На пике своей карьеры, будучи добропорядочным семьянином, успешным специалистом Турлыбаев активно включается в политическую жизнь, всколыхнувшее государство в начале XX в. По итогам первой русской революции в России начинает функционировать Государственная Дума – орган управления, на который казахская общественность возлагала большие надежды в процессе реализации демократических законов. С периода начала выборной кампании в Государственную Думу наблюдается невиданный всплеск активности казахских граждан. Существенную роль в агитационной кампании сути и значения Государственной Думы в судьбе казахов сыграли представители казахской интеллигенции. Турлыбаев и его товарищи продолжали встречаться со своими земляками и на конкретных примерах обсуждать дальнейшие перспективы истории государства и народа. Под влиянием казахских интеллигентов формируется корпус казахских депутатов всех Государственных Дум. Примечательно, что при всех выборных кампаниях казахская общественность отдавала предпочтение казахским интеллигентам, которые составляли численное большинство в казахско-депутатском корпусе. Множество депутатов Государственной Думы являлись ближайшими друзьями и сподвижниками Турлыбаева. Таким образом, генерация казахских интеллигентов, возрастной показатель которых варьировал от 25 до 35 лет, оказалась востребованной в казахском обществе. Депутаты Государственной Думы актуализировали наиболее злободневные социально-экономические и политические проблемы казахов, решение которых, по их мнению, должно было способствовать улучшению жизни населения региона. Сам Турлыбаев на официальном уровне привлекался к выборной кампании. В частности в декабре 1909 году он согласно

Величайшему указу от 27 ноября 1909 года и Положению о выборах в Государственную Думу общим собранием отделений Тобольского окружного суда назначается председателем уездной по выбору комиссии Тобольской губернии (Тобольские губернские ведомости, 1909: 1). Таким образом, на официальных служащих казахов делегировались полномочия в проведении выборов на местах.

Революции 1917 года изменили политическую жизнь общества. По итогам Февральской революции казахские интеллигенты приняли участие в переустройстве империи. Так в марте 1917 году в административном центре Степного генерал-губернаторства в городе Омске состоялось объединенное заседание городской Думы и представителей общественных организаций. В результате коллегиальной работы принимается решение о создании Омского коалиционного комитета в составе 15 человек. Турлыбаев возглавил казахский отдел в этом комитете. В аналогичные сроки сформировался Омский областной комитет из 10 делегатов. На апрельских заседаниях Омского коалиционного комитета заслушивались вопросы о взаимоотношениях с областным казахским комитетом и порядке организации власти в казахских аулах. Турлыбаев выступал с ходатайством в организации созыва съезда представителей казахского населения (Жиренчин, 1996: 352). В весенний период 1917 года Турлыбаев активно участвует в формировании и проведении казахского съезда Акмолинской области в Омске.

На съезде присутствовали командующий войсками Омского военного округа генерал-майор Г.В. Григорьев, помощник командующего С.М. Немчинов, председатель коалиционного комитета П.А. Филашев, комиссар Степного края И.П. Законов, председатель Совета крестьянских депутатов С.И. Юркевич, два председателя мусульман. Председателем избрали члена Коалиционного комитета Айдархана Турлыбаева. Работали 4 секции – религиозная, женская, финансовая, секция народного образования. Съезд принял резолюцию: ввести всеобщее образование с 8–12 лет на родном языке в аульных школах, подготовить учителей, изыскать 50 стипендий для мусульманских и 5 стипендий для русских средних учебных заведений, ввести женское равноправие. Для осуществления намеченных целей делегаты высказали предложение о создании особого Акмолинского областного исполнительного казахского комитета под председательством Турлыбаева. Заместителями избраны А. Сейтов, С.М. Джанайдаров, членом – М. Жумабаев Организаторы съезда ставили цель поддержать партию «Алаш» и Омский коалиционный комитет, представляющих новую власть после Февральской революции (Казахи, 2015: 410 – 411).

В 1917 году А. Турлыбаев активно участвовал в организации и проведении I Всеказахского съезда, на котором сформировалась партия Алаш (21–28 июля 1917 г.). В Оренбурге собрались представители всех областей. На съезде выдвигалось требование территориально-национальной автономии в рамках Российской демократической Федерации. Вплоть до этого времени вопрос об автономии сторонники Алаш не выдвигали, и проявление федералистских настроений у них отражало влияние центробежных сил, проявляющихся по всей стране (Аманжолова, 1994: 25). На первом съезде Турлыбаев избирается делегатом от Акмолинской области для участия в работе Всероссийского курултая и Всероссийского мусульманского съезда Шура – и Ислами. Он также принимал участие в создании Акмолинского областного комитета партии Алаш.

Второй съезд казахов Акмолинской области проходил 23–27 сентября в Омске. Председательствовали на съезде Турлыбаев и Сейитов. Делегаты с мест отметили рост преступности среди казахского населения. Участились грабежи и воровство. Для борьбы с преступностью, съезд единогласно принял решение об избрании волостного народного суда. Съезд высказался за немедленное введение у киргизов земства на общем основании там, где это возможно; там же, где благодаря смешанному землевладению, ведение земства на общем основании невозможно, съезд решил организовать особые земские единицы: районные земства. Съезд решил всем своим авторитетом поддержать распространение облигаций «Займа Свободы» среди казахов. Съезд избрал делегатом на сибирский областной съезд в Томск Е. Итпаева (Киргизский съезд, 1917: 3).

Тесно связанное с сибирскими общественными деятелями, прежде всего кадетами и эсерами, представители Алаш 1917 году поддерживали контакты с руководством областнического движения Сибири. Они приняли участие в работе созданного 8 октября 1917 года областного первого сибирского съезда в городе Томске. Турлыбаев избирается в Сибирский областной комитет от Акмолинской области (ГАТО. Ф. 552. О. 1. Д. 2 Л. 29). Съезд обсудил вопросы о формах самоуправления, национальный, земельный, о создании общесибирского экономического совета и постоянно действующего областнического органа. Также на съезде в президиум от Семипалатинской области избраны А. Бухейханов и А. Ермеков. С дореволюционных времен и на протяжении 1917–1918 гг. сохранялась тесная связь казахских националов с сибирскими областниками, обусловленная как объективными причинами, так и политическим прагматизмом названных сил (Аманжолова, 2013: 179–180).

31 октября состоялось учредительное собрание Алаш в Омске с участием А. Бухейханова, а 18 декабря 1917 года газета «Казах» опубликовала состав Омского комитета: А. Сейтов, М. Жумабаев, М. Саматов, А. Турлыбаев (председатель), Б. Серкебаев, Е. Мукушев, Е. Итпаев, Д. Адилов, К. Кеменгеров, М. Сейтов, Ж. Тлеулин, О. Ахметов, Х. Кожамберлин, К. Какенов. При их участии было создано пять укомов партии в Акмолинской области, проведена разъяснительная работа в связи с выборами в учредительное собрание (Аманжолова, 2013: 179–182).

Также Турлыбаев стал организатором второго Всеказахского съезда, проходившего с 5 по 13 декабря 1917 году, на котором образована Автономия «Алаш». Но участвовать ему не удалось. Как свидетельствуют архивные документы, он участвовал 6 декабря в работе Чрезвычайного Сибирского съезда, проходивший в городе Томске (ГАТО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 1 Л. 138). Тем не менее, Турлыбаев избирается членом Всеказахского народного совета Алаш-Орда (Движения Алаш, 2005: 30). Здесь его кандидатура выдвигалась на пост председателя Алаш-орды. Также на голосование выдвигались кандидатуры А. Букейханова, Б. Кулманова. Он активно участвовал в учреждении милиции «Алаш», вместе с Х. Габбасовым, М. Тынышбаевым, Б. Маметовым приступил к формированию одного из полков в Семипалатинске.

28 июня 1918 года приказом Западно-Сибирского Комиссариата Сибирского правительства назначается в Акмолинский областной комиссариат (ГАРФ. Ф. 132. Оп. 5. Д. 808 Л. 1). Во время этого заседания принималось окончательное решение о месте пребывания Западно-Сибирского комитета в Омске и впервые обсуждается вопрос об Омском (Акмолинском) областном комиссариате. Западно-Сибирский комиссариат решил образовать Омский (Акмолинский) областной комиссариат в составе трех лиц. 19 июня 1918 году Западно-Сибирский комиссариат принял журнальное постановление об учреждении Акмолинского областного комиссариата под руководством председателя П.И. Кортусова. В комиссариат вошли А.Г. Кордо и А.Т. Турлыбаев. В таком составе Акмолинский комиссариат просуществовал недолго. Обнаружились два вопроса, по которым Кортусов имел мнение, несовпадающее со взглядами руководства вышестоящих органов власти, в особенности с министром внутренних дел Временного Сибирского Правительства В.М. Крутовским. 25 июля 1918 года А. Турлыбаев пишет заявление о своем переезде из Омска в Семипалатинск, и уходит из комиссариата (Временное Сибирское, 2007: 173). Но вопреки своему заявлению, он не уезжает в Семипалатинск, а продолжает служить присяжным поверенным в Омске. Летом 1918 года вступает в Омское отделение Союза возрождения России, и в сентябре этого же года избран гласным Омской городской думы (Шишкин, 2006: 170).

11 февраля 1919 года под председательством заместителя внутренних дел Правительства Колчака П. Коропачинского в Омске состоялось предварительное междуведомственное совещание «по вопросам административно-хозяйственного устройства казах-киргизского народа». На совещании присутствовали представители министерств внутренних и иностранных дел, юстиции, финансов, а также председатель Алаш Орды А. Букейханов и ее члены У. Танашев и А. Турлыбаев (Алаш-Орда, 1992: 137-144).

В августе 1919 года состоялось заседание подготовительной комиссии при Всероссийском Временном правительстве А.В. Колчака по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях, на котором присутствовал председатель комиссии А.С. Белевский и приглашенные представители Дальнего Востока и от казахского населения В.Э. Таначев, С.Г. Джантюрин и А. Турлыбаев. Интересы казахского населения выражали В.Э. Таначев, С.Г. Джантюрин и А. Турлыбаев. Турлыбаев и Таначев апеллируя к решениям казахских съездов, выступали за федеративное устройство России с правом предоставления автономии казахскому народу (Аманжолова, 2005: 162-165). После окончания Гражданской войны в Казахстане в 1920 году ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об образовании Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики». На территории Омской области тогда было создано представительство КирАССР, которое просуществовало до 1923 года, и возглавлял его Полномочный Представитель А. Турлыбаев. Представительство выполняло важную роль по улучшению социально-экономической ситуации в области. Например, при личном участии Турлыбаева проводилась масштабная работа по спасению населения от голода. Он лично принимал участие в поиске финансовых средств для содержания учащихся Омских учебных заведений. Сохранилось письмо Турлыбаева в ЦИК КирАССР о выделении 500 пудов муки и 200 пудов мяса голодающим студентам (Сборник воспоминаний, 2002: 448).

Политическая деятельность Турлыбаева, как и многих его сподвижников остановилась во второй половине 20-х годов, когда лидеры казахского движения вытеснялись из административно-управленческих структур. До начала 1930-х годов А. Турлыбаев работал юрисконсультom при областном потребительском союзе в городе Омске, и затем в зерносовхозе Возвышенка до октября 1934 года. С октября 1934 по апрель 1935 года он пребывал в должности юрисконсульта при Управлении Казжелезнодорожной в городе Акмоле. 4 июля 1937 года органами НКВД А. Турлыбаев в возрасте 60 лет подвергся аресту (Управление ФСБ, Ф. 4. Д. П. 7879 Т. 2 Л. 162). Суть представленных обвинений состояла в следующем: «...в помощи белогвардейцам во время Колчаковской реакции, в националистической деятельности, направленной на свержение советской власти и создание пантюркистского государства, подготовке кадров для поднятия восстания, в связях с военно-мусульманской организацией «Гаскери – Уошма» (Управление ФСБ, Ф. 4. Д.П. 7879. Т. 2 Л. 160). Ни по одному из предъявленных пунктов обвинения А. Турлыбаев не признал себя виновным. 23 ноября А. Турлыбаева расстреляли. Только 13 августа 1957 года военным трибуналом Сибирского военного округа имя А. Турлыбаева было реабилитировано за отсутствием состава преступления.

5. Заключение

Судьба многих выдающихся представителей казахской интеллигенции – этого передового авангарда народа, его духовной силы, а также людей, искренне веривших в революционно-созидательный потенциал Советской власти, оказались в условиях тоталитарного сталинского режима трагичной. Большая часть их была физически уничтожена, меньшую часть система обрекла на ужасы ГУЛАГа. Их страшную судьбу разделил и Айдархан Турлыбаев, имя, которого на долгие десятилетия было предано общественному остракизму. Современная историческая наука, осознавая всю ответственность перед обществом, делает все, чтобы восстановить в коллективной памяти народа не только забытые события и факты, но и подлинных подвижников, бескорыстно служащих народу, думавших о его исторической судьбе.

А. Турлыбаев, равно как и многие др. представители казахской интеллигенции внес существенный вклад в эволюцию казахского общества. Его гражданская позиция нашла свое отражение в стремлении распространения образования, просвещения и новых форм гражданственности у населения региона. Его характеризовали фундаментальные знания национальной истории и народного права. Вся его жизнь явилась примером бескорыстного служения своему народу.

Литература

[Айтмухамбетов, 2003](#) – *Айтмухамбетов, А.А.* Деловая переписка студентов-казахов Санкт-Петербургского университета в конце XIX-начала XX вв. Как источник по изучению их имущественного статуса. Валихановские чтения-8: Сборник материалов международной научно-практической конференции-Кокшетау; 2003. Том 1. С. 22-24.

[Айтмухамбетов, 2014](#) – *Айтмухамбетов, А.А.* К вопросу об организации стипендиальной обеспеченности казахских студентов в конце XIX – начале XX веков // Байтұрсынов оқулары=Байтұрсыновские чтения. Образование и наука Казахстана начала XXI века: проблемы, поиски, решения: международная науч.-практическая конференция. Костанай: КГУ им. А. Байтұрсынова, 2014. В 3 ч. Ч. 3. С. 3-4.

[Айтмухамбетов, 2015](#) – *Айтмухамбетов, А.А.* Из истории казахских студентов периода XIX–н. XX вв. в материалах Санкт-Петербургского архива // Байтұрсынов оқулары – 2015 = Байтұрсыновские чтения – 2015. Программа развития "Нурлы жол: образование – наука – производство": международная науч.-практическая конф.-Костанай: КГУ им. А. Байтұрсынова, 2015. В 2 ч. Ч. 2. С. 114-116.

[Акмолинские областные, 1902](#) – Акмолинские областные ведомости. Приказ Старшего Председателя Омской Судебной Палаты. 1902. № 29.

[Акмолинские областные, 1904](#) – Акмолинские областные ведомости. Приказ Старшего Председателя Омской Судебной Палаты. 1902. № 49.

[Алаш-Орда, 1992](#) – Алаш-Орда: Сборник документов // Сост. Н. Мартиненко. Алма-Ата: Малое издательство «Айкап», 1992. 192 с.

[Аманжолова, 1994](#) – *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: ИЦ «Россия молодая». 1994. 216 с.

[Аманжолова, 2005](#) – Россия и Центральная Азия. 1905-1925 гг. Сборник документов–Караганда: Изд-во КарГУ, 2005. 495 с.

[Аманжолова, 2013](#) – *Аманжолова Д.А.* Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы. 2013. 400 с.

[Временное Сибирское, 2007](#) – Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск: ИД «Сова». 2007. 818 с.

[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[ГАТО](#) – Государственный Архив Томской области.

[ГУТО «ГА в Тобольске»](#) – Государственное Управление Тюменской области Государственный Архив города Тобольска.

[Движения Алаш, 2005](#) – Движения Алаш. Сборник документов и материалов. Декабрь 1917 г. – май 1920 г. Алматы: «Алаш». 2005. Т. 2. 496 с.

[Жиренчин, 1996](#) – *Жиренчин К.А.* Политическое развитие Казахстана в XIX-начале XX веков. Алматы. 1996. 352 с.

[ИАОО](#) – Исторический архив Омской области

[Казахи, 2015](#) – Казахи Омского Прииртышья. Энциклопедия. Книга первая. Омск: «Золотой тираж». 2015. 488 с.

[Киргизская степная, 1898](#) – Киргизская степная газета. Омск, 1898. №21. С. 1, 2. 1899. №52. С. 2.

[Киргизская степная, 1899](#) – Киргизская степная газета. Омск, 1899. №37.

[Киргизская степная, 1899](#) – Киргизская степная газета. Омск, 1899. №52.

[Киргизский съезд, 1917](#) – Киргизский съезд // Степная речь. 6 октября 1917. №226.

[Маковецкий, 2006](#) – *Маковецкий П.Е.* Материалы для изучения юридических обычаев киргизов (1882). В книге Казақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер=Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 10 томдық. // Бағдарлама жетекшісі:

С.З. Зиманов. Казакша, орысша, түрікше, ағылшынша. Алматы: Жеті жарғы, 2006. 7 т. 2006. С. 455-511.

[Отчет..., 1915](#) – Отчет Совета Присяжных Поверенных округа омской Судебной палаты за 1915. Год пятый. 193 с.

[Памятная книжка, 1912](#) – Памятная книжка и Адрес–Календарь Акмолинской области на 1912, С. 56, 1913, С. 57, 1914, С. 42. Издания Акмолинского областного статистического комитета. Омск, Акмолинское областная типография.

[Садвакасова, 2005](#) – *Садвакасова З.Т.* Духовная экспанция царизма в Казахстане в области образования и религии (2 пол. XIX–XX вв.). Алматы, 2005. 345 с.

[Сборник воспоминаний, 2002](#) – Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. // Сост. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, А.Н. Ипмагамбетова и др. Алматы. 2002. 448 с.

[Собыевич, 1871](#) – *Собыевич Ф.* Тургайская область и ее устройство // *Военный сборник*. Т. 28. 1871.

[Тобольские губернские ведомости, 1909](#) – Тобольские губернские ведомости 1909. 12 декабря, №51.

[Управление ФСБ](#) – Управление ФСБ России по Омской области.

[ЦГИА СПб](#) – Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга.

[Чечелов, 1998](#) – *Чечелов С.В.* Судебные учреждения Акмолинской области в начале XX в. Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): Международная научная конференция, посвященная 175-летию образования Омской области: Тезисы докладов и сообщений. Омск: Омский госуниверситет, 1998. С. 100-104.

[Шишкин, 2006](#) – *Шишкин В.И.* Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918–ноябрь 1919 г.). Известия Омского государственного историко-краеведческого музея, №13. Омск-2006. С. 160-171.

References

[Aitmukhambetov, 2003](#) – *Aitmukhambetov A.A.* (2003). Delovaia perepiska studentov-kazahov Sankt-Peterburgskogo universiteta v konse XIX – nachala XX vv. Kak istochnik po izucheniu ih imushestvennogo statusa [Business correspondence of Kazakh students of St. Petersburg University at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries as a source of studying their property status]. Valihanovskie chtenia – 8: Sbornik materialov materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferensii-Kokshetay; 2003. Tom.1. pp. 22-24 [in Russian]

[Aitmukhambetov, 2014](#) – *Aitmukhambetov A.A.* (2014). K voprosu ob organizatsii stipendialnoi obespechennosti kazahskikh studentov v konse XIX – nachala XX vekov [About organizing scholarship provision of Kazakh students at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries] // *Baitursinov okylari=Baitursinovskie chtenia. Obrazovanie i nayka Kazakhstana nachala XXI veka: problemi, poiski, reshenia: mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferensia. Kostanai: KGU im. A.Baitursinova. V 3 ch. Ch. 3. pp. 3-4. [in Russian]*

[Aitmukhambetov, 2015](#) – *Aitmukhambetov A.A.* (2015). Iz istorii kazahskikh studentov perioda XIX–n. XX vv. V materialah Sankt-Peterburgskogo arhiva [From the history of the Kazakh students at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries in the materials of St. Petersburg archive] // *Baitursinov okylari-2015 = Baitursinovskie chtenia – 2015. Programma razvitiia “Nurli zhol: obrazovanie – nauka – proizvodstvo”: mezhdunarodnaia nauch.-prakticheskaiia konf. Kostanai: KGU im. A. Baitursinova, 2015. V 2 ch. Ch. 2. pp. 114-116. [in Russian]*

[Akmolinskie oblastnye, 1902](#) – *Akmolinskie oblastnye vedomosti. 1902. №2. S. 19.*

[Alash-Orda, 1992](#) – *Alash-Orda: Sbornik dokumentov [Alash-Orda: Collection of documents] //Sost. N.Martinenko.- Alma-Ata: Maloe izdatelstvo “Aikap”, 1992 g.-192 s. [in Russian]*

[Amanzholova, 1994](#) – *Amanzholova D.A.* (1994). Kazahskii avtonomizm i Rossiya. Istoriya dvizheniya Alash [Kazakh autonomism and Russia. The history of the Alash movement]. M.: ITs «Rossiya molodaya». 216 s. [in Russian]

[Amanzholova, 2005](#) – *Amanzholova D.A.* (2005). Russia and Central Asia. 1905-1925. Collection of Documents. Karaganda: Kar-GU. 495 s. [in Russian]

[Amanzholova, 2013](#) – *Amanzholova D.A.* (2013). Alash: istoricheskii smysl demokraticeskogo vybora. [Alash: the historical meaning of democratic choice]. Almaty. 400 s. [in Russian]

[Chechelov, 1998](#) – *Chechelov S.V.* Sudebnie uchrezhdenia Akmolinskoi oblasti v nachale XX v. Stepnoi krai: zona vzaimodeistvia russkogo i kazahskogo narodov (XVIII–XX vv.): [The judicial institutions of the Akmola region in the early 20th century. Steppe region: the area of interaction of the Russian and Kazakh peoples (18th-20th centuries)] *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferensia, posviashennaia 175-letiiu obrazovania Omskoi oblasti: Tezisi dokladov i soobsheni. Omsk: Omski gosuniversitet, 1998. pp. 100-104. [in Russian]*

[Dvizheniya Alash, 2005](#) – *Dvizheniya Alash.* (2005). Sbornik dokumentov i materialov. Dekabr' 1917 g. – mai 1920 g. Almaty: [Alash Movement. Collection of documents and materials. December 1917 – May 1920 Almaty] «Alash». Т. 2. 496 s. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiskoi Federatsii. [The State archives of the Russian Federation].
- GATO** – Gosudarstvennyi Arkhiv Tomskoi oblasti. [State Archives of Tomsk region].
- GUTO “GA v Tobolske”** – Gosudarstvennoe Upravlenie Tumenskoii oblasti Gosudarstvenni Arhiv goroda Tobolska. [The State Administration of the Tyumen Region The State Archives of Tobolsk]
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti. [Historical archives of Omsk region]
- Kazakhi, 2015** – Kazakhi Omskogo Priirtish'ya. [Kazakhs of Omsk Irtysh river side] Entsiklopediya. Kniga pervaya. Omsk: «Zolotoi tirazh». 2015. 488 s. [in Russian]
- Kirgizskii s"ezd, 1917** – Kirgizskii s"ezd [Kyrgyz Congress] //Stepnaya rech'. [Steppe speech] 6 October. 1917. Nr 226.
- Kirgizskaia stepnaia, 1898** – Kirgizskaia stepnaia gazeta.[Kirghiz steppe newspaper]. Omsk, 1898. Nr 21, p. 1. 2. 1899. Nr 52, p. 2.
- Kirgizskaia stepnaia, 1899** – Kirgizskaia stepnaia gazeta. [Kirghiz steppe newspaper]. Omsk, 1899. Nr 37. Kirgizskaia stepnaia, 1899 – Kirgizskaia stepnaia gazeta. [Kirghiz steppe newspaper]. Omsk, 1899. Nr 52.
- Makovetskii, 2006** – *Makovetskii P.E.* (2006). Materiali dlia izucheniia uridichekikh obichaev kirgizov (1882). V knige Kazaktin ata zandari: Kuzhattar, derekter zhane zertteuler=Drevni mir prava kazahov. Materiali, dokumenti i issledovaniia. 10 tomdik. [Materials for studying the legal customs of the Kirghiz (1882). In the book Kazakh legislation: documents, facts and studies. The ancient world of the rights of Kazakhs. Materials, documents and studies. 10 volumes] //Bagdarlama zhetekshisi: S.Z. Zimanov. Kazaksha, orissha, turikshe, agilshinsha. Almati: Zheti zhargi, 2006. 7-tom. S. 455-511. [in Russian]
- Otchet..., 1915** – Otchet Soveta Prisiiazhnih Poverennih okruga omskoi Sudebnoi palate za 1915. [Report of the Council of Jury Attorneys of the District of the Omsk Trial Chamber for 1915]. The fifth year. 193. s.
- Pamiatnaia knizhka, 1912** – Pamiatnaia knizhka i Adres-Kalendar Akmolinskoi oblasti na 1912, S. 56, 1913, S. 57, 1914, S. 42 [Address-Calendar of Akmola region in 1912. p. 56, 1913, p. 57, 1914]. Izdania Akmolinskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Omsk, Akmolinskaii oblastnaia tipografia.
- Sadvocasova, 2005** – *Sadvocasova Z.T.* (2005). Duhovnaia ekspansieia sarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniia i religii (2 pol. XIX–XX vv.) [Spiritual Expansion of Tsarism in Kazakhstan in the Field of Education and Religion (2nd half of the 19th-20th centuries)]. Almaty. 2005. 345 p.
- Sbornik vospominanii, 2002** – Sbornik vospominanii zhertv politicheskikh repressii v SSSR v 1920–1950-e gg. [Collection of memoirs of victims of political repression in the USSR in the 1920s–1950s]. Sost. E.M. Gribova, A.S. Zulkasheva, A.N. Ipmagambetova i dr. Almaty. 2002. 448 s. [in Russian]
- Shishkin, 2006** – *Shishkin V.I.* (2006). Komissari i upravliaushie Akmolinskoi oblasti (iun 1918–noiabr 1919 g.) [Commissars and administrators of the Akmola region (June 1918 – November 1919)]. Izvestia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia, Nr 13. Omsk; 2006. pp. 160-171. [in Russian]
- Sobysevich, 1871** – *Sobysevich F.* (1871). Turgaiskaya oblast' i ee ustroistvo. [Turgay area and its device]. Voennyi sbornik. T. 28. 1871. [in Russian].
- Tobolskie gyberskie vedomosti, 1909** – Tobolskie gyberskie vedomosti [Tobolsk Province Gazette] 1909. 12 december, Nr 51.
- TsGIA SPb** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archives of St. Petersburg].
- Upravlenie FSB Rossii** – Upravlenie FSB Rossii po Omskoi oblasti [Office of the Federal Security Service of Russia for Omsk region].
- Vremennoe Sibirskoe, 2007** – Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.). [The Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918)]. Sbornik dokumentov i materialov. Novosibirsk: ID «Sova». 2007. 818 p. [in Russian].
- Zhirenchin, 1996** – *Zhirenchin K.A.* (1996). Politicheskoe razvitie Kazakhstana v XIX – nachale XX vekov. [The political development of Kazakhstan in XIX-beginning of XX centuries] Almaty. 352 p. [in Russian]

УДК 930(091)

Гражданско-правовая и общественная деятельность юриста А. Турлыбаева в Сибири в начале XX в.

Байдалы Рауан Жомартұлы ^{a, *}, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a,
Айдар Абаевич Айтмухамбетов ^b, Елмира Кенжегалиевна Наурызбаева ^c

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rbaidali@mail.ru (Б.П. Жомартұлы), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов), aidar_abaivi4@mail.ru (А.А. Айтмухамбетов), elmira_kn@mail.ru (Е.К. Наурызбаева)

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^b Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, Республика Казахстан

^c Костанайский государственный педагогический институт, Республика Казахстан

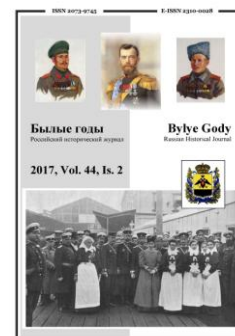
Аннотация. В статье представлен подробный анализ жизнедеятельности видного представителя казахской интеллигенции А. Турлыбаева. На основе многочисленных источников Российских архивов удалось восстановить малоизвестные сюжеты из его биографии. Формирование А. Турлыбаева как личности началось в стенах Омской гимназии, диплом которой явился основой его дальнейшей эволюции. Впоследствии он поступил и закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Университетская эпопея характеризуется формированием его жизненной позиции, расширяется его научно-образовательный кругозор. В столичный период налаживается контактная сфера Турлыбаева с представителями научной сферы. Служебная карьера Турлыбаева началась в Сибири. Будучи работником судебно-правоохранительных органов Турлыбаев зарекомендовал себя как эффективный служащий. В начале XX в. во время пробуждения политической активности в империи Турлыбаев включается в общественную жизнь Сибирского региона. В дальнейшем в период революции и гражданской войны он сотрудничает с политическими силами, ориентированными на защиту политических и гражданских интересов населения. В середине 1930-х гг. в результате необоснованных обвинений А. Турлыбаев был расстрелян. В статье дана оценка его деятельности в качестве активного деятеля политической организации Алаш-Орда. Жизнь и судьба А. Турлыбаева являются показателем стремления этого человека к преобразованию казахского общества на фоне гражданского противостояния в государстве.

Ключевые слова: гимназия, Санкт-Петербургский императорский университет, интеллигенция, Омская судебная палата, юрист, мировой судья, присяжный заседатель, комитет, съезд, Алаш, комиссариат, общественно-политическая деятельность.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 608-615, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.608
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 63.3(2)+284.2

The Financial Situation of Students at the Beginning of the Twentieth century: in Light of the Siberian Press

Vera N. Rodina ^{a,*}, Irina A. Filippova ^a, Gulnur A. Sulkarnaeva ^b

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Tyumen State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to publications in the Siberian press, affect the financial situation of student's youth in the early twentieth century. Produced the review of periodicals, allowed to conclude that the problem of poverty students in this period has been the subject of numerous articles and notes.

On the basis of the main content of the publications, all printed materials of the press of the early twentieth century, directly or indirectly affecting the problem, can be divided into the following thematic groups:

- Materials describing separate events from the life of students related to their material disadvantage;
 - Humorous stories, essays and notes in which the problem of student poverty plays in a light and witty form;
 - Articles related to campaigning, which offered students a solution to the problem of poverty through the manifestation of their political initiatives, including through entry into certain left-wing parties or political movements;
 - Ads that contain requests for financial assistance for individual students or their groups;
- Publications describing examples of the successful resolution of various problems in the study area;
- Ads students trying self-employment.

Found that the problem of student poverty highlighted in the Siberian press of the early twentieth century, mainly Newspapers or magazines on socio-political issues published or supported the liberal forces. There is also some spread in the coverage of interesting subjects had a periodic publication of the satirical and humorous genre.

Keywords: Siberia, the printing press, periodicals, magazines, Newspapers, genres and styles of narration, educational institutions, students, financial situation, poverty, employment.

1. Введение

На страницах сибирской прессы к началу XX столетия появляются многочисленные статьи, посвященные жизнедеятельности и быту сибирского студенчества. Внимание журналов и газет привлекают, помимо прочего, вопросы о материальном положении учащихся сибирских вузов, которое, по мнению большинства авторов публикуемых материалов, находится к этому периоду в крайне тяжелом состоянии.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование реализовано преимущественно на базе анализа материалов печатной прессы, издававшейся в дореволюционный период начала XX века. Авторами подробно изучены

* Corresponding author

E-mail addresses: rodinao805@mail.ru (V.N. Rodina), angelo1_05@mail.ru (I.A. Filippova), Sulkarnaeva@mail.ru (G.A. Sulkarnaeva)

публикации в таких периодических изданиях как: «Сибирские вопросы», «Сибирская жизнь», «Сибирский студент», «Утро Сибири», «Синдетикон». Также проанализированы материалы Государственного архива Томской области (ГАТомО).

Среди методов исследования были использованы:

- контент-анализ документов, с помощью которого исследовано содержание публикаций печатной прессы, повествующей о проблемах сибирского студенчества в начале XX века;
- нарративный метод, позволивший последовательно изложить выявленные тенденции;
- историко-системный подход, посредством которого удалось установить корреляции между различными историческими фактами и событиями; систематизировать публикуемую информацию, на основе чего сформировать представление о том, каким образом сибирская пресса в начале XX века освещала вопросы, касающиеся материального положения студенческой молодежи.

3. Обсуждение

Анализируя степень исследования выбранного тематического направления, необходимо отметить следующее. Как выяснилось, в отдельных публикациях дореволюционного периода встречались краткие обзоры печатных изданий, издававшихся в начале XX века (Романов, 1916).

Более современные исследования в данном тематическом блоке в основном представлены трудами, раскрывающими общие вопросы журналистики в различные временные этапы, начиная с XVIII века, причем журналистское дело в начале XX века рассматривалось в них относительно кратко (Есин, 2007; История ..., 2004). Кроме того, вопросы о том, каким именно образом освещались в прессе начала XX века особенности материального положения сибирских студентов, как правило, не затрагивались вообще, либо это делалось фрагментарно – при рассмотрении ключевых рубрик тех или иных журналов, либо газет.

В некоторых работах, посвященных исследованию становления высшего образования в сибирском крае, а также изучению жизни сибирского студенчества на рубеже XIX – XX веков, вопросы о материальном положении учащихся высших учебных заведений региона рассматривались, однако также фрагментарно – в числе многочисленных исследовательских аспектов (Иванов, 1991; Vermeer, Van Der Ven, 2003: 51-71; Кузьминова, 2005; Попов, 1913; Oleksiyenko, 2015: 23-45).

Малая разработанность заявленной темы обусловила ее актуальность, вместе с тем, предопределила особенности самой исследовательской работы, которая будет проведена преимущественно на базе анализа литературных первоисточников, т.е. сохранившихся до наших дней публикаций в печатной прессе, издававшейся в дореволюционный период начала XX века.

4. Результаты

В дореволюционный период начала XX века материальное положение студентов в публикуемых материалах сибирской прессы чаще всего оценивалось как очень низкое. Проблема бедности учащихся вузов нередко поднималась на страницах журналов и газет.

Причем, говоря о сибирских студентах, журналисты не всегда подразумевали именно студентов сибирских вузов, но также и тех, кто являлись коренными уроженцами Сибири, получили в местном училище или гимназии то или иное образование, и отправились затем для продолжения обучения в вузы иных регионов. Чаще всего, речь в таких заметках и статьях шла о столичных высших учебных заведениях России.

Одним из периодических изданий, на страницах которого часто обсуждалось бедственное положение студенческих масс, их злободневные проблемы и настроения, являлся журнал «Сибирские вопросы», издававшийся с 1905 до 1914 года.

Данное периодическое издание публиковалось на средства сибиряка, родом из Иркутска, В.П. Сукачева. Журнал «Сибирские вопросы» признавался общественностью наиболее независимым и смелым «обличителем безобразий» в Сибири. В данном издании остро и горячо обсуждались основные, волнующие население края, вопросы (Есин, 2007: 76–78; Периодическая ..., 1991: 63–65).

В 1907 году выходит подробная статья, где материальное положение сибирской молодежи, обучающейся в Петербурге, описывается следующим образом: «Большая часть студентов-сибиряков совершенно не обеспечена. Обыкновенный ежемесячный бюджет – 25–30 рублей; редкие получают из дома 35–40 руб., а большинство менее 25 руб. Есть и такие, которые не получая ничего из дома живут личным трудом. Но в Петербурге заработок плох и им приходится обращаться за помощью в комитет нуждающихся студентов при университете или в комитет Общества содействия учащимся в Петербурге Сибирякам (Бельденинов, 1907: 58).

Автор материала в указанной публикации приводит данные о возрастном составе сибиряков, обучающихся в Петербургском университете, отмечая, что: «возраст студентов-сибиряков самый разнообразный. Тут Вы встретите и безусых, ничего не испытавших юношей, пришедших в университет с гимнастической скамьи, пожилых, бородатых, женатых лиц, для которых жизнь была злой мачехой» (Бельденинов, 1907: 53).

В приведенной цитате подчеркивается суровость жизни, бедность и нехватка средств, не позволившая многим получить высшее образование, будучи молодыми. Как отмечается в статье, есть среди студентов Петербургского университета такие, которым «материальная необеспеченность

задержала поступление в университет, нередко заставив зарабатывать себе с 17–19 лет кусок хлеба, но все-таки не убила в них жажды знания, стремления к свету и после многих лет труда и борьбы привела в университет» (Бельденинов, 1907: 57).

В целом можно констатировать, что студенчество рассматривается в периодическом издании преимущественно в позитивном ключе. Авторы статей, как правило, выражают сочувствие бедственному положению молодых людей, высказывают пожелания мужества и силы для борьбы за свои права и независимость. Нередко в материалах данного издания содержатся политические призывы, отображающие либеральные идеи и радикальные взгляды.

Однако в отличие от студенчества, деятельность представителей официальной власти, чиновников и должностных лиц в организации быта студентов чаще всего оценивается в данном издании в резком и негативном ключе. Ярким примером тому является статья, опубликованная в 1910 году под ироничным названием: «О чем печется попечитель Западно-Сибирского учебного округа?». С ошутимым сарказмом авторы материала пишут о «высокой занятости» попечителя Западно-Сибирского учебного округа, а также «особой важности» выполняемых им служебных задач и функций. Основной же из них, по мнению создателей журнала, является забота чиновника о самом себе, обеспечении личного материального благополучия, в условиях, когда основная студенческая масса голодает и живет очень скромно, практически на грани нищенского существования.

Как отмечается в анализируемой публикации, «Попечитель Западно-Сибирского учебного округа получает жалованье 4 000 руб., да столовых тоже 4 000, квартирных не получает, но имеет квартиру в здании университета. Прекрасная квартира. Комнат что-то 10 или 12, с водопроводом, электрическим освещением, кухнями, прачешными, ванными, людскими, кучерскими, конюшнями и т.п.» (О чем ..., 1910: 21).

В рассматриваемом журнале поднимаются злободневные вопросы о нерациональном использовании бюджетных средств на обустройство, быт и передвижение чиновника, при этом высказывается некоторое недоумение по данному поводу: «Когда г. попечителю заблагорассудится получить командировку для обозрения подведомственных ему заведений, то на сей предмет выдаются прогонные и суточные.... И так как расстояния в Сибири огромные, то по расчету на 12 лошадей поездка в Омск, в Тюмень, в Бийск, в Барнаул и др. места дает порядочную сумму прогонных». Проехать же на казенные государственные деньги, по ироничному замечанию авторов журнала, в таких случаях чиновнику будет и полезно для здоровья, и приятно (О чем ..., 1910: 22).

Как видно из текста анализируемой статьи (в журнале «Сибирские вопросы»), деятельность попечителя Западно-Сибирского учебного округа осуждается авторами публикации. Они возмущены, что в условиях, когда большая часть студенчества живет очень скромно, бюджетные средства так нерационально используются на содержание данного должностного лица.

Преимущественно в негативном свете рассматривается журналом и деятельность Министерства народного просвещения. В 1908 году выходит цикл статей на тему: «Сибирь и Министерство народного просвещения», где обсуждаются расходы бюджета на образование в Сибири, которые сравниваются со средствами, выделенными на поддержку столичных вузов и обучающихся там студентов, сопоставляются другие важные экономические показатели в образовательной сфере. Автор статей делает вывод о недостаточно разумном распределении бюджетных средств, упрекает Министерство народного просвещения во многих злободневных проблемах и нерешенных вопросах (Скалозубов, 1908).

Бедность, нехватка денег иногда приводят к вспышкам противоправного поведения в среде сибирских студентов. Так, в 1909 году в еженедельном томском журнале «Силуэты жизни родного города» делается заметка о том, что «В технологическом институте начали воровать шапки целыми охапками... На днях мне встретились два студента-технолога... Идут рысью: один в легоньком башлыке, а другой вообще без головного убора» (Дневник..., 1909: 5–6).

Однако далеко не все студенты способны на тяжкие проступки в попытке решить свои материальные проблемы. Многие из них честно и добросовестно пытаются заработать на пропитание, используя свои знания и умения, обретенные в вузах. Так, например, на страницах популярной в исследуемой период газет «Сибирская жизнь» публикуются многочисленные объявления частного характера, где томские студенты предлагают местному населению уроки по различным переметам, иностранным языкам, услуги по машинной печати текстов, составлению чертежей и др. Выдержки из текстов некоторых таких объявлений для наглядности приведены ниже:

- «Чертежник студент-технолог составляет с рачительством, по ценам, каждому доступным, проекты, планы, сметы и всевозможные технические чертежи и работы»;
- «На пишущей машине даю всякие уроки и принимаю всякого рода переписку»;
- «Ретуширую недорого любительские негативы и позитивы. Студент-технолог (бывший фотограф) А. Трубин»;
- «Студент-технолог (реалист, знает немецкий язык – теорию и практику). Остаюсь на целое лето. Свободен во всякое время» (Сибирская ..., 1907. 19 апр.: 3);
- «Студент-технолог успешно готовит по всем предметам (спец. русский язык и математика). Технологический институт, студент А.Ш.» (Сибирская ..., 1907. 1 мая: 4) и т.д.

Таким образом, студенты, путем подачи частных объявлений, пытались самостоятельно найти себе хоть какую-то работу. Однако следует констатировать, что предложений со стороны работодателей в этот период было довольно мало (Иванов, 1991: 118–124; Отчет..., 1910: 68–71).

Кроме индивидуальных объявлений, по инициативе и с согласия администрации вузов и самих студентов, в рубрике «Томская жизнь», регулярно публикуемой в рассматриваемой газете, также нередко встречаются групповые объявления или открытые призывы о помощи студентам, оказавшимся в бедственном положении.

Например, в одном из выпусков «Сибирской жизни» сообщается о том, что «около 600 студентов университета и технологического института не внесли плату за слушание лекций. Им угрожает увольнение. Необходима помощь» (Сибирская ..., 1907. 19 апр.: 3).

При этом в объявлении предлагается конкретный путь, с помощью которого можно решить эту проблему. Так, в заметке сообщается, что «25 апреля в лекционном корпусе состоится ... вечер. Чистый сбор предназначен на взнос платы за студентов. Вечер обещает быть интересным; программа – весьма разнообразной: музыка, пение, чтение прозы и стихов; мелодекламация, хор, оркестр, разнообразные игры, танцы. Для вечера отведены обширные помещения: чертежная, актовый зал, аудитория, буфет» (Сибирская ..., 1907. 19 апр.: 3).

В 1912 году выходит сатирическая студенческая газета, под оригинальным названием «Синдетикон». В опубликованных в ней материалах обыгрывается тема бедности учащихся высших учебных заведений. Однако делается это, исходя из жанра самой газеты, в юмористической форме. Например, под видом объявлений и телеграмм публикуются заметки, содержащие выражения типа: «Утеряна по дороге к Знанию возможность поступления в Университет»; «В Сибири объявлен розыск обеспеченного студента» и т.п. (Синдетикон, 1912).

Следует заметить, что за все время существования газеты вышел только один ее номер. Предположительной причиной данного явления явилась острая нехватка денежных средств на публикацию и дальнейший выпуск последующих изданий (Гольдфарб, 2002: 211–213).

Таким образом, проблема, о которой так остроумно шутили студенты – авторы «Синдетикона», вероятнее всего, сама по себе выступила тем решающим фактором, из-за которого произошло закрытие сатирического издания.

Другим проектом сибирских студентов стал ежемесячный журнал под названием «Сибирский студент». В отличие от «Синдетикона» этот журнал издавался на протяжении трех лет, начиная с 1914 года. Его издателем и одновременно редактором явился популярный в то время публицист, этнограф и общественный деятель – Михаил Бонифатьевич Шатилов.

«Сибирский студент» обращался в своих сообщениях, прежде всего, к сибирскому студенчеству, что следует и из самого названия журнала. Выбор именно этой аудитории читателей обусловлен, в первую очередь, тем, что, по мнению авторов издания, студенчество всегда было и остается отражением «общественного целого» (Сибирский ..., 1914: 6–7).

Исходя из ключевых целей, стоящих перед студенческой молодежью, редакцией данного периодического издания были определены его главные задачи: выявить нарастание самосознания в молодежной студенческой среде, взаимосвязь нарождающегося духовного «я» представителей молодого поколения со своими корнями, «славным историческим прошлым»; наметить и обсудить практические шаги, по которым должно пойти молодое поколение; определить роль и место сибирских студентов как настоящих и будущих строителей культурного и жизненного уклада Сибири (Сибирский ..., 1914: 7–8).

В соответствии с выбранной миссией, по факту данное издание выступало в качестве некоего барометра общественного мнения и настроений в студенческой среде, проводя в рамках журналистской деятельности, помимо прочей работы, также и подробные социологические исследования на ту или иную тематику.

При этом проблема бедности студентов неоднократно поднималась на страницах издания. Так, например, анализируя результаты проведенного в 1913 году опроса томских студентов, авторы журнала показали, что студенческая молодежь переживает глубокий кризис. При этом большая часть томских студентов (около 80 % респондентов) состоит из демократического и трудового элемента социальных слоев. Даже при наличии особого стремления и желания, они не имеют материальных средств, которые бы в достаточной мере обеспечили их на время прохождения обучающей программы вузов. Как отмечается в журнале, средний бюджет студента в 1913 году чаще всего составлял не более 15–25 руб. на человека. Нередко студенты испытывали сильную нужду, доходя буквально до нищенского существования. Результаты исследования также показали, что подавляющее большинство томских студентов (75 % опрошенных), несмотря на желание трудоустройства, не могут найти себе достойного заработка (Сибирский ..., 1914: 43–45).

Редакция журнала не только выявляла и рассказывала о наиболее насущных и актуальных проблемах сибирского студенчества, но также освещала отдельные примеры удачного решения тех или иных вопросов.

Так, например, в 1915 году на страницах «Сибирского студента» размещается сообщение о том, как на базе Общества вспомоществования учащимся вузов в городе Томске открывается студенческое страховое агентство, где сами студенты работают в качестве страховых агентов, а получаемая прибыль

от каждой сделки, делится пополам между Обществом вспомоществования и самим агентом (Сибирский ..., 1915: 66–68).

В других, ранее упомянутых изданиях печатной прессы, также приводятся многочисленные примеры подобного рода. Так, в газете «Сибирская жизнь» пишется о том, что с целью облегчения поисков работы в городе Томске с октября 1913 года было сформировано студенческое бюро по трудоустройству, куда за шесть месяцев обратилось более 160 студентов. При этом, как сообщает газета, примерно каждого третьего из них удалось трудоустроить. Учащимся вузов предлагалось работать оспопрививателями, чертежниками, комиссионерами, репетиторами и др.

В газете также отмечалось, что, несмотря на некоторые успехи в данном направлении, средний ежемесячный заработок одного студента составлял лишь 12 руб., что не соответствовало даже среднепрожиточному минимуму. В целях оказания материальной помощи нуждающимся томским студентам функционировала студенческая столовая, где можно было купить полноценный обед по недорогой цене – около 15 коп. Данная столовая быстро обрела популярность среди молодежи. В 1914 году каждый день ее посещало свыше 800 студентов. Самым нуждающимся учащимся вузов выдавали специальные абонементы на получение бесплатных обедов. Только в сентябре-октябре 1914 года ими смогли воспользоваться 82 человека (Сибирская ..., 1914. 30 окт.: 4). При Томском же университете было организовано студенческое общежитие, плата за проживание в котором в целом была существенно ниже, чем на частных жилых квартирах (Отчет..., 1910: 46–48).

Судя по материалам сибирской прессы, в 1915 году из-за событий Первой мировой войны наблюдается резкое подорожание цен на многие продукты, товары и услуги, что еще больше усугубляет и без того тяжелое материальное положение студентов. Даже в недорогой студенческой столовой цена на обед выросла до 20–30 коп. за одну порцию (Сибирская ..., 1915. 28 апр.: 2) и до 40 коп. – в 1916 году (Сибирская ..., 1916. 7 сент.: 3).

Из-за массового притока беженцев резко увеличилась к этому времени и стоимость жилья (Сибирская ..., 1916. 21 авг.: 4). Закрывается студенческое общежитие в связи с передачей его для военных нужд.

В другой региональной газете «Утро Сибири» в одном из выпусков 1916 года обращается внимание читателей на то, что студенты сильно страдают от дороговизны, притом, что существенно «вздорожали комнаты». Чтобы нормально прожить, студенту нужно не менее 50 руб. в месяц, – пишется в газете. Однако средний ежемесячный студенческий бюджет, как правило, не превышает 25–30 рублей (Утро ..., 1916: 3).

При этом в газете «Сибирская жизнь» в 1916 году выходят многочисленные заметки, где сообщается о том, что нужда студенческой молодежи выросла до крайности (Сибирская ..., 1916. 7 сент.; 22 окт.; 16 дек.). Лишь одних прошений о ссудах, поступивших в Общество вспомоществования, насчитывается на сумму в 2 754 рубля (Сибирская ..., 1916. 22 окт.: 3).

Учитывая нарастающий рост материального неблагополучия в молодежной студенческой среде, при одновременном общем снижении размеров оказываемой благотворительной помощи со стороны меценатов и купцов, Правительство предприняло ряд некоторых мер, направленных на предупреждение каких-либо волнений среди студентов. Прежде всего, была увеличена помощь учащимся вузов из средств государственной казны.

Смягчаются и требования к лицам, претендующим на стипендию. Так, в 1916 году Комитетом по студенческим делам, действовавшем при Томском технологическом институте, студентам, «не имеющим двенадцать зачетов», но «заслуживающим поощрения», было предоставлено 40 стипендий, выделено 14 пособий на взнос оплаты за обучение, а также 16 бесплатных учебных мест (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3199. Л. 68).

При этом советы высших учебных заведений, следуя правительственным предписаниям, не взимали оплату со студентов, родственники которых служили в рядах действующей в то время армии. Например, в 1914 году на Сибирских высших женских курсах данной льготой воспользовалось восемь девушек (Сибирская ..., 1914. 29 окт.: 3).

В целом, описанные выше меры не смогли повлиять коренным образом на материальное положение сибирского студенчества, большая часть которого продолжала бедствовать и голодать (Иванов, 1991: 136–138). Данные факторы, наряду с отменой предоставления отсрочки по призыву в армию для студентов, выступили в качестве ключевых причин подъема студенческих волнений к началу 1917 года.

5. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Как выяснилось, среди периодических изданий, освещающих вопросы материального положения студентов в начале XX века, некоторое распространение имеют сатирические газеты и журналы, однако в целом преобладают периодические издания общественно-политического характера, издаваемые или поддерживаемые либеральными силами и левыми партиями. К этим изданиям, прежде всего, можно отнести журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский студент», газету «Сибирская жизнь» и др.

Образ студента в периодической печати данного типа, как правило, описывался исключительно в позитивном ключе. Редакторы и авторы изданий, на страницах публикуемых статей и заметок чаще всего высказывали сопереживание оказавшимся в бедственном положении учащимся вузов.

Основной контент материалов печатной прессы, поднимающей вопросы о бедности студентов, условно можно раздеть на следующие тематические блоки:

1) Общее описание материального положения, а также конкретных событий или отдельных проблем студенческой молодежи, связанных с их материальным неблагополучием;

2) Заметки и объявления, содержащие призывы оказать материальную помощь конкретным студентам или их группам, в том числе путем:

а) обращения к читателям и благотворителям, с просьбой собрать ту или иную денежную сумму;

б) приглашения читателей на какое-либо творческое мероприятие с участием студентов (концерт, танцевальный, музыкальный, литературный вечер и т.п.), с тем, чтобы собранные от выступления деньги были использованы на покрытие конкретных нужд учащихся вузов;

3) Описание примеров решения отдельных проблем в исследуемой сфере (в т.ч. посредством открытия при учебных заведениях столовых с питанием по умеренной цене, студенческих страховых агентств, бюро помощи при трудоустройстве и т.п.).

4) Заметки и рассказы, в которых проблема студенческой бедности обыгрывается в остроумной форме;

5) Статьи, содержащие призывы к студенческой молодежи вступить в ряды тех или иных левых партий или общественно-политических движений, с целью борьбы за студенческие права, преодоления «социальной несправедливости», бедности и материальной нужды;

6) Групповые и частые объявления сибирских студентов, пытающихся самостоятельно найти работу.

По стилю и жанру изложения материалов на указанную тематику преобладают повествования критического, описательного, агитационного, иронического или юмористического характера. Кроме того, встречаются материалы, изложенные в виде объявлений, телеграмм, а также в форме анализа результатов опросов и интервьюирования сибирских студентов.

Литература

Бельденинов, 1907 – Бельденинов С. Сибирская молодежь в петербургском университете // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1907. № 1. С. 52-59.

ГАТомО – Государственный архив Томской области.

Гольдфарб, 2002 – Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – начало XX века. Иркутск, 2002. 312 с.

Дневник..., 1909 – Дневник томского обывателя // *Силуэты жизни родного города*. 1909. № 7 (28 февр.). С. 5-6.

Есин, 2007 – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // *Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики*. М., 2007. 186 с.

Иванов, 1991 – Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 392 с.

История ..., 2004 – История сибирской печати XVIII – начала XX в. Иркутск, 2004. Т. 1–5.

Кузьминова, 2005 – Кузьминова Е.Ф. Сибирские высшие женские курсы в Томске в общероссийском движении за право женщин на образование // *Томск-400. Судьба регионального центра России*. Томск: ТГУ, 2005. С. 165-168.

О чем ..., 1910 – О чем печется попечитель Западно-Сибирского учебного округа? // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1910. № 24. С. 20-28.

Отчет..., 1910 – Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 год. Томск, 1911. 114 с.

Периодическая ..., 1991 – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): Указатель газет и журналов / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.

Попов, 1913 – Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. 315 с.

Романов, 1916 – Романов Н.С. Периодическая печать г. Иркутска // *Сибирская Летопись*. 1916. С. 9-10.

Сибирская ..., 1907. 1 мая – Сибирская жизнь. 1907. 1 мая. С. 4.

Сибирская ..., 1907. 19 апр. – Сибирская жизнь. 1907. 19 апр. С. 3.

Сибирская ..., 1914. 29 окт. – Сибирская жизнь. 1914. 29 окт. С. 3.

Сибирская ..., 1914. 30 окт. – Сибирская жизнь. 1914. 30 окт. С. 4.

Сибирская ..., 1915. 28 апр. – Сибирская жизнь. 1915. 28 апр. С. 2.

Сибирская ..., 1916. 16 дек. – Сибирская жизнь. 1916. 16 дек. С. 3.

Сибирская ..., 1916. 21 авг. – Сибирская жизнь. 1916. 21 авг. С. 4.

Сибирская ..., 1916. 7 сент. – Сибирская жизнь. 1916. 7 сент. С. 3.

Сибирская ..., 1916. 22 окт. – Сибирская жизнь. 1916. 22 окт. С. 3

- Сибирский ..., 1914 – Сибирский студент. 1914. № 1. С. 6 - 8; 43-45.
 Сибирский ..., 1915 – Сибирский студент. 1915. № 3 - 4. С. 66-69.
 Синдетикон, 1912 – Синдетикон. 1912. 22 окт. С. 2-3.
 Скалозубов, 1908 – Скалозубов Н. Сибирь и Министерство народного просвещения // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1908. № 3-4. С. 30-34; № 5. С. 17-19.
 Утро ..., 1916 – Утро Сибири. 1916. 1 сент. С. 3.
 Oleksienko, 2015 – Oleksienko, (2015). Internationalization Legacies and Collaboration Challenges: Post-Imperial Hybrids and Political Fallouts in Russian Higher Education // *Frontiers of Education in China*, 2015. Volume 10, Issue 1, P. 23-45.
 Vermeer, Van Der Ven Johannes, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes, (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. // *Journal of Empirical Theology*, 2003. Volume 16, Issue 1, p. 51-71.

References

- Bel'deninov, 1907 – Beldeninov S. (1907). Sibirskaya molodezh' v peterburzhskom universitete [The Siberian youth in the Saint Petersburg University]. *Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik*. № 1. pp. 52-59. [in Russian].
 GATomO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti.
 Gol'dfarb, 2002 – Goldfarb S.I. (2002). Gazetnoe delo v Sibiri: Pervaya polovina XIX – nachalo XX veka. [The newspaper business in Siberia: First half of XIX – beginning of XX century]. Irkutsk, 312 p. [in Russian].
 Dnevnik..., 1909 – Dnevnik tomskogo obyvatelya [The diary of the inhabitant of Tomsk]. *Siluehty zhizni rodnogo goroda*. 1909. № 7 (28 fevr.). pp. 5-6. [in Russian].
 Esin, 2007 – Esin B.I. (2007). Osnovnye ehrapy 300-letnej istorii russkoj zhurnalistiki [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. *Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoj zhurnalistiki*. M., 186 s. [in Russian].
 Ivanov, 1991 – Ivanov A.E. (1991). Vysshaya shkola Rossii v konce XIX - nachale XX veka. [Higher school of Russia in the late XIX – early XX century]. M., 392 p. [in Russian].
 Istoriya ..., 2004 – Istoriya sibirskoj pechati XVIII – nachala XX v. [History of the Siberian press of the XVIII – beginning of XX century]. Irkutsk, 2004. T. 1-5. [in Russian].
 Kuz'minova, 2005 – Kuzminova E.F. (2005). Sibirskie vysshie zhenskie kursy v Tomske v obshcherossijskom dvizhenii za pravo zhenshchin na obrazovanie [Higher Siberian courses for women in Tomsk all-Russian movement for women's right to education]. *Tomsk-400. Sud'ba regional'nogo centra Rossii*. Tomsk: TGU, pp. 165-168. [in Russian].
 O chem ..., 1910 – O chem pechetsya popechitel' Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga? [Cares about what a Trustee of the West Siberian educational district?]. *Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik*. 1910. № 24. pp. 20-28. [in Russian].
 Otchet..., 1910 – Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1910 god. [A report on the state of the Imperial Tomsk University in 1910]. Tomsk, 1911. 114 p. [in Russian].
 Periodicheskaya ..., 1991 – Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 goda): Ukazatel' gazet i zhurnalov [The periodical press of Siberia (second half of XIX century – February 1917): Index of Newspapers and magazines]. / Pod red. Eh.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1991. 96 p. [in Russian].
 Popov, 1913 – Popov M.F. (1913). Kratkij istoricheskij ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913). [A brief historical sketch of the Imperial Tomsk University for 25 years (1888–1913)]. Tomsk, 315 p. [in Russian].
 Romanov, 1916 – Romanov N.S. (1916). Periodicheskaya pechat' g. Irkutsk [Periodicals Irkutsk]. *Sibirskaya Letopis'*. pp. 9-10. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1907. 1 maya – Sibirskaya zhizn'. 1907. 1 maya. p. 4. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1907. 19 apr. – Sibirskaya zhizn'. 1907. 19 apr. p. 3. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1914. 29 okt. – Sibirskaya zhizn'. 1914. 29 okt. p. 3. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1914. 30 okt. – Sibirskaya zhizn'. 1914. 30 okt. p. 4. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1915. 28 apr. – Sibirskaya zhizn'. 1915. 28 apr. p. 2. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1916. 16 dek. – Sibirskaya zhizn'. 1916. 16 dek. p. 3. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1916. 21 avg. – Sibirskaya zhizn'. 1916. 21 avg. p. 4. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1916. 7 sent. – Sibirskaya zhizn'. 1916. 7 sent. p. 3. [in Russian].
 Sibirskaya ..., 1916. 22 okt. – Sibirskaya zhizn'. 1916. 22 okt. p. 3. [in Russian].
 Sibirskij ..., 1914 – Sibirskij student. 1914. № 1. pp. 6-8; 43-45. [in Russian].
 Sibirskij ..., 1915 – Sibirskij student. 1915. № 3-4. pp. 66-69. [in Russian].
 Sindetikon, 1912 – Sindetikon. 1912. 22 okt. p. 2-3. [in Russian].
 Skalozubov, 1908 – Skalozubov N. (1908). Sibir' i Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya [Siberia and the Ministry of national education]. *Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik*. № 3-4. pp. 30-34; № 5. pp. 17-19. [in Russian].
 Utro ..., 1916 – Utro Sibiri. 1916. 1 sent. p. 3. [in Russian].

Oleksienko, 2015 – Oleksienko, (2015). Internationalization Legacies and Collaboration Challenges: Post-Imperial Hybrids and Political Fallouts in Russian Higher Education. *Frontiers of Education in China*, 2015. Volume 10, Issue 1, pp. 23-45.

Vermeer, Van Der Ven Johannes, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes, (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*, Volume 16, Issue 1, pp. 51-71.

УДК 63.3(2)+284.2

Материальное положение студентов в начале XX века: в освещении сибирской прессы

Вера Николаевна Родина ^{a, *}, Ирина Анатольевна Филиппова ^a, Гульнур Ахмеровна Сулкарнаева ^b

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию публикаций в сибирской прессе, затрагивающих вопросы материального положения студенческой молодежи в начале XX века. Произведенный обзор периодических изданий, позволил сделать вывод о том, проблеме бедности учащихся вузов в этот период были посвящены многочисленные статьи и заметки.

Исходя из основного контента публикаций, все материалы печатной прессы начала XX века, прямым или косвенным образом затрагивающие обозначенную проблему, условно можно разделить на следующие тематические группы:

- Материалы с описанием отдельных событий из жизни студенческой молодежи, связанных с их материальным неблагополучием;
- Юмористические рассказы, эссе и заметки, в которых проблема студенческой бедности обыгрывалась в легкой и остроумной форме;
- Статьи агитационного характера, авторы которых предлагали студентам решение проблемы бедности посредством проявления их политической инициативы, в т.ч. через вступление в те или иные левые партии, либо общественно-политические движения;
- Объявления, содержащие просьбы об оказании материальной помощи конкретным студентам либо их группам;
- Публикации с описанием примеров успешного разрешения тех или иных проблем в исследуемой сфере;
- Объявления студентов, пытающихся самостоятельно трудоустроиться.

Установлено, что проблема студенческой бедности освещались в сибирской прессе начала XX века преимущественно газетами или журналами общественно-политического характера, издаваемыми или поддерживаемыми либеральными силами. Также некоторое распространение в освещении интересующей тематики имели периодические издания сатирическо-юмористического жанра.

Ключевые слова: Сибирь, печатная пресса, периодические издания, журналы, газеты, жанры и стили повествования, высшие учебные заведения, студенты, материальное положение, бедность, трудоустройство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rodinao805@mail.ru (В.Н. Родина), angelo1_05@mail.ru (И.А. Филиппов), Sulkarnaeva@mail.ru (Г.А. Сулкарнаева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 616-624, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.616
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

УДК 93/94

The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems

Yuliya A. Lysenko ^{a,*}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the experience of cooperation between the Deputies of the indigenous peoples of the Steppe Region and Turkestan with the Muslim fraction of the Russian Empire's State Duma. Among the issues, discussed in the Russian parliament, the agrarian question was the most urgent issue for the deputies of the Central Asian suburbs of Russia. Its decision was seen by them in termination of country resettlement to Asian suburbs of the empire and land management of indigenous people. After the removal of the Steppe Region and Turkestan from participation in the parliamentary movement the representatives of the regional ethno-elite continued to cooperate with the Muslim fraction of the Duma of the third and fourth convocations, providing legal assistance in drafting laws affecting the situation of the Muslim community in Russia.

In general, the activity of deputies from the Steppe Krai and Turkestan, aimed at solving regional ethnic problems, turned out to be ineffective. Confirmation of this thesis is considered to be the adoption by the Duma of the third convocation of a law permitting the mass seizure of lands from the indigenous population to the resettlement fund. Deputies from the Central Asian suburbs failed to remove the restrictive norms of Russian legislation in the field of political and spiritual-religious rights of Muslims in the region.

On the one hand, the current situation is due to the insignificant experience of parliamentary activity of the Deputies of the Steppe Region and Turkestan and their elimination at the legislative level from the solution of regional problems. On the other hand, the regional ethnoelit did not have a clear program of action and it could not in that historical period present to the government an alternative concept of Russia's policy in the Central Asian region.

Keywords: Russian Empire, State Duma, Steppe Region, Turkestan, Muslim fraction, ethnos.

1. Введение

Значительная роль в общественно-политической жизни Российской империи начала XX в. принадлежала Государственной думе. В историографии ее функционирование отождествляется, прежде всего, с деятельностью партийных фракций кадетов, социал-демократов, октябристов, трудовиков и т.д. В то же время Манифест 17 октября 1905 г., несомненно, придал мощный импульс росту этнического самосознания народов России и созданию национальных общественных и политических объединений. Это привело к формированию в Думе структур, организованных на этнотерриториальной или этноконфессиональной основе. Одной из них стала мусульманская фракция, в состав которой вошли депутаты от мусульманских регионов империи, в том числе от Степного края и Туркестана. Их взаимодействие в рамках фракции, направленное на решение как в целом вопросов реформирования системы управления мусульманской общиной России, так и региональных этносоциальных проблем, безусловно, представляет научный интерес и вызывает необходимость глубокого и детального осмысления.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

2. Материалы и методы

В качестве основного источника исследования привлекались стенографические отчеты заседаний Государственной думы Российской империи четырех созывов. Их анализ позволил выявить характер и специфику российского парламентского движения, определить спектр проблем центральноазиатского общества, ставших предметом обсуждения в Думе, формы участия представителей Степного края и Туркестана в деятельности мусульманской фракции. Кроме этого, эмпирическую базу исследования составили материалы делопроизводственной документации центральных и региональных органов власти, отложившиеся в РГИА (Ф. 821 – Департамент Духовных дел иностранных исповеданий МВД, Ф. 1276 – Совет министров, Ф. 1291 – Земский отдел МВД) и ЦГА Республики Казахстан (Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора). Данная группа источников позволяет выявить расстановку общественно-политических сил в Степном крае и Туркестане в период избирательных кампаний, их ход и результаты, а также существенно дополнить наши представления об общественно-политической деятельности центральноазиатской этноэлиты, оказавшейся вне парламентского движения в период работы Государственной думы третьего и четвертого созывов.

Методологической основой исследования является теория модернизации, позволяющая рассматривать включенность Степного края и Туркестана в парламентское движение как проявление модернизационных устремлений государства. Исследование основано на принципе историзма, предполагающем объективный и всесторонний анализ изучаемого явления во всем его многообразии. Проблемно-хронологический принцип позволил выявить взгляды депутатского корпуса Думы четырех созывов на основные этносоциальные проблемы мусульманской общины центральноазиатских окраин России.

3. Обсуждение

В советской исторической науке проблемы истории парламентского движения в Российской империи изучались с позиций марксистско-ленинской методологии и были призваны подчеркнуть его антинародный характер и реакционную сущность. Национальная политика самодержавия, программные установки партий и законодательная деятельность парламента по национальному вопросу, как правило, освещались фрагментарно. Этим объясняется отсутствие на общем фоне работ советского периода, посвященных Государственной думе Российской империи, исследований, затрагивающих вопросы представительства в ней национальных окраин, в том числе Степного края и Туркестана (Котляр и др., 1947; Пясковский, 1958; Революция 1905–1907 гг., 1985).

Ситуация изменилась в 1990-е гг., что было связано с формированием методологического плюрализма в исторической науке постсоветского пространства. Детальному анализу подверглись основные направления деятельности Государственной думы, механизмы ее внутренней организации и функционирования, взаимодействия с властью и общественностью, парламентские инициативы по национальному вопросу (Смирнов, 1998; Кошкидько, 2000). Отдельным направлением современной отечественной историографии российского парламентаризма следует считать появление исследований, посвященных непартийным фракциям Государственной думы (мусульманская фракция, польское коло) (Исхаков, 2007; Котюкова, 2008; Усманова, 2005).

В исследованиях ученых государств постсоветской Центральной Азии проблема представительства коренных народов региона в Государственной думе Российской империи рассматривается сквозь призму колониальной политики. Поэтому в некотором смысле гипертрофируется роль депутатов от Степного края и Туркестана в борьбе за этносоциальные права региона. Из числа зарубежных исследователей непосредственно к истории российского парламентаризма обращались М. Хаген, Р. Зальцман, М. Вежовски, З. Лукавски (Hagen, 1967; Salzmann, 1972; Wierzhowski, 1966; Lukawski, 1967). Однако в работах данной группы авторов анализируется думская политика в отношении западных окраин Российской империи (Польша, Финляндия) и отдельных народов (евреев, немцев). В целом, историографический обзор позволяет утверждать, что проблема представительства от Степного края и Туркестана в Государственной думе Российской империи и опыт фракционного взаимодействия депутатов от данного региона, направленный на решение этносоциальных проблем, остается малоисследованной темой.

4. Результаты

Как свидетельствуют новейшие исследования, «за весь период существования дореволюционной Думы в нее было избрано 79 депутатов-мусульман: 25 депутатов в Думу 1-го созыва, 37 мусульман – во вторую, 10 – в третью и 7 – в четвертую Думу» (Усманова, 2005: 146–179). Из общего числа депутатов-мусульман Степной край и Туркестан в Думе первого созыва представляли четыре депутата: А. Биримжанов, А. Кальменов, Ш. Коцегулов, А. Букейханов; во II Думе – 10 депутатов: Т. Абдухалилов, Т. Аллабергенов, М. Нурбердыханов, М.Т. Тынышпаев, С.А. Мухамеджанов и А. Кариев. Ш. Коцегулов, Т. Нороконеv, С. Б. Каратаев, А.К. Беремжанов (Мусульманские депутаты, 2008: 276–314).

Формирование депутатского корпуса III и IV Государственной думы осуществлялось на основе нового закона о выборах от 3 июня 1907 г., по которому коренное и европейское население Степного

края и Туркестана было лишено избирательного права. В новых политических реалиях защиту интересов региона взяла на себя мусульманская фракция Думы. Ее представители занимали автономную позицию, но принимали достаточно активное участие в работе различных думских комиссий, обсуждавших, в том числе проблемы функционирования мусульманской общины России. Депутаты Думы прежних созывов от Степного края и Туркестана А. Байтурсынов и С.Б. Каратаев оказывали юридическую помощь в законотворческой деятельности фракции (Усманова, 2005: 137).

В период работы I и II Государственной думы избранный от Степного края и Туркестана депутатский корпус опирался в своей работе на приговоры, указы и прошения, полученные от избирателей. Проведенный С.Н. Малтусыновым контент-анализ данной группы источников позволяет утверждать, что казахское население выражало полное доверие Думе и было уверено в возможности решения ею региональных этносоциальных проблем. К их числу относились проблемы неравенства, связанные с лишением избирательного права населения центральноазиатских окраин, ограничением на законодательном уровне свободы вероисповедания и развития системы местного самоуправления (Малтусынов, 2006: 202). Последнее свидетельствовало о зарождении идеи автономизма, оформившейся позднее в программных установках партии казахской интеллигенции и мелкой буржуазии «Алаш».

Земельный вопрос являлся центральным в наказах и петициях коренного населения центральноазиатских окраин России. В них фиксировалось требование приостановить переселение крестьян в Степной край и Туркестан и «отрезку <...> земель под переселенческие участки до разрешения вопроса в Думе» (ЦГА РК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 9. Л. 1). Население мусульман Ташкента в наказе депутату А. Абдукариеву высказало более радикальное требование упразднения в «Туркестанском крае Управления земледелия и государственных имуществ» и возвращения изъятой у «туземцев в городах, степи и кочевых местах земли» (Котюкова, 2008: 109–133). Именно поэтому депутаты от центральноазиатских окраин в своей работе наибольшее внимание уделяли земельному вопросу, связывая его, в целом, с судьбой крестьянской общины и проблемой малоземелья в европейской части страны. Они поддерживали аграрную программу думской оппозиции, так называемый «проект – 42-х» депутатов, в котором предлагалось провести принудительное отчуждение помещичьей земли на началах «справедливой оценки» с последующей ее передачей крестьянам. Эти меры были направлены против насильственного разрушения общины и массовой миграции аграрного населения в азиатскую часть империи.

Приостановка крестьянского переселения в Степной край и Туркестан давала надежды на прекращение массового изъятия земель у коренного населения и решение вопроса о его землеустройстве. Особого внимания в связи с этим заслуживает речь депутата от Уральской области Б.Б. Каратаева, произнесенная на заседании II Государственной думы 16 мая 1907 г. В ней депутат впервые в парламенте выступил с резкой критикой переселенческой политики государства и заявил о проблеме экспроприации земли у казахского населения в Переселенческий фонд, называя процесс «насилием сильного над слабым» (Государственная дума. Второй созыв, 1907: 673–674). Б.Б. Каратаев настаивал на более рациональном и взвешенном решении переселенческого вопроса, предлагая сначала определить колонизационный потенциал региона и провести работу по землеустройству коренного населения, как оседлого, так и кочевого (Государственная дума, 1907: 674–675).

В период работы II Думы под давлением депутатского корпуса было создано Правительственное совещание по вопросу землеустройства казахов-кочевников. В его работе приняли участие депутаты от Степного края Б.Б. Каратаев, А.К. Беремжанов, Т. Нороконеv, Ш. Коцегулов. Однако несмотря на требования последних немедленно прекратить образование переселенческих участков в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях, большинство участников Совещания сочло невозможным как выполнение данного требования, так и закрепление земельных прав кочевников. По решению Совещания землеустройству подлежали лишь хозяйства казахов, перешедших на оседлый образ жизни (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275).

Решение переселенческого вопроса на заседаниях III Государственной думы (1907–1912 гг.) продолжалось без участия депутатов от Степного края и Туркестана. Думское большинство в этот период стояло на позициях поощрения свободного переселения. Это нашло выражение в создании в ноябре 1907 г. Переселенческой комиссии, ставшей самой многочисленной из всех думских комиссий (66 депутатов), и увеличении расходов бюджета на переселение в 1908–1909 и последующие годы. В то же время часть социал-демократической фракции и фракции «Народной свободы» критиковали деятельность Переселенческого управления, подчеркивая необходимость пересмотра его политики в отношении коренного и старожильческого населения Степного края и Туркестана. Трудовики, кадеты и прогрессисты принципиально не оспаривали права государства на земли коренного населения региона. Однако они считали крайне необходимым принятие специального закона, регулирующего отношения между населением и государством в вопросах землепользования. Мусульманская фракция подчеркивала незаконность изъятия земель у оседлого населения региона (Государственная дума, 1908: 1216–1247).

Попыткой решения проблемы землеустройства коренного и пришлого населения Степного края и Туркестана следует считать законопроект 60 депутатов «Об учреждении землеустроительных комиссий и земельном устройстве киргиз Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской,

Сырдарьинской, Семиречинской и Закаспийской областей», который был внесен на рассмотрение в Государственную думу в июне 1908 г. При областных управлениях предлагалось создание специальных комиссий, с обязательным включением в их состав представителей администрации, переселенческого и коренного населения. Однако Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин отверг думское предложение, подчеркивая несвоевременность повсеместного землеустройства кочевников, не перешедших на оседлый образ жизни (Лысенко и др., 2014: 140–145).

Позиция А.В. Кривошеина подкрепляла мнение чиновников МВД и Военного министерства, связывающих увеличение масштабов переселения крестьянства в Степной край и Туркестан с геополитическими и стратегическими задачами России в регионе. Для их решения предлагалось скорейшее принятие Думой закона, санкционирующего процесс конфискации земельных ресурсов у коренного населения. В 1910 г. последовало обращение Главного управления землеустройства и земледелия в парламент с ходатайством о внесении поправки к ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем, аналогичной примечанию 1 ст. 120 Положения об управлении Степным краем от 1891 г. На ее основании предлагалось земли, оказавшиеся по мнению Главного управления землеустройства и земледелия «излишними» у кочевого населения, изымать с последующей передачей в ведение Управления. Данная поправка обсуждалась в Думе около года и 5 декабря 1910 г., несмотря на некоторое противодействие со стороны Аграрной комиссии и мусульманской фракции, была утверждена (Котюкова, 2008: 120).

Государственная дума IV созыва сохранила преемственность позиций в аграрно-переселенческой политике. Выносимые в период ее деятельности законопроекты, как принятые, так и отклоненные, были направлены исключительно на создание более благоприятных условий для расширения крестьянского землепользования в Степном крае и Туркестане. Зависимость Думы от политического истеблишмента страны исключала возможность решения вопроса землеустройства коренного кочевого населения и тем более вопроса прекращения экспроприации у него земельных ресурсов.

Одним из направлений деятельности депутатов Государственной думы стали усилия по ликвидации ограничительных норм российского законодательства, затрагивающих интересы центральноазиатского региона империи. Наиболее актуальным в связи с этим являлся вопрос о восстановлении избирательного права для коренного и европейского населения Степного края и Туркестана.

Необходимость снятия ограничений в избирательном законодательстве диктовалась рядом обстоятельств. Во-первых, факт признания на государственном уровне народов центральноазиатских окраин империи «политически незрелыми» вызвал волну протеста со стороны этноэлит и региональной общественности. На страницах местной прессы неоднократно подчеркивалась мысль о том, что отстранение населения Степного края и Туркестана от решения общегосударственных проблем противоречит общей логике либерализации российского общества и препятствует его интеграции в социально-политическое пространство государства (Котюкова, 2003: 127–129).

Во-вторых, отсутствие в Думе депутатов от Степного края и Туркестана, владеющих достоверной информацией по наиболее злободневным региональным проблемам, значительно сдерживало законодательную инициативу действующего депутатского корпуса, направленную на их решение. Раз в два года выносимые на обсуждение законопроекты «О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства и Степных областей» составлялись региональными органами власти. Данная практика выходила за рамки общей логики формирования представительной системы, так как исключала возможность участия населения в их обсуждении и корректировке (Котюкова, 2008: 95).

Однако Дума третьего созыва к вопросу об изменении законодательного права не обращалась. Ситуация преломилась в период работы IV Государственной Думы, что, как отмечают исследователи, было связано с политизацией мусульманского общественного движения в масштабах всей империи и в целом ростом мусульманского движения на Востоке. Игнорирование данного вопроса было политически неверным решением.

Именно в период работы Думы четвертого созыва прозвучала критика сложившейся в законодательном праве ситуации, и последовали инициативы по внесению изменений в избирательное право. Так, в январе 1913 г. 24 депутата-трудовика во главе с А.Ф. Керенским и А.В. Чхеидзе предложили реанимировать Закон о выборах 3 июня 1907 г. и вернуть, таким образом, избирательное право Степному краю и Туркестану. В конце февраля этого же года с аналогичным заявлением от имени 32 членов Государственной думы «Об изменении положения о выборах» выступил кадет П.Н. Милюков (Государственная дума, 1913: 1801).

Годом позже, в феврале 1914 г., прогрессисты выдвинули сразу две законодательные инициативы. Первая из них (ее подписали 37 депутатов) – «Об изменении положения о выборах в Государственную думу» – предлагала вернуться к закону о выборах в редакции 17 октября 1905 г. и на его основе развивать представительную систему в стране. Вторая инициатива, подписанная 38 депутатами – «О восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской,

Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской» – была направлена на решение вопроса о представительстве мусульманских регионов в Государственной думе ([Приложение к стенографическим отчетам, 1914](#)).

Однако все вышеперечисленные предложения были отклонены. Причина данной ситуации видится рядом современных исследователей в незрелости самой представительной системы Российской империи, а также в неготовности депутатского корпуса к кардинальному решению вопроса о представительстве в Думе депутатов от мусульманского населения ([Котюкова, 2008: 95](#)). Необходимо также понимать, что деятельность Государственной думы контролировалась политическим истеблишментом страны, который в вопросе изменения избирательного законодательства занимал правую позицию. Чиновники МВД, Военного министерства и Генерального штаба под лозунгами неготовности коренного населения Степного края и Туркестана «для участия в законодательной работе государства» маскировали стремление избежать любых проявлений национализма и сепаратизма. Последние, по их мнению, были неизбежны в случае подключения региона к политическим процессам, происходящим в стране ([Котюкова, 2003: 128](#)).

В самом регионе – Степном крае и Туркестане, за десятилетний период обсуждения в российском парламенте вопроса об изменении закона о выборах, так и не произошло консолидации общественно-политических сил для ее решения. При этом стоит подчеркнуть, что наиболее активно в дискуссии о региональном представительстве в Думе выступала европейская часть центральноазиатского общества. Мусульманское население не смогло обозначить своей позиции по данному вопросу. Тем не менее, все предпринятые попытки восстановления избирательных прав следует рассматривать как важный фактор роста политико-правовой культуры населения Степного края и Туркестана.

Значительное внимание в деятельности депутатов Государственной думы от мусульманских регионов, в том числе от Степного края и Туркестана, уделялось вопросам, связанным с пересмотром ограничительных норм российского законодательства в вопросах вероисповедания. Депутаты выступали с критикой религиозной политики государства в отношении ислама и предлагали реформировать систему управления духовными делами мусульман Российской империи. Ее центральным направлением должно было стать изъятие из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД всех функций по контролю и координации жизнедеятельности мусульманской общины с последующей их передачей в компетенцию Оренбургского, Таврического и Закавказского мусульманских духовных собраний. Парламентарии также настаивали на снятии законодательных ограничений в вопросах мусульманской религиозной пропаганды и паломничества к святым местам, невмешательстве государства в управление конфессиональной школой, перераспределении государственного бюджета в сторону уравнительного финансирования как православных, так и исламских структур. При этом депутаты апеллировали к существующим в Российской империи принципам и нормам организации жизни православного населения, подчинявшегося исключительно Святейшему Синоду ([РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 26. Л. 206–8](#)). Таким образом, решение вопроса свободы веры для мусульман виделось в необходимости уравнивания мусульманской общины в правовом смысле с положением Русской православной церкви и общины православной.

Для мусульман Степного края и Туркестана свобода вероисповедания рассматривалась в несколько иной плоскости. Это было связано с тем, что с 60-х гг. XIX в. мусульмане данного региона на законодательном уровне были лишены возможности создания собственного административного органа управления духовными делами и переданы в подчинение МВД. Таким образом, центральной задачей депутатов от региона являлось обоснование необходимости открытия регионального Особого духовного правления, вопрос свободы веры для них сводился к уравниванию в правах с другими мусульманскими народами России ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1 Д. 2495. Л. 8–12](#)).

Вопрос о создании Особого духовного управления для мусульман Степного края и Туркестана активно лоббировался депутатами от данного региона в процессе подготовки мусульманской фракцией Думы проекта реформы мусульманских духовных учреждений ([Усманова, 2005: 384](#)). Участие представителей центральноазиатского региона в работе над законопроектом в период работы Государственной думы третьего и четвертого созывов стало возможным благодаря инициативе председателя мусульманской фракции К.М. Тевкелева о проведении в 1914 г. очередного Всероссийского мусульманского съезда ([Третий Всероссийский, 1906](#)). В его работе приняли участие 40 человек, в том числе бывшие парламентарии от казахского населения А. Букейханов и С.Б. Каратаев. Главным итогом съезда стало завершение работы по подготовке законопроекта о реформе мусульманских духовных учреждений и его утверждение. Состоящий из 11 глав и 120 параграфов законопроект предполагал создание, в том числе на территории Степного края и Туркестана отдельного административного органа управления делами мусульман ([Проект положения, 1914](#)). Однако правительство, как известно, не поддержало данный проект. Работа Межведомственного совещания с привлечением региональных чиновников и ведущих экспертов-исламоведов, прежде всего А. Рыбакова, завершилась принятием решения о преждевременности создания особого духовного управления для мусульман Степного края и Туркестана и «оставлении системы управления им без изменения» ([РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 23–177](#)).

Не менее важной задачей деятельности депутатов от Степного края и Туркестана в период их работы в Государственной думе стало решение вопросов, связанных с функционированием мусульманской школы. В парламенте России данный вопрос рассматривался в русле общей проблемы унификации системы начального школьного образования в масштабах всех империи с передачей функций контроля и управления как за государственными, так и за конфессиональными школами единому центру – Министерству народного просвещения.

Принятые в 1906 г. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» завершили многолетнюю межведомственную дискуссию о целесообразности передачи мусульманской школы в ведение МНП. Согласно Правилам, общее руководство мусульманской школой изымалось из сферы деятельности Оренбургского духовного собрания и передавалось в местные органы Министерства народного просвещения. С целью реализации политики русификации вводилось обязательное изучение русского языка и образовательный ценз для учителей мусульманской школы – «не ниже курса одноклассного училища МНП» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 241об.–245).

Реакция мусульман России на введение «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» была крайне отрицательной. В Думе второго созыва по инициативе мусульманской фракции было внесено законодательное предложение «Об изменениях правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев», подписанное 31 депутатом. Проект опирался на многочисленные приговоры и ходатайства мусульманских обществ, поступающие в 1905–1906 гг. в правительственные учреждения, а с началом работы парламента и в адрес мусульманской фракции. Правительство было вынуждено приостановить действие Правил в пределах всей империи и собрать в сентябре 1907 г. новое Межведомственное совещание. Его работа завершилась в конце 1907 г. внесением в «Правила» поправок, согласно которым мусульманская школа вновь выводилась из-под контроля МНП (Исхаков, 2007: 287).

Этноэлиты Степного края и Туркестана, в том числе бывшие члены Государственной думы, продолжали пристально следить за деятельностью мусульманской фракции и поддерживать контакты с ее депутатами. В 1916 г. по инициативе лидера фракции К.Б. Тевкелева было принято решение о создании Мусульманского бюро – внедумской политической структуры, призванной консолидировать мусульман империи для решения их общих проблем. В феврале 1916 г. К.Б. Тевкелев лично встречался в Оренбурге с А. Байтурсиновым, приглашая последнего прибыть в Петроград для участия в работе Мусульманского бюро (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 620. Л. 62). Немного позднее к А. Байтурсинову присоединился А. Букейханов.

На заседаниях Бюро наряду с общими вопросами реформы управления духовными делами мусульман России широко обсуждались вопросы пересмотра законоположений по управлению Туркестанским краем, учреждения особого Казахского муфтиата, общего «упорядочения земельного дела в местностях, населенных казахами» и, в частности, «о надлежащем обеспечении землею» казахов, переходящих от кочевого к оседлому быту, а также о прекращении дальнейшего наплыва переселенцев в Киргизские степи» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 620. Л. 38).

Анализ проблем, ставших предметом обсуждения Мусульманского бюро, позволяет утверждать, что представители этноэлит Степного края и Туркестана придавали важное значение парламентскому движению и рассматривали все инициативы мусульманской фракции как важный механизм решения не только узкосоциальных проблем региона, но и как возможность преодоления в целом широкого спектра социально-экономических проблем колониального периода.

5. Заключение

В целом деятельность депутатов от Степного края и Туркестана, их усилия по взаимодействию с отдельными парламентскими фракциями и группами, направленные на решение региональных этнических проблем, оказались малоэффективными. Подтверждением данного тезиса следует считать принятие правым большинством Думы третьего созыва поправки к Положению об управлении Туркестанским краем, узаконившей процесс массового изъятия земель у коренного населения в переселенческий фонд. Не удалось депутатам от центральноазиатских окраин устранить ограничительные нормы российского законодательства в области политических и духовно-религиозных прав коренного населения.

С одной стороны, сложившаяся ситуация объясняется незначительным по времени опытом парламентской деятельности депутатов от Степного края и Туркестана и их отстранением на законодательном уровне от решения региональных проблем. С другой – отсутствием у региональной этноэлиты четкой программы политических и социально-экономических требований, оказавшейся к тому же неспособной в тот исторический период представить альтернативную правительственному курсу концепцию политики России в центральноазиатском регионе.

Тем не менее, непродолжительное по времени участие представителей Степного края и Туркестана в работе Государственной думы первого и второго созыва свидетельствовало о росте гражданской активности коренного населения региона и его готовности интегрироваться в общероссийский политический процесс. Высокая степень доверия парламенту была опосредована

уверенностью в возможности решения региональных этносоциальных проблем легитимным путем, путем конструктивного диалога с властью.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/ПЧ).

Литература

- Государственная дума, 1907** – Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 год. Второй созыв. Сессия II. СПб., 1907. Часть 2.
- Государственная дума, 1908** – Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. СПб., 1908. Часть 2.
- Государственная дума, 1913** – Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. СПб., 1913. Часть 1.
- Государственная дума, 1916** – Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. СПб., 1916. Часть 2.
- Исханов, 2007** – *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. 400 с.
- Котляр и др., 1947** – *Котляр П., Вайс М.* Как проводились выборы в Туркестане в местное управление и в Государственную Думу. Ташкент, 1947. 23 с.
- Котюкова, 2003** – *Котюкова Т.В.* Туркестан и Государственная дума Российской империи. Документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 124–129.
- Котюкова, 2008** – *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. С. 201.
- Кошкидько, 2000** – *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1907 гг.). М., 2000. 232 с.
- Лысенко и др., 2014** – *Лысенко Ю.А. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- Малтусынов, 2002** – *Малтусынов С.Н.* Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906–1917 гг. (социокультурный подход). Алматы, 2006. С. 332.
- Мусульманские депутаты, 1998** – Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. // Сборник документов и материалов / Составитель Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. 384 с.
- Приложение к стенографическим отчетам, 1914** – Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв четвертый. Сессия II. 1913–1914. Вып. III. (№ 198–311). СПб., 1914. 849 с.
- Проект положения** – Проект Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи. СПб., 1914. 28 с.
- Пясковский, 1958** – *Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958. 615 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Революция 1905–1907 гг., 1985** – Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1985. 206 с.
- Смирнов, 1998** – *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1907–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. 624 с.
- Третий Всероссийский, 1906** – Третий Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде. Постановления и резолюции. Казань, 1906. 20 с.
- Усманова, 2004** – *Усманова Д.* Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916 гг.). Казань. 2005. 584 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Salzmann, 1972** – *Salzmann R.* Die Schulpolitischen vorstellungen der Parteien in der dritten Reichsduma. Bonn, 1972. p. 149.
- Hagen, 1967** – *Hagen M.* Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III Duma 1907 bis 1911 (vom Zusammentritt der Duma bis zum Tode Stolypins). Diss. phil. Göttingen, 1967. p. 321.
- Wierzhowski, 1966** – *Wierzhowski M.* Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa, 1966. p. 304.
- Lukawski, 1967** – *Lukawski Z.* Kolo Polskie w rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906–1909. Wrocław, 1967. p. 184.

References

Gosudarstvennaya дума, 1907 – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Vtoroj sozyv. Sessiya II. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session two]. Saint Petersburg. Vol. II. [in Russian]

- Gosudarstvennaya дума, 1908** – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Sozyv tretiy. Sessiya I. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session one]. Saint Petersburg. Vol. II. [in Russian]
- Gosudarstvennaya дума, 1913** – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Sozyv chetvertiy. Sessiya I. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session one]. Saint Petersburg. Vol. I. [in Russian]
- Gosudarstvennaya дума, 1916** – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheski otchet. Sozyv chetvertiy. Sessiya IV. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session four]. Saint Petersburg. Vol. II. [in Russian]
- Isxanov, 2007** – *Isxanov S.M.* (2007). Pervaya russkaya revolyuciya i musulmane rossijskoj imperii. [The first Russian revolution and the Muslims of the Russian Empire]. Moscow, p. 400. [in Russian]
- Kotlyar i dr., 1947** – *Kotlyar P., Vaice M.* (1947). Kak provodilis vybory v turkeстане v mestnoe upravlenie i v gosudarstvennyu dumu. [As the elections were held in Turkestan in local government and the State Duma]. Tashkent, p. 23. [in Russian]
- Kotyukova, 2003** – *Kotyukova T.V.* (2003). Turkestan i gosudarstvennaya дума rossijskoj imperii. Dokumenty centralnogo gosudarstvennogo arxiva respubliki uzbekistan. 1915–1916 gg. [Turkestan and the State Duma of the Russian Empire. Documents Central state archive of the Republic of Uzbekistan. 1915–1916]. *Historical archive*. Nr 3, p. 124–129. [in Russian]
- Kotyukova, 2008** – *Kotyukova T.V.* (2008). Turkestarskoe napravlenie dumskoj politiki rossii (1905–1917 gg.). [The Turkestan direction of the Duma policy of Russia (1905–1917 gg.)]. Moscow, p. 201. [in Russian]
- Koshkidko, 2000** – *Koshkidko V.G.* (2000). Predstavitel'naya vlast v rossii: formirovanie i funkcionirovanie (1905–1907 gg.). [Representative power in Russia: formation and functioning (1905–1907)]. Moscow, p. 232. [in Russian]
- Lyisenko i dr., 2014** – *Lyisenko Yu.A. i dr.* (2014). Traditsionnoe kazahskoe bschestvo v natsionalnoy politike Rossijskoj imperii: kontseptualnyie podhodyi i mehanizmy realizat sii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]
- Maltusynov, 2006** – *Maltusynov S.N.* (2006). Agrarnyy vopros v Kazahstane i Gosudarstvennaya дума Rossii. 1906–1917 gg. (Sotsiokul'turnyy podkhod) [The Agrarian question in Kazakhstan and the State Duma of Russia. 1906–1917 years. (Socio-cultural approach)]. Almaty, 332 p. [in Russian]
- Musulmanskie deputaty, 1998** – Musulmanskie deputaty gosudarstvennoj dumy rossii. 1906–1917 gg. [The Muslim deputies of the State Duma of Russia 1906–1917]. Yamaeva. A collection of documents and materials. Ufa, 1998, p. 384. [in Russian]
- Prilozhenie k stenograficheskim otchetam, 1914** – Prilozhenie k stenograficheskim otchetam gosudarstvennoj dumy. Sessiya II. 1913–1914. [Annex to the verbatim reports of the State Duma. The convening of the fourth. Session II. 1913–1914.]. Edition. III. (Nr. 198–311). Saint Petersburg, 1914. p. 849. [in Russian]
- Proekt polozheniya** – Proekt polozheniya ob upravlenii duxovnymi delami musulman rossijskoj imperii. [The draft regulations on the administration of spiritual Affairs of Muslims of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1914, p. 28. [in Russian]
- Piaskowski, 1958** – *Piaskowski A.V.* (1958). Revolyuciya 1905–1907 gg. v Turkeстане. [Revolution of 1905–1907 in Turkestan]. Moscow, p. 615. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv. [The Russian state historical archive].
- Revolyuciya 1905–1907 gg., 1985** – Revolyuciya 1905–1907 gg. v Srednej Azii i Kazahstane. [the Revolution of 1905–1907 in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, 1985, p. 206. [in Russian]
- Smirnov, 1998** – *Smirnov A. F.* (1998). Gosudarstvennaya дума rossijskoj imperii 1907–1917. [The state Duma of the Russian Empire, 1907–1917]. Historic and legal review. Moscow, p. 624. [in Russian]
- Tretij vserossijskij, 1906** – Tretij vserossijskij musulmanskiy sez d v nizhnem novgorode. [The third all-Russian Muslim Congress in Nizhny Novgorod]. The decisions and resolutions. Kazan, 1906, p. 20. [in Russian]
- Usmanova, 2004** – *Usmanova D.* (2005). Musulmanskie predstaviteli v rossijskom parlamente (1906–1916 gg.). [Muslim representatives in the Russian Parliament (1906–1916)]. Kazan, p. 584. [in Russian]
- CGA RK** – Centralnyj gosudarstvennyj arxiv respubliki kazahstan. [The Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- Salzmann, 1972** – *Salzmann R.* (1972). Die Schulpolitischen vorstellungen der Parteien in der dritten Reichsduma. Bonn, p. 149.
- Hagen, 1967** – *Hagen M.* (1967). Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III Duma 1907 bis 1911 (vom Zusammentritt der Duma bis zum Tode Stolypins). Diss pliiil. Goettingen, p. 231.
- Wierzhowski, 1966** – *Wierzhowski M.* (1966). *Sprawy Polski w III i IV Dumie Panstwowej*. Warszawa, p. 304.
- Lukawski, 1967** – *Lukawski Z.* (1967). Kolo Polskie w rosyjskiej Dumie Panstwowej w latach 1906–1909. Wroclaw, p. 184.

УДК 93/94

Представители Степного края и Туркестана в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия в решении региональных этносоциальных проблемЮлия Александровна Лысенко ^{а, *}^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт сотрудничества депутатов от коренных народов Степного края и Туркестана с мусульманской фракцией Государственной думы Российской империи. Среди вопросов, обсуждаемых в российском парламенте, наиболее актуальным для депутатов центральноазиатских окраин России являлся аграрный вопрос. Его решение виделось ими в прекращении крестьянского переселения в азиатские окраины империи и землеустройстве коренного населения. После отстранения Степного края и Туркестана от участия в парламентском движении представители региональной этноэлиты продолжали сотрудничество с мусульманской фракцией Думы третьего и четвертого созывов, оказывая юридическую помощь в разработке законопроектов, затрагивающих положение мусульманской общины России.

В целом деятельность депутатов от Степного края и Туркестана, направленная на решение региональных этнических проблем, оказалась малоэффективной. Подтверждением данного тезиса следует считать принятие Думой третьего созыва закона, санкционировавшего массовое изъятие земель у коренного населения в переселенческий фонд. Не удалось депутатам от центральноазиатских окраин устранить ограничительные нормы российского законодательства в области политических и духовно-религиозных прав мусульман региона.

С одной стороны, сложившаяся ситуация объясняется незначительным по времени опытом парламентской деятельности депутатов от Степного края и Туркестана и их отстранением на законодательном уровне от решения региональных проблем. С другой – отсутствием у региональной этноэлиты четкой программы действий и ее неготовностью в тот исторический период представить альтернативную правительственному курсу концепцию политики России в центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Степной край, Туркестан, мусульманская фракция, этнос.

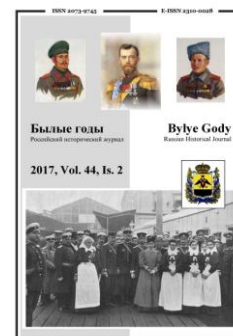
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 625-634, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.625
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917)

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Anna A. Sejtkanova ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^a,
 Larisa F. Malutina ^a

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article describes main aspects of creative activity of the artistic intelligentsia at the turn of XIX–XX centuries. The events of the 1st Russian Revolution, having demonstrated folk power, made intelligentsia change their attitude toward the folk. Folk ideas had been present at artwork of intelligentsia before, and a new twist and form of artistic expression was added later. Addressing folk theme, according to intelligentsia's opinion, would help them to understand the folk soul and solve the problem of interactions between intelligentsia and the folk. Intelligentsia considered the history of Russia and the history of its folk as a whole, that is why addressing the past dominated in subjects of intelligentsia's artwork. Attempts to develop a deeper understanding of folk's world perception made intelligentsia pay more attention to folk art. Depending on their appreciation of art and aesthetic preferences, artists payed their attention to the things, that formed the basis of folk art: folklore, frescoes, icons, lubok. The processes, taking place in Russian artistic life, reflected in Siberian artistic intelligentsia's works. Siberian intelligentsia, being in most cases first-generation, were less disconnected from folk, if compared with the intelligentsia, living in the central part of Russia. They saw devotion to the folk as their primary mission, and the folk were the main inspiration source for their artwork. The article describes the way the folk theme is presented in the artwork of greatest representatives of artistic intelligentsia, substantiates the role of the artwork and its significance for the development of culture in general, and shows its incapability to be widely understood by the folk.

Keywords: the intelligentsia, people, creativity, culture, Russia, Siberia, revolution.

1. Введение

Революционные события 1905–1907 гг. продемонстрировали всю силу и мощь народного гнева, но стоявших перед обществом проблем не решили. Глобальный вопрос, – по какому пути будет развиваться Россия, и какой будет ее новая история, остался открытым. Достижения научной мысли XIX в., облегчив материальные условия жизни людей, на волновавшие их вопросы ответов не дали и счастливыми не сделали. В общественном сознании все больше стала укрепляться мысль, что решить насущные проблемы и определить перспективы дальнейшего развития России, можно только следуя по пути духовного и нравственного преобразования общества. Считая себя выразительницей общественного самосознания, миссию нравственного обновления общества взяла на себя творческая интеллигенция. Творческая элита России полагала, что формируя нравственные принципы и устои посредством искусства, творцом которого она являлась, можно приблизить общество к Новозаветному идеалу. Решение всех проблем она видела в своем соединении с народом, который становился главным героем ее творчества.

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), annakesarevna@mail.ru (A.A. Sejtkanova),
agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), malutina@mail.ru (L.F. Malutina)

Сила народной стихии, проявившаяся в годы революции, одновременно и восхищала и пугала интеллигенцию. В ее глазах народ ассоциировался с движущей силой истории и, обращаясь к народному искусству, она пыталась найти в нем источник вдохновения для своего творчества.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе документов государственных архивов Омской, Иркутской областей и Красноярского края, воспоминаний и писем российской творческой интеллигенции начала XX в., материалов периодической печати этого периода.

Методологической основой исследования являются методы анализа, синтеза, обобщения. Использование принципа историзма позволило проанализировать исследуемый материал в контексте происходивших общественно-политических и социально-экономических процессов. Применение сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов позволило исследовать научные проблемы в их последовательном развитии и проанализировать аналогичные процессы, происходившие в России и Сибири в начале XX в.

3. Обсуждение

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа в России не переставала быть актуальной. Большое внимание ей уделяли авторы знаменитого сборника «Вехи», изданного в 1909 г., они указывали на то, что интеллигенция, проникая в народ, разрушала его сложившиеся традиции и культурные ценности, не давая ему взамен фактически ничего. Взаимоотношения интеллигенции и народа на рубеже веков стояли в центре внимания творческой элиты. О них писали А. Блок ([Блок, 1909](#)), В. Иванов ([Иванов, 1907](#)), Г. Тастевен ([Тастевен, 1907](#)), Д. Мережковский ([Мережковский, 1900](#)), Д. Философов ([Философов, 1901](#)).

Особую ценность для исследования данной проблемы представляют журналы «Золотое руно», «Аполлон», «Журнал театрально-литературно-художественного общества», «Мир искусства». Эти журналы дают возможность наиболее полно представить художественную жизнь того времени, взглянуть на проблемы глазами современников эпохи.

Представляет несомненный интерес и содержит большой фактический материал для исследования темы монография П. Милукова «Очерки по истории русской культуры» ([Милуков, 1994](#)).

Об интеллигенции Сибири и ее культуре богатый материал содержится в статьях и публикациях Г. Потанина ([Потанина, 1908](#)).

В 1960–1990-е гг. проблемам интеллигенции были посвящены монографии А.А. Соловцова ([Соловцов, 1969](#)), В.Н. Орлова ([Орлов, 1980](#)). В них дается анализ мировосприятия интеллигенции, освещаются различные аспекты ее творческой деятельности. Влиянию интеллигенции на другие социальные слои посвящена монография Г.И. Щетининой «Идейная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX вв.» ([Щетинина, 1995](#)).

Среди современных исследователей, посвящавших свои труды интеллигенции, ее взаимоотношениям с властью и народом можно назвать М. Мунтяна ([Мунтян, 1992](#)), О. Козлову ([Козлова, 1995](#)), В. Жидкова ([Жидков, 2001](#)). По мнению авторов, интеллигенция – это феномен чисто русского происхождения, принципиальным образом отличающийся от всех других социальных слоев. Авторы сборника «Русская интеллигенция. История и судьба» акцентировали свое внимание на исследовании социальных и исторических корней интеллигенции ([Русская интеллигенция, 2001](#)). Вопросам формирования сибирской интеллигенции и ее просветительской деятельности посвящена монография Н.Я. Артамоновой «Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.)» ([Артамонова, 2000](#)). Творческая деятельность сибирской интеллигенции анализируется в тематическом сборнике, изданном в Томске ([Художественная жизнь, 2000](#)). Сибирские исследователи посвящали свое внимание вопросам влияния и значения деятельности интеллигенции в формировании культурного пространства городов ([Самойлова, 2006](#)), повседневной жизни городской интеллигенции ([Калашникова, 2008](#)). В последние годы появились историографические работы по истории интеллигенции Южной ([Троякова, 2013](#)) и Восточной Сибири ([Данькина, 2015](#)).

Зарубежные исследователи рассматривали в своих работах проблемы творчества художественной интеллигенции России на рубеже XIX–XX вв. ([Кассу, 1998](#)), ее судьбы ([Finkel, 2003](#)), отношения творческой интеллигенции к культурным процессам в России ([Кристиан, 2000](#)), вопросы сибирского областничества ([Pereira, 1993](#)), представления образа Сибири в произведениях иностранных авторов ([Schumann, 2010](#)).

Научные исследования XX – начала XXI вв. внесли существенный вклад в изучение проблемы интеллигенции в России и ее отношений с народом, это свидетельствует о том, что актуальность темы не ослабевает со временем, и нуждается в новом подходе к осмыслению накопленных знаний.

4. Результаты

В сознании интеллигенции исторически сложилось так, что понятия «народ» и «Россия» слились воедино. И поэтому взаимоотношения с народом волновали ее всегда. Но, пожалуй, ни в

одной стране мира не было такого трагического непонимания между элитой общества и народом. По сути, они представляли собой две совершенно разные культуры, практически не имевшие точек соприкосновения. «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове... Мы были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции» – писала Е. Кузьмина-Караваева, член кружка В. Иванова на «Башне» (Орлов, 1980: 247). О «трагической участи» русской интеллигенции писал Д. Мережковский. Она, по его мнению, оказалась «между двумя гнетами: гнетом сверху и гнетом снизу, темной народной стихии, не столько ненавидящей, сколько не понимающей, – но иногда непонимание хуже всякой ненависти» (Мережковский, 1993: 95). В «отщепенстве» от народа, его быта и образа жизни видели трагедию русской интеллигенции авторы сборника «Вехи». По их мнению, она растворяла себя в служении народу, но никогда не могла приблизиться к нему настолько, чтобы он считал ее своей. И все же, несмотря на «разрыв» и «непонимание» с народом представить свое творчество вне народной тематики русская интеллигенция не могла. Пытаясь осмыслить ход послереволюционного развития России, художники, поэты, музыканты, деятели театра обращали свой взор на прошлое страны, которое должно было помочь разобраться в настоящем. Усилия интеллигенции были направлены на то, чтобы через познание истории постичь язык и характер народа. Практически вся творческая интеллигенция считала связь с народным искусством необходимым элементом своей деятельности. Тема России, ее народа и раньше занимавшая не последнее место в ее творчестве, после поражения революции 1905–1907 гг., была представлена ею наиболее ярко в новом художественном осмыслении.

Русская старина воскресает в мелодиях 3-го концерта С. Рахманинова, написанного в 1909 г. Передавая величественный и трагический дух русской старины, композитор впервые в фортепьянной музыке использует колокольный звон. Суровая простота его музыки ассоциируется с древнерусской живописью, с иконой (Соловцов, 1969: 89). Жизнеутверждающей силой поражают произведения И. Стравинского. Народная тематика, русская песня являлись основой для его творческой фантазии. «Я всю жизнь по-русски говорю, у меня слог русский. Может быть, в моей музыке это не сразу видно, но это заложено в ней, это в ее скрытой природе...» – говорил композитор (Стравинский, 1962). В 1910 г. И. Стравинский приступил к созданию балета «Петушок». Сценарий разрабатывал Н. Рерих, помогая понять мир русской архаики. Он также предложил композитору сценарий «Весны священной», где нет сюжета как такового. Перед зрителем разворачивается картина священной ночи у древних славян, разыгрываются ритуальные сцены языческого календаря. Главное здесь не личные переживания, а суть и смысл обряда, который повторялся многими поколениями. Важно понять назначение обряда – это значит понять мировоззрение народа, его душу. Эти же мотивы звучат и в хореографической кантате «Свадебка», к работе над которой Стравинский приступил в 1914 г. (Друскин, 1982: 49).

На рубеже XIX–XX столетий происходило эстетическое открытие прошлого, оно неотъемлемой частью входило в современную жизнь. Нравственное совершенствование современного человека представлялось возможным через его приобщение к прошлому, когда люди жили в гармонии с природой. Обращаясь к истории страны, переосмысливая традиции Древней Руси, элементы ее художественной жизни (иконы, фрески, лубок, фольклор) и вводя их в современное искусство, творческая интеллигенция пыталась преобразовать действительность через нравственное совершенствование человека.

Свое поэтическое видение прошлого предлагал Н.К. Рерих. Воссоздавая историю народа, он пытался передать его дух и мироощущение доступными образительными средствами. Его картины – это, скорее всего исторические фантазии на тему прошлого. «Рерих – вот высшая степень современного русского искусства. Он глубоко национален, ... он обращается к тому времени, когда она, Россия, еще создавалась, ищет влияний скандинавских, византийских и индийских. Своим творчеством Рерих открыл непочатые области духа, которые суждено разрабатывать нашему поколению» – так оценивал творчество художника его современник Н. Гумилев (Гумилев, 1909: 17).

Через образ большой нравственной силы выразил душу народа М. Нестеров в картине «Видение отроку Варфоломею». Легкость, прозрачность живописи Нестерова созвучна лирики А. Блока. И для художника и для поэта Русь – это некая неведомая тайна. Видимо поэтому редакция журнала «Новый путь» стихи А. Блока сопровождала репродукциями картин М. Нестерова. Русь для художника – это, прежде всего, ее народ. Странники, убогие, дети, крестьяне являются основными персонажами его картины «Святая Русь». Душу народа нельзя понять вне его веры. Но вот образ Христа, по мнению Л. Толстого, на полотне получился не таким, каким его представлял народ, похож он скорее был на итальянского певца (Гунн, 1990: 94). В первоначальном замысле на картине должны были быть представлены портреты Шаляпина и Горького. Замысел этот, по мнению А. Блока, был не случаен. Именно такие люди, выходцы из низов, являлись той тонкой нитью, которая связывала народ и интеллигенцию. Но со временем они оторвались от своих корней и, приобщившись к другой культуре, утратили органическую связь с народом, способность выражать его душу, так как были они уже не в нем, а вне него. Это понял и Нестеров. Но неудача не давала художнику покоя. И он снова возвратился к теме соборности, запечатлев ход русской истории на полотне «На Руси». Стремясь представить культуру России в некотором единстве как нечто надвременное и вечное, он избрал людей разных эпох: отрока Варфоломея, Достоевского, Толстого, слепого солдата войны 1914 г.

Над реалиями жизни поднимался Б. Кустодиев, изображая действительность как бесконечный праздник, такой, как она представляется народу в своем идеале. На его картинах все чисто и красиво, нет ни нищих, ни пьяных, царит безудержное веселье. Полотна его праздничны и нарядны, они убедительны в своей жизнеутверждающей силе. Как знатока народной жизни его пригласил Стравинский в 1912 г. для оформления пьес А. Островского (Докучаева, 1991: 88).

Проблемы настоящей жизни в большей степени волновали К. Петрова-Водкина. Обращаясь к современности, на своих картинах он возрождал традиции русской иконы и фрески. Будущее, светлое и прекрасное, символизирует его картина «Купание красного коня».

«Сибирская творческая интеллигенция происходила в основном из народа, так как в 1880–1890-е гг. она только начинает формироваться и складываться в определенный общественный слой, единственным источником формирования которого мог быть только народ» (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 975). Художники Сибири, являясь интеллигентами в первом поколении, отлично знали и понимали народную среду. Свои картины они обставляли богатым этнографическим материалом, что не всегда положительно сказывалось на художественном достоинстве произведения. Главной проблемой для них оставался поиск средств новой художественной выразительности, выработке оригинальной традиции, основанной на своем самобытном восприятии мира. Красноярский художник Д. Каратанов много путешествовал по Сибири, величественная природа которой вдохновляла его на создание прекрасных пейзажей. Центральное место в его творчестве занимали народы Сибири, изображенные в их естественной обстановке. «Непреходящей ценностью, вокруг которой формируется восприятие мира в этот период, становится «красота». И каждое творение художника должно было дать ощущение приобщения к прекрасному, вызывая восторг и преклонение перед красотой, которая в свою очередь должна была облагородить мир» (Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2016: 808). Обостренное чувство красоты, тяга к прекрасному, были характерны для творчества художников рубежа веков. «Но для Каратанова и его компании она пролегла белым по черному» (ГАКК. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 112. Л. 82). В красоте интеллигенция видела ту непреходящую, жизнеутверждающую ценность, которая противостояла напряженности и неуверенности, чувствовавшейся во всей окружающей обстановке. Через величественную красоту природы происходило осмысление исторического развития, прошлого и настоящего Сибири у красноярского художника А. Попова. Он был самоучкой, советы по живописи получал от В. Сурикова, когда тот приезжал на родину. Великому мастеру нравилось творчество земляка, о котором он отзывался благосклонно (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356).

Традиции фольклорного искусства нашли свое воплощение в творчестве Н. Гончаровой. Наивное, непосредственное восприятие мира характерное для стиля русских лубочных картинок, художница отразила в упрощенной трактовке образа царя Дадона в «Золотом петушке» Римского-Корсакова. М. Фокин поддержал это направление в хореографии (Поспелов, 2000: 66). Музыка, хореография, декорации, гармонично дополняя друг друга, давали целостное представление о лубочном народном искусстве. Выполнил лубки на военно-патриотические сюжеты художник А. Ленгулов, стараясь передать военные события 1914 г. через восприятие их народом (Мурина, Джафарова, 1990: 98). Создавая свой автопортрет, он использовал приемы древнерусского искусства. Румяный добрый молодец, красивый в народном понимании, дан в плоскостном изображении, характерном для иконы и парсуны. Чтобы сделать искусство понятным для народа, художники пытались говорить его языком. Изображая быт старой Руси XVII в., А. Рябушкин использовал яркие краски народного лубка. Живой и одухотворенной представлена Русь на ярких полотнах Ф. Малявина.

Однако не всегда художникам заимствованные ими приемы народного творчества удавалось представить на должном уровне. На художественной выставке 1915 г. в Иркутске в основном был представлен лубок в виде открыток и картин. Главной темой являлась война, а главный герой – император Вильгельм II, изображенный чаще всего карикатурно. Везде обилие черной и красной краски. Некоторые картинки сопровождалась поясняющими надписями. Так под изображением огромной русской женщины, поднимающей на вилы тщедушного, барахтающегося австрийца стоит надпись:

«Шел австриец в Радзивиллы,
Да попал на бабы вилы».

Критик Г. Гольдберг об этой выставке, в своей статье опубликованной в газете «Сибирь», писал, что выставка эта свидетельство того, какой урон понесла Россия, «бескровный урон, – но, тем не менее, громадный и ощутимый. В народ брошена неэстетическая, грубо размалеванная картина» (ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370).

Народное музыкальное творчество в сознании интеллигенции всегда было связано с балалайкой. Познакомить слушателей с народной музыкой и привить к ней любовь – такую задачу поставил перед собой В. Авксентьев, организовавший оркестр балалаечников в Красноярске в 1908 г. На свои личные средства и деньги, собранные у музыкантов, он выписал инструменты из Петербурга. В 1910 г. устав оркестра был утвержден губернатором. Выступления оркестра пользовались неизменным успехом. Выступая на балу у купца Гадалова, на котором присутствовал и губернатор, музыкантам удалось преодолеть предвзятость почтенной публики, которая традиционно считала

народную музыку недостойной своего внимания. В это же время при клубе вольно-пожарного общества под руководством капельмейстера Восточносибирского полка Б. Шапиро был образован еще один оркестр балалаечников (Кривошея и др., 1983: 30, 32). Народная музыка становилась все более популярной и находила своего слушателя в интеллигентной среде.

В межреволюционный период в сознании российской интеллигенции происходило переосмысление настоящего и поиск новых ценностных ориентиров. Разочаровавшись в своих прежних идеалах, к прошлому России обратился А. Блок. Раздумья поэта об исторической судьбе России отразились в поэтическом цикле 1908 г. «На поле Куликовом». Черты русского национального характера нашли свое воплощение в образе Фаины, главной героини драматической поэмы «Песня Судьбы» (Гордович, 1997: 128). В прошлом, в далеких временах Куликовской битвы А. Блок искал силы для жизни и творчества.

В поисках гармонии, смысл которой для Н. Гумилева заключался в соединении красоты слова и смыслового содержания, поэт обращался к векам давно прошедшим, когда человек представлял себя частью природы, и это давало ему ощущение гармонии бытия. В стихотворном цикле «Колчан» он обращается к истории древней Руси, которая для него – это поэтический образ, «волшебница суровая» (Гумилев, 1991: 128).

Угадать движение истории, выявить закономерности в ее развитии через анализ прошлого России пытался В. Брюсов. Образ Родины занимает центральное место в сборнике его стихов «Семь цветов радуги». Образ этот раскрывается как в пейзажных стихах, так и в стихах, посвященных истории России.

С шумом и скандалом ворвались в русскую литературу футуристы. Протестуя против всего наследия прошлого, они стремились создать язык нового искусства, которое, по их мнению, должно быть доступно и понятно массам. Стремясь стереть все барьеры между поэтом и читателем, вместо изысканных выражений символистов и акмеистов, они наполнили свою поэзию бытовым, жаргонным языком улиц. Однако, как заметил П. Милюков: «Несмотря на весь «рык и рев» могучей глотки Маяковского, эта поэзия по существу осталась недостойной и непонятной народу» (Милюков, 1994: 344). В погоне за словотворчеством футуристы оторвали слово от смысла, и стихи их становились бессодержательными, превращаясь в набор бессмысленных фраз.

Взаимоотношения интеллигенции и народа волновали М. Горького. В «Детях солнца», «Дачниках», «Варварах» он поднимает эти вопросы. Интеллигенция, по мнению писателя, является разумом народа, а народ – это воля. Разрыв между «разумом» и «волей» оборачивается трагедией для обоих. «Тревожное ощущение духовной оторванности интеллигенции – как разумного начала – от народной стихии всю жизнь более или менее настойчиво преследовало меня... Постепенно это ощущение перерождалось в предчувствие катастрофы» – писал Алексей Максимович (Горький, 1965: 81). Приоритетные права, считал писатель, всегда должны принадлежать коллективу, с которым у него отождествлялось понятие «народа». Личность же должна подчиняться интересам этого коллектива. Художник лишь фиксирует и передает настроение народа, который является вдохновителем художественного творчества. Революция, народное восстание – это, по его мнению, проявление творчества масс. Все, что творит народ, в том числе и насилие во имя будущей гармонии, оправдано историей, считал писатель. В период революционных событий 1905 г. М. Горький еще верил, что массы создадут свою новую культуру. Лишь события 1917 г. изменили его взгляды. К нему приходит понимание того, что говорить нужно не о пролетарской культуре, а о культуре как совокупности всех духовных ценностей. А невежество и жестокость – это враги культуры, которые находят внутри человека, являясь следствием недостатков его личного развития. Революция разрушает культуру. «На улицу выползает неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции». Одним словом – повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели, и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл» – писал Горький в «Несвоевременных мыслях» (Горький, 1990: 148). Однако не все русские интеллигенты обладали таким даром прозрения.

К сожалению, никакие благие намерения интеллигенции не могли преодолеть стену непонимания между ней и народом. Слишком глубокая пропасть разделяла две эти культуры. Благородное стремление сохранить и обновить народное искусство подтолкнуло княгиню Тенишеву к созданию в селе Талашкино художественно-ремесленных мастерских, в которых осуществлялись столярные, плотничские, керамические работы, там занимались вышивкой, плетением кружев, ручным ткачеством под руководством профессиональных художников. А в 1905 г. эти же мужики грозили господам поджогом, самовольно рубили лес, отказывались работать. И только благодаря выдержке и твердому характеру княгини, Талашкино удалось отстоять (Петрова, Островская, 1990: 11). Отвлеченные понятия красоты оказались чуждыми для русского народа. Он стремился к реальной свободе, к владению реальной землей. «Народу нужен хлеб – не искусство, а будет он иметь хлеб, тогда и сам найдет себе путь к искусству» – таково было мнение представителей другой части интеллигенции (Пшибышевский, 1902: 102).

Очень болезненно, как личную трагедию воспринимала впечатлительная душа А. Блока непонимание между интеллигенцией и народом. И его раннюю смерть можно рассматривать как

результат глубокого духовного кризиса, повлекшего за собой физические болезни. Однако мужикам не было никакого дела до душевных страданий поэта. Наверяд ли, они вообще знали о его существовании. А в 1917 г. родовое имение Блока Шахматово они просто сожгли. «И, бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройки, на верную гибель?» – задавал поэт риторический вопрос (Блок, 1909: 84). В 1908 г. Блок в письме к Станиславскому писал: «Все мы, живые, так или иначе, к ней придем. Мы не придем, – она сама пойдет на нас, уже пошла... В таком виде стоит передо мной моя тема, тема России (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь» (Орлов, 1980: 380). В 1910 г. Блок создал поэму «Возмездие», пролог которой в черновиках назывался «Народ и поэт». Это была своеобразная художественная декларация, в которой он высказал свое представление о долге художника, обязанного определить свою жизненную позицию, руководствуясь определенными нравственными принципами.

В служении народу видела свой долг и интеллигенция Сибири. Один из лидеров сибирского областничества Н. Ядринцев считал, что сойтись с народом интеллигенция может, только познав его нужды. И только тогда искусство, создаваемое интеллигенцией, будет понятно и востребовано народом. «Сибирское искусство должно быть не только своеобразным, но и народным, должно идти от интересов масс... в их жизни черпать силы и идеи» – говорил Н. Ядринцев (ОРЛС, 1982: 418). Его взгляды разделял Г. Потанин. Он так же видел истоки сибирской художественной культуры в народном творчестве. Сибирский фольклор, мифы и легенды должны быть вдохновляющим началом для художника, развивать его воображение и фантазию. Сибирскую мифологию по своей значимости для местной интеллигенции, он сравнивал со значением древнегреческой мифологии для греков.

Весь трагизм сложившейся в России ситуации заключался в том, что между интеллигенцией и народом не было фактически никаких точек соприкосновения. Слишком велика была разница между ними в условиях жизни, интеллектуальном и эстетическом развитии. Поэзия Блока, Гумилева, Брюсова и других мастеров слова, живопись Нестерова и Рериха, Петрова-Водкина и Кустодиева, музыка Рахманинова и Стравинского – практически все творчество художественной интеллигенции рубежа веков, являясь гордостью русской культуры, носило сугубо элитарный характер. Это искусство было недоступно народу, оно просто не доходило до него, и в силу этого не было им востребовано. Д. Философов, известный литературный критик того времени писал, что со времен Петра Великого начинается пресловутый разрыв между интеллигенцией и народом. Он ощущается везде, но более всего в области религиозной. «Интеллигенция настроила себе церквей, которые были и будут чужды исконным чувствам и верованиям русского человека. Великолепные церкви Растрелли, полные жеманства и грации эпохи Людовика XV, прямо нелепы...как все предметы, абсолютно несоответствующие той цели, ради которой они сделаны. Так же неудачны и «римские термы» Исаакиевского собора» (Философов, 1910: 228). Попытку снова приблизиться к народу и найти средства для объединения двух лагерей сделал В. Васнецов, расписывая стены Владимирского собора. Неудачи этих попыток кроются в воинствующем атеизме русской интеллигенции, в категорическом неприятии православной веры, вне которой не мыслил свою жизнь русский народ. И поэтому именно в религии Бердяев, Булгаков, Франк видели спасение для интеллигенции и преодоления ее отщепенства от народа.

Патриотические чувства, захлестнувшие интеллигенцию накануне Первой мировой войны, по ее мнению должен был испытывать и народ. По свидетельству иркутского историка И. Серебренникова, в театрах города ставились патриотические спектакли, перед которыми часто исполнялось попури из оперы М. Глинки «Жизнь за царя», потом представляли пьесу. В антрактах военный оркестр исполнял русский, французский, сербский и английский гимны (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Народ же был далеко не в восторге от начавшейся войны. Да и у самой интеллигенции патриотические чувства стали убывать по мере осознания той трагедии, которую она несла в себе. Омский писатель А. Сорокин, понимая всю опасность войны и стараясь предотвратить ее ужасы, опубликовал в 1914 г. в «Омском вестнике» свой роман «Хохот желтого дьявола», экземпляры которого он разослал главам ведущих держав (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 373. Л. 52).

Надежды на изменения к лучшему, несмотря на поражение революции, годы реакции и войны продолжали жить в сознании интеллигенции. Силы для творчества и выхода из духовного кризиса давало народное искусство. Именно к нему обратила свои взоры художественная элита России и Сибири. В нем искала источник вдохновения, возрождая народные традиции на профессиональном уровне. К интеллигенции приходит осознание того, что творчество имеет смысл тогда, когда оно востребовано народом. «Когда снова восстановится связь художника с творческой стихией народного духа... тогда художник делается одновременно и творцом и выразителем нашей культуры» - писал в 1909 г. журнал «Золотое руно» (Тастевен, 1909: 115).

5. Заключение

Тема России и ее народа и раньше волновавшая художников, музыкантов, поэтов, писателей, стала в межреволюционный период центральной, объединявшей все виды искусства. Попытка понять настоящее и найти пути для развития будущего искусства делалось через осмысление прошлого России. От древнерусской архаики до народного лубка – таков широкий диапазон, нашедший свое

отражение в творческом процессе после Первой русской революции. Синтез искусств, переплетение всех его видов и жанров, объединенных единой темой, единими задачами свидетельствовал о высоком уровне развития русской культуры рубежа веков.

Глобальные вопросы, стоящие перед русским обществом того времени, взялась решить творческая интеллигенция. Она верила в то, что искусство способно преобразить мир и поэтому чувствовала огромную ответственность перед настоящим и будущим страны. По мнению Н. Гумилева, поэты, являясь хранителями тайн искусства, могут переделать жизнь, подняв человека над обыденностью и повседневностью. Стремление изменить жизненные ориентиры современного общества объединило всю творческую интеллигенцию рубежа XIX–XX вв. Но главную проблему, наиболее остро стоявшую перед ней: своего взаимоотношения с народом ей решить не удалось, что негативно сказалось на судьбе интеллигенции и страны в период Великой Русской революции.

Литература

- Артамонова, 2000 – Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М., 2000. 237 с.
- Блок, 1909 – Блок А. Россия и интеллигенция // *Золотое руно*. 1909. № 1. С. 78–85.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Гордович, 1997 – Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. СПб., 1997. 320 с.
- Горький, 1965 – Горький М. Собр. соч. Т. 15. М., 1965.
- Горький, 1990 – Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. 400 с.
- Гумилев, 1909 – Гумилев Н. По поводу «Салона» Маковского // *Журнал театра литературно-художественного общества*. 1909. № 9–10.
- Гумилев, 1991 – Гумилев Н.С. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1991. 590 с.
- Гунн, 1990 – Гунн Г. Очарованная Русь. М., 1990. 228 с.
- Данькина, 2015 – Данькина Н.А. Современная историография интеллигенции Восточной Сибири // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2015. № 4 (12). С. 110–114.
- Докучаева, 1991 – Докучаева В.Н. Борис Кустодиев. Жизнь в творчестве. М., 1991. 206 с.
- Друскин, 1982 – Друскин М. Игорь Стравинский. Личность, творчество, взгляды. Исследования. Л., 1982. 208 с.
- Жидков, 2001 – Жидков В.С. Российская интеллигенция, большевизм, революция // *Русская интеллигенция. История и судьба*. М. 2001. 423 с. С. 272–298.
- Иванов, 1909 – Иванов В. О русской идее // *Золотое руно*. 1909. № 2-3. С. 87–94.
- Калашникова, 2008 – Калашникова О.В. Досуговая составляющая повседневной жизни городской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX в. // *Омский научный вестник*. 2008. № 2 (66). С. 26–30.
- Кассу, 1998 – Кассу Ж., Брюнель П., Клодон Ф. и др. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. 429 с.
- Козлова, 1995 – Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе // *Социально-политический журнал*. 1995. № 1. С. 161–175.
- Кривошея и др., 1983 – Кривошея Б.Г., Лаврушева Л.Г., Прейсман Э.М. Музыкальная жизнь Красноярск. Красноярск, 1983. 176 с.
- Кристиан, 2000 – Кристиан Д. Символисты и декаденты. М., 2000. 91 с.
- Мережковский, 1900 – Мережковский Д. Лев Толстой и Достоевский // *Мир искусства*. 1900. № 1-12. Т. 3-4. С. 1–7.
- Мережковский, 1993 – Мережковский Д. Грядущий Хам // *Интеллигенция. Власть. Народ: антология*. М., 1993. С. 81–104.
- Мережковский, 1993 – Мережковский Д.С. Грядущий Хам // *Интеллигенция. Власть. Народ: антология*. М., 1993. С. 91–104.
- Милюков, 1994 – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 1. М., 1994. 416 с.
- Милюков, 1994 – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1994.
- Мунтян, 1992 – Мунтян М.А. Интеллектуал, интеллигент и отношения с властью // *Кентавр*. 1992. Ноябрь-декабрь. С. 4–7.
- Мурина, Джафарова, 1990 – Аристарх Лентулов: Путь художника. Художник и время / Авт.-сост. Е.Б. Мурина, С.Г. Джафарова/. М., 1990. 272 с.
- Орлов, 1980 – Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
- ОРЛС – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1982. 606 с.
- Петрова, Островская, 1990 – Петрова О.Ф., Островская Е.П. Николай Рерих. М., 1990. 32 с.
- Поспелов, 2000 – Поспелов Г.Г. Русское искусство XX века: судьба и облик России. М., 2000. 128 с.

- Потанин, 1908 – Потанин Г.Н. Города Сибири. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды : сб. статей. СПб., 1908. 294 с. С. 243–290.
- Пишибышевский, 1902 – Пишибышевский С. На путях души // *Мир искусства*. 1902. № 5-6. 116 с.
- Русская интеллигенция, 2001 – Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. 423 с.
- Самойлова, 2006 – Самойлова Е.В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов Западной Сибири во второй половине XIX века // *Известия Челябинского научного центра*. 2006. Вып. 4(34). С. 148–152.
- Соловцов, 1969 – Соловцов А.А. С.В. Рахманинов. М., 1969. 175 с.
- Стравинский, 1962 – Стравинский И. Интервью // *Комс. правда*. 1961. 27 сент.
- Тастевен, 1907 – Тастевен Г. Ницше и современный кризис // *Золотое руно*. 1907. № 7-9. С. 110–115.
- Троякова, 2013 – Троякова Ю.К. История интеллигенции Южной Сибири в исследованиях конца XX – начала XXI века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 36 (327). С. 108–112.
- Философов, 1901 – Философов Д. Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа // *Мир искусства*. 1901. № 10. С. 217–233.
- Художественная жизнь, 2000 – Художественная жизнь Сибири начала XX века : мат-лы регион. науч.- практ. конф. Томск, 2000. 214 с.
- Finkel, 2003 – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589–613.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*, 2015, Vol. 38, Is. 4, pp. 972–981.
- Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2016 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Severyanov M.D., Pfanenshtil I.A. Creativ Intelligentsia in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution. *Bylye Gody*, 2016, Vol. 41, Is. 3, pp. 804–812.
- Pereira, 1993 – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, 1993. Vol. 20. Iss 4. pp. 163–178.
- Schumann, 2010 – Schumann D. Between trauma and dream: Images of Siberia in texts by Wacław Sieroszewski and Hanna Krall. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2010. Vol. 67. Iss. 2. pp. 335–375.

References

- Artamonova, 2000 – Artamonova N. Ja. (2000). Intelligencija Vostochnoj Sibiri: opyt formirovanija i dejatel'nosti (konec XIX – seredina XX vv.) [The intelligentsia of Eastern Siberia: experience of formation and activity (end of XIX – middle of XX centuries)]. Moscow. 237 p. [In Russian].
- Blok, 1909 – Blok A. (1909). Rossiya i intelligencija [Russia and the intelligentsia]. *Zolotoe runo*. Iss. 1. pp. 78–85. [In Russian].
- Dan'kina, 2015 – Dan'kina N.A. (2015). Sovremennaja istoriografija intelligencii Vostochnoj Sibiri [Modern historiography of the intelligentsia of Eastern Siberia]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*. Vol. 12. Iss. 4. pp. 110–114. [In Russian].
- Dokuchaeva, 1991 – Dokuchaeva V.N. (1991). Boris Kustodiev. Zhizn' v tvorcestve [Boris Kustodiev. Life is in the works]. Moscow. 206 p. [In Russian].
- Druskin, 1982 – Druskin M. (1982). Igor' Stravinskij. Lichnost', tvorcestvo, vzgljady. Issledovanija [Igor Stravinsky. Personality, creativity, views. Research]. Leningrad. 208 p. [In Russian].
- Filosofov, 1901 – Filosofov D. (1901). Ivanov i Vasncev v ocenke Aleksandra Benua [Ivanov, Vasnetsov in Alexander Benois]. *Mir iskusstva*. Iss. 10. pp. 217–233. [In Russian].
- GAIO – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region].
- GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region].
- GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Omskoj oblasti [State archive of the Omsk region].
- Gordovich, 1997 – Gordovich K.D. (1997). Istorija otechestvennoj literatury XX veka [History of Russian literature of XX century]. Saint Petersburg. 320 p. [In Russian].
- Gor'kij, 1965 – Gor'kij M. (1965). Sobr. Soch [Works]. Vol. 15. Moscow. [In Russian].
- Gor'kij, 1990 – Gor'kij M. (1990). Nesvoevremennye mysli: zametki o revoljucii i kul'ture [Untimely thoughts: notes on revolution and culture]. Moscow. 400 p. [In Russian].
- Gumilev, 1909 – Gumilev N. (1909). Po povodu «Salona» Makovskogo [About the "Salon" Makovsky]. *Zhurnal teatra literaturno-hudozhestvennogo obshhestva*. 1909. Iss. 9–10. [In Russian].
- Gumilev, 1991 – Gumilev N.S. (1991). Sochinenija [Works]. V 3 t. T. 1. Moscow. 590 p. [In Russian].
- Gunn, 1990 – Gunn G. (1990). Ocharovannaja Rus' [Fascinated By Russia]. Moscow. 228 p. [In Russian].
- Hudozhestvennaja zhizn', 2000 – Hudozhestvennaja zhizn' Sibiri nachala XX veka: mat-ly region. nauch.- prakt. konf. [The artistic life of Siberia in the early XX century: materials of the region. scientific.- pract. conf.]. Tomsk. 2000. 214 p. [In Russian].
- Ivanov, 1909 – Ivanov V. (1909). O russkoj idee [About the Russian idea]. *Zolotoe runo*. Iss. 2-3. pp. 87–94. [In Russian].

- Kalashnikova, 2008** – *Kalashnikova O.V.* (2008). Dosugovaja sostavljajushhaja povsednevnoj zhizni gorodskoj intelligencii Zapadnoj Sibiri vtoroj poloviny XIX v. [Leisure component of the everyday life of urban intelligentsia of the Western Siberia of the second half of the XIX century]. *Omskij nauchnyj vestnik*. Vol. 66. Iss. 2. pp. 26–30. [In Russian].
- Kassu, 1998** – *Kassu Zh., Brjunel' P., Klodon F.* etc. (1998). Jenciklopedija simbolizma. Zhivopis', grafika i skulptura. Literatura. Muzyka [Encyclopedia of symbolism. Painting, drawing and sculpture. Literature. Music]. Moscow. 429 p. [In Russian].
- Kozlova, 1995** – *Kozlova O.N.* (1995). Intelligencija v rossijskom obshhestve [The intelligentsia in Russian society]. *Social'no-politicheskij zhurnal*. Vol. 1. pp. 161–175. [In Russian].
- Kristian, 2000** – *Kristian D.* (2000). Simvolisty i dekadenty [The symbolists and decadents]. Moscow, 2000. 91 p. [In Russian].
- Krivosheja i dr., 1983** – *Krivosheja B.G., Lavrusheva L.G., Prejsman Je.M.* (1983). Muzykal'naja zhizn' Krasnojarska [The musical life of Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk. 176 p. [In Russian].
- Merezhkovskij, 1900** – *Merezhkovskij D.* (1900). Lev Tolstoj i Dostoevskij [Tolstoy and Dostoevsky]. *Mir iskusstva*. Vol. 3-4. Iss. 1-12. pp. 1–7. [In Russian].
- Merezhkovskij, 1993** – *Merezhkovskij D.* (1993). Grjadushhij Ham [Coming Ham]. Intelligencija. Vlast'. Narod: antologija. Moscow. pp. 81–104. [In Russian].
- Miljukov, 1994** – *Miljukov P.N.* (1994). Ocherki po istorii ruskoj kul'tury. In 3 v. V. 2, Iss. 1. Moscow. 416 p. [In Russian].
- Muntjan, 1992** – *Muntjan M.A.* (1992). Intellektual, intelligent i otnoshenija s vlast'ju [Intellectual, intellectual, and relationship with the government]. *Kentavr*. Nojabr'-dekabr'. pp. 4–7. [In Russian].
- Murina, Dzhafarova, 1990** – *Aristarkh Lentulov: Put' hudozhnika. Hudozhnik i vremja* [Aristarkh Lentulov: the artist's Way. The artist and the time] / Avt.-sost. E.B. Murina, S.G. Dzhafarova/. Moscow, 1990. 272 p. [In Russian].
- Orlov, 1980** – *Orlov V.* (1980). Gamajun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Humayun. The Life of Alexander Blok]. Leningrad. 725 p. [In Russian].
- ORLS** – Ocherki ruskoj literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [In Russian].
- Petrova, Ostrovskaja, 1990** – *Petrova O.F., Ostrovskaja E.P.* (1990). Nikolaj Rerih [Nicholas Roerich]. Moscow. 32 p. [In Russian].
- Pospelov, 2000** – *Pospelov G.G.* (2000). Russkoe iskusstvo XX veka: sud'ba i oblik Rossii [Russian art of the XX century: the fate and character of Russia]. Moscow. 128 p. [In Russian].
- Potanin, 1908** – *Potanin G.N.* (1908). Goroda Sibiri. Nuzhdy Sibiri: Sibir', ee sovremennoe sostojanie i ee nuzhdy : sb. statej [City of Siberia. Needs of Siberia. Siberia, its current status and its needs: collection of articles]. Saint Petersburg. 294 p. pp. 243–290. [In Russian].
- Pshibyshevskij, 1902** – *Pshibyshevskij S.* (1902). Na putjah dushi [In the ways of the soul]. *Mir iskusstva*. Iss. 5-6. 116 p. [In Russian].
- Russkaja intelligencija, 2001** – *Russkaja intelligencija. Istorija i sud'ba*. Moscow, 2001. 423 p. [In Russian].
- Samojlova, 2006** – *Samojlova E.V.* (2006). Rol' intelligencii v razvitii sociokul'turnogo prostranstva gubernskih gorodov Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka [The role of intellectuals in the development of socio-cultural space of the provincial cities of Western Siberia in the second half of the XIX century]. *Izvestija Cheljabinskogo nauchnogo centra*. Vol. 34. Iss. 4. pp. 148–152. [In Russian].
- Solovcov, 1969** – *Solovcov A.* (1969). S.V. Rahmaninov [S.V. Rachmaninoff]. Moscow. 175 p. [In Russian].
- Stravinskij, 1962** – *Stravinskij I.* (1962). Interv'ju [Interview]. *Komsomolskaja Pravda*. 27 sept. [In Russian].
- Tasteven, 1907** – *Tasteven G.* (1907). Nicshe i sovremennyj krizis [Nietzsche and the modern crisis]. *Zolotoe runo*. Iss. 7-9. pp. 110–115. [In Russian].
- Trojakova, 2013** – *Trojakova Ju.K.* (2013). Istorija intelligencii Juzhnoj Sibiri v issledovanijah konca XX – nachala XXI veka [The history of the intelligentsia of southern Siberia in the studies of the late XX – early XXI century]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 327. Iss. 36. pp. 108–112. [In Russian].
- Zhidkov, 2001** – *Zhidkov V.S.* (2001). Rossijskaja intelligencija, bol'shevizm, revolucija [The Russian intelligentsia, the Bolsheviks, the revolution]. *Russkaja intelligencija. Istorija i sud'ba*. Moscow. 423 p. pp. 272–298. [In Russian].
- Finkel, 2003** – *Finkel S.* (2003). Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589–613.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX centuries. *Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4, pp. 972–981.
- Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2016** – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Severyanov M.D., Pfanenshtil I.A.* (2016). Creativ Intelligentsia in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution. *Bylye Gody*, Vol. 41, Is. 3, pp. 804–812.

Pereira, 1993 – Pereira N.G.O. (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, Vol. 20. Iss 4. pp. 163–178. [In English].

Schumann, 2010 – Schumann D. (2010). Between trauma and dream: Images of Siberia in texts by Waclaw Sieroszewski and Hanna Krall. *Zeitschrift fur Slavische Philologie*, Vol. 67. Iss. 2. pp. 335–375. [In English].

УДК 93/94

Интеллигенция и народ между русскими революциями (1905–1917 гг.)

Татьяна Владимировна Грязнухина^а, Анна Александровна Сейтканова^а,
Александр Григорьевич Грязнухин^{а, *}, Денис Николаевич Гергилев^а, Лариса Федоровна Малютина^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. На рассмотрение в данной статье представлены вопросы, освещающие основные аспекты творческой деятельности художественной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. События Первой русской революции, продемонстрировав всю мощную силу народной стихии, заставили интеллигенцию переосмыслить свое отношение к народу. Тема народа и раньше присутствовавшая в творчестве интеллигенции, получает новое звучание и находит новые формы художественной выразительности. Обращение к народной тематике, по мнению интеллигенции, поможет ей понять душу народа и решить проблему ее взаимоотношения с ним. История России и история народа в глазах интеллигенции представляли собой единого целое, и поэтому обращение к прошлому доминирует в тематике ее творчества. Попытки глубже осмыслить миропонимание народа заставляли интеллигенцию более пристально обратиться к методам народного творчества. В зависимости от художественного вкуса и эстетических предпочтений художники обращали свое внимание на фольклор, фреску, икону, лубок – все то, что составляло основу народного творчества. Процессы, происходившие в художественной жизни России, нашли свое отражение в среде творческой интеллигенции Сибири. Сибирская интеллигенция, являясь в большинстве случаев интеллигенцией первого поколения, не ощущала своей оторванности от народа в такой степени, как это было в России. И главную свою миссию она так же, как и российская интеллигенция видела в служении народу, который являлся главным источником вдохновения для ее творчества. В статье показано отражение народной тематики в творчестве наиболее выдающихся представителей художественной интеллигенции, обоснована ее роль и значение для развития культуры в целом и невозможность, несмотря на все ее искреннее стремление, найти понимание в народной среде.

Ключевые слова: интеллигенция, народ, творчество, культура, Россия, Сибирь, революция.

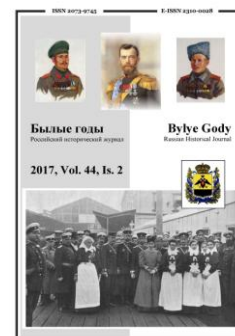
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), annakesarevna@mail.ru (А.А. Сейтканова), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), malutina@mail.ru (Л.Ф. Малютина)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 635-643, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.635
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.)(091)

Measures to Combat Hunger and Crop Failure of 1911–1912 in the Ufa Province

Rezida I. Kantimirova ^{a,*}, Oksana S. Pavlova ^a, Irina I. Yavnova ^a

^a Sterlitamak branch of Bashkir State University, Russian Federation

Abstract

The reasons and scale of the food crisis of 1911–1912 are considered in the article on the materials of the Ufa province. The actions of local government and self-government bodies, as well as individuals to combat hunger and crop failure, were reflected in the organization of the following activities. Local authorities carried out measures to regulate grain prices and railroad tariffs, provide food loans, sell bread and fodder to the public at the procurement value, etc. The organs of zemstvo self-government of the province facilitated the opening of public canteens, hospitals, to the provision of food and benefits, created summer nursery shelters in villages, provided feed assistance (for livestock), and conducted public works. The authors concluded that these measures, as well as the charitable activities of individuals, could not provide all those who suffered from hunger, but in a certain way eased the situation of the population. The reason of this situation was due to the fact that the scale of the hunger required significant financial resources, which were clearly insufficient, as well as the long-term implementation of the measures taken. According to the materials of the records management and the periodical press, the reasons for the measures insufficient effectiveness were inconsistency of actions and miscalculations in their organization and implementation.

Keywords: Ufa province, hunger, food crisis, crop failure, public works, public canteens, charity.

1. Введение

В современной исторической науке интерес к проблеме голодовок высок. Свидетельство тому – многочисленные публикации последних лет. Авторы исследуют причины, масштабы, проявления и последствия голода. Одним из малоизученных аспектов данной темы в масштабах Российской империи и в ее регионах является вопрос голода и неурожаев в 1911–1912 годах. Известно, что неурожай охватил обширную территорию всего Поволжья, Кавказ, Камский район, Приуралье и Западную Сибирь, Степной и Приморский края, так или иначе, затронув 60 губерний с общей численностью населения более 20 млн. человек. Однако изучение данной проблемы на материалах Уфимской губернии, которая также оказалась в числе пострадавших от недорода, до настоящего времени не предпринималось. Поэтому цель заявленной статьи состоит в исследовании практики реализации комплекса мероприятий по преодолению последствий продовольственного кризиса и голода в 1911–1912 годы на региональном материале.

2. Материалы и методы

2.1. Статья написана на основе привлечения опубликованных и неопубликованных архивных источников, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Башкортостан. Нами были изучены отложившиеся в фондах архивов материалы ведомственного делопроизводства Уфимской губернии. Из числа

* Corresponding author

E-mail addresses: kantimirova.rezida@mail.ru (R.I. Kantimirova),
oksana.s.pavlova@mail.ru (O.S. Pavlova), irina_721@mail.ru (I.I. Yavnova)

опубликованных источников, особое значение имеют материалы делопроизводства, статистические данные, а также материалы центральной и региональной периодической печати – журнала «Земское дело», газеты «Уфимский край». Отметим, что ряд источников вводится в научный оборот впервые и позволяет целостно и всесторонне рассмотреть заявленную проблему.

2.2. Методологическую основу исследования составил принцип историзма, реализация которого позволила комплексно в генезисе рассмотреть деятельность органов местного управления и самоуправления по борьбе с голодом и неурожаями в Уфимской губернии в 1911–1912 гг. Данный принцип позволил учесть специфику конкретных времени и места проведения кампании по борьбе с последствиями неурожая и рассмотреть борьбу с продовольственным кризисом как целостное явление. Следование принципу объективности дало возможность избежать невнимания к каким-либо обнаруженным в источниках фактам, связанным с характерными чертами и особенностями продовольственного кризиса 1911–1912 гг. в Уфимской губернии.

В числе методов, использованных в рамках заявленной проблемы можно отметить историко-типологический метод, который помог выявить особенности продовольственного кризиса в Уфимской губернии, а также определить общие и различные черты в подходах администрации и общественности к способам его преодоления. Статистический метод дал возможность исследовать социально-экономические последствия продовольственного кризиса, размах бедствия, масштабы правительственной и общественной помощи. Важное место в теоретическом инструментарии имеет историко-антропологический подход, позволивший воссоздать картину реализации мер по борьбе с голодом в губернии сквозь призму деятельности конкретных личностей края.

3. Обсуждение

Тема голода и неурожая в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. отмечена большим интересом исследователей. Изучением заявленной темы занимались Ермолов, Сухоплюев и др. (Ермолов, 1892; Сухоплюев, 1907). В общероссийском масштабе и на материалах Уфимской губернии проблема продовольственного кризиса и голода 1911–1912 гг. получила отражение по преимуществу на страницах периодической печати и в публицистике.

В советской историографии заявленная тема рассматривалась в контексте изучения проблем социально – экономического развития России в начале XX века. Так, сквозь призму анализа динамики зернового производства, изменения численного состава населения и причин оскудения крестьянства Российской империи в начале XX века, авторами была рассмотрена роль неурожая конца XIX – начала XX вв. (Рашин, 1956; Симонова, 1971; Нифонтов, 1974).

На современном этапе развития исторической науки отмечен устойчивый интерес исследователей к заявленной проблеме. Учеными комплексно исследуются причины, последствия, а также политика и конкретные мероприятия властей по борьбе с голодом и неурожаями в масштабах страны в период конца XIX – первой трети XX вв. (Безгин, 2013). Интерес к данной теме со стороны региональных историков характеризуется появлением ряда монографий и статей, в организации конференций, рассматривающих проблему на региональном уровне (Роднов, 2002; Любичанковский, Николаева, 2013).

В зарубежной историографии исследователями заявленная тема изучается в контексте более широкого проблемного поля. Так, американский исследователь С.Л. Хок подготовил ряд работ, посвященных изучению крестьянской смертности. Анализируя соотношение условий питания, особенно голода, болезней и структуры смертности российского крестьянства в 1830–1910-е гг., рассматривая и роль неурожая 1911–1912 гг., американский исследователь пришел к выводу о малой зависимости высокого уровня смертности от доступности пищи и структуры питания, частоты неурожая. Большее влияние на смертность, по его мнению, оказывали санитарно-эпидемические условия жизни крестьянства, особенно массовые эпидемии (Хок, 1999).

Таким образом, специальных работ, посвященных изучению продовольственного кризиса и неурожая 1911–1912 гг. в общероссийском или региональном аспектах нет. Исследовательский опыт изучения голода и неурожая в Уфимской губернии в 1911–1912 гг. предпринят в данной статье.

4. Результаты

Уфимская губерния в начале XX века входила в число основных зернопроизводящих регионов Российской империи. Развитие сельского хозяйства определялось природными условиями, при экстенсивной агротехнике величина сборов зависела от плодородия почвы и капризов погоды. Самая экономически трудная ситуация сложилась в 1911 г. Из-за сильнейшей засухи 1911 г., – сообщалось в отчете Уфимского биржевого комитета, – началось превращение «соломенных крыш с примесью муки в месиво для рабочего скота». Для спасения лошади-кормилицы мужик жертвовал всем, иначе ему, – как говорили в прошлом веке, – приходил форменный ложец. Но наступал момент, когда «падала последняя лошадь, русский, под аккомпанемент воя всей семьи снимал с нее кожу и продавал за бесценок местному скупщику; башкир не допускал своей кормилицы до естественной смерти от бескормицы, и когда лошадь настолько уже обессиливала, что была не в состоянии подниматься, владелец со слезами на глазах резал ее и «ашал», а кожу продавал все тому же скупщику и все за тот же бесценок» (Отчет Уфимского биржевого комитета..., 1912: 111).

Свидетельства о тяжелом социально – экономическом положении населения различных уездов Уфимской губернии нашли отражение в отчетных материалах органов земской медицины. Так, в октябре 1911 г. на заседании Чишминского санитарного попечительства врач Н.А. Шатерникова заявила, что медицинский персонал завален рапортами старост с просьбами о помощи. В результате обследования 20 деревень Чишминского участка Уфимского уезда 13900 человек не имеют ничего (ни скота, ни хлеба). Было отмечено, что в распоряжении уездной управы на врачебно-питательную помощь населению всего Уфимского уезда была выделена очень скромная сумма в размере 5 тыс. руб., которая даже частично не могла покрыть необходимые расходы.

Согласно материалам делопроизводства медицинских учреждений отмечалось, что в Стерлитамакском уезде были зарегистрированы случаи цинги и тифа среди населения. В Белебеевском уезде губернским санитарным врачом в результате обследования населения была установлена прямая связь между развитием брюшного тифа и голоданием. Все население на юге уезда было поражено тифом, факты заболевания были зарегистрированы в 169 селениях. Подтверждением этого стали материалы обследования Белебеевского уезда, по результатам которого губернский санитарный врач свидетельствовал, что крестьяне ели хлеб, испеченный в виде небольшого каравая с мякишем черного цвета, как резина, из муки низшего сорта с добавлением песка (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2516. Л. 155-156).

Чтобы как-то облегчить положение крестьянства и оказать помощь в борьбе с голодом, земские участковые начальники уезда в ноябре-декабре 1911 года организовали выдачу населению ссуд за счет местных запасов и капиталов, а также за счет общеимперского капитала. Однако к зиме 1911 г. положение населения в уезде и в целом в Уфимской губернии ухудшилось, что подтверждается данными, представленными врачом первого медицинского участка Уфимского уезда: «Голод растет с каждым днем. Картина голодающих деревень ужасна. Санитарные попечители, проверявшие списки голодающих, с ужасом рассказывают про голод и нищету. Мне часто приходилось видеть кровавые энтериты, развивающиеся у детей под влиянием голода. Все жалеют, что не уродилась в нынешний год лебеда, которой можно было бы обмануть желудок». В ноябре 1911 г. стали поступать сведения и из Мензелинского уезда Уфимской губернии, который также был отнесен к числу пострадавших от неурожая. Особенно тяжелое положение сложилось в селе Шарламы. В результате полного неурожая население вынуждено было питаться одним картофелем (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2516. Л. 158-159).

В связи с таким положением дел, Комитетом общественной помощи голодающим при губернской земской управе в период с 1 ноября по 10 декабря 1911 г. было получено пожертвований на сумму 68485 руб., из которых 52803 руб. было израсходовано на оборудование открытых столовых, в которых питалось 15000 человек (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2516. Л. 155-156).

Одной из мер местных властей по решению проблем с продовольствием стала продажа по заготовительной стоимости хлеба и кормов населению г. Уфы. 18 июля 1911 г. Уфимской городской управой было возбуждено ходатайство об отпуске из казны на один год ссуды в размере 100 тыс. руб. для создания капитала по организации продовольственного дела. 12 сентября 1911 г. продовольственным совещанием была выделена ссуда в размере лишь 25 тыс. руб.

26 октября 1911 г. у мещанина Степана Лазарева было арендовано помещение для открытия торговли по продаже хлебных продуктов. Поскольку на местных рынках овса ввиду неурожая не было в достаточном количестве, в начале ноября 1911 г. Уфимская городская управа закупила у местного торговца Зырянова 20 вагонов привозного овса по 87 коп. за пуд с выгрузкой товара на Уфимской станции. Тогда же городская управа закупила и 3000 пуд. ржаной муки, продажа которой была организована населению г. Уфы по заготовительной стоимости (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2516. Л. 6-11).

Вместе с тем, в газете «Уфимский край» от 11 ноября 1911 г. была опубликована заметка, где автор указывал на то, что «лавка по продаже хлеба и кормов не готова и местные власти получили от данной операции чистой прибыли на каждый пуд по 40 коп.» (Уфимский край, 1911, 11 ноября). В ответ, Уфимская городская управа объясняла свои действия тем, что ею была переплачена 1000 руб. за перевоз овса по коммерческому тарифу, поскольку Министерство путей сообщения только в начале декабря разрешило применение льготного тарифа для хлебных грузов Уфимской городской управы (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2516. Л. 155-156).

Также в 1911 г. в ходе кампании по оказанию помощи продовольствием Министерство внутренних дел выделило земским органам кредит в размере 570 тыс. рублей. Для организации общественных работ и оказания помощи пострадавшим от неурожая под руководством Уфимского губернатора П.П. Башилова в уездах под председательством предводителей дворянства были образованы специальные комитеты, Российским обществом Красного Креста в Уфимскую губернию были командированы врачебно-питательные отряды (РГИА. Ф. 1276. Оп 17. Д. 278. Л. 4-10).

Проблема обеспечения населения продовольствием в связи с неблагоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, низким уровнем прибавочного продукта была весьма актуальна и в деятельности Уфимской губернской земской управы. Земские органы открывали бесплатные столовые, больницы, выдавали продукты и пособия, создавали летние ясли-приюты в деревнях, оказывали кормовую помощь (для скота), проводили общественные работы.

Всего к 7 февраля 1912 г. в Уфимской губернии функционировали столовые на 110 тыс. человек, в том числе в Белебеевском уезде – на 40 тыс., Уфимском – 25, Стерлитамакском – 16, Мензелинском

– 20, Бирском – 9. На содержание столовых ежемесячно выделялось около 150 тыс. рублей. Столовые открывались для всего населения при школах, а также для больных тифом и цингой. Уполномоченный по Мензелинскому уезду гласный Н.В. Котанский 3 февраля 1912 года ходатайствовал о перевозе 30 тыс. рублей для того, чтобы продолжила работу столовая в Мензелинском уезде.

27 января 1912 г. губернская земская управа обратилась с ходатайством о выделении на врачебно-питательную помощь денежных средств, чтобы не закрылись уже действующие столовые. Просьба была услышана. Министерство внутренних дел выделило 100 тыс. руб. на дальнейшее существование столовых в Уфимской губернии, которых должно было хватить до 1 марта 1912 г. Ситуация осложнялась также и тем, что в губернии все больше распространялась эпидемия тифа. Только 2 февраля 1912 г. в 33 селениях Киргиз-Миякинского врачебного участка было обнаружено 309 тифозных больных (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2516. Л. 102-106).

В связи с поступавшими уже в июне 1912 г. в Уфимскую губернскую земскую управу вестями о положении урожая, 10 июля 1912 г. было созвано экстренное губернское собрание, с целью своевременной организации мер по борьбе с надвигающимся бедствием. На экстренном собрании был заслушан доклад об экономическом положении населения, в результате чего собрание признало положение губернии неблагополучным и ходатайствовало о выдаче земству возвратной ссуды на 1500000 руб. на покупку семян ржи и ее продаже по заготовительной цене, о немедленном отпуске на общественные работы в губернии – 120000 руб. Экстренное губернское собрание просило 1200000 руб. в виде возвратной ссуды на покупку и продажу населению по заготовительной цене продовольствия, 2700000 руб. на выдачу ссуд для прокорма скота. Собрание постановило ходатайствовать перед ведомством государственных имуществ о предоставлении населению разного рода льгот по отпуску топлива и о скорейшей постройке железных дорог через Бутульму, Чишмы, Аксаково. Собрание указывало, что в первую очередь должна быть выдана ссуда на семена для озимых полей. Собрание также уполномочило губернскую кассу мелкого кредита на заключение краткосрочных займов на сумму в 100000 руб. в частных банках. 13 июля 1912 г. все эти постановления были переданы уфимскому губернатору П.П. Башилову. В том же месяце прошли собрания в Стерлитамакском, Златоустовском, Уфимском и Белебеевском уездах (Земское дело, 1912: 400-410).

17 июля 1912 года губернская земская управа обратилась к заведующему продовольствием Российской империи о кредите в 1500000 руб. для продажи по заготовительной стоимости. Управа отмечала, что в губернии наблюдается полный неурожай трав и яровых, скудный по количеству и качеству зерна урожай озимых. Вследствие этого скот продается за бесценок. Только 25 июля 1912 г. заведующий продовольствием выделил земству 250 тыс. руб. на продажу семян ржи по заготовительной цене с условием возврата не позже 1-го ноября 1912 г. В случае неуплаты земством ссуды в срок, предполагалось произвести принудительное отчуждение 50 % всех поступивших сборов. Губернское присутствие ходатайствовало о выдаче ему ссуды из общеимперского капитала в размере 320 тыс. руб. на выдачу ссуд населению на покупку семян. 8 августа 320 тыс. руб. было переведено в распоряжение земства для продажи по заготовительной цене.

В итоге земские органы получили кредиты во время и после окончания посевной. Поэтому позднее поступление кредитов и 50% ставка взятой ссуды не давали возможности развернуть земствам вовремя продажу озимых семян. Кроме того правительство не выделило льгот для провоза семян.

Положение населения Уфимской губернии было обследовано земскими начальниками, которые сочли запрашиваемые кредиты земскими органами «явно преувеличенными». Губернское присутствие сократило кредит до 1500 тыс. руб. Министерство признало такую сумму преувеличенной. В итоге в Уфимскую губернию, вместо запрашиваемых, было выделено 500 тыс. (Земское дело, 1912: 414-415).

Большую помощь голодающим Уфимской губернии и особенно детям оказал заведующий санитарным бюро Уфимского губернского земства врач И.С. Вегер. 25–27 октября 1911 г. он разместил в московских и петербургских газетах письмо «Дети в голодающей Башкирии». Врач писал, что «дети едят желуди вместо хлеба и этими желудями питаются уже 1,5 месяца, и этих желудей теперь трудно достать, так как выпал ранний снег и покрыл даже эту еду». В ответ на эту публикацию заведующий санитарным бюро Уфимского губернского земства стал получать денежные пожертвования на организацию детских столовых. Пожертвования на детские столовые поступали из Москвы, Харькова, Смоленска, Воронежа, Киева, Одессы, Екатеринославля, Тамбова, Орла, Костромы и других городов Российской империи от Архангельска и Финляндии до Закавказья и Владивостока. Денежные переводы поступили из более 80 городов и населенных пунктов. Список жертвователей составил более 220 человек. Жертвовали как частные лица, так и врачи Симферопольского земства, Ставрополя, частных фабрик. Пожертвования шли и из газет «Копейка» (Санкт-Петербург), «Далекая окраина» (Владивосток), «Русские ведомости» (Москва), «Сибирская жизнь» (Томск), «Южная Заря» (Екатеринославль) и т.д. (Детские столовые в Башкирии, 1912: 1-4). Всего И.С. Вегер получил всего около 56031 руб. пожертвований, на которые было открыто 303 детских столовых в Уфимской губернии.

Таблица 1. Численный состав детских столовых Уфимской губернии в 1912 году

Уезды	Общедетские столовые	Школьные столовые	Кол-во детей
Уфимский	69	12	3151
Белебеевский	50	28	3028
Бирский	28	6	2327
Златоустовский	34	2	2120
Мензелинский	31	25	2932
Стерлитамакский	13	5	960
Всего в губернии	225	78	14518

Источник: (Детские столовые в Башкирии, 1912: 4-10)

Как видно из данных таблицы, в Уфимской губернии было открыто 225 общедетских и 78 школьных столовых, в которых питалось 14518 детей. Наибольшая численность детей, пользовавшихся столовыми пришлась на самые пострадавшие от неурожая Уфимский и Белебеевский уезды.

Кроме того, в Уфимской губернии открывались и именные детские столовые. Например, служащие Костромского губернского земства в с. Новомусино Стерлитамакского уезда открыли 21 ноября 1911 г. 4 столовых на 200 детей, в Белебеевском уезде ими была открыта 26 апреля 1912 г. одна столовая на 700 детей. Служащие и рабочие Писцовской фабрики Скворцова 8 февраля 1912 г. открыли в д. Мишкино в Бирском уезде одну столовую. Рабочие завода компании Зингер из г. Подольска Московской губернии 18 апреля 1912 г. в д. Ибрагимово Уфимского уезда открыли столовую на 50 детей.

Именные столовые в разных населенных пунктах губернии содержались на благотворительные средства В.А. Морозовой (Москва), Ю.М. Кувшиновой (Москва), Е.И. Чертковой (Петербург), А.Г. Рулевой (Екатеринбург), Анны Ян-Рубан (Петербург) и других.

Помимо финансовой помощи врач И.С. Вегер получал много трогательных писем с чувством глубокого сопереживания, добрых пожеланий, предложений лично работать, помогать кормить детей. В своем отчете И.С. Вегер отмечал: «Так хорошо было работать. Так много счастливых минут было. Слезы навертывались. Нет, думалось, народу не страшны голодовки. Духовное богатство выше материальной нищеты. Скоро голодовки и прошлое забудутся» (Детские столовые в Башкирии, 1912: 4).

Вместе с тем, организация детских столовых в Уфимской губернии встречала препятствия в отношениях с Уфимской губернской земской управой. Как только на имя врача И.С. Вегера стали поступать пожертвования, председатель губернской земской управы А.И. Коропачинский и член управы Н.П. Депрейс потребовали сдать полученные пожертвования в кассу управы. При губернской управе был образован комитет общественной помощи голодающим Уфимской губернии, и тогда И.С. Вегер передал все деньги в управу, а самостоятельную пересылку денег в санитарные попечительства и участковым врачам прекратил. Когда на заседании 22 декабря 1911 г. Уфимская губернская земская управа приняла решение не открывать детские столовые, И.С. Вегер продолжил самостоятельно передавать получаемые пожертвования на организацию детских столовых. Хотя местные губернские власти одобряли деятельность врача И.С. Вегера, заместитель председателя губернской управы А.Д. Гачечиладзе потребовал не выдавать пожертвования, поступающие на имя И.С. Вегера, а все денежные переводы передавать в земскую губернскую управу. А.Д. Гачечиладзе апеллировал к распоряжению МВД, согласно которому проводить мероприятия по борьбе с голодом разрешается только земствам и красному кресту. Однако Уфимская губернская земская управа получала деньги на открытие детских столовых в Уфимской губернии, но не торопилась передавать их в уезды. Некоторые суммы лежали в управе более 4-х месяцев, и управа даже вела переписку с теми, кто жертвовал деньги и возвращала некоторые суммы обратно, тогда как в губернии некоторые столовые для детей пришлось закрыть. Усилилось противодействие организации столовых после того как врач И.С. Вегер оставил службу в земстве. Несмотря на это, только зимой 1912 г. вопреки противодействию Уфимской губернской земской управы в губернии действовали 195 организованных детских столовых, и в них кормили 10608 детей (Детские столовые в Башкирии, 1912: 37).

Сложившаяся непростая ситуация стала предметом долговременной полемики, развернувшейся на страницах газеты «Русские ведомости». Поводом послужило то обстоятельство, что Уфимская губернская земская управа уволила с поста заведующего санитарным бюро И.С. Вегера. Медицинское санитарное попечительство просило Уфимскую губернскую земскую управу 12 марта 1912 г. вернуть на службу доктора И.С. Вегера. С этой же просьбой в губернскую земскую управу поступали письма от разных лиц из уездов Уфимской губернии. Например, сельская учительница писала в управу: «В моей деревушке открыта детская столовая на средства, высылаемые доктором Вегером. Я слышала, что он уволен по просьбе члена управы г. Депрейса. А я и ребяташки надеялись, что пробьемся в это жуткое время. Теперь за судьбу столовой страшно подумать. Сама я доктора не знаю, но знаю, что, благодаря его инициативе, кормится не одна тысяча детей в губернии. Шлю свой

слабый голос сотни голодающих ребятишек – не сводите, господа, личных счетов на детских жизнях» (*Детские столовые в Башкирии, 1912: 38*).

В свою очередь Уфимская губернская земская управа общественными деньгами распоряжалась по-своему. Так, санитарному врачу К.Ф. Станкевичу в июне 1911 г. было выдано 300 руб. «за исправление должности заведующего санитарным бюро», хотя в этой должности он не находился и не служил. На деньги, поступившие для голодных детей, Уфимская губернская земская управа отремонтировала земский дом и отдала его в наем члену управы А.Д. Гачечиладзе. Разногласия по поводу противоголодных мероприятий наблюдались и между Белебеевской уездной управой и Уфимской губернской управой. Белебеевская уездная управа неоднократно обращалась в губернскую управу о выделении средств на содержание столовых для голодных детей. Но такие просьбы оставались без удовлетворения. В результате в Белебеевском уезде закрылись столовые на 2000 человек, несмотря на то, что там распространялись болезни, такие как тиф и цинга. Таким образом, отмечал бывший врач санитарного бюро: «Уфимская губернская земская управа сочла себя каким-то всеуфимским урядником, призванным наблюдать выполнение циркуляра, о том, что кормить голодных позволяется согласно министерским правилам только земству и красному кресту. В пределах Уфимской губернии управа призвана «тащить и не пущать» никого к голодным». Вся деятельность Уфимской губернской земской управы сводится к следующей короткой фразе: «Безразличное отношение к голодным, сведение личных счетов на детских жизнях и наблюдение, ценою детских жизней, за выполнением насильственного циркуляра» (*Детские столовые в Башкирии, 1912: 44-46*).

В качестве одной из мер помощи населению в Уфимской губернии, пострадавшему от неурожая в 1911 г., правительством была предложена идея общественных работ. Устраивая такие работы, правительство имело целью оказать помощь нуждающимся не в виде ссуд и займов, выдаваемых заведомо неплатежеспособному населению, а в виде заработков, чтобы не поощрять паразитические настроения (*Николаева, Любичанковский, 2013: 181*). Министерство внутренних дел 8 августа 1911 г. предложило организовать в Уфимской губернии общественные работы по примеру и образцу Саратовской губернии. В начале сентября 1911 г. в Уфимской губернии были начаты дорожные осушительные и работы по мелиорации водных источников. Общественные работы производились земскими учреждениями, местным отделением Крестьянского Поземельного Банка, Управлением земледелия и Государственных имуществ.

Всего в Уфимской губернии в 1911 г. одобренных работ было произведено на 2886002 руб. Размер дневного заработка мужского населения составил 50–60 коп., женского населения и подростков 30–40 коп. Сравнительно небольшой заработок объяснялся краткостью периода работ и необходимостью приостановления некоторых из них в зимнее время (*Обзор Уфимской губернии за 1911 год, 1912: 50-51*).

В 1912 году общественные работы в Уфимской губернии превзошли по масштабу все предыдущие продовольственные кампании. Организация общественных работ в 1912 г. в Уфимской губернии проходила под руководством губернатора П.П. Башилова в губернском комитете, а в уездах – в уездных комитетах под председательством предводителей дворянства.

На производство общественных работ в 1912 г. в Уфимскую губернию МВД выделило из общеимперского продовольственного капитала 1967466 руб. В уезды губернии было переведено 1953654 руб. 35 коп. В распоряжение Уфимского губернского комитета на губернские организационные расходы было оставлено 13809 руб. 65 коп. (*Обзор Уфимской губернии за 1911 год, 1912: 53*). В качестве работ населению было предложено участвовать в устройстве грунтовых и шоссейных дорог, мостовых дамб, мостов и труб разных систем, срытие косополюсов, а также подвоз камня, песка и гравия. Всего в Уфимской губернии в 1912 году было произведено 728 общественных работ, из них дорожных – 342 или 46,9 %, общего числа работ на сумму 1539321 руб. 14 коп. или 81,42 % общей стоимости всех работ.

Следующую группу составили гидротехнические работы, такие как устройство плотин, водоемов, колодцев, мелиорация озер, сушение полей. В 1912 г. в Уфимской губернии данные виды работ составили 24,8 % общего числа произведенных работ, на сумму 152222 руб. 11 коп. или 8,06 % всего расхода.

Весьма небольшую группу составили работы по укреплению оврагов: они производились в Уфимском уезде (12), в Бирском (2) и в Мензелинском (8). Всего по губернии таких работ было 22 или 3% общего количества, на которые было израсходовано 38402 руб. 24 коп., т.е. 2,04 % всей стоимости работ.

В губернии были организованы и хозяйственные работы, такие как подвоз лесных и других материалов для постройки школ, церквей, корчевка пней, подвоз хлеба к местам работ для продажи по заготовительной цене, вывоз на поля навоза. Всех хозяйственных работ было 183, или 25,1 % общего количества работ на сумму 155136 руб. 27 коп., т.е. 8,22 % общей стоимости (*Обзор Уфимской губернии за 1912 год, 1914: 52-63*).

В среднем в 1912 г. мужское население получило от 50 до 70 коп. в день за участие в общественных работах, женщины и подростки от 30 до 60 коп. Конные с одной лошадей заработали от 1 руб. до 1 руб. 50 коп., мастеровые специалисты плотники, каменщики получали от 70 коп. до

1 руб. 20 коп. в день. Таким образом, население Уфимской губернии получило за общественные работы 1617915 руб. 91 коп. или 85,4 % общей стоимости работ.

Таблица 2. Статистические данные об организации общественных работ в Уфимской губернии в 1912 году

Уезды	Общее число работавших	Общее число нуждавшихся	Отношение работавших к нуждавшимся	Выдано заработной платы
Белебеевский	59682	239728	25%	20085 руб. 48 коп.
Бирский	53043	381518	14%	54138 руб. 8 коп.
Мензелинский	22992	242016	9%	195736 руб. 11 коп.
Стерлитамакский	1478	290013	0,5%	6922 руб. 10 коп.
Уфимский	44425	203280	21%	673020 руб. 11 коп.
По губернии	181620	1356555	13%	1617915 руб. 91 коп.

Источник: (Обзор Уфимской губернии за 1912 год, 1914: 602)

Таким образом, как видно из данных таблицы, общественные работы в Уфимской губернии, как и в других пострадавших от неурожая в 1911–1912 гг. регионах Российской империи, не смогли обеспечить всех нуждавшихся.

5. Заключение

Таким образом, голод и неурожай 1911–1912 гг. в Уфимской губернии тяжело сказались на социально-экономическом положении населения, прежде всего крестьянства. Мерами по борьбе с продовольственным кризисом, которые были предприняты органами губернского управления, Уфимской губернской земской управой, Комитетом общественной помощи и инициативой частных лиц, стали – организация льготного кредита и выдача семян населению, открытие общественных столовых, организации общественных работ и частные денежные пожертвования. Данные мероприятия не смогли обеспечить всех пострадавших от голода, но определенным образом облегчили положение населения губернии. Причины недостаточной эффективности названных мер были обусловлены широкими масштабами продовольственного кризиса как в целом по стране, так и в губернии и требовали гораздо более значительных финансовых ресурсов, чем выделяемых правительством, которых было явно недостаточно, а также долговременной и системной реализации предпринимаемых мер. Также определенные препятствия эффективной работе создавали несогласованность действий и просчеты в организации конкретных мер помощи населению (например, конфликт земского врача И.С. Вегера с представителями органов земского самоуправления), а также недостаточная компетентность и злоупотребление служебным положением некоторых чиновников края.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 17-68.

Литература

- Безгин, 2013 – Безгин В.Б. Голод в деревне: стратегия выживания (конец XIX – первая треть XX века) // Голодовки в истории России XVIII–XX веков: сб. статей VIII Междунар. науч. практ. конф. / науч. ред Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Изд-во ОГПУ, 2013. С. 33-37.
- Детские столовые в Башкирии..., 1912 – Детские столовые в Башкирии, устроенные в 1911–1912 году на частные пожертвования, полученные врачом И.С. Вегер. Уфа: Паровая типография Н.В. Шаровкина, 1912.
- Ермолов, 1892 – Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1892. 270 с.
- Земское дело, 1912 – Земское дело. №6, 20 марта 1912 г. С. 400-410.
- НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан.
- Николаева, Любичанковский, 2013 – Николаева О.Ю., Любичанковский С.В. Голод 1891–1892 гг. в Оренбургской губернии и эффективность общественных работ. // Голодовки в истории России XVIII–XX веков: сб. статей VIII Междунар. науч. практ. конф. / науч. ред Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Изд-во ОГПУ, 2013. С. 181.
- Нифонтов, 1974 – Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. 290 с.
- Обзор Уфимской губернии за 1911 год, 1912 – Обзор Уфимской губернии за 1911 год. Уфа, Губернская Электрическая типография, 1912.
- Обзор Уфимской губернии за 1912 год, 1913 – Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа, Губернская Электрическая типография, 1914.

- [Отчет Уфимского биржевого комитета..., 1912](#) – *Отчет Уфимского биржевого комитета за 1911 год*. Уфа, 1912.
- [Рашин, 1956](#) – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Роднов, 2002](#) – *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ООО «ДизайнПромСервис», 2002. С. 166–167.
- [Симонова, 1971](#) – *Симонова М.С.* Проблема «оскудения» Центра... // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М.: Просвещение, 1971.
- [Сухоплюев, 1907](#) – *Сухоплюев И.К.* Исторический обзор источников и литературных пособий по продовольственному делу. Чернигов: Губернская типография. 1907. 120 с.
- [Уфимский край, 11 ноября 1911 г.](#) – *Уфимский край*. 11 ноября 1911 г. № 240.
- [Хок, 1999](#) – *Хок С.Л.* Голод, болезни и структуры смертности в приходе Борщёвка, Россия, 1830–1912 гг. // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования: материалы научной конференции (апрель, 1998 г.). Тамбов, 1999. С. 3–30.

References

- [Bezgin, 2013](#) – *Bezgin V.B.* (2013). Golod v derevne: strategiya vyzhivaniya (konets XIX – pervaya tret' XX veka). Golodovki v istorii Rossii XVIII–XX vekov: sb. statei VIII Mezhdunar. nauch. prakt. konf. / nauch. red G.E. Kornilov, V.A. Labuzov [The famine in the countryside: a strategy for survival (the end XIX – first third XX century). The Hunger strike in the history of Russia XVIII–XX centuries: collection of papers of the VIII Intern. scientific. pract. Conf.]. ed G.E. Kornilov, V. A. Labusov. Izd-vo OGPU, pp. 33–37 [in Russian]
- [Detskie stolovye v Bashkirii..., 1912](#) – *Detskie stolovye v Bashkirii, ustroennye v 1911–1912 godu na chastnye pozhertvovaniya, poluchennye vrachom I.S. Veger* [Grab baby in Bashkortostan are constructed in 1911–1912 by private donations received by doctor I.S. Veger]. Ufa: Parovaya tipografiya N.V. Sharovkina, 1912. [in Russian]
- [Ermolov, 1892](#) – *Ermolov A.S.* (1892). Neurozhai i narodnoe bedstvie [Crop failure and national disaster]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 270 s. [in Russian]
- [Zemskoe delo, 1912](#) – *Zemskoe delo*. №6, 20 marta 1912 g. [Zemskoe Delo. No. 6, 20 March 1912]. pp. 400–410. [in Russian]
- [NA RB](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. [in Russian]
- [Nikolaeva, Lyubichankovskii, 2013](#) – *Nikolaeva O.Yu., Lyubichankovskii S.V.* (2013). Golod 1891–1892 gg. v Orenburgskoi gubernii i effektivnost' obshchestvennykh работ. Golodovki v istorii Rossii XVIII–XX vekov: sb. statei VIII Mezhdunar. nauch. prakt. konf./nauch. red G.E. Kornilov, V.A. Labuzov [The famine of 1891–1892 in the Orenburg province and effectiveness of public works. Hunger strike in the history of Russia XVIII–XX centuries: collection of papers of the VIII Intern. scientific. pract. Conf.]. ed G.E. Kornilov, V.A. Labusov. Izd-vo OGPU, S. 181. [in Russian]
- [Nifontov, 1974](#) – *Nifontov A.S.* (1974). Zernovoe proizvodstvo v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Grain production in Russia in the second half of the nineteenth century]. М.: Nauka, 290 p. [in Russian]
- [Obzor Ufimskoi gubernii za 1911 god, 1912](#) – *Obzor Ufimskoi gubernii za 1911 god* [The review of the Ufa province for 1911]. Ufa, Gubernskaya Elektricheskaya tipografiya, 1912. [in Russian]
- [Obzor Ufimskoi gubernii za 1912 god, 1913](#) – *Obzor Ufimskoi gubernii za 1912 god* [The review of the Ufa province for 1912]. Ufa, Gubernskaya Elektricheskaya tipografiya, 1914. [in Russian]
- [Otchet Ufimskogo birzhevogo komiteta..., 1912](#) – *Otchet Ufimskogo birzhevogo komiteta za 1911 god* [The Ufa report of the exchange Committee for 1911]. Ufa, 1912. [in Russian]
- [Rashin, 1956](#) – *Rashin A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.) [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Statisticheskie ocherki. М.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 352 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.
- [Rodnov, 2002](#) – *Rodnov M.I.* (2002). Krest'yanstvo Ufimskoi gubernii v nachale XX veka (1900–1917 gg.): sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya [The peasantry of the Ufa province in the early XX century (1900–1917 gg.): social structure, social relations]. Ufa: ООО «DizainPromServis», pp. 166–167 [in Russian]
- [Simonova, 1971](#) – *Simonova M.S.* (1971). Problema «oskudeniya» Tsentra... Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii. Sbornik statei [The problem of the "impoverishment" of the Center... Problems of socio-economic history of Russia. A collection of articles]. М.: Prosveshchenie, [in Russian]
- [Sukhoplyuev, 1907](#) – *Sukhoplyuev I.K.* (1907). Istoricheskii obzor istochnikov i literaturnykh posobii po prodovol'stvennomu delu [Historical overview of the sources and literary manuals for food business]. Chernigov: Gubernskaya tipografiya, 120 p. [in Russian].
- [Ufimskii kraj, 11 noyabrya 1911 g.](#) – *Ufimskii kraj*. 11 noyabrya 1911 [Ufimskiy region. 11 Nov 1911]. № 240 [in Russian]
- [Khok, 1999](#) – *Khok S.L.* (1999). Golod, bolezni i struktury smertnosti v prihode Bor-shchevka, Rossiya, 1830–1912 gg. // Sotsial'no-demograficheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv. Sovremennye metody issledovaniya: materialy nauchnoi konferentsii (aprel', 1998 g.) [Hunger, disease and the structure of

mortality in the parish of borschivka, Russia, 1830-1912. Socio-demographic history of Russia XIX–XX centuries, Modern research methods: materials of scientific conference (April, 1998)]. Tambov, pp. 3-30 [in Russian]

УДК 94(470.)(091)

Мероприятия по борьбе с голодом и неурожаем 1911–1912 гг. в Уфимской губернии

Резида Ильгизаровна Кантимирова ^{а, *}, Оксана Сергеевна Павлова ^а,
Ирина Ивановна Явнова ^а

^а Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены причины и масштабы продовольственного кризиса 1911–1912 гг. на материалах Уфимской губернии. Деятельность органов местного управления и самоуправления, а также частных лиц по борьбе с голодом и неурожаем нашла отражение в организации следующих мероприятий. Местные органы власти проводили меры по регулированию хлебных цен и железнодорожных тарифов, предоставлению продовольственных ссуд, продаже по заготовительной стоимости хлеба и кормов населению и т.д. Органы земского самоуправления губернии содействовали открытию общественных столовых, больниц, выдаче продуктов и пособий, создавали летние ясли-приюты в деревнях, оказывали кормовую помощь (для скота), проводили общественные работы. Авторы пришли к выводу, что указанные мероприятия, а также благотворительная деятельность частных лиц не смогли обеспечить всех пострадавших от голода, но определенным образом облегчили положение населения. Причина такой ситуации была обусловлена тем, что масштабы голода требовали значительные финансовые ресурсы, которых было явно недостаточно, а также долговременной реализации предпринимаемых мер. Согласно свидетельствам материалов делопроизводства и периодической печати, причинами недостаточной эффективности мер стали несогласованность действий и просчеты в их организации и осуществлении.

Ключевые слова: Уфимская губерния, голод, продовольственный кризис, неурожай, общественные работы, общественные столовые, благотворительность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kantimirova.rezida@mail.ru (Р.И. Кантимирова),
oksana.s.pavlova@mail.ru (О.С. Павлова), irina_721@mail.ru (И.И. Явнова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 644-652, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.644
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47).083

Votkinsk's Shipbuilding During the First World War. Reconstruction and Analysis of the Structure of Military Orders

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}, Dmitry Matveev ^b, Alexander S. Semyonov ^c

^a International Network Center of Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East-European Institute, Russian Federation

^c Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

Reconstruction of order's numbers of shipbuilding production of Votkinsk plant during the First World War was carried out. It was based on the available order's numbers that recovered in the documentation of the Technical Bureau of the Votkinsk Plant, the missing numbers were reconstructed by the drawing in archival information and logical conclusions. This made it possible to assess the change in the qualitative picture of the Votkinsk's shipbuilding during the WW1. If before the war the intellectually capacious production in the form of steamers and bots prevailed, then in the wartime the factory was redesigned for the production of barges, which amounted to a small fraction of orders in pre-war production. And, in fact, of the steamships accepted for execution, only half was completed, and during the war only one ("Splavshchik"). In addition, if before the war the assembly at the sites in Sretinsk and Tyumen was predominant, then in the military conditions, the work at the branches was curtailed. The branch in Syrygol, stopped working in 1915 after the assembly of the last floating crane for the ports of the Black Sea. This circumstance may indicate that the degradation of the Votkinsk shipbuilding, which stopped this production while the plant was being preserved in the mid-1920s, began during the World War, and not during the Civil War, as was previously assumed. Therefore, the statement in the literature that the shipbuilding industry in Votkinsk underwent modernization due to military orders is not well-off.

Keywords: Votkinsk, Votkinsk plant, Shipbuilding shop, Technical bureau, shipbuilding, World War I.

1. Введение

Мировая война стала серьезным испытанием для промышленности Российской империи. История промышленности Урала и модернизация производства в годы Первой мировой войны неоднократно становились объектом изучения исследователей различного уровня. Традиционная отечественная историография рассматривала эту проблему через призму социально-экономических и политических процессов. За последние десятилетия появились работы, пытающиеся системно рассмотреть эту проблему как продукт серии взаимосвязанных процессов (Липина 2011, 2012). К сожалению, для комплексного рассмотрения данной проблемы зачастую не хватает достоверного контента, в результате чего исследователи вынуждены повторять оценки, прозвучавшие в более ранних исследованиях или в архивных документах, практически не внося ничего нового. Поэтому успеха можно достичь, лишь применив отраслевой подход для анализа с целью реконструкции реальных объемов производства и выявления проблем отрасли. Задача данной работы состоит в определении реальных объемов производства судостроительного цеха Воткинского завода в период Первой мировой войны и анализа изменения его структуры.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov), matveevdv1972@mail.ru (D.V. Matveev), semyonov1980@mail.ru (A.S. Semyonov)

2. Материалы и методы

До сих пор при оценке объемов производства воткинского завода исследователи использовали в качестве источниковой базы фонды воткинского завода. Однако, как было показано нами ранее (Mitiukov, 2017), сохранившиеся фонды не составляют цельной картины и не представляют собой однородный материал, например, детально описываются работы и заказы за 1915 г., при практически полном отсутствии работ и заказов 1916 г. Второй мощный источниковый корпус представляют речные и морские регистры. Предыдущая наша работа с ними и реконструкция по их данным биографий судов дали возможность сформулировать несколько оригинальных принципов, подробнее изложенных нами ранее (Mitiukov, 2016). Но и здесь имеется ряд проблем. Дореволюционные регистры весьма подробно описывают имевшиеся в строю самоходные плавсредства и обходят полным молчанием несамоходные. Однако, как явствует из доступных архивных свидетельств, основную массу военных воткинских заказов составляют как раз несамоходные плавсредства – шаланды и баржи. В этой связи может помочь подробный речной регистр 1926 г., имеющий эти списки (Регистр, 1926), но он, разумеется, отражает лишь плавсредства, пережившие гражданскую войну. Третью группу источников составляет периодическая печать и литература мемуарного характера. При всей своей субъективности, она иногда способна дать ценные свидетельства, заставляющие проверить или опровергнуть имеющиеся реконструкции. К сожалению, содержащаяся там информация, как правило, не подтверждается источниками и потому невозможно ее использование без предварительной проверки. Так в работе Ломаева (Ломаев, 2012: 2) утверждается, что заказ на плавкраны завод получил в 1907 г. и в 1908 г. были заложены первые три крана. Эта информация противоречит с архивными данными, по которым работа над кранами началась в 1912 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11050). В работе Добровольского (Добровольский, 2009: 46) утверждается, что по воткинским чертежам на Сормовском и Балтийском заводе было открыто производство землечерпательниц. Архивные фонды дают совершенно противоположную картину: Воткинский завод просит от Министерства Промышленности и Торговли высылку комплекта чертежей по землечерпательнице типа «Василий Салов», а для зарисовки особо непонятных элементов конструкции командирует на Балтику своего инженера (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11093).

Таким образом, традиционный корпус литературы и источников не могут дать объективной картины воткинского судостроения военного времени. В связи с этим был выбран подход реконструкции номеров судостроительных заказов.

С началом больших объемов производства на филиалах, прежде всего в Тюмени и Сретенске, в 1909 г. в заводской документации начал фигурировать номер заказа или строительный номер парохода и плавсредства. До этого каждый заказ назывался индивидуально, например «шхуна № 2 Померанцева», что при смене владельца в период стапельного строительства вносило некоторую неопределенность с исполнением заказа и возможность ошибок, которые при функционировании отдаленных площадок могли привести к существенным финансовым убыткам. Так в 1915 г. гребной винт землечерпательницы «Инженер Петерсон» был по ошибке отправлен в Астрахань, где шла достройка землечерпалки «Инженер Шуляченко» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11093). Зато в 1914 г., когда шла одновременно достройка в Тюмени парохода «А. Станкевич», а в Сырыголе Одесских плавкранов, комплектующий для них шли единым потоком на станцию Чепца, где в зависимости от заказа направлялись, либо в Сибирь, либо на Черное море (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11092).

В связи с этим на основе доступных сведений была составлена таблица заказов, пустые клеточки которых заполнялись по имевшимся источникам путем логического анализа.

3. Обсуждение

Для составления таблицы заказов использовались в первую очередь материалы Воткинского Технического бюро, поскольку именно в подписях к графической документации наиболее часто фигурируют строительные номера. На рис. 1 приведен пример основной надписи к графической документации. Кроме сведений чисто чертежного характера (номер чертежа, масштаб и т.д.) надпись содержит ценную информацию и о заказе: строительные номера, год постройки, классификация судна, заказчика, количество заказанных судов, дату утверждения чертежа.

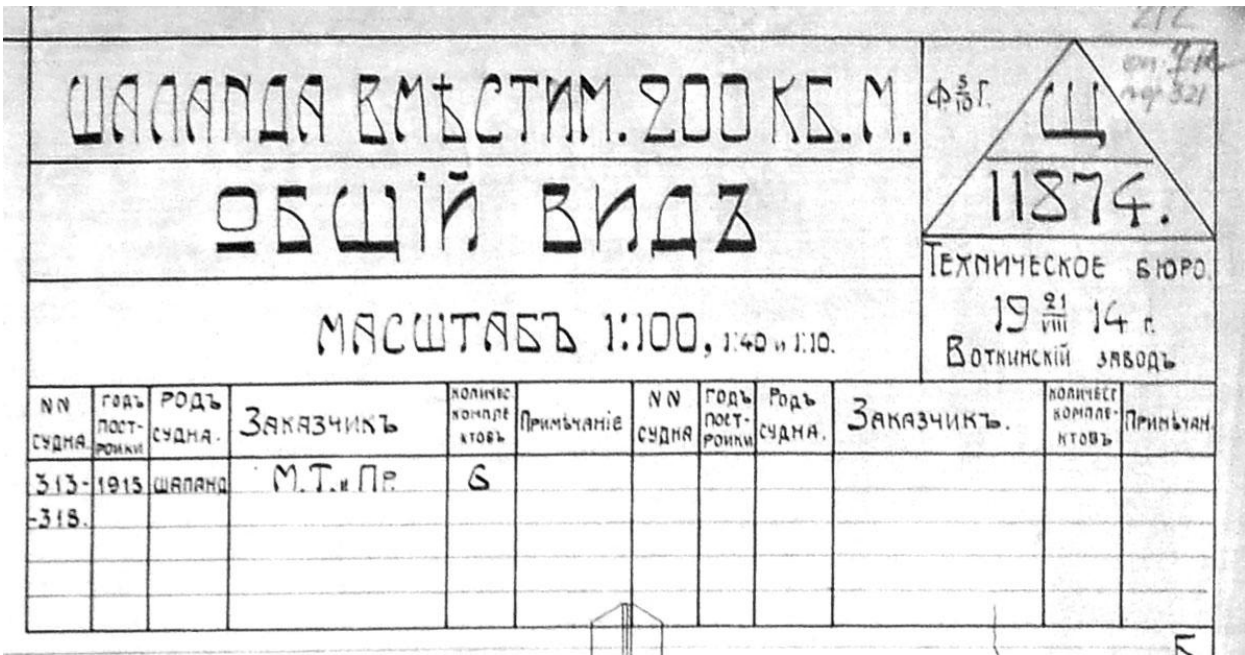

Рис. 1. Вид основной надписи к графической документации Техбюро (ЦГА УР. Ф. 212. Оп 7к. Д. 321. фрагмент)

Как показал анализ графической документации, основная надпись фигурирует в чертежах, начиная с 1913–1914 гг., и заканчивается в 1917–1918 гг. Удалось установить, что на ряд строившихся судов в графе «№ судна» стоит пропуск. Это например, документация по барже в 250 т. для Белого моря (ЦГА УР. Ф. 212. Оп 7к. Д. 77). Как явствует из заводской документации, проект был разработан по заказу Министерства Торговли и Промышленности (МТиП), но заказ на баржи в размере 10 шт. принят от Морского Министерства. Другим примером пропуска номера являются грунтоотвозные шаланды для Астраханского порта, построенные по заказу МТиП в 1913 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп 7к. Д. 70), очевидно, что для этого заказа традиция заполнения основной надписи начала еще только складываться. Для более ранних заказов строительный номер фигурирует непосредственно в названии заказа (рис. 2). Наконец, для еще некоторых плавредств номер заказа можно найти в переписке завода. В 1917–1918 гг. филиалы завода окончательно перестали функционировать, а количество одновременно исполняемых заказов снизилось с десятков до единиц, что привело к прежней практике использования в документации названий вместо номеров.

На основе всей этой информации была составлена таблица 1. В документации Техбюро наименования пароходов, как правило, не указаны, даются лишь фамилии заказчиков. В этом случае наименования восстанавливались по регистрам.

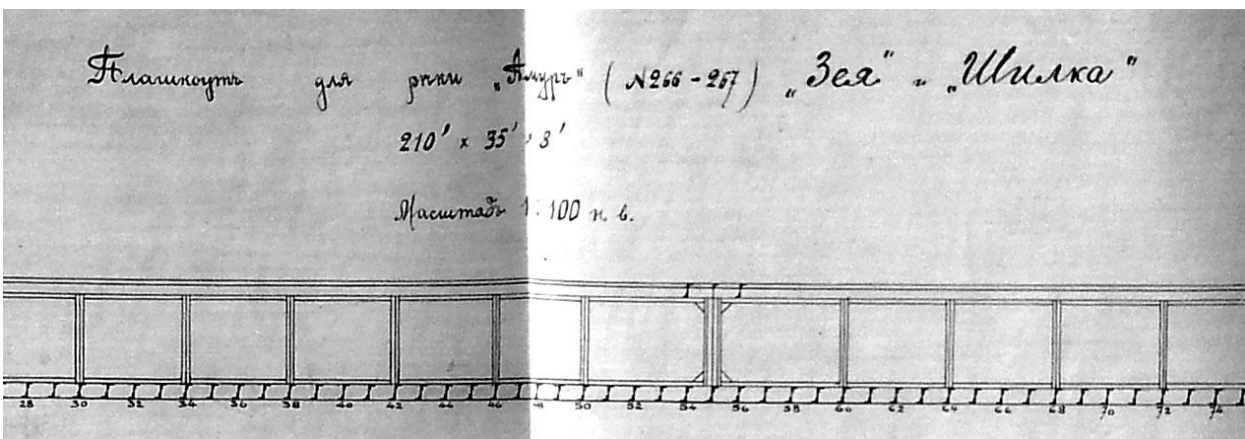

Рис. 2. Пример подписи к графической документации Техбюро (ЦГА УР. Ф. 212. Оп 7к. Д. 305. фрагмент)

Таблица 1. Номера заказов Судостроительного цеха Воткинского завода

Номер заказа	Дата утверждения чертежа	Наименование объекта	Источник
248–249	25.11.1909	Пароход «Богатырь» и «Двигатель» для Мельниковой	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 276
250	24.11.1909	Пароход «Воткинский завод» для Мельниковой	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 275
251	18.11.1909	Пароход «Горный начальник Афанасьев» для Двинаренко	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 274
252–253	12.12.1909	Пароход «Храбрый» и «Решительный» для Кругляшова, Ядрышникова и Андреева	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 280
254–255	15.05.1910	Пароход «Прохор Андреев» и «Петр Березницкий» для Плещеева	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 282
256			
257	17.01.1911	Пароход «Скромный» для Машарова	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 284
258	11.05.1911	Пароход «Воткинский» для Кондакова	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 285
259			
260	18.01.1912	Пароход «Слава» для Попова	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 298
261	19.12.1911	Пароход «Михаил» для Штейна	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 283
262	10.05.1912	Пароход «Дунай» для Матвеевко	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 649
263	21.03.1912	Пароход «Адмирал Макаров» для Волосина	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 300
264	25.05.1912	Барказ «Сорванец» для Котяковой	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 302
265			
266–267	7.08.1912	Плашкоуты «Зея» и «Шилка»	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 305
268–269	15.11.1912	Барказы «Кура» и «Терек» для МТиП	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 72
270–273			
274–277	11.11.1912	Барказы «Урал», «Алтай», «Ермак», «Катунь» для МТиП	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 71
278			
279	17.10.1912	Пароход «Витязь» для Коншина	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 73
280–282			
283	?	1-й Одесский плавкран	Ф. 212. Оп. 1. 11092
284	25.11.1913	Пароход «А. Станкевич» Тобольского губернского управления	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 510
285	?	2-й Одесский плавкран	Ф. 212. Оп. 1. 11092
286–290			
291	?	Землечерпалка «Инженер Флорин»	Ф. 212. Оп. 1. 11127
292	?	Плавкран для Архангельского торгового порта № 2	Lapshin, 2015
293	?	Землечерпалка «Инженер Руденко»	Ф. 212. Оп. 1. 11127
294–299	19.05.1914	Грунтоотвозные шаланды в 150 куб. м. для Астраханского порта (1 партия)	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 320
300	10.06.1918	Землечерпалка «Инженер Петерсон»	Ф. Р-785. Оп. 8к. Д. 970.
301–306	?	Грунтоотвозная шаланда в 150 куб. м. для Астраханского порта (2 партия)	Ф. 212. Оп. 1. 11127
307–312	10.11.1914	Грунтоотвозная шаланда в 115 куб. м. для Астраханского порта (3 партия)	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 322
313–318	21.08.1914	Грунтоотвозная шаланда в 200 куб. м. для Астраханского порта (4 партия)	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 321
319–320	1916	Плавкраны для Николаевского порта, Архангельского торгового порта № 2	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 814
321–330			
331–335	1916	Плавкраны для Архангельского торгового порта № 3-8	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 814

336–345	21.06.1916	Баржа для сухого груза в 120 т. для Архангельского торгового порта	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 335
346–351	21.06.1916	Баржа для сухого груза в 120 т. для Кольского порта	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 335
352–364			
365–366	22.06.1918	Барказы «Красная заря» и «Вперёд» для МТиП	Ф. Р-785. Оп. 8к. Д. 972.
367–368	15.07.1917	Барказы «Кура» (2-й) и «Терек» (2-й) для МТиП	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 670
369–372			
373–382	15.11.1917	Баржа для сухого груза в 200 т. по заказу Морведа	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 338
383–392	1918 г.	Баржа для сухого груза в 120 т. для Архангельского торгового порта	Ф. 212. Оп. 7к. Д. 335
393	26.01.1922	Пароход «Металлист» для Михалева	Ф. Р-785. Оп. 8к. Д. 984.

4. Результаты

В табл. 1 можно попытаться вписать заказы, информация о которых имеется на основании архивных фондов, но сами номера заказа неизвестны. В «Ежемесячных статистический отчетах по заводу на 1921 и 1922 г.» (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 154) имеется описание заказов, находившихся в это время в стадии исполнения. Для простоты анализа можно свести эти данные в таблицу (табл. 2).

Таблица 2. Исполняемые заказы на 1921-22 гг.

Название, количество	Номер	Дата заказа	Заказчик
Землечерпалка «Инженер Петерсон» (1 шт.)	300	13.02.1915 г.	Отдел торговых портов МПиТ для Балтийского моря
Винтовой буксирный барказ «Марат» (1 шт.)		23.11.1916 г.	Для своих нужд, распоряжение Горного начальника
Колесные буксирные пароходы «Красная заря» и «Вперед» (2 шт.)	365, 366	15.12.1916 г. № 13548	Отдел торговых портов МПиТ для Астраханского порта
Винтовые буксирные пароходы «Кура» и «Терек» (2 шт.)	367, 368	16.12.1916 г. № 13548	Отдел торговых портов МПиТ для Астраханского порта
Колесные буксиры название не присвоено типа «Сплавщик» (3 шт.)	369–371	16.12.1916 г. № 13548	Отдел торговых портов МПиТ для Астраханского порта
Колесный буксир, название не присвоено (1 шт.)	372	15.03.1917 г.	Министерство путей сообщения для Киевского округа
Колесный буксирный пароход «Металлист» (1 шт.)	393	27.12.1917 г.	Сарапульский мещанин Андрей Михайлович Михалев
Железная баржа для сухого груза название не присвоено типа «Солнце» (4 шт.)	394–397	12.01.1918 г. № 154	Для своих нужд, распоряжение Горного начальника
Железная баржа название не присвоено (2 шт.)	398, 399	12.01.1918 г.	Для своих нужд, распоряжение Горного начальника
Баржа моторная крытая типа «Кама», название не присвоено (4 шт.)		27.05.1921 г.	Райметаллправление

Как видно из табл. 2, Отдел торговых портов МПиТ для Астраханского порта одним номером заказа заказал семь пароходов. В табл. 1 видно, что заказанные на день раньше 15.12.1916 г. пароходы «Красная заря» и «Вперед» имеют № 365 и 366, а заказанные на следующий день «Кура» и «Терек» – № 367 и 368, после чего идет перерыв в четыре номера. Но поскольку три парохода типа «Сплавщик» заказаны в тот же день 16.12.1917 г., можно сделать вывод, что именно они имели номера 369, 370 и 371. В марте 1917 г. идет заказ на пароход от МПС для Киевского округа, но поскольку в едином списке до парохода Михалева пробелов больше нет, можно сделать вывод, что именно этот пароход получил № 372. Далее в один день 12.01.1918 г. идет заказ на шесть барж. Приоритет в строительстве был отдан для четырех барж типа «Солнце». Все они были достроены в 1922 г. до консервации завода. А вот из железных барж второй партии заложена была всего одна и, судя по регистрам, достроили ее лишь в 1926 г., после расконсервации завода. Из чего можно сделать вывод, что баржи типа «Солнце»

могли иметь номера заказа 394, 395, 396 и 397, а железные баржи № 398 и 399. После этого идет большой перерыв, в течение которого вполне могли быть неучтенные заказы.

В ЦГА УР имеется «Дело о выполнении заказов Военного и Морского ведомств» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11299). В соответствии с ним на середину 1917 г. в исполнении на Воткинском заводе находились следующие заказы МПит:

- 6 шаланд для Астраханского порта 150 куб. м. (№ 307–312 в табл. 1);
- 6 шаланд для Астраханского порта 200 куб. м. (№ 313–318 в табл. 1);
- 1 землечерпалка для Балтийского моря (№ 300 в табл. 1);
- 2 рейдовых парохода в 175 л.с. для Астраханского порта (№ 365, 366 в табл. 1);
- 3 рейдовых парохода в 250 л.с. для Астраханского порта (№ 369–371 в табл. 2);
- 2 винтовых парохода типа «Красноводск» (№ 367, 368 в табл. 1);
- 1 дебаркадер для Астраханского порта;
- 10 барж в 120 т. для Архангельского порта (№ 383–392 в табл. 1).

А также два заказа Морского министерства:

- 10 речных барж в 200 т. для Архангельска (№ 373–382 в табл. 1);
- 10 рейдовых барж в 250 т для Архангельска.

Указанный дебаркадер в соответствии с регистром 1926 г. числится как построенный, правда в варианте баржи под названием «Дебаркадер». Это выглядит вполне логичным, т.к. для убыстрения постройки в основе проекта вполне могли использовать проект стандартной баржи. Поскольку дебаркадер не числится в незавершенном производстве в 1920 г., можно сделать вывод, что его сдали в 1918–1919 гг. А поскольку в момент возобновления работы судостроительного цеха в 1920 г. пароходы № 365 и 366 имели наибольшую степень готовности, можно предположить, что дебаркадер был заказан одновременно с ними под № 364.

250-тонные баржи для Морского министерства отсутствуют в работах завода на 1915 г. и плане заказов на 1916 г. Это дает основание предположить, что заказали их в 1916 г., и таким образом, номера их заказов попадают в № 352–364. Пробел в этих номерах составляет 13 единиц, а поскольку предыдущий заказ барж для Кольского порта произошел в 1915 г., все они должны были быть заказаны в 1916 г. Кроме указанных барж туда вошли упомянутые «Дебаркадер» и «Марат». Регистр 1926 г. среди пароходов, достроенных во время войны, упоминает пароход «Сплавщик» 1917 года постройки. В материалах технического комитета (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11226) упоминается об испытаниях летом 1917 г. построенного для своих нужд парохода «Сплавщик». Документация 1915 г. о нем не упоминает, таким образом, номер его заказа также должен попасть в интервал № 352–364, при чем, скорее всего ближе к 352-му номеру.

В документации по строительству плавкрана для Одессы (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11092) упоминается, что от МПит получен одновременный заказ на строительство кранов для Одессы и Керчи. Поскольку 1-й Одесский кран имеет № 283, законченный ранее керченский должен иметь № 282. Наконец, в финансовом отчете за 1915 г. имеется фраза, что одесские краны и керченский строились в отделении завода в Сырыголе, где ранее собирались два феодосийских крана, номера которых получаются 280 и 281.

Ранние заказы можно реконструировать по дате утверждения документации в Техбюро. Так, в мае-августе 1912 г. утверждается документация на 40-тонный плавучий кран для Архангельского порта № 1 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 795-797), что вполне логично дает номер заказа 265.

В феврале-марте 1913 г. утверждается документация на 40-тонный плавкран для Феодосийского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 802, 805, 806), что также совпадает с выше проведенной реконструкцией, поскольку чертежи «Витязя» Коншина и Двинаренко утверждаются в ноябре 1912 г., а идущий следом «Станкевич» лишь в ноябре 1913 г.

В списке заказов, проекты которых утверждаются в Техбюро в 1912 г. остается большой пробел в четыре номера № 270–273. В 1913 г. завод по заказу МПит для Волго-Каспийского канала построил землечерпалку «Сергей Шубинский» и четыре шаланды к ней (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127). Чертеж общего вида «Сергея Шубинского» датируется 17.10.1913 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 886), четырех каспийских шаланд 21.12.1912 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 310). Это дает возможность по схожим датам отнести для них заказ № 278 («Сергей Шубинский») и № 270–273 (для шаланд).

В 1915 г. завод сдал (ЦГА УР. Ф. 212 Оп. 1. Д. 11149):

- пароход «А. Станкевич» (№ 284 в табл. 1);
- 1 землечерпалку «Инженер Шуляченко»;
- 2 землечерпалки «Флорин» и «Руденко» (№ 291 и 293 в табл. 1);
- 2 плавкрана для Одесского порта (№ 283 и 285 в табл. 1);
- 4 землеотвозных шаланды 100 куб. м для Архангельского порта;
- 6 землеотвозных шаланд 150 куб. м для Астраханского порта (№ 294-299);
- 1 плавкран для Архангельского порта за 90000 руб., по-видимому, 50-тонный (№ 320 в табл. 1);
- 1 плавкран для Архангельского порта за 89000 руб., по-видимому, 40-тонный (№ 292 в табл. 1);
- 8 барж для Архангельского порта (№ 336–345 в табл. 1).

На январь 1916 г. в незавершенном производстве находилось:

- 40-тонный плавкран для Астраханского порта;
- 50-тонный плавкран для Николаевского порта (№ 320 в табл. 1);
- 4 50-тонных плавкрана для Архангельского порта (№ 332–335 в табл. 1);
- 10 железных барж для Архангельского порта (№ 346–351);
- 12 землеотвозных шаланд 150 куб. м для Астраханского порта (№ 301–312);
- 6 землеотвозных шаланд 200 куб. м для Астраханского порта (№ 313–318);
- 2 землеотвозные шаланды 130 куб. м для Архангельского порта;
- 1 землечерпалка для Балтийского моря (№ 300).

Из неимеющих номеров заказов в этом списке значатся законченные в 1915 г. землечерпалка «Инженер Шуляченко» и 4 шаланды для Архангельска. По документации Техбюро, 8.07.1914 г. утверждены чертежи на «Инженер Шуляченко» (РГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 905), а 12.05.1914 г. на 100-кубовые шаланды (РГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 320). Судя по датам утверждения, они должны попасть в интервал № 286–290. Оставшиеся плавсредства из этого интервала, вероятно баржи для Архангельска небольшого водоизмещения, которые могли быть заказаны и построены в 1916 г.

Тогда для 40-тонного крана и 130-кубовых шаланд остается один интервал номеров – 321–330. Кроме того, последний из 50-тонных плавкранов (№ 335), очевидно заказан для Батумского порта и в конце войны, в связи с угрозой сдачи Батума туркам отдан в распоряжение Архангельского. По-видимому, он так и не ушел на север, поскольку в списке камских плавсредств в регистре 1926 г. значится плавкран «Красный камский водник».

Таблица 3. Изменение структуры судостроительных заказов Воткинского завода во время мировой войны

Судно	Предвоенные заказы	Военные заказы
пароходы и барказы	60,5 %	11,1 %
баржи и шаланды	21,1 %	75,8 %
плавучие краны	15,8 %	9,1 %
землечерпалки	2,6 %	4,0 %

5. Заключение

Реконструкция картины заказов судостроительного производства Воткинского завода дала возможность оценить изменение качественной картины воткинского судостроения (табл. 3). Если перед войной преобладала интеллектуально емкая продукция в виде пароходов и барказов, то в военное время завод перепрофилировался на изготовление барж, составлявших в довоенной продукции незначительную долю заказов. Причем, по факту из принятых к исполнению пароходов, лишь половина была закончена, причем во время войны лишь один («Сплавщик»). Кроме того, если перед войной преобладала сборка на площадках в Сретинске и Тюмени, то в военных заказах работы на филиалах были свернуты. Филиал в Сырыголе, прекратил работы в 1915 г. после сборки последнего плавкрана для портов Черного моря. Это обстоятельство может указывать на то, что деградация воткинского судостроения, прекратившая это производство при консервации завода в середине 1920-х гг., началась еще во время мировой войны, а не в период гражданской войны, как полагалось ранее (Коробейников, 2012). Поэтому встречающееся в литературе утверждение о том, что судостроительная отрасль в Воткинске претерпела модернизацию (Липина, 2011, 2012) из-за военных заказов – не состоятельно.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.а03.21.0008).

Литература

- ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.
- Добровольский, 2009 – Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох: Заметки конструктора. 2-е изд., испр. и доп. Воткинск, МП МИИЦ, 2009. 300 с.
- Коробейников, 2012 – Коробейников А.В. Воткинское судостроение и Гражданская война: очерки социальной истории города и завода. Ижевск: Иднакар, 2012. 190 с.
- Lapshin, 2015 – Lapshin R.V., Mitiukov N.W. Votkinsk's Floating Cranes for the Arkhangelsk's Port // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2015. Vol. 5. № 3. pp. 137–146. DOI: 10.13187/jincfar.2015.5.137.
- Липина, 2011 – Липина С.А. Воткинский железодельный завод: к вопросу о технической реконструкции накануне и в годы Первой мировой войны // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2011. № 22. С. 39–44.

[Липина, 2012](#) – Липина С.А. Модернизация оборудования и внедрение новых технологий на Воткинском железодельном заводе в годы первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 1-2. С. 130-134.

[Ломаев, 2012](#) – Ломаев Ю. Воткинскому плавучему крану 100 лет?! // *Воткинские вести*. 2012. № 140-141. 7 декабря. С. 2.

[Mitiukov, 2016](#) – Mitiukov N.W. Maritime and river registers as a historical source // *Bylye Gody*. 2016. № 2 (40). pp. 469-478.

[Mitiukov, 2017](#) – Mitiukov N.W., Matveev D., Svechnikova N.V. Problems of Votkinsk's shipbuilding: to analyze the historical sources // *Bylye Gody*. 2017. № 43 (1). pp. 145-152.

[Регистр, 1926](#) – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.

References

[CGA UR](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archive of the Republic of Udmurtia].

[Dobrovolskij, 2009](#) – Dobrovolskij I.A. (2009). Votkinskij zavod na rubezhe jepoh: Zametki konstruktora [Votkinsk Plant at the Turn of the Era: Designer's Notes]. 2-e izd., ispr. i dop. Votkinsk, МР МПС. 300 p.

[Korobejnikov, 2012](#) – Korobejnikov A.V. (2012). Votkinskoe sudostroenie i Grazhdanskaja vojna: ocherki social'noj istorii goroda i zavoda [Votkinsk Shipbuilding and the Civil War: Essays on the Social History of the City and the Plant]. Izhevsk: Idnakar. 190 p.

[Lapshin, 2015](#) – Lapshin R.V., Mitiukov N.W. (2015). Votkinsk's Floating Cranes for the Arkhangelsk's Port. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. Vol. 5. № 3. pp. 137-146. DOI: 10.13187/jincfar.2015.5.137.

[Lipina, 2011](#) – Lipina S.A. (2011). Votkinskij zhelezodelatel'nyj zavod: k voprosu o tehničeskoj rekonstrukcii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny [Votkinsk iron-making plant: to the question of technical reconstruction on the eve and during the First World War]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoričeskim naukam i arheologii*. № 22. pp. 39-44.

[Lipina, 2012](#) – Lipina S.A. (2012). Modernizacija oborudovanija i vnedrenie novyh tehnologij na Votkinskom zhelezodelatel'nom zavode v gody pervoj mirovoj vojny [Modernization of equipment and introduction of new technologies at the Votkinsky Iron-Making Plant during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012. № 1-2. pp. 130-134.

[Lomaev, 2012](#) – Lomaev Ju. (2012). Votkinskomu plavuchemu kranu 100 let?! [Votkinsk floating crane for 100 years?]. *Votkinskie vesti*. 2012. № 140-141. 7 dekabrja. p. 2.

[Mitiukov, 2016](#) – Mitiukov N.W. (2016). Maritime and river registers as a historical source. *Bylye gody*. № 2 (40). pp. 469-478.

[Mitiukov, 2017](#) – Mitiukov N.W., Matveev D., Svechnikova N.V. (2017). Problems of Votkinsk's shipbuilding: to analyze the historical sources. *Bylye gody*. № 43 (1). pp. 145-152.

[Регистр, 1926](#) – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnyh sudov. Sostavlen po dannym Mestnyh Bjuro Registra Sojuza SSR na 1 marta 1926 g. [The Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926.] / Pod red. inzh. N.Ja. Volpjanskogo. М.: Transpechat', 1926. 503 p.

УДК 94 (47) .083

Воткинское судостроение периода Первой мировой войны. Реконструкция и анализ структуры военных заказов

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Дмитрий Владимирович Матвеев ^b, Александр Сергеевич Семенов ^c

^a Международный сетевой центр Фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-Европейский институт, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков), matveevdv1972@mail.ru (Д.В. Матвеев), semyonov1980@mail.ru (А.С. Семенов)

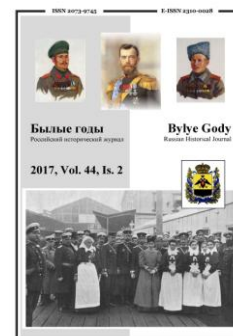
Аннотация. Произведена реконструкция номеров заказов судостроительного производства Воткинского завода во время Первой мировой войны. На основе имевшихся номеров заказов в документации Технического бюро Воткинского завода путем привлечения архивной информации и логических заключений восстановлены недостающие номера. Это дало возможность оценить изменение качественной картины воткинского судостроения во время мировой войны. Если перед войной преобладала интеллектуально емкая продукция в виде пароходов и барказов, то в военное время завод перепрофилировался на изготовление барж, составлявших в довоенной продукции незначительную долю заказов. Причем, по факту из принятых к исполнению пароходов, лишь половина была закончена, а во время войны лишь один («Сплавщик»). Кроме того, если перед войной преобладала сборка на площадках в Сретинске и Тюмени, то в военных условиях работы на филиалах были свернуты. Филиал в Сырыголе, прекратил работы в 1915 г. после сборки последнего плавкрана для портов Черного моря. Это обстоятельство может указывать на то, что деградация воткинского судостроения, прекратившая это производство при консервации завода в середине 1920-х гг., началась еще во время мировой войны, а не в период гражданской войны, как полагалось ранее. Поэтому встречающееся в литературе утверждение о том, что судостроительная отрасль в Воткинске претерпела модернизацию из-за военных заказов – не состоятельно.

Ключевые слова: Воткинск, Воткинский завод, судостроительный цех, техническое бюро, судостроение, Первая мировая война.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 653-662, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.653
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.45)

The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings

Elena Yu. Leontyeva ^{a,*}, Alexander N. Leontyev ^a, Irina N. Bogdanova ^b

^a Volgograd State Technical University, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

Patriotism as a love for one's Motherland, culture, native language, is inherent of all people and this feeling exacerbated during periods of wars, threats to what is loved and dear to the heart. With the development of society, the formation of the institution of the state, the emergence of the first mass media, the formation and maintenance of patriotic feelings began to be carried out purposefully. The period of the First World War is the time of rapid development of the periodical press, especially newspapers, which become the most important means of educating and developing patriotic sentiments. At the center of the analysis of the article are the printed daily editions of the country town of Tsaritsyn performing this function in its fullness. Newspapers covered in due course military events, work and ceremonies of religious organizations and confessions, local charitable activities, mobilization moods, manifestations of devotion feelings.

Keywords: patriotism, patriotic feelings, provincial newspaper, The First World War, local history, Tsaritsyn.

1. Введение

Многочисленные определения патриотизма в словарях и хрестоматийных изданиях объединяет словосочетание «любовь к Родине, Отечеству». Именно в данном значении мы и будем использовать это понятие. Патриотизм как феномен имеет глубокие исторические корни: человеку всегда было свойственно теплое и душевное отношение к месту где он вырос, социальному окружению, родному языку, культуре. Долгое время патриотизм формировался стихийно, однако на определённом этапе развития общества, возникает возможность целенаправленного формирования патриотических чувств, а методы определяют уровень развития самого социума и то, что сегодня называют информационными технологиями.

Можно предположить, что в нашей стране в период Отечественной войны 1812 года осуществлялись первые попытки формирования патриотизма через манифесты. Однако большинство населения было неграмотным, поэтому сведения распространялись устно и патриотизм оставался стихийно возникающим чувством. Во второй половине XIX века активно начинают издаваться газеты, являясь еще прерогативой столичных городов. Период начала XX века и Первой мировой войны характеризуется развитием местной и провинциальной прессы, которая приобретала ведущую роль в информировании о происходящих событиях и могла выступать средством формирования патриотизма. На страницы газет попадала та информация, которая считалась важной и нужной, и подавалась в таком ключе, который был понятен и востребован простыми, но образованными жителями. Газеты того времени свидетельствуют о сознательной деятельности издателей по

* Corresponding author

E-mail addresses: prof.elena.leontyeva@gmail.com (E.Yu. Leontyeva), alexanderleontyev@gmail.com (A.N. Leontyev), irina-bogdanova64@mail.ru (I.N. Bogdanova)

повышению престижа страны в глазах граждан, широком информировании о событиях, подтверждающих подъем верноподданнических чувств, повторной реализации удачных приемов по стимулированию и развитию патриотических настроений, будь то пожертвования, организация лазаретов для раненных, размещение легкораненных по домам или призывы к материальной помощи. Это был период, когда именно провинциальная пресса становится важнейшим средством формирования столь значимых в военное время патриотических настроений. Кинематограф, уже имевший место быть, еще не мог использоваться в полной мере: это еще было немое кино и фильмы были очень немногочисленны. Кинематограф, наряду с радио, как важнейшие средства формирования патриотических чувств, заявят о себе в период Второй мировой войны. Однако уже более ста лет назад закладывались общие механизмы формирования и поддержания патриотизма, их сущностные, духовные основания, впервые использовавшиеся в российской, в том числе и провинциальной, прессе.

2. Материалы и методы

Осмысление событий начала XX века в контексте формирования и поддержания патриотических чувств в начале Первой мировой войны предлагается через анализ публикаций в периодических изданиях города Царицына, который пережив Сталинградскую битву, утратил большинство печатных свидетельств той эпохи. Основными источниками и базой исследования выступают подборки отдельных номеров газеты «Царицынский вестник» с июля 1914 по февраль 1915 гг., газеты «Волго-Донской край» с сентября 1911 по февраль 1915 гг., а также календарь-справочник «Весь Царицын» за 1911 год.

Основными методологическими подходами и принципами настоящего исследования являются идеи новой локальной истории, принцип конкретности, идиографический метод. «В рамках локальной общности проявляет себя «таинство» исторического процесса, когда совокупность объективных факторов и закономерностей реализуются, как субъективные желания... конкретных людей и малых групп» (Леонтьева, 2015: 721). Использование идиографического метода позволяет описывать уникальные исключительные черты исторических фактов, а анализ конкретных единичных событий и сообщений о них, направленных на поддержание патриотического настроения его жителей дает возможность составить исторический портрет провинции эпохи начала Первой мировой войны. За газетными репортажами и объявлениями часто можно увидеть проблемы и процессы ненаблюдаемые извне, в контексте глобальных исторических событий, однако, влияющие на них и формирующие их.

3. Обсуждения

Теоретические и исторические аспекты патриотизма освещены рядом авторов в фундаментальных современных исследованиях (Лысак, Наливайченко, 2013, Найда, 2012, Царев, 2012). Активно обсуждается данная тема на научных форумах (Патриотизм, 2013). Формирование патриотических настроений в России в период Первой мировой войны, в том числе в различных регионах России также находит отражение в научных публикациях (Булдаков, 2014; Cherkasov et al., 2016, Чешенова, 2016; Гавриков, 2015; Двухжилова, 2015; Казакова-Апкаримова, 2014). Для нашего исследования особое значение имеют работы региональных ученых, изучающих процессы формирования патриотизма в Царицыне в период Первой мировой войны (Воробьев, 2013; Фетисова, 2015; Леонтьева, Леонтьев, 2016). Интерес также представляет и анализ Царицынской прессы указанного периода начала 20 века (Ситникова, 2015; Тушканов, 2016).

4. Результаты

Вся пресса уездного города Царицына периода начала Первой мировой войны насыщена информацией с фронта, сообщениями о боевых операциях. Чаще всего это разрозненная информация, полученная из самых различных городов мира. Но эти сведения формировали у обывателя представления о происходящих событиях на военной арене. В большинстве своем сообщения первых месяцев войны создают весьма благоприятное впечатление об успешности военных действий и скорой победе, что не позволяло рождаться упадническим настроениям, напротив, формировало чувство гордости за свою страну и армию. «Наши войска продолжают преследовать неприятеля», «наша кавалерия успешно атаковала одну австрийскую колонну», «австрийцы вновь отбиты на сербском фронте» «в бою под Эйдкуненом русские захватили немецкий пулемет», «русская конница преследует немецкую», «У немцев нет съестных припасов» «Разгром немецких армий под Варшавой», «ожесточенные атаки германцев отражены», «Австрийцы просят помощи у германцев» и т.д. и т.п. (ЦВ, 1914: 4651; ЦВ, 1914: 4663, ЦВ, 1914: 4711). А в одном из октябрьских номеров (ЦВ, 1914: 4711) перепечатан из «Биржевых ведомостей» материал под названием «В Берлине больше не верят в победу», представляющий мнение профессора Петроградской консерватории Н.М. Бариновой, которая после 2 месяцев пленения в Берлине вернулась, наконец, в Россию.

Все без исключения жители были вовлечены в религиозные службы и церемонии, которые являлись пространством формирования не только религиозных идей, но и патриотических чувств,

связанных для русского человека с идеей бога, высшей власти, справедливости, любви, в том числе и к своей родине. Прекрасно понимая это, представители прессы не упускали возможности, как анонсировать проведение религиозных мероприятий, так и публиковать репортажи после их проведения. В процессе религиозных церемоний священнослужители обращались к пастве, излагая основные новости и события, как местного, так и мирового масштаба, часто давая им оценку. Немаловажно и то, что это были те минуты, когда все взрослое население имело возможность не просто выслушать сообщения, но и закрепить полученные сведения как в беседах с самими священнослужителями, так и в обсуждениях друг с другом. Особое значение имели воскресные и праздничные службы, когда собиралось максимальное количество народа.

Так, сообщение о начале войны значительная часть населения получила от священнослужителей. Причем это были не только христиане, но и представители других религий и конфессий, которыми всегда был богат юг России. В воскресном выпуске газеты «Волго-Донской край» был опубликован анонс объявления о начале войны: «На имя местного благочинного получено телеграфное распоряжение, чтобы сегодня во всех церквях, по окончании литургии, ознакомить население с Высочайшим Манифестом о войне, отслужить молебен, предварительно сказав приличествующее таким событиям слово» (Царицын, 2016: 10). Церковные структуры, вписанные в систему государственного управления, и возглавляемые Священным Синодом, выполняли одновременно и информационную, и пропагандистскую, и идеологическую функции, что в целом было характерным для той эпохи.

Как это происходило видно из публикации другой царицынской газеты: «В воскресенье на Успенской площади после ранней литургии был отслужен торжественный молебен о даровании побед русскому воинству. К началу молебна на площадь пришли крестным ходом молящиеся из всех церквей. В 10 часов утра начался молебен. Пели два хора: соборный и Свято-Духовского монастыря, составленный преимущественно из взрослых. Перед молебном одним из священнослужителей был прочитан Высочайший Манифест, а по окончании молебна протоиерей Пашин произнес слово, посвященное событиям последних дней. Во время молебна было провозглашено многолетие Царствующему Дому» (ЦВ, 1914: 4651). На основании этого репортажа можно провести много параллелей с приемами партийно-комсомольской деятельности в последующую эпоху строительства социализма: шествие, митинг, воззвание, резолюция, одобрение, выражение готовности и преданности. Традиции демонстраций имеют более глубокие исторические корни, а формы поведения более устойчивы к историческим переменам, поскольку соблюдать ритуал проще, чем разбираться в содержании. В тот же день это повторилось в других церквях и приходах, в том числе и других конфессий, о чем писала та же газета: «26 июля в 6 ч. вечера на вокзале Влад. ж. д. [Владикавказской железной дороги] священниками Вознесенской и Крестовоздвиженской церквей отслужен молебен о даровании победы русскому воинству. Пел хор певчих. Молящихся было очень много... слышались рыдания» (ЦВ, 1914: 4651).

Торжественные богослужения действительно вызвали патриотический подъем. Как писала газета «Царицынский вестник»: «В саду Общественного собрания в воскресенье вечером была устроена манифестация. Оркестром, по требованию публики, несколько раз был исполнен народный гимн, покрытый дружным, долго не смолкавшим «Ура!»» (ЦВ, 1914: 4651). В газеты попало сообщение о похожих мероприятиях в еврейской общине: «27 июля было совершено в еврейской синагоге торжественное молебствие о ниспослании побед русскому оружию. Присутствовали также и солдаты, призванные на военную службу. Всеми ими было принято от раввина благословение и напутственное слово. Во время молебна провозглашено многолетие Царствующему Дому и всей России» (ЦВ, 1914: 4651). Аналогичные службы в мусульманской конфессии в печать попали позже, по причине того, что у мусульман в этот период проходил пост. «10 августа, по случаю большого праздника «Байрам-Рамазан», во второй мечети муллой Муртазиным было совершено торжественное моление, по окончании моления был отслужен молебен о даровании победы русскому оружию и произнесена муллой речь на тему текущих событий. Праздник окончился вчера» (Царицын, 2016: 18). Мусульман и других иноверцев было не очень много в численном значении (10,5 % населения), но и немало в экономическом плане (ЦВ, 1911: 36).

Немаловажное значение имеет упоминание в печати имени Илиодора – харизматичного иеромонаха, неоднозначная деятельность которого во многом связана с Царицыным, и который входил в окружение Григория Распутина. Он является основателем Свято-Духова монастыря в г. Царицыне и имел множество последователей. Упоминание имени Илиодора способствовало патриотическому настрою среди тех, кто находился в оппозиции к официальной власти в религиозном плане. В газете «Царицынский вестник» размещена небольшая заметка «Илиодор на войне воодушевляет сражающихся», в которой писалось: «Среди илиодоровцев распространились слухи, что Илиодор, после долгих странствований по окраинам России, по открытии войны при первой возможности устремился на театр военных действий и в настоящее время находится уже в стане сербов. И там на поле брани, в прежнем своем иеромонашеском одеянии, с крестом в руках, Илиодор воодушевляет православных воинов в сражениях, раненым подает первую помощь, а умирающих напутствует молитвами. Илиодоровцы вполне уверены в правдивости этого сообщения, которое восстанавливает все их прежние симпатии к батюшке Илиодору. Даже больше того, такая его

деятельность возбуждает в них гордость, что их кумир в конце концов оправдал их надежды» (ЦВ, 1914: 4661). Публикация заметки была очень кстати, так как буквально через два дня заканчивался срок тюремного заключения сподвижников Илиодора, которые перед выходом на свободу нуждались в идейной реабилитации и поддержке.

Религиозная компонента еще не раз будет повторяться на страницах печати по самым разным поводам, как, например, в заметке от 15 октября 1914 года: «12 октября на Французском заводе местным духовенством при громадном стечении народа на базарной площади отслужен благодарственный молебен в честь славной победы наших доблестных войск под Варшавой. После молебна была отслужена панихида по павшим в боях нашим храбрым воинам, при пении «Вечная память» молящиеся опустили на колени, многие плакали» (ЦВ, 1914: 4714).

Деятельность религиозных учреждений вносила значимый вклад в формирование патриотических чувств населения уездного города, что в подробностях освещали местные газеты. В качестве важнейших новостей они сообщали и о полученных от царской семьи благодарностях, выражаемым религиозным организациям. Следует отметить, что царская персона носила сакральный характер, поэтому все, что исходило от самого царя, или членов его семьи, ближайшего окружения воспринималось с благоговением, вызывало подъем патриотических чувств. Газета Волго-Донской край пишет: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил сердечно благодарить царицынское Евангелическо-лютеранское общество за верноподданнические чувства, выраженные по поводу открытия военных действий. О таком Высочайшем соизволении поставлен в известность пастор Шмидт» (Царицын, 2016: 35). Если принять во внимание, что лютеранами в основном являлись этнические немцы, как проживавшие в окрестностях Царицына в Сарепте, со времен Екатерины II, так и предприниматели, владельцы мукомольных и других предприятий, специалисты на заводах, то даже будучи российскими подданными, они оказались в двойственном положении, поэтому нуждались в определении собственной позиции и поддержке. Так, войну называли «русско-германской» или «русско-австрийской», подчеркивалось, что она была объявлена в защиту сербов от австрийской экспансии, поэтому в сводках старательно обходили использование этнического обозначения «немцы».

Кружком ревнителей православия и прихожанами Скорбященской церкви г. Царицына была послана телеграмма Государю Императору с выражением верноподданнических чувств. Примерно через три недели получен ответ от министра двора: «На всеподданнейшей телеграмме, представленной кружком ревнителей православия и священника о. Льва Благовидова от 2 ноября, с выражением верноподданнических чувств, Государь Император собственноручно начертать соизволил «Сердечно благодарю» (ВДК, 1914: 279).

Политическая верхушка царицынского общества 3 сентября отправила в адрес Николая II телеграмму следующего содержания: «Царицынская Городская Дума, в заседании своем 2 сентября с восторгом осведомившись о подвигах и победах доблестного русского оружия, вознес горячие молитвы перед престолом Всевышнего о драгоценном здравии Вашего Императорского Величества, всего Царствующего Дома и христолюбивого воинства с благодарением за дарование побед и о вечном упокоении на брани живот свой положивших чудо-богатырей, доблестных русских воинов, повергает к стопам Вашего Императорского Величества, Державного Вождя, чувства беспредельной преданности и верноподданнической любви и готовности беззаветно служить Вам, Великий Государь и дорогому отечеству, не щадя ни сил, ни средств на жертву чести и славы родины. С нами Бог!» (ВДК, 1914: 10.07). Ответ пришел примерно через месяц, через аппарат саратовского губернатора. В газетном сообщении говорилось: «Губернское присутствие по приказанию г. губернатора, уведомило Городскую Управу, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил сердечно благодарить Царицынскую Городскую Думу за верноподданнические чувства, выраженные по поводу военных действий в телеграмме от 3 сентября» (ВДК, 1914: 240).

Оглашение полученной весты вызвало восторг на заседании Городской Думы: «После панихиды Городской Голова, стоя, докладывает о получении Высочайшей благодарности за выраженные Думой верноподданнические чувства в телеграмме от 3 сентября. Сообщение это встречено криками «Ура!» (ВДК, 1914: 242). Благодарности появлялись периодически, но с задержками, что позволяет предполагать, что Император лично знакомился содержанием телеграфных сообщений или делал это на основании докладов.

Изъявление верноподданнических чувств выражали и многие профессиональные объединения. Так, поддержку открытия военных действий выразили предприниматели, что также находило ответ в высочайших благодарностях и отмечалось на страницах газет. Бывшему председателю союза торгово-промышленных служащих А.С. Шевыреву и его товарищу Г.А. Яковлеву через саратовского губернатора было объявлено, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил сердечно благодарить общее собрание торгово-промышленных служащих г. Царицына за выраженные чувства по поводу открытия военных действий» (ВДК, 1914: 233). А в ноябре объявлялась Высочайшая благодарность служащим царицынской тюрьмы: «Государю Императору благоугодно объявить чинам администрации царицынской тюрьмы, надзору и духовенству Высочайшую благодарность за вознесенные молитвы о даровании победы русскому оружию и выражение верноподданнических чувств (ВДК, 1914: 275).

Император не только лично просматривал депеши, но накладывал резолюции, о чем незамедлительно сообщалось на места. Это вызывало прилив патриотизма, и понимание такой зависимости делало знакомство с сообщениями о подданных чувствах важной частью работы по поддержанию патриотических настроений.

Участвовали в этой работе и выражали благодарности не только сам Император, но и члены царской фамилии. Наследник престола оставался в стороне по малолетству, но супруга и дочери Николая II активно в этом участвовали, от их имени выражались благодарности тем, кто был наиболее близок к народным низам: «Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Федоровна Всемилостивейше повелеть соизволила благодарить жителей села Ельшанки, Царицынского уезда, за сделанное пожертвование в стоящий под председательством Ее Величества Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (Царицын, 2016: 144). «Городской Управой получен рескрипт Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны, адресованный на имя Городской Думы, следующего содержания: «Осведомившись из доклада председателя Моего комитета о сделанном Царицынской Городской Думой пожертвовании 500 р. в пользу пострадавших от военных бедствий, выражаю названной Думе Мою искреннюю признательность. Татьяна» (ВДК, 1914: 306). Главнокомандующий русской армией в начале войны великий князь Николай Николаевич приходился двоюродным дядей Николаю II. Благодарственные телеграммы от его имени адресовались органам власти и управления. «По открытии заседания Думы Городской Голова доводит до сведения гласных о последовавшей, в ответ на телеграмму городского управления, благодарности Верховного Главнокомандующего Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича и провозглашает Верховному Главнокомандующему «Ура!» По залу раздаются троекратно крики «Ура!» (ЦВ, 1914: 4702).

Особый отклик у подданных вызывало участие императрицы в благотворительных мероприятиях. Она присылала вещи, которые в глазах жителей обладали особым ореолом величия, почти святости. Заслуживает изложения история с царской вазой. Императрица Александра Федоровна пожертвовала в местный комитет Красного Креста для лотереи-аллегири вазу изделия Императорского фарфорового завода (ВДК, 1914: 281). Полученные от организации лотереи средства должны были пойти на деятельность Красного Креста. Столь ценный подарок, вызвал ажиотаж. Саратовский член архивной комиссии Зайковский предложил Царицынской Городской Думе изыскать средства для приобретения полученной вазы в собственность города, выкупив ее у лица, которому она достанется (ВДК, 1914: 289). Устроенная 6 декабря 1914 года лотерея-аллегири в пользу Красного Креста прошла успешно. Сбор от продажи билетов выразился в сумме 6 067 р. 67 к. Царский подарок выиграл некто Попов, по профессии портной (ВДК, 1914: 291). На ближайшем после лотереи заседании Городской Думы Городской Голова доложил, что «согласно пожеланию члена архивной комиссии о выкупе в собственность города вазы - подарка Государыни, доставшейся портному Попову, последний был запрошен Управой, за какую цену он согласился бы уступить городу вазу. Попов запросил на нее 5 тысяч рублей. Дума приняла это сообщение к сведению» (ВДК, 1914: 296). История закончилась ничем... найти какую-либо еще информацию про вазу так и не удалось.

Благотворительность и благотворительные мероприятия и акции составляли важную часть проявления не только гуманного отношения к раненым, семьям запасных, а, в последствии, и пленным, но являли собой значимый элемент формирования патриотических чувств и желания помочь со стороны тех жителей Царицына, которые не могли принять непосредственное участие в боевых действиях. Благотворительность носила массовый характер, практически в каждом номере газеты сообщалось о той или иной благотворительной акции. И можно только догадываться, сколько добрых дел осталось за пределами газетных полос.

В благотворительности участвовали самые различные слои населения: от зажиточных предпринимателей до подростков, гимназистов и учащихся. Наиболее действенным способом сбора средств и пополнение фондов благотворительных организаций было проведение лотерей-аллегири, в которых результаты становятся известным практически мгновенно, в тот же день. Первая подобная акция состоялась уже 10 августа 1914 года, которая была организована полицией, а собранные средства предназначались в пользу Красного Креста. Газетная публикация об этом событии снабжена драматической историей, будто бы главные выигрыши (изба и лошадь) достались малолетним брату с сестрой, отца которых призвали на войну. Но главным в репортаже было описание ажиотажа среди желающих купить билеты и участвовать в розыгрыше призов лотереи (ЦВ, 1914: 4662).

Царицынский комитет Российского общества Красного Креста выступил с предложением создавать «именные койки при лазарете». Стоимость ежемесячного содержания койки определялась в размере 30 рублей в месяц. (Царицын, 2016: 24) Это вызвало отклик, значительная часть коек были именными, и лазарет был открыт и готов к приему больных 8 сентября 1914 г. (Царицын, 2016: 35) Также проводились благотворительные концерты со сбором средств (ВДК, 1914: 227), кружечные сборы, которые приносили серьезные суммы (ВДК, 1914: 228).

Местные благотворительные организации проявляли собственные инициативы. Одна из них – Человеколюбивое общество – приняло решение открыть детский дневной приют для детей мобилизованных. О готовности выделить помещение для приюта заявил мулла соборной мечети Муртазин (ЦВ, 1914: 4666). Царицынская армянская колония единогласно постановила экстренно

отделать здание школы и предложить его под лазарет для раненых воинов. По подписке собрало около 1500 рублей (ВДК, 1914: 4666).

Сбор средств был организован и по местам службы. Отчисления из жалования делали пожарные (Царицын, 2016: 35). Вещи собирали служащие отделения Государственного банка (ВДК, 1914: 226), а «служащими Товарищества паровой мельницы собрано 321 р. 34 к. на нужды воздушного флота» (ВДК, 1914: 233). Видимо, технически грамотная часть общества, стремилась, чтобы их средства пошли на развитие наиболее перспективного рода войск.

Богатые люди жертвовали деньги, вещи и выражали готовность участвовать в помощи раненым. Купец А.М. Грязев подал заявление о желании предоставить «помещение на пять раненых с обстановкой и продовольствием» (ЦВ, 1914: 4662). Жертвовали и небогатые: «неизвестная бедно одетая женщина пожертвовала в Дамский комитет помощи раненым две иконы. Иконы оценены в 34 рубля» (Царицын, 2016: 19).

Предприниматели жертвовали продукцией. Инженер Я.А. Фалькович пожертвовал первую выпечку хлеба из вновь открытой им хлебопекарни лазарету (ВДК, 1914: 230). Один пенсионер, подполковник, который «вследствие болезней, увечий и старости» не может принять участие в войне, выступил с призывом отчислять часть пенсии «на нужды войны» (ВДК, 1914: 230). Но особенно проявляли себя учителя, которые были основной силой по формированию патриотических чувств. Именно они подавали пример жертвенности и ответственности. В тех населенных пунктах, где не было отделений Красного Креста, организацией благотворительной помощи занимались учительские комитеты (ВДК, 1914: 299). Учителя и учащиеся уездного города также жертвовали деньги и вещи, участвовали в кружечных сборах (ВДК, 1914: 241).

Особое умиление вызывало поведение маленьких жителей Царицына, которые стали отказываться от празднования своих именин и от праздничных подарков, гостинцев, предпочитая деньги жертвовать в пользу раненых. Как правило, это были незначительные суммы: 75 копеек (ЦВ, 1914: 226), 76 копеек (ВДК, 1914: 282), 1 рубль (ЦВ, 1914: 4771), но резонанс подобные случаи вызывали значительный. Таким образом, проявлялось влияние общественных настроений и взрослых, которые таким образом воспитывали патриотизм, путем отказа отличных удовольствий в пользу Отечества.

Помощь была по достоинству оценена солдатами и офицерами, находящимися на фронте. В первых благодарственных письмах о полученных посылках просьба передать: «от нас наш низкий поклон всему Дамскому комитету за их заботливость, внимание о нас». И далее: «есть там на родине люди, кому дорога наша жизнь, они стараются помочь нам, труженикам, и заставляют молить Бога, а мы, в свою очередь, поддержим честь и славу России» (ЦВ, 1914: 4713).

Действенность пропаганды и растущие патриотические настроения отражает поведение молодых людей, все более стремящихся оказать помощь Отечеству, что выражалось в добровольческом движении, стремлении записаться добровольцами на фронт, а иногда проявлялось и в бессмысленных попытках «побега на войну».

Как только было получено сообщение об объявлении войны и мобилизации, молодежь воспылала энтузиазмом. Уже 23 июля 1914 года (5 августа по новому стилю) пять молодых конторщиков местного агентства пароходного общества «Кавказ и Меркурий» обратились к царицынскому воинскому начальнику со следующим заявлением: «Сейчас, в данную минуту, в России идет всеобщая мобилизация армии и флота. Несколько дней назад Германия объявила России войну. С этого момента оборвалась последняя надежда на мир, и миллионы сынов России призваны под знамена на поле битвы. Мы, нижеподписавшиеся, не можем спокойно относиться к судьбам своей страны и братьям. Скоро польется кровь, и мы считаем своим священным долгом совести быть там, где она льется... Мы обращаемся к Вам с просьбой о направлении нашего заявления в надлежащие места о зачислении нас всех санитарями в русскую действующую армию. Покорнейше просим вас не задержать его и принять все зависящие от вас меры к скорейшему его исполнению. К сведению вашему сообщаем необходимые сведения о себе. Мы все имеем от роду по 19 лет. Призываемся в 1915 году» (Царицын, 2016: 9). Воинский начальник посоветовал добровольцам обратиться непосредственно в Москву, в Красный Крест, что они и сделали. Но ответ получился неутешительный: «Принять не можем, Крест».

Это был пример легально попасть на войну. Были, однако, случаи и самостийной активности: «Война со своей исключительной обстановкой все еще привлекает к себе юные сердца. Ежедневно печатаемые в газетах известия о подвигах юных добровольцев заставляют горячие головы стремиться на поле битвы. 9 декабря из родительского дома бежал на войну сын раздатчика Юго-Восточной ж. д. ученик 3 класса 2-го высшего начального училища Михаил Иванов, 16 лет... по словам его убитой горем матери... я увидела его записку, которая мне все объяснила: «Не ищите меня, это будет бесполезно. Года через 2 ожидайте. Если будете искать через полицию, то я застрелюсь. До свиданья! Михаил!». (Царицын, 2016: 102). В номере через два дня мы читаем продолжение истории. «Мать бежавшего на войну ученика 2-го высшего начального училища Михаила Иванова... ежедневно посылала мужа к отходящим поездам. 12 декабря отец, придя на вокзал, осмотрел пассажиров и, не найдя между ними сына, направился было домой, но с дороги вернулся и осмотрел вагоны... в углу одного из них, к своему изумлению, увидел сына. Услышав, что мать заболела... сын взял свой узелок и

последовал за отцом. В настоящее время сын не отходит от матери, стараясь заглазить свой поступок» (Царицын, 2016: 106).

Некоторым удавалось убежать: «Из Царицына бежал на войну ученик старшего класса городского училища, сын торгующего рыбой на базаре 2 ч. Дмитрий Верхолетов, 12 лет. Утром 20 января мальчик, позавтракав, собрал свои книги и ушел в училище, но учиться не стал, а лишь распрощался с товарищами, сказав им, что уезжает на войну. По словам матери, у Дмитрия не было ни копейки денег. Дмитрий самый старший из 3-х детей Верхолетовых» (ЦВ. 1915: 4792).

Подобное явление имело массовый характер. Железнодорожная станция Царицын оставалась местом, где осуществлялся перехват подобных беглецов. «21 января в поезде Ю.-В. ж. д. задержаны пять мальчиков от 13 до 15 лет, уехавших из Омска на войну. Дети эти 19 дней ехали до Царицына, не имея ни копейки денег. На вопрос, как они пробирались и чем питались, юные добровольцы отвечали, что ехали они с эшелоном солдат, которые их кормили. По телеграмме с места их выезда в Царицыне их задержали, но двое из них ухитрились бежать. Однако полиция разыскала и арестовала беглецов. Теперь им предстоит обратный путь до Омска по этапу» (ЦВ. 1915: 4792).

Некоторым удавалось добраться до действующей армии. О них писали как о героях: «В Царицын прибыл с Кавказского театра военных действий 17-летний Василий Мочурин, служивший ранее при газетном киоске на ст. Царицын. Как только открылись военные действия на Кавказе, Мочурин, с разрешения военного начальства, был зачислен добровольцем. По прибытии в армию его зачислили в полк. Во время одной ночной разведки он с двумя товарищами незаметно проник в неприятельский лагерь и, выполнив с успехом возложенное на него поручение, получил чин ефрейтора. Вследствие наступивших холодов Мочурин из разведчиков был переведен в санитары. В скором времени он возвращается к части своих войск (ВДК, 1914: 297).

5. Заключение

Подводя итог всему сказанному, можно сделать следующие основные выводы. Местная пресса периода начала Первой мировой войны действительно выступала важным и основным средством формирования патриотических настроений и верноподданнических чувств. В первые месяцы войны на страницах газет не допускались упаднические настроения: даже вести «с полей боев» носили оптимистичный характер и выражали уверенность в скором разгроме врага. В печати активно освещались деятельность религиозных организаций всех конфессий, публиковалась информация о богослужениях, шествиях, молитвах во славу русского оружия и победы. Газеты подробно описывали информацию о проявлении верноподданнических настроений и полной поддержки действий Государя. Ответная благодарность со стороны власти вызывала массовый энтузиазм, о чем всегда сообщалось в газетах. Широкое освещение в прессе имели все виды благотворительной деятельности, в которую были вовлечены все слои населения от преуспевающих промышленников, до маленьких детей. Особо освещалась мобилизационная готовность общества и патриотические рвения молодого поколения в его стремлении попасть на фронт и защищать Родину.

Газеты уездного города Царицына, периода начала Великой войны, действительно и результативно реализовывали функцию пропаганды и формирования соответствующих патриотических настроений. При этом газеты, как сообщали жителям об ожидаемых и происходящих событиях, так и устанавливали «обратную связь» - информируя о результатах и реакции населения города, что делает их ценным историческим источником

Литература

Булдаков, 2014 – Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История.* 2014. № 4. С. 4-22.

Весь Царицын, 1911 – Весь Царицын: Справочник по г. Царицыну и Царицынскому уезду. 1911. Царицын: т-во «Царицын. Мысль», 1911. 113 с.

ВДК, 1914 – Волго-Донской край. Газета политическая, общественная и литературная / издатель В.П. Баланин. Царицын (Саратовск. губ.). Ежедневн. 1914, № 22 (1-1). № 306 (31-ХII).

ВДК, 1915 – Волго-Донской край. Газета политическая, общественная и литературная / издатель В.П. Баланин. Царицын (Саратовск. губ.). Ежедневн. 1915, № 1 (1-1). № 290 (31-ХII).

Воробьев, 2013 – Воробьев Е.П. «Победа будет на нашей стороне, ибо армия опирается на тыл...». Царицын в годы испытаний Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Военно-исторический журнал.* 2013. № 4. С. 50-53.

Гавриков, 2015 – Гавриков Ф.А. Попытки правительства поддержать патриотизм населения городов Курской губернии во время Первой мировой войны // В сборнике: Патриотизм: история, современность, образ будущего. Под редакцией Т.В. Петуховой. 2015. С. 163-167.

Двухжилова, 2015 – Двухжилова И.В. Патриотические настроения в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 1-2 (51). С. 57-60.

Казакова-Апкаримова, 2014 – Казакова-Апкаримова Е.Ю. Гражданские инициативы городского населения Урала в начальный период Первой мировой войны // *Известия Уральского государственного экономического университета.* 2014. № 1 (51). С. 92-98.

- Лысак, 2013** – Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд? Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2013. 120 с.
- Найда, 2012** – Найда О.А. Российский патриотизм: прошлое и настоящее. Волгоград: Изд-во «ВГАФК», 2012. 238 с.
- Патриотизм, 2013** – Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.) // Материалы международной научной конференции 14–16 марта 2013 г. / Под общей редакцией В. Н. Скворцова. 2013.
- Ситникова, 2015** – Ситникова Т.В. Цензурой запрещено: к вопросу взаимоотношений Царицынских периодических изданий рубежа XIX–XX веков с властью // В сборнике: Жизнь провинции: история и современность Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2015. С. 190-195.
- Тушканов, 2016** – Тушканов Д.И. Газета «Царицынское слово» и отражение в ней социокультурного облика города Царицын в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 192-199.
- Фетисова, 2015** – Фетисова А.В. Деятельность волонтеров как проявление патриотизма в годы Первой мировой войны (на примере г. Царицына) // В сборнике: Научные преобразования в эпоху глобализации. 2015. С. 23-28.
- Царев, 2012** – Царев А.И. Государственный патриотизм: прошлое и настоящее. Монография. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС. 2012. 136 с.
- Царицын, 2016** – Царицын в мировую войну 1914-1917. Волгоград, 2016. 360 с.
- ЦВ, 1914** – Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная / издатель Е.Д. Жигмаловский. Царицын. Ежедневн. 1914, № 4484 (1-1). № 4773 (31-XII)
- ЦВ, 1915** – Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная / издатель Е.Д. Жигмаловский. Царицын. Ежедневн. 1915, № 4774 (1-1). № 5063 (31-XII)
- Чешенова, 2016** – Чешенова Т.В. Трансформация патриотических настроений в российской империи в условиях Первой мировой войны // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. 2016. № 4. С. 76-79.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A, Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5 (1). pp. 4-11.
- Leont'eva, Leont'ev, 2016** – Leont'eva E.Yu., Leont'ev A.N. Activities of the local self-government Tsaritsyn County in the first months of the Great War // *Bylye Gody*. 2016. 40(2). pp. 525-531.

References

- Buldakov, 2014** – Buldakov V.P. (2014). Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroeniy [August 1914: the origin of "patriotic" sentiment]. *Bulletin of Tver State University. Series: History*. № 4. pp. 4-22 [in Russian].
- Ves' Tsaritsyn, 1911** – Ves' Tsaritsyn: Spravochnik po g. Tsaritsynu i Tsaritsynskomu uезdu. [Entire Tsaritsyn: A guide to the city of Tsaritsyn and Tsaritsyno county. 1911.]. Tsaritsyn: "Tsaritsin's thought", 1911. 113 p. [in Russian].
- VDK, 1914** – Volgo-Donskoy kray. Gazeta politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya [The Volga-Don region. Political, social and literary newspaper / publisher V.P. Balanin]. Tsaritsyn (Saratov Province). Daily. 1914, No. 22 (1-1). No. 306 (31-XII) [in Russian].
- VDK, 1915** – Volgo-Donskoy kray. Gazeta politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya [The Volga-Don region. Political, social and literary newspaper / publisher / publisher V.P. Balanin.] Tsaritsyn (Saratov Province). Daily. 1915, No. 1 (1-1). No. 290 (31-XII) [in Russian].
- Vorobyev, 2013** – Vorobyev E.P. (2013). «Pobeda budet na nashey storone, ibo armiya opiraetsya na tyl...». Tsaritsyn v gody ispytaniy Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) ["Victory will be on our side, because the army relies on the rear ...". Tsaritsyn during the tests of the First World War (1914-1918)] *Military-Historical Journal*. № 4. pp. 50-53 [in Russian].
- Gavrikov, 2015** – Gavrikov F.A. (2015). Popytki pravitel'stva podderzhat' patriotizm naseleniya gorodov Kurskoy gubernii vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Attempts by the government to support the patriotism of the population of Kursk's province cities of the during the First World War]. In the collection: Patriotism: history, modernity, the image of the future. Edited by T.B. Petukhova. pp. 163-167.
- Dvukhzhilova, 2015** – Dvukhzhilova I.V. (2015). Patrioticheskie nastroeniya v Tambovskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Patriotic sentiments in Tambov province during the First World War]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. No. 1-2 (51). pp. 57-60 [in Russian].
- Kazakova-Apkarimova, 2014** – Kazakova-Apkarimova E.Yu. (2014). Grazhdanskie initsiativy gorodskogo naseleniya Urala v nachal'nyy period Pervoy mirovoy voyny [Civil Initiatives of the Urals Urban population in the beginning Period of the First World War]. *News of the Ural State Economic University*. No. 1 (51). pp. 92-98 [in Russian].

Leont'eva, Leont'ev, 2016 – *Leontyeva E.Yu., Leontyev A.N.* (2016). Activities of the local self-government Tsaritsyn County in the first months of the Great War. *Bylye Gody*. T. 40, No. 2. pp. 525-531 [in Russian].

Lysak, 2013 – *Lysak I.V., Nalivaychenko I.V.* (2013). Patriotizm: otzhivshaya tsennost' ili aktual'nyy trend? [Patriotism: an obsolete value or an up-to-date trend?]. Taganrog: Publishing house of SFedU. 120 p. [in Russian].

Nayda, 2012 – *Nayda O.A.* (2012). Rossiyskiy patriotizm: proshloe i nastoyashchee [Russian patriotism: past and present]. Volgograd: Publishing house "VGAFK". 238 p. [in Russian].

Patriotism, 2013 – Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoy zhizni rossiyskogo obshchestva (XVIII–XXI vv.) [Patriotism and Citizenship in the Everyday Life of Russian Society (XVIII–XXI centuries)] Proceedings of the International Scientific Conference / Under the general editorship of VN Skvortsov. 2013 [in Russian].

Sitnikova, 2015 – *Sitnikova T.V.* (2015). Tsenzuroy zapreshcheno: k voprosu vzaimootnosheniy Tsaritsynskikh periodicheskikh izdaniy rubezha XIX-XX vekov s vlast'yu [Censorship is forbidden: to the issue of the relationship between Tsaritsyn periodicals of the turn of the XIX–XX centuries with power]. In the collection: The life of the province: history and modernity Collected papers on the materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky. pp. 190-195 [in Russian].

Tushkanov, 2016 – *Tushkanov D.I.* (2016). Gazeta "Tsaritsynskoe slovo" i otrazhenie v ney sotsiokul'turnogo oblika goroda Tsaritsyn v nachale XX veka [Newspaper "Tsaritsyn word" and reflection of the sociocultural appearance of the city of Tsaritsyn in the beginning of the XX century]. *Historical journal: scientific research*. № 2. pp. 192-199 [in Russian].

Fetisova, 2015 – *Fetisova A.V.* (2015). Deyatel'nost' volonterov kak proyavlenie patriotizma v gody Pervoy mirovoy voyny (na primere g. Tsaritsyna) [The activity of volunteers as a manifestation of patriotism during the First World War (based on the example of Tsaritsyn)]. In the collection: Scientific transformations in the era of globalization. pp. 23-28. [in Russian].

Tsarev, 2012 – *Tsarev A.I.* (2012). Gosudarstvennyy patriotizm: proshloe i nastoyashchee. [State patriotism: past and present]. Rostov-on-Don. 136 p. [in Russian].

Tsaritsyn, 2016 – Tsaritsyn v mirovuyu voynu 1914-1917 [Tsaritsyn in the World War of 1914-1917]. Volgograd, 2016. 360 p. [in Russian].

TsV, 1914 – Tsaritsynskiy vestnik. Gazeta politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya [Tsaritsynsky Bulletin. Political, economic and literary newspaper] publisher E.D. Zhigmalovsky. Tsaritsyn. Daily. 1914, No. 4484 (1-I). No. 4773 (31-XII) [in Russian].

TsV, 1915 – Tsaritsynskiy vestnik. Gazeta politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya [The Tsaritsynsky Bulletin. Political, economic and literary newspaper] publisher E.D. Zhigmalovsky. Tsaritsyn. Daily. 1915, No. 4774 (1-I). No. 5063 (31-XII) [in Russian].

Cheshenova, 2016 – *Cheshenova T.V.* (2016). Transformatsiya patrioticheskikh nastroyeniy v rossiyskoy imperii v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny [Transformation of patriotic sentiments in the Russian Empire in the conditions of the First World War]. *Actual problems of science and practice of modern society*. № 4. pp. 76-79 [in Russian].

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4-11.

УДК 94(470.45)

Русская провинциальная пресса начала Первой мировой войны как важное средство формирования и поддержания патриотизма

Елена Юрьевна Леонтьева^{a, *}, Александр Николаевич Леонтьев^a, Ирина Николаевна Богданова^b

^a Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Патриотизм как любовь к своей родине, культуре, родному языку, присущ всем людям и чувство это обостряется в периоды войн, угрозы тому, что любимо и дорого сердцу. С развитием общества, формированием института государства, появлением первых средств массовой информации формирование и поддержание патриотических чувств стало осуществляется целенаправленно. Период первой мировой войны – время бурного развития периодической печати,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prof.elena.leontyeva@gmail.com (Е.Ю. Леонтьева), alexanderleontyev@gmail.com (А.Н. Леонтьев), irina-bogdanova64@mail.ru (И.Н. Богданова)

прежде всего газет, которые становятся важнейшим средством воспитания и развития патриотических настроений. В центре анализа статьи – печатные ежедневные издания уездного города Царицына выполнявшие эту функцию во всей полноте. Газеты освещали должным образом военные события, работу и церемонии религиозных организаций и конфессий, местную благотворительную деятельность, мобилизационные настроения, проявления верноподданических чувств.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические чувства, провинциальная газета, Первая мировая война, локальная история, Царицын.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 663-671, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.663
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).082

The Role of Communities in Solving Social and Economic Problems of Students in Siberia (on Materials of the Tomsk Student Press of the early twentieth century)

Vera N. Cherepanova ^{a, *}, Julia V. Putilina ^b, Irina V. Pivovarova ^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Tyumen regional Academy for professional development, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to analysis of official student media of Tomsk, and published in the pre-revolutionary period of the early twentieth century concerning issues related to the perception among students of Siberian communities, their role and place in solving social and economic problems of students of Tomsk universities. The realized study allowed to establish that in the publications of various authors regularly emphasized the narrowness of the goals of these organizations, the fact of losing them to the period of the publications of the former moral, ideological, and combining functions to students. In addition, almost all authors recognized that fraternities began to pursue only material gain and their members "turned" into a mere collectors and distributors of funds, and these funds are always not enough even for basic needs of students.

Also, it was determined that the student fraternities in the Siberian press of the early twentieth was mostly considered in a negative critical way. This was primarily due to the release of appropriate materials. It is established that the main source of publications of this kind was the periodical magazine "Siberian student", published from 1914 to 1916, that is, during the First world war. The instability of the economic and political situation, the distrust of the representatives of different political movements against each other, the hunger and poverty of a substantial part of the population of Russia, typical for this time, was not spared and students of Siberia, feel these problems are particularly acute. These circumstances, in turn, led to the failure of many student organizations, including fraternities and Siberian, not cope to that period of time with high mission (moral and material support of students of Siberian universities) assigned to them initially.

Keywords: Tomsk, Siberia, student press, Newspapers, magazines, fraternities, students, educational institutions, economic issues, student cooperatives.

1. Введение

Вопросы, касающиеся жизни, быта, а также наиболее насущных проблем, волнующих сибирских студентов, регулярно обсуждались на страницах сибирской дореволюционной прессы, что подтверждало особый общественный интерес к данной социальной прослойке. Однако, в качестве авторов публикуемых материалов чаще всего выступали известные общественные деятели, журналисты, исследователи и ученые. В ряде случаев к публикациям и соавторству допускалась и студенческая молодежь томских вузов. Вопросы о сибирских землячествах поднимались на страницах печатной прессы, однако делалось это, как правило, фрагментарно – среди множества иных аспектов, связанных с теми или иными насущными проблемами учащейся молодежи Сибири. Несмотря на некоторые попытки студенческой молодежи в издании собственных журналов и газет, лишь к

* Corresponding author

E-mail addresses: sema_79@bk.ru (V.N. Cherepanova), lider-1000@mail.ru (Ju.V. Putilina), pivovarova_irina@mail.ru (I.V. Pivovarova)

1914 году выходит официальный томский студенческий журнал «Сибирский студент», где проблемы сибирских землячеств рассматриваются подробно и регулярно.

Землячество (ист.) означало организацию, объединявшую студентов-земляков с целью материальной и культурной взаимопомощи (Ушаков, 1935-1940). В современном толковании «землячество» представляет собой объединение лиц, уроженцев одного города, уезда, губернии (Большой энциклопедический словарь, 2000); принадлежность по рождению, жительству к одной местности или страны, живущих за ее пределами, для взаимной помощи (Большой толковый словарь русского языка, 1998).

2. Материалы и методы

Исследование осуществлено посредством анализа публикаций в томской студенческой прессе начала XX века. Учитывая ограниченное количество изданий официальной студенческой прессы, выходявшей в исследуемой временной период, особенно подробно исследовались материалы томского студенческого журнала «Сибирский студент». Были проанализированы статьи, не относящейся к студенческим изданиям, тем не менее, повествующей о данных изданиях, либо о проблемах студенческих землячеств в соответствующий временной период. В частности, выборочно были исследованы заметки газеты «Сибирская жизнь». В статье также приводятся материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Томской области (ГАТомО).

Среди научных методов применены:

- историко-системный метод, с помощью которого нам удалось установить существующие взаимосвязи между разнообразными историческими событиями и фактами, объединить и структурировать элементы выявленной информации, сформулировать комплексное представление о том, как именно студенческая пресса начала XX века освещала проблемы, связанные с сибирскими землячествами, функционирующими в студенческой среде;

- метод контент-анализа, благодаря которому было произведено подробное исследование содержания и смыслового наполнения материалов томской студенческой прессы начала XX века, посвященных особенностям функционирования сибирских землячеств;

- нарративный подход, позволивший изложить в последовательном порядке выявленные исторические факты и ключевые тенденции в исследуемой сфере.

3. Обсуждение

Изучению вопросов, связанных с функционированием студенческих землячеств на территории Сибири, посвящено множество заметок и публикаций в дореволюционных периодических изданиях г. Томска. Например, данные аспекты нередко затрагивались в газете «Сибирская жизнь», журнале «Сибирские вопросы» и др. В изданиях нередко подчеркивалась позитивная, объединяющая роль землячеств для студенческой молодежи. Тем не менее, помимо положительных сторон, также затрагивались и насущные проблемы данных студенческих организаций.

Официальная студенческая пресса г. Томска, по данным историков, берет свое начало с выхода в 1912 году юмористической газеты «Синдетикон». До этого томскими вузами издавались частные, рукописные издания самих студентов, официально незарегистрированные, а потому не имеющие статуса студенческой печатной прессы.

Говоря о зарегистрированной томской студенческой прессе, следует заметить, что в вышедшем изначально «Синдетиконе» вопросы о землячествах, их роли и месте в студенческой жизни почти не затрагивались. Здесь лишь поднимались, и в остроумной форме рассматривались, общие проблемы бедности и быта учащихся томских вузов.

Наиболее полно вопросы о землячествах раскрывались в томском журнале «Сибирский студент». Именно в нем публикуются многочисленные статьи, посвященные вышеотмеченным аспектам. Однако время выхода журнала (1914–1916 годы) обусловило особый контекст рассмотрения вопросов о данных студенческих объединениях. В этот период, как правило, из-за многочисленных экономических и социальных проблем землячества уже не справлялись с той высокой миссией и целью, возложенной на них изначально. Это наложило отпечаток на характер публикаций в указанном издании: как правило, все статьи о землячествах, выходявшие в «Сибирском студенте», раскрывали соответствующие аспекты преимущественно в негативном ключе.

Помимо перечисленных изданий, выступивших в качестве первоисточников для анализа, нами были изучены работы историков, посвятивших свои труды исследованию образа жизни студенческой молодежи исследуемого периода (Vermeer, Van Der Ven, 2003: 51-71; Dudgeon, 1982) и анализировавшими особенности сибирской периодической печати начала XX века (Есин, 2007).

В ходе исследования было установлено, что вопросы о сибирской периодике начала XX века, как правило, рассматриваются историками в разрезе общих вопросов о становлении отечественной журналистики. Особенности журналистского дела именно в дореволюционный период начала XX века затрагивались в таких работах достаточно кратко – в числе иных исторических этапов (Периодическая ..., 1991; История ..., 2004; Есин, 2007). При этом аспекты, связанные с тем, как

именно освещались в студенческой печатной прессе проблемы сибирских землячеств, не рассматривались в таких работах.

В ряде трудов, посвященных анализу деятельности отдельных вузов в начале XX века, вопросы о землячествах как форме взаимопомощи учащейся молодежи затрагивались, однако делалось это чаще всего фрагментарно – среди других исследовательских аспектов (Зайченко, 1960; Кузьмина, 2005). Авторы таких трудов, как правило, не касались вопросов о том, в каких первоисточниках (в том числе – в каких дореволюционных периодических изданиях) публиковался материал об особенностях функционирования и проблемах данных студенческих организаций либо делали это очень кратко. Соответствующие источники чаще всего приводились в работах такого рода лишь в качестве ссылок – без подробного анализа жанра, стиля, характера тех или иных публикаций.

Следует признать, что на сегодняшний день имеются отдельные труды, посвященные вопросам студенческих землячеств конца XIX - начала XX вв. (Иванов, 2001), однако в них не делается особого исследовательского акцента на характере публикаций в периодических дореволюционных изданиях, публикующих информацию о данных студенческих объединениях.

4. Результаты

К началу XX века наблюдается повышенный интерес со стороны студенческой молодежи к социальной жизни страны, и, в частности, Сибири. Учащиеся томских вузов пытаются принять участие в деятельности уже существующих периодических изданий. Также студентами предпринимаются отдельные попытки по созданию собственного печатного органа. Например, в 1902 году студентом Томского технологического института Яблонским-Шавровским подается ходатайство о разрешении ему издать собственный журнал, под предлагаемым наименованием «Сибирское обозрение». Однако Главное управление по делам печати его ходатайство отклонило, мотивировав это тем, что предполагаемый издатель ранее принимал участие в студенческих движениях и беспорядках (РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 180).

Первым томским официальным студенческим изданием, нацеленным именно на студенческую аудиторию Сибири, явилась газета юмористического жанра, вышедшая всего один раз в 1912 году под оригинальным названием «Синдетикон» (Синдетикон, 1912).

Наиболее удачным и полным в сфере обозрения особенностей функционирования и основных проблем сибирских землячеств, можно признать студенческий журнал «Сибирский студент», которому, в отличие от «Синдетикона», удалось просуществовать около трех лет: с 1914 по 1916 годы.

Редактором данного издания явился известный в то время общественный и политический деятель, этнограф, эсер и публицист – М.Б. Шатилов. Еще с ранних лет он работал в «Ежемесячном журнале» В.С. Мироедова и популярной газете «Сибирская жизнь», на страницах которой, уже после выхода журнала «Сибирский студент», нередко делались ссылки и упоминания о данном студенческом издании (Сибирская ..., 1914: 3). Указанное обстоятельство во многом и позволило его популяризировать не только в студенческой, но и в широкой общественной среде (Есин, 2007: 138-145).

В отличие от «Синдетикона», вопросам о роли и месте сибирских землячеств в решении экономических и иных проблем студенческой молодежи в журнале «Сибирский студент» уделяется большое внимание.

Например, в 1914 году выходит статья, автор которой отмечает, что студенческие землячества за последние годы переживают сложные времена. Как подчеркивает В. Ленский, «Не так еще давно землячества служили центром для объединения разнообразных элементов студенчества, связанных лишь территориально. Ими ставились широкие цели, но постепенно поле их деятельности сузилось и в настоящее время оно ограничивается исключительно целями взаимопомощи ...» (Ленский, 1914: 81–82).

При этом В. Ленским делается попытка обозначить ключевые причины такого положения дел. Как отмечает автор, «Узость целей землячества и вызвала в некоторой части студенчества индифферентное отношение к этим организациям, и если такое настроение будет продолжаться, то в дальнейшем возможен кризис земляческих организаций» (Ленский, 1914: 82).

В этом же году и в этом же номере публикуется еще одна статья, где также акцентируется внимание на актуальных проблемах студенческих землячеств. Как отмечает В.Н. Чепалов, в начале каждого академического года студенческие землячества, как правило, переживают «острую нужду». Анализируя причины такого положения, он указывает на то, что в каждом землячестве состоит большое количество лиц, не имеющих возможности вносить плату за право слушания лекций. Как замечает автор, большинство должников представлено студентами, еще не окончившими вуз, удел которых заключается в том, чтобы с начала до конца пребывания в университете заниматься борьбой «с безысходной нуждой» (Чепалов, 1914: 88).

В рассматриваемой статье приводятся конкретные цифры и информация статистического характера, свидетельствующие о бедственном положении студенческих землячеств в Сибири. Например, указывается, что в 1914 году только за Якутским землячеством числился долг в 1 019 руб. 50 коп. (в том числе долг по краткосрочным ссудам в размере 315 руб. и по долгосрочным займам – 704 руб. 25 коп.) (Чепалов, 1914: 86–87).

Интересно отметить, что этот же автор, но уже в соавторстве со студентом Н.С. Амосовым, в 1915 году пишет еще одну статью, в заголовке которой также фигурирует тема сибирских землячеств

(«В якутском землячестве»). Однако в упомянутой статье вообще не говорится о данной студенческой организации, но повествуется о некоторых конкретных проблемах якутского региона.

Изначально студентом Н.С. Амосовым, предположительно являющимся членом Якутского землячества в г. Томске, приводится авторское видение злободневных проблем медицинского дела в якутском крае, при этом указывается на то, что в его родном регионе остро ощущается нехватка медикаментов, лекарств, медицинского оборудования, квалифицированных врачей, что в целом обусловлено тяжелым экономическим положением Якутской области, а также отдаленностью данного края от центральной части России (Амосов, 1915: 75–82).

При этом Н.С. Амосов предлагает один из путей решения проблемы, который видится ему в создании профильных учебных заведений, предоставляющих всем лицам, их закончившим, безоговорочное право на поступление в высшие учебные заведения России. Однако В.Н. Чепалов с некоторой долей скептицизма оппонирует своему соавтору, отмечая, что многие якутские студенты, окончив томские высшие учебные заведения, так и не возвращаются в свой родной край, но работают в Томске, либо иных городах России.

По мнению В.Н. Чепалова: «Если уж кто из якутян болеет действительно нуждами якутского края, то я советовал бы ему потратить его энергию, знания на поднятие культуры края, имея в виду при этом, что в процветании края главенствующую роль играют экономические условия жизни, а чтобы улучшить их необходимо приобрести для области представительства в Государственной Думе и перенести центр тяжести устройства местной жизни в народные массы путем введения демократического земства» (Амосов, 1915: 82).

Анализируя данную публикацию, можно констатировать, что заголовок статьи не соответствует ее смысловому содержанию. Тем не менее, данный факт позволяет нам выявить одну из тенденций публикаций интересующей нас тематики. Как выяснилось, в большинстве статей сибирской прессы начала XX века, в заголовках которых тем или иным образом фигурировала тема студенческих землячеств, действительно были размещены материалы, посвященные вопросам, связанным с проблемами функционирования и экономическими проблемами данных студенческих организаций. Однако в единичных ситуациях под вышеуказанными заголовками публиковался материал об экономических и общественных проблемах того или иного края, территориально относящегося к обширной территории Сибири начала XX века. В этих случаях, как правило, один или все соавторы подобных материалов являлись действующими, либо бывшими членами того или иного студенческого землячества.

При этом среди статей о землячествах, нам встретились и такие, которые не были полностью посвящены деятельности и проблемам указанных студенческих объединений, тем не менее, данные аспекты затрагивались в них частично, как правило, в числе иных вопросов, связанных с бедностью и тяжелой жизнью студенчества Сибири. Чаще всего заголовки этих статей не содержали прямых указаний на сибирские землячества как студенческие организации.

Так, например, в статье Б. Енисейского в числе других аспектов, посвященных описанию преобладающих настроений в среде студенческой молодежи, также обращается внимание на то, что: «Студенчество пережило ... большой упадок сил ... Не хотелось ни работать, ни думать, так темно было вокруг, так тяжело, смутно было в душе. Из различных организаций был изгнан дух идейной близости и поддержки. Даже в тесном кругу землячеств стало проявляться взаимное недоверие. Они преследовали лишь материальные цели. В них не шевелилась даже мысль о том, насколько обидна та форма материального обеспечения учащейся молодежи, которой они служили» (Енисейский, 1915: 35).

В ходе исследования было определено, что проблема экономической несостоятельности, потери интереса студентов к землячествам, пользующихся ранее в молодежной среде высоким признанием и популярностью, рассматривается в некоторых статьях подобного рода лишь вкратце: в контексте того, что данные организации морально изживают себя, в то время как более эффективными объединениями студентов могли бы стать иные студенческие объединения, например, кооперативы (Ломидзе, 1914: 43).

Так, например, в 1915–1916 годах на страницах «Сибирского студента» продолжается цикл публикаций, начатый в 1914 г. А.П. Ломидзе, посвященных созданию специальных студенческих кооперативов (Чеглецов, 1915: 43–53; Чеглецов: Вестник..., 1916: 67–70; Чеглецов: Старое ..., 1916: 49–60; К судьбе ..., 1916: 65–78).

Причины, обусловившие снижение полярности землячеств в студенческих кругах, а также пути и формы решения назревших проблем в исследуемой сфере, затрагиваются и другими авторами.

Как отмечает В.Г. Прейсман, «сибирская учащаяся молодежь в Москве живет теперь разрозненной, разбитой на небольшие группы, часто не имеющие ничего общего, жизнью. И уже нет теперь той объединенности, благодаря которой все знали друг друга, а часто за общей работой знакомились, сходились, а по окончании разъезжались по широкой Сибири друзьями, связанными хорошими воспоминаниями и даже взглядами, общей программой своей будущей деятельности на местах» (Прейсман: Сибирские ..., 1914: 54).

По мнению автора, к потере прежней популярности и привлекательности сибирских землячеств, привели такие факторы как:

- разрешение собраний только в стенах учебного заведения, где могли присутствовать студенты лишь одного вуза;
- строгая регламентация уставов землячеств;
- обязательная регистрация должностных лиц и четкого состава данных студенческих организаций и др.

Как замечает В.Г. Прейсман, «Сибирское землячество до этого времени ... жило энергичной жизнью, вырабатывая все новые и новые формы своей деятельности, что конечно несовместимо с казенной регламентацией» (Прейсман: Сибирские ..., 1914: 52). Среди иных причин «развала земляческой жизни» также выделяется «начавшееся брожение внутри самой организации». По мнению Прейсмана, «с прекращением общих собраний, бывавших часто, не менее одного раза в месяц, появилось охлаждение к земляческим организациям, да и сама жизнь организации потеряла прежнюю свою привлекательность, ограничиваясь чисто внешними формами, не имея возможности проявляться в чем-то, кроме материальной взаимопомощи, да и то, в меньших размерах, чем прежде» (Прейсман: Сибирские ..., 1914: 53).

В еще одной статье В.Г. Прейсман пишет о том, что «землячество нуждается для осуществления своих задач ... в более широких средствах; кроме того, упрочить свое существование легче всего расширением взаимопомощи» (Прейсман: Вопросы ..., 1914: 89).

В то же время, в высказываниях ряда авторов, публикующих материалы о необходимости привлечения дополнительных денежных средств в бюджеты сибирских землячеств, присутствует доля критики и негатива по отношению к частым благотворителям. Парадоксальным в данном случае является факт того, что существенная часть бюджетов самих землячеств, состояла как раз из пожертвований, критикуемых студентами лиц.

Так, например, в рассматриваемой выше статье, В.Г. Прейсман пишет о том, что лишь при достаточных материальных средствах, широкой взаимопомощи, которая постепенно могла бы заменить благотворительность, студенческим землячествам может и удасться «завоевать самостоятельное, независимое положение и в своем учебном заведении и в обществе». Также в статье данного автора упоминается о том, что землячества «гарантируют наиболее справедливое распределение помощи. Эта помощь товарищеской организации легче принимается, чем из каких-либо других рук» (Прейсман: Вопросы ..., 1914: 89).

Из контекста отмеченной статьи становится ясным, что под «другими руками», из которых так «засторно» принимать помощь, автор, вероятнее всего, подразумевал именно благотворителей и меценатов, представленных известными купцами и местной сибирской знатью. Столь же пренебрежительные и негативные косвенные высказывания о данных персонах содержатся и во многих других публикациях, касающихся вопросов сибирских землячеств, функционирующих в студенческой среде.

Так, в уже упоминаемой нами статье В. Ленского, приводится рассуждение о том, что одним из больных вопросов земляческой жизни является «пользование частной благотворительностью, которая составляет одну из главных статей земляческого бюджета и, в то же время, ставит часто организацию в неприятное положение», заставляя ее обращаться «к лицам, заслуживающих лишь отрицательное отношение студентов...» (Ленский, 1914: 82).

Для выявления взглядов студентов на землячества, в предлагаемой для опроса анкете, В. Ленский считает важным «раз и навсегда» выяснить отношение сибирских студентов к данному способу пополнения бюджета сибирских землячеств, ставя категоричный вопрос о том, приемлемо ли вообще с морально-нравственной точки зрения пользоваться средствами меценатов, даже если вообще «нет мест, где изыскивать средства» (Ленский, 1914: 82–83).

Также в одном из выпусков «Сибирского студента» 1915 года размещается статья под суровым названием: «Катакомбы». Авторы материала, говоря о купцах, используют такие аллегорические сопоставления как «биржевой заяц», «сомнительный делец» и даже «простой аферист» (Катакомбы, 1915: 43–44).

Разумеется, что столь негативное отношение многих студентов к частным благотворителям, не замедлило породить обратной реакции. Многие купцы и меценаты, в прошлом активно помогающие сибирским учебным заведениям, в том числе, и самим студентам, в связи с явно выраженной враждебностью и неблагодарностью со стороны последних, отказываются к этому периоду вообще участвовать в какой-либо помощи студенческой молодежи, часть представителей которой так презрительно и неосмотрительно высказывались со страниц студенческой прессы в адрес соответствующих публичных персон.

В числе иных публикаций, точное замечание на этот счет приводится в статье В.Н. Чепалова, размещенной в одном из выпусков «Сибирского студента». Как отмечает автор: «Особенно трудные минуты переживают землячества в настоящее время, когда в силу отрицательного отношения некоторых слоев общества приток частной благотворительности с каждым годом уменьшается» (Чепалов, 1914: 86–87). Помимо прочих причин, на тяжелое положение дел также повлиял запрет на сбор пожертвований по подписным листам, в то время как они служили значительной статьей дохода студенческих землячеств. Как отмечает В.Н. Чепалов, «в Якутском землячестве подписные листы

дали в 1908–1909 академическом году – 76 р., что составило 50,5 % всего прихода, а в 1909–1910 – 371 р. 67 к., т.е. 83,7 % прихода» (Чепалов, 1914: 87).

В журнале «Сибирский студент» также содержатся сведения о том, что в первой из студенческих газет (которой, как указывал В.Г. Прейсман, явилась газета «Голос студенчества», вышедшая в свет в 1911 году в г. Москве), была размещена заметка о том, что деятельность землячеств после 1906 года стала сводиться исключительно к выдаче ссуд и добыванию средств (Прейсман: Студенческая ..., 1914: 64). Как отмечается в публикации, «Землячества превратились в кассы вспоможения на случай черного дня, а члены правлений и бюро – в простых сборщиков денег» (Прейсман: Вопросы ..., 1914: 90).

Из иных студенческих изданий, выделенных в журнале «Сибирский студент», внимание читателей обращалось также к журналу «Студенческая мысль» и газете «Студенческие годы» (Новый ..., 1915: 83–86; Прейсман: Студенческая ..., 1914: 61–64).

К сибирским студенческим изданиям, помимо «Сибирского студента», также можно отнести и однодневные газеты: «Студенты-технологи – жертвам войны» и «Студенческий день» (Отрадное..., 1915: 83–86). Однако следует заметить, что о первой из вышеуказанных газет имеется лишь краткая информация о разрешении ее публикации в 1915 году (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1559), тем не менее, самой газеты обнаружить так и не удалось. По отмеченной причине нам ничего не известно о том, были ли размещены в данном сибирском издании какие-либо материалы, затрагивающие вопросы о студенческих землячествах, либо нет. Существует вероятность того, что газета не публиковалась вообще. Однако само существование данного проекта подтверждает характерную тенденцию развития сибирской студенческой прессы в начале XX века.

Таким образом, на страницах сибирской студенческой прессы все чаще поднимаются вопросы о путях реформирования студенческих объединений, переходе от землячеств (во многом дискредитировавших себя к этому периоду времени) к более эффективным формам экономических объединений. Однако предлагаемые мероприятия не были тщательно продуманными. Во многом они носили идеалистический характер, либо были изложены в форме простых рассуждений, не подтвержденных научными фактами, логической аргументацией или серьезными доводами.

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что вопросы о студенческих землячествах как форме организации взаимопомощи учащихся вузов рассматривались в студенческой прессе начала XX века довольно активно. Основным источником публикаций такого рода являлся периодический журнал «Сибирский студент», издававшийся с 1914 по 1916 годы. Фактически, это был единственный официальный томский студенческий журнал, выходивший с определенной периодичностью на протяжении нескольких лет (в отличие от однодневных изданий, а также юмористической газеты «Синдетикон», вышедшей только один раз в 1912 году).

Как выяснилось, в «Сибирском студенте» землячества рассматривались преимущественно в следующем смысловом контексте: 1) признание авторами статей положительной роли сибирских землячеств в прошлом; 2) констатация факта утраты к периоду публикаций прежней морально-нравственной, идеологической и объединяющей функции сибирских землячеств, потери к ним былого интереса со стороны томской учащейся молодежи; 3) акцентирование внимания на том, что к периоду публикаций землячества преследует лишь материальные цели, а их члены превратились в простых сборщиков и «распределителей» денежных средств; 4) рассуждения об экономических проблемах землячеств, наличии многочисленных долгов по ссудам, постоянной нехватке денежных средств в бюджете данных студенческих организаций; 5) демонстрация пренебрежительного отношения студентов к меценатам и частным благотворителям, пожертвования которых и занимали существенную часть бюджетов исследуемых организаций; 6) перечисление основных причин утраты прежней привлекательности сибирских землячеств в студенческой молодежной среде; 7) идеализация и превознесение иных форм экономической взаимопомощи студентов, в том числе: бюро страхования и студенческих кооперативов.

В целом исследование позволило сделать вывод о том, что в материалах студенческой прессы анализируемого периода землячества рассматривались чаще всего в качестве изживающих себя организаций, не справляющихся со своими функциями и задачами, а также той высокой ролью в решении социальных и экономических проблем студенческой молодежи, возложенных на них изначально.

Литература

Амосов, 1915 – Амосов Н.С., Чепалов В.Н. В якутском землячестве // Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск. 1915. №7-8 (март-апр.). С. 75-82.

Большой энциклопедический словарь, 2000 – Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000 .

Большой толковый словарь русского языка, 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.

ГАТомО - Государственный архив Томской области.

- Енисейский, 1915** – *Енисейский Б.* Студенчество о самом себе // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №3-4 (нояб.-дек.). С. 33-38.
- Есин, 2007** – *Есин Б.И.* Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // *Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики.* М., 2007. 186 с.
- Зайченко, 1960** – *Зайченко П.А.* Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 480 с.
- Иванов, 2001** – *Иванов А.Е.* Студенческие землячества в России (конец XIX – начало XX века) // *Россия и современный мир.* 2001. №3. С. 138-149.
- История ..., 2004** – История сибирской печати XVIII – начала XX в. Иркутск, 2004. Т. 1-5.
- К судьбе ..., 1916** – К судьбе кооператива // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. № 5 (май). С. 65-78.
- Катакомбы, 1915** – Катакомбы (о материальном положении студентов) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. № 3–4 (нояб.-дек.). С. 39-44.
- Кузьминова, 2005** – *Кузьминова Е.Ф.* Сибирские высшие женские курсы в Томске в общероссийском движении за право женщин на образование // *Томск-400. Судьба регионального центра России.* Томск: ТГУ, 2005. С. 165-168.
- Ленский, 1914** – *Ленский В.* К организации анкеты (для выяснения взглядов студенчества на землячества) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №2 (авг.). С. 79-84.
- Ломидзе, 1914** – *Ломидзе А.П.* Студенческий кооператив. // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №1 (май). С. 35-46.
- Отрадное..., 1915** – Отрадное явление (об издании томской однодневной газеты «Студенческий день») // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №7-8 (март-апр.). С. 83-86.
- Новый ..., 1915** – Новый студенческий журнал // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №3-4 (нояб.-дек.). С. 83-86.
- Периодическая ..., 1991** – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): Указатель газет и журналов / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.
- Прейсман: Вопросы ..., 1914** – *Прейсман В.Г.* Вопросы земляческой жизни // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №3-4 (сент.-окт.). С. 85-104.
- Прейсман: Сибирские ..., 1914** – *Прейсман В.Г.* Сибирские землячества в Москве // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. № 2 (авг.). С. 51-56.
- Прейсман: Студенческая ..., 1914** – *Прейсман В.Г.* Студенческая пресса // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. № 2 (авг.). С. 61-64.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сибирская ..., 1914** – Сибирская жизнь. 1914. №222. С. 3.
- Синдетикон, 1912** – Синдетикон. 1912. 22 окт. С. 2-3.
- Толковый словарь русского языка, 1935-1940** – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.
- Чеглецов, 1915** – *Чеглецов Н.* К вопросу о кооперативных стремлениях томского студенчества // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №3-4 (нояб.-дек.). С. 43-52.
- Чеглецов: Вестник..., 1916** – *Чеглецов Н.* Вестник студенческой кооперации // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. № 5 (май). С. 67-70.
- Чеглецов: Старое ..., 1916** – *Чеглецов Н.* Старое и новое в студенчестве // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. №5 (май). С. 49-60.
- Чепалов, 1914** – *Чепалов В.Н.* Якутское землячество при Томском университете // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №2 (авг.). С. 85-90.
- Dudgeon, 1982** – *Dudgeon R.A.* The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917 // *Russian History.* 1982. Volume 9. Issue 1. p. 1-26
- Vermeer, Van Der Ven, 2003** – *Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes.* Moral Consciousness of Secondary School Students. // *Journal of Empirical Theology,* 2003. Volume 16, Issue 1, p. 51-71.

References

- Amosov, 1915** – *Amosov N.S., Чепалов V.N.* (1915). V yakutskom zemlyachestve. [In the Yakut Association]. *Sibirskij student: ezhemesyachnyj zhurnal, izdayushchijnya v gorode Tomsk.* №7-8 (mart-apr.). S. 75-82. [in Russian].
- Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar', 2000** – Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Great encyclopedic dictionary of the Russian language] / Red. A.M. Prokhorov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, 1998** – Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian language] / Pod red. S. A. Kuznetsova. SPb.: Norint.

GATomO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region].

Eniseiskii, 1915 – *Enisejskij B.* (1915). Studenchestvo o samom sebe. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3-4 (noyab.-dek.). S. 33-38. [in Russian].

Esin, 2007 – *Esin B.I.* (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. *Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki.* M., 186 s. [in Russian].

Zaichenko, 1960 – *Zaichenko P.A.* (1960). Tomskii gosudarstvennyi universitet imeni V.V. Kuibysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880-1955). [Tomsk state University named after V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University over 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 480 p. [in Russian].

Ivanov, 2001 – *Ivanov A.E.* (2001). Studencheskie zemlyachestva v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka). [Student Association in Russia (end of XIX – beginning of XX century)]. *Rossiya i sovremennyyi mir.* №3. pp. 138-149. [in Russian].

Istoriya ..., 2004 – Istoriya sibirskoi pechati XVIII – nachala XX v. [History of the Siberian press of the XVIII – beginning of XX century]. Irkutsk. T. 1-5. [in Russian].

K sud'be ..., 1916 – K sud'be kooperativa. [To the fate of the cooperative]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). pp. 65-78. [in Russian].

Katakomby, 1915 – Katakomby (o material'nom polozhenii studentov). [Catacombs (about the financial situation of students)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3-4 (noyab.-dek.). pp. 39-44. [in Russian].

Kuz'minova, 2005 – *Kuz'minova E.F.* (2005). Sibirskie vysshie zhenskie kursy v Tomske v obshcherossiiskom dvizhenii za pravo zhenshin na obrazovanie. [Higher Siberian courses for women in Tomsk all-Russian movement for women's right to education]. *Tomsk-400. Sud'ba regional'nogo tsentra Rossii.* Tomsk: TGU. pp. 165-168. [in Russian].

Lenskii, 1914 – *Lenskii V.* (1914). K organizatsii ankety (dlya vyyasneniya vzglyadov studenchestva na zemlyachestva). [The organization of the questionnaires (to determine attitudes of students in fraternities)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №2 (avg.). pp. 79-84. [in Russian].

Lomidze, 1914 – *Lomidze A.P.* (1914). Studencheskii kooperativ. [Student cooperative]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). pp. 35-46. [in Russian].

Otradnoe..., 1915 – Otradnoe yavlenie (ob izdanii tomskoi odnodnevnoi gazety «Studencheskii den'») [A welcome development (Tomsk on the publication day of the newspaper "Student's day")]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №7-8 (mart-apr.). pp. 83-86. [in Russian].

Novyi ..., 1915 – Novyi studencheskii zhurnal. [New student magazine]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3-4 (noyab.-dek.). pp. 83-86. [in Russian].

Periodicheskaya ..., 1991 – Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 goda): Ukazatel' gazet i zhurnalov. [The periodical press of Siberia (second half of XIX century – February 1917): Index of Newspapers and magazines]. / Pod red. E.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 96 p. [in Russian].

Preisman: Voprosy ..., 1914 – *Preisman V.G.* (1914). Voprosy zemlyacheskoi zhizni. [Questions compatriotic life]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3-4 (sent.-okt.). pp. 85-104. [in Russian].

Preisman: Sibirskie ..., 1914 – *Preisman V.G.* (1914). Sibirskie zemlyachestva v Moskve. [Siberian Association in Moscow]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №2 (avg.). pp. 51-56. [in Russian].

Preisman: Studencheskaya ..., 1914 – *Preisman V.G.* (1914). Studencheskaya pressa. [Student press]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №2 (avg.). pp. 61-64. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].

Sibirskaya ..., 1914 – Sibirskaya zhizn'. 1914. №222. p. 3.

Sindetikon, 1912 – Sindetikon. 1912. 22 okt. pp. 2-3.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, 1935-1940 – Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language] / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Sov. entsikl.: OGIZ. [in Russian].

Chegletsov, 1915 – *Chegletsov N.* (1915). K voprosu o kooperativnykh stremleniyakh tomskogo studenchestva. [To the question of cooperative efforts Tomsk students]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3-4 (noyab.-dek.). pp. 43-52. [in Russian].

Chegletsov: Vestnik..., 1916 – *Chegletsov N.* (1916). Vestnik studencheskoi kooperatsii. [Bulletin of student societies]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). pp. 67-70. [in Russian].

Chegletsov: Staroe ..., 1916 – *Chegletsov N.* (1916). Staroe i novoe v studenchestve. [Old and new students]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). pp. 49-60. [in Russian].

[Chepalov, 1914](#) – *Chepalov V.N.* (1914). Yakutskoe zemlyachestvo pri Tomskom universitete. [Yakut fraternity at Tomsk University]. *Sibirskii student: ezhesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk*. №2 (avg.). pp. 85-90. [in Russian].

[Dudgeon, 1982](#) – *Dudgeon R.A.* (1982). The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. *Russian History*. Volume 9. Issue 1. pp. 1-26.

[Vermeer, Van Der Ven, 2003](#) – *Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes* (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*. Volume 16, Issue 1, pp. 51-71.

УДК 94(47).082

Роль землячеств в решении социальных и экономических проблем сибирских студентов (по материалам томской студенческой прессы начала XX века)

Вера Никандровна Черепанова ^{a, *}, Юлия Викторовна Путилина ^b, Ирина Валерьевна Пивоварова ^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Тюменская региональная академия профессионального развития, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов официальной студенческой прессы г. Томска, опубликованных в дореволюционный период начала XX века и касающихся вопросов, связанных с восприятием в студенческой среде сибирских землячеств, их роли и места в решении социальных и экономических проблем учащихся томских вузов.

Реализованное исследование позволило установить, что в публикациях различных авторов регулярно подчеркивалась узость целей данных организаций, факт утраты ими к периоду публикаций прежней морально-нравственной, идеологической и объединяющей функции для студентов. Кроме того, практически все авторы признавали, что землячества стали преследовать лишь материальные цели, а их члены «превратились» в простых сборщиков и распределителей денежных средств, притом, что этих средств постоянно не хватало даже на элементарные нужды студенческой молодежи.

Также было определено, что землячества в сибирской студенческой прессе начала XX века рассматривались в основном в негативном критическом ключе. Данное положение было обусловлено, прежде всего, временем выхода соответствующих материалов. Установлено, что основным источником публикаций такого рода являлся периодический журнал «Сибирский студент», издававшийся с 1914 по 1916 годы, то есть, во время Первой мировой войны. Нестабильность экономической и политической ситуации, недоверие представителей разных политических движений по отношению друг к другу, голод и нужда существенной части населения России, характерные для этого времени, не обошли стороной и студенческую молодежь Сибири, ощутившую на себе эти проблемы особенно остро. Указанные обстоятельства, в свою очередь, повлекли несостоятельность многих студенческих организаций, в том числе и сибирских землячеств, не справляющихся к этому периоду времени с высокой миссией (моральной и материальной поддержки учащихся сибирских вузов), возложенной на них изначально.

Ключевые слова: Томск, Сибирь, студенческая пресса, газеты, журналы, землячества, студенты, высшие учебные заведения, экономические проблемы, студенческие кооперативы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sema_79@bk.ru (В.Н. Черепанова), lider-1000@mail.ru (Ю.В. Путилина), pivovarova_irina@mail.ru (И.В. Пивоварова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 672-679, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.672
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Press as a Destabilizing Factor in Russian Society in Autumn of 1917

Yuriy D. Korobkov^{a,*}, Elena M. Buryak^a, Il'ya O. Koldomasov^a

^a Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

The development of the Russian revolution from March to October 1917 shows a wide variety of social and psychological conditions of the masses, a rich emotional life, sharp, sometimes diametrically opposite mood swings, a huge impact on the mass consciousness of informal practices and unreliable sources of information. The Russian press was one of the main destabilizing factors in the moral and psychological state of society. Regardless the political affiliation its information space was focused not on the cohesion and consolidation of the society and Russian joint solution of problems, but on the division of society in class principles. It appeared in the exacerbation of social-economic and political crisis in autumn of 1917. Analysis of the Russian press allowed emphasizing the main traumatic informational flows for the mass consciousness. They included replicating various rumors, tabloid gossips and other false information, which fell on fertile soil, promoted bitterness of the masses and were often the direct or indirect cause of various excesses. It often did the rounds of hunger, disease, epidemics, food shortages, German and Bolshevik threats, the party-ideological information aimed at the conquest and retention of power. The criticism of the Provisional Government was the primary goal. It contributed to the disintegration, atomization and instability of society and shaped the ideology of the civil war on the principle of "whoever is not with us is against us." All this gave reason to consider the Russian press a hostage situation on the one hand and a catalyst for social unrest in autumn of 1917 on the other hand.

Keywords: press, the public consciousness, the counter-revolution, Kornilov revolt, the compromisers, the Bolsheviks, the Cadets, common man.

1. Введение

Развитие мировой истории в конце XX – начале XXI в. демонстрирует устойчивую тенденцию возрастания влияния средств массовой информации на общественные устроения, с помощью которых различные политические силы и властные институты получают возможность манипуляции массовым сознанием и формирования необходимых им картин мира у населения своих и чужих стран. Особенно возрастает роль прессы в критические, переломные этапы истории. В этой связи изучение основных каналов, направлений и средств ее воздействия на обстановку в стране и социально-психологическое состояние общества в условиях резкой политизации российского социума в 1917 г. представляет очевидный научный и практически-политический интерес.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование роли прессы в формировании массовых настроений осенью 1917 г. проводится на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных документов из центральных и местных архивов. С учетом проблематики статьи основным источником для ее написания стали материалы российских газет различной политической направленности, анализ

* Corresponding author

E-mail addresses: n.kyakkinen-56@yandex.ru (Yu.D. Korobkov), lench81@inbox.ru (E.M. Buryak), koldomasov@inbox.ru (I.O. Koldomasov)

которых позволил выделить главные информационные потоки, формировавшие состояние массового сознания. В совокупности с архивными материалами и свидетельствами современников историческая база статьи позволяет объективно и всесторонне решить поставленные в ней задачи.

2.2. Методологический инструментарий статьи обусловлен нахождением данной проблематики в исследовательском пространстве смежных направлений исторической науки (социальная история, история повседневности, история ментальности) и социальной психологии. Для объективного изучения проблемы мы используем комплексный подход, сходный с пониманием истории повседневности И.Л. Пушкаревой, сочетающий проведение микроаналитических срезов в контексте исследования социальных макропроцессов, который реализовывался в рамках школы «Анналов», американской и британской социальной истории, историографии Германии. Из числа традиционных исторических методов наибольшую ценность для нас представляют историко-сравнительный, дающий возможность рассмотреть изменения в сравнительном контексте, историко-типологический, позволяющий выявить основные категории изменений в поведенческих стереотипах и образе жизни населения. Изучение роли прессы в формировании социально-психологического состояния общества в рамках более широкого контекста трансформации России в 1917 г. предопределило важность и историко-системного метода.

Из психологических концепций наибольший интерес для нас представляет понятие «массовидные явления» (психология толпы, слухи, массовая истерия и паника, общественные настроения, общественное мнение), основы изучения влияния которых на исторический процесс были заложены в трудах Г. Тарда, С. Сигеле, Г. Лебона, в отечественном обществознании были развиты Г.Г. Дилигенским и А.Г. Здравомысловым. На современном этапе эти принципы реализованы В.П. Булдаковым, который считает, что реальность и вымысел в равной степени влияют на ход событий, особенно в переломные эпохи.

Использование данных подходов в сочетании с общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции способствует успешному решению исследовательских задач на принципах научной достоверности, историзма и объективности.

3. Обсуждение

На огромное значение прессы в формировании общественно-политической, духовно-нравственной атмосферы в российском обществе в 1917 г. указывали А. Кизеветтер, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, другие современники и очевидцы тех событий. Для них было очевидно ее деструктивное влияние на состояние умов, способствовавшее формированию «особой формы психоза», что, по словам А.М. Горького, вело не к созиданию и объединению, а к разрушению и атомизации общества. При этом решающую роль в этом процессе они отводили большевистским изданиям.

Такой же односторонностью «грешила» и советская историография. Изучение общественного сознания советскими историками, как правило, сводилось к констатации роста уровня сознательности и организованности пролетариата, части средних городских слоев, беднейшего крестьянства. Пресса рассматривалась в качестве одного из основных инструментов этого процесса, а ее негативное, деструктивное влияние на массовое сознание сознательно замалчивалось и практически не изучалось (*Советская историография, 1981; Васильковский, Тертышный, 1993*).

Современную историографию характеризует более взвешенный и всесторонний подход к изучению данной проблематики, анализ всего многообразия проявления человеческой психики и факторов ее формирования (*Революция и человек, 1996; Революция и человек, 1997; Яров, 1999*). Роль прессы в этом процессе рассматривается как на уровне монографий (*Булдаков, 2010; Нарский, 2001*), так и специальных статей (*Колоницкий, 1994b; Коробков, 2004; Баталова, 2003; Антонов-Овсенко, 2010*). Хотя осмысление ее роли в формировании социальных стереотипов, архаизации массового сознания в современной историографии, в целом, смыкается с позицией современников-оппонентов большевиков, и основное внимание акцентируется на негативном, разрушительном влиянии газет на общественные настроения, современные специалисты стоят на позиции равной ответственности всех политических сил и их средств массовой информации за состояние духовно-нравственной атмосферы в российском обществе в 1917 г.

4. Результаты

Одной из особенностей развития послефевральской России являлась резкая и массовая политизация общества, включение рядового обывателя в политическую жизнь страны и, как следствие, расширение его информационного пространства. Массовое сознание граждан свободной России находилось под мощным воздействием окрашенных в разнообразные идеологические тона информационных потоков, с помощью которых соответствующие политические силы стремились сформировать у населения необходимые им «картины мира». Разобраться в них неискушенному в политике человеку было чрезвычайно сложно. «Митинги... Митинги... Митинги. Выступают кадеты, эсеры, меньшевики и духовенство. Кого слушать?.. Кому верить?..», «Трудно было разобраться в путанице крикливых речей», «Рабочая масса стала много говорить, черт знает кто прав, ничего усвоить нельзя» (*ГАПО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 15. Л. 3-4, Д. 159. Л. 7, Д. 78. Л. 4*) – в этих словах рабочих горных заводов Урала отражена типичная рефлексия российского обывателя весны 1917 г.

Наряду с митинговой и обыденно-бытовой составляющими источников информации российских граждан огромное влияние на состояние умов оказывала российская пресса. Помимо позитивных сведений с первых дней революции со страниц различных изданий на обывателя буквально обрушился поток разнообразных угроз общественной и личной безопасности: кризис власти, восстание большевиков, анархия, голод, угроза контрреволюции – эти и другие фобии постоянно будоражили воображение россиян.

В результате, к осени 1917 г. обыватель уже свыкся с мыслью о крайней нестабильности своего существования в обстановке надвигающегося финансового краха, продовольственной катастрофы, агонии железных дорог, военного развала, политического распада страны и других фантомов, кочевавших по страницам различных газет. Наряду со статьями известных авторитетных авторов, таким же полноценным источником информации для прессы являлись слухи, которые циркулировали из одного издания в другое и, обрастая новыми деталями, приобретая соответствующую политическую окраску, наводили ужас на обывателя и способствовали нарастанию панических настроений в стране.

Одним из таких событий стало взятие немцами Риги, которое трактовалось газетами как национальная катастрофа. Подхватив слух о состоявшемся будто бы решении германского штаба сделать Петроград центром своих конечных операций, «Раннее утро» сообщало о том, что «над русской свободой навис грозный призрак в виде императорского кулака Вильгельма». Отмечая, что молва преувеличивает размеры беды, упреждает события и ускоряет их ход, газета тут же с горечью констатировала, что «за все три года войны не было момента более трагического, более опасного, чем нынешний. Враг вошел в ворота, пути к центру открыты, и народ вскоре увидит надвигающееся несчастье...» (*Враг у ворот, 1917*). И хотя «Биржевые ведомости» старались внушить жителям столицы, что «от ворот Риги до домов петроградских граждан еще очень большое расстояние», а «немцы не летают, как птицы, и не перевозят артиллерию на аэропланах» (*Наши тревоги, 1917*), обыватели спешили покинуть столицу.

Еще до выступления генерала Корнилова по Петрограду распространились слухи о готовящемся восстании большевиков и некоторых частей столичного гарнизона. После подавления корниловщины на фоне роста влияния большевистской партии они были активно подхвачены прессой. «3-5 июля Россию попытались ошпарить в кипящем котле большевизма, 26–27 августа ее пытались окунуть в прорубь контрреволюции. Теперь ее из этой проруби вытаскивают, а ленинцы уже подкладывают дрова, уверенные, что для спасения России из проруби нет лучшего средства, как погружение в кипящий котел», - писали «Биржевые ведомости» (*Большевизм и Россия, 1917*), а корреспондент газеты «Речь» подчеркивал «угрожающий характер торжества большевизма». «Вопли и жалобы по поводу предлагаемых большевистских выступлений стали перманентными», - вспоминал Н. Суханов (*Суханов, 1991: 274*).

Внешне- и внутривнутриполитические угрозы обострили и другие постоянные страхи петроградцев. Основная их масса считала, что подлинная причина «разгрузки» Петрограда, начатой после оставления нашими войсками Риги, это продовольственная опасность. «Население уже голодает, – сообщала пресса. – Распределение даже тех продуктов, которые имеются, производится так бездарно, что несчастный ломоть глинообразного хлеба достается с таким трудом, что крайнее озлобление является совершенно естественным» (*Хлеба и тишины, 1917*). Помимо голода и анархии ужас и страх, способствовавшие нарастанию массовой истерии и активно используемые как правыми, так и левыми антиправительственными кругами, наводили на обывателя масштабы эпидемии холеры, брюшного тифа, дизентерии и скарлатины.

«В городе сильная эпидемия тифа, – писала Э. Бруцкус, находившаяся в одном из южных городов. – Несколько раз в день привозят на частных извозчиках больных. Пару раз в день увозят и покойников» (*Бруцкус, 1995: 84*).

Ее предположения о том, что эпидемия развилась от употребления недоброкачественных продуктов, составлявших главное питание неимущего населения вследствие дороговизны хлеба, соответствовали действительности. Размаху эпидемий способствовала чрезвычайная степень загрязненности и антисанитарного состояния улиц как центральных, так и провинциальных российских городов, где накапливался месяцами не вывозившийся мусор, и антисанитарное состояние многих лечебных учреждений.

Реальная угроза голода и огромный размах эпидемий, уносивших ежедневно огромное количество человеческих жизней на фронте и в тылу, являлись одной из основных причин возраставшей паники в обывательской среде. Постоянно обсуждаемые в прессе и сопровождаемые «страшными» цифрами жертв (нередко непроверенными и гипертрофированными), эти явления способствовали впадению российского общества в состояние психоза. Народ был буквально сбит с толку обилием «самых чудовищных» слухов о немецкой оккупации, большевистском выступлении, отъезде из столицы правительства, голоде, масштабных эпидемиях, которые, по оценке современников, создали «нервную, взвинченную до последней степени, жуткую и терзающую» обстановку в стране.

Обобщая обывательские страхи, большевистский «Рабочий путь» писал в сентябре 1917 г.: «Революция опять на краю гибели. Катастрофа невиданных размеров надвигается неуклонно. Голод

близится. Военная катастрофа и потеря Петрограда неизбежны...» (*Грозная катастрофа, 1917*). Под влиянием подобных деклараций, в которых не уступали друг другу и правые, и левые, и центристские периодические издания, у населения формировалось устойчивое ощущение неотвратимости катастрофы, всеобщее озлобление и массовое стремление поиска врагов. «В хвостах, озлобленные ожиданием несуществующих продуктов, бабы грозят буржуазии «Еремеевской ночью». А перепуганные кухарки разносят эту угрозу по домам, невольно терроризируя обывателей» (*Хвосты, хвосты, 1917*), – сообщала пресса. Ежедневное повторение одного и того же – «будут резать» – создавало, по мнению современников, впечатление неизбежности подобных актов. Подхватывая и гипертрофируя подобные слухи, пресса, как неоднократно заявлялось со страниц массовых изданий, являлась катализатором деструктивных настроений.

Еще одним мотивом, объединявшим правые и левые издания и ведущим к тем же разрушительным последствиям, являлась антиправительственная пропаганда. Основная масса материалов, исходивших со страниц большевистских газет, была подчинена главной цели – внушению читателям мысли о причастности правительства и его премьера к контрреволюционному мятежу и к «замыслам буржуазии по укреплению своего господства». «То, что хотел провести Корнилов прямо, новое правительство постарается осуществить постепенно, без шума, руками самих же социалистов», – писал большевистский «Рабочий путь».

Главный мотив обвинений в адрес Временного правительства в сентябре 1917 года заключался в политических спекуляциях по поводу «заговора Керенского и Корнилова». На страницах большевистской печати появилась новая для обывателей дефиниция – «Керенщина», а Корниловский мятеж трактовался как одно из ее проявлений. Поскольку рабочие и солдаты менее всего были склонны разбираться в тонкостях программ Л.Г. Корнилова и А.Ф. Керенского и для них гораздо важнее было то, что их бывший кумир вел тайные переговоры с мятежным генералом, такая пропаганда имела значительный успех.

«Рабочий путь» неустанно твердил об опасности, исходившей от «корниловцев из Ставки», «корниловцев из «Речи», «корниловцев из Думы». «Положение висит на волоске, – утверждала газета. – Круг заговорщиков гораздо шире, чем мы предполагали. Воздух пропитан миазмами самого темного заговорщичества, подлые удары в спину подкарауливают революцию со всех сторон...» (*Заговор, 1917*). Подобные заявления способствовали нагнетанию контрреволюционных страстей в психологически расшатанном обществе. В осенние месяцы 1917 г. большевистская пресса была полна утверждений, что «на самом деле корниловщина только еще начинается», и уверяла своих читателей, что контрреволюция спешно мобилизует свои силы и готовит новые удары по революции. «Атака отбита, но враг вернулся в окопы», – писала она.

Наряду с критикой власти мятеж опального генерала был использован большевиками для дополнительной дискредитации кадетской партии, несмотря на отсутствие ее представителей в правительстве. Называя это сущим пустяком и ловким политическим ходом кадетов, который скрывал реальную зависимость кабинета министров от них, «Рабочий путь» писал, что «Провокаторские крики буржуазной печати об измене солдат и большевиков лишь прикрывают действительную измену генералов и деятелей кадетской партии» (*Кадеты и Корнилов, 1917*).

Не меньшему морально-психологическому давлению со стороны большевистской прессы подвергались и министры-социалисты. Обвиняя их в намерении осуществить планы Корнилова собственными руками, «Рабочий путь» писал: «Социалист социалисту рознь! Есть социалисты, которые поддерживают войну. Они братаются с буржуазией. Социалисты на словах, они слуги буржуазии на деле. Можно ли считать социалистами Керенского, Церетели, Чернова? Никогда. Они прямые враги рабочего класса» (*С кем вы, 1917*). Церетели выступал на страницах газеты как «один из самых болтливых социалистических министров», «любимчик буржуазии», «самовлюбленный оратор». В. Чернова обвиняли в «тупости и циничном политическом деячестве». Готовящееся Демократическое совещание рассматривалось большевиками как попытка организационного оформления союза между правительством и буржуазией для осуществления в стране буржуазно-империалистической военной диктатуры. В результате читателя подводили к выводу о том, что главной причиной разгула «бешеной вакханалии явных и тайных контрреволюционеров», является соглашательская политика социалистов.

Стремясь окончательно изжить надежды миллионов людей на разрешение общенационального кризиса путем достижения общественного согласия, большевистская пресса ежедневно внушала мысль о пагубности политики доверия как главной причины корниловского заговора и контрреволюционной диктатуры и, как следствие, о необходимости окончательного уничтожения коалиции классов. «С врагами бьются, а не совещаются», – заявлял «Рабочий путь», отражая воинственно-агрессивный настрой масс по отношению к «предателям» и «агентам буржуазии». «Не воскресить из мертвых того доверия, которое народные массы питали к своим классовым врагам, той веры, которая была у них насчет возможности «общей демократической платформы», – писал «Рабочий путь» (*Коалиция, 1917*). «Что коалиция больше нестерпима, это масса понимала и без агитаторов, – вспоминал Н. Суханов. – Задача же агитаторов состояла не столько в описании объективного положения вещей, нестерпимость которого уже ни у кого не вызывала сомнений, сколько в разжигании классовой ненависти и воли к действию» (*Суханов, 1991: 261*). Запугивая

обывателя тем, что «диктатура буржуазии и помещиков затопит в крови мощь русской революции», «Рабочий путь» призывал «биться, а не соглашаться, биться против помещиков и капиталистов, против генералов и банкиров, за мир, за свободу, за землю».

Такая информационная атака была нацелена на то, чтобы создать в сознании масс образ правительства не только контрреволюционного, но и запятнавшего себя попытками спровоцировать гражданскую войну. «Нужно понять, – писала большевистская пресса, – что правительство, лишённое доверия страны и осужденное ненавистью масс, не может быть ничем иным, как правительством провоцирования гражданской войны...» (*Какая власть*, 1917). Подобная трактовка была рассчитана на отклик и восприятие, с одной стороны, тех слоев общества, которые панически боялись начала гражданской войны, а с другой, – тех, кто, будучи доведен до отчаяния и никому не веря, жаждал расплаты за обманутые надежды.

Если большевики запугивали обывателя осуществлением в скором будущем буржуазной диктатуры и возможностью реставрации монархических порядков, то правая пресса, пытаясь манипулировать его сознанием в своих политических целях, внушала идею сильной власти в лице диктатуры для избавления России от анархии и достижения всеобщего благополучия. «Маленькая газета» А.А. Суворина, являвшаяся любимым периодическим изданием петроградских низов, обвиняла Временное правительство в трусости и требовала замены его правительством «твердой руки», то есть диктатуры. Изучив правую печать в марте-октябре 1917 года, Б.И. Колоницкий пришел к выводу, что популярность этого издания росла так быстро, что «респектабельные круги», в том числе и представители «большой прессы», относившиеся ранее к газете А.А. Суворина с презрением, стали рассматривать ее как оптимальное средство нейтрализации влияния большевиков (*Колоницкий*, 1994а: 115).

Как и левая пресса, правые издания осенью 1917 г. активно нападали на А.Ф. Керенского. Даже в статьях, отличавшихся более или менее сочувственным отношением к премьеру, делался вывод: «Пусть он уйдет быстрее». Выражая эти настроения, «Народный трибун» Пуришкевича опубликовал стихотворение, где были следующие строки: «Великих прадедов большак, Неужто мы его забыли? И предпочтем в Керенской пыли Влачить национальный флаг?» (*Довольно*, 1917: 113).

Еще более агрессивно была настроена «Новая Русь». «Керенский был Лжедмитрием нынешней смуты. К самому источнику власти он принес с собою какую-то ложь и ею отравил русскую душу, заведя ее в прямое безумие, а государство в полное разложение среди общего бессилия», – писала газета. В другом номере того же издания можно было прочесть следующее обвинение в адрес премьера: «...Адвокат Саша Керенский, потрясший Россию до нынешнего паралича, посоветовавшись в Ставке с wybranнми им людьми, среди которых есть, конечно, и умные, и неумные люди, совершил обычное: умных спросил, а согласился с неумными» (*Колоницкий*, 1994а: 124).

Одновременно в правой прессе массово тиражировался тезис об угрозе гражданской войны. Однако если большевики считали ее виновником правительство, то все остальные, напротив, обвиняли большевиков. В результате, в массовом сознании формировался стереотип о неизбежности общественных потрясений. Публицист Котляревский наблюдал в России осенью 1917 г. «не алый рассвет нового исторического дня, а кровавое зарево гражданской войны на небе беспросветной ночи, не радость осуществления мечты поколений, а низвержение этой мечты в стихию бессмыслия и животности, не гордость свободного гражданина, а муки пленника» (*Котляревский*, 1917: 3). На предупреждение о том, что гражданская война сметет все завоевания революции, поглотит в потоках крови молодую неокрепшую свободу, большевистская пресса отвечала, что победа большевиков спасла бы жизнь гораздо большего количества людей.

В свою очередь, «Дело народа» констатировало, что гражданская война, «призраком которой пугают население как справа, так и слева, уже давно не призрак, а самая доподлинная реальность» (*Беда*, 1917). Современник признавал, что «из всех видов пуганья пуганье гражданской войной самое распространенное».

Критика правительства, исходившая практически от всех политических сил страны, вызвала глубокий резонанс, всколыхнувший все слои российского общества. Авторы одного из писем, поступившего осенью в адрес ЦИК, были «до глубины души» возмущены дошедшим до них слухом о том, что Керенский «слагает с себя обязанности, взятые им своим нахальством». «Он погубил Россию, – писали они. – Как некогда жида распяли Христа, так теперь они во главе с Керенским распинают нашу веру и матушку Россию» (*ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 78. Д. 64. Л. 48*). «До чего довел этот паршивец Керенский нашу Русь?» – обвиняли его солдаты. Авторы коллективного послания из Нижегородской губернии с полной уверенностью заявили, что «государство гибнет благодаря славному правлению Керенского». Этот же источник сообщал, что в губернии широкое распространение получила поговорка: «От сладких речей Керенского народ ухмыляется, а Россия все уменьшается» (*Революционное движение*, 1961: 510-511). Как следствие, во многих письмах, адресованных Петросовету, содержались требования «казнить изменников» Керенского, Гучкова, Милюкова, Родзянко и других политических лидеров.

В результате, последнему составу Временного правительства пришлось принять на себя огромный заряд ненависти, исходивший от солдат, рабочих и крестьян, протестовавших против «нового союза с буржуазией». Крестьяне Вологодской губернии писали: «Товарищи! Послушайте

нашего голоса, прекратите соглашательство с буржуазией, создайте власть демократическую, которая бы не говорила, а делала...» (ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 218).

Бездействие правительства составляло основную причину недовольства им со стороны слоев, не симпатизировавших большевикам. «Вы ищите твердой власти где-то в воздухе, – писали они. – Вы – хилое, жалкое правительство, вы дождетесь того, что скоро придет твердая власть, дождетесь того, что новый Батый возьмет Петроград, наведет порядок и чистоту в 24 часа» (Бессилие власти, 1917). Подобные угрозы и требования «немедленно перейти от слов к делу, как как на местах настроение тревожное и грозит бедствием», содержались во множестве других источников и отражали полное отсутствие доверия к действующей власти.

5. Заключение

Было бы неправомерно чрезмерно преувеличивать роль как левых, так и правых средств массовой информации в нагнетании антиправительственных настроений в обществе. Их деятельность в этом направлении упала на хорошо подготовленную почву растущей ненависти к представителям власти как виновникам разрухи, анархии, затягивания войны, а после августовских дней и контрреволюционного заговора. Вместе с тем, печатные издания, критиковавшие правительство с разных позиций и в разной форме, объективно способствовали резкому сужению его социальной базы.

Практически все явления российской действительности 1917 г., и без того не вселявшие оптимизм в современников, на страницах свободной российской прессы получили гипертрофированное отображение. «Свободное слово! – писал М. Горький. – Казалось, что именно оно и послужит развитию у нас на Руси чувства уважения к личности ближнего, к его человеческим правам. Но переживая эпидемию политического импрессионизма, подчиняясь впечатлениям «злобы дня», мы употребляем свободное слово только в бешеном споре на тему, кто виноват в разрухе России. Все лицемерно обвиняют друг друга, и никто ничего не делает, чтобы противопоставить буре эмоций силу разума, силу доброй воли» (Слово и дело, 1917).

Печатные органы большевистской партии были наполнены заявлениями о потоках крови, которые прольет буржуазная диктатура, о мобилизации сил контрреволюции, о продажности правительства и преступном соглашательстве социалистов с буржуазией. Издания, занимавшие более умеренные политические позиции, пугали обывателя промышленным параличом, продовольственным хаосом, зловещим призраком разрухи и голода, готовящимся выступлением большевиков, еврейскими погромами и т.д. Все вместе они способствовали окончательной девальвации авторитета существующей власти в глазах населения и натравливанию одних социальных слоев на другие, обвиняя во всех бедах России либо «буржуев», либо большевиков, либо евреев. Тем самым они разжигали классовые погромные страсти, способствуя укоренению в общественном сознании убеждения о неизбежности грядущей катастрофы. Осознание этого факта окончательно развязало руки одним, усилило панический страх у других, привело к снижению морально-нравственного порога общества и, в конечном счете, создало атмосферу, в которой в полной мере могли проявиться стереотипы психологии гражданской войны и низменные инстинкты толпы.

Литература

Антонов-Овсеенко, 2010 – Антонов-Овсеенко А.А. Первая мировая война в публикациях печатных органов политических партий России в 1917 г. // *Вестник военного университета*. 2010. №3. С. 41-50.

Баталова, 2003 – Баталова О.А. События Февральской революции 1917 г. по газетной периодике г. Перми // *Страницы прошлого*. Пермь, 2003. С. 72-80.

Бедя в доме, 1917 – Бедя в доме // *Дело народа*. 1917. 19 сентября.

Бессилие власти, 1917 – Бессилие власти // *Биржевые ведомости*. 1917. 13 августа.

Большевизм и Россия, 1917 – Большевик и Россия // *Биржевые ведомости*. 1917. 2 сентября.

Бруцкус, 1995 – Бруцкус Э. Дневник матери-хозяйки // *Знамя*. 1995. № 11. С. 82-89.

Булдаков, 2010 – Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Васьковский, Тертышный, 1993 – Васьковский О.А., Тертышный А.Т. 1917 год в России. История изучения. Екатеринбург, 1993.

Враг у ворот, 1917 – Враг у ворот // *Раннее утро*. 1917. 27 августа.

ГАПО – Государственный архив Пермской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Грозная катастрофа, 1917 – Грозная катастрофа // *Рабочий путь*. 1917. 29 сентября.

Довольно, 1917 – Довольно // *Народный трибун*. 1917. 14 сентября.

Заговор, 1917 – Заговор против революции // *Рабочий путь*. 1917. 18 сентября.

Кадеты, 1917 – Кадеты и Корнилов // *Рабочий путь*. 1917. 17 сентября.

Какая власть, 1917 – Какая власть нужна России // *Рабочий путь*. 1917. 10 октября.

Коалиция и революция, 1917 – Коалиция и революция // *Рабочий путь*. 1917. 26 сентября.

- Колоницкий, 1994a** – Колоницкий Б. В. Правоэкстремистские силы в марте-октябре 1917 года // *Национальная правда: прежде и теперь*. М., 1994. С. 114-128.
- Колоницкий, 1994b** – Колоницкий Б.И. Советы и контроль над печатью (март – октябрь 1917 г.) // *Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX века*. СПб., 1994. С. 162-171.
- Коробков, 2004** – Коробков Ю.Д. Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 г. // *Проблемы российской истории*. 2004. №3. С. 196-217.
- Котляревский, 1917** – Котляревский С.А. Лики революции // *Русская свобода*. 1917. 12 сентября.
- Нарский, 2001** – Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- Наши тревоги, 1917** – Наши тревоги // *Биржевые ведомости*. 1917. 30 августа.
- Революционное движение, 1961** – Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961.
- Революция и человек, 1996** – Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996.
- Революция и человек, 1997** – Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
- С кем вы, 1917** – С кем вы, господа социалисты? // *Рабочий путь*. 1917. 6 сентября.
- Слово и дело, 1917** – Слово и дело // *Новая жизнь*. 1917. 31 мая.
- Советская историография, 1981** – Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981.
- Суханов, 1991** – Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-т. М., 1991. Т. 3.
- Хвосты, хвосты, 1917** – Хвосты, хвосты // *Биржевые ведомости*. 1917. 9 сентября.
- Хлеба и тишины, 1917** – Хлеба и тишины // *Биржевые ведомости*. 1917. 25 августа.
- Яров, 1999** – Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

References

- Antonov-Ovseenko, 2010** – Antonov-Ovseenko A.A. (2010). Pervaya mirovaya voyna v publikatsiyah pechatnykh organov politicheskikh partiy Rossii v 1917 g. [The First world war in the publications of press organs of political parties of Russia in 1917]. *Vestnik voennogo universiteta*. №3. pp. 41-50.
- Batalova, 2003** – Batalova O.A. (2003). Sobytiya Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. po gazetnoi periodike g. Permi. [The events of the February revolution of 1917, according to newspaper periodicals Perm] // *Stranitsyi proshlogo*. Perm, pp. 72-80.
- Beda v dome, 1917** – Beda v dome [Trouble at home] // *Delo naroda*. 1917. 19 sentyabrya.
- Bessilie vlasti, 1917** – Bessilie vlasti [The impotence of the authorities] // *Birzhevyye vedomosti*. 1917. 13 avgusta.
- Bol'shevizm i Rossiya, 1917** – Bol'shevizm i Rossiya [Bolshevism and Russia] // *Birzhevyye vedomosti*. 1917. 2 sentyabrya.
- Brutskus, 1995** – Brutskus E. (1995). Dnevnik materi-hozyayki [A mother's Diary-housewife]. *Znamya*. №11. pp. 82-89.
- Buldaikov, 2010** – Buldaikov V.P. (2010). Krasnaya Smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Krasnaya Smuta. The nature and consequences of revolutionary violence]. М.
- Vas'kovskii, Tertyshnyii, 1993** – Vas'kovskiy O.A., Tertyshnyiy A.T. (1993). 1917 god v Rossii. Istoriya izucheniya [1917 in Russia. History of the study]. Ekaterinburg.
- Vrag u vorot, 1917** – Vrag u vorot [Enemy at the gates] // *Ranee utro*. 1917. 27 avgusta.
- GAPO** – Gosudarstvennyy arhiv Permskoy oblasti [State archive of Perm region].
- GARF** – Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Grozyaschaya katastrofa, 1917** – Grozyaschaya katastrofa [Impending catastrophe] // *Rabochiy put*. 1917. 29 sentyabrya.
- Dovol'no, 1917** – Dovol'no [Pretty] // *Narodnyi tribun*. 1917. 14 sentyabrya.
- Zagovor, 1917** – Zagovor protiv revolyutsii [Conspiracy against the revolution] // *Rabochiy put*. 1917. 18 sentyabrya.
- Kadety, 1917** – Kadety i Kornilov [Cadets and Kornilov] // *Rabochii put*. 1917. 17 sentyabrya.
- Kakaya vlast', 1917** – Kakaya vlast' nuzhna Rossii [The Kind of power needed in Russia] // *Rabochii put*. 1917. 10 oktyabrya.
- Koalitsiya i revolyutsiya, 1917** – Koalitsiya i revolyutsiya [The coalition and the revolution] // *Rabochii put*. 1917. 26 sentyabrya.
- Kolonitskii, 1994a** – Kolonitskii B.V. (1994). Pravoekstremistskie sily v marte-oktyabre 1917 goda [Extreme right-wing forces in March-October 1917] // *Natsional'naya pravda: prezhde m teper'*. Moscow. pp. 114-128.
- Kolonitskii, 1994b** – Kolonitskii B.I. (1994). Sovety i kontrol' nad pechat'yu (mart – oktyabr' 1917 g.) [Advice and control of printing (March – October 1917)] / *Rabochie i rossiyskoe obschestvo. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka*. SPb. pp. 162-171.

[Korobkov, 2004](#) – *Korobkov Yu.D.* (2004). Politicheskii vybor i politicheskoe povedenie ural'skikh rabochih v 1917 g. [Political choices and political behavior of the Ural workers in 1917]. *Problemy rossiyskoi istorii*. № 3. pp. 196-217.

[Kotlyarevskii, 1917](#) – *Kotlyarevskii S.A.* (1917). Liki revolyutsii [Faces of revolution] // *Russkaya svoboda*. 1917. 12 sentyabrya.

[Narskii, 2001](#) – *Narskii I.V.* (2001). Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in a disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moscow.

[Nashi trevogi, 1917](#) – Nashi trevogi [Our concerns] // *Birzhevye vedomosti*. 1917. 30 avgusta.

[Revolyutsionnoe dvizhenie, 1961](#) – Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v sentyabre 1917 g. Obschenatsional'nyi krizis [The Revolutionary movement in Russia in September 1917 a National crisis]. M., 1961.

[Revolyutsiya i chelovek, 1996](#) – Revolyutsiya i chelovek. Sotsial'no-psihologicheskii aspekt [Revolution and people. Socio-psychological aspect]. M., 1996.

[Revolyutsiya i chelovek, 1997](#) – Revolyutsiya i chelovek. Byt, nrvy, povedenie, moral' [Revolution and people. Life, customs, behavior, morals] M., 1997.

[S kem vy, 1917](#) – S kem vy, gospoda sotsialisty? [With whom you, gentlemen, the socialists?] // *Rabochiy put*. 1917. 6 sentyabrya.

[Slovo i delo, 1917](#) – Slovo i delo [Word and deed] // *Novaya zhizn'*. 1917. 31 maya.

[Sovetskaya istoriografiya, 1981](#) – Sovetskaya istoriografiya Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Soviet historiography of the great October socialist revolution]. Moscow, 1981.

[Sukhanov, 1991](#) – *Sukhanov N.N.* (1991). Zapiski o revolyutsii [Notes on the revolution]. V 3-t. Moscow. T. 3.

[Khvosty, khvosty, 1917](#) – Khvosty, khvosty [Tails, tails] // *Birzhevye vedomosti*. 1917. 9 sentyabrya.

[Khleba i tishiny, 1917](#) – Rhleba i tishiny [Bread and peace] // *Birzhevye vedomosti*. 1917. 25 avgusta.

[Yarov, 1999](#) – *Yarov S.V.* (1999). Proletarii kak politik. Politicheskaya psihologiya rabochikh Petrograda v 1917–1923 gg. [Proletarian politician. The political psychology of Petrograd workers in 1917–1923]. SPb.

УДК 93/94

Пресса как фактор дестабилизации российского общества осенью 1917 года

Юрий Дмитриевич Коробков ^{a,*}, Елена Михайловна Буряк ^a, Илья Олегович Колдомасов ^a

^a Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Российская Федерация

Аннотация. Развитие российской революции с марта по октябрь 1917 г. демонстрирует большое разнообразие социально-психологических состояний масс, насыщенную эмоциональную жизнь, резкую, порой полярно противоположную смену настроений, огромное влияние на состояние массового сознания неформальных практик и недостоверных источников информации. Одним из ведущих дестабилизирующих факторов морально-психологического состояния общества оказалась российская пресса. Вне зависимости от партийно-политической принадлежности ее информационное пространство было ориентировано не на сплочение и объединение социума и совместное решение проблем, а на раскол общества по классовому принципу. Особенно ярко это проявилось в условиях углубления социально-экономического и политического кризиса осенью 1917 года. Анализ российской прессы позволяет выделить основные травмоопасные для массового сознания информационные потоки. К первым относится тиражирование различных слухов, бульварных сплетен и другой недостоверной информации, которая ложилась на подготовленную почву, способствовала озлоблению масс и нередко являлась прямой или косвенной причиной различных эксцессов. Особенно часто тиражировались темы голода, болезней, эпидемий, дефицита продовольствия, немецкой и большевистской угроз. Вторым являлась партийно-идеологическая информация, направленная на завоевание или удержание власти. Ее основным содержанием стала критика Временного правительства, своих политических оппонентов, что, в конечном счете, вне зависимости от источника информации способствовало распаду, атомизации и неустойчивости общества и формировало идеологию гражданской войны по принципу «кто не с нами, тот против нас». Все это дает основание считать российскую прессу, с одной стороны, заложницей ситуации, с другой – катализатором социального взрыва осенью 1917 года.

Ключевые слова: пресса, общественное сознание, контрреволюция, Корниловской мятеж, соглашатели, большевики, кадеты, обыватель.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.kyakkinen-56@yandex.ru (Ю.Д. Коробков), lench81@inbox.ru (Е.М. Буряк), koldomasov@inbox.ru (И.О. Колдомасов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 680-711, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.680
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

The Social and Psychological Profile of the Russian Proletariat and Its Role in the Revolutionary Movement

Boris N. Mironov^{a, *}

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

In Imperial Russia workers were in all respects disadvantaged, marginalized, frustrated, and the most deviant social group of the entire population; the workers were nineteen times more likely than peasant-farmers to engage in criminal activity. The proletarians' political radicalism and aggressiveness had social, demographic, and psychological origins. Workers' socio-legal status was indeterminate and transitional: they came from all social estates, although the overwhelming number were of peasant origin; but they were not themselves a social estate, and by 1917 they had not yet become a class. Cut off from the accustomed conditions of life and accepted standards of behavior in the social groups from which they came, workers adapted with difficulty to factory and urban life, and this difficulty in turn spurred their anti-social behavior and negative psychological state. Workers had a low standard of living and a disadvantageous gender, age, and family structure. There were six times more men than women among them; the age profile was skewed toward youth; and almost half the men and two-thirds of the women were unmarried. As a result of their low standard of living, marginal status, and gender and age imbalance workers were sexually anxious, frustrated, and dissatisfied with life if only because, while living in a society that valued family and children highly, many of the workers had neither the one nor the other. Given the practical impossibility of satisfying fundamental, basic needs a confrontational, negative emotional state of frustration developed among workers: discontent, disappointment, anxiety, anger, and even despair, which often manifested itself in aggressive behavior directed against the real or imagined source of this frustration.

As a consequence of low levels of education and of cognitive and cultural development, the vast majority of workers did not see themselves as a coherent whole; they did not possess a socialist worldview; they did not have specific goals and interests; and they did not lay claim to a leading role in the revolutionary movement. They easily became an object of manipulation by the leaders of the revolution and were easy prey for radicals and revolutionaries. Simple, understandable slogans and clever propaganda secured the Bolsheviks' success among workers, while the revolutionaries' extensive, skillful organizational work enabled them to mobilize the proletariat and to harness its energy for their own purposes, to use the workers as a battering ram and cannon fodder to achieve their own political program.

Keywords: Russian proletariat, social estate structure, age and sex structure, family profile, cultural level, frustration, marginalization, professionalization, workers' movement, petitions, labor troubles, strikes, manipulation of workers, Bolsheviks, Revolution of 1917

1. Введение

В советском обществоведении российский пролетариат мыслился и изображался авангардом и гегемоном революционного движения, обладавшим марксистским мировоззрением и благодаря этому принявшим самое активное участие в революции 1917 г. ради построения социализма и мировой революции. Эта точка зрения не была пересмотрена в постсоветской историографии; о ней

* Corresponding author

E-mail addresses: bmironov@mail.wplus.net (B.N. Mironov)

как будто забыли. На самом деле она присутствует в научном и массовом сознании как фоновое знание; де-факто ее разделяют многие историки, особенно старшего поколения. Цель статьи состоит в том, чтобы всесторонне протестировать эту точку зрения и предложить новый взгляд на российский рабочий класс.

2. Материалы и методы

Исследование основано на статистических источниках, среди которых отчеты фабричных инспекторов за 1901–1914 гг., сведения о рабочем движении в 1895–1920 гг., материалы переписей населения 1897 и 1920 гг., санитарных обследований фабрик и заводов в 1880–1910-е гг. и промышленных переписей 1887–1926 гг., статистические ежегодники России за 1905–1924 гг., а также мемуарные источники (записки фабричных инспекторов, воспоминания рабочих и другие). В своем анализе автор следует принципам историзма, научной объективности и системности, использует сравнительно-исторический метод.

3. Обсуждение и результаты

3.1. Российская историография

История российского пролетариата и рабочего движения являлась в советской историографии важнейшей и идеологически востребованной темой. Однако, несмотря на огромную историографию, насчитывающую тысячи работ, тема отнюдь не была исчерпана вследствие того, что изучение собственно рабочего класса зачастую подменялось или нагружалось историей большевизма. Советские историки уже в 1930-е гг. получили прямой заказ со стороны директивных органов доказать закономерность так называемой Великой Октябрьской социалистической революции и тем самым оправдать усилия и все средства, включая массовый террор, которые использовали большевики для ее победы. Говоря более конкретно, требовалось доказать, что 1) страна была капиталистически достаточно развитой и готовой в социально-экономическом отношении для проведения «социалистической революции» и последующих социалистических преобразований, 2) революция была пролетарской и социалистической по своему содержанию, 3) в ней пролетариату принадлежала роль авангарда трудящихся и гегемона, 4) рабочий класс обладал всеми необходимыми качествами для выполнения этой миссии (был многочисленным, классово развитым, марксистски мыслящим и т.д.), чтобы выполнить эту миссию, 5) победа революции подтвердила на практике правильность марксистско-ленинского положения о том, что главной движущей силой революционного преобразования мира является рабочий класс. Немногочисленные попытки разнообразить заданную программу исследований или от нее уклониться были пресечены. В результате советским историкам в течение нескольких десятилетий пришлось трудиться над ее реализацией и найти искомое (Волобуев, Гапоненко, 1968; *Рабочий класс России, 1982: 5–17, 374–382; Рабочий класс, 1989: 497–520, 591*). При этом решающими аргументами в пользу этой концепции нередко служили цитаты из трудов В.И. Ленина и других классиков марксизма (*История СССР, 1968: 17–81, 317–323, 678–681; Рабочий класс, 1989: 5–17, 374–383*).

Историки – буквально соревновались в том, чтобы насчитать больше рабочих и больше фактов и форм их неповиновения и протестов, обнаружить больше признаков классовой сознательности. Радикальный способ завышения численности рабочих состоял в объединении всех лиц наемного труда в единый класс пролетариев, что нельзя признать правильным. Многие работники, в особенности занятые в сфере услуг (слуги, приказчики, дворники, извозчики, портные, сапожники, продавцы, проститутки, артисты и т. д.), представляли специфические социальные группы, отличавшиеся по доходу, образу жизни, образованию и менталитету от промышленных рабочих; некоторые из них занимались в большей или меньшей мере умственным трудом и не идентифицировали себя с рабочими. Низший управляющий персонал в промышленности, строительстве и на транспорте, несмотря на его рабочее происхождение, также вряд ли правильно объединять с пролетариями. Популярным способом повышения классовой сознательности и революционности пролетариев стало объединение их всех в единый класс и наделение качествами, присущими малочисленной группе «умственных, или интеллигентных, рабочих». Такие «передовые» рабочие действительно существовали, и их число со временем увеличивалось, но в какой мере не знали, поэтому обычно говорили, что быстро росло. По признанию участников проекта «Хроника рабочего движения», воздействие нормативной концепции, согласно которой рабочий класс России являлся ударной силой освободительного движения, сказывалось помимо их воли уже на стадии первичной обработки источников – при заполнении карточек, посвященных отдельным выступлениям, под влиянием инструкции по заполнению карточек и содержавшейся в ней классификации выступлений.

Вплоть до распада Советского Союза таким именно образом и проходило изучение истории пролетариата. После революции начала 1990-х гг. ситуация принципиально изменилась. Хотя осмысление роли революционных событий 1917 г. в судьбе страны оставалось одной из самых актуальных проблем, рабочая тематика ушла на обочину, превратившись в «маргинальную». Одновременно с этим ключевой для советской историографии вопрос о роли рабочего класса в революционном движении из повестки изучения также исчез. В числе главных причин

маргинализации рабочей темы называются конкуренция со стороны историков, чья проблематика долгое время не была в фаворе; негативная позиция общественности и средств массовой информации, осудивших пролетариат за активное участие в «красной смуте»; политика учреждений, ответственных за изучение истории в средней и высшей школе, исключивших из научных программ, учебников и учебных пособий темы, связанные с положением трудящихся, историей их борьбы за свои права и повышение материального уровня жизни. И. М. Пушкарева даже предположила, что подобные исследования стали для власть предержащих «ненужными» и даже «по своему опасными», поскольку указывали большинству населения современной России, живущему за чертой бедности, как нужно бороться за улучшение своего положения (Пушкарева, 2002: 69–70, 103). С этим трудно согласиться. На протяжении почти всего советского периода рассказы о борьбе трудящихся за свои права «при проклятом царизме» не казались опасными, хотя уровень жизни советских рабочих в довоенное время, как правило, снижался, а в послевоенные годы, несмотря на повышение, не стал высоким. Более важным, на мой взгляд, фактором, повлиявшим на свертывание изучения истории пролетариата – необъективность и предвзятая заданность советской историографии, превратившая рабочих, как сказал С.В. Тютюкин, из живых людей в «некую бронзовую фигуру, которая уже весьма отдаленно напоминала исторические реалии конца XIX – начала XX в.». Именно идеализация пролетариата и рабочего движения, гиперболизация его значения («главная движущая сила революционного преобразования мира», которому «принадлежит решающая роль в борьбе за свержение власти капитала, в построении социализма и коммунизма» (Волобуев, Гапоненко, 1968; Рабочий класс, 1989: 497–520; Рабочий класс, 1982: 168–173, 226–233, 331–336, 368–373) послужили важнейшей причиной антирабочего поворота в историографии, продолжающегося, к сожалению, до сих пор (Пушкарева, 2002: 103). К сожалению, потому что, несмотря на огромную советскую литературу, в истории российского рабочего класса неясного намного больше, чем объясненного.

Редкие попытки реанимировать изучение истории рабочих все же предпринимались (Кириянов, 2005; Пушкарева 2002; Пушкарева, 2007; Чураков, 2001; и др.). И.М. Пушкарева отметила ряд недостатков в советской историографии пролетариата. Темпы формирования рабочего класса, степень его социальной самоидентификации, классовой сознательности и революционности преувеличивались, а уровень культурной, материальной и социальной дифференциация, наоборот, преуменьшался, что позволяло объединить всех пролетариев в «передовой», «героический» рабочий класс. Несмотря на то что официальная статистика в 3–4 раза преуменьшала число выступлений рабочих, конфликтный потенциал рабочего движения до 1905 г. отнюдь не был высоким, как постулировалось. К главным центрам рабочего движения следует отнести не только Петербург и Москву, но Западный регион, населенный евреями и поляками. Ведущая роль в революционной пропаганде среди рабочих принадлежала не эсерам или какой-либо другой партии, а социал-демократам, о чем говорит тот факт, что последние распространили в целом по стране наибольшее количество (даже по названиям) агитационных материалов, обращенных к рабочим. Влияние экономизма в среде рабочих замалчивалось или недооценивалось. Между тем, он имел перспективы для своего развития благодаря тому, что материально обездоленная огромная масса рабочих была готова поставить на первый план или даже вообще ограничиться экономическими требованиями. Стихийный и бунтарский характер выступлений рабочих, сопровождавшихся во многих случаях разгромом фабрично-заводских помещений, повреждением оборудования, станков, нападениями на администрацию, преуменьшался в стремлении подчеркнуть организованность рабочего движения (Пушкарева, 2002: 73–76; Трудовые конфликты, 2011: 58, 75, 434–435, 437, 444–445). Но даже полное устранение перечисленных недостатков советской историографии не изменит, а лишь подкорректирует навязываемое ею общее представление о пролетариате как прогрессивном классе и гегемоне революции.

3.2. Зарубежная историография

Изучение истории российского рабочего класса за рубежом шло более извилистым путем и находилось под влиянием господствующих методологических парадигм. В американской историографии, определяющей развитие зарубежных исследований, получила распространение периодизация послевоенной русистики, основанной на поколенном принципе: поколение «отцов» (конец 1940-х – середина 1960-х гг.), «детей» (конец 1960-х – конец 1980-х гг.) и «внуков» (с 1990-х гг.). Каждый хронологический отрезок – одновременно и этап, и поколение, так как в каждый период преобладающая группа историков относилась к людям примерно одного возраста. Данная классификация при всей ее условности отражает смену господствующей парадигмы или структурные сдвиги в историографии. «Отцы» писали историю «сверху вниз», дети – «снизу вверх», внуки – предпочитают изнутри. «Отцы» подчеркивали определяющую роль политики, выдающихся личностей и идеологии; «дети» строили свои интерпретации вокруг «общественных сил», «внуки» – вокруг идеологии, личности, социальных групп. Неотъемлемым элементом подхода «отцов» было подчеркивание случайности большевизма и возможности либеральной альтернативы; «дети» охотнее писали о социальной необходимости революций и взаимодействии народа с революционными партиями; «внуки» допускают любые варианты. «Отцы» были антикоммунистами и антимарксистами; «дети» придерживались более «левых» взглядов, не чурались марксизма,

использовали данные и до некоторой степени разделяли постулаты официальной советской историографии; «внуки» принадлежали к разным партиям. «Отцы» изучали преимущественно политическую историю конца XIX – начала XX в.: большая политика и ее главные действующие лица, метаидеи, партии, государство, элита, истоки и альтернативы революций, революционное движение, русский марксизм. «Дети» предпочитали социальную историю от Великих реформ до 1917 г. «Внукам» больше нравилось изучать XVIII – начало XIX в., империю, нерусские народы, «белые пятна» советского периода. С точки зрения методологических ориентаций, «отцы» принимали за лучшее принцип Леопольда фон Ранке «установить, как собственно все происходило»; «дети» придерживались парадигмы западной социальной истории, построенной на количественных, социологических методах и междисциплинарном подходе. «Внуков» можно назвать эклектиками – не отказываясь от сравнительно-исторического и междисциплинарного подходов (правда, они отдают предпочтение литературоведению, семиотике и культурной антропологии), им нравится работать в рамках новой культурной истории, изучать умонастроения, социальные идентификации, народную культуру; метаисторию они приносят в жертву частому случаю (case-study), постижение общего – изучению конкретного, индивидуального, анализ – повествованию. Почти все «внуки» находятся под сильным влиянием постмодернизма, правда, и действующие «отцы» и «дети» не избежали его влияния. Однако, постмодернистские настроения среди русистов, как и историков вообще, не стали доминирующими. Основной структурный сдвиг во взглядах трех поколений русистов на исторический процесс – «это сдвиг от “большой” политики и грандиозных идей “отцов” к рассмотрению “детьми” проблем общества и общественных сил, и к широкому понимаю культуры “внуками”» (Миронов, 2003: 135–146).

Соответственно единства взглядов на российский рабочий класс в зарубежной историографии не было и нет (Большакова, 2009; Иоффе, 1970: 285–291, 297–298; Критический словарь, 2014; Розенберг, 1996; Соболев, 1979: 183–195; Три революции, 1977; Фогт, 1990). «Отцы» представляли рабочих забытыми, невежественными, плохо организованными, политически индифферентными. По их мнению, они обладали специфической культурой, плебейско-пролетарским сознанием и были склонны к анархизму – к безначалию, беспорядку и хаосу. Их поведение даже в 1917 г. носило стихийный, анархический, бунтарский характер, было непредсказуемо, особенно в экстремальных ситуациях, создавая возможность для неожиданного, стихийного и случайного поворота событий, в том числе и в сторону бунта и насильственной смены власти.

«Отцы» отрицали активное и сознательное участие рабочего класса в подготовке и проведении Октябрьской революции. Среди них пользовалась популярностью так называемая концепция «запланированной революции» или «волевого насилия над массами» посредством умелой манипуляции с помощью «революционной техники». По словам Т. Фон Лауэ: «Большевики никогда с массами не сливались, выступая в роли манипуляторов воли народа, а не его представителей» (Laue, 1964: 127). Только большевики были обучены технике организационного манипулирования масс и знали более или менее, чего они хотят. Умелое использование этой техники позволило им взять под контроль Советы, фабзавкомы и профсоюзы. Большевизация масс к осени 1917 г. – результат манипулирования. Радикальная интеллигенция, лишенная политического рационализма и склонная к социально-политическим утопиям, – единственный творец Октября (Соболев, 1979: 186–187).

Усилиями «детей» во второй половине 1960–1980-х гг. была создана новая социальная история рабочего класса. Ее главная цель состояла в том, чтобы вернуть на историческую сцену «низы» – рабочих, солдат и крестьян, осмыслить исторические события, самые критические исторические моменты, явления и процессы «снизу», на основе анализа социокультурных реалий России. Проблемы собственно политики и власти у социальных историков ушли на второй план. В центре изучения оказались социальные структуры, социальные отношения и социальные процессы: рабочий класс, крестьянство, бюрократия, формирование классов, социальная мобильность, менталитет и др. «Дети» признавали закономерность революции (правда, в рамках теории модернизации); ее движущей силой, за редкими исключениями, считали рабочих и солдат, а не большевиков. Революционно настроенные промышленные рабочие наряду с солдатами составляли фундамент массовой поддержки большевистского движения, и главные промышленные центры являлись опорными пунктами революции. Октябрь оценивался как величайшая в мире социальная революция. Виднейший представитель социальных историков, Р. Суни, идентифицировал ее как марксистскую по своему происхождению (Большакова, 2009: 13–18). По мнению социальных историков, политическая история, изучаемая «отцами» вне социально-культурной среды, искажает исторический процесс. «Отцы» утверждали, что именно политика определяет суть исторических процессов, в силу этого социальная история, изучаемая вне политики, дает еще более искаженную картину по сравнению с политическими историками, игнорирующими социальный контекст. «Дети» полагали, что процесс модернизации затруднялся и ограничивался факторами социального и культурного характера. В то время как «отцы», изучавшие политику и власть в отрыве от социально-культурных процессов («история сверху»), неудачу модернизации связывали с разрушительной деятельностью властолюбивых революционных радикалов (Актон, 2014; Большакова, 2009; Розенберг, 1996: 12, 14; Розенберг, 2014; Соболев, 1979; Фогт, 1990; Perrie, 1987; Ragsdale, 2003; Smith, 1994; Suny, 1994).

Однако и в рамках социальной истории рабочего класса единства взглядов не наблюдалось. Например, по мнению одних, волнения среди рабочих и социальная поляризация поставили Россию на грань революции еще до первой мировой войны. Другие полагали, что нет неопровержимых данных о том, что царскому режиму в то время грозил неминуемый крах. Одни считали, что коллективизм пролетариата, создание им советов, фабзавкомов и рабочего контроля было следствием общинных принципов, унаследованных им от крестьян, другие усматривали в этом проявление социального творчества самих рабочих.

В отличие от советских историков, пришедших к своим выводам дедуктивным путем – от марксистской концепции пролетариата и социалистической революции, зарубежные историки сделали заключение скорее индуктивным путем, на основе эмпирического анализа. Ход мысли следующий – если рабочие приняли самое активное участие в свержении монархии и Временного правительства и проявили революционность, то они обладали пролетарским сознанием. Дедуктивный метод в решении конкретной исторической проблемы не состоятелен, тем более тогда, когда подвергается серьезным сомнениям сама исходная теория. Но и применение индуктивного метода в данном случае вызывает сомнение: эмпирический материал, послуживший основанием для вывода, касался исключительно *внешнего* участия рабочих в революции. Мотивация, стимулы, рефлексия относительно того, что, как и зачем они делают революцию, не анализировались. Между тем при оценке того, насколько пролетарии разделяли символ социалистической веры, это имеет принципиальное значение. Чтобы суд признал девиантный поступок преступлением, недостаточно факта совершения этого поступка – необходимо наличие преступного мотива и осознание девиантом преступности этого мотива и совершенного проступка. Аналогично и революционным поведением рабочих. Поведение действительно было революционным. Но что за ним стояло – пролетарское сознание или, как утверждали представители политической школы американских русистов, – плебейско-пролетарское сознание, склонность к безначалию, беспорядку, насилию и хаосу.

Начало третьего периода в изучении пролетариата совпало с публикацией двух книг одного из столпов первого поколения, Р. Пайпса, «Русская революция» (1990 г.) и «Россия при большевиках» (1993 г.) (Пайпс, 1994; Пайпс, 1997), в которых он попытался взять реванш у социальных историков. Книги имели огромный успех у широкой читательской аудитории США и в солидной прессе, что вызвало «почти озлобление у профессионалов», они «рвали его на куски», поскольку Пайпс игнорировал фактически все достижения целого поколения социальных историков и поддерживал интерпретации, которые они отвергали (Большакова, 2009: 20). Однако «внуки» не поддержали ни Пайпса, ни социальных историков – они пошли своей дорогой, совершив два крутых методологических поворота – лингвистический и культурный (или культурологический антропологический), которые акцентировали внимание исследователей на языке, культуре, идеях и представлениях. Вследствие этого взгляд на рабочих изменился, а вместе с тем – и повестка его изучения, которая стала включать совсем другие вопросы. То, что раньше казалось важным, утратило свое значение в глазах «внуков». Пролетариат не пользовался у них особым вниманием, что привело некоторых зарубежных коллег к заключению о конце рабочей истории, с которым большинство не согласилось: несмотря на спад интереса, «внуки» выполнили много важных исследований и сделали массу интересных наблюдений (Линден, 1996: 259–260). Лингвистический поворот поставил во главу угла вопрос о практике речевого поведения индивидов, или дискурсах, которые могут быть речевыми и невербальными. Например, репрезентации рабочих в прессе, листовках и т. п. «способствовали формированию у рабочих социальной идентичности, одновременно снабжая их образами и языком для осмысления и выражения своих взглядов». В исследованиях, выполненных в рамках культурного поворота, ключевыми стали такие категории «новой культурной истории», как историческая память, нарратив, миф и использование концептов социальной интерпретации и социального конструирования. Приобрели популярность исследования политической культуры, массового сознания рабочих и пропаганды как важнейшего в революционные годы политического инструмента. Стоит отметить, что традиционные подходы сочетаются с новыми, например, количественный на макроуровне соединяется с анализом событий и фактов на микроуровне и с пристальным обращением к индивидууму – участнику события (Большакова, 2009: 21–22).

Краткий обзор историографии пролетариата приводит к парадоксальным выводам. Самое мощное направление в советской историографии принесло плоды сомнительного качества, дало результаты во многом недостоверные и необъективные. Мы не имеем полных и надежных данных о численности рабочих, их сословном составе, уровне образования, о гендерном, возрастном и семейном профиле. У нас нет достоверных статистических данных о его материальном положении, нет статистики рабочего движения по России за пореформенный период в целом.

Относительно социально-психологического облика и менталитета, так же как и роли пролетариата в революционных событиях 1917 г. сосуществуют противоречивые точки зрения, и число их множится. Многие исследователи, не утруждая себя изучением историографии, предлагают собственные интерпретации, аргументируют свои выводы, опираясь на специфический блок данных. Положение, согласно которому могильщиком империи был рабочий класс, оспорен, но до сих пор сохраняет много сторонников не только среди марксистов. Аксиоматический в советской историографии тезис о пролетариате как главной движущей силе революционного процесса имеет

немало сторонников. Неомарксистские историки по-прежнему поддерживают основные положения советской историографии, лишь слегка их подновив: верят в системный кризис и саморазрушение самодержавной системы, деградацию правящих элит и государственных институтов, в отсутствии у элиты страны во главе с царем «государственной мудрости» (Трудовые конфликты, 2011: 445). А твердые и последовательные марксисты полностью и все их разделяют (Красное движение, 2016).

Все многообразие противоречивых, порой исключаящих оценок, сложившихся в постсоветское время в отечественной и зарубежной историографии, существует в учебной литературе. Есть учебники, которые оценивают роль пролетариата и рабочее движение с позиций либеральной, державной, националистической и монархической, с точки зрения разных методологических ориентаций, включая марксистскую (Данилов, 2012).

В зарубежной историографии также нет определенности. Принципиально различающиеся точки зрения на пролетариат, сформулированные двумя послевоенными поколениями русистов, сосуществуют. Третье поколение не имеет желания разбираться в том, кто прав – оно ставит и ищет ответы на другие вопросы, которые кажутся ему более интересными. Зарубежные историки могут себе это позволить, российские – нет. Для нас, российских историков, революция продолжается, нерешенные вопросы остаются актуальными, даже если они вытеснены на обочину или в подсознание отечественной историографии.

Кем же являлся российский пролетариат в конце XIX – начале XX в. – революционным авангардом или маргиналом? Какую роль он играл в революционном движении – субъекта политического процесса или объекта манипулирования со стороны политиков? Прояснению этих вопросов истории российского пролетариата и посвящена данная статья.

3.3. Социальная природа, численность, гендерный, возрастной и семейный состав промышленных рабочих

Следует различать превращение рабочих в один из классов буржуазного общества (наряду с высшим и средним классом, что происходит, когда общество трансформируется из аграрного в индустриальное) в социологическом смысле и формирование пролетариата как класса в марксистском смысле. Чтобы считаться классом в социологическом смысле, рабочие должны обладать специфическим престижем, властью, материальным положением, образованием, стилем жизни; иметь представление о себе, о других группах и о социальной иерархии в обществе в целом, а также о социальном мире и способах его изменения, но их идеология не обязательно должна быть промарксистской (Масионис, 2004: 340–342, 352–357).

На мой взгляд, вплоть до конца царского режима рабочие не являлись ни сословной группой, так как не соответствовали критериям сословия, ни классом, поскольку не обладали всеми обязательными признаками класса не только в марксистском, но и в общесоциологическом смысле термина «класс». Общность рабочих объективно не имела четких социальных границ. Классовая идентичность рабочих была весьма проблематичной и с точки зрения самоидентификации и перекрестной (со стороны других социальных групп) идентификации. По закону отдельные рабочие не имели равные права ни в своей среде, ни за ее пределами. Они обладали правами и обязанностями тех сословий, из которых происходили, а происходили они из всех сословий, включая дворянство и духовенство. Большинство рабочих оценивали себя в понятиях сословного общества; аналогично смотрели на рабочих и на себя другие социальные группы (Фриз, 2000: 121–162). Это было следствием того, что классовое общество в позднимперской России находилось в стадии формирования. Между тем для классовой идентичности рабочих в обществе должны существовать другие классы, которые смотрят на себя, на других и на социальную иерархию в обществе с классовой точки зрения. Положение усугублялось тем, что вследствие специфической половозрастной структуры рабочая общность не могла сама себя демографически воспроизводить. Она постоянно нуждалась в притоке свежих кадров, которые поступали главным образом из деревни. В свою очередь из состава рабочих уходили те, кому удавалось приобрести образование и новую более престижную профессию. Подобная высокая социальная мобильность на стадии трансформации рабочих в класс затрудняла завершение их социальной идентификации.

Спорным является также вопрос о возможности идентификации рабочих как особой *сословной* группы (Фельдман, 2006: 301). По моему мнению, рабочих можно считать социальной или профессиональной группой, но не сословной, поскольку специфически сословного статуса они по закону не имели: «звание» рабочего не приобреталось и не передавалось по наследству, а сословный состав рабочих был пестрым (табл. 1).

Таблица 1. Сословный состав рабочих Московской (без Москвы) губернии в 1879–1884 гг. и Смоленской губернии в 1894–1895 гг.

Сословные группы	Муж.		Жен.		Оба пола	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крестьяне	64 608	84,55	30 204	92,25	94 812	86,86
Солдаты /солдатки	6530	8,55	733	2,24	7263	6,65
Мещане	5151	6,74	1787	5,46	6938	6,36
Дворяне	42	0,05	8	0,02	50	0,05
Духовенство	27	0,04	1	0,00	28	0,03
Питомцы воспитательных домов	14	0,02	6	0,02	20	0,02
Цеховые	13	0,02	0	0,00	13	0,01
Почетные граждане	10	0,01	1	0,00	11	0,01
Кантонисты	7	0,01	0	0,00	7	0,01
Иностранцы	4	0,01	1	0,00	5	0,00
Рабочие	4	0,01	0	0,00	4	0,00
Купцы	2	0,00	0	0,00	2	0,00
Прочие	2	0,00	0	0,00	2	0,00
<i>Итого</i>	76 414	100,00	32 741	100,00	109 155	100,00

Подсчитано по: (Санитарное исследование, 1894, 1896; Сборник, 1881–1893).

Промышленные рабочие как *профессиональная* группа появились во второй половине XVII в. вместе с первыми мануфактурами. К 1861 г. число рабочих, занятых в крупной фабрично-заводской и горнозаводской промышленности (без транспорта) возросло до 810 тыс., в 1861–1916 гг. – до 3 млн. (табл. 2)¹.

Таблица 2. Численность рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности и самодеятельного населения в 50 губерниях Европейской России в 1860–1916 гг.

Показатели	1860 г.	1861–1870 гг.	1871–1880 гг.	1881–1890 гг.	1891–1900 гг.	1900 г.	1913 г.	1.01.1917
Число рабочих, тыс.	704,8	797,6	945,6	1160,1	1637,6	1913,0	2557,4	2932,8
Самодеятельное население, тыс.*	36 304	38 251	42 841	49 161	56 512	60 552	74 956	77 638
Доля рабочих, %	1,9	2,1	2,2	2,4	2,9	3,2	3,4	3,8

Подсчитано по: (Волков, 1930: 264–271; Народное хозяйство, 1924: 132–133; Россия, 1995: 223; Народное хозяйство, 1962: 182; Общий свод, 1905: 56–58; Рабочий класс, 1982: 34–43, 245–255; Рабочий класс, 1989: 73–76, 152–177, 260–274; Рашин, 1956: 46–47; Рашин, 1958: 62, 189–190; Статистический ежегодник, 1918: 85).

* Число лиц в возрасте 15 лет и старше.

Однако во всем населении страны их доля в самодеятельном населении страны возросла только с 1,9 до 3,8 % и была весьма незначительной, существенно уступая ведущим западным странам. Доля только промышленных рабочих в самодеятельном населении во второй половине XIX в. увеличилась в Великобритании (без Ирландии) – с 42 до 74 %, во Франции – с 18 до 25 %, в Германии с 7 до 39 %, в США – с 18 до 25 % (табл. 3).

В пореформенное время происходила *профессионализация* российских рабочих, что проявлялось в росте доли постоянных и потомственных кадров, в увеличении стажа и квалификации, в ослаблении связи с земледелием и деревней. Но интенсивность этих процессов в советской историографии преувеличивалась. В 1914 г. доля потомственных кадровых рабочих в фабрично-заводской промышленности в целом по стране составляла менее 50 %. Даже в 1929 г., за который мы имеем самые полные данные, доля кадровых рабочих во всей промышленности составляла 52 % (Рабочий класс, 1982: 73–76; Рабочий класс, 1989: 285–303; Труд в СССР, 1930: 28–29).

¹ В данные Рашина, основанные на официальных сведениях, советские исследователи внесли поправки, на мой взгляд, преувеличивающие численность рабочих, занятых на крупных капиталистических предприятиях. Поэтому я отдаю предпочтение данным Рашина.

Таблица 3. Численность промышленных рабочих, самодеятельного населения и всего населения в России, Великобритании, Франции, Германии и США около 1850 г. и в 1900 г.

Показатели	Россия		Британия		Франция		Германия		США	
	1860 г.	1900 г.	1851 г.	1901 г.	1848 г.	1900 г.	1850 г.	1895 г.	1850 г.	1900 г.
Рабочие, млн	0,8	2,2	4,1	12	2,5	5,0	0,9	9,5	1,4	7
Самодеятельное население, млн	45,6	81,9	9,7	16,3	14,1	19,7	–	24,3	7,7	28,5
Доля рабочих, %	1,8	2,7	42	74	18	25	–	39	18	25

Подсчитано по: (Мендельсон, 1959: 530, 568, 619, 620, 668; Historical Statistics, 1975: 8, 126, 134; Mitchell, 1976: 20–24, 35–37, 41–42, 52–53, 155, 157, 163).

Данные о связи промышленных рабочих с сельским хозяйством разнородны, так как зависели от способа их сбора, от анкеты, на которую отвечали рабочие, от региона и отрасли, наконец, от экономической конъюнктуры в момент исследования. Тенденция уменьшения связи рабочих с землей просматривается, но степень и темпы отрыва рабочих от сельского хозяйства противоречивы, и успехи пролетаризации не стоит преувеличивать (Рабочий класс, 1982: 60–66).

Профессиональная перепись 31 августа 1918 г., охватившая 983,8 тыс. рабочих великороссийских губерний, показала: до революции 1917 г. 31 % рабочих имели в деревне свою землю или землю своей семьи, в том числе 21 % вели свое хозяйство (Подсчитано по: (Фабрично-заводская промышленность, 1926; Статистический ежегодник, 1921: 64–65).

Разумеется, средние цифры скрывали большое региональное и отраслевое разнообразие. Однако всюду значительная часть рабочих не забывала деревню, а кто с нею порвал, не утрачивал полностью крестьянскую закваску – для этого требуется примерно три поколения. Опыты детства в деревне оставляли на мигранте отпечаток, изгладить который для неграмотного или полуграмотного человека было практически невозможно. Как говорится, «девушку / парня из деревни вытащить легко, но деревню из девушки / парня вытащить почти невозможно». Поддержанию тесных отношений с деревней весьма способствовали два обстоятельства. Во-первых, 61 % фабрично-заводских рабочих проживали в сельской местности, так как там размещалось 59 % предприятий, причем многие – сравнительно недалеко от дома (Погожев, 1906: 254). Во-вторых, источником пополнения рабочих кадров на 90 % являлись крестьяне.

Половозрастной и семейный состав рабочих во многом определял их демографическое воспроизводство, преемственность поколений в их среде и психологическое самочувствие. В конце XIX – начале XX в. во всей промышленности в целом доля работниц составляла 15 % (Рашин, 1958: 218). Во время Первой мировой войны женщины стали активнее вовлекаться в промышленность, и к началу 1917 г. их доля среди рабочих поднялась до 40 % (Рашин, 1940: 236; Рабочий класс, 1982: 245–254; Рабочий класс, 1989: 275–277).

У обоих полов преобладали взрослые работники (17–39 лет) – на их долю приходилось 70 %; доля лиц в возрасте 40–59 лет – 12–17 %, а в возрасте старше 59 лет – около 1–2 % (во время войны она увеличилась на 1,5 пункта). Костяк – рабочие в возрасте 20–39 лет, на их долю приходится свыше половины – 55–59 % (Фабрично-заводская промышленность, 1926: 11–125; Свод отчетов, 1914: XLII–L; Динамика, 1929: 70–73; Рабочий класс, 1982: 34–42; Рабочий класс, 1989: 275–277).

Семейный состав рабочих сравнительно с другими сословиями отличался большой спецификой: в 1897 г. среди лиц в возрасте 16 лет и старше почти половина (около 45 %) мужчин и две трети (63 %) женщин не состояли в браке; доля семейных составляла соответственно 53 и 29 % и вдовых – 2 и 8 %. Среди лиц брачного возраста семейных у крестьян насчитывалось в 1,2 раза, а у крестьянок – в 1,8 раза больше, чем у рабочих. Поразительна численность незамужних работниц – 259 тыс., или 63 % от их общего числа, – при том, что имелось 1199 тыс. холостых мужчин (Численность и состав, 1906: I–XX). На каждую девицу приходилось почти пять холостых мужчин! В последующие годы ситуация мало изменилась (Рабочий класс, 1982: 66–68). Учитывая огромную склонность к семейной жизни, это свидетельствует о печальном факте: условий для нормальной по крестьянским стандартам семейной жизни у рабочих не имелось. Главные препятствия – плохие жилищные условия, отсутствие дошкольных и школьных учреждений, а также неразвитость государственной системы социального обеспечения. В деревне последняя также отсутствовала. Но там функции материального обеспечения и обслуживания людей в старости, при потере трудоспособности и кормильца, а также в случае болезни по обычному праву выполняли община, семья и родственники (Миронов, 2015а: 216–217).

В родной деревне жилище доставалось по наследству, да и построить новое не требовало больших средств. Фабрика в лучшем случае обеспечивала казармой; снять квартиру или построить собственный дом представляло трудности. Поэтому до середины XIX в. большинство рабочих жили на предприятии, иногда прямо в цехе или мастерской, где они работали, бесплатно.

В пореформенный период в общероссийском масштабе процент промышленных рабочих, пользовавшихся «хозяйским жильем», сокращался – до примерно 35 % в 1897 г. до 25 % в 1918 г. (Кириянов, 1979: 230–232). Добавим: жилищные условия комфортом не отличались. В казармах на одного человека приходилось от 4 до 10 м³ кубатуры или от 2 до 5 м² площади, в среднем близко к стандартам того времени: в конце XIX – начале XX в. 9,7 м³ на одного человека признавались санитарно-гигиенической нормой кубатуры воздуха в «обывательских» домах и 7,4 м³ – в ночлежных (Кириянов, 1979: 243–244). Как правило, отсутствовали водопровод и канализация, а отхожие места находились во дворе в виде холодных дощатых будок (Сборник, 1881–1893. Т. 4, ч. 2: 211–253; Кириянов, 1979: 213–258). К 1914 г. жилищные условия рабочих улучшились, особенно после 1905 г., однако для подавляющего большинства рабочих они оставались неудовлетворительными. Характерный факт: на предприятиях, где жилищные условия улучшались, процент семейных рабочих возрастал (Кириянов, 1979: 220–221, 253–254, 257, 270–271; Рабочий класс, 1982: 98–106; Рабочий класс, 1989: 345–351).

Второе препятствие для семейной жизни – почти полное отсутствие дошкольных учреждений и недостаточное количество бесплатных школ. При неразвитости контрацепции семейная жизнь неминуемо и скоро приводила к рождению одного ребенка за другим. В деревне молодая семья жила с родителями и родственниками, которые могли присмотреть за маленькими детьми. Для фабричной работницы рождение детей вынуждало ее оставить работу и перейти на иждивение мужа, что создавало для большинства труднопреодолимые финансовые проблемы. Отсюда частое обращение работниц к абортам, которые делались нелегально, так как запрещались законом. Следствием невозможности или затруднительности семейной жизни являлось большое число незаконнорожденных детей и распространенность проституции и венерических болезней в промышленных центрах, где концентрировались молодые холостые мужчины.

Сравним особенности в половозрастном и семейном составе рабочих и крестьян на 1897 г. (табл. 4).

Таблица 4. Половозрастной, семейный состав и грамотность крестьян и рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России в 1897 г.

Показатели	Рабочие			Крестьяне		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Средний возраст, лет	30,7	28,6	30,3	24,4	24,3	24,3
Средний возраст лиц в возрасте 12–70 лет, лет	30,7	28,6	30,3	32,9	32,5	32,7
Дети, 0–11 лет, %	1,5	2,7	1,7	33,4	32,4	32,9
Дети, 12–14 лет, %	5,9	10,7	7,1	7,0	6,7	6,9
Подростки, 15–16 лет, %	5,8	13,6	7,6	4,1	4,2	4,2
Молодежь – А, 17–29 лет, %	57,9	45,9	55,1	20,1	21,7	20,9
Молодежь – Б, 15–24 лет, %	36,0*	46,0*	40,0*	17,0	18,4	17,7
Зрелые, 30–39 лет, %	9,5	13,4	10,1	12,3	12,3	12,3
Зрелые, 40–59 лет, %	17,9	13,2	17,1	16,1	15,7	15,9
Пожилые, 60–69 лет, %	1,4	0,5	1,2	4,4	4,3	4,3
Старые, старше 69 лет, %	0,1	0,0	0,1	2,6	2,6	2,6
По полу, %	86,5	13,5	–	49,2	50,8	–
В браке в возрасте старше 15 лет, %	54,6	37,0	52,2	66,4	65,9	66,2
Холостые/незамужние, %	43,4	54,9	45,0	27,8	21,2	24,4
Вдовы, %	2,0*	8,1*	2,8*	5,7	12,8	9,3
Разведенные, %	–	–	–	0,1	0,1	0,1
Число детей на семью**	–	–	1,5–2,0	1,5–2,0	1,5–2,0	3–4
Грамотность, %	57,8	28,4	53,6	38,6	13,3	25,4

Подсчитано по: (Численность и состав, 1906: I–XX; Общий свод, 1905: 16–22, 64–67).

* По данным о Владимирской, Московской и Смоленской губерниях.

** Фабрично-заводские рабочие Московской и Смоленской губерний в 1879–1895 гг.

Как видим, рабочие имели неблагоприятный половозрастной и семейный состав, что имело далеко идущие социальные и политические последствия. Равновесие полов создает возможность найти супруга или сексуального партнера. «Если на каждого мужчину будет приходиться по две женщины или на каждую женщину двое мужчин, то из этого произойдут разврат и пренебрежение к детям; никакие нравственные убеждения не помогут горю» – такую закономерность вывел известный исследователь рабочих 1860–1870-х гг. В.В. Берви (1829–1918) (Берви, 1938: 418). Сбалансированная возрастная структура, когда представлены все возрастные группы в естественной пропорции, позволяет старшему поколению защищать и помогать молодежи, передавать ей жизненный опыт и

одновременно держать ее под контролем. Важная роль в социуме принадлежит семье, которая, как известно, позволяет удовлетворять сексуальную потребность, воспитывает, дисциплинирует и осуществляет социальный контроль, выполняет коммуникативную (обмен информацией и взаимодействием) функцию, дает взаимную эмоциональную, моральную и материальную поддержку, спасает от одиночества, обеспечивает домашним уютом и услугами, помогает отдохнуть и организовать досуг, заботится о больных, детях и пожилых, поддерживает здоровье. Люди, живущие в семье, меньше болеют, дольше живут, менее подвержены алкоголизму, реже совершают самоубийства и преступления, имеют более высокий достаток сравнительно с одиночками. Словом, семья обеспечивает более комфортабельные условия жизни (Каминский, 1987). Как же с этой точки зрения можно охарактеризовать российских рабочих?

В 1897 г. (равным образом и в другие годы) среди рабочих существовало ненормальное соотношение полов: женщин насчитывалось в 5,7 раза меньше, чем мужчин (Рашин, 1958: 218). Это объяснялось тем, что спрос на мужские рабочие руки в промышленности, где требовались физическая сила и особые навыки, превышал спрос на женские. С другой стороны, до замужества родители старались не отпускать дочерей от себя, а после замужества – мужа запрещали женам покидать дом. А без разрешения от родителей и мужей сельские власти не выдавали паспортов, на что женщины часто жаловались (Мионов, 2014: 700). Положение усугублялось тем, что и в городском населении в целом мужчины превосходили женщин по численности на пять процентных пунктов, а в крупных городах – на 10–14 пунктов: например, среди петербуржцев в 1897 г. процент мужчин – 55, а женщин – 45, среди москвичей – соответственно 57 и 43 (Общий свод, 1905: 50, 55). Возрастной профиль нарушен в пользу молодежи (среди рабочих в возрасте 17–29 лет их было в 2,6 раза больше, а среди 15–24-летних в 2,3 раза больше, чем среди крестьян). Можно сказать, среди рабочих существовал так называемый «молодежный бугор», рассматриваемый некоторыми социологами как важная предпосылка революционных выступлений. В то же время среди них имелось в 2,7 раза меньше детей и подростков и в 5,3 раза меньше пожилых и стариков (последние уходили доживать и умирать в деревню (Дементьев, 1897: 246–249), чем среди крестьян. Доля зрелых людей (30–59 лет) примерно одинакова – 27,2 против 28,2 %. Процент состоящих в браке у рабочих в 1,2 раза меньше, у работниц – в 1,8 раза меньше, чем у крестьян, зато доля холостых и незамужних – в 2 раза больше. Отсюда, при равной с крестьянами рождаемости и смертности, в среднем на семью у них приходилось примерно в 2 раза меньше детей.

Итак, среди рабочих по сравнению с крестьянами имелось много молодых и одиноких мужчин и женщин, мало детей и пожилых и огромный гендерный и возрастной дисбаланс. По грамотности они более чем в 2 раза превосходили крестьян, их кругозор был выше, потребности – больше, а условия жизни – хуже.

К 1913 г. по сравнению с концом XIX в. половозрастные диспропорции усилились. В целом по стране в составе промышленных рабочих мы находим около 1 млн. молодых одиноких мужчин и около полумиллиона одиноких молодых женщин, по причине дисбаланса полов сексуально озабоченных, раздраженных и неудовлетворенных жизнью уже только потому, что в стране, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того ни другого. В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у человека рождается конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние – то, что называется в психологии фрустрацией, которая часто находит проявление в агрессивном поведении, направленном против действительного или мнимого его источника. Фрустрированные люди легко вовлекаются в политические движения протестного характера, становясь легкой добычей разных политических и религиозных пророков, сочувствующих им и обещающих быстрое изменение жизни к лучшему, если они будут следовать их принципам и призывам. Не случайно главной социальной базой анархизма являлись фабричные рабочие, деклассированные личности, люмпен-пролетариат, «босяки», безработные и незрелая молодежь, а среди его последователей в период Первой русской революции преобладала малограмотная молодежь – средний возраст анархистов составлял 18–24 года, образование – не выше начального.

Высокая криминогенность, активное участие в забастовочном движении и низкий уровень дисциплины на предприятиях говорят о фрустрации рабочих более чем красноречиво. В конце XIX – начале XX в., с точки зрения криминогенности, представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении) рабочие находились на первом месте (11,2 %), крестьяне-землепашцы, проживавшие в деревне, – на последнем (0,6 %). На 5,2 млн. фабрично-заводских рабочих, составлявших 4 % населения, приходилось около 30 % всех осужденных (Распределение рабочих, 1905: V; Мионов 2015b: 133–134). Рабочие, подавляющее число которых по сословной принадлежности являлись крестьянами, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в общине, что в значительной степени объяснялось фрустрированностью и маргинальностью их положения. Порой было очень трудно отличить хулиганов от рабочих во время забастовок и демонстраций (Neuberger, 1993).

Высокая преступность и низкая дисциплина рабочих объяснялись их маргинальным социальным статусом – еще не пролетарий, но уже и не крестьянин-земледелец. Оторвавшись от

привычных условий и принятых стандартов поведения в деревне, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния. Освобожденные от контроля общины, не обладавшие достаточным самоконтролем, молодые люди легко давали волю агрессии и другим отрицательным эмоциям. Как писал в 1901 г. шеф жандармов П.Д. Святополк-Мирский: «В последние 3–4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, считающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горстка руководит всей остальной инертной массой рабочих» (Святополк-Мирский, 1936: 62).

Несмотря на тяжелые бытовые условия жизни рабочих, миграция крестьян в города и рабочие поселки в пореформенное время возрастала главным образом вследствие аграрного перенаселения и более высоких заработков (Миронов, 2012: 425–428).

Таким образом, в социобиологическом и психологическом отношениях российские рабочие представляли собой нездоровое сообщество – агрессивную и гремучую массу, готовую взорваться при неблагоприятных обстоятельствах. К тому же основная их часть концентрировалась в немногих промышленных центрах и особенно в двух столицах, что делало их еще более социально опасными.

3.4. Российская специфика рабочего движения

Российское рабочее движение по масштабу и интенсивности не уступало западноевропейскому и американскому даже в мирные годы и заметно превосходило его в годы революции и войны. Для сравнительной оценки силы стачек я буду использовать два показателя – 1) долю забастовщиков в общей численности пролетариев и 2) потери рабочих дней на 1000 человек. Первый учитывает только размах забастовочного движения или степень вовлеченности в него рабочих, второй – также его интенсивность, поэтому является комплексным показателем. Результаты расчетов представлены в табл. 5.

Таблица 5. Забастовочное движение в России и западных странах в 1895–1921 гг.*

Годы	Россия**	Россия***	Великобритания	Франция	Германия	Италия	Австрия	США
	Доля забастовщиков в общем числе рабочих, %							
1895–1904	2,6	2,6	1,2	0,7	1,1	1,2	0,3	1,7
1905–1907	86,2	47,4	0,9	1,3	3,3	2,2	1,0	0,9
1908–1913	16,3	6,8	3,8	1,0	2,4	1,7	0,5	–
1914–1918	47,4	22,1	3,3	0,6	2,0	1,0	0,2	–
1919–1921	–	–	11,0	4,4	7,8	8,5	6,2	–
Потери рабочих дней на 1000 рабочих								
1895–1904	152	152	328	118	158	–	–	–
1905–1907	6107	3359	148	253	550	–	–	–
1908–1913	661	470	787	150	373	–	–	–
1914–1918	2042****	541****	285	46	46	52	–	–
1919–1921	–	–	2547	703	862	1234	315	–

Источники: Россия: Свод отчетов, 1903–1915; Варзар, 1905: 36, 39, 52, Приложение; Варзар, 1910: 33, 46–48; Статистический сборник, 1921: 37–38, 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163. Европа: Mitchell, 1976: 153–165, 173–177. США: Historical Statistics, 1975: 126–127, 153–163, 179.

* В России среди фабрично-заводских рабочих, в других странах – среди лиц наемного труда.

** Все стачки.

*** Экономические стачки.

**** 1914–1916 гг.

Как видим, российские рабочие сравнительно с их западными коллегами устраивали забастовки чаще, причем их выступления продолжались дольше. Только британские рабочие в 1895–1904 и 1908–1913 гг. устраивали более длительные забастовки¹.

Во время Первой мировой войны потери рабочих дней по причине стачек в России были в 7 раз больше, чем Великобритании, в 44 раза больше, чем во Франции и Германии, и в 39 раз больше, чем в Италии. Другими словами, и по вовлеченности, и по интенсивности забастовочное движение в России было сильнее, чем на Западе. Принимая во внимание, что на Западе забастовочное движение вошло в норму экономической жизни раньше, чем в России, успехи российских пролетариев на ниве борьбы с капиталом и правительством следует признать феноменальными, и этим достижением они в существенной мере обязаны русской интеллигенции.

Рост рабочего движения рассматривается в историографии как показатель тяжелого и ухудшающего положения рабочих. В действительности, позднеимперский период отмечен повышением социальной защищенности, сокращением времени труда и ростом зарплаты (*Рабочий класс, 1982: 107–121; Валетов, 2007*). При Николае II была реализована серия законов, улучшавших положение рабочих: сокращение продолжительности рабочего дня в фабрично-заводской промышленности до 10 часов и введение обязательного «нормального» отдыха служащих в торговых заведениях и конторах (1906 г.); учреждение института фабричных инспекторов, имевшего целью регулирование отношений между рабочими и предпринимателями (1899 г.); учреждение на казенных предприятиях пенсий для рабочих, потерявших трудоспособность (1901 г.); введение страхования рабочих и членов их семей от несчастных случаев (1903 г.) и по болезни (1912 г.) за счет предпринимателей; разрешение создавать профессиональные союзы (1906 г.). Реальная заработная плата промышленных рабочих обоего пола с 1880-х гг. по 1911–1913 гг. выросла на 20 %, сельскохозяйственных – на 33 % (*табл. 6*).

Таблица 6. Средняя поденная плата промышленного и сельскохозяйственного рабочего в Европейской России в 1850–1913 гг. (номинальных коп.)

Рабочий	1850-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1900-е гг.	1911–1913 гг.
Сельскохозяйственный, мужского пола	23,5	52,4	53,4	55	69,1	92
Сельскохозяйственный, женского пола	15	33	35,3	36,3	44,7	55,8
Промышленный, оба пола	77	80	70	68–77	86	99–113
Промышленный, мужского пола	83	86	76	79	93	114
Промышленный, женского пола	42	43	38	39	46	57

Источник: (*Миронов, 2012: 429*).

Несмотря на позитивную динамику зарплаты российских рабочих в конце XIX – начале XX в., неверно думать, что они благоденствовали. Позитивная тенденция и уровень жизни – различные ракурсы при оценке благосостояния. Уровень жизни в России повышался, но, как и всюду в Европе в XVIII – начале XX в. он был низким, что обуславливало повсеместное применение детского труда в промышленности. Согласно «грубой» оценке Струмилина, в 1913 г. рабочие США по реальной поденной зарплате могли превосходить российских коллег лишь на 15 % (*Струмилин, 1966: 95–96*).

Неудовольствие своим положением рабочие выражали двумя главными способами – жалобами и стачкам, число которых возрастало (*табл. 7*).

¹ По последним сведениям, за 1894–1904 гг. произошло в 4 раза больше стачек и было в 3 раза больше стачечников, чем их зафиксировала фабричная инспекция, на отчеты которой опирались советские историки рабочего класса (*Трудовые конфликты, 2011: 58*). Это стало результатом более полного учета числа губерний, отраслей промышленности и предприятий: если раньше обычно принимались во внимание 58 губерний, то в книге – 81; кроме фабрично-заводской промышленности, учтена горнозаводская и, помимо конфликтов в крупной, зафиксированы выступления рабочих также и в мелкой промышленности. К сожалению, авторы, по-видимому, не имели сведений об общей численности рабочих (не стачечников, а именно рабочих), которые произвели зафиксированные ими стачки. Если бы можно было подсчитать по новым данным долю забастовщиков в общем числе рабочих и потери рабочих дней на 1000 рабочих, то интенсивность стачечной борьбы не отличалась бы в 2–3 раза от той, которую показывают мои расчеты. Но если мои расчеты все же сильно занижают накал стачечной борьбы, то мой общий вывод о большей вовлеченности и интенсивности забастовочного движения в России сравнительно с западными странами тем более верен.

Таблица 7. Число рабочих, обратившихся в фабричную инспекцию с единоличными или коллективными просьбами и жалобами на предпринимателей, и число стачек в 1895–1914 гг.

Год	Число рабочих	Число охваченных стачками предприятий		Число участников		Число жалоб			Число жалобщиков	
	тыс.	абс.	%*	тыс.	%**	тыс.	%***	ЗАКОННЫХ, %	тыс.	%***
1895	1552,2	68	0,4	31,2	2	–	–	–	–	–
1896	1520,6	118	0,6	29,5	1,9	–	–	–	–	–
1897	1501,3	145	0,8	59,9	4	–	–	–	–	–
1898	1505,2	215	1,1	43,2	2,9	–	–	–	–	–
1899	651,2	189	0,9	57,5	8,8	–	–	–	–	–
1900	1699,4	125	0,73	29,4	1,7	–	–	–	–	–
1901	1710,7	164	0,96	32,2	1,9	19,1	1,1	58,5	70,6	4,1
1902	1711,8	123	0,72	36,7	2,1	19,9	1,2	51,8	82,2	4,8
1903	1766,9	550	3,21	86,8	4,9	18,3	1,0	48,9	71,6	4,1
1904	1746,0	68	0,4	24,9	1,4	19,5	1,1	69,7	62,9	3,5
1905	1772,7	13 995	93,2	2863,2	161,5	22,7	1,3	65,0	190,1	10,7
1906	1801,7	6114	42,2	1108,4	61,5	19,7	1,1	61,1	191,6	10,6
1907	1889,7	3573	23,8	740,1	39,2	25,3	1,3	31,9	180,8	9,5
1908	1882,9	892	5,9	176,1	9,4	25,2	1,3	45,7	128,7	6,8
1909	1886,3	340	2,3	64,2	3,4	24,1	1,3	47,9	91,3	4,8
1910	2005,3	222	1,4	46,6	2,3	25,1	1,2	36,8	88,5	4,4
1911	2051,2	466	2,8	105,1	5,1	26,0	1,3	43,8	108	5,3
1912	2151,2	2032	11,7	725,5	33,7	28,5	1,3	42,1	154	7,2
1913	2319,6	2404	13,4	887,1	38,2	27,3	1,2	41,8	145,6	6,3
1914	1960,9	3534	25,2	1337,5	68,2	20,2	1,0	43,0	115,7	6,8

Источники: (Свод отчетов, 1914: LV; Свод отчетов, 1915: LXI, XLVII).

* К числу предприятий.

** К числу рабочих.

С 1901–1904 по 1912–1914 гг. среднее годовое число жалобщиков увеличивалось с 4,1 до 6,8 %, а в годы революции 1905–1907 гг. достигло 10,3 %. Поскольку жалобы носили исключительно экономический характер, петиционное движение отражает меру неудовлетворения экономическими условиями жизни, и она, как видим, росла. Сходную картину дает анализ *экономических* стачек (табл. 8).

Таблица 8. Экономические и политические стачки российских рабочих в 1895–1914 гг. (в среднем в год)

Показатель	Ед. изм.	1895–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1911 гг.	1912–1914 гг.	1915–1916 гг.
Число рабочих	тыс.	1636,5	1821,4	1956,4	2143,9	2008,3
Экономические стачки*	абс.	177	4050	343	1079	886
	%**	100	51,3	71,6	40,6	80,0
Участники экономических стачек*	тыс.	43,1	864,2	69,7	304,1	483,3
	%***	2,6	47,4	3,6	14,2	24,1
Политические стачки	абс.	0	3844	137	1578	222
	%**	0	48,7	28,4	59,4	20,0
Участники политических стачек	тыс.	0	706,4	28,3	679,3	265,0
	%***	0	38,8	1,4	31,7	13,2
Участники политических стачек	%****	0	45,0	28,9	69,1	35,4
Общее число стачек	абс.	177	7894	480	2657	1108
Общее число участников	тыс.	43,1	1570,6	98,0	983,4	748,3
	%***	2,6	86,2	5,0	45,9	37,3

Подсчитано по: (Варзар, 1910: 46–48; Свод отчетов, 1910: LII; Свод отчетов, 1912: XCIII–XCIV; Свод отчетов, 1914: LXXIX–LXXX; Свод отчетов, 1915: LXVII, LXXI; Статистический сборник, 1921: 37–38, 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163).

* Определено как разница между общим числом стачек (забастовщиков) и политическими стачками (забастовщиками).

** К числу всех стачек.

*** К числу рабочих.

**** К общему числу забастовщиков.

С 1895–1904 по 1912–1914 гг. процент участников экономических стачек повысился на 11,6 пункта – с 2,6 до 14,2 %, но в годы революции, 1905–1907 гг., в них участвовала почти половина всех рабочих. Резкие скачки в общем числе забастовщиков в 1905–1908 и 1912–1914 гг. объясняются главным образом ростом политических стачек, провоцировавших пролетариев на экономические выступления. Но самое неожиданное состояло в другом – рост числа как экономических, так и политических стачек происходил в годы подъема промышленности и зарплат. При этом со стороны рабочих предъявлялись, как правило, завышенные требования, обгонявшие возможности экономики их удовлетворить. «Нет сомнения, что возрастание стачечного движения связано с общим благоприятным положением фабрично-заводской промышленности, <...> с весьма благоприятной конъюнктурой рынка» (Свод отчетов, 1912: LXXXVII), – говорится в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1911 год». То же отмечается в «Своде... за 1913 год»: «Значительное увеличение в отчетном году количества забастовок экономического характера объясняется общим оживлением отечественной промышленности, вызвавшим у рабочих стремление учесть его в свою пользу и добиться уменьшения рабочего времени и других льгот, что и послужило причиной ряда забастовок преимущественно наступательного характера», т. е. ставивших целью не сохранить, а улучшить положение рабочих (Свод отчетов, 1914: LXXIV). Эту первопричину стачечного движения – более быстрый рост потребностей рабочих по сравнению с медленным изменением к лучшему – Ю.И. Кирьянов отметил еще в 1979 г. (Кирьянов, 1979: 271–273). Пролетариев к выдвижению необоснованно завышенных экономических требований подталкивали все оппозиционные режиму партии, включая либералов, с целью использовать рабочее движение для политического давления на правительство.

В протестном движении рабочих в конце XIX – начале XX в. бросается в глаза наступательный, агрессивный стиль поведения. Их требования к предпринимателям непрерывно усиливались, что ясно проявилось в уменьшении доли основательных, или законных, жалоб, т. е. соответствующих действовавшим в то время правилам и законам. В 1901–1904 гг. фабричные инспекторы признали 57 % поводов основательными, в 1905–1907 гг. – 53 %, а в 1912–1914 гг. – 42 %, или на 15 пунктов меньше, чем в 1901–1904 гг.

Рост недовольства и агрессивности рабочих отразился в снижении на предприятиях трудовой дисциплины. Она, как показывают данные о штрафах за 1901–1914 гг., колебалась по годам, находясь в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране, точно так же как забастовки и жалобы. Во время промышленного подъема, когда спрос на труд увеличивался и работу было найти нетрудно, дисциплина снижалась, и, наоборот, в годы экономического спада из-за страха потерять работу пролетарии лучше соблюдали инструкции и становились менее требовательными, наблюдалось уменьшение жалоб и претензий с их стороны (Свод отчетов, 1910: 21). В годы подъема освободительного движения, когда все противники монархии активизировали свои действия, привлекая пролетариев для поддержания своих политических требований, трудовая дисциплина резко падала, во время революции 1905–1907 гг. – до самой низкой отметки; наоборот, в годы политической стабилизации – повышалась. Отсюда возникала необходимость со стороны предпринимателей расходовать значительные средства на содержание органов контроля, увеличивая тем самым издержки производства (среди так называемой «рабочей интеллигенции» ситуация была иной) (Леонтьев, 1912: 54; Клейнборг, 1913: 22–45).

Еще одна особенность российского рабочего движения – высокая политизированность. На Западе пролетарии участвовали в стачках в основном ради защиты своих групповых экономических интересов; политикой занимались преимущественно профсоюзные боссы и политические партии, а граждане – только в свободное от работы время. Например, в США в 1895–1905 гг. политических забастовок вообще не наблюдалось: рабочих беспокоили зарплата, продолжительность трудового дня, работа профсоюзов и другие житейские дела (табл. 9).

Таблица 9. Причины забастовок в США в 1895–1905 гг.

Год	Число забастовок	Численность участников, тыс.	Причины забастовок, %		
			Зарплата и рабочий день	Профессиональные	Прочие
1895	1255	407	65	17	18
1896	1066	249	51	28	21
1897	1110	416	61	17	21
1898	1098	263	59	21	20
1899	1838	432	55	26	19
1900	1839	568	51	23	27
1901	3012	564	47	34	19
1902	3240	692	50	32	18
1903	3648	788	49	33	18
1904	2419	574	39	40	21
1905	2186	302	43	37	20

Источник: (Historical Statistics, 1975: 179).

В России борьба за экономические интересы сочеталась с политическим движением, причем как до, так и после принятия конституции, создания парламента и легализации деятельности политических партий в 1905 г. В 1905–1907 гг. доля политических стачек составила 48,7 %, а в 1912–1914 гг. – 59,4 % от всех стачек. Другими словами, *российские пролетарии занимались политикой в рабочее время*, хотя это несло большие убытки не только забастовщикам, но и предпринимателям. По подсчетам В. Е. Варзара, потери промышленности за 14 лет, 1895–1908 гг., составили 190,2 млн руб. (примерно 1,5 % ВВП России за 1900 г.) за счет недовыпущенной продукции, а проигрыш пролетариев – 25,4 млн по причине уменьшения заработка (Варзар, 1910: 36–37).

Если экономические стачки могли быть и нередко происходили по инициативе рабочих конкретного предприятия, то политические стачки, как правило, – результат пропаганды и агитации со стороны. Хорошо известно: все просоциалистические партии использовали рабочее движение для давления на правительство; не пренебрегали этим средством и либералы. Именно поэтому мы видим всплеск забастовочного движения именно в те годы, когда противостояние правительства и оппозиции достигало высокой отметки – в 1905–1907 и 1912–1914 гг. Вот, например, объяснение фабричными инспекторами поводов сугубо политических забастовок, получивших название «демонстративно-политических», в 1912 г.: «Поводами демонстративно-политических забастовок в 1912 г. выставлялись: события на Ленских приисках, события на Нерчинской каторге, приговор над севастопольскими матросами, выборы в Государственную Думу, страховые законы 23 июня 1912 г. (рабочие не хотели делать взносы в больничные кассы. – Б. М.) и прочее. Участвовали в политических забастовках, как и следовало ожидать, главным образом, пролетарии С.-Петербурга и отчасти Москвы. Провинция проявляла значительно меньшую склонность к забастовкам этого рода» (Свод отчетов, 1913: LXXVIII). Перечисленные поводы забастовок и места их проведения красноречиво свидетельствуют о том, кто являлся их застрельщиком.

Таким образом, *относительная депривация* хорошо объясняет рост протестных движений рабочих (как, впрочем, и других социальных и профессиональных групп) в пореформенной России и особенно в период Первой мировой войны, когда депривация стала двойной, или прогрессирующей, – относительно претензий и относительно довоенного положения. Растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в скорую конечную победу, что оказалось особенно болезненным.

Людей, недовольных своим материальным положением, во все времена и во всех странах достаточно много. И Россия, разумеется, не являлась исключением. Жалобы на материальные затруднения со стороны рабочих, как правило, обуславливались не полуголодным их существованием. Пролетариев, как и другие социальные группы, стал волновать не только уровень, но и качество жизни, их духовные потребности стали обгонять их возможности, так как даже в «простом» человеке росло чувство личности и самоуважения. Они стали жаловаться не только на низкие заработки и длинный трудовой день, как до Великих реформ, но также на грубость мастеров и других представителей фабричной администрации, на применение физической силы и употребление мата, на сексуальные домогательства к работницам, на обращение к рабочим на «ты», на отношение к ним «как к детям», «рабам», «крепостным» или «вещам» (Нюбергер, 1997; Стейнберг, 1997). В табл. 10 представлены данные о жалобах рабочих «на дурное обращение и побои» по классификации фабричной инспекции за 1901–1913 гг.

Таблица 10. Жалобы рабочих на «дурное обращение» в 1901–1913 гг.

Показатели	1901–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1910 гг.	1911–1913 гг.
Число поводов в жалобах, тыс.	62,6	238,4	128,3	218,4
Жалобы на дурное обращение, тыс.	2,134	7,622	5,283	14,011
В том числе обоснованных, тыс.	1,741	4,087	2,642	–
Жалобы на дурное обращение, %	3,4	3,2	4,1	6,4
В том числе обоснованных, %	81,6	53,6	50,0	–
Число рабочих на конец года, тыс.	1733,9	1821,4	1924,8	2174,0
Доля пожаловавшихся рабочих, %	3,6	13,1	6,700	10,0
Номинальная годовая зарплата рабочих, руб.	201	218	232	248
Номинальная поденная оплата рабочих, коп.	139	146	145	178

Источник: (Свод отчетов, 1903–1914).

Всего за 13 лет число жалоб «на дурное обращение» выросло абсолютно в 3,5 раза, а с учетом изменения численности рабочих (на 1000 человек) – в 2,8 раза; доля жалоб «на дурное обращение» в общем числе жалоб – почти в 2 раза (с 3,4 % в 1901–1904 гг. до 6,4 % в 1911–1913 гг.). И это несмотря

на гуманизацию отношений между администрацией и рабочими! «Случаи побоев в настоящее время сравнительно редки, – свидетельствовал фабричный инспектор в 1911 г. – Ручная расправа отходит постепенно в область преданий» (Клепиков, 1911: 119). Поэтому доля обоснованных, по мнению фабричной инспекции, жалоб «на дурное обращение», упала с 81,6 % в 1901–1904 гг. до 50 % в 1908–1910 гг. Отметим также, что рабочие обращались с теми же жалобами не только к фабричным инспекторам, но и в мировые суды. И в том, и другом случае явно проявлялось стремление добиться уважения к себе как личности (Миронов, 2014: 437–439; Нюбергер, 1997: 254–268; Стейнберг, 1997: 96–113). В 1903 г. рабочий П. Тимофеев писал в журнале «Русское богатство»: «Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуважения не были в то время (15 лет назад. – Б. М.) так развиты в русском рабочем, как теперь. Тогда имело значение только одно – заработок. <...> Теперь вместе с хорошим заработком современный рабочий требует также и хорошего обращения; и достаточно мастеру замахнуться на рабочего рукой или толкнуть его, как мгновенно, как бы от электрического тока, вспыхивает вся мастерская, и пламя ее нередко зажигает весь завод. В летописях русской промышленности последнего времени найдется немало забастовок и бунтов, первоначальной причиной которых было оскорбление действием рабочего со стороны мастера» (Тимофеев, 2000: 775). Действительно, пролетарии стали бороться за уважительное к себе отношение со стороны заводской администрации даже с помощью стачек! По причине «неудовольствия на личный персонал заводоуправления» зафиксировано в среднем за 1895–1904 гг. 77 стачек в год, в 1905–1907 гг. – 131, в 1912–1914 гг. – 85, в них принимало участие – соответственно 41,0; 43,8 и 32,3 тыс. рабочих. Примерно для трети этих стачек непосредственной причиной являлось «дурное обращение» (в 1895–1904 гг. 29 из 77) (Варзар, 1905: 52, Прилож.: 36; Варзар, 1910: 47; Свод отчетов, 1914: LXXIX; Свод отчетов, 1915: LXXI).

Неудивительно поэтому, что в 1895–1913 гг. не существовало тесной зависимости между стачечным движением, с одной стороны, и экономической конъюнктурой, и материальным положением рабочих – с другой. Кроме роста чувства личности, большую роль в их поведении играли особенности массового сознания, существенно корректировавшие влияние на них как экономического фактора, так и политических партий (Бovyкин, Бородкин, Кирьянов, 1986: 76; Бородкин, Кирьянов, 1992: 62; Хеймсон, Бриан, 1992: 79–113; Хеймсон, Петруша, 1985: 112–137).

3.5. Вовлечение рабочих в политическую борьбу

Начало XX в. отмечено не только ростом стачечного движения, но и понижением трудовой дисциплины: в 1901–1904 гг. в среднем на одного рабочего приходилось как минимум 2,22 нарушения в год, а в 1910–1913 гг. – 2,50 (Миронов, 1999: 278). Чем это можно объяснить, учитывая, что объективно положение рабочих постепенно улучшалось? Общественность возбуждала и подталкивала рабочих к активной экономической и политической борьбе ради улучшения их положения, одновременно посредством рабочего движения оказывая давление на правительство в целях решения своих политических задач. Наглядный пример дает история так называемого Кровавого воскресенья. Освобожденцы (члены либерально-демократической партии «Союз освобождения»), социал-демократы и эсеры установили контакты с Г.А. Гапоном и другими руководителями «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», убедили их внести политические требования в готовившуюся петицию к царю – созыв Учредительного собрания, прекращение войны, отделение церкви от государства и прочее, придавшие ей революционный характер и исключавшие возможность принятия ее царем (Потолов, 1997). Во время шествия 9 января большевики выступили с лозунгом «Долой самодержавие» и подняли красный флаг. Эсеры по ходу шествия устраивали беспорядки, рвали телеграфные провода и рубили столбы, строили баррикады, громили оружейные магазины и вооружали народ. С очевидной целью спровоцировать столкновение и вызвать стихийный бунт они подтолкнули шедшую к Зимнему дворцу толпу приблизиться к охранявшим его солдатам на расстояние, когда по воинскому уставу следовало после предупредительных выстрелов открыть огонь на поражение (Гапон 1926: 93; Гончаров 1932; Доклад, 1922; Невский, 1922). Об организации намеренной кровавой провокации признался спустя полтора года близкий в 1905 г. к Гапону журналист А. И. Матюшенский в опубликованной в эмигрантском парижском журнале «Красное знамя» покаянной статье: «Я толкал женщин и детей в резню, чтобы вернее достичь поставленной цели. Я думал: уничтожение взрослых мужчин простят, но женщин, матерей с младенцами у груди – никогда! Значит, пусть идут они, – думал я себе, – пусть гибнут, и вместе с ними погибнет единственный символ, который сковал Россию кандалами рабства, муки и стонов» (Матюшенский, 1906: 91). Статья сопровождалась редакционным предисловием, объяснившим причину публикации: «Прочитав "Исповедь" г. Матюшенского, – писал редактор журнала А. В. Амфитиатров, – я пришел к убеждению, что единственным, сколько-нибудь полезным, хотя и жестким для него исходом дела может быть широкое оглашение его покаянных строк, столь выразительно живописующих неблагоприятные (так! – Б.М.) глубины того общественного обмана, который более года владел умами русских людей в миражах "гапоновщины"» (Матюшенский, 1906: 89).

Оппозиция успешно использовала организованное ею же рабочее движение для свержения монархии. Помесячная динамика стачек хорошо иллюстрирует, что настроение, а вместе с ним и общественно-политическая активность рабочих в 1912–1917 гг. находилась под влиянием не столько

реального материального положения рабочих, сколько проводимой оппозицией PR-деятельности, включая пропаганду и агитацию. Во время войны, до февраля 1917 г., питание несколько ухудшилось, но в количественном отношении достаточным (Биншток, Каминский, 1929: 34–35, 84; Свавицкий, 1920: 75; Струмилин, 1923: 49–51). Реальная зарплата рабочих в 1914–1916 гг. незначительно повысилась (табл. 11).

Таблица 11. Изменение реальной зарплаты российских рабочих в 1913–1917 гг.

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
100	100	106	109	99

Источники: (Прокопович, 1952: 75–78).

С 1912 г. и до июля 1914 г. накал забастовочного движения нарастал, причем демонстративно-политические выступления преобладали (табл. 12).

Таблица 12. Экономические и политические стачки российских рабочих по месяцам в 1912–1917 гг.

Месяц	Экономические стачки					Политические стачки					Всего
	1912	1913	1914	1915	1916	1912	1913	1914	1915	1916	
Январь	20	44	52	14	128	1	100	312	6	38	389
Февраль	21	24	59	21	104	0	0	26	7	4	–
Март	28	32	66	20	61	0	3	349	6	46	2
Апрель	68	73	91	103	150	591	176	300	1	7	1
Май	132	146	343	149	153	492	281	672	13	1	3
Июнь	109	231	185	162	118	0	61	130	2	5	11
Июль	76	370	139	90	81	2	43	605	0	1	100
Август	115	96	7	26	97	0	2	2	50	7	140
Сентябрь	26	61	6	69	88	30	175	0	115	0	107
Октябрь	70	73	9	71	79	72	34	0	8	119	150
Ноябрь	46	169	8	48	51	99	154	5	6	15	–
Декабрь	21	51	4	46	57	13	5	0	1	0	–
<i>Итого</i>	732	1370	969	819	1167	1300	1034	2401	215	243	–

Источники: (Свод отчетов, 1915: LXV, LXVIII; Статистический сборник, 1921: 151–155, 160–161, 164; Стачечное движение, 1988: 486; Минц, 1978: 710).

После объявления войны в августе 1914 г. градус протестов упал почти до нуля, что свидетельствовало не столько о «шовинистическом угаре», охватившем массы, сколько о доверии к монарху и о легитимности режима в целом. Если бы народ действительно ненавидел режим, то ни война, ни государственная пропаганда не смогли бы вызвать настоящего патриотического подъема, наблюдавшегося в стране в течение достаточно длительного времени. Между прочим, в начале XX в. при призыве на службу процент уклонявшихся от нее в России был одним из самых низких в Европе – 3, в то время как во Франции – 4,4, Австро-Венгрии – 7, в Германии – 10 (Редигер, 1913: 235).

В 1915 и 1916 гг. число политических стачек оставалось низким, за некоторыми исключениями¹. Например, в августе и сентябре 1915 г. наблюдался всплеск политической активности в связи с выборами рабочих в военно-промышленные комитеты и роспуском Государственной думы, в январе 1915, 1916 и 1917 гг. – по случаю юбилея Кровавого воскресенья, а в октябре 1915 и 1916 гг. – в память Всероссийской политической стачки 1905 г. Напротив, экономические стачки в 1915 г. возобновились и постепенно нарастали, но и в 1916 г. их произошло на треть меньше, чем в 1913 г. И только в январе 1917 г. наблюдался резкий подъем забастовочного движения – произошло 389 стачек, в том числе 228 политических – почти столько же, сколько за весь 1916 г. (Стачечное движение, 1988: 482–483, 486). По сведениям И.И. Минца, всего произошло 400 стачек, в том числе 229 политических (Минц, 1967: 320). В феврале 1917 г. забастовки продолжали набирать силу, а с марта пошли на убыль.

Чем обусловлен подъем рабочего движения в январе и феврале 1917 г.? До конца 1916 г. все партии, за исключением большевиков и эсеров-интернационалистов, выступали против организации каких-либо массовых выступлений как наносивших вред делу обороны. Но с конца 1916 г. они отказались от моратория и перешли к активным действиям, направленным на смену монарха и создание правительства общественного доверия ради более успешного продолжения войны. Причем самыми активными организаторами протестов стали «рабочие группы» Центрального и Петроградского военно-промышленных комитетов. Несмотря на это, сила политического протеста

¹ За 1915–январь 1917 г. в опубликованных источниках и литературе фигурируют несколько отличные и даже противоречивые данные. Я отдаю предпочтение официальным данным Министерства торговли и промышленности.

рабочих даже в январе–феврале 1917 г. была существенно ниже, чем в 1905 г.: число политических демонстраций за 1914–1917 гг. почти в 7 раз меньше, чем за 1901–1904 гг. И лишь вследствие того, что почти все политические демонстрации в стране переместились в Петроград и Москву (Кирьянов, 1992: 91–96, 101–103), где концентрировалась политическая оппозиция монархии, они стали представлять опасность для режима.

Нарастание недовольства не было повсеместным – оно наблюдалось лишь в столицах и нескольких промышленных центрах, где концентрировалась оппозиция и проводились массовые PR-кампании. За 1915 г. в 22 из 44 губерний, охваченных учетом, число стачек за год не превышало 10, а в 10 губерниях – 5. На три губернии – Петроградскую, Московскую и Владимирскую – пришлось 81 % всех забастовщиков, в том числе на две первые – 53 %. За 1916 г. в 24 из 45 губерний число стачек не превышало 5, а 74,4 % всех забастовщиков приходилось на Петроградскую, Московскую, Владимирскую и Костромскую губернии, в том числе на первые две – 52,3 % (Статистический сборник, 1921: 151, 161). В январе 1917 г. лишь в 20 из 50 губерний Европейской России зафиксированы стачки. При этом 57 % всех стачек и 75 % политических стачек произошли в Петроградской и Московской губерниях, т. е. фактически в столицах (Стачное движение, 1988: 482–483), 97 % политических демонстраций (32 из 33) – также в Петрограде и Москве (с 1 января по 23 февраля 1917 г.) (Кирьянов, 1992: 104–105; Лейберов, 1979: 25). В двух столицах накануне войны проживало около 3,8 млн. человек, в 45 губерниях – около 120 млн., следовательно, Петроград и Москва с окрестностями, где происходило больше половины стачек, по накалу забастовочного движения превосходили средний российский уровень примерно в 18 раз (ведущая роль Петрограда и Москвы давно отмечена историками: (Лейберов, 1979: 24–52; Рабочий класс, 1982: 331) (табл. 13).

Таблица 13. Численность бастовавших рабочих по губерниям в 1915–январе 1917 г.

Губерния	1915 г.		1916 г.		Январь 1917 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петроградская	130 126	24,1	361 867	38,2	103 276	42,3
Московская	155 846	28,9	133 629	14,1	53 857	22,1
Владимирская	151 796	28,1	120 028	12,7	16 918	6,9
Костромская	26 622	4,9	89 394	9,4	8464	3,5
Харьковская	5970	1,1	42 593	4,5	14 887	6,1
Орловская	2287	0,4	29 264	3,1	95	0,0
Тверская	6993	1,3	30 206	3,2	2335	1,0
Эстляндская	10 030	1,9	26 365	2,8	8735	3,6
По 8 губерниям	489 670	90,8	833 346	87,9	208 567	85,4
По 45 губерниям	539 280	100,0	947 891	100	244 144	100,0

Источники: (Статистический сборник, 1921: 151, 161; Стачное движение, 1988: 482–483).

Главный фактор всплеска рабочего движения в январе–феврале 1917 г. – возросшая политическая активность, включая пропаганду, агитацию и пиар (Миронов, 2015а: 775–812) оппозиции, решившейся на свержение монархии. Выступления пролетариев тщательно готовились оппозицией (Кирьянов, 1992: 79–83, 89–91); ими манипулировали.

3.6. Влияние культуры рабочих на их участие в революционном движении

В 1917 г. рабочие превратились в объект манипулирования со стороны вождей революции благодаря объективным социально-экономическим факторам (тяготам военного времени, усталости от войны, неудачам на фронте и др.) и вследствие предрасположенности к радикализму и агрессивности (о чем шла речь выше). Но есть еще один важный фактор, который до сих пор не учитывался в историографии при оценке роли рабочих в революции – низкий уровень образования, когнитивного и культурного развития. По причине низкой культурности они не являлись и не могли превратиться в рабочий класс в марксистском смысле. В огромном большинстве они не осознавали себя как единое целое, не обладали социалистическим мировоззрением, не имели специфических целей и интересов и не претендовали на руководящую роль в революционном движении.

За исключением профессиональных революционеров-социал-демократов, основные идеи марксизма и научного социализма рабочим были чужды и непонятны. П.А. Дурново, министр внутренних дел в 1905–1906 гг., основываясь на сведениях полиции, утверждал, что народные массы исповедуют принципы «бессознательного социализма» – даровое наделение чужою землей крестьян и даровая передача всего капитала и прибылей фабрикантов рабочим. Чаще всего социализм представлялся пролетариям как «Царствие Божие на земле», «земной рай», «светлое будущее» или просто как хорошая и счастливая жизнь (Королев, 1997: 236–253). Конкретный рабочий, участвовавший в стачках начала XX в., «в понятия, которые формулировали лидеры партий, часто вкладывал другой смысл. Словом “революция” были воодушевлены небольшое число рабочих-активистов. Смутное представление у толп народа имелось о таких понятиях как “социализм”,

“социалистическое общество”. Большинство вовлеченных в вихрь революции 1917 г. не вдумывалось в содержание речей о демократических свободах, о достойных, правовых отношениях в сфере труда. В призывах “Долой самодержавие!”, однозначно понимаемом революционными партиями, у определенной (и немалой!) части рабочих виделось не столько разрушительное, сколько созидательное начало, означавшее просто изменение порядков в обществе, соблюдение местной властью законного порядка вещей для сносных условий жизни» ([Трудовые конфликты, 2011: 430](#)). Так же мыслили передовые рабочие из агитационно-пропагандистского романа М. Горького «Мать» ([Горький, 1979](#)).

Даже в столице, где концентрировались самые «передовые рабочие», подавляющее их большинство не обладало социалистическим мировоззрением и накануне февральских событий 1917 г. Что говорить о провинции?! Мировоззрение за несколько месяцев не меняется, поэтому их отзывчивость на социалистическую пропаганду, замеченная после февраля 1917 г. ([McKean, 1990: 3](#)), свидетельствует лишь об изменении не кредо, а настроений. Сам термин «революция» был непонятным иностранным словом для всех «простых людей», не обремененных хорошим систематическим образованием ([Figes, 1998: 76](#); [Палеолог, 1923: 447](#)).

Подойдем к проблеме мировоззрения рабочих с психологической стороны. А могли ли российские рабочие начала XX в. в принципе сознательно обладать классовым пролетарским сознанием? Предполагаю, что нет. Для понимания столь сложной интеллектуальной конструкции, как социалистический символ веры, необходимо владеть абстрактным, или понятийным мышлением, т.е. способностью к формированию отвлеченных, опосредованных, не наглядных, чисто мысленных представлений о предметах, в которых обобщены основные свойства конкретных вещей, умением переводить информацию о реальных объектах в символы, манипулировать этими символами, находить решение и применять на практике. Неграмотный или малограмотный рабочий не владел абстрактным мышлением, поскольку оно вырабатывается в ходе продолжительного и систематического школьного обучения.

Согласно концепции когнитивного развития известного психолога Ж. Пиаже (1896–1980), интеллект человека проходит четыре качественно различные стадии развития, которые последовательно сменяют друг друга, и каждая из них опирается на достижения предыдущих ([Пиаже, 1992: 232–292](#)): 1) сенсомоторная в возрасте от рождения до 18 месяцев; 2) дооперационная в возрасте от 18 месяцев до 5 лет; 3) конкретных операций в возрасте 6–11 лет; 4) формальных операций в возрасте от 12 до 15 лет. Только на четвертой стадии индивид овладевает абстрактным мышлением, благодаря чему может размышлять не только о наличных, но и о гипотетических ситуациях – что могло бы быть. Однако четвертая стадия когнитивного развития человека появляется не стихийно, а в результате продолжительного и систематического школьного обучения. Она вовсе не появляется или появляется в ограниченной, менее общей форме у людей бесписьменных культур, в медленно развивающихся традиционных обществах и у неграмотных и малограмотных индивидов письменных цивилизаций. Например, в США конца XX в. до 30 % людей никогда не достигают стадии формальных операций ([Масионис, 2004: 176](#)).

Долю передовых рабочих, теоретически способных понимать символ социалистической веры и осознавать свое высокое предназначение как авангарда и субъекта революционной борьбы можно приблизительно оценить по данным об уровне образования рабочих. Если бы лица со средним и высшим образованием распределялись среди различных профессий равномерно и пропорционально численности данной профессии, то среди рабочих их доля была бы не больше, чем в среднем по России – 1,6 % в 1897 г. и 4 % в 1917 г. ([Мионов, 2012: 587](#)). Но люди со средним и высшим образованием крайне редко попадали в ряды рабочих, исключительно как деклассированные элементы. В 1897 г. доля грамотных среди рабочих составляла 58 %, среди работниц – 27 % ([Численность и состав, 1906: I–XX](#)), а у крестьян – соответственно 39 и 13 % ([Общий свод, 1905: 16–22, 64–67](#)). К 1918 г. процент грамотных рабочих повысился среди мужчин до 79 %, среди женщин – до 44 % ([подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность, 1926](#)). Доля «передовых» рабочих была много ниже того процента людей с законченным и незаконченным средним и высшим образованием, который был достигнут всем населением страны – повторю: 1,6 % в 1897 г. и 4 % в 1917 г. *При таком низком интеллектуальном потенциале пролетариат не мог выполнять миссию, предназначенную ему марксизмом, – быть авангардом и гегемоном всех трудящихся.* В то же время рабочие охотно участвовали в революционном движении на ролях массовки или иногда выполняли, как говорят в театре, эпизодические роли третьего плана. Участие в революции в роли массовки де факто делало их марионетками в руках политических авантюристов, а, в случае если революция перерастала в вооруженное восстание или в гражданскую войну, – в пушечное мясо.

Роль массовки или марионеток была уготована пролетариям, в значительной мере даже предрешена, уровнем их когнитивного развития – тем, что неграмотные и малообразованные люди легко поддаются внушению и манипулированию, так как слушают скорее сердцем, чем умом. Прекрасный пример находим в романе М. Горького «Мать» в лице Пелагеи Власовой, полуграмотной женщины, включившейся в рабочее движение из-за любви к сыну и смутной мечты о справедливости на земле. Сопrotивляемость людей убеждающим призывам тем ниже, чем менее они образованы, чем меньше их представления опираются на знания. Они не умеют выдвигать контраргументы, что

делает их уязвимыми для манипулирования. Податливость влиянию усиливается тогда, когда происходят быстрые и радикальные изменения в окружающей обстановке и люди испытывают личный кризис убеждений. Находясь в толпе, человек особенно подвержен внушению и манипулированию, так как у него меняется протекание психических процессов, основными регуляторами поведения становятся инстинкты и эмоции (Зимбардо, Ляйпе, 2000: 248, 249, 251, 264; Шейнов, 2009), а рабочему часто приходилось быть в толпе и принимать решения под ее влиянием. Практики, связанные с выполнением приказов и требований, также развивают в людях внушаемость, а именно такой деятельностью рабочих или крестьянин большей частью занимался в семье, в общине, на фабрике. Под влиянием перечисленных факторов сообщество малограмотных людей легко поддается воздействию пропаганды, агитации и пиару, что создает реальную возможность для манипулирования их поведением. Это классически проявилось во время революции 1917 г.

Почему роль кукловода досталась большевикам? Рабочие, как малограмотные и неграмотные люди, воспитанные в авторитарно-патриархальной семье, испытывали потребность в руководстве, покровительстве и патернализме. Все партии претендовали на руководство в среде рабочих, хотели управлять ими и политически мобилизовать для реализации своих политических целей (Касимов, 1997: 288–303; Рабочие и интеллигенция, 1997: 415, 435). Каждая партия идентифицировала рабочих в соответствии со своими целями. Идентификация рабочих монархистами, либералами, социал-демократами или эсерами была актом собственной идентификации. Представление о силе и потенциале, которыми обладали рабочие в мирной модернизации страны для либералов или в насильственной смене режима для социал-демократов и социал-революционеров, являлось ключом для идентификации рабочих (Розенберг, 1997: 341). Благодаря конкуренции партий за пролетариев, последние получили возможность политического выбора между партиями (Хильдермайер, 1997: 448–449). Однако в конце концов роль руководителя досталась большевикам по нескольким причинам.

Во-первых, большевистская программа 1917 г. соответствовала представлениям рабочих как по своим целям, так по и средствам их достижения. Ее принципиальные пункты включали насильственную экспроприацию собственности и передачу ее рабочим, введение рабочего контроля и передачу власти советам. Эти требования были рождены отнюдь не пролетарским сознанием рабочих. Они отражали парадигмы крестьянского массового сознания, адаптировали к новым городским условиям принципы, на которых строилась жизнь сельской передельной общины. В требовании насильственной экспроприации, с одной стороны, отражалось убеждение крестьян, что если не собственность, то уж, во всяком случае, богатство есть кража (Латынина, 1993: 427–444), с другой – проявлялось крестьянское обычное право, допускавшее самосуд над ворами. В требовании рабочего контроля легко просматривается многовековая практика контроля общины над хозяйственной деятельностью ее членов. В требовании ввести советы слышится желание ввести самоуправление наподобие крестьянского общинного самоуправления, во главе которого много веков стоял крестьянский сход. Неслучайно рабочий контроль как подготовительный этап к экспроприации заводов и фабрик и советы как форма политической организации пролетариев были придуманы самими рабочими (Черняев, 1994). Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях; производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян; всей жизнью крестьян руководил сельский сход. Сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после Столыпинской реформы – «черный передел», то есть экспроприация всех частновладельческих земель – и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян – в пользу крестьянской общины (Байрау, 1992).

Во-вторых, только большевики сознательно и заблаговременно учились, как с помощью специальной «революционной техники» квалифицированно манипулировать массами, знали, чего они хотят и твердо шли к поставленной цели. Умелое использование «революционной технологии» позволило им взять под контроль Советы, фабзавкомы и профсоюзы. Большевизация масс к осени 1917 г. – результат манипулирования (Hook, 1975: 87–88; Кеер, 1976: 469–470; Laue, 1964: 127; Соболев, 1979: 186–191). Только большевики готовили рабочих на роль профессиональных революционеров в специальных партийных школах за границей (Шерпер, 1997). А их лидер тщательно штудировал литературу о том, как побеждать на войне и как захватывать власть. Большевики выпустили подавляющую часть революционных листовок, которые «формировали авторитарно-революционное мышление, влияя в совершенно определенном направлении на менталитет “униженных и оскорбленных”. Оно (авторитарно-революционное мышление. – Б.М.) порождало в народе и жажду реванша, прежде всего ненависть, злобу, зависть к “богатеям”, близко стоявшим к рабочим в повседневной жизни хозяевам промышленного производства, представителям фабрично-заводской администрации, а также раздражение в адрес царской бюрократии. Революционная агитация будила не только возвышенные, но и низменные чувства, весьма далекие от идеалов построения общества, основанного на подлинной демократии (даже в самом вольном ее понимании). Революционная агитация фактически вела и к малым внутренним войнам, и к большой гражданской войне – к революции». В подсознание рабочих закладывалось двойственное отношение

к террору вообще и в целом позитивное отношение к террору против разного рода эксплуататоров (Трудовые конфликты, 2011: 444–445).

4. Заключение

Российские рабочие к 1917 г. не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением в марксистском смысле. Они приняли самое активное участие в революционном движении и в свержении монархии по причине фрустрированности, относительной депривации, неблагоприятной демографической структуры, податливости пропаганде и манипуляции, а не в силу своей революционности, организованности и сознательности. Сами большевики не обольщались на этот счет. В.И. Ленин писал в 1917 г.: «Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть, очень короткое время застрельщиком революционного пролетариата всего мира» (Ленин, 1962: 91).

Вследствие предрасположенности рабочих к радикализму и агрессивности именно социал-демократическая программа – самая радикальная и активистская из всех политических программ, нашла у них отклик. Простые и понятные лозунги («Долой самодержавие», «Долой буржуев», «Долой Временное правительство», «Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир народам» и т.п.), умелая агитация и пропаганда, большая налаженная организационная работа позволили им мобилизовать и использовать пролетариат как пушечное мясо революции, а потом и Гражданской войны.

Количество жертв собственно революционного насилия в 1917 г. только в Петрограде составило 1315 человек «убитыми, ранеными и ушибленными» (Мартынов, 2003: 222). Однако это число меркнет перед людскими потерями в 1918–1922 гг. (вследствие гибели военных на войне, террора, избыточной смертности по причине эпидемий), которые оцениваются в интервале от 14 до 21 млн человек (Демографическая модернизация, 2006: 399–406; Исупов, 2000: 61–68). Абсолютное число рабочих в этих потерях сравнительно с крестьянством не велико. Однако *процент потерь* среди рабочих был намного больше, чем процент потерь среди крестьян и населения в целом. Численность населения России (в границах 1930 г.) с 1918 г. по 1922 г. уменьшилась с 140,9 млн. до 133,9 млн. – на 7 млн. или на 5,2 %, а численность рабочих цензовой промышленности – с 2 млн до 1,2 млн – на 0,8 млн. или на 40 % (Исупов, 2000: 58; История социалистической экономики, 1976, т. 1: 223; т. 2: 262–263, 354). Как видим, от «приступа революционной лихорадки» пролетариат пострадал особенно серьезно, служа тараном, с помощью которого политические авантюристы решали свои политические задачи.

Литература

- Актон, 2014 – Актон Э. Революция и ее историки // «Критический словарь» в контексте // Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 22–34.
- Байрау, 1992 – Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19–32.
- Берви, 1938 – Берви-(Флеровский) В. В. Положение рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз, 1938. 464 с.
- Биншток, Каминский, 1929 – Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здоровье. М.; Л.: Госиздат, 1929. 90 с.
- Бовыкин, Бородкин, Кирьянов – Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Стачное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 6. С. 68–80.
- Большакова, 2009 – Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков (Обзор) // 1917 год. Россия революционная. 2-е изд. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 6–32.
- Валетов, 2007 – Валетов Т. Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическое обозрение. 2007. Вып. 13. С. 34–44.
- Варзар, 1905 – Варзар В.Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 года. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1905. 80, 38 с.
- Варзар, 1910 – Варзар В.Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1910. 72, 220 с.
- Волков, 1930 – Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.: Госиздат, 1930. 272 с.
- Волобуев, Гапоненко, 1968 – Волобуев П.В., Гапоненко Л.С. Рабочий класс России – гегемон социалистической революции // Вопросы истории. 1968. № 11. С. 3–20.
- Гапон, 1926 – Гапон Г.А. История моей жизни. 2-е изд. Л.: Прибой? 1926. 184 с.
- Гончаров, 1932 – Гончаров В. Январские дни 1905 г. в Петербурге // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 144–174.

- Горький, 1979 – Горький М. Собр. соч.: в 16 т. М.: Правда, 1979. Т. 4. 398 с.
- Данилов, 2012 – Данилов А.А. Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. научных ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.). М., 2012. С. 108–116.
- Дементьев, 1897 – Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. 2-е изд. М.: тип. И.Н. Кушнерев, 1897. 256, 39 с.
- Демографическая модернизация, 2006 – Демографическая модернизация России 1900–2000 / А.Г. Вишневский (ред.). М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- Динамика, 1929 – Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887–1926 гг.) / В.А. Базаров и др. (ред.). Т. 1, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1929. 325 с.
- Доклад, 1922 – Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9 января // Красная летопись. 1922. № 1. С. 330–338.
- Зимбардо, Ляйпе, 2000 – Зимбардо Ф., Ляйпе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000. 444 с.
- Иоффе, 1970 – Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М.: Наука, 1970. 252 с.
- История социалистической экономики, 1976 – История социалистической экономики СССР: в 7 т. / И.А. Гладков (ред.). М.: Наука, 1976–1980. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 479 с.
- История СССР, 1968 – История СССР. Первая серия: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 6 т. М., 1963–1968. Т. 6. 854 с.
- Исупов, 2000 – Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
- Каминский, 1987 – Каминский Л.С. Смертность и семейное состояние населения // Советская демография за 70 лет: из истории науки / Т.В. Рябушкин (ред.). М.: Наука, 1987. С. 229–238.
- Касимов, 1997 – Касимов А.С. Рабочие и демократическая интеллигенция Центрально-Черноземного района в социальных конфликтах и протестах конца XIX – начала XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 288–303.
- Кирьянов, 1979 – Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 287 с.
- Кирьянов, 1992 – Кирьянов Ю.И. Демонстрации рабочих в 1914–феврале 1917 г. // Рабочий класс капиталистической России. Ю. И. Кирьянов, В. М. Шевырин(ред.). М.: ИНИОН, 1992. С. 67–109.
- Кирьянов, 2005 – Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих в России в годы Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.). М.: ИВИ РАН, 2005. 215 с.
- Клейнборт, 1913 – Клейнборт Л. Вопросы чести и совести в рабочей среде // Современный мир. 1913. № 4. С. 22–45.
- Клепиков, 1911 – Клепиков А.К. Записки фабричного инспектора: (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911. 263 с.
- Королев, 1997 – Королев Г.И. Представления рабочих России конца XIX – начала XX в. о социализме // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 236–253.
- Красное движение, 2016 – Красное движение – Энциклопедия коммунизма // URL: <http://ir.spb.ru/krasnoe-dvizhenie/entsiklopediya-kommunizma/gegemoniya-proletariata.html> (дата обращения 8.04.2017).
- Критический словарь, 2014 – Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.
- Латынина, 1993 – Латынина Ю. Собственность есть кража? // Русская философия собственности: XVIII–XX вв. / К. Исупов, И. Савкин (ред.). СПб.: изд-во СП «Ганза», 1993. С. 427–444.
- Лейберов, 1979 – Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февр. революции (июль 1914 – март 1917 г.). М.: Мысль, 1979. 311 с.
- Ленин, 1962 – Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд.: В 55 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 31. 671 с.
- Леонтьев, 1912 – Леонтьев В.В. Об изучении положения рабочих: Приемы исслед. и материалы. СПб.: тип. М. Волковича, 1912. 71 с.
- Линден, 1996 – Линден М. ван дер. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? / М. ван дер Линден (ред.). М.: Улисс, 1996. 261 с.
- Мартынов, 2003 – Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003. 448 с.
- Масионис, 2004 – Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 759 с.
- Матюшенский, 2006 – Матюшенский А.И. За кулисами гапоновщины. Исповедь // Красное знамя. Журнал политический и литературный. Париж. 1906. № 2. С. 89–135.
- Мендельсон, 1959 – Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов: в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1959. 767 с.
- Минц, 1967 – Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. 930 с.
- Минц, 1978 – Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Наука, 1978. 1151 с.

- Миронов, 1999** – *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история, 1998/1999. Ежегодник. М.: Росспэн, 1999. С. 244–283.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б.Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146.
- Миронов, 2012** – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
- Миронов, 2014** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2014. 896 с.
- Миронов, 2015a** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин, 2015. 912 с.
- Миронов, 2015b** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дм. Буланин, 2015. 992 с.
- Народное хозяйство, 1924** – Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М.: Тип. МКХ, 1924. 350 с.
- Народное хозяйство, 1962** – Народное хозяйство СССР в 1961 году : стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1962. 865 с.
- Невский, 1922** – *Невский В.И.* Январские дни в Петербурге 1905 года // *Красная летопись*. 1922. № 1. С. 13–74.
- Нюбергер, 1997** – *Нюбергер Дж.* Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц. С.254–268;
- Общий свод, 1905** – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Н.Л. Ныркин, 1905. Т. 1. XXII+268+89 с.
- Пайпс, 2005** – *Пайпс Р.* Русская революция: в 2 ч. М.: Росспэн, 1994. 398, 584 с.
- Пайпс, 1997** – *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 670 с.
- Палеолог, 1923** – *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг.: Госиздат, 1923 г. 472 с.
- Пиаже, 1992** – *Пиаже Ж.* Теория Пиаже. Разд. III: Теория стадий // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 232–292.
- Погожев, 1906** – *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб.: тип. Акад. Наук, 1906. 114, 224 с.
- Потолов, 1997** – *Потолов С.И.* Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917 / С.И. Потолов (ред.). СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 530–541.
- Прокопович, 1952** – *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР: в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 2. 355 с.
- Пушкарева, 2002** – *Пушкарева И.М.* Перспективы изучения рабочего движения в России в свете новых концепций // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3 / А.Н. Сахаров (ред.). М.: ИРИ РАН, 2002. С. 68–109.
- Пушкарева, 2007** – *Пушкарева И.М.* Возвращение к забытой теме: Массовое рабочее движение в начале XX века // *Отечественная история*. 2007. № 2. С. 101–120.
- Пушкарева, 2015** – *Пушкарева И.М.* Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (историографические заметки) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 90–105.
- Рабочие и интеллигенция, 1997** – Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. 639 с.
- Рабочий класс, 1982** – Рабочий класс России, 1907–февраль 1917 г. / В.Я. Лаврычев (ред.). М.: Наука, 1982. 464 с.
- Рабочий класс, 1989** – Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / Ю.И. Кирьянов, М.С. Волин (ред.). 2-е изд. М.: Наука, 1989. 751 с.
- Распределение рабочих, 1905** – Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. / В.В. Степанов (ред.). СПб.: Н.Л. Ныркин, 1905. X, 49 с.
- Рашин, 1940** – *Рашин А.Г.* Формирование промышленного пролетариата в России: статистико-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1940. 464 с.
- Рашин, 1956** – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Рашин, 1958** – *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России: ист.-экон. очерки. М.: Соцэкгиз, 1958. 623 с.
- Редигер, 1913** – *Редигер А.Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. 4-е изд. Ч. 1. СПб.: Тип. Николаевской военной акад., 1913. 263 с.

- Розенберг, 1996** – *Розенберг У.Г.* История России конца XIX – начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков / А. Н. Сахаров (ред.). М.: Наука, 1996. С. 8–28.
- Розенберг, 1997** – *Розенберг У.* Представления либералов о рабочих России и их интересах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 340–366.
- Розенберг, 2014** – *Розенберг У.Г.* Интерпретируя Русскую революцию // Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 35–51.
- Россия, 1995** – Россия 1913 год: стат.-докум. Справ / А.М. Анфимов, А.П. Корелин (сост.); А.П. Корелин (ред.). СПб.: Блиц, 1995.
- Санитарное исследование, 1894, 1896** – Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Вып. 1, 2 / Д. Н. Жбанков (сост.). Смоленск: Смолен. губ. Земство, 1894, 1896. 322; 478, 66 с.
- Сборник, 1881–1893** – Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 3, вып. 1–15; Т. 4, ч. 1, 2. М.: Моск. губ. Земство, 1881–1893.
- Свавицкий, 1920** – *Свавицкий Н.А.* Питание московских рабочих во время войны (По данным артельного харчевания на фабриках Т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры и Т-ва А. Гюбнер) // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 70–100.
- Свод отчетов, 1903–1915** – Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901–1914] год. СПб.: М-во фин., 1903–1915.
- Свод отчетов, 1910** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб.: М-во фин., 1910. 50, 159 с.
- Свод отчетов, 1912** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год. СПб.: М-во фин., 1912. CVI, 318 с.
- Свод отчетов, 1913** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. СПб.: М-во фин., 1913. XCIV, 325 с.
- Свод отчетов, 1914** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. СПб.: М-во фин., 1914. XCII, 319 с.
- Свод отчетов, 1915** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. Пг.: тип. В.Ф. Киришбаума, 1915. LXXXIV, 291 с.
- Святополк-Мирский, 1936** – *Святополк-Мирский П.Д.* Доклад товарища министра вн. дел П.Д. Святополк-Мирского Николаю II о причинах и характере волнений рабочих Никольской мануфактуры, Обуховского, Невского и Балтийского судостроительных и Александровского механического заводов в мае 1901 г. // *Красный архив.* 1936. № 3. С. 49–66.
- Соболев, 1979** – *Соболев Г.Л.* Октябрьская революция в американской историографии, 1917–1970-е годы. Л.: Наука, 1979. 248 с.
- Статистический ежегодник, 1918** – Статистический ежегодник России, 1916 г. М.: тип. МСРСИКД, 1918. Вып. 1. 121 с.
- Статистический ежегодник, 1921** – Статистический ежегодник 1918–1920 гг.: в 2 вып. Вып. 1, ч. 1. М.: 14-я гос. тип., 1921. Отдел 8. Раздельная пагинация.
- Статистический сборник, 1921** – Статистический сборник за 1913–1917 гг.: в 2 вып. Вып. 1. М.: тип. МКХ, 1921. 277 с.
- Стачное движение, 1988** – Стачное движение рабочих России в годы первой мировой войны. Вып. 3–4. М.: Ин-т истории СССР, 1988. 508 с.
- Стейнберг, 1997** – *Стейнберг М.Д.* Представление о личности в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г. / С.И. Потолов (ред.). СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 96–113.
- Струмилин, 1923** – *Струмилин С.Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М.: Вопросы труда, 1923. 88 с.
- Тимофеев, 2000** – *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий // Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период / А.И. Кравченко (ред.). СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. С. 744–779.
- Три революции, 1977** – Три революции в России и буржуазная историография / Б.И. Марушкин, Г.З. Иоффе, Н.В. Романовский. М.: Мысль, 1977. 279 с.
- Труд в СССР, 1930** – Труд в СССР, 1926–1930: справ. / Я.М. Бинеман (ред.). М.: Планхозгиз, 1930. 104 с.
- Трудовые конфликты, 2011** – Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX веков / И.М. Пушкарева (ред.). СПб.: Алетейя, 2011. 475 с.
- Фабрично-заводская промышленность, 1926** – Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.: в 3 ч. Ч. 2: Профессиональная перепись. М.: ЦСУ, 1926. 796 с.
- Фельдман, 2006** – *Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900–1917 годах: историографические проблемы // История в меняющемся пространстве российской культуры / Н.Н. Алеврас (ред.). Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 297–311.

Фогт, 1990 – Фогт Г. Новые аспекты немарксистской литературы об Октябрьской революции // История СССР в современной западной немарксистской историографии: критический анализ / А.Н. Сахаров (ред.). М.: Наука, 1990. С. 24–46.

Фриз, 2000 – Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Самарский университет, 2000. С. 121–162.

Хеймсон, Бриан, 1992 – Хеймсон Л., Бриан Э. Стачечное движение России во время Первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Мат. методы в ист. исслед. / Л.В. Милов (ред.). М.: Наука, 1992. С. 79–113.

Хеймсон, Петруша, 1985 – Хеймсон Л., Петруша П. Опыт математико-статистического исследования данных «Свода отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1985. С. 112–137.

Хильдермайер, 1997 – Хильдермайер М. Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе (1900–1914) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С.И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 304–326.

Черняев, 1994 – Черняев В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. ст. и материалов, посвящ. памяти О.Н. Знаменского / С.И. Потолов (ред.). СПб.: Глаголь, 1994. С. 164–177.

Численность и состав, 1906 – Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: в 2 т. / В.В. Степанов (ред.). СПб.: Н.Л. Ныркин, 1906. Т. 1. XX, 322 с.

Чураков, 2001 – Чураков Д. Рабочая история начала XX века глазами современных историков // Альтернативы. 2001. № 4. С. 114–121.

Шеррер, 1997 – Шеррер Ю. Отношения между интеллигенцией и рабочими на примере партийных школ на Капри и в Болнье // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С.И. Потолов (отв. ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 542–555.

Шейнов, 2009 – Шейнов В.П. Скрытое управление человеком: психология манипулирования. М.; Минск: АСТ Харвест, 2009. 512 с.

Figes, 1998 – Figes O.A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books, 1998. 923 p.

Historical Statistics, 1975 – Historical Statistics of the United States : Colonial Times to 1970: in 2 pts. Pt. 1. Washington, DC: U. S. Department of Commerce, 1975. 1200 p.

Hook, 1975 – Hook S. Revolution, Reform and Social Justice: Studies in the Theory and Practice of Marxism. New York: New York University Press, 1975. 307 p.

Keep, 1976 – Keep J. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W.W. Norton & Co., 1976. 614 p.

Laue, 1964 – Laue Th.H. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1964. 242 p.

McKean, 1990 – McKean R.B. Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907–February 1917. New Haven and London: Yale University Press, 1990. 606 p.

Mitchell, 1976 – Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. New York: Columbia University Press. 827 p.

Neuberger, 1993 – Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of California Press, 1993. Epilogue.

Perrie, 1987 – Perrie M. Review: The Russian Working Class, 1905–1917 // *Theory and Society*. 1987. Vol. 16, No. 3. pp. 431–446.

Ragsdale, 2003 – Ragsdale H. Comparative Historiography of the Social History of Revolutions: English, French, and Russian // *Journal of the Historical Society*. 2003. Vol. 3, Issue 3–4. June. pp. 323–372.

Smith, 1994 – Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 4. pp. 563–578.

Suny, 1994 – Suny R.G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. pp. 165–182.

References

Akton, 2014 – Akton E. (2014). Revolyutsiya i ee istoriki: «Kriticheskii slovar'» v kontekste [Revolution and its historians: «Kriticheskii slovar'» in a context // *Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg.* [The critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921] / E. Akton, U.G. Rozenberg, V. Yu. Chernyaev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 22–34 [in Russian].

Bairau, 1992 – Bairau D. (1992). Yanus v lapyakh: krest'yane v russkoi revolyutsii 1905–1917 [*Janus in bast shoes: peasants in the Russian revolution of 1905–1917*]. *Voprosy istorii*. 1992, nr 1, pp. 19–32 [in Russian].

Bervi, 1938 – Bervi-(Flerovskii) V.V. (1938). Polozhenie rabocheho klassa v Rossii [The conditions of the working class's life in Russia]. Moscow: Sotsekgiz. 464 p. [in Russian].

- Binshtok, Kaminskii, 1929** – *Binshtok V.I., Kaminskii L.S.* (1929). Narodnoe pitanie i narodnoe zdravie [People's food and people's health]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. 90 p. [in Russian].
- Bol'shakova, 2009** – *Bol'shakova O.V.* (2009). Russkaya revolyutsiya glazami trekh pokolenii amerikanskikh istorikov (Obzor) [The Russian revolution through the eyes of three generations of the American historians (Review)] // 1917 god. Rossiya revolyutsionnaya [Revolutionary Russia]. 2nd ed. Moscow: INION RAN, pp. 6–32 [in Russian].
- Bovykin, Borodkin, Kir'yanov** – *Bovykin V.I., Borodkin L.I., Kir'yanov Yu.I.* (1986). Stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1895–1913 gody: struktura i svyazi s razvitiem promyshlennosti i izmeneniem ekonomicheskogo polozheniya proletariata (opyt korrelyatsionnogo analiza) [The strike movement in Russia in 1895–1913: The structure and relations with development of the industry and change of an economic situation of the proletariat (the experience of the correlation analysis)]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. nr 6, pp. 68–80 [in Russian].
- Chernyaev, 1994** – *Chernyaev V.Yu.* (1994). Rabochii kontrol' i al'ternativy ego razvitiya v 1917 g. [Workers' control and alternatives to its development in 1917] // Rabochie i rossiiskoe obshchestvo. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.: Sb. st. i materialov, posvyashch. pamyati O.N. Znamenskogo [Collection of articles and materials, dedicated to the memory of O.N. Znamenskii] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Glagol", pp. 164–177 [in Russian].
- Chislennost' i sostav, 1906** – Chislennost' i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The number and composition of workers in Russia on the basis of the first Russian General census in 1897]: 2 vols. / V.V. Stepanov (ed.). St. Petersburg: N.L. Nyrkin, 1906. Vol. 1. XX, 322 p. [in Russian].
- Churakov, 2001** – *Churakov D.* (2001). Rabochaya istoriya nachala XX veka glazami sovremennykh istorikov [The working history of the early twentieth century through the eyes of modern historians]. Al'ternativy. nr 4, pp. 114–121 [in Russian].
- Danilov, 2012** – *Danilov A.A.* (2012). Osmyslenie mesta i roli revolyutsii 1917 goda v istorii Rossii sovremennoi uchasheysya molodezh'yu [Understanding the place and role of the revolution of 1917 in Russian history by modern students // Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii (k 95-letiyu Fevralya–Oktyabrya 1917 g.) [Russia and revolution: past and present systemic crises in Russian history (to the 95th anniversary of February–October 1917)] / P.P. Marchenya (ed.). Moscow: APR, pp. 108–116 [in Russian].
- Dement'ev, 1897** – *Dement'ev E.M.* (1897). Fabrika, chto ona daet naseleniyu i chto ona u nego берет [Factory: that it gives to the people and that it takes from them]. 2nd ed. Moscow: tip. I.N. Kushnerev. 256, 39 p. [in Russian].
- Demograficheskaya modernizatsiya, 2006** – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000] / A.G. Vishnevskii (ed.). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian].
- Dinamika, 1929** – Dinamika rossiiskoi i sovetskoi promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozyaistva za 40 let (1887–1926 gg.) [The dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for 40 years] / V.A. Bazarov etc. (eds.). Vol. 1, pt. 1. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1929. 325 p. [in Russian].
- Doklad, 1922** – Doklad direktora Departamenta politsii Lopukhina ministru vnutrennikh del o sobytiyakh 9 yanvarya [The report of the Director of the Police department, Lopukhin, to the Minister of Internal Affairs about the events of January 9]. *Krasnaya letopis'*. 1922, nr 1, pp. 330–338 [in Russian].
- Fabrichno-zavodskaya promyshlennost', 1926** – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' v period 1913–1918 gg. [Factory industry during the period 1913–1918]: 3 pts. Pt. 2: Promyshlennaya perepis' [Industrial census]. Moscow: TsSU, 1926. 796 p. [in Russian].
- Fel'dman, 2006** – *Fel'dman M.A.* (2006). Sotsiokul'turnyi oblik rabochikh ural'skoi promyshlennosti v 1900–1917 godakh: istoriograficheskie problemy [Socio-cultural image of the workers of the Ural industry in 1900–1917: The historiographical problems] // Istoriya v menyayushchemsya prostranstve rossiiskoi kul'tury [History in the changing space of Russian culture] / N.N. Alebras (ed.). Chelyabinsk: Kamennyi poyas, pp. 297–311 [in Russian].
- Figes, 1998** – *Figes O.A.* (1998). People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books. 923 p.
- Fogt, 1990** – *Fogt G.* (1990). Novye aspekty nemarksistskoi literatury ob Oktyabr'skoi revolyutsii [New aspects of non-Marxist literature about the October revolution] // Istoriya SSSR v sovremennoi zapadnoi nemarksistskoi istoriografii: kriticheskii analiz [The history of the Soviet Union in modern Western non-Marxist historiography: A critical analysis] / A. N. Sakharov (ed.). Moscow: Nauka, pp. 24–46 [in Russian].
- Friz, 2000** – *Freeze G.L.* (2000). Soslovnaya paradigma i sotsial'naya istoriya Rossii [The estate paradigm and Russia social history] // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya [American Russian studies: Milestones in the historiography of recent years. The Imperial period: An anthology]. Samara: Samarskii universitet, pp. 121–162 [in Russian].
- Gapon, 1926** – *Gapon G.A.* (1926). Istoriya moei zhizni [The story of my life]. 2nd ed. Leningrad: Priboi. 184 p. [in Russian].

- Goncharov, 1932** – *Goncharov V.* (1932). Yanvarskie dni 1905 g. v Peterburge [January days of 1905 in St. Petersburg]. *Katorga i ssylka* [Servitude and exile]. nr 1, pp. 144–174 [in Russian].
- Gor'kii, 1979** – *Gor'kii M.* (1979). Sobr. soch.: 16 vols. [Collected works: in 16 vols.]. Moscow: Pravda, 1979. Vol. 4. 398 p. [in Russian].
- Historical Statistics, 1975** – Historical Statistics of the United States : Colonial Times to 1970: in 2 pts. Pt. 1. Washington, DC: U. S. Department of Commerce, 1975. 1200 p.
- Hook, 1975** – *Hook S.* (1975). Revolution, Reform and Social Justice: Studies in the Theory and Practice of Marxism. New York: New York University Press. 307 p.
- Ioffe, 1970** – *Ioffe G.Z.* (1970). Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda v anglo-amerikanskoj burzhuaznoj istoriografii [The February revolution of 1917 in the English and American bourgeois historiography]. Moscow: Nauka. 252 p. [in Russian].
- Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki, 1976** – Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR [History of the socialist economy of the USSR]: 7 vols. / I.A. Gladkov (ed.). Moscow: Nauka, 1976–1980. Vol. 1. 448 p.; Vol. 2. 479 p. [in Russian].
- Istoriya SSSR, 1968** – Istoriya SSSR. Pervaya seriya: S drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [History of the USSR. The first series: from the earliest times to the Great October socialist revolution]: v 6 t. M., 1963–1968. Vol. 6. 854 p. [in Russian].
- Isupov, 2000** – *Isupov V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 244 p. [in Russian].
- Kaminskii, 1987** – *Kaminskii L.S.* (1987). Smertnost' i semeinoe sostoyanie naseleniya [Mortality and marital status of the population] // Sovetskaya demografiya za 70 let: iz istorii nauki [Soviet demography for 70 years: from the history of the science] / T.V. Ryabushkin (ed.). Moscow: Nauka, pp. 229–238 [in Russian].
- Kasimov, 1997** – *Kasimov A.S.* (1997). Rabochie i demokraticeskaya intelligentsiya Tsentral'no-Chernozemnogo raiona v sotsial'nykh konfliktakh i protestakh kontsa XIX – nachala XX v. [The workers and democratic intelligentsia of the Central black earth area in social conflicts and protests in the late 19th–early 20th centuries] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 288–303 [in Russian].
- Keep, 1976** – *Keep J.* (1976). The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W.W. Norton & Co., 1976. 614 p.
- Kheimson, Brian, 1992** – *Haimson L., Brian E.* (1992). Stachechnoe dvizhenie Rossii vo vremya Pervoi mirovoi voyny: kolichestvennyi analiz i interpretatsiya [The strike movement in Russia during the First World War: quantitative analysis and interpretation] // Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv.: Mat. metody v ist. isled. [Russia and the United States at the turn of 19th–20th centuries: Mathematical methods in historical research] / L.V. Milov (ed.). Moscow: Nauka, pp. 79–113 [in Russian].
- Kheimson, Petrusha, 1985** – *Haimson L., Petrusha P.* (1985). Opyt matematiko-statisticheskogo issledovaniya dannykh «Svoda otchetov fabrichnykh inspektorov» o stachkakh rabochikh v Rossii v 1912–1914 gg. [Experience in the mathematical and statistical analysis of data from «A compendium of the factory inspectors' reports» about workers' strikes in Russia in 1912–1914] // Matematicheskie metody i EVM v istoricheskikh issledovaniyakh [Mathematical methods and computers in the historical researches] / I.D. Koval'chenko (ed.). Moscow: Nauka, pp. 112–137 [in Russian].
- Khil'dermaier, 1997** – *Khil'dermaier M.* (1997). Predstavleniya partii sotsialistov-revolutsionerov o rabochem klasse (1900–1914) [The representations of the party of socialists-revolutionaries on the working class (1900–1914)] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 304–326 [in Russian].
- Kir'yanov, 1979** – *Kir'yanov Yu.I.* (1979). Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [The living standards of workers in Russia (the end of 19th–early 20th centuries)]. Moscow: Nauka. 287 p. [in Russian].
- Kir'yanov, 1992** – *Kir'yanov Yu.I.* (1992). Demonstratsii rabochikh v 1914–fevrale 1917 g. [Workers' demonstrations in 1914–February 1917] // Rabochii klass kapitalisticheskoi Rossii [The working class in the capitalist Russia]. Yu. I. Kir'yanova, V. M. Shevyrina (eds.). Moscow: INION, pp. 67–109 [in Russian].
- Kir'yanov, 2005** – *Kir'yanov Yu.I.* (2005). Sotsial'no-politicheskii protest rabochikh v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (iyul' 1914–fevral' 1917 gg.) [Socio-political protest of Russian workers during the First World War (July 1914–February 1917)]. Moscow: IVI RAN. 215 p. [in Russian].
- Kleinbort, 1913** – *Kleinbort L.* (1913). Voprosy chesti i sovesti v rabochei srede [Problems of honor and conscience among the workers]. *Sovremennyyi mir*. nr 4, pp. 22–45 [in Russian].
- Klepikov, 1911** – *Klepikov A.K.* (1911). Zapiski fabrichnogo inspektora: (Iz nablyudenii i praktiki v period 1894–1908 gg.) [Factory inspector's notes: (Observations and practices in the period 1894–1908)]. Moscow: S. Dorovatovskii i A. Charushnikov. 263 p. [in Russian].
- Korolev, 1997** – *Korolev G.I.* (1997). Predstavleniya rabochikh Rossii kontsa XIX – nachala XX v. o sotsializme [Representations of the Russian workers about socialism in the late 19th – early 20th centuries] //

Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 236–253 [in Russian].

Krasnoe dvizhenie, 2016 – Krasnoe dvizhenie – Entsiklopediya kommunizma [Red movement – Encyclopedia of communism] // URL: <http://ir.spb.ru/krasnoe-dvizhenie/entsiklopediya-kommunizma/gegemoniya-proletariata.html> (date of access 8.04.2016) [in Russian].

Kriticheskii slovar', 2014 – Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg. [The critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921] / E. Akton, U.G. Rozenberg, V.Yu. Chernyaev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 768 p. [in Russian].

Latynina, 1993 – *Latynina Yu.* (1993). Sobstvennost' est' krazha? [Property is theft?] // Russkaya filosofiya sobstvennosti: XVIII–XX vv. [Russian philosophy of property: 18th–20th centuries.] / K. Isupov, I. Savkin (ed.). St. Petersburg: izd-vo SP «Ganza», pp. 427–444 [in Russian].

Laue, 1964 – *Laue Th.H.* (1964). Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia: J.B. Lippincott. 242 p.

Leiberov, 1979 – *Leiberov I.P.* (1979). Na shturm samoderzhaviya: Petrogradskii proletariat v gody pervoi mirovoi voiny i Fevr. revolyutsii (iyul' 1914 – mart 1917 g.) [To the assault on the autocracy: the Petrograd proletariat in the First World War and the February revolution (July 1914 – March 1917)]. Moscow: Mysl'. 311 p. [in Russian].

Lenin, 1962 – *Lenin V.I.* (1962). Poln. sobr. Soch [Full. Coll. Op.]. 5th ed.: 55 vols. Moscow: Politizdat. Vol. 31. 671 p. [in Russian].

Leont'ev, 1912 – *Leont'ev V.V.* (1912). Ob izuchenii polozheniya rabochikh: Priemy issled. i materialy [About the study the workers' conditions of life: Research methods and materials]. St. Petersburg: tip. M. Volkovicha. 71 p. [in Russian].

Linden, 1996 – *Linden M. van der.* (1996). Soedinyaya istoriyu domashnego khozyaistva s rabochei istoriei // Konets rabochei istorii? [The end of labour history?] / M. van der Linden (ed.). Moscow: Uliss. 261 p. [in Russian].

Martynov, 2003 – *Martynov E.I.* (2003). Politika i strategiya [Policy and strategy]. Moscow: Finansovyi kontrol'. 448 p. [in Russian].

Masionis, 2004 – *Masionis Dzh.* (2004). Sotsiologiya [Sociology]. 9th ed. St. Petersburg: Piter. 759 p. [in Russian].

Matyushenskii, 2006 – *Matyushenskii A.I.* (1906). Za kulisami gaponovshchiny. Ispoved' [Behind the scenes of Gaponovschina. Confession]. *Krasnoe znamya*. Paris. 1906, nr 2, pp. 86–101.

McKean, 1990 – *McKean R.B.* (1990). Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907–February 1917. New Haven and London: Yale University Press. 606 p.

Mendel'son, 1959 – *Mendel'son L.A.* (1959). Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov i tsiklov [Theory and history of economic crises and cycles]: 2 vols. 2nd ed. T. 2. Moscow: Sotsekgiz. 767 p. [in Russian].

Mints, 1967 – *Mints I.I.* (1967). Istoriya Velikogo Oktyabrya [The history of the Great October revolution]: 3 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka. 930 p. [in Russian].

Mints, 1978 – *Mints I.I.* (1978). Istoriya Velikogo Oktyabrya [The history of the Great October revolution]: 3 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka. 1151 p. [in Russian].

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* (1999). «Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu»: trudovaya etika rossiiskikh rabochikh v poreformennoe vremya [“God sent the job, the hell took away the hunt”: the work ethics of the Russian workers in the post reform era] // Sotsial'naya istoriya [Social History], 1998/1999. Ezhegodnik [Yearbook]. Moscow: Rosspen, pp. 244–283. [in Russian].

Mironov, 2003 – *Mironov B.N.* (2003). Prishel li postmodernizm v Rossiyu? Zametki ob antologii «Amerikanskaya rusistika». *Otechestvennaya istoriya*. nr 3, pp. 135–146. [in Russian].

Mironov, 2012 – *Mironov B.N.* (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The well-being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir. 848 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 996 p. [in Russian].

Mitchell, 1976 – *Mitchell B.R.* (1876). European Historical Statistics, 1750–1970. New York: Columbia University Press. 827 p.

Narodnoe khozyaistvo, 1924 – Narodnoe khozyaistvo Soyuza SSR v tsifrah [The national economy of the USSR in figures]. Moscow: Tip. MKKh, 1924. 350 p. [in Russian].

Narodnoe khozyaistvo, 1962 – Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1961 godu: stat. ezhegodnik [National economy of the USSR in 1961: statistical yearbook]. Moscow: Gosstatizdat, 1962. 865 p. [in Russian].

Neuberger, 1993 – *Neuberger J.* (1993). Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of California Press. Epilogue.

- Nevskii, 1922** – *Nevskii V.I.* (1922). Yanvarskie dni v Peterburge 1905 goda [The January days of 1905 in St. Petersburg]. *Krasnaya letopis'*. nr 1, pp. 13–74 [in Russian].
- Nyuberger, 1997** – *Nyuberger Dzh.* (1997). Vlast' slova: Rabochie protiv khozyaev v mirovykh sudakh [The power of words: workers versus employers in the justice of the peace] // *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g.* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S. I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 254–268 [in Russian].
- Obshchii svod, 1905** – *Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 g.* [General compendium of the results of the first Russian general census produced January 28, 1897]: 2 vols. St. Petersburg: N.L. Nyrkin, 1905. Vol. 1. XXII+268+89 p. [in Russian].
- Paips, 1997** – *Pipes R.* (1997). Rossiya pri bol'shevikakh [Russia under the Bolsheviks]. Moscow: Rosspen. 670 p. [in Russian].
- Paips, 2005** – *Pipes R.* (2005). Russkaya revolyutsiya [The Russian revolution]: 2 parts. Moscow: Rosspen, 398, 584 p. [in Russian].
- Paleolog, 1923** – *Paleolog M.* (1923). Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. Moscow; Petrograd: Gosizdat, 472 p. [in Russian].
- Perrie, 1987** – *Perrie M.* (1987). Review: The Russian Working Class, 1905–1917. *Theory and Society*. Vol. 16, No. 3. P. 431–446.
- Piazhe, 1992** – *Piazhe Zh.* (1992). Teoriya Piazhe. Razd. III: Teoriya stadii [The theory of Piaget. Sec. III: Theory of stages] // *Istoriya zarubezhnoi psikhologii. 30–60-e gody XX veka* [History of foreign psychology. 30s – 60s years of the 20th century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 232–292 [in Russian].
- Pogozhev, 1906** – *Pogozhev A.V.* (1906). Uchet chislennosti i sostava rabochikh v Rossii: Materialy po statistike truda [Registration of the size and composition of workers in Russia: Data on labor statistics]. St. Petersburg: tip. Akad. Nauk. 114, 224 p. [in Russian].
- Potolov, 1997** – *Potolov S.I.* (1997). Peterburgskie rabochie i intelligentsiya nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. «Sobranie russkikh fabrichno-zavodskikh rabochikh g. S.-Peterburga» [St. Petersburg workers and intelligentsia on the eve of the revolution of 1905–1907 «Assembly of Russian factory workers of St. Petersburg»] // *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii. 1861–fevral' 1917* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 530–541 [in Russian].
- Prokopovich, 1952** – *Prokopovich S.N.* (1952). Narodnoe khozyaistvo SSSR [National economy of the USSR]: 2 vols. New York: Izd-vo Chekhova, Vol. 2. 355 p. [in Russian].
- Pushkareva, 2002** – *Pushkareva I.M.* (2002). Perspektivy izucheniya rabocheho dvizheniya v Rossii v svete novykh kontseptsii [Perspectives for the study of the labor movement in Russia in the light of new concepts] // *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 1999–2000.* [Proceedings of the Institute of Russian history RAS. 1999–2000. Issue 3 / A.N. Sakharov (ed.). Moscow: IRI RAN, pp. 68–109 [in Russian].
- Pushkareva, 2007** – *Pushkareva I.M.* (2007). Vozvrashchenie k zabytoi teme: Massovoe rabochee dvizhenie v nachale XX veka [Coming back to a forgotten theme: the Mass labor movement in the early 20th century]. *Otechestvennaya istoriya*. nr 2, pp. 101–120 [in Russian].
- Pushkareva, 2015** – *Pushkareva I.M.* (2015). Rabochee dvizhenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (istoriograficheskie zametki) [The labor movement in Russia during the First world war (historiographical notes)]. *Rossiiskaya istoriya*. nr 3, pp. 90–105 [in Russian].
- Rabochie i intelligentsiya, 1997** – *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g.* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, 1997. 639 p. [in Russian].
- Rabochii klass, 1982** – *Rabochii klass Rossii, 1907–fevral' 1917 g.* [The working class of Russia, 1907–February 1917] / V.Ya. Laverychev (ed.). Moscow: Nauka, 1982. 464 p. [in Russian].
- Rabochii klass, 1989** – *Rabochii klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [The working class of Russia from inception to the beginning of the 20th century] / Yu.I. Kir'yanov, M.S. Volin (ed.). 2nd ed. Moscow: Nauka, 1989. 751 p. [in Russian].
- Ragsdale, 2003** – *Ragsdale H.* (2003). Comparative Historiography of the Social History of Revolutions: English, French, and Russian. *Journal of the Historical Society*. Vol. 3, Issue 3–4. June. pp. 323–372.
- Rashin, 1940** – *Rashin A.G.* (1940). Formirovanie promyshlennogo proletariata v Rossii: statistiko-ekonomicheskie ocherki [The formation of the industrial proletariat in Russia: statistical and economic essays]. Moscow: Sotsekgiz. 464 p. [in Russian].
- Rashin, 1956** – *Rashin A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Stat. ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistical essays.]. Moscow: Gosstatizdat. 352 p. [in Russian].
- Rashin, 1958** – *Rashin A.G.* (1958). Formirovanie rabocheho klassa Rossii: ist.-ekon. Ocherki [Formation of the working class of Russia: historical and economic essays]. Moscow: Sotsekgiz. 623 p. [in Russian].
- Raspredelenie rabochikh, 2005** – *Raspredelenie rabochikh i prislugi po gruppam zanyatii i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 28 yanvarya*

1897 g. [The distribution of workers and domestic workers by groups of occupations and place of birth on the basis of the first Russian General census on January 28, 1897 / V.V. Stepanov (ed.). St. Petersburg: N.L. Nyrkin, 1905. X, 49 p. [in Russian].

Rediger, 1913 – *Rediger A.F.* (1913). Komplektovanie i ustroistvo vooruzhennoi sily [Recruitment and organization of armed forces]. 4th ed. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Nikolaevskoi voennoi akad. 263 p. [in Russian].

Rossiya, 1995 – Rossiya 1913 god: stat.-dokum. sprav [Russia, 1913: statistical-documentary Handbook] / A.M. Anfimov, A.P. Korelin (sost.); A.P. Korelin (ed.). SPb.: Blits, 1995. [in Russian].

Rozenberg, 1996 – *Rozenberg U.G.* (1996). Istoriya Rossii kontsa XIX – nachala XX v. v zerkale amerikanskoi istoriografii [The Russian history of late 19th – early 20th centuries in the mirror of American historiography] // Rossiya XIX–XX vv.: Vzgl'yad zarubezhnykh istorikov [Russia of 19th–20th centuries: The opinion of foreign historians] / A. N. Sakharov (ed.). Moscow: Nauka, p. 8–28 [in Russian].

Rozenberg, 1997 – *Rozenberg U.G.* (1997). Predstavleniya liberalov o rabochikh Rossii i ikh interesakh [The representations of the liberals on Russia's workers and their interests] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S. I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 340–366 [in Russian].

Rozenberg, 2014 – *Rozenberg U.G.* (2014). Interpretiruya Russkuyu revolyutsiyu [Interpreting the Russian revolution] // Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg. [The critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921] / E. Akton, U.G. Rozenberg, V. Yu. Chernyaev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 35–51 [in Russian].

Sanitarnoe issledovanie, 1894, 1896 – Sanitarnoe issledovanie fabrik i zavodov Smolenskoj gubernii [Sanitary investigation of factories and plants in Smolensk province]. Issues 1, 2 / D.N. Zhbakov (ed.). Smolensk: Smolen. gub. zemstvo, 1894, 1896. 322; 478, 66 p.

Sbornik, 1881–1893 – Sbornik statisticheskikh svedenii po Moskovskoi gubernii [Collection of statistical data on the Moscow province]. Vol. 3, issues. 1–15; Vol. 4, pt. 1, 2. Moscow: Mosk. gub. zemstvo, 1881–1893. [in Russian].

Sheinov, 2009 – *Sheinov V.P.* (2009). Skrytoe upravlenie chelovekom: psikhologiya manipulirovaniya [The latent controlling of the person: the psychology of manipulation]. Moscow; Minsk: AST Kharvest. 512 p. [in Russian].

Sherrer, 1997 – *Sherrer Yu.* (1997). Otnosheniya mezhdru intelligentsiei i rabochimi na primere partiinykh shkol na Kapri i v Bolon'e [The relationship between the intelligentsia and the workers on the example of the party schools in Capri and Bologna] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S. I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 542–555 [in Russian].

Smith, 1994 – *Smith S.* (1994). Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism. *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. No. 4. P. 563–578.

Sobolev, 1979 – *Sobolev G.L.* (1979). Oktyabr'skaya revolyutsiya v amerikanskoi istoriografii, 1917–1970-e gody [The October revolution in American historiography, 1917–1970]. Leningrad: Nauka, 1979. 248 p. [in Russian].

Stachechnoe dvizhenie, 1988 – Stachechnoe dvizhenie rabochikh Rossii v gody pervoi mirovoi voiny [The strike movement of the workers of Russia during the First World War]. Issues 3–4. Moscow: In-t istorii SSSR, 1988. 508 p. [in Russian].

Statisticheskii ezhegodnik, 1918 – Statisticheskii ezhegodnik Rossii, 1916 g. [Statistical Yearbook of Russia, 1916] Moscow: tip. MSRSiKD, 1918. Issue 1. 121 p. [in Russian].

Statisticheskii ezhegodnik, 1921 – Statisticheskii ezhegodnik 1918–1920 gg. [Statistical Yearbook, 1918–1920]: 2 issues. Issue 1, pt. 1. Moscow: 14-ya gos. tip., 1921. Otdel 8. [in Russian].

Statisticheskii sbornik, 1921 – Statisticheskii sbornik za 1913–1917 gg. [Statistical compendium for 1913–1917]: 2 issues. Issue 1. Moscow: tip. MKKh, 1921. 277 p. [in Russian].

Steinberg, 1997 – *Steinberg M.D.* (1997). Predstavlenie o lichnosti v srede rabochikh intelligentov [The representation of the personality in the environment of intelligent workers] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii: 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, 1997, pp. 96–113 [in Russian].

Strumilin, 1923 – *Strumilin S.G.* (1923). Zarabotnaya plata i proizvoditel'nost' truda v russkoi promyshlennosti v 1913–1922 gg. [Wages and labor productivity in the Russian industry in 1913–1922]. Moscow: Voprosy truda, 1923. 88 p. [in Russian].

Strumilin, 1966 – *Strumilin S.G.* (1966). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR [Essays on the economic history of Russia and the Soviet Union]. Moscow: Nauka, 1966. 514 p. [in Russian].

Suny, 1994 – *Suny R.G.* (1994). Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics. *The Russian Review*. Vol. 53. pp. 165–182.

Svavitskii, 1920 – *Svavitskii N.A.* (1920). Pitanie moskovskikh rabochikh vo vremya voiny (Po dannym artelnogo kharchevaniya na fabrikakh T-va Prokhorovskoi trekhgornoj manufaktury i T-va A. Gyubner) [The diet of the Moscow workers during the war (by the data of artel nutrition in the factories belonging to joint-stock company Prokhorovskaya Trekhgornij manufactory and joint-stock company A. Gubner)]. *Vestnik statistiki*. nr 9–12, pp. 70–100 [in Russian].

Svod otchetov, 1903–1915 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za [1901–1914] god [A compendium of the factory inspectors' reports for the (1901 to 1914) year]. St. Petersburg: M-vo fin., 1903–1915. [in Russian].

Svod otchetov, 1910 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1908 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1908]. St. Petersburg: M-vo fin., 1910. 50, 159 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1912 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1911 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1911]. St. Petersburg: M-vo fin., 1912. CVI, 318 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1913 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1912 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1912]. St. Petersburg: M-vo fin., 1913. XCIV, 325 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1914 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1913 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1913]. St. Petersburg: M-vo fin., 1914. XCII, 319 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1915 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1914 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1914]. Petrograd: tip. V.F. Kirshbauma, 1915. LXXXIV, 291 p. [in Russian].

Svyatopolk-Mirskii, 1936 – *Svyatopolk-Mirskii P.D.* (1936). Doklad tovarishcha ministra vn. del P.D. Svyatopolk-Mirskogo Nikolayu II o prichinakh i kharaktere volnenii rabochikh Nikol'skoi manufakturny, Obukhovskogo, Nevskogo i Baltiiskogo sudostroitel'nykh i Aleksandrovskego mekhanicheskogo zavodov v mae 1901 g. [The report of the Deputy Minister of Internal Affairs P. D. Svyatopolk-Mirsky to Nicholas II on the causes and nature of workers' unrest at Nikol'skaya manufactory, Obukhov, at Baltic Nevsky shipyards and at the Alexandrovsky mechanical plant in May 1901]. *Krasnyi arkhiv*. nr 3, pp. 49–66.

Timofeev, 2000 – *Timofeev P.* (2000). Chem zhivet zavodskoi rabochii [What the factory worker lives by] // *Antologiya sotsial'no-ekonomicheskoi mysli v Rossii: Dorevolutsionnyi period* [Anthology of the socio-economic ideas in Russia: The pre-revolutionary period] / A. I. Kravchenko (ed.). St. Petersburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanit. in-ta, pp. 744–779 [in Russian].

Tri revolyutsii, 1977 – *Tri revolyutsii v Rossii i burzhuaznaya istoriografiya* [Three revolutions in Russia and bourgeois historiography] / B.I. Marushkin, G.Z. Ioffe, N.V. Romanovskii. Moscow: Mysl', 1977. 279 p. [in Russian].

Trud v SSSR, 1930 – *Trud v SSSR, 1926–1930: sprav.* [Work in the USSR, 1926–1930: A handbook] / Ya.M. Bineman (ed.). Moscow: Plankhozgiz, 1930. 104 p. [in Russian].

Trudovye konflikty, 2011 – *Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Labor conflicts and the labor movement in Russia at the turn of the 19th–20th centuries] / I.M. Pushkareva (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2011. 475 p. [in Russian].

Valetov, 2007 – *Valetov T.Ya.* (2007). Fabrichnoe zakonodatel'stvo v Rossii do Oktyabr'skoi revolyutsii [The factory legislation in Russia before the October revolution]. *Ekonomicheskoe obozrenie* [The Economic review]. Issue 13, pp. 34–44 [in Russian].

Varzar, 1905 – *Varzar V.E.* (1905). Statisticheskie svedeniya o stachkakh rabochikh na fabrikakh i zavodakh za desyatiletie: 1895–1904 goda [Statistical data on workers' strikes at the factories and plants for the decade of 1895–1904]. St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma. 80, 38 p. [in Russian].

Varzar, 1910 – *Varzar V.E.* (1910). Statistika stachek rabochikh na fabrikakh i zavodakh za trekhletie 1906–1908 gg. [Statistics of workers' strikes at factories and plants for the three-year period, 1906–1908]. St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma. 72, 220 p. [in Russian].

Volkov 1930 – *Volkov E.Z.* (1930). Dinamika narodonaseleniya SSSR za 80 let [Dynamics of population in the USSR for 80 years]. Moscow: Gosizdat. 272 p. [in Russian].

Volobuev, Gaponenko, 1968 – *Volobuev P.V., Gaponenko L.S.* (1968). Rabochii klass Rossii – gegemon sotsialisticheskoi revolyutsii [The working class of Russia is a hegemon of a socialist revolution] // *Voprosy istorii* [Problems of History]. nr 11, pp. 3–20 [in Russian].

Zimbardo, Lyaipе, 2000 – *Zimbardo F., Lyaipе M.* (2000). Sotsial'noe vliyanie [Social influence]. St. Petersburg: Piter. 444 p. [in Russian].

УДК 94(47)

Социальная природа, психологический облик и роль российского пролетариата в революционном движении

Борис Николаевич Миронов ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В имперской России рабочие были во всех отношениях неблагополучной, маргинальной, фрустрированной и самой девиантной социальной группой населения – в 19 раз более криминогенной, чем крестьяне-земледельцы. Политический радикализм и агрессивность

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: bmironov@mail.wplus.net (Б.Н. Миронов)

пролетариев имели социальное, демографическое и психологическое происхождение. Их социально-правовой статус был неопределенным – они происходили из всех сословий, хотя в преобладающем числе из крестьян, но сами не являлись сословием, а в класс к 1917 г. еще не превратились. Оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в тех социальных группах, из которых происходили, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, что обуславливало антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния. У рабочих был низкий уровень жизни, и они имели неблагоприятный половозрастной и семейный состав. Мужчин насчитывалось в 6 раз больше, чем женщин; возрастной профиль был нарушен в пользу молодежи; почти половина мужчин и две трети женщин не состояли в браке. По причине низкого уровня жизни, маргинальности и половозрастного дисбаланса они были сексуально озабочены, раздражены и не удовлетворены жизнью уже только потому, что в обществе, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того ни другого. В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у рабочих сформировалось конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние фрустрации – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние, что часто находило проявление в агрессивном поведении, направленном против действительного или мнимого его источника.

Вследствие низкого уровня образования, когнитивного и культурного развития рабочие (в огромном большинстве) не осознавали себя как единое целое, не обладали социалистическим мировоззрением, не имели специфических целей и интересов и не претендовали на руководящую роль в революционном движении. Они легко превратились в объект манипулирования со стороны вождей революции и стали легкой добычей радикалов и революционеров. Простые и понятные лозунги, умелая пропаганда обеспечили успех большевиков в рабочей среде, а их большая и умелая организационная работа позволили им мобилизовать пролетариат и направить его энергию в нужное для них русло – использовать в качестве тарана и пушечного мяса для решения своей политической программы.

Ключевые слова: российский пролетариат, сословный состав, половозрастная структура, семейный профиль, культурный уровень, фрустрированность, маргинальность, профессионализация, рабочее движение, жалобы, стачки, манипулирование рабочими, большевики, революция 1917 г.